This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 2044 021 941 638

Digitized by Google

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT WITH INCOME
FROM THE BEQUEST OF
HENRY LILLIE PIERCE
OF BOSTON

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ XVIII. СЕНТЯБРЬ. 1899 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

		СТРАН.
I.	Въ семьѣ Востоковыхъ. Романъ А. Мартынова.	7
II.	Артисткѣ. Стихотвореніе А. Мейснера.	61
III.	По Уралу, среди башкиръ. С. Рыбакова.	62
IV.	На мотивъ изъ Вэрлена. Стихотвореніе П. Петровскаго	89
V.	Подъ старой грушей. Разсказъ С. Лаврентьевой.	90
VI.	На югѣ. Стихотвореніе К. Бальмонта	111
VII.	На краю пропасти. Повѣсть Поля Буржэ.	112
VIII.	Болѣзненность и смертность рускаго народа. Д. П. Райскаго	144
IX.	Ночь. Стихотвореніе К.	170
X.	Къ вопросу объ интеллигентномъ пролетаріатѣ. Н. фонъ-Гука.	171
XI.	Наша журналистика. Homo Novus.	181
XII.	Два стихотворенія. Е. Ч.	198
XIII.	Пауперизмъ въ Парижѣ. (По изслѣдованіямъ д'Оссонвиля). (*Окончаніе*).	199
XIV.	Разбитая жизнь. (Mater Doloroza). Романъ Джероламо Роветты.	240
XV.	Прощанье съ молодостью. Стихотвореніе Л. Афанасьева.	320
XVI.	Государственный актъ первостепенной важности. Ѳ. П. Еленева.	321

(См. на оборотѣ).

№ 9 „Наблюдателя“ вышелъ 15 сентября 1899 года.

Отдѣльные портреты А. П. Пятковскаго продаются въ Главной Конторѣ по 50 к. экз. и пересылаются, заказной бандеролью, по 60 к.

Digitized by Google

Современное обозрѣніе.

СТРАН.

XVII. Политическая хроника 1

Закрытіе гаагской конференціи и результаты ея. — Комедія военнаго суда въ Реннѣ. — 35 мил. франковъ, пожертвованныхъ жидами для обѣленія Дрейфуса. — Всемірный кагалъ, распоряжающійся судьбами Франціи. — Пробуждающаяся ненависть къ жидамъ. — Повтореніе исторіи паденія Польши. — Торжество правды въ дѣлѣ Дрейфуса.— Арестъ Деруледа.—«Крѣпость» въ улицѣ Шаброль.—Симпатіи французскаго народа къ Герену.—Почему г. Вальдекъ-Руссо медлитъ взятіемъ «крѣпости» Герена?

XVIII. Новыя книги: 1) *Б. В. Глинскій.* **Царскія дѣти и ихъ наставники. Историческіе очерки. Изданіе редакціи журнала «Дѣтское Чтеніе». Москва, 1889 г. 2)** *Вл. А. Тихоновъ.* **Пустоцвѣтъ (въ деревнѣ). Романъ. Изданіе А. С. Суворина. СПБ., 1899 г. 3)** *К. С. Баранцевичъ.* **Золотые дни. Разсказы и сказки. Изданіе библіотеки «Дѣтскаго Чтенія». Москва, 1898 г. 4)** *А. Стеткевичъ.* **Убыточенъ ли Туркестанъ для Россіи? СПБ., 1899 г.** 21

XIX. Наши внутреннія дѣла 30

Можетъ ли современная тюрьма замѣнить ссылку? — Гибельная роль тюрьмы для заключенныхъ въ ней.—Полицейскій надзоръ и необходимость его пересмотра.—Мнѣніе Д. А. Дриля объ отмѣнѣ ссылки въ Сибирь.—Финансовые «крахи» и ихъ причины.—Кому выгодны русскіе крахи? — Вліяніе еврейскаго элемента на наши промышленные крахи.—Мнѣніе иностранца о причинахъ этихъ краховъ.—Адресъ роменскихъ жидовъ Эмилю Золя.—Евреи сутенёры.—Еврейское нашествіе на православную церковь.—Ганотò о русской вѣротерпимости.—Приближающееся правильное рѣшеніе «финляндскаго вопроса». — Реформы, задуманныя въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.—Циркуляръ Н. П. Боголѣпова. — Необходимость *національнаго* воспитанія. — Взгляды новаго попечителя харьковскаго учебнаго округа.

XX. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). 1) **По бѣлу свѣту.** (Замѣтки и наблюденія). Finita la comedia! — Вторичное осужденіе Дрейфуса.—Рѣчь военнаго прокурора.—Примирятся ли жиды съ этимъ приговоромъ? — Наглость и угрозы жидовскихъ газетъ.—«Бойкотированіе» французской всемірной выставки.—Бѣглый взглядъ на столѣтіе жидовской равноправности.—Очевидные результаты ея.—«Какъ волка ни корми, все въ лѣсъ глядитъ».—Опасныя шутки съ огнемъ.—Участь, приготовляемая Россіи жидами.—Гнусное закабаленіе печати.—Хвалы жидовскому парламентаризму. — Фальшивое общественное мнѣніе; гримъ и маскировка. — *Національность* и *религія*, отрицаемыя для всѣхъ народовъ, кромѣ жидовъ. — «Уходите по добру, по здорову»! **Князя Тенерифскаго.** 50

2) Стихотвореніе: **Не-талмудиста.** 51

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

№ 9. СЕНТЯБРЬ.

34-9

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и Главная Контора помѣщаются въ Колокольной улицѣ, № д. 18—19 (уголъ Николаевской).
1899.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ, МОХОВАЯ, 40.

Digitized by Google

PSlav 475.65 (1899)

ПРОДАЕТСЯ ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ:

„УКАЗАТЕЛЬ“

статей, напечатанныхъ въ журналѣ „Наблюдатель“ за 12 лѣтъ, съ 1882 по 1894-й годъ (по фамиліямъ авторовъ).

ЦѢНА: безъ пересылки 25 коп.; съ пересылкой 30 коп.

Отдѣльные оттиски портрета **А. П. Пятковскаго** *(на плотной бумагѣ) продаются по 50 к. за экземпляръ въ Главной Конторѣ и высылаются иногороднымъ заказною бандеролью, по 75 к.*

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY 12 MAI 1971

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА, НА 1900 Г., НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

XIX год „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ XIX год

Выходитъ ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ, въ объемѣ и форматѣ самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, съ иллюстраціями.

Вступая **въ 19-й годъ** своего существованія, журналъ будетъ издаваться въ томъ же твердо установившемся направленіи, съ которымъ хорошо знакомы наши постоянные читатели. **«НАБЛЮДАТЕЛЬ»**, прежде всего, стремился быть *журналомъ* въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали это слово лучшіе дѣятели нашей журналистики, и рядъ статей, въ немъ появлявшихся, не представляетъ собою сброда разныхъ направленій, пріютившихся подъ одною обложкою, *но проникнутъ и связанъ общностью одного опредѣленнаго міросозерцанія* [1]). Общее же направленіе нашего журнала,—насколько намъ удалось выдержать его по всѣмъ выдающимся вопросамъ внутренней и внѣшней политики,—мы имѣемъ право назвать *прогрессивно-національнымъ*.

Въ 1896 г., для подписчиковъ нѣкоторыхъ категорій, была сдѣлана скидка въ размѣрѣ 2 р. съ годовой платы. Въ слѣдующемъ же году редакція нашла возможнымъ—*сбавить подписную цѣну для всѣхъ подписчиковъ безъ различія и приложить къ журналу иллюстраціи.*

---

[1]) «Указатель» статей, напечатанныхъ въ нашемъ журналѣ за двѣнадцать лѣтъ (съ 1882 по 1894 годъ), былъ приложенъ къ декабрьской книгѣ 1894 года, а затѣмъ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ (см. на оборотѣ титульной страницы).

*

Digitized by Google

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣс.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ другія мѣста Россіи.	12 руб.	6 руб.	3 руб.
» пересылкою за границу.	14 »	7 »	4 »

Книгопродавцамъ — 50 коп. уступки съ годоваго экземпляра журнала (гербовый сборъ не включается въ уступку). При подпискѣ полугодовой, уступки не полагается. Гг. служащимъ—разсрочка за поручительствомъ казначеевъ.

Подписка съ разсрочкою адресуется *исключительно* въ Главную Контору журнала.

Въ книгахъ журнала за текущій годъ, къ тексту приложены портреты: статсъ-секретаря *Ѳ. П. Корнилова*, члена Государственнаго Совѣта *М. Н. Галкина-Врасскаго*, *М. Е. Салтыкова*, *Н. Н. Брусницына* (основателя «Дома призрѣнія» въ Петербургѣ) и *А. П. Пятковскаго* (къ сорокалѣтію литературной дѣятельности).

Подписка на текущій годъ продолжается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ **С.-Петербургѣ**—въ Главной Конторѣ Редакціи, Колокольная (на углу Николаевской) д. № 18—19), въ конторѣ «Новаго Времени» (Невскій пр., № 40); въ конторѣ Березовскаго (Поварской пер., № 2), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ; въ **Москвѣ** — въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи), и въ отдѣленіи конторы «Нов. Времени»; въ **Одессѣ**—въ книжн. магазинахъ Распопова и «Нов. Времени»; въ **Кіевѣ** — въ книжн. магазинахъ Оглоблина, Литова и Идзиковскаго; въ **Харьковѣ** и **Саратовѣ** — въ книжн. магазинахъ «Нов. Времени»; въ **Казани**—въ книжн. магазинѣ Дубровиной. Редакція отвѣчаетъ только за подписку, принятую въ Главной Конторѣ журнала.

Адресъ для телеграммъ: **Петербургъ, Редакція «Наблюдателя». Телефонъ № 2237.**

Digitized by Google

ОБЪ ИЗДАНІИ ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ:

„ГЛАСНОСТЬ“

Программа «**ГЛАСНОСТИ**» обнимаетъ собой нижеслѣдующіе отдѣлы:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Политика внутренняя. Передовыя статьи по вопросамъ общественной жизни, городскаго, земскаго и сельскаго самоуправленія. Дѣятельность частныхъ обществъ. 3) Отдѣлы: литературно-художественный (беллетристика во всѣхъ ея видахъ), критическій, научный (по всѣмъ отраслямъ знанія); судебно-юридическій (съ печатаніемъ процессовъ и обсужденіемъ судебныхъ рѣшеній), военный, церковный, торгово-промышленный, финансовый, экономическій, сельско-хозяйственный, театральный; обозрѣніе искусствъ. 4) Политика внѣшняя. Передовыя статьи. Телеграммы внѣшнія, доставляемыя агентствами, и свои собственныя. 5) Хроника внутренней и заграничной жизни. Событія дня. Русскія и иностранныя корреспонденціи. Внутреннія телеграммы. Письма въ редакцію и сторонніе сообщенія. 6) Фельетоны изъ общественной и литературной жизни. Дневникъ печати и библіографія. 7) Биржа. Курсовая таблица. 8) Смѣсь. Разныя извѣстія. Справочныя свѣдѣнія. 9) Иллюстраціи. 10) Объявленія.

Кромѣ текущихъ извѣстій и передовыхъ статей по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ внѣшней политики и нашей внутренней жизни, въ газетѣ печатались постоянно: «Парижскія письма», «Съ береговъ Темзы», «Петербургскіе наброски», «Московскія замѣтки», «Вопросы дня», «Замѣтки кстати», «Отголоски» и пр. Отдѣламъ:

Digitized by Google

«Дневникъ печати» и «Наши внутреннія дѣла» придано было особенное развитіе, такъ что они представляли полный обзоръ всѣхъ выдающихся мнѣній прессы и всѣхъ крупнѣйшихъ событій провинціальной жизни. Въ текстѣ были помѣщены портреты: бывшаго военнаго министра гр. *Д. А. Милютина*, бывшаго министра нар. просвѣщенія гр. *И. Д. Делянова*, ст.-секретаря *И. Н. Дурново*, и бывшаго редактора «Новороссійскаго Телеграфа» *М. П. Осмидова*.

По обстоятельствамъ, отъ Редакціи не зависящимъ, *возобновленіе газеты отлагается.* (Эти обстоятельства выяснены въ январьской книгѣ «Наблюдателя», въ отдѣлѣ «Фонографа»). Право на возобновленіе газеты, по прежней программѣ, продолжено до 1-го мая 1900 г. Подписчики, не отвѣтившіе до 1-го апрѣля на запросъ Редакціи, получаютъ «НАБЛЮДАТЕЛЬ», *со скидкою 2 р. съ годовой цѣны.*

О времени возобновленія газеты будетъ объявлено особо.

Редакторъ-Издатель А. П. Пятковскій.

Digitized by Google

71 575 X C 55

ВЪ СЕМЬѢ ВОСТОКОВЫХЪ.

Романъ.

XVII.

Княжнѣ Иринѣ Дмитріевнѣ только что минуло семь лѣтъ, когда ея отецъ, князь Дмитрій Николаевичъ Страханскій, проигравъ въ рулетку послѣдніе остатки своего нѣкогда крупнаго состоянія, сошелъ съ ума и вскорѣ послѣ того умеръ. Его жена,—болѣзненная отъ природы, пролѣчившая немного меньше денегъ, чѣмъ ея мужъ прокутилъ и проигралъ на своемъ вѣку,—не перенесла всѣхъ этихъ несчастій, послѣдовавшихъ одно за другимъ. Она прожила на свѣтѣ вдовою только двѣ недѣли, а затѣмъ и сама умерла, поручивъ свою единственную дочь на попеченіе родныхъ сестеръ, какими доводились ей тетя Леля съ тетей Ниной. Онѣ были значительно старше княгини, и ужь въ то время сами себя считали немолодыми, хотя и не признавали еще старыми: Лелѣ тогда не было и пятидесяти, а Нинѣ — сорока лѣтъ. Обѣ не появлялись ужь на балахъ въ розовыхъ платьяхъ,—находя этотъ цвѣтъ слишкомъ «молодымъ» для своего возраста,—но еще весьма охотно наряжались въ бѣлые и голубые цвѣта. Леля перестала отличаться въ легкихъ танцахъ, принимая благосклонное участіе только въ кадрили; Нина же позволяла себѣ иногда кружиться въ вальсахъ и полькахъ, а въ мазуркѣ подпрыгивала съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Въ то время онѣ жили безбѣдно, хотя не въ роскоши, но въ полномъ довольствѣ, на проценты съ порядочнаго капитала, унаслѣдованнаго послѣ родителей.

Леля и Нина полюбили свою осиротѣвшую племянницу,

Digitized by Google

какъ только способны любить не озлобившіяся, мягкосердечныя старыя дѣвы, вдобавокъ глуповатыя. Племянница сдѣлалась ихъ кумиромъ, предъ которымъ онѣ преклонялись, принося ему всякія жертвы и подчиняясь во всемъ его волѣ. Маленькій кумиръ властвовалъ надъ своими старыми жрицами и скоро совсѣмъ забралъ ихъ въ руки, что̀, впрочемъ, не представляло ни для кого большой трудности. И въ дѣтствѣ княжна не отличалась красотою, а съ годами, конечно, не хорошѣла, а все дурнѣла, но тетки воображали ее замѣчательною красавицей, такой же, какою воображала Софья Платоновна свою дочь. Положимъ, сравнительно съ княжной, Лидія могла бы всѣмъ показаться красавицей...

Когда, наконецъ, княжна стала взрослою барышней и начала «выѣзжать», ея тетки совсѣмъ сошли съ ума отъ любви къ ней:—перемѣнили довольно скромную небольшую квартиру на огромную и дорогую, которую великолѣпно обставили и отдѣлали на свой счетъ; завели хорошихъ лошадей и экипажи; задавали то и дѣло балы, выписывали для племянницы наряды изъ Парижа; словомъ, начали безумно проматывать свое далеко небольшое состояніе и лѣтъ въ пять промотали его до послѣдней копѣйки, надѣлавъ притомъ много долговъ. Еслибъ одинъ изъ вліятельныхъ родственниковъ не постарался выхлопотать для нихъ пенсіи, онѣ были бы принуждены умереть съ голоду или жить на счетъ общественной благотворительности.

Мотая деньги, тетки все уповали на то, что племянница непремѣнно сдѣлаетъ «блестящую партію», но она не сдѣлала никакой. За ней даже никто не ухаживалъ и на балахъ она гораздо больше сидѣла, чѣмъ танцовала, отчего сильно страдало ея самолюбіе. Нерѣдко, вернувшись съ бала, княжна заливалась жгучими, злыми слезами. Она завидовала всѣмъ хорошенькимъ женщинамъ и ненавидѣла ихъ. Къ несчастію, сердце у княжны оказалось очень легко воспламеняющимся; она влюблялась безпрестанно и всегда безнадежно. Это еще больше портило характеръ, ожесточая ее. Съ тетками она стала обращаться ужъ совсѣмъ тиранически. Только, когда онѣ окончательно разорились, княжна перемѣнила съ ними свое обращеніе на любезное и ласковое, сознавая себя виновницей ихъ разоренія. Однако, тетя Леля и тетя Нина, даже обни-

Digitized by Google

щавъ, продолжали надѣяться, что племянница сдѣлаетъ партію, а потому рѣшили, во что бы ни стало, вывозить ее. Да, кромѣ того, имъ казалось чѣмъ-то чудовищнымъ, невозможнымъ для дѣвушки двадцати трехъ лѣтъ,—какой была тогда княжна,—совершенно отказаться отъ свѣта и засѣсть въ четырехъ стѣнахъ. Впрочемъ, было бы странно, еслибы онѣ, протанцовавши весь свой вѣкъ (съ 17 лѣтъ до 50 слишкомъ), не находили чудовищнымъ перестать танцовать съ 23-хъ. Сначала княжна и слушать не желала, когда тетки заговаривали съ нею о выѣздахъ; потомъ, поразмысливъ хорошенько, да, вдобавокъ, соскучившись сидѣть въ обществѣ тетокъ,—въ маленькой, грязноватой квартиркѣ, какую пришлось имъ занять теперь вмѣсто прежней великолѣпной, — сочла за лучшее не прекословить старухамъ и начать выѣзды. Въ ея сердцѣ тоже проснулась надежда найти себѣ жениха, хотя не такая сильная, какую питали тетя Леля съ тетею Ниной. Но легко говорить о выѣздахъ и очень трудно заниматься этимъ безъ денегъ! И все таки,—какъ ни было это трудно, — княжна снова стала появляться на балахъ и въ театрахъ. Правда, она ужь не блистала туалетами, выписанными изъ Парижа или, по крайней мѣрѣ, вышедшими изъ лучшихъ московскихъ магазиновъ, а одѣвалась въ платья изъ дешовенькихъ матерій, сшитыя какой-то Прасковьею Степановной, — портнихою безъ вывѣски. И, какъ ни старались обѣ тетки увѣрить всѣхъ, что онѣ заказываютъ платья для Ігѣше у Минангуа, никто имъ не вѣрилъ. Княжна была умнѣе своихъ тетокъ, а потому не старалась никого убѣждать въ этомъ, но жестоко страдала и злилась про себя, одѣваясь въ платья производства Прасковьи Степановны. Но даже для того, чтобы можно было такъ скромно наряжаться княжнѣ, ея теткамъ приходилось отказывать себѣ въ самомъ необходимомъ, должать, нерѣдко занимая деньги у своей прислуги, унижаться предъ богатой роднею, въ надеждѣ «взять взаймы безъ отдачи», получить какой нибудь подарокъ или хоть милостивое приглашеніе на балъ. Еслибы тетя Леля и тетя Нина были немного поумнѣе, то онѣ навѣрное считали бы себя несчастнѣйшими существами въ мірѣ, но глупость помогала имъ примиряться со своимъ жалкимъ положеніемъ.

Тетя Нина даже находила такое положеніе очень оригинальнымъ и словно гордилась имъ, говоря съ достоинствомъ:

Digitized by Google

— Я взяла вчера 30 рублей у кузины Barbe и сказала ей, что никогда не возвращу этихъ денегъ. Я знаю, не всякій рѣшится такъ прямо сказать: для этого нуженъ характеръ. У меня онъ есть, также какъ умъ и находчивость. Всѣмъ извѣстенъ мой esprit original, и, что бы я ни сдѣлала, никто и ничему не удивится.

Когда у нихъ были средства, онѣ не представлялись никому такими глупыми и карикатурно-смѣшными, какими начали представляться теперь всѣмъ. Впрочемъ, и въ самомъ дѣлѣ потеря состоянія повліяла на ихъ слабый разсудокъ, который ослабѣлъ еще болѣе. Именно съ тѣхъ поръ тетя Леля стала заговариваться. Старухи были очень жалки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и забавны. Къ нимъ почти никто не ѣздилъ, но многія праздныя скучающія барыни охотно принимали ихъ у себя и отъ души хохотали, слушая болтовню выживающихъ изъ ума старухъ. Тетя Леля и тетя Нина мало-по-малу превратились въ настоящихъ «шутовокъ», которыхъ только и желали видѣть для того, чтобы потѣшаться надъ ними. Особенный эффектъ производилъ разсказъ тети Лели о томъ, какъ сватался къ ней французскій посланникъ. Этотъ разсказъ ей приходилось повторять очень часто, «по требованію публики», и каждый разъ она повторяла его съ новыми варіаціями. Наконецъ, къ комическому восторгу слушателей, французскій посланникъ вдругъ замѣнился турецкимъ. По этому случаю хохотъ поднялся невообразимый. Слѣдуетъ замѣтить, что тетя Леля съ тетею Ниной никогда не обижались на тѣхъ, кто смѣялся надъ ними: Нина въ такія минуты гордо посматривала, воображая, что сказала удивительную остроту, а Леля сама смѣялась тихимъ, совсѣмъ дѣтскимъ смѣхомъ. Вообще, она походила на кроткое, незлобивое дитя со старческимъ лицомъ. Услышавъ хохотъ, который произвелъ турецкій посланникъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ въ ея разсказѣ, она тоже засмѣялась какъ-то еще ребячливѣе обыкновеннаго. И, поглядѣвъ младенчески-безсмысленными глазами на своихъ смѣющихся слушателей, ласково промолвила:—Ахъ, какіе вы глупые, mes amis! Совсѣмъ, совсѣмъ глупые... Дурачки!

Это было ужь такъ неожиданно, что общій хохотъ разомъ оборвался, точно по командѣ, и всѣ почувствовали себя какъ

Digitized by Google

будто бы сконфуженными. Одна тетя Леля продолжала тихо и дѣтски-невинно смѣяться среди смолкнувшаго общества...

Но княжна, не обладавшая esprit original, не могла никакъ примириться съ бѣдностью, съ шутовскимъ положеніемъ своихъ тетокъ въ обществѣ и со своимъ собственнымъ: нищей княжны, нищей... даже внѣшностью. Если прежде, въ лучшія времена, ей не приходилось много танцовать на балахъ, то теперь ужь и вовсе не случалось, развѣ только тогда, когда не хватало дамы. Мужчины, никогда не обращавшіе на нее особеннаго вниманія, теперь совсѣмъ перестали его обращать и смотрѣли, какъ на стѣну или на лишнюю мебель въ комнатѣ. Княжна скоро замѣтила это и поняла, что напрасно увлекалась надеждой «сдѣлать партію»; однако, продолжала выѣзжать (уже не на своихъ лошадяхъ, а на ванькахъ), сама не зная зачѣмъ и для чего, и походя на несчастнаго игрока, котораго тѣмъ сильнѣе тянетъ къ ломберному столу, чѣмъ больше онъ проигрываетъ.

Чаще всего она появлялась въ Дворянскомъ собраніи,— такъ часто появлялась, что одинъ московскій острякъ прозвалъ ее: «неизбѣжнымъ зломъ Дворянскаго собранія». Это прозвище было даже болѣе метко, чѣмъ предполагалъ тотъ, кто его далъ княжнѣ. Когда она, одѣтая въ дешовое платье, сшитое Прасковьей Степановною, сидѣла рядомъ со своими карикатурными тетями въ залѣ собранія, безмолвно созерцая танцующихъ,— тогда она была не человѣкъ, а сама олицетворенная злость. Еслибы въ это время кто нибудь могъ заглянуть въ ея душу, то навѣрное содрогнулся бы отъ ужаса при видѣ страшной зависти, ненависти и злобы, кипѣвшихъ въ душѣ княжны. Съ офиціально-любезною улыбкой на губахъ, она мысленно проклинала всякую танцующую пару (особенно, если пара состояла изъ влюбленныхъ), всякую недурную нарядную женщину, всѣхъ мужчинъ поголовно, желая имъ разныхъ бѣдъ и напастей. Она почувствовала бы себя совершенно счастливой и разсмѣялась бы отъ злой радости, еслибы всѣ эти люди вдругъ умерли.

Съ каждымъ проходящимъ годомъ, княжна все больше и больше озлоблялась противъ всего человѣчества, хотя становилась все любезнѣе въ обхожденіи, скрывая подъ маской любезности свои настоящія чувства. Жажда счастья, любви, веселой жизни и богатства не исчезала въ ней съ годами, а

Digitized by Google

усиливалась. Томясь этою жаждой, сгорая отъ злости, она худѣла и дурнѣла не по днямъ, а по часамъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, княжна простудилась и заболѣла воспаленіемъ легкихъ. И какъ разъ въ этотъ день умеръ старичокъ-докторъ, съ незапамятныхъ временъ лѣчившій тетю Лелю и тетю Нину съ племянницей. Когда онѣ обѣднѣли, онъ былъ такъ добръ, что началъ лѣчить ихъ въ «долгъ»—въ большинствѣ случавъ, безъ отдачи,—даже покупалъ иногда лѣкарства на свой счетъ. И когда бѣдныя паціентки принимались извиняться передъ нимъ, обѣщаясь отдать ему деньги при первой возможности, онъ обыкновенно говорилъ, добродушно посмѣиваясь:

— Ужь мы съ вами, барышни, лучше сочтемся на томъ свѣтѣ угольками! Только я васъ туда долго не пущу и самъ не скоро соберусь, а потому надо намъ позабыть о счетахъ и разсчетахъ. Вотъ, Богъ дастъ, потанцуемъ съ вами на семъ свѣтѣ еще годочковъ пятьдесятъ, тогда можно будетъ и долги наши припомнить. А раньше никакъ нельзя; я ужь рѣшилъ прожить до ста десяти лѣтъ и вамъ того же желаю!

Но, вмѣсто того, докторъ прожилъ только до шестидесяти трехъ лѣтъ, искренно огорчивъ своей смертью всѣхъ бѣдныхъ паціентовъ вообще, а тетю Лелю и тетю Нину въ особенности. Онѣ совершенно растерялись, не зная, что дѣлать съ больною племянницей, когда нѣтъ болѣе на свѣтѣ «нашего милаго Павла Гавриловича» (такъ звали умершаго старичка-доктора). Хорошо, что кто-то изъ знакомыхъ завернулъ къ нимъ случайно въ это время и рекомендовалъ пригласить доктора Востокова, молодаго, еще неизвѣстнаго, а поэтому недорогаго, хотя очень свѣдущаго врача. Еслибы не произошло такой случайности, княжна могла бы умереть безъ помощи передъ своими растерявшимися и отчаянно плакавшими тетками.

Онѣ чуть не расцѣловали своего знакомаго, рекомендовавшаго имъ хорошаго врача, и тотчасъ же послали за нимъ. Леонидъ явился немедленно, очень внимательно осмотрѣлъ больную, и успокоилъ на ея счетъ тетокъ, вдобавокъ плѣнивъ ихъ своей привлекательною наружностью и свойственной ему нѣжной деликатностью въ обращеніи. А на больную онъ произвелъ еще лучшее впечатлѣніе, чѣмъ на нихъ.

Digitized by Google

Какъ намъ уже извѣстно, Леонидъ преклонялся предъ титулами, чувствовалъ къ нимъ нѣчто въ родѣ благоговѣйной любви. Но у него не имѣлось титулованныхъ знакомыхъ, даже паціентовъ, пока его не пригласили къ княжнѣ. Она была первая титулованная особа, попавшаяся ему на жизненномъ пути. Положимъ, она принадлежала къ числу «захудалыхъ», жила въ маленькой, бѣдно-обставленной квартиркѣ, не блистала молодостью и красотой, но все таки была княжна, а потому показалась Леониду замѣчательно интересной.

Онъ началъ ежедневно посѣщать свою титулованную больную, ухаживая за ней, точно за родною сестрой, чѣмъ окончательно влюбилъ въ себя ее и тетю Лелю съ тетею Ниной. Послѣднія были въ особенномъ восторгѣ отъ того, что Леонидъ съ чрезвычайной любезностью согласился лѣчить княжну «въ долгъ», подобно покойному Павлу Гавриловичу.

— Всегда слѣдуетъ приглашать докторовъ изъ духовенства,—разсуждала тетя Нина, при первомъ же визитѣ справившаяся у Леонида объ его происхожденіи.—Они лучше всякихъ другихъ, это фактъ. Павелъ Гавриловичъ вѣдь тоже былъ изъ духовенства, сынъ простаго дьячка...

— А какъ имена похожи—замѣчала тетя Леля, — одинъ былъ Гавриловичъ, а другой—Кирилловичъ. И оба они Павлы.

— А ты, ma chère, безпамятная дура!—сердито восклицала Нина—я тебѣ сегодня ровно 10 разъ повторила, что новаго доктора зовутъ Леонидомъ, и все таки ты не запомнила.

Княжна выздоровѣла отъ воспаленія легкихъ, но заболѣла... любовью къ своему доктору. Когда онъ пересталъ навѣщать совершенно поправившуюся паціентку, ею овладѣла невыносимая тоска. Она ни о чемъ больше не могла думать, какъ о Леонидѣ, вспоминая его красивое, молодое лицо, мягкій голосъ, его нѣжную заботливость объ ней, чѣмъ главнымъ образомъ онъ и покорилъ ея сердце. Никогда еще ни одинъ мужчина такъ не заботился о княжнѣ, не говорилъ съ ней такъ ласково и, вмѣстѣ съ тѣмъ, почтительно. Вспоминая все это, княжна часто плакала, но не прежними злыми слезами, а тихими, облегчавшими ея ожесточенную душу. Она не чувствовала больше злобы и ненависти къ людямъ; стала необыкновенно ласкова и внимательна съ тетками и вдругъ потеряла всякую охоту къ выѣздамъ. Правда, она тосковала, не видя Леонида,

Digitized by Google

безпокоилась объ немъ, даже ревновала, воображая, что у него есть невѣста или возлюбленная, что онъ навѣрное нравится многимъ женщинамъ,—зато позабыла о своей бѣдности и не страдала болѣе отъ того, что живетъ въ дрянной квартирѣ и не можетъ выписывать туалеты изъ Парижа. А, между тѣмъ, Леонидъ, переставъ навѣщать княжну, вспоминалъ объ ней только тогда, когда хотѣлъ похвастаться передъ кѣмъ нибудь своею практикой (за нимъ водился такой грѣшокъ). Хвастался онъ очень ловко, съ самымъ скромнымъ видомъ, при удобномъ случаѣ замѣчая:

— Да, вотъ точно такой же ходъ болѣзни былъ у одной изъ моихъ пацiентокъ, у княжны Страханской. Теперь ужь княжна совершенно поправилась,—вообще, что нибудь въ этомъ родѣ, но всегда кстати и умѣстно.

Леониду и въ голову не приходило, что его титулованная пацiентка влюбилась въ него по уши.

Болѣе мѣсяца княжна не видала доктора; наконецъ, не выдержала и напомнила объ немъ теткамъ, сказавъ, что пора бы съ нимъ расплатиться, благо недавно получена пенсiя.

Тетя Нина возразила племянницѣ, что Павелъ Гавриловичъ гораздо дольше ждалъ, а еще чаще совсѣмъ отказывался отъ денегъ и, повидимому, Леонидъ Кирилловичъ — такой же добрый и деликатный на этотъ счетъ. Но княжна такъ разсердилась на тетку, какъ ужь давно не бывало, говоря, что безсовѣстно не платить долговъ вообще, а человѣку, спасшему жизнь, въ особенности, и что непремѣнно нужно отдать доктору хоть за нѣсколько визитовъ, если не хватаетъ денегъ отдать сразу за всѣ. Тетка испугалась гнѣва племянницы и обѣщала ей сегодня же сосчитать, сколько приходится доктору за пять визитовъ, и отослать ему эти деньги.

— Зачѣмъ же отсылать? Приличнѣе будетъ пригласить его къ намъ, — смягчившимся тономъ замѣтила княжна, не удержавшись отъ радостной улыбки. — Кстати, у тети Лели небольшой кашель; пусть она посовѣтуется съ докторомъ... Вѣдь въ ея годы самая ничтожная болѣзнь опасна.

Тетя Нина поспѣшила послать за Леонидомъ. Онъ пріѣхалъ, къ безмѣрной радости княжны, предложившей ему остаться пить съ ними чай, послѣ того какъ были прописаны порошки отъ кашля для тети Лели. Онъ остался, провелъ у

Digitized by Google

нихъ почти цѣлый вечеръ и уѣхалъ, обвороженный любезностью княжны.

— Нѣтъ, положительно она интересна и очень умна!—думалъ онъ съ удовольствіемъ.—И хоть нельзя назвать ее красивой, но въ ея наружности есть что-то особенное: сразу видишь, что аристократка.

Съ этого вечера Леонидъ началъ къ нимъ ѣздить уже въ качествѣ знакомаго, и посѣщенія его все учащались. Не только княжна была этимъ довольна, но также и тетя Нина съ тетею Лелей. У нихъ почти никто не бывалъ, особенно изъ молодежи, что̀ серьезно огорчало старухъ.

— Не понимаю нынѣшнихъ молодыхъ людей! — говорила тетя Нина.

— Вотъ почему бы не ѣздить къ намъ молодежи? Вѣдь у насъ вовсе не скучно. Со мной можно обо всемъ говорить: о литературѣ, о театрѣ; мои остроты ходятъ по Москвѣ и заставляютъ смѣяться самыхъ серьезныхъ людей. Irène тоже очень умна, прелестно играетъ и поетъ, да еще и хорошенькая... А Леля, хоть иногда и заговаривается, но это выходитъ у нея довольно забавно и придаетъ ей что-то оригинальное. Нѣтъ, нынѣшняя молодежь, кажется, только и цѣнитъ обѣды, ужины и самыя пустыя развлеченія!

Княжна была умнѣе и несравненно сильнѣе характеромъ Леонида, почему скоро подчинила его себѣ. Онъ какъ-то невольно началъ смотрѣть на все ея глазами и воображать себя влюбленнымъ въ нее, хотя въ дѣйствительности такимъ и не былъ. И кончилось тѣмъ, что онъ сдѣлалъ ей предложеніе тоже будто бы невольно, совсѣмъ не собираясь этого сдѣлать.

Тридцатичетырехлѣтняя невѣста чувствовала себя счастливѣе многихъ шестнадцатилѣтнихъ. Тетки даже не подумали препятствовать ея счастью, да еслибъ и вздумали, такъ не смогли бы.

И всѣ онѣ, тетки и племянница, между прочимъ, радовались, что у Леонида состоятельные родители.

Женихъ также былъ доволенъ. Его мелкое тщеславіе торжествовало при мысли о томъ, что онъ женится на княжнѣ, хотя бѣдной, захудалой, но все таки княжнѣ. Притомъ, онъ мечталъ пріобрѣсти большую практику среди многочислен-

Digitized by Google

ныхъ родныхъ и знакомыхъ своей невѣсты, изъ которыхъ было немало людей богатыхъ и титулованныхъ. По его мнѣнію, такая практика могла съ успѣхомъ замѣнить хорошее приданое.

Однако, Леонидъ радовался и тому, что у него состоятельные и добрые родители.

XVIII.

Какъ-то разъ, вечеромъ, Софьѣ Платоновнѣ пришлось остаться дома въ совершенномъ одиночествѣ. О. Кириллъ уѣхалъ съ требой, Лидія отправилась въ городской садъ со своимъ обычнымъ кавалеромъ, дьяконовымъ внукомъ. Даже Платонъ, за послѣднее время сдѣлавшійся домосѣдомъ и переставшій посѣщать дьякона, тоже куда-то ушелъ. Софья Платоновна, оставшись одна, предалась на свободѣ невеселымъ думамъ и размышленіямъ по поводу женитьбы старшаго сына и отъѣзда дочери за границу.

Впрочемъ, ей недолго привелось этимъ заниматься: ея одиночество было нарушено появленіемъ нежданной гостьи, Анфисы Яковлевны, нисколько не обрадовавшей хозяйку. Матушка Анфиса Яковлевна казалась разстроенной, хоть и старалась показаться очень веселой. Какъ только она вошла, такъ и заговорила шутливымъ тономъ, безпрестанно смѣясь громкимъ, далеко неестественнымъ смѣхомъ. Сообщивъ Софьѣ Платоновнѣ кое-какія незначительныя домашнія новости, она сказала, подмигнувъ и усмѣхнувшись не безъ плутоватости:

— А вѣдь вы, поди, рады вы, сестрица, что Лидуша не поѣдетъ въ городъ Парижъ? Ужь мы съ мужемъ такъ-то этому радуемся, даже высказать невозможно! Мы все вѣдь по просту, отъ души, по родственному... не то, что̀ другіе... Да я такъ и думала, что у Лидуши была одна пустая мечта объ заграницѣ,— дѣвичья блажь отъ скуки. А вотъ явился добрый молодецъ и всю эту скуку да блажь, какъ рукой, снялъ...

Софья Платоновна, слушая Анфису Яковлевну, все шире и шире открывала глаза отъ удивленія и, наконецъ, прервала ея рѣчь восклицаніемъ:

— Богъ знаетъ, что̀ такое вы говорите! Я васъ понять не могу...

Digitized by Google

— Ахъ, да ужь будетъ вамъ, сестрица, передъ нами таиться-то, передъ близкими родными!—въ свою очередь перебила ее Анфиса Яковлевна, горячо и съ досадой.—Вѣдь мы, какъ только присватался къ Оленькѣ женихъ, сейчасъ же вамъ объ этомъ разсказали, безъ вашего совѣта не хотѣли и дѣла начинать. За что же вы-то насъ обижаете? Всему городу извѣстно, что Лидуша замужъ выходитъ и за кого именно, а вы все таитесь отъ насъ, скрываете! Мы съ мужемъ терпѣливы, однако, такой обиды не можемъ перенести равнодушно. Откровенно говорю: никакъ не можемъ!—При послѣднихъ словахъ, она даже задохнулась отъ волненія.

Софья Платоновна была такъ поражена, что въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ не могла вымолвить ни слова. Затѣмъ, придя въ себя, она сердито заговорила:

— Скажите, пожалуйста, отъ кого вы слышали эту вздорную сказку о Лидѣ? Она и не воображаетъ выходить замужъ, никакихъ жениховъ у нея нѣтъ, и черезъ мѣсяцъ уѣдетъ въ Парижъ. Право, кажется, въ нашемъ городѣ только и дѣлаютъ, что сочиняютъ разныя нелѣпыя исторіи ни съ того, ни съ сего.

— Нѣтъ, сестрица, ни съ того, ни съ сего не выдумаютъ ничего! — живо возразила Анфиса Яковлевна, отъ волненія раскраснѣвшись, точно свѣжій, едва расцвѣтшій піонъ: — Да вы намъ тоже не говорили, что Леня женится на московской княжнѣ; ужь онъ самъ объявилъ, спасибо ему! Вотъ это, можно сказать, по родственному! Не захотѣлъ скрывать своего счастья отъ родныхъ. А про Лидушу мнѣ многіе разсказывали, и не пустозвоны какіе нибудь, а хорошіе, солидные люди. Всѣ они своими глазами видѣли, какъ Лидуша съ женихомъ прогуливается въ городскомъ саду. Говорятъ, каждый божій день прогуливается.

— У вашихъ хорошихъ людей разстроено воображеніе. Правда, Лидочка иногда гуляетъ въ городскомъ саду, только не съ женихомъ, а со внукомъ нашего дьякона. Неужели ваши хорошіе люди могли вообразить его Лидинымъ женихомъ?—съ презрительной улыбкою сказала Софья Платоновна, пожавъ плечами.

— Да такъ всѣ и говорятъ, что́ вы просватали ее за Петра Александровича, — увѣренно отвѣчала Анфиса Яковлевна.

Digitized by Google

— И вы этому вѣрите? Удивляюсь! — еще презрительнѣй улыбнулась Софья Платоновна, почти съ сожалѣніемъ глядя на свою гостью. — Если Лида ходитъ гулять съ дьяконовымъ внукомъ, такъ это потому, что она даже и за мужчину-то его не считаетъ. Неловко одной явиться въ садъ, вотъ она и беретъ его, какъ провожатаго. Когда здѣсь гостилъ Леонидъ, такъ Лида съ нимъ гуляла, а теперь ей не съ кѣмъ; Платонъ— совершенный дикарь и боится показаться въ какомъ бы то ни было обществѣ. Я не охотница до гулянья, да нынче ужь и не принято прогуливаться съ матерью. Развѣ только однѣ купеческія дочки ходятъ подъ ручку съ маменьками или съ тетеньками... Да, кажется, ужь и тѣ перестали!

Все это Анфиса Яковлевна выслушала съ большимъ вниманіемъ, не спуская глазъ съ сестрицы и, очевидно, колеблясь: вѣрить ей или не вѣрить? Когда та замолчала, она тоже не заговаривала, какъ будто бы о чемъ раздумывая или что-то соображая. И вдругъ, озарившись радостной улыбкою, съ чувствомъ воскликнула:

— Простите меня ради бога, сестрица-голубушка, за то, что я васъ напрасно скрытностью попрекнула! Теперь вижу, что вы сами еще ничего не знаете. Правда ваша, не принято нынче съ родителями гулять да съ родительскаго позволенія жениться или замужъ выходить. А вотъ, погуляетъ такъ-то дѣвица съ молодымъ человѣкомъ, столкуются они между собой, а потомъ ужь и объявятъ отцу съ матерью: — пожалуйте къ намъ на свадьбу! Мы влюблены другъ въ друга, и рѣшили обвѣнчаться.

— Ахъ, да полноте пожалуйста!—съ досадливымъ нетерпѣніемъ перебила ее Софья Платоновна.—Моя Лида—и вдругъ влюбится въ какого-то несчастнаго семинаристика. Да поймите же, что этого быть не можетъ!

— А я говорю, что̀ можетъ!—торжествующимъ тономъ заявила Анфиса Яковлевна, даже слегка пристукнувъ кулакомъ по столу.

— Чѣмъ же Петръ Александровичъ нехорошъ, позвольте спросить? И красивъ, и уменъ; вотъ развѣ только очень свободно себя держитъ да говоритъ все больше въ насмѣшку, но теперь такое обращеніе въ модѣ. И вовсе онъ не семинаристъ несчастный,—какъ вы его называете,—а настоящій академистъ,

Digitized by Google

даже скоро курсъ кончитъ. Да по моему лучшаго жениха для Лидушки въ нашемъ городѣ и найти нельзя! А я хвалю ее и умницей считаю за то, что выбрала себѣ жениха изъ духовнаго званія: нынче въ свѣтскихъ людяхъ что-то мало проку. И даже никакой особенной ловкости въ манерахъ у нихъ теперь нѣтъ. Бывало, идетъ свѣтскій молодой человѣкъ, такъ будто бы танцуетъ; поклонится тоже съ вывертомъ какимъ нибудь; по неволѣ на него заглядишься да залюбуешься! А нынче, видишь летитъ какой-то размахай, руки въ карманы, самъ свищетъ,—точно деревенскій мальчишка, — да смотритъ эдакъ дерзостно; просто и вообразить невозможно, что это человѣкъ свѣтскій! Никакой свѣтскости въ немъ не разглядишь, хоть въ зрительную трубку разглядывай.

Тема о свѣтскихъ людяхъ прежняго и нынѣшняго времени до того увлекла Анфису Яковлевну, что она, кажется, совсѣмъ позабыла о Петрѣ и Лидіи, продолжая разглагольствовать все съ возрастающимъ оживленіемъ о преимуществахъ прежнихъ свѣтскихъ людей предъ теперешними. Софья Платоновна была довольна такой перемѣною разговора. Ей очень не понравилась городская сплетня, явившаяся по милости прогулокъ Лидіи съ Петромъ; также не понравились и разсужденія Анфисы Яковлевны по этому поводу. Положимъ, она находила, что Анфиса Яковлевна разсуждаетъ, какъ настоящая, не цивилизованная «матушка», получившая воспитаніе не въ барскомъ домѣ, а на сельскомъ погостѣ, въ курной избенкѣ дьячка,— поэтому и не разсердилась на нее.

Однако, хоть Софья Платоновна не вѣрила всѣмъ городскимъ слухамъ и сплетнямъ,—не повѣрила и только что разсказанной Анфисою Яковлевной, — но не могла подавить въ себѣ какого-то безотчетнаго безпокойства, возбужденнаго этимъ разсказомъ, который сама она признавала невѣроятнымъ. Проводивъ гостью, она серьезно задумалась о прогулкахъ дочери съ дьяконовымъ внукомъ и объ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу. Прежде всего вспомнила она, что Лидія вовсе не такъ часто и охотно ходила гулять съ Леонидомъ, какъ теперь съ дьяконовымъ внукомъ. Потомъ ей пришло въ голову, что Лидія, очень рѣдко отзывавшаяся съ похвалой о своихъ знакомыхъ, хвалила Петра, называя его интереснымъ и умнымъ.

Софья Платоновна сама считала Петра неглупымъ, хоть

Digitized by Google

онъ ей не нравился своими рѣзкими манерами и такой же рѣзкой насмѣшливостью. Да, кромѣ того, она находила, что одѣвается Петръ такъ неряшливо и неприлично, что можетъ возбудить къ себѣ отвращеніе во всякой порядочной женщинѣ, какое и сама испытывала при видѣ дьяконова внука.

— Нѣтъ, нѣтъ, Лида неспособна увлечься грязнымъ, растрепаннымъ человѣкомъ въ худыхъ сапогахъ!—думала Софья Платоновна, и въ то же время ей живо представилось красивое, выразительное лицо этого человѣка, его стройная фигура, звучный голосъ...

Вдобавокъ припомнилось, что на дняхъ она встрѣтилась на улицѣ съ Петромъ и была удивлена, увидѣвъ на немъ шолковую вышитую рубашку и щегольскіе лаковые сапоги. Ей стало досадно на себя за то, что до сихъ поръ, пока не надоумила ее Анфиса Яковлевна, она не обращала вниманія на все это, не придавала никакого значенія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Софья Платоновна мысленно твердила:—Да нѣтъ же, все это вздоръ, глупая сплетня! Ну, развѣ можетъ серьезно понравиться какой нибудь дьяконовъ внукъ моей Лидѣ, съ ея умомъ, талантомъ, красотой? Вѣдь онъ предъ ней — совершенное ничтожество. Пожалуй, онъ-то влюбился въ нее, оттого и зафрантилъ; съ его стороны любовь совсѣмъ не удивительна, даже очень понятна... Но Лида не могла его полюбить и не можетъ!

И вдругъ Софьѣ Платоновнѣ кто-то словно шепнулъ на ухо:

— Да вѣдь могъ же Леонидъ влюбиться въ княжну Ирину Дмитріевну до того, что рѣшился соединиться съ ней на всю жизнь. А дьяконовъ внукъ, со всѣми своими недостатками, лучше этой неказистой, фальшиво-любезной старой дѣвы изъ захудалыхъ аристократокъ.

Какъ только сравнила Софья Платоновна свою будущую невѣстку съ Петромъ, такъ начала снисходительнѣе относиться къ послѣднему и не находила болѣе невозможнымъ для Лидіи полюбить его или, по крайней мѣрѣ, увлечься имъ.

Положимъ, сравнительно съ Лидіей, онъ продолжалъ казаться ей ничтожнымъ. Совсѣмъ не о такомъ зятѣ мечтала честолюбивая протопопица, считавшая свою дочь чудомъ природы, живымъ олицетвореніемъ всѣхъ совершенствъ. Она утѣ-

Digitized by Google

шала себя, думая, что, можетъ быть, дѣло у нихъ не дойдетъ до свадьбы, но зато, можетъ быть, Лидія, благодаря этой любви или увлеченію, не уѣдетъ въ Парижъ. Это предположеніе мгновенно утѣшило Софью Платоновну и окончательно примирило ее съ дьяконовымъ внукомъ. Теперь ей ужь захотѣлось, чтобы Лидія непремѣнно оказалась неравнодушной къ Петру, до такой степени, что не была бы въ силахъ разстаться съ нимъ и уѣхать отъ него за границу.

Первымъ вернулся домой о. Кириллъ и былъ изумленъ взволнованно-радостнымъ видомъ жены, какъ будто бы даже помолодѣвшей.

— А что, нѣтъ ли письма отъ Леонида? — спросилъ онъ свою протопопицу, не предполагая для нея ничего болѣе радостнаго.

Она отвѣтила на это съ какой-то особенной веселою привѣтливостью, никогда не проявлявшейся у нея во время разговоровъ съ мужемъ:

— Нѣтъ; что-то долго онъ намъ не пишетъ. Правда, дѣла у него много, нѣкогда часто письма писать.

— Чему же радуется она въ такомъ случаѣ? — подумалъ о. Кириллъ но, однако, по своему обыкновенію, не осмѣлился допрашивать ее объ этомъ. Но, хоть онъ не зналъ и даже догадаться не могъ о причинѣ замѣтной перемѣны къ лучшему въ настроеніи жены,—тѣмъ не менѣе у него самого прояснилось на сердцѣ, глядя на нее. Даже вдругъ ему неожиданно пришла въ голову тема для проповѣди, чего такъ давно не случалось. Тему эту онъ мысленно озаглавилъ:

«Божественный Промыслъ, невидимо вселяющій лучезарную радость въ сердца христіанъ, удрученныхъ тяжкою скорбью».

XIX.

— Почти вслѣдъ за отцомъ, возвратилась домой и Лидія, свѣжая, улыбающаяся, очевидно, въ хорошемъ расположеніи духа. Она тоже съ особеннымъ вниманіемъ посмотрѣла на мать и сказала:

— А вы, мама, какая-то необыкновенная сегодня, вѣрнѣе сейчасъ. Точно радуетесь чему-то и въ то же время безпо-

Digitized by Google

коитесь... Право, вы похожи на именинницу, которая ждетъ дорогихъ гостей и боится, какъ бы пирогъ не пригорѣлъ.

Софья Платоновна тоже смотрѣла на дочь внимательно и тревожно, точно стараясь прочесть на ея лицѣ то, что скрывается въ ея сердцѣ.

Она съ трудомъ удерживалась, чтобы прямо не спросить Лидію объ ея чувствахъ къ Петру.

— Вотъ я тебѣ кажусь какой-то особенной, Лидочка, а ты мнѣ — заговорила она, намѣреваясь со всей осторожностью, будто бы шутя приступить къ разоблаченію сердечной тайны Лидіи.—Да, ты такая веселая, свѣженькая вернулась съ гулянья, такой я ужь давно тебя не видывала. Что жь вы съ Петромъ Александровичемъ опять были въ городскомъ саду?

— Съ Петромъ Александровичемъ! Мама, да что съ вами сдѣлалось? — удивленно воскликнула Лидія. — Я въ первый разъ слышу, что вы называете Невзорскаго по имени-отчеству. Вѣдь обыкновенно, говоря объ немъ, вы называете его: «дьяконовымъ внукомъ» или «внукомъ нашего дьякона» (что полагаю одно и тоже). Съ чего жь это вы вдругъ вздумали величать его Петромъ Александровичемъ и сдѣлали ему такую честь? Да и заговорили объ немъ такимъ почтительно-нѣжнымъ тономъ, будто бы о какомъ нибудь сановномъ родственникѣ.

— Вѣдь ты у меня бѣдовая, ко всякому словечку придираешься...—шутливо замѣтила Софья Платоновна.—А, между тѣмъ, по твоей же милости я начала такъ почтительно говорить о Невзорскомъ. Ужь очень ты расхваливаешь его, а я тебѣ вѣрю. Потомъ сознаюсь, что прежде онъ производилъ на меня отталкивающее впечатлѣніе своими грязными рубашками, худыми сапогами, вообще крайней небрежностью, доходившей до неприличія въ одеждѣ. Пожалуй, многіе находятъ смѣшнымъ, даже глупымъ то, что я обращаю вниманіе на одежду и не могу безъ отвращенія смотрѣть на неопрятно одѣтыхъ людей. Но что жь дѣлать, если я не въ состояніи побѣдить это отвращеніе, какъ ни стараюсь...

— Неужели стараетесь? — усмѣхнулась Лидія.—А я никогда не замѣчала этихъ вашихъ стараній.

Digitized by Google

Софья Платоновна, пропустивъ мимо ушей слова дочери, какъ будто бы не разслышавъ ихъ, продолжала, стремясь поскорѣй достигнуть своей цѣли:

— И теперь Петръ Александровичъ сталъ мнѣ больше нравиться еще потому, что началъ одѣваться прилично. Даже франтовски... Третьяго дня, мы съ нимъ встрѣтились на улицѣ и я просто не узнала его: такой франтъ! Невольно подумаешь, что, онъ, должно быть, влюбился и желаетъ нравиться предмету своей любви...

Лидія перебила мать, сказавъ со смѣхомъ:

— А я невольно думаю: ужь не вы ли, мама, тотъ «предметъ», которому онъ желаетъ нравиться? Что то вы слишкомъ много начали разговаривать о дьяконовомъ внукѣ... то бишь, о Петрѣ Александровичѣ! Да, притомъ, съ замѣтнымъ волненіемъ, съ загадочно-радостнымъ видомъ... Право же, все это очень подозрительно!

Разсмѣялась и Софья Платоновна.

— Ужь всегда ты придумаешь, Лидочка, какъ подшутить надо мной! Ну, хорошо, такъ и я тоже скажу, что мнѣ кажется, Невзорскій желаетъ тебѣ понравиться. .—И она впилась глазами въ лицо дочери. Но та отвѣтила совершенно спокойно и равнодушно:

— Мнѣ-то онъ уже понравился раньше, чѣмъ зафрантилъ. И навѣрное замѣтилъ это. Да, впрочемъ, я сама ему призналась...

— Призналась?!—съ замирающимъ сердцемъ и почти съ ужасомъ воскликнула Софья Платоновна, столько же пораженная словами Лидіи, сколько и равнодушнымъ, холоднымъ тономъ, какимъ они были сказаны.

— Я знала, что вы непремѣнно ужаснетесь. Какъ же вдругъ молодая дѣвушка, которой еще не стукнуло двадцати пяти, признается своему ровеснику, — вдобавокъ, дьяконову внуку,— въ томъ, что онъ ей нравится. И, главнымъ образомъ, нравится тѣмъ, что совершенно не умѣетъ любезничать и ухаживать; не умѣетъ даже вѣжливо говорить. Конечно, вы считаете такое признаніе чудовищно-неприличнымъ. Но думаю, что вы отнеслись бы къ этому спокойнѣе и поняли бы мой поступокъ, еслибы могли вообразить, до чего опротивѣли мнѣ любезные кавалеры, какихъ немало среди знакомыхъ Леонида!

Digitized by Google

— Тогда вы навѣрное поняли бы, почему мнѣ такъ нравится невѣжливый дьяконовъ внукъ.

Софья Платоновна съ напряженнымъ вниманіемъ слушала Лидію и думала: «Нѣтъ, совсѣмъ не похожа она на влюбленную... А, можетъ быть, сдерживается, и все это спокойствіе у нея напускное? Да вотъ говоритъ же, что онъ ей нравится и она сама призналась ему»...

И затѣмъ она заговорила съ особенной ласковостью, нѣжно глядя на дочь:

— Я и безъ этого могу понять тебя, Лидочка, прекрасно понимаю... Напрасно ты думаешь, будто бы я недовольна тѣмъ, что тебѣ нравится Петръ Александровичъ... Ничего въ этомъ нѣтъ особенно удивительнаго. Онъ молодъ, красивъ, очень неглупъ...

Послѣднія слова были заглушены громкимъ смѣхомъ Лидіи, смутившимъ и заставившимъ замолчать Софью Платоновну.

— Вотъ что́ значитъ засидѣться въ невѣстахъ!—не переставая смѣяться, проговорила Лидія. — Ужь вы, мама, рады просватать меня хоть за кого нибудь, хоть за дьяконова внука, только бы взялъ, не отказался... А прежде, бывало, говаривали, что не за всякаго графа меня отдадите, развѣ ужь за самаго знатнаго, богатаго и красиваго, какой только найдется на свѣтѣ. И вотъ, какъ на грѣхъ, ни такой богачъ и даже никакой графъ не догадался ко мнѣ присвататься до сихъ поръ! Пожалуй, просижу въ дѣвицахъ до 34 лѣтъ, какъ Ирина Дмитріевна, а втораго Леонида на мою долю и не найдется. Такъ нельзя вамъ не радоваться, когда теперь есть на примѣтѣ женихъ-академистъ,—идеальный женихъ для невѣсты изъ духовнаго званія! И вы ужь мечтаете, что я не поѣду за границу, не буду давать концерты, а выду замужъ, сдѣлаюсь «матушкой»,—самою настоящей, въ родѣ тети-Анфисы, и отличною хозяйкой... Буду пироги печь, а вы будете ходить ко мнѣ въ гости да ихъ кушать. Только вотъ пирогъ-то вашъ подгорѣлъ, именинница, или, лучше сказать, совсѣмъ не выгорѣлъ!

Лидія говорила ужь не прежнимъ спокойнымъ тономъ, а нервно, взволнованно; на щекахъ у нея выступили розовыя пятна. Софья Платоновна сидѣла, точно пришибленная; она

Digitized by Google

въ эти минуты имѣла видъ институтки, которую застала классная дама за какой нибудь непростительной шалостью. Она была поражена и сконфужена тѣмъ, что Лидія какъ будто бы прочла ея тайныя мысли и надежды.

— Ужь извините, мама, что я испортила вашъ именинный пирогъ!—продолжала Лидія, — извините, что Невзорскій вовсе не нравится мнѣ, какъ бы вы желали. Я съ удовольствіемъ готова видаться и разговаривать съ нимъ каждый день, но не выду за него замужъ, еслибы онъ вздумалъ ко мнѣ посвататься. Да онъ объ этомъ даже не помышляетъ... Ну, однако, мы съ вами достаточно поговорили объ немъ; можно и перестать. Мнѣ пора за рояль садиться.

Чрезъ нѣсколько минутъ, домъ Востоковыхъ огласился торжественными, мрачно-скорбными звуками Miserere.

Вслушиваясь въ эти звуки, Софья Платоновна мало-помалу выходила изъ своего непріятно-сконфуженнаго состоянія. Въ ея глазахъ, обращенныхъ къ дочери, сидѣвшей за роялемъ, появилось восторженное выраженіе, а на губахъ— горделивая улыбка.

«Должно быть, отъ болтовни Анфисы у меня помрачился разсудокъ,—думала она,—поэтому я и вообразила Лиду влюбленной въ дьяконова внука, да еще обрадовалась... Въ здравомъ умѣ невозможно вообразить такой глупости. Нѣтъ, пусть ѣдетъ Лидочка въ Парижъ; Господь съ ней! Потомъ, вернется оттуда, станетъ давать концерты и, безъ сомнѣнія, скоро прославится. Ахъ, только бы мнѣ Богъ привелъ дожить до этого! Вдругъ объ моей Лидочкѣ будутъ писать въ газетахъ, хвалить ее, какъ обыкновенно хвалятъ разныхъ знаменитостей, а я буду читать... Да тогда навѣрное сотни жениховъ явятся, одинъ лучше другаго, и каждый сочтетъ за великую честь, если Лида согласится выйти за него замужъ».

Очарованная музыкой, Софья Платоновна совсѣмъ погрузилась въ бездну фантастическихъ мечтаній о блестящей будущности Лидіи. А въ это время о. Кириллъ, сидя въ своемъ кабинетѣ, плакалъ подъ звуки Miserere, потрясавшіе его разстроенные нервы и наболѣвшее сердце. Слезы, медленно скатываясь по впалымъ, морщинистымъ щекамъ, падали на только что начатую проповѣдь: «о лучезарной радости».

Digitized by Google

XX.

Однако, разговоръ съ матерью о Невзорскомъ заставилъ Лидію въ первый разъ серьезно задуматься о своихъ чувствахъ къ «дьяконову внуку» и вспомнить до мельчайшихъ подробностей исторію постепеннаго сближенія съ нимъ. Сначала Петръ только развлекалъ Лидію отъ скуки, забавлялъ своимъ грубоватымъ обращеніемъ съ ней и насмѣшливостью.

Лидіи такъ надоѣло общее ухаживанье за нею, что ей нравилось такое обращеніе, какъ нѣчто новое и оригинальное, вносившее нѣкоторое разнообразіе въ ту монотонную жизнь, какую вела она въ родительскомъ домѣ.

Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ прогулокъ съ Петромъ, Лидія заинтересовалась имъ серьезнѣе, переставъ относиться къ нему съ прежней, нѣсколько высокомѣрной, снисходительностью. Да и Петръ измѣнилъ свое грубоватое обращеніе, сдѣлался вѣжливымъ и внимательнымъ къ Лидіи, хотя безъ малѣйшаго намека на ухаживанье. Но теперь, раздумавшись обо всемъ этомъ, Лидія положительно рѣшила, что Петръ къ ней болѣе, чѣмъ неравнодушенъ, что его любовь очень замѣтно проглядывала, какъ ни старался онъ скрыть ее подъ маской самой обыкновенной вѣжливости; только Лидія до сихъ поръ не хотѣла замѣчать этого, не хотѣла объ этомъ думать. Затѣмъ, обратившись къ своимъ собственнымъ чувствамъ, она не могла не сознаться самой себѣ, что академистъ нравится ей несравненно больше всѣхъ другихъ молодыхъ людей, которыхъ она знала, хотя и не могла понять, что̀ въ немъ особенно привлекательнаго?

Ей было какъ-то необыкновенно легко и хорошо въ его обществѣ; она скучала, если не приходилось съ нимъ видѣться нѣсколько дней. Оставаясь одна, Лидія, будто бы совсѣмъ помимо воли, вспоминала лицо и голосъ Петра, свои разговоры съ нимъ, и это доставляло ей непонятное удовольствіе, никогда прежде не испытанное. Наконецъ, она даже во снѣ часто видала Петра, а за послѣднее время онъ началъ ей сниться все чаще и чаще, почти каждую ночь. Все это, вмѣстѣ взятое, привело Лидію къ мысли, что она сама далеко неравнодушна къ «дьяконову внуку», и эта мысль

Digitized by Google

серьезно испугала ее. Она, такъ презрительно относившаяся ко всякой любви, за исключеніемъ любви къ искусству, считавшая это чувство глупымъ и смѣшнымъ, совсѣмъ для нея ненужнымъ, — вдругъ влюбилась или, по крайней мѣрѣ, готова влюбиться въ самаго обыкновеннаго смертнаго изъ семинаристовъ! Это показалось ей чѣмъ-то невѣроятно-нелѣпымъ, безсмысленнымъ, даже просто безумнымъ. И чѣмъ могла завершиться такая любовь? Неужели же — законнымъ бракомъ? Лидія живо вообразила себя «матушкой» или женой учителя духовной семинаріи, окруженной многочисленнымъ семействомъ, погруженной въ мелкія будничныя заботы объ этомъ семействѣ, и садящейся за рояль только для того, чтобы учить музыкѣ своихъ дѣтей. И, вообразивъ все это, она невольно расхохоталась: такою, до дикости смѣшной, показалась она себѣ въ роли «примѣрной жены» и «матери семейства», что тутъ же признала эту роль совершенно неподходящей для себя.

«Я просто сошла здѣсь съ ума отъ скуки, и мое увлеченіе Невзорскимъ — чистое сумашествіе, отъ котораго, впрочемъ, легко можно вылѣчиться:—надобно только поскорѣй уѣхать отсюда и не откладывать своего отъѣзда за границу до августа, т. е. еще на полтора мѣсяца. Кто знаетъ, до чего можетъ дойти мое безуміе въ теченіе полутора мѣсяца? Нѣтъ, нужно скорѣе положить конецъ этой блажи и уѣхать не позже, какъ черезъ двѣ недѣли, а пока буду здѣсь—надо избѣгать частыхъ свиданій съ Невзорскимъ, прекратить эти прогулки вдвоемъ, подающія поводъ къ сантиментальнымъ, глупымъ сплетнямъ»!— твердо рѣшила Лидія и, рѣшивъ такимъ образомъ, сразу успокоилась. Давно не спала она такъ спокойно, не засыпала такъ скоро, какъ въ эту ночь, но приснился ей все тотъ же дьяконовъ внукъ въ своей неизмѣнной рубашкѣ-косовороткѣ.

На слѣдующее утро, за чаемъ, Лидія обычнымъ холоднымъ тономъ заявила своимъ родителямъ о томъ, что находитъ нужнымъ ѣхать за границу черезъ двѣ недѣли. Она полагала, что послѣ ея словъ съ матерью сдѣлается опять истерика, опять начнутся упрашиванья остаться до августа, пожить въ родной семьѣ, съ которой «приведетъ ли еще Богъ снова увидѣться»... Но, къ искреннему удивленію Лидіи, ничего по-

Digitized by Google

добнаго не произошло: Софья Платоновна ограничилась только тяжелымъ вздохомъ, сказавъ безъ всякаго волненія:—«Что жь, Лидочка, поѣзжай черезъ двѣ недѣли, если находишь нужнымъ до августа устроиться, какъ слѣдуетъ, за границей. Мы тебя не удерживаемъ; деньги тебѣ на дорогу давно приготовлены. Конечно, намъ было бы очень пріятно пожить съ тобой еще полтора мѣсяца, да что жь дѣлать, если для тебя это неудобно»?

О. Кириллъ мертвенно поблѣднѣлъ, но тоже пробормоталъ чуть слышно, заикаясь:

— Да, ну чтожь? поѣзжай себѣ, Христосъ съ тобой... лѣтомъ-то лучше, пока хорошая погода... Въ августѣ, пожалуй, дожди пойдутъ, холода начнутся,—дѣло-то къ осени... А въ дорогѣ очень легко простудиться... — Затѣмъ, махнувъ рукой, онъ громко, почти рѣзко выговорилъ какимъ-то надтреснутымъ, страннымъ голосомъ:—Эхъ, все едино! Говорятъ, передъ смертью не наживешься! Въ августѣ или завтра ты уѣдешь—не все ли равно? Уѣдешь—вотъ что главное, вотъ въ чемъ суть.—Послѣ этихъ словъ, о. Кириллъ быстро всталъ со своего мѣста и ушелъ, оставивъ жену и дочь въ недоумѣніи, вызванномъ его внезапнымъ, совсѣмъ неожиданнымъ уходомъ. Но ни одной изъ нихъ даже въ голову не пришло, что о. Кириллъ чуть не задохнулся отъ сдерживаемыхъ слезъ и удалился для того, чтобы дать волю своимъ слезамъ. Почти каждый день плакалъ соборный протопопъ, а все таки не могъ выплакать всѣхъ своихъ слезъ:—слишкомъ много накопилось ихъ у него въ душѣ.

Лидія начала съ того же дня свои сборы къ предстоящему отъѣзду. Она сама, избѣгая посторонней помощи, укладывала въ сундуки и въ чемоданы свои вещи, чего прежде никогда не дѣлала (вообще она не любила хлопотать и суетиться), но теперь ею овладѣло какое-то необыкновенное лихорадочное оживленіе. Она не чувствовала даже ни малѣйшей усталости отъ непривычной возни и хлопотъ. Вмѣсто отдыха, по вечерамъ, она усаживалась за рояль на нѣсколько часовъ, иногда играя до глубокой ночи. Въ ея игрѣ появилось больше силы и выраженія. Но и эти продолжительныя усиленныя занятія музыкой не утомляли Лидіи. Зато она безвыходно оставалась дома, не видалась и не гуляла съ Петромъ въ теченіе нѣ-

Digitized by Google

сколькихъ дней, почти недѣли. Мало того: она объ немъ не думала все это время, не вспоминала; даже во снѣ ни разу не видѣла бѣднаго дьяконова внука.

XXI.

Петръ узналъ отъ Платона, что Лидія уѣзжаетъ черезъ двѣ недѣли, — узналъ въ тотъ же день, когда она объявила объ этомъ своимъ домашнимъ,—и былъ очень пораженъ точно неожиданнымъ ударомъ грома. Давно уже зная, что Лидія непремѣнно должна уѣхать, онъ всячески отгонялъ отъ себя мысль объ ея отъѣздѣ. Бывали минуты, когда эта мысль упорно и назойливо вертѣлась въ его мозгу; тогда онъ старался утѣшить себя тѣмъ, что еще болѣе мѣсяца онъ будетъ видѣть Лидію почти ежедневно, говорить съ ней, слушать ея голосъ. Все это сдѣлалось для него необходимымъ, какъ пища или воздухъ, и безъ этого самая жизнь казалась невозможной. Петръ уже пересталъ сознавать всю безнадежность и безцѣльность своей любви, пересталъ раздумывать и страдать по этому поводу: онъ теперь чувствовалъ только необыкновенное счастье, захватывавшее все его существо, при одномъ видѣ Лидіи. Это счастье, подобно солнечнымъ лучамъ, проникало въ сердце Петра, согрѣвая и просвѣтляя его. Теперь все въ Лидіи нравилось Петру,—даже ея недостатки; восхитительнымъ казалось все то, что прежде, еще такъ недавно, возмущало его до глубины души и озлобляло противъ «графини Кутейниковой». Сердце побѣдило разсудокъ.

И вдругъ, въ самый разгаръ слѣпой, безумной любви—это извѣстіе о близкой разлукѣ!

Чѣмъ-то невѣроятно-страшнымъ и страннымъ представилась Петру разлука съ Лидіей, какой-то жестокою насмѣшкой судьбы надъ его счастьемъ, надъ всей его жизнью. Онъ былъ твердо увѣренъ въ томъ, что никогда больше не полюбитъ никакую другую женщину; по крайней мѣрѣ, не полюбитъ такъ, какъ любитъ Лидію.

— Такъ любить можно только разъ въ жизни!—повторялъ онъ самому себѣ, послѣ каждаго свиданія съ Лидіей.

Платонъ замѣтилъ, какъ подѣйствовало на Петра извѣстіе о скоромъ отъѣздѣ сестры.

Digitized by Google

При всей своей простотѣ, Платонъ ужь началъ давно догадываться о настоящихъ чувствахъ товарища къ Лидіи и понимать, по какой причинѣ Симочка стала отдаляться отъ него, Платона. Въ душѣ онъ одобрялъ ее за это, находя, что такъ именно и слѣдуетъ поступать, хоть въ то же время ему было мучительно жаль Симочку, жаль исчезавшей свѣтлой надежды на ея любовь и счастье съ нею.

Оба они—Платонъ и Симочка—каждый про себя, рѣшили пожертвовать своей собственною любовью и счастьемъ для любви и счастья другихъ:—онъ для сестры, а она—для брата. И оба они не сомнѣвались въ томъ, что Лидія раздѣляетъ чувство Петра и что дѣло у нихъ непремѣнно должно кончиться свадьбой. А поэтому предполагали, что Лидіи навѣрное захочется подольше пожить въ родномъ городѣ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока Петръ не отправится въ академію; даже предполагали, что, можетъ быть, она и совсѣмъ не поѣдетъ за границу, о чемъ за послѣднее время перестала и говорить. Эти милыя взрослыя дѣти судили по себѣ о другихъ. Платонъ и Симочка ни за что не разстались бы, никуда не пожелали бы уѣхать другъ отъ друга, еслибъ имъ улыбалась надежда соединиться брачными узами. Внезапное рѣшеніе Лидіи—ускорить свой отъѣздъ—поразило ихъ не меньше, чѣмъ Петра, и показалось совершенно непонятнымъ и страннымъ.

Платонъ, при видѣ мгновенно измѣнившагося лица Петра (послѣ того, какъ сообщилъ ему непріятную новость) и нестерпимаго страданія, выразившагося на его лицѣ, разсердился самъ на себя за то, что поспѣшилъ подѣлиться съ нимъ такою новостью. «Можетъ быть, Лидія сама сказала бы Петру объ этомъ; можетъ быть, объяснила бы ему: почему ей понадобилось такъ скоро уѣхать»,—думалъ Платонъ. «Да, навѣрное она ему это скажетъ; они переговорятъ по душѣ и—Богъ знаетъ!—пожалуй, Лида и останется еще... Вѣдь, можетъ быть, они поссорились, ну, вотъ она и вздумала уѣзжать. А помириться нетрудно, особенно же, если любятъ другъ друга... И зачѣмъ, зачѣмъ я поторопился огорчить его прежде времени, зачѣмъ сунулся не въ свое дѣло»?! Доброе сердце Платона разрывалось отъ жалости къ товарищу и отъ досады на самого себя. Симочка тоже еле удерживалась отъ слезъ, глядя на брата.

Digitized by Google

Петръ, какъ-то безсильно опустился на стулъ, будто сраженный новостью, сообщенной Платономъ, и долго сидѣлъ молча, неподвижно и тяжело дыша. Ни сестра, ни Платонъ не нарушали молчанія, не заговаривали съ нимъ. Наконецъ, онъ сказалъ тихо и отрывисто, обращаясь къ Платону:

— Мнѣ хотѣлось бы сегодня видѣть Лидію Кирилловну... нужно поговорить съ ней... Спроси ее: можетъ ли она вечеромъ пойти со мной въ городской садъ? т. е. желаетъ ли? Скажи, что мнѣ очень нужно ее видѣть... пожалуйста! — Въ послѣдней фразѣ, произнесенной имъ громче, прозвучала страстная, хватающая за сердце, мольба. Конечно, Платонъ выразилъ полнѣйшую готовность исполнить его просьбу. Но, когда онъ передалъ ее Лидіи, то былъ озадаченъ небрежно холоднымъ отвѣтомъ сестры.

— Мнѣ теперь некогда гулять, да и надоѣло! Не могу понять, зачѣмъ нужно Петру Александровичу видѣться со мной и, притомъ, непремѣнно сегодня? Можно подумать, что у насъ съ нимъ какія нибудь важныя дѣла, требующія безотлагательныхъ свиданій. А для того, чтобы прогуливаться по саду и вести болѣе или менѣе пустые разговоры,—чѣмъ мы съ нимъ только и занимались,—вовсе не требуется такихъ экстренныхъ свиданій! *)

Однако, смущенный до крайности Платонъ все таки отважился спросить, хотя очень робко, краснѣя и заикаясь:

— Да какъ же?.. неужели мнѣ ему такъ это и передать. Вѣдь неловко... то-есть, будто бы несовсѣмъ вѣжливо. А, можетъ быть, ему надо повидаться именно по какому нибудь дѣлу?

Лидія пожала плечами; на ея лицѣ выразилось досадливое нетерпѣніе, и она отвѣтила рѣзкимъ тономъ, не терпящимъ возраженій:

— У меня теперь слишкомъ много своихъ дѣлъ для того, чтобы толковать о какихъ-то чужихъ дѣлахъ или богъ знаетъ объ чемъ! А ты болѣе чѣмъ смѣшенъ, взявъ на себя роль пригласительнаго билета, посланнаго мнѣ г. Невзорскимъ. Играешь ты эту глупую роль добросовѣстно и старательно, такъ что я потеряла терпѣніе, глядя на тебя, и прошу прекратить напрасную игру.

Долго ломалъ себѣ голову бѣдный Платонъ, придумывая, какъ бы ему передѣлать отвѣтъ сестры на болѣе вѣжливый

*) [illegible]

Digitized by Google

ладъ и въ такой смягченной формѣ передать его Петру; но ничего не могъ выдумать и никакъ не могъ смягчить жесткія слова Лидіи, запечатлѣвшіяся въ его памяти. Придя вечеромъ къ дьякону, онъ рѣшительно не зналъ, что̀ сказать Петру, который съ лихорадочной торопливостью принялся его допрашивать: передалъ ли онъ Лидіи то, объ чемъ Петръ просилъ его, и что̀ она на это отвѣтила? Платонъ совсѣмъ не умѣлъ лгать, а говорить непріятную правду, въ полной увѣренности, что эта правда еще сильнѣе разстроитъ Петра,—было для него невыносимо тяжело и больно. Поэтому онъ отвѣчалъ на торопливые, тревожные вопросы своего друга только вздохами, причемъ усиленно моргалъ глазами и краснѣлъ до ушей. Безъ сомнѣнія, еслибы Петръ не былъ въ такомъ мучительно-тревожномъ настроеніи въ эти минуты, то навѣрное расхохотался бы, глядя на Платона, необыкновенно комичнаго въ своемъ смущенномъ видѣ.

Но теперь Петра возмутило упорное молчаніе и тяжкіе вздохи Платона.

— Да говори же, отвѣчай что нибудь! — гнѣвно воскликнулъ Петръ, тряся за плечо «комика по неволѣ», какого изображалъ изъ себя Платонъ.

— Что ты оглохъ или онѣмѣлъ? Отвѣчай же!

— Да видишь ли, — невнятно забормоталъ Платонъ, стараясь не смотрѣть на товарища и покраснѣвъ уже до лба,— видишь ли, собственно отвѣчать-то нечего... Ну, я все сказалъ Лидѣ... т. е. не все, а то, объ чемъ ты просилъ...

— Ну, и что жь она? Да говори короче, не размазывай!

— Да она... она ничего... только сказала, что ей теперь некогда гулять: дѣла у нея много...

— Какого же это дѣла, отъ котораго нельзя уйти хоть на четверть часа?—опять перебилъ Петръ совсѣмъ запутавшагося въ своихъ словахъ Платона.—Должно быть, ты позабылъ сказать Лидіи Кирилловнѣ, что мнѣ *очень нужно* съ ней видѣться?

Окончательно сбитый съ толку, измучившійся Платонъ безпомощно махнулъ рукой и простодушно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, ничего я не позабылъ сказать. А Лида что-то не въ духѣ, какъ видно, и говоритъ: некогда гулять, не объ чемъ ему со мной разговаривать...—Потомъ, спохватившись и мысленно обругавъ себя «осломъ», Платонъ поспѣшилъ прибавить.

Digitized by Google

— Конечно, она не такъ сказала, т. е. не въ такихъ именно выраженіяхъ...

Петръ поблѣднѣлъ и тихо промолвилъ съ горькихъ смѣхомъ, ласково потрепавъ по плечу Платона:

— Полно, Аристидъ Справедливый! Ты не умѣешь лгать и не старайся напрасно обучаться этому. Вѣдь отвѣтъ Лидіи Кирилловны на твоемъ лицѣ написанъ, только я ослѣпъ на нѣсколько минутъ, а потому и не могъ скоро прочесть этотъ отвѣтъ. Лидія Кирилловна не желаетъ меня больше видѣть, находитъ это совершенно лишнимъ, не нужнымъ,—такъ богъ съ ней!

Платонъ ушелъ домой, убитый самимъ собою.

Въ продолженіе всего этого дня, Василій Захаровичъ не заговаривалъ ни разу со своимъ внукомъ и вообще былъ молчаливѣе и задумчивѣе, чѣмъ обыкновенно; даже на гусляхъ не игралъ, что̀ очень удивило Симочку. Василій Захаровичъ не садился за свой любимый инструментъ только наканунѣ большихъ праздниковъ да въ теченіе двухъ постовъ: Великаго и Успенскаго. Симочка такъ привыкла ежедневно слушать дѣдушкину игру на гусляхъ, что ей даже сдѣлалось не по себѣ, почти жутко безъ этой музыки. Ея печаль и жалость къ брату еще усилились.

Только передъ отходомъ ко сну, старый дьяконъ, по обыкновенію, благословивъ на сонъ грядущій своихъ внучатъ, заговорилъ съ Петромъ какимъ-то особеннымъ, строго-торжественнымъ тономъ:

— Ты молиться не любишь; это не хорошо! И для сердца тяжко. Я тебѣ говорю: молись! Да, молись и терпи. Лучше этого ничего нѣтъ. Всякая горесть отъ молитвы замираетъ.

Петръ молча выслушалъ дѣда, устремивъ на него свой мрачный, тревожно-блещущій взглядъ, а потомъ сказалъ рѣзко, съ отчаяніемъ махнувъ рукой:

— Эхъ, дѣдушка! Не надѣлила меня природа терпѣніемъ; не могу, не умѣю я терпѣть. А молитва безъ вѣры — мертва есть; отъ такой молитвы вѣдь легче на душѣ не будетъ.

Глубокая скорбь выразилась на душѣ стараго дьякона и зазвучала въ его голосѣ, когда онъ опять заговорилъ, понуривъ свою сѣдую голову.

— Несчастный ты человѣкъ, Петръ! Безъ вѣры и тер-

Digitized by Google

пѣнія—жизнь страшна, все едино, какъ бы по краю бездонной пропасти бродишь, безъ поддержки и опоры. Боюсь, скоро сверзишься ты въ пропасть...

— Туда мнѣ и дорога!—еще рѣзче воскликнулъ Петръ.— Правда ваша, дѣдушка; безъ поддержки и опоры долго не нагуляешь надъ пропастью. Явилась было у меня поддержка, которая могла бы удержать меня на твердой почвѣ, да только она также скоро исчезла, какъ и появилась... Ну, да что говорить о томъ, чего ужь нѣтъ! Вамъ съ Симочкой не слѣдуетъ слушать мой бредъ и пора спать. Спокойной ночи, дѣдушка и сестренка!

Однако, эта ночь не была спокойна ни для кого изъ Невзорскихъ. Плохо спалось Симочкѣ, вдоволь наплакавшейся, прежде чѣмъ заснуть; безпокоенъ былъ сонъ и Василія Захаровича (можетъ быть потому, что онъ, сверхъ своего обыкновенія, не читалъ на ночь ни Крестнаго календаря, ни Епархіальныхъ вѣдомостей), а Петръ даже не раздѣвался и не ложился въ постель до утра. Всю ночь напролетъ, онъ метался изъ угла въ уголъ по своей крошечной комнаткѣ, которую Симочка важно величала «Петинымъ кабинетомъ», а самъ онъ называлъ «клѣткой для чижа-подростка», прибавляя, что взрослому чижу подобная клѣтка показалась бы тѣсной и неудобной.

Петръ терзался, точно невыносимой болью, муками несчастной, безумной любви, оскорбленнаго самолюбія и недовольства жизнью и самимъ собою.

XXII.

За три дня до отъѣзда Лидіи, праздновалась свадьба Оленьки. Приглашать Востоковыхъ на эту свадьбу являлась чета Великолѣповыхъ: Анфиса Яковлевна и мужъ ея, о. Аристархъ, весьма почтеннаго вида батюшка, только страдавшій излишнею полнотой, по причинѣ которой безпрестанно отдувался и говорилъ, немного задыхаясь, что, впрочемъ, не мѣшало ему выражаться довольно витіевато.

— Многоуважаемые, добрѣйшіе братецъ и сестрица!—говорилъ онъ, обращаясь къ о. Кириллу и Софьѣ Платоновнѣ. — Не сомнѣваюсь въ томъ, что вы осчастливите насъ

Digitized by Google

своимъ посѣщеніемъ въ сей свѣтло-радостный и высоко-торжественный для нашего семейства день... т. е. вѣрнѣе: вечеръ, ибо вѣнчаніе назначено въ семь часовъ вечера.

— Ахъ, да возможное ли дѣло, чтобъ въ такомъ важномъ случаѣ близкихъ родныхъ не посѣтить!—перебивая мужа, воскликнула Анфиса Яковлевна.

— Ужь это значитъ, просто кровную обиду нанести, какой во вѣки вѣковъ не забудешь!

Затѣмъ о. Аристархъ сталъ просить, столь же возвышеннымъ слогомъ, Платона и Лидію—почтить Оленьку своимъ присутствіемъ на ея свадьбѣ. Но Анфиса Яковлевна опять перебила его, тоже обратившись къ молодымъ Востоковымъ, преимущественно же къ Лидіи:

— По крайней мѣрѣ, вы хоть повеселитесь, потанцуете у насъ! Музыка будетъ отличная: оркестръ изъ 8 человѣкъ, съ контробасомъ. А танцующіе кавалеры—одинъ другаго лучше: четыре академиста, двое университетскихъ студентовъ, межевой съ послѣдняго курса,—ужь этотъ настоящій хватъ: всѣхъ своими манерами превзойдетъ! Да еще человѣкъ десятъ разныхъ чиновниковъ наберется. Ужь пяти семинаристовъ да трехъ сельскихъ учителей не считаю: что-то они съ виду не больно ловки; одинъ учитель даже немного прихрамываетъ на правую ногу. Эти кавалеры не годятся для танцевъ съ тобой, Лидуша! Пускай они пляшутъ съ дочерьми дьячка Митрофана Дороѳеича: у него полдюжины дочекъ-то и одна хуже другой, сущія медвѣдицы, а танцовать любятъ до безумія.

Платонъ, покраснѣвъ и довольно неуклюже поклонившись, началъ:—Очень вамъ благодаренъ! Только танцовать не могу; я все путаюсь, особенно въ кадрили...

Но, замѣтивъ строгій взглядъ матери, устремившійся на него въ эту минуту,—онъ и въ словахъ запутался, какъ въ кадрили, еще гуще покраснѣлъ, поперхнулся и умолкъ. Лидія тоже поблагодарила о. Аристарха съ Анфисою Яковлевной за приглашеніе, рѣшивъ про себя, что не поѣдетъ на свадьбу, но находя совершенно лишнимъ заявлять объ этомъ вслухъ. Это подняло бы цѣлую бурю благороднаго негодованія въ сердцахъ четы Великолѣповыхъ, которые несомнѣнно принялись бы усовѣщевать и умолять Лидію: «не обижать близкихъ родныхъ» и не отказываться пріѣхать на свадьбу. Насчетъ

Digitized by Google

подобнаго же уговариванья со стороны своихъ родителей она не опасалась, зная, что имъ самимъ вовсе нежелательно и непріятно отправляться на это родственное празднество и поѣдутъ они только изъ вѣжливости И Лидія не ошиблась: родители не возразили ей ни однимъ словомъ, когда она, по уходѣ Великолѣповыхъ, сказала, что не воспользуется любезнымъ приглашеніемъ о. Аристарха и Анфисы Яковлевны. Платонъ, которому также совсѣмъ было не до веселья и котораго всегда страшило большое общество, ободренный успѣхомъ сестры, осмѣлился высказать о своемъ нежеланіи ѣхать на свадьбу, но въ отвѣтъ на это получилъ сердитый окрикъ матери:—Нельзя же никому изъ насъ не быть на этой свадьбѣ! Мнѣ самой не хочется ѣхать, но вѣдь я поѣду. А тебѣ полезно побывать хоть въ какомъ нибудь обществѣ. Ты совсѣмъ одичалъ, сдѣлался еще неуклюжѣе, потому что нигдѣ не бываешь, никого не видишь, кромѣ нашего дьякона да его внучатъ!

Бѣдный Платонъ не промолвилъ ни слова и, тяжко вздохнувъ, рѣшилъ, по своему обыкновенію, безропотно покориться материнской волѣ.—Кромѣ предстоящаго веселья по неволѣ, Платона еще тайно мучило—и несравненно сильнѣе — порученіе, возложенное на него въ этотъ же день Петромъ, умолявшимъ опять сказать Лидіи о томъ, что ему, Петру, необходимо нужно повидаться съ нею.

Сердечныя страданія, — какія испытывалъ Петръ въ теченіе почти двухъ недѣль, — совсѣмъ преобразили его. Онъ исхудалъ, поблѣднѣлъ, точно послѣ тяжкой болѣзни. Онъ будто разучился говорить и смѣяться, никуда не выходилъ изъ дому, иногда по цѣлымъ часамъ сидя на одномъ мѣстѣ, въ глубокой задумчивости, подобно своему дѣду, а иногда — тоже по цѣлымъ часамъ — шагая изъ угла въ уголъ съ видомъ человѣка, страдающаго жестокою зубной болью. Петръ отчаянно боролся со своимъ чувствомъ къ Лидіи, стараясь искоренить его совершенно изъ сердца, однако, безъ всякаго успѣха: любовь оставалась побѣдительницей. Она даже одержала побѣду надъ непомѣрнымъ самолюбіемъ академиста, больно уязвленнымъ Лидіей. Явное нежеланіе Лидіи видаться съ Петромъ, неожиданный и рѣзкій переворотъ въ ея отношеніяхъ къ нему—все это были острыя иглы, какъ

Digitized by Google

для сердца, такъ и для самолюбія Петра. Однако же, кончилось тѣмъ, что онъ не выдержалъ неравной борьбы съ любовью, не выдержалъ характера, не могъ преодолѣть страстнаго, мучительнаго желанія видѣть Лидію, рѣшившись во что бы ни стало добиться свиданія съ нею наединѣ и высказаться предъ нею откровенно. Онъ не зналъ, даже не думалъ, къ чему все это приведетъ: не надѣялся тронуть сердце Лидіи, не боялся и возмутить ее своимъ откровеннымъ признаніемъ въ любви.

Его желаніе видѣться и объясниться съ нею—было какое то стихійное, неудержимое и почти безсознательное.

Петръ былъ жалокъ, какъ слабый, безпомощный ребенокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ страшенъ, какъ безумный, когда во второй разъ просилъ Платона уговорить Лидію повидаться съ нимъ. Онъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе на Платона, отважившагося (хотя не безъ колебаній и не безъ сердечнаго трепета) опять заговорить съ сестрою о Петрѣ и передать его просьбу о свиданіи. Конечно, онъ заговорилъ съ нею объ этомъ не при родителяхъ. Лидія на этотъ разъ выслушала брата совершенно спокойно, затѣмъ отвѣтила тоже спокойнымъ тономъ, чуть замѣтно улыбнувшись и пожавъ плечами:— Дикіе вы люди, господа семинаристы и академисты! Ни малѣйшаго понятія о приличіяхъ не имѣете. Ну, прилично ли молодому человѣку просить молодую дѣвушку о томъ, чтобы она назначила ему свиданіе? И вдобавокъ — посылать съ такою просьбой ея роднаго брата! А этотъ братъ, — застѣнчивый, точно старинная боярышня,—даже не покраснѣлъ, приглашая сестру на свиданіе со своимъ другомъ и полагая, по своей семинарской наивности, что ровно ничего неприличнаго не сдѣлалъ и не сказалъ.

Отъ этого замѣчанія не только щоки, но и уши Платона мгновенно покрылись пурпуромъ, что заставило Лидію расхохотаться.

— Что, какъ видно, пристыдила я тебя, милый братецъ?— совсѣмъ ужь весело продолжала она.—Ну, а теперь обрадую! Можешь передать Невзорскому, что если онъ непремѣнно желаетъ видѣть меня одну, такъ пусть приходитъ къ намъ завтра вечеромъ, когда папа, мама и ты — всѣ отправитесь на свадьбу. Да еще скажи ему, что я удивляюсь, отчего онъ не

Digitized by Google

могъ или не хотѣлъ прійти къ намъ безъ особеннаго приглашенія, не смотря на то, что ему зачѣмъ-то необходимо нужно со мной повидаться? Вѣдь бывалъ же онъ въ нашемъ домѣ не разъ и безъ всякихъ приглашеній. Входъ въ домъ ему не воспрещенъ никѣмъ изъ нашей семьи. Нѣтъ, опять таки повторю: дикіе, очень дикіе люди воспитываются въ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ. Просто монстры какіе-то!..

А, между тѣмъ, сердце Лидіи билось сильнѣе обыкновеннаго; ей вдругъ стало какъ-то особенно хорошо, легко и радостно. Она сознавала и чувствовала, что одержала полную побѣду надъ гордымъ, самолюбивымъ академистомъ, добивающимся видѣться съ нею, хотя несомнѣнно, что ея поведеніе по отношенію къ нему за послѣднія двѣ недѣли, ея рѣзкій отказъ на его первую просьбу о свиданіи — должны были оскорбить болѣзненное самолюбіе Петра. Но онъ, и послѣ такого оскорбленія, не потерялъ желанія видѣть Лидію. «Значитъ, онъ меня любитъ, очень любитъ»!.. думала Лидія, и эта мысль доставляла ей большое удовольствіе. Въ продолженіе этихъ двухъ недѣль, Лидія старалась не думать, не вспоминать о Петрѣ, и это ей удалось, благодаря сборамъ въ дорогу, усиленнымъ занятіямъ музыкой и мечтамъ о будущемъ. Она, какъ будто бы даже позабыла о существованіи дьяконова внука.

И когда Платонъ напомнилъ ей объ его существованіи въ первый разъ, она серьзно разсердилась, находя это напоминаніе совершенно лишнимъ и не нужнымъ, также какъ и свиданіе съ Петромъ. Но теперь ей самой захотѣлось видѣть Петра, говорить съ нимъ; ее интересовало: что именно желаетъ онъ сказать ей? Въ теченіе этого дня, Лидія не присаживалась къ роялю, не читала,—вообще, не занималась ничѣмъ, а только разговаривала и смѣялась больше обыкновеннаго и была въ возбужденно-веселомъ настроеніи. Объ чемъ бы она ни начинала думать, всѣ ея думы прерывались внезапно возникавшею мыслью о завтрашнемъ свиданіи съ Петромъ.

— Какъ хорошо, что я скоро уѣду! — безпрестанно повторяла она самой себѣ, стараясь прогнать назойливо-безотвязную мысль, что, однако жь, совсѣмъ не удавалось. Такъ и за-

Digitized by Google

снула Лидія съ этой мыслью въ головѣ. А потому и не удивительно, что во снѣ она видѣла опять Петра. Ей приснилось, что она съ нимъ гуляетъ въ цвѣтникѣ, небольшомъ, но переполненномъ множествомъ красивыхъ, душистыхъ цвѣтовъ, точно смѣявшихся подъ яркими лучами солнца, сіявшаго на голубомъ безоблачномъ небѣ. И Петръ былъ несравненно красивѣе, чѣмъ въ дѣйствительности, словно бы переродился и не походилъ на самого себя. Онъ, съ необыкновеннымъ оживленіемъ, со счастливой улыбкою, разсказывалъ что-то Лидіи, но что̀ именно — она не могла понять по той причинѣ, что говорилъ онъ на какомъ-то неизвѣстномъ ей языкѣ. Однако, Лидіи нравился этотъ непонятный, невѣдомый языкъ, напоминавшій музыку и ласкавшій ея слухъ. И чѣмъ больше вслушивалась она, тѣмъ музыкальнѣе онъ ей казался. Это ужь были не слова,—а тихая, нѣжная мелодія, точно умолявшая и манившая Лидію куда-то далеко, на просторъ, изъ этого маленькаго цвѣтника, гдѣ ей вдругъ сдѣлалось тѣсно и душно. Забывъ о Петрѣ, она побѣжала по дорожкѣ къ выходу,—но у самой калитки, ведущей въ поле, опять вспомнила забытаго и оглянулась назадъ. Вмѣсто Петра, глазамъ ея представился блѣдный, безформенный призракъ, какъ бы таявшій въ воздухѣ. Лидія вскрикнула и проснулась съ сильно-бьющимся сердцемъ, съ ощущеніемъ человѣка, еле удержавшагося отъ паденія въ бездну.

Она облегченно вздохнула при видѣ солнечныхъ лучей, пробившихся сквозь занавѣски у оконъ и весело игравшихъ на стѣнѣ, надъ ея головой, и съ удовольствіемъ подумала. «Хорошо, что теперь утро! Проснись я ночью послѣ такого сна, мои глупые нервы, пожалуй, довели бы меня до галлюцинацій...

XXIII.

Почему-то особенно живо и ясно припомнила Лидія свой сонъ вечеромъ того же дня, когда осталась дома одна и сидѣла на террасѣ, въ ожиданіи Петра,—можетъ быть, потому, что въ саду предъ террасой пестрѣли цвѣты, похожіе на тѣ, которые приснились Лидіи, а небо было такое же голубое, безоблачное, какое видѣла она во снѣ. Только солнце уже зашло; въ

Digitized by Google

воздухѣ разливалась вечерняя сыроватая прохлада; трава покрылась росой, и легкій туманъ, точно тонкой бѣлою кисеей, окутывалъ верхушки высокихъ, старыхъ деревьевъ. Вечеръ былъ свѣжій и тихій, безъ малѣйшаго вѣтерка, почему до слуха Лидіи необыкновенно отчетливо доносились всѣ звуки съ улицы: голоса и смѣхъ прохожихъ, стукъ лошадиныхъ копытъ по мостовой, чья-то заунывная, безконечно-тянувшаяся пѣсня, вѣроятнѣе всего—вылетавшая изъ груди какого нибудь дворника, сидящаго на скамеечкѣ у воротъ. Разсѣянно слушая эти уличные отголоски, Лидія ждала Петра не безъ внутренняго волненія. Но въ этомъ, необычномъ для нея волненіи, вызвавшемъ даже румянецъ на ея блѣдныя щоки и заставлявшемъ ее нервно вздрагивать при каждымъ болѣе рѣзкомъ звукѣ, долетавшемъ съ улицы,—было что-то пріятное, радостное и завлекательное. Это была новая, а потому интересная игрушка для двадцатитрехлѣтняго избалованнаго ребенка. Лидіи такъ нравилось ждать и волноваться, что вовсе не хотѣлось скораго появленія того, кого она ожидала. Однако, ей недолго пришлось наслаждаться прелестью ожиданія,—не болѣе четверти часа. Затѣмъ она услышала звонокъ у подъѣзда, при звукѣ котораго вздрогнула сильнѣе обыкновеннаго и слегка поблѣднѣла. Минуту спустя, предъ ней появилась Наталья, доложившая почти шопотомъ, съ важно-таинственнымъ видомъ:

— Барышня, внучекъ нашего о. дьякона пришелъ и желаетъ видѣть собственно васъ, по какому-то дѣлу.

— Ну, что жъ? зови его сюда, на террасу,—не глядя на Наталью, отвѣчала Лидія и голосъ ея дрогнулъ; она съ неудовольствіемъ почувствовала, что конфузится, какъ институтка, въ присутствіи старой горничной съ умными, проницательными глазами.

Наталья, прошептавъ: «хорошо-съ», удалилась съ террасы, по своему обыкновенію, тихими, будто крадущимися, шагами. Лидіи стало досадно на себя за свое смущеніе передъ прислугой, за свое волненіе, котораго не могла преодолѣть или хоть скрыть, по крайней мѣрѣ, отъ людей. «Боже мой, какъ все это глупо, институтски-сантиментально и не похоже на меня! Веду себя, точно влюбленная дѣвчонка, хоть ни крошечки не влюблена въ этого дьяконова внука... Жду чего-то особеннаго, необыкновеннаго, а навѣрное ровно ничего не бу-

Digitized by Google

детъ, да и быть не можетъ! И почему мнѣ вообразилось, что Невзорскій влюбленъ въ меня? Безъ сомнѣнія, онъ желаетъ поговорить со мной о какомъ нибудь дѣлѣ; ну, да, конечно, о дѣлѣ... о чемъ же еще»?..

Но, думая такимъ образомъ, Лидія продолжала волноваться все сильнѣе и сильнѣе. Нервы у нея напрягались до того, что она чуть не вскрикнула, увидѣвъ Петра. Онъ вошелъ и приблизился къ Лидіи съ совершенно несвойственной ему неловкою застѣнчивостью, напоминавшей о Платонѣ.

Лидія молча смотрѣла на него, пораженная рѣзкой перемѣной въ его наружности и манерахъ. Онъ показался ей больнымъ и постарѣвшимъ на нѣсколько лѣтъ.

— Здравствуйте, Лидія Кирилловна! — первый заговорилъ Петръ, тоже измѣнившимся, будто бы не своимъ голосомъ, въ которомъ звучали необыкновенно нѣжныя и грустныя ноты.— Благодарю васъ, что не отказались меня видѣть.

— Здравствуйте, Петръ Александровичъ!—стараясь подавить свое волненіе, отвѣтила Лидія, подавая ему руку, и прибавила съ нервной торопливостью, обнаружившей ея тревожное настроеніе. Да, мы съ вами давно не видались,—кажется, больше двухъ недѣль. Ужь очень усердно я занялась сборами въ дальній путь да и музыкой тоже, такъ что не хватало времени гулять и видаться со знакомыми. Да что жь вы стоите? Садитесь!

Петръ покорно опустился на стулъ, напротивъ Лидіи. Нѣсколько секундъ они оба молчали. Петръ, низко нагнувъ голову, вертѣлъ въ рукахъ свою фуражку. Глядя на его осунувшееся, пожелтѣвшее лицо, на которомъ выражалось страданіе, Лидія почувствовала, что въ ея сердцѣ пробуждается жалость къ дьяконову внуку. Никого и никогда еще не жалѣла она такъ, какъ пожалѣла въ эти минуты Петра. Отъ этого, невѣдомаго до сихъ поръ, чувства смягчился стальной блескъ ея глазъ; обычная холодность взгляда также исчезла и Лидія вдругъ похорошѣла. Что-то невыразимо милое и нѣжное появилось въ ея лицѣ, особенно же въ глазахъ. И заговорила она мягкимъ, ласковымъ тономъ, полнымъ участія, обращаясь къ Петру:

— Какъ вы измѣнились, похудѣли, Петръ Александровичъ! У васъ совсѣмъ нездоровый видъ. Вѣрно, въ продолженіе этихъ

Digitized by Google

двухъ недѣль, вы слишкомъ много сидѣли, не разгибая спины, надъ книгами? А, можетъ быть, и хворали?

При первомъ звукѣ ея голоса, Петръ поднялъ голову, взглянулъ на Лидію и не могъ ужь оторвать отъ ея лица своего, мгновенно просвѣтлѣвшаго радостью, взгляда. Пока она говорила, на его щекахъ то вспыхивалъ, то пропадалъ жаркій, точно лихорадочный румянецъ; когда же она умолкла, Петръ, тряхнувъ кудрями, началъ нѣсколько прерывающимся голосомъ, но горячо и рѣшительно:

— Нѣтъ, я ничѣмъ не занимался и не могъ заниматься, Лидія Кирилловна, хотя и не хворалъ. А если вамъ угодно знать, отчего я такъ измѣнился, притомъ измѣнился не только наружно, — я вамъ скажу. Вѣдь собственно для того, чтобы высказаться передъ вами—я такъ и добивался видѣть васъ!.. Только прошу выслушать меня до конца; потомъ вы можете прогнать меня, разбранить,—все, что хотите... Но позвольте мнѣ прежде высказаться, прошу васъ. Я не могу больше терпѣть и молчать, не могу!..

Послѣдняя фраза вырвалась у него отчаянной мольбою; въ этой фразѣ Лидіи послышался крикъ человѣка, измученнаго жестокою пыткой, которой онъ не въ силахъ болѣе переносить.

— Говорите все, что желаете сказать... Я готова васъ слушать, — тихо и какъ будто бы помимо воли, промолвила Лидія, зябко закутываясь отъ внезапно охватившаго ее нервнаго озноба въ бѣлый шолковый шарфъ, который былъ накинутъ на ея плечахъ. Ближе придвинувшись къ ней, Петръ быстро заговорилъ тѣмъ же прерывистымъ и страстнымъ тономъ безъ паузъ, почти безъ передышки, какъ говорятъ— или, по простонародному выраженію, «наговариваются»—люди передъ смертью. Его темные, глубокіе глаза, нѣсколько впавшіе отъ худобы лица, точно зажглись огнемъ; подъ ихъ пристальнымъ взглядомъ Лидія невольно потупилась. Прилетѣвшая изъ сада, большая ночная бабочка сѣла ей на руку, и на этой бабочкѣ, она какъ будто бы сосредоточила все свое вниманіе, слѣдя за легкимъ трепетомъ ея жосткихъ крыльевъ. Но это не мѣшало Лидіи чувствовать на себѣ взглядъ Петра, приводившій ее въ какое-то странное, жуткое смущеніе.

Digitized by Google

— Многіе считаютъ меня, Лидія Кирилловна, человѣкомъ энергичнымъ, съ твердымъ характеромъ, съ упорной волею,—и жестоко ошибаются! Въ дѣйствительности—я слабый, безхарактерный «самолюбецъ изъ духовнаго званія», вполнѣ сознающій свое безсиліе и ничтожество, страдающій хроническимъ недовольствомъ самимъ собой и всѣмъ на свѣтѣ. Вотъ мой дѣдъ видитъ во мнѣ именно такого человѣка, какимъ я есть въ дѣйствительности и недавно онъ сказалъ мнѣ, что я брожу надъ пропастью безъ поддержки... Нѣтъ, впрочемъ, не брожу, а мечусь, порываюсь куда-то, самъ не зная куда, безъ всякой опредѣленной цѣли, и несомнѣнно кончу тѣмъ, что свалюсь въ пропасть, какъ предсказывалъ дѣдъ...

На мгновеніе Петръ умолкъ, прервавъ свою рѣчь судорожнымъ вздохомъ, потомъ опять заговорилъ.

— И знаете ли, въ чемъ я нашелъ, на нѣкоторое время, необходимую для меня поддержку? Въ безуміи, которое овладѣло мною всецѣло съ нынѣшняго лѣта, хотя, думаю, что началось это безуміе уже давно, постепенно разростаясь и усиливаясь съ теченіемъ времени... Только недавно почувствовалъ я, что будто бы перерождаюсь подъ вліяніемъ этого счастливаго безумія, начинаю смотрѣть на все другими глазами; жизнь и люди, всѣ вообще, стали казаться мнѣ несравненно лучшими... И самъ себѣ сталъ я представляться менѣе безсильнымъ и ничтожнымъ, почувствовалъ себя способнымъ прожить свой вѣкъ не безъ пользы для другихъ, въ чемъ прежде сильно сомнѣвался... Но, къ сожалѣнію, я скоро сознался, что лишился разсудка, что безумствую... Говорятъ, сознаніе—первый признакъ выздоровленія. Однако же, я не выздоравливаю. Сознаніе вернуло мнѣ только прежнее недовольство жизнью и самимъ собой... Нѣтъ, даже не прежнее терпимое недовольство, а жгучее, мучительное, невыносимое!.. Разумѣется, вы не понимаете меня, Лидія Кирилловна, и слушаете мои слова, какъ настоящій безумный бредъ. И, въ самомъ дѣлѣ, я не говорю, а брежу... Совсѣмъ не то хотѣлъ я вамъ сказать, что сказалось!..

Но Лидіи нравилось слушать этотъ бредъ, который она понимала, хоть почему-то старалась увѣрить себя, что ничего не понимаетъ и что, можетъ быть, Петръ въ самомъ дѣлѣ помѣшался. Ей нравилось сидѣть съ нимъ вдвоемъ среди сгу-

Digitized by Google

щавшихся сумерекъ прохладнаго вечера, испытывая жуткое смущеніе, мѣшавшее перебить Петра какимъ бы то ни было словомъ или вопросомъ, не позволявшее поднять на него глаза. Однако, сдѣлавъ надъ собой усиліе, она взглянула на него, причемъ покраснѣла, точно Платонъ. Никогда не казался ей Петръ такимъ красивымъ, близкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ жалкимъ, какимъ показался теперь.

— Да, я сказалъ вамъ не то, что хотѣлъ сказать или, вѣрнѣе, не такъ... — задумчиво повторилъ онъ и послѣ минутнаго молчанія проговорилъ тихо, но отчетливо, твердымъ голосомъ:

— Я люблю васъ, Лидія Кирилловна. Конечно, это безуміе съ моей стороны, и больше ничего. Ну, теперь я сказалъ вамъ то, что хотѣлъ; можете прогнать меня...—и поднялся съ мѣста, готовый уйти.

Въ первый разъ въ своей жизни, Лидія услышала признаніе въ любви и, можетъ быть, именно поэтому оно произвело на нее сильное впечатленіе, точно отуманило ей голову. Она мгновенно потеряла способность думать и соображать. Вообще, съ ней сдѣлалось что-то странное, небывалое до сихъ поръ:— сердце билось такъ сильно, что она ясно слышала его біеніе; къ щекамъ прилила горячая кровь, застучавшая въ вискахъ, голова слегка закружилась... И Лидія совсѣмъ безсознательно сказала, словно въ бреду:—Не уходите, останьтесь... Вѣдь я васъ не гоню!

Петръ, не ожидавшій ничего подобнаго, дѣйствительно обезумѣлъ отъ счастья. Онъ остался и опять заговорилъ о своей любви, о томъ, что отъ Лидіи зависитъ сдѣлать изъ него другаго человѣка, — такого, какимъ теперь нѣкоторые только воображаютъ его. Говорилъ онъ безсвязно, задыхаясь отъ волненія; ему хотѣлось смѣяться и плакать одновременно.

Вдругъ Лидія прервала его рѣчь нетерпѣливымъ восклицаніемъ и вопросомъ: — Ну, опять заиграла на роялѣ наша сосѣдка, жена акцизнаго! Слышите?

Это восклицаніе и вопросъ точно холодной водою облили Петра. Оборвавъ свою безумно-восторженную рѣчь на полусловѣ, онъ въ ту же минуту услышалъ звуки музыки, доносившейся изъ открытыхъ оконъ сосѣдняго дома, гдѣ на старомъ,

Digitized by Google

давно не настроенномъ, роялѣ жена «акцизнаго» старательно барабанила серенаду Шуберта.

— Боже мой, какъ она фальшивитъ, какъ немилосердно фальшивитъ!—снова воскликнула Лидія съ раздраженіемъ.— Стучитъ по клавишамъ, точно ночной сторожъ въ доску, и воображаетъ, что играетъ прекрасно... И зачѣмъ только учатъ такихъ неспособныхъ, глухихъ тупицъ музыкѣ? Это возмутительно!

Дребезжащіе, фальшивые звуки разбитаго рояля быстро отрезвили и вывели изъ необыкновеннаго настроенія Лидію. Она теперь ничего не чувствовала, кромѣ досады на жену акцизнаго, жестоко оскорблявшую и раздражавшую ея музыкальный слухъ. На нѣсколько минутъ Лидія даже позабыла о присутствіи Петра, вслушиваясь въ звуки музыки. Потомъ, съ жестомъ нетерпѣнія поднявшись съ мѣста, она обратилась къ Петру:

— Нѣтъ, у меня силъ не хватаетъ слушать это ужасное бренчанье! Пойдемте въ комнаты. Да теперь, кстати, и не особенно пріятно сидѣть на террасѣ: темно, холодно... Я очень озябла; мнѣ кажется, что я начинаю замерзать.

Петръ, слушая ее, почувствовалъ, что она начинаетъ замерзать въ своемъ обычномъ холодномъ спокойствіи и сердце его сжалось мучительной тоскою. Не возразивъ ей ни словомъ, онъ покорно послѣдовалъ за нею въ домъ. Едва они успѣли войти, какъ Лидія тотчасъ же позвала Наталью и приказала ей строгимъ тономъ требовательной хозяйки зажечь лампу въ залѣ и поставить самоваръ.

Все недавнее смущеніе и волненіе Лидіи совершенно исчезли, точно ничего этого даже и не было. Она, дѣйствительно, совсѣмъ замерзла. Посмотрѣвъ на Петра, при свѣтѣ зажженной Натальею лампы, она ощутила только неудовольствіе и досаду на саму себя за то, что согласилась на свиданіе съ «дьяконовымъ внукомъ», что допустила его «объясняться въ любви». Вообще, теперь все это казалось ей какимъ-то глупымъ, дикимъ сномъ, въ которомъ глупѣйшую роль играла она сама. И зачѣмъ она, выслушавъ признаніе Петра, просила его остаться, когда онъ собрался уходить? Этого ужь вовсе не могла понять Лидія, сознавая, что этимъ она поставила себя въ чрезвычайно непріятное положеніе, изъ котораго не-

Digitized by Google

обходимо поскорѣй выпутаться. Навѣрное Петръ сейчасъ опять запоетъ ту же пѣсню, какую она такъ внимательно слушала на террасѣ, не остановивъ его на первомъ словѣ, удержавъ послѣ всего высказаннаго имъ. Безъ сомнѣнія, онъ вообразилъ ее далеко не равнодушной къ его любви, можетъ быть, влюбленной въ него по уши. Но Петръ не заговаривалъ. Войдя въ залу, онъ опустился на первый попавшійся стулъ, съ видомъ человѣка, изнемогающаго отъ чрезмѣрной усталости, и сидѣлъ молча, только слѣдя тоскливо-тревожнымъ взглядомъ за каждымъ движеніемъ Лидіи, что̀ также доставляло ей неудовольствіе. Когда Наталья ушла изъ комнаты, Лидія сѣла къ столу и, нервно теребя бахрому скатерти, покрывавшей столъ, тоже молчала, въ ожиданіи перваго слова отъ Петра. Но, не дождавшись этого слова и нетерпѣливо желая положить конецъ нелѣпому свиданію, она заговорила сама, спокойнымъ, увѣреннымъ тономъ, хотя и избѣгая смотрѣть на Петра.

— Вы сказали мнѣ все, Петръ Александровичъ, что̀ желали сказать, и я васъ выслушала. А теперь попрошу выслушать меня. Повѣрьте, мнѣ очень жаль, что я пробудила въ васъ такое чувство, на которое могу отвѣчать только простымъ дружескимъ расположеніемъ...

Петръ поблѣднѣлъ до синевы и, быстро поднявшись со стула, сдѣлалъ шагъ къ Лидіи, перебивъ ее съ прежнею своей рѣзкостью:

— Не говорите неправды, Лидія Кирилловна! Вѣдь я не нервная барышня, въ обморокъ не упаду, если вы сознаетесь откровенно, что не чувствуете ко мнѣ ни любви, ни дружескаго расположенія, — ровно ничего. Такъ зачѣмъ же подносить мнѣ это миѳическое дружеское расположеніе вмѣсто валерьяновыхъ капель? Теперь я васъ хорошо узналъ и понялъ, въ нѣсколько минутъ узналъ и понялъ больше, чѣмъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ... У васъ нѣтъ сердца, Лидія Кирилловна, а потому ваши слова̀ о дружбѣ, о жалости ко мнѣ звучатъ также фальшиво и рѣжутъ слухъ, какъ звуки разбитаго рояля, на которомъ жена акцизнаго желаетъ изобразить серенаду Шуберта. У нея и у васъ одинаково выходитъ жалкая пародія на прекрасное. Да, я также понялъ, чѣмъ былъ для васъ: дешевою игрушкой, забавлявшей васъ отъ скуки. Теперь такая игрушка вамъ больше не нужна:

Digitized by Google

предвидится въ скоромъ времени много новыхъ, дорогихъ и интересныхъ игрушекъ. А потому — честь имѣю откланяться. Только знайте, Лидія Кирилловна, что я васъ люблю, никогда не разлюблю и никогда не забуду... Безуміе мое — изъ числа неизлѣчимыхъ. Ну, а затѣмъ прощайте! Желаю вамъ всякаго благополучія.

Съ послѣдними словами, Петръ почти выбѣжалъ въ переднюю, чуть не сбивъ съ ногъ встрѣтившуюся съ нимъ въ дверяхъ Наталью, посмотрѣвшую на него съ испугомъ. А очутившись на улицѣ, онъ разразился сухими судорожными рыданіями, совсѣмъ забывая о томъ, гдѣ онъ находится, не обращая вниманія на прохожихъ и помня только то, что произошло сейчасъ въ домѣ соборнаго протопопа.

Послѣ ухода Петра, Лидія долго сидѣла неподвижно, повидимому, серьезно задумавшись о чемъ-то; пить чай она не стала, велѣвъ Натальѣ убрать самоваръ, какъ только та успѣла поставить его на столъ. Наконецъ, очнувшись отъ задумчивости, Лидія встала, прошла въ свою комнату и приняла лавровишневыхъ капель. Послѣ этого она опять вернулась въ залу и сѣла за рояль. Первая вещь, которую она сыграла, была серенада Шуберта. Лидія занималась музыкой до полночи, потомъ легла спасть и спала необыкновенно спокойно и крѣпко; никакія сновидѣнія не тревожили ее въ эту ночь...

XXIV.

Было бы лишнимъ описывать, въ какое уныніе впали старики-Востоковы, проводивъ свою дочь, уѣхавшую отъ нихъ тремя днями раньше, чѣмъ прежде собиралась уѣхать, что еще болѣе усилило горесть Софьи Платоновны. А Петръ, на слѣдующій же день послѣ объясненія съ Лидіей, собрался и уѣхалъ въ академію.

— И зачѣмъ спѣшишь?—немного удивился старый дьяконъ неожиданно-скорымъ и торопливымъ сборамъ внука въ дорогу.—Летишь, словно птица. Всѣ академисты гуляютъ еще. А ты летишь въ академію. Одни безродные теперь тамъ сидятъ. Какая тамъ сласть?

На это Петръ отвѣтилъ ему:

Digitized by Google

— Правду говоришь, дѣдушка, никакой сласти въ академіи нѣтъ, да ужь здѣсь-то мнѣ черезчуръ горько стало; не могу я больше здѣсь оставаться.

Дѣдъ удовольствовался, повидимому, такимъ отвѣтомъ, ни объ чемъ больше не спросилъ внука и не возражалъ противъ его скораго отъѣзда въ академію. Петръ какъ-то особенно нѣжно и ласково простился съ дѣдомъ и сестрой, чего прежде не случалось, и сказалъ Симочкѣ на прощанье:

— Ну, смотри же, Симочка, не отказывайся выходить замужъ за Платона, когда онъ къ тебѣ посватается. А если откажешься—такъ серьезно огорчишь и разсердишь меня.

— Да что ты, Петя, богъ знаетъ, что говоришь...—сконфузилась Симочка.—Онъ и не подумаетъ ко мнѣ свататься... онъ и ходить-то къ намъ пересталъ...

— Опять начнетъ, не безпокойся! И непремѣнно соберется съ духомъ сдѣлать предложеніе тебѣ,—вотъ увидишь. А я отъ души желаю, чтобъ это случилось какъ можно скорѣе.

Должно быть, Петръ, дѣйствительно, отъ души пожелалъ этого, потому что его желаніе осуществилось въ непродолжительномъ времени. Въ одно сентябрьское пасмурное утро, о. Кириллъ несмѣло заговорилъ со своею супругою, смотрѣвшею пасмурнѣе осенняго дня, о томъ, что въ селѣ Копровѣ, находящемся всего въ семи верстахъ отъ города, умеръ дьяконъ и что слѣдовало бы похлопотать объ этомъ праздномъ дьяконскомъ мѣстѣ для Платона, если только она, Софья Платоновна, ничего противъ этого не имѣетъ.

— Разумѣется, надо хлопотать; не вѣкъ же нашему Платону болтаться безъ всякаго дѣла,—рѣзко и раздражительно отвѣтила Софья Платоновна.—Кажется, онъ достаточно нагулялся; около полугода ничѣмъ не занимается, баклуши бьетъ. И медлить нечего; ужь одно мѣсто, въ Вознесенскомъ, унустили; пожалуй, и теперь тоже будетъ, если мы примемся размышлять да разсуждать, вмѣсто того чтобы дѣйствовать.

Нужно замѣтить, что Софью Платоновну, послѣ отъѣзда ея любимой дочери, началъ сильнѣе прежняго возмущать видъ нелюбимаго сына, самое присутствіе его въ одномъ домѣ съ нею. Почти съ ненавистью глядя на Платона, она думала:—

Digitized by Google

Вотъ, Лиды нѣтъ со мной, Лёни тоже, а этотъ уродъ здѣсь и некуда ему уѣхать!

Возможность избавиться отъ постояннаго присутствія нелюбимаго сына искренно обрадовала ее. Она боялась за успѣхъ предстоящихъ хлопотъ о дьяконскомъ мѣстѣ, желала начать ихъ возможно скорѣе, тѣмъ болѣе, что въ концѣ сентября была назначена свадьба Леонида, на которую ей съ мужемъ необходимо нужно ѣхать.

— Все таки, полагаю, слѣдуетъ спросить Платона: желаетъ ли онъ пойти въ духовное званіе,—замѣтилъ о. Кириллъ, возмутивъ этимъ замѣчаніемъ жену, горячо воскликнувшую:

— Да чего жь ему еще желать, скажите, пожалуйста? Вѣдь не въ министры же онъ мѣтитъ, еле кончивъ курсъ по второму разряду! А, впрочемъ, дѣлайте, какъ хотите. Только сейчасъ же позовите Платона и спросите у него: чего онъ желаетъ—какого мѣста, духовнаго или свѣтскаго, или же совсѣмъ никакого?

Но хотя въ голосѣ Софьи Платоновны ясно слышались иронія и досада, о. Кириллъ, сверхъ своего обыкновенія, не обратилъ вниманія на это, и въ самомъ дѣлѣ, тотчасъ же позвавъ сына, сообщилъ ему о вакантномъ дьяконскомъ мѣстѣ въ Копрѣвѣ.—Сперва Платонъ сильно смутился, робко взглядывая то на мать, то на отца, и медля отвѣтомъ. Потомъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, онъ заговорилъ неестественно-смѣлымъ для него тономъ, заставившимъ Софью Платоновну удивленно воззриться на сына.

— Я не только согласенъ, но весьма радъ выйти въ духовное званіе. Быть священникомъ или дьякономъ, — именно дьяконскимъ, — мое давнишнее желаніе, батюшка! Я слишкомъ простъ и неловокъ для того, чтобъ сдѣлаться свѣтскимъ, да и влеченія къ свѣтскому званію у меня совсѣмъ нѣтъ.

Все это онъ проговорилъ твердымъ голосомъ, безъ запинки, чѣмъ и повергнулъ Софью Платоновну въ совершенное изумленіе. Она такъ привыкла видѣть своего младшаго сына неловко-смущеннымъ, слушать, какъ онъ постоянно путается въ словахъ и запинается; что считала его неспособнымъ связать и отчетливо произнести хотя бы одну какую нибудь фразу. И вдругъ онъ точно переродился: смѣло глядитъ прямо въ

Digitized by Google

глаза матери, не краснѣетъ и сказалъ чуть не цѣлую рѣчь! Какъ же было Софьѣ Платоновнѣ не удивиться такому чуду? Худое, грустное лицо о. Кирилла, послѣ отвѣта Платона, повеселѣло, освѣтившись радостной улыбкою, хотя въ то же время его глаза наполнились слезами. Онъ молча подошелъ къ сыну, благословилъ его, а потомъ обнялъ и расцѣловалъ въ обѣ щоки, съ чувствомъ проговоривъ:

— Одобряю тебя, Платонъ, за то, что̀ разумно мыслишь и разсуждаешь! И по моему мнѣнію также тебѣ болѣе всего подходитъ быть скромнымъ сельскимъ пастыремъ или діакономъ. Съ нынѣшняго дня, не откладывая въ долгій ящикъ, примусь за хлопоты о мѣстѣ и съѣзжу къ преосвященному. Уповаю, что съ божіей помощью дѣло наше увѣнчается успѣхомъ!

Глядя на мужа съ сыномъ, Софья Платоновна чувствовала себя не матерью, а какой-то постороннею и лишнею зрительницей. Она сознавала, что̀ и ей слѣдовало бы сказать Платону что нибудь ласковое, ободряющее, но у нея не находилось для этого никакихъ ласковыхъ словъ, также какъ не находилось въ сердцѣ ни капли любви къ сыну. Она заговорила только потому, что ей показалось неловкимъ молчать:

— Да, хлопотъ будетъ немало! Если ты получишь мѣсто, Платонъ, такъ надобно тебѣ еще жениться, искать невѣсту, и все это въ нѣсколько дней.

Послѣ словъ матери, Платонъ опять по старому сконфузился, покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ и, помолчавъ съ минуту очевидно собираясь съ духомъ, почти прокричалъ, не глядя ни на кого и самъ внутренно содрогаясь отъ непривычныхъ громкихъ звуковъ своего голоса:

— Позвольте мнѣ жениться на внучкѣ нашего о. дьякона Серафимѣ Александровнѣ!

Эта громогласная прóсьба вызвала невольную снисходительную усмѣшку на губахъ Софьи Платоновны, давно ужь подозрѣвавшей, что̀ именно находитъ Платонъ особенно привлекательнымъ въ домѣ стараго дьякóна. Въ сущности, ей было безразлично, на комъ бы ни женился нелюбимый сынъ, только бы женился, получилъ мѣсто и не жилъ больше съ нею. Вспомнивъ въ эти минуты Симочку, Софья Платоновна даже подумала, что болѣе подходящей невѣсты для Платона и найти трудно.

Digitized by Google

«Такая же неловкая, застѣнчивая, некрасивая, какъ и онъ; повидимому, также очень недалека, но, кажется, тихая и добрая... Почти всѣ глупые люди отличаются добротой».

О. Кириллъ, который по простотѣ своей не догадывался о томъ, что̀ главнымъ образомъ притягивало Платона къ дому Василія Захаровича, былъ пораженъ неожиданною просьбой сына. Онъ вопросительно, съ безпокойствомъ, посмотрѣлъ на жену и невнятно пробормоталъ:

— Безъ сомнѣнія, она дѣвица хорошая... но все же надо это обдумать... Не правда ли, Софья Платоновна?

О. Кириллу казалось почему-то невозможнымъ, чтобы его жена согласилась на бракъ Платона съ некрасивою, простенькою внучкою Василія Захаровича; самъ же онъ ничего не имѣлъ противъ такого брака. Симочка нравилась ему своей скромностью и простодушіемъ, и представлялась вполнѣ подходящею партіей для Платона. О томъ, что она невѣста не важная, за которой дѣдушка можетъ дать,—да и то, если пожелаетъ, — весьма скромное приданое, о. Кириллъ и Софья Платоновна даже не подумали. Они сами женились по любви (по крайней мѣрѣ, о. Кириллъ) и взялъ онъ Софью Платоновну, какъ намъ уже извѣстно, совсѣмъ безъ приданаго. Если Леонидъ, во всѣхъ отношеніяхъ превосходившій своего брата, не огорчилъ ихъ, найдя себѣ бѣдную невѣсту, хоть и княжну, то могъ ли огорчить ихъ тѣмъ же самымъ Платонъ? Развѣ богатая, красивая дѣвушка рѣшилась бы выйти за него, неуклюжаго, вовсе неинтереснаго, и сдѣлаться сельскою дьяконицей? Еслибы Платонъ сталъ искать себѣ невѣсту изъ среды болѣе или менѣе достаточнаго городскаго духовенства, то врядъ ли нашелъ бы. Городскія дѣвицы изъ духовнаго званія, какъ-то особенно боятся деревенской жизни и не прельщаются женихами, получившими мѣста въ селахъ.

О. Кириллъ, тревожно ожидавшій гнѣвнаго протеста со стороны Софьи Платоновны противъ брака сына со внучкою дьякона, былъ пріятно изумленъ, когда его величественная супруга сказала очень мягко и снисходительно, обращаясь къ Платону:

— Что жь, если тебѣ такъ нравится внучка Василія Захаровича, то мы, конечно, не будемъ препятствовать тебѣ жениться на ней. Она, кажется, ничего... смирная такая, про-

Digitized by Google

стенькая... Но только пока еще слишкомъ рано толковать о твоей женитьбѣ; прежде надобно получить мѣсто.

Затѣмъ она обратилась къ мужу:

— А вы, о. Кириллъ, непремѣнно сегодня же отправляйтесь къ преосвященному съ личною просьбой. Слышите? А то вы имѣете обыкновеніе черезчуръ медленно приниматься за всякое дѣло, даже за самое пустое.

Никогда въ жизни Платонъ не чувствовалъ такой искренней, горячей любви къ матери, какую почувствовалъ къ ней въ эти минуты. Ему страстно хотѣлось выразить ей свою любовь и благодарность за то, что она похвалила Симочку и позволила ему считать ее своею невѣстой. Съ какимъ восторгомъ Платонъ бросился бы на шею матери и расцѣловалъ ее! Однако, онъ не осмѣлился на это. У него только хватило смѣлости подойти къ Софьѣ Платоновнѣ и поцѣловать ея ручку, причемъ еще хватило неловкости наступить ей на ногу, попавъ прямо на мозоль. Морщась отъ острой боли, Софья Платоновна сердито вскрикнула:

— Ты медвѣдь, а не человѣкъ, Платонъ!

И почему-то Платону вдругъ стало необыкновенно грустно отъ этого обычнаго восклицанія матери, повторявшагося ежедневно по нѣскольку разъ и къ которому онъ давно привыкъ, какъ къ чему-то необходимому. Но теперь, когда онъ такъ горячо желалъ материнской ласки, это гнѣвное восклицаніе отравило самыя счастливыя минуты въ его жизни, хотя онъ и сознавалъ, что вполнѣ заслужилъ его своею истинно-медвѣжьей неловкостью.

— Платонъ получилъ дьяконское мѣсто въ селѣ Копровѣ, къ удовольствію своихъ родителей и своему собственному; оставалось сдѣлать предложеніе Симочкѣ, съ которой онъ почти не видался во время хлопотъ о мѣстѣ.

Онъ ужасно волновался все это время, постоянно думая: — А вдругъ Серафима Александровна не пойдетъ за меня? Вдругъ придется жениться на другой, богъ знаетъ на какой... И сердце его сжималось тоскою. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не рѣшался переговорить и объясниться съ Симочкой до полученія мѣста. «А вдругъ я мѣста-то не получу и тогда мнѣ мама навѣрное не позволитъ жениться»...

Digitized by Google

Когда же получившій мѣсто Платонъ, наконецъ, отправился въ домъ Василія Захаровича «дѣлать предложеніе» Симочкѣ, то былъ удрученъ столь острой робостью, что ему даже хотѣлось поворотить вспять. Однако, онъ превозмогъ эту робость и не вернулся съ дороги.

Стараго дьякона не было дома; Симочка сидѣла одна въ залѣ подъ окномъ и что-то шила, когда Платонъ предсталъ предъ нею, совершенно ошалѣвшій отъ страха и смущенія. У него даже ноги подкашивались, почему онъ тотчасъ же, какъ вошелъ, такъ и опустился на стулъ подлѣ Симочки, забывъ поздороваться съ ней отъ излишняго волненія.

Она съ безпокойствомъ посмотрѣла на него и подумала, что съ нимъ случилась какая нибудь большая «исторія», можетъ быть, даже несчастіе:

— Что съ вами, Платонъ Кирилловичъ? Вы какъ будто бы чѣмъ-то очень разстроены? — спросила она тревожнымъ тономъ, оставляя свое шитье.

— Я получилъ дьяконское мѣсто въ Копровѣ, Серафима Александровна...—тяжело переводя духъ, отвѣчалъ Платонъ, затѣмъ поперхнулся и раскашлялся до слезъ.

— Такъ неужели же вы этимъ огорчены?—удивилась Симочка.—Вѣдь вы сами желали получить это мѣсто.

— Нѣтъ, я очень доволенъ, а только... только...

Платонъ заикнулся и умолкъ на мгновеніе, потомъ вдругъ выкрикнулъ тѣмъ же тономъ, какимъ просилъ у родителей позволенія жениться на Симочкѣ:

— Только, ради Христа, не откажитесь выйти за меня замужъ!.. Теперь мнѣ необходимо жениться. А я васъ давно ужь люблю.

— Да и я васъ тоже—совершенно невольно вырвалось у Симочки, послѣ чего она вся вспыхнула и смѣшалась, мысленно назвавъ себя: «сумашедшей».

Вся робость Платона мгновенно исчезла послѣ невольно вырвавшихся словъ Симочки, и онъ почувствовалъ себя безмѣрно счастливымъ.

— Неужто вы сейчасъ это правду сказали, Серафима Александровна? — заговорилъ онъ совсѣмъ смѣло, радостно улыбаясь, и всталъ только потому, что не могъ спокойно сидѣть отъ радости.

Digitized by Google

— Такъ, стало быть, вы не откажетесь выйти за меня?

Какъ разъ въ эту минуту вошелъ Василій Захаровичъ, но даже его появленіе не смутило расхрабрившагося отъ счастья Платона.

А, между тѣмъ, старый дьяконъ направился прямо къ нему и, остановившись предъ нимъ, произнесъ, сурово хмуря брови:

— Ежели позволю—выдетъ. А ежели запрещу не выдетъ. А вамъ кто позволилъ къ ней свататься?

Но Платонъ все таки ничуть не оробѣлъ и быстро отвѣтилъ, глядя на строгое лицо дьякона ясными, весело-улыбавшимися, глазами:

— Мама и батюшка мнѣ позволили, о. дьяконъ, вотъ кто! Ужь вы меня, ради бога, простите, что я безъ васъ переговорилъ съ Серафимою Александровною. Какъ-то нечаянно это вышло... Сказалъ сперва, что получилъ мѣсто въ Копровѣ, а тамъ вдругъ и проговорился. Ужь простите меня, о. дьяконъ.

— Ну, Богъ васъ проститъ! — октавой изрекъ Василій Захаровичъ, расправляя нахмуренныя брови, и его портретное лицо оживилось довольной улыбкою. — Коли о. протоіерей и матушка вамъ позволили,—другой разговоръ. И я Серафимѣ выходить за васъ не запрещаю. А, можетъ, она сама на это несогласна?—болѣе обращаясь къ внучкѣ, чѣмъ къ Платону, спросилъ дьяконъ.

Симочка опять вспыхнула и, мелькомъ взглянувъ на Платона, потупилась и чуть слышно промолвила:

— Нѣтъ, дѣдушка, я ничего... я согласна...

Отвѣтъ Симочки сдѣлалъ Платона еще счастливѣе и смѣлѣе. Онъ почувствовалъ, что никого и ничего въ мірѣ больше не боится. И старый дьяконъ совсѣмъ ожилъ, глядя на жениха съ невѣстой.

— Ну, благаслови васъ Господь!—обратился онъ къ нимъ обоимъ. — «Дай Богъ вамъ жить ладно, вотъ, какъ мы жили съ Анисьей Павловной. Пилъ я безмѣрно много, а она меня жалѣла и никогда не попрекала. Скажетъ, бывало:—лучше бы ты чай пилъ...—Только и всего. Наконецъ, бросилъ я вино и сталъ пить чай... А она и померла. И порадоваться на меня ей Богъ не привелъ. Царство ей небесное! А вамъ совѣтъ да любовь!

Digitized by Google

Свадьба Платона съ Симочкой была отпразднована черезъ недѣлю, безъ особеннаго торжества. Софья Платоновна, больше всѣхъ хлопотала поскорѣй женить младшаго сына, чтобы не опоздать на свадьбу старшаго. Этотъ послѣдній прислалъ только поздравительную телеграмму брату, а самъ не пріѣхалъ, отговорившись массой дѣлъ и хлопотъ. А Лидія даже и телеграммы не прислала. Вообще, она не баловала отца съ матерью частыми письмами изъ Парижа. Но ея краткія, суховатыя посланія приводили о. Кирилла и Софью Платоновну (особенно послѣднюю) въ самое праздничное нестроеніе. Надобно сказать, что ихъ нѣсколько отвлекли отъ тоски по уѣхавшей дочери и отъ безпокойства объ ней—хлопоты о дьяконскомъ мѣстѣ и двѣ свадьбы. Леонидъ женился на своей княжнѣ черезъ пять дней послѣ того, какъ Платонъ обвѣнчался съ Симочкой.

XXV.

— Ахъ, тетенька-голубушка, что это время-то какъ скоро бѣжитъ, истинно, какъ ручей весной! Кажется, давно ли братцы женились, давно ли сестрица за границу уѣхала, а ужь безъ малаго пять лѣтъ прошло. У братца-то Платона Кирилловича ужь трое дѣточекъ и другой годъ съ Воздвиженья пошелъ, какъ онъ священническое мѣсто въ Спасовѣ получилъ... А моя-то Катя вѣдь четвертый годъ учительствуетъ... Такъ и летятъ года, такъ и летятъ! Истинно, не замѣтишь, какъ весь свой вѣкъ проживешь.

Все это говорила въ одинъ поздній ноябрскій вечеръ Марина Егоровна Софьѣ Платоновнѣ, у которой гостила цѣлую недѣлю, собственно для того, чтобы помогать «тетенькѣ» ухаживать за больнымъ «дяденькой».

Онѣ сидѣли вдвоемъ въ столовой, смежной съ комнатою о. Кирилла, только что заснувшаго, почему и разговаривали объ шопотомъ.

На дворѣ шумѣла осенняя непогода; безостановочно стучалъ частый обледенѣлый дождь въ оконныя стекла, уныло завывалъ вѣтеръ въ трубѣ, нагоняя безотчетную тоску.

Но въ столовой было тепло и уютно. Большая лампа, висѣвшая надъ круглымъ столомъ, за которымъ сидѣли прото-

Digitized by Google

попица и просвирня, обливала яркимъ свѣтомъ лица обоихъ. Подъ этимъ свѣтомъ сѣдые волосы на головѣ Софьи Платоновны казались серебряными. Она совсѣмъ посѣдѣла и замѣтно похудѣла, но ея лицо осталось такимъ же моложавымъ и свѣжимъ, какимъ было пять лѣтъ тому назадъ, не смотря на то, что въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ей пришлось провести много безсонныхъ ночей у постели больнаго мужа. Не потеряла она также своей величавости; не измѣнила своей привычкѣ одѣваться хорошо и со вкусомъ. Марина Егоровна тоже мало перемѣнилась, только пополнѣла, и на ея лицѣ разливалось выраженіе спокойнаго довольства. Да и въ самомъ дѣлѣ она чувствовала себя совершенно счастливой и довольной съ тѣхъ поръ, какъ ея дочь Катя кончила курсъ въ епархіальномъ училищѣ, послѣ чего получила мѣсто сельской учительницы, да вдобавокъ въ томъ же селѣ Кулагинѣ, гдѣ Марина Егоровна занимала должность просвирни. Съ тѣхъ поръ Маринѣ Егоровнѣ казалось, что она сама и дочь ея достигли предѣла земнаго счастья и что дальше идти имъ ужь некуда и желать больше нечего. Катя, чрезвычайно походившая на свою мать наружностью и характеромъ, думала то же самое, энергично принявшись за трудное учительское дѣло. Она была мало развита, но это не мѣшало ей вести свою школу добросовѣстно и заниматься ею съ неутомимымъ усердіемъ.

Крестьяне полюбили ее за простоту въ обращеніи съ ними, но, главное, за то, что она «дочка матушки Марины Егоровны», пользовавшейся ихъ искреннимъ расположеніемъ.

— Ужь такъ-то хорошо, что намъ не чужую учительшу прислали, а дочку нашей матушки Марины Егоровны,—и сказать невозможно! — хоромъ толковали кулагинскіе мужики и бабы.—Опять же проста, вовсе даже на барышню-учительшу не похожа: говоритъ простыми словами, такъ что всякій ее понимать можетъ. А вонъ въ Чуркино-то какую мудреную прислали... чуркинскіе мужики сказывали: учнетъ наша учительша говорить по русски, а выходитъ словно бы по нѣмецки, ничего не поймешь! Все словами говоритъ мудреными, да еще картавитъ и шепелявитъ. А наша-то явственно говоритъ, рѣчисто, и голосъ у нея звонкій.

Жила Марина Егоровна вмѣстѣ съ дочерью въ школѣ, и

Digitized by Google

жила необыкновенно дружно. Мать заботливо ухаживала за дочерью, а дочь за матерью, дороже и милѣе которой для нея не было никого на свѣтѣ. Катя даже ревновала мать къ Востоковымъ, говоря:

— А вы вѣдь любите дяденьку съ тетенькой гораздо больше, чѣмъ меня, право же больше: вамъ не жаль оставлять меня здѣсь одну одинешеньку и гостить иногда по цѣлымъ недѣлямъ у дяденьки съ тетенькой.

— Истинно, сама я не разберу, Катюша, больше или меньше, чѣмъ тебя, люблю дяденьку и тетеньку... Словно бы маленько поменьше, — простодушно отвѣчала на это Марина Егоровна. — Ну, а жалѣю ихъ больше, чѣмъ тебя, ужь не взыщи на правдѣ! Тебя-то, слава богу, покуда не за что жалѣть. Ты молода, здорова, покойна душой и мать при тебѣ...

— При мнѣ, да все собирается убѣжать въ городъ, на соборную площадь! — смѣясь, возражала ей Катя. Впрочемъ, она никогда не удерживала мать, не уговаривала остаться дома, когда та собиралась въ городъ, на соборную площадь. А когда заболѣлъ о. Кириллъ, то Катя сама начала совѣтовать матери почаще навѣщать больнаго, что̀ искренно порадовало Марину Егоровну.

— Вотъ, вѣдь, ты сама посылаешь меня къ дяденькѣ съ тетенькой, значитъ, сама ихъ любишь и жалѣешь!

— Да, я дѣдушку очень люблю—отвѣчала на это Катя.— Онъ такой добрый, кроткій, что его невольно полюбишь. Ну, а бабушку я только боюсь и ничего больше къ ней не чувствую. Ужь очень она важна, на всѣхъ смотритъ свысока...

— Истинно, ты ее не знаешь, Катюша! — горячо вступалась за тетеньку Марина Егоровна.—Оно точно, что видъ у нея барственный, но сердце-то золотое... Не знаешь ты ее, такъ и не суди объ ней!

Обыкновенно Катя не возражала противъ этого, но и не соглашалась съ матерью въ душѣ, а потому считала за лучшее молчать, когда Марина Егоровна начинала распространяться относительно «золотаго сердца» Софьи Платоновны. Главною причиною, заставлявшею Катю не долюбливать Софью Платоновну, были совсѣмъ не материнскія отношенія этой послѣдней къ младшему сыну, не только не измѣнившіяся къ лучшему съ теченіемъ времени, но даже какъ будто ухудшившіяся.

Digitized by Google

Не любя сына, Софья Платоновна не могла полюбить ни его жену, ни дѣтей,—двухъ мальчиковъ и дѣвочку. Мальчики очень походили наружностью на отца, а дѣвочка на мать, что̀ весьма способствовало нерасположенію къ нимъ бабушки, никогда не ласкавшей ихъ и находившей своихъ маленькихъ внучатъ некрасивыми до отвращенія, — хотя въ дѣйствительности этого не было,—и слишкомъ глупыми даже для своего малолѣтняго возраста, чего также вовсе не замѣчалось. Ребятишки были милы, какъ вообще бываютъ милы маленькія дѣти и если ихъ терпѣть не могла бабушка, такъ зато въ нихъ души не чаяли дѣдушка и прадѣдушка, особенно же послѣдній. Ужь около трехъ лѣтъ Василій Захаровичъ жилъ на покоѣ у своей внучки. Оставить службу принудила его потеря голоса. Удивительный басъ соборнаго дьякона, на который не имѣло вліянія даже всесокрушающее время, исчезъ внезапно и безслѣдно, убитый несчастіемъ. Это несчастіе пришло въ домъ Василія Захаровича отъ Петра. Надо сказать, что Петръ вышелъ изъ академіи, не дождавшись окончанія курса, поступилъ въ университетъ, но и оттуда вышелъ черезъ годъ. Его недовольная, мятежная натура нигдѣ и ни въ чемъ не находила себѣ удовлетворенія. Несчастная любовь къ Лидіи еще сильнѣе подняла въ немъ недовольство жизнью. Эта любовь не улетучилась въ сердцѣ Петра съ теченіемъ времени, не смотря на разлуку, не смотря на совершенное разочарованіе въ любимой дѣвушкѣ. Впрочемъ, вѣрнѣе, его любовь перешла въ манію и была проявленіемъ сильнаго нервнаго разстройства, грозящаго превратиться въ психическое. По выходѣ изъ московскаго университета, Петръ продолжалъ жить въ Москвѣ въ крайней нуждѣ, только что не умирая съ голоду и существуя кое-какъ съ помощью уроковъ и переписки. У дѣдушки онъ ничего не просилъ и писалъ ему, что не нуждается въ деньгахъ. Пріѣзжалъ на родину рѣдко, только въ великіе праздники, да и то гостилъ у дѣда не болѣе двухъ-трехъ дней, ссылаясь на занятія, заставляющія его спѣшить возвращеніемъ въ Москву. Какъ-то разъ появилась на страницахъ одного изъ незначительныхъ журналовъ его критическая статья, обратившая на себя вниманіе многихъ оригинальностью слога и ядовитымъ юморомъ. Но это было первое и послѣднее произведеніе Петра; больше онъ

Digitized by Google

ничего не писалъ, потому что остался недоволенъ своей статьею и призналъ самъ себя неспособнымъ написать что либо лучшее.

Все рѣже и рѣже сталъ Василій Захаровичъ получать письма отъ своего внука, да и эти письма были какія-то странныя, похожія на отрывочный бредъ. Ужь болѣе года Петръ не навѣщалъ дѣда, который по этому случаю началъ сильно задумываться и рѣшился даже съѣздить въ Москву, провѣдать внука, хоть былъ человѣкъ тяжелый на подъемъ и въ послѣдній разъ ѣздилъ въ первопрестольную столицу почти двадцать лѣтъ назадъ. Но это не помѣшало старому дьякону довольно скоро собраться въ дорогу,—только уѣхать ему не пришлось. Наканунѣ того дня, въ который онъ рѣшилъ ѣхать, Петръ прислалъ ему письмо слѣдующаго содержанія:

— Помнишь ли, дѣдушка, что̀ ты мнѣ когда-то предсказывалъ? Ты говорилъ, что я брожу надъ пропастью безъ всякой поддержки и рано или поздно свалюсь въ пропасть. Предсказаніе твое сбылось. Я свалился въ такую яму, изъ которой есть только два выхода: тюрьма или смерть. Первый выходъ, по моему мнѣнію, хуже послѣдняго, а потому, докончивъ письмо къ тебѣ, я застрѣлюсь. Безъ сомнѣнія, ты хочешь знать, въ какую-такую пропасть я свалился, но не могу я подробно разсказать тебѣ это. Потянулся за людьми, которые мнѣ вовсе не симпатичны, идеямъ которыхъ нисколько не сочувствую, потянулся за ними только потому, что самъ не зналъ, куда дѣваться отъ тоски и недовольства жизнью... Ну, и полетѣлъ вмѣстѣ съ ними въ бездонную яму... Вотъ все, что̀ могу разсказать тебѣ; ты уменъ, навѣрное поймешь!— Прошу тебя не горевать обо мнѣ: не стоитъ. Я худая трава и пора мнѣ изъ поля вонъ! Поцѣлуй отъ меня Симочку, Платошу и моихъ маленькихъ племянниковъ. Прощай, дѣдушка, прости, что огорчалъ тебя своею безумною жизнью, а теперь навѣрное огорчу своею смертью. Мнѣ вовсе не жаль разстаться съ жизнью: ничего хорошаго въ ней нѣтъ. Разорви это письмо сейчасъ же. Внукъ твой Петръ.

Когда Василій Захаровичъ читалъ это письмо, его неподвижное лицо мертвенно поблѣднѣло, но ни одинъ мускулъ въ немъ не пошевельнулся. Окончивъ чтеніе, онъ продолжалъ

Digitized by Google

сидѣть на мѣстѣ, точно окаменѣлый; письмо выпало у него изъ рукъ на полъ. Просидѣлъ онъ въ такомъ столбнякѣ около двухъ часовъ. Первый звукъ колокола—ударили къ вечернѣ—вывелъ его изъ столбняка. Онъ вздохнулъ всей грудью, широко перекрестился и медленно поднялся. Замѣтивъ письмо, валявшееся на полу, онъ еще разъ перекрестился, поднялъ его съ полу, перечиталъ и потомъ разорвалъ въ мелкіе клочки, которые тщательно запряталъ въ карманъ.

Послѣ всего этого, Василій Захаровичъ отправился въ соборъ служить вечерню. Но, при первомъ возгласѣ, изъ его груди вырвался,—вмѣсто могучаго баса,—какой-то звукъ, болѣе напоминающій скрипъ немазаныхъ колесъ, нежели человѣческій голосъ. Дьяконъ откашлялся, но, послѣ этого, даже скрипа не вышло, и онъ могъ только прошептать конецъ возгласа. Такъ и пришлось ему уволиться на покой.

Василій Захаровичъ и Симочка долго горевали о Петрѣ, каждый по своему. Первый безпрестанно впадалъ въ окаменѣлое состояніе, неподвижно и молча просиживая на одномъ мѣстѣ по цѣлымъ часамъ. Вторая же безпрестанно плакала тоже по цѣлымъ часамъ подъ рядъ. Платона потрясла и сильно огорчила смерть любимаго товарища. Но мало-помалу всѣ они успокоились и утѣшились. Старикъ-дьяконъ нашелъ истинное утѣшеніе въ правнучкахъ, съ которыми нянчился пуще Симочки, очень заботливой матери. Очень странно и смѣшно было видѣть этотъ «старый портретъ», укачивающимъ на рукахъ груднаго ребенка или строющимъ карточные домики для старшихъ правнучковъ, играющихъ съ нимъ въ игрушки. Правда, въ такое время старый портретъ оживалъ и будто бы молодѣлъ.

Однако, пора вернуться къ Маринѣ Егоровнѣ и Софьѣ Платоновнѣ, сидящимъ въ столовой и тихо разговаривающимъ.

А. Мартыновъ.

(*Окончаніе будетъ*).

Digitized by Google

Артисткѣ.

Вся жизнь твоя—одно ль искусство
Или еще лелѣешь ты
Иные образы и чувства,
Иныя думы и мечты?
Или съ театромъ, годъ отъ году,
Душа сливается въ одно—
И сцена всю твою природу
Переработала давно?
Иль не изсякъ въ тебѣ безслѣдно, —
Подъ гнетомъ блеска и интригъ,
Тщеславія и прозы бѣдной,—
Другаго счастія родникъ?..
Быть можетъ, искренно, до боли,
Всѣ чувства ты пережила,
Когда для каждой новой роли
Дань вдохновенную несла?
Но если, съ раннихъ лѣтъ, на сценѣ
Твоя душа была мертва,
Межь тѣмъ какъ въ грацію движеній,
И въ заученныя слова
Ты прелесть жизни, силу чувства
Вдохнуть умѣла лишь одной
Творящей силою искусства—
Холодной, но всегда живой,—
Тогда еще твой выше геній
И красота еще полнѣй
Твоихъ обдуманныхъ движеній,
Твоихъ затверженныхъ рѣчей.

А. Мейснеръ.

Digitized by Google

ПО УРАЛУ, СРЕДИ БАШКИРЪ.

Путевые очерки.

I.

Башкиры, живущіе въ Уральскихъ горахъ, въ южной ихъ части;—въ уфимской, оренбургской и частью пермской губ.,—исповѣдуютъ магометанскую религію и говорятъ на татарскомъ языкѣ. Уже давно приняли они русское подданство, — еще при Иванѣ Грозномъ, вскорѣ послѣ взятія Казани,—и тогда же за ними признано было владѣніе, на правахъ собственности, тѣми землями, на которыхъ они жили.

Но неблагопріятныя историческія обстоятельства: — водвореніе съ одной стороны русскихъ, которые съ первыхъ же шаговъ обнаружили посягательства на башкирскія земли, а съ другой стороны нападенія киргизъ создали для башкиръ трудную историческую жизнь и привели ихъ къ тщетной кровавой борьбѣ за свободу и лучшую жизнь. Въ цѣломъ рядѣ бунтовъ противъ русскихъ, въ теченіе XVII и XVIII столѣтій, башкиры гибли сотнями тысячъ, съ каждымъ разомъ все болѣе ослабляя свое племя, пока съ пугачевскимъ бунтомъ, въ которомъ они принимали дѣятельное участіе, не увидѣли всей тщетности своихъ кровавыхъ жертвъ и не преклонились навсегда передъ русскимъ господствомъ. Съ тѣхъ поръ это ослабѣвшее племя перестало имѣть политическое значеніе, и русскіе водворили среди него свои порядки: заставили башкиръ служить, раздѣлили ихъ по волостямъ, а въ первыя десятилѣтія нынѣшняго столѣтія ввели у нихъ такъ называемое «кантонное устройство», на подобіе военныхъ поселеній, разсчитывая превратить этотъ кочевой народъ въ осѣдлый и земледѣльческій, путемъ обязательныхъ занятій землепашествомъ и огородничествомъ. Но этотъ опытъ не удался; въ шестидесятыхъ годахъ кантонное устройство было отмѣнено, и башкирамъ опять предоставлено было жить на своей волѣ. Они, конечно, занялись кочеваньемъ, но послѣ предыдущаго принудительнаго строя,—когда ихъ нещадно пороли за всякую бездѣлицу,—они еще болѣе ослабѣли, отвыкли отъ иниціативы и облѣнились. Тѣмъ успѣшнѣе обирали у нихъ естественныя богатства русскіе кулаки, скупая за безцѣнокъ огромныя площади земель и лѣсовъ, что̀ закончилось знаменитой эпопеей рас-

Digitized by Google

хищенія башкирскихъ земель въ 70-хъ годахъ текущаго столѣтія, при оренбургскомъ генералъ-губернаторѣ Крыжановскомъ... Земли и лѣса уходятъ отъ башкиръ и, до послѣдняго времени, всѣ обстоятельства жизни ведутъ ихъ къ перемѣнѣ образа жизни; площадь ихъ кочеванья все болѣе сокращается и, наприм., въ уфимской губерніи башкиры являются болѣе земледѣльцами, чѣмъ кочевниками. Такимъ образомъ, исконныя формы ихъ жизни быстро измѣняются, подъ вліяніемъ надвигающейся русской культуры. Между тѣмъ, являясь во многихъ отношеніяхъ интересными, онѣ стоютъ того, чтобы сохранить память о нихъ.

Особенно интересны башкиры въ области поэтическаго творчества, создавъ замѣчательную и богатую музыку, какъ вокальную, такъ и инструментальную, достойную вниманія и способную послужить матеріаломъ для культурной музыки.

Въ 1893—94 г.г., свѣдома императорскаго Географическаго общества, я имѣлъ случай быть лѣтомъ въ коренной Башкиріи, въ дикихъ горныхъ волостяхъ южнаго Урала, въ верхнеуральскомъ и орскомъ уѣздахъ оренбургской губерніи, гдѣ башкиры еще мало испытали русское вліяніе и сохранили въ большой свѣжести свой исконный строй жизни; тѣмъ болѣе побужденія для меня—предложить вниманію читателя нижеслѣдующіе путевые, хотя и бѣглые, очерки Башкиріи, которые будутъ посвящены изображенію страны, ея быта, нравовъ и воззрѣній этого добродушнаго и поэтическаго, хотя и ослабленнаго историческими обстоятельствами, народа.

II.

25 іюня 1894 г. я, братъ мой Петръ и Андрей Степановичъ Гусевъ, народный учитель, выѣхали на тройкѣ лошадей Гусева и въ экипажѣ, добытомъ имъ въ центрѣ Башкиріи, черезъ Кубелякъ-Пелевскую, Тамьяно-Тангаурскую волости, изъ верхнеуральскаго въ орскій уѣздъ оренб. губ.

Погода была холодная; дулъ сильный вѣтеръ, такъ что первый день путешествія мы сидѣли въ экипажѣ въ шубахъ. Іюнь мѣсяцъ былъ вообще холодный, а въ 20-хъ числахъ холодъ усилился до того, что въ горахъ около заводовъ выпалъ снѣгъ.

Первымъ пунктомъ остановки было мѣсто на берегу рѣчки, въ 2-хъ верстахъ отъ деревни Тамбулатовой (45 вер. отъ Верхнеуральска).

Въ выбранномъ нами мѣстечкѣ, подъ защитою деревьевъ, было тихо, а выглянувшее солнце оживило нашу трапезу и согрѣло насъ изрядно. Кругомъ же дулъ порывистый, холодный и сильный вѣтеръ. Нашъ путь лежалъ вдоль Уральскихъ горъ, по восточному склону ихъ у подошвы хребта Ирендыкъ, тянущагося отъ горы Иремель до южнаго конца Уральскихъ горъ.

Иремель — горная группа на границахъ верхнеуральскаго и троицкаго уѣздовъ оренб. губ.—ограничивается съ востока долиною р. Бѣлой, а съ запада—долиною р. Юрезани. Высшая точка этого кряжа (подъ 54°22′ с. ш.) достигаетъ 5,062 фут.

Digitized by Google

Ирендыкъ,—горный кряжъ въ южномъ Уралѣ между долиною р. Урала съ одной стороны и долиною р. Сакмары и Таналыка съ другой,—средняя изъ трехъ параллельныхъ цѣпей, на которыя развѣтвляется Уральскій хребетъ,—на югѣ оканчивается горою Суурганъ, или Джиль-башъ. Въ сѣверн. части абсолютная высота Ирендыка превосходитъ 3000 ф.

Ирендыкъ отдѣляется отъ Уральскаго хребта въ собственномъ смыслѣ—широкою долиною, лѣтомъ покрытою густой травой. Средняя часть Ирендыка, съ обоихъ концовъ отрѣзанная двумя рѣчками, называющимися одинаково — Кызылъ, носитъ названіе «Кырты» (вырѣзка) и имѣетъ протяженіе верстъ въ 40, не доходя на сѣверномъ концѣ верстъ 30 до Верхнеуральска и кончаясь на югѣ немного далѣе деревни Абзелиловой.

Дорога вдоль Ирендыка и Кырктовъ, проходя по мѣстности ровной или усѣянной невысокими холмами, отличается большою ровностью и исправностью, чему въ особенности способствовало отсутствіе дождей.

Послѣ чаю и импровизированнаго обѣда, мы поѣхали далѣе въ деревню Тамбулатову, въ 2 верстахъ. Встрѣчныхъ башкиръ мы разспрашивали о башкирскихъ пѣсенникахъ и дудочникахъ въ деревнѣ.

А. С. Гусевъ зналъ одного изъ нихъ прежде и спросилъ: живетъ ли онъ въ деревнѣ. Башкиръ отвѣтилъ, что нѣтъ, такъ какъ недавно попалъ въ верхнеуральскій острогъ за конокрадство. Спрашивали о другихъ дудочникахъ, но и тѣ сидѣли также въ острогѣ. Странно вели себя дудочники. Въ виду этого извѣстія, мы хотѣли проѣхать мимо деревню Тамбулатову, но узнали, что тамъ найдется дудочникъ, и поэтому остановились ночевать.

Мы заѣхали въ домъ одного русскаго, занимающагося въ этой башкирской деревнѣ хлѣбопашествомъ (Козловъ). Домъ русскаго сразу отличался отъ башкирскихъ избушекъ своею величиной, исправностью, тесовою крѣпкою крышею и опрятностью внутри.

Пока искали для насъ дудочника (курайсы, по башкирски), мы познакомились съ хозяевами. Жена хозяина оказалась богомольной, суевѣрной и болтливой старушкой; когда она узнала, что мы ищемъ дудочника слушать его игру, то объявила: «вы, батюшки, ужь здѣсь въ дому съ нимъ не возитесь; грѣшно: вѣдь завтра воскресенье». На наше возраженіе, что мы будемъ слушать дудочника не для забавы, а чтобы записать его пѣсни, она продолжала: «нѣтъ, батюшки, грѣшно въ русскомъ дому, — у башкиръ можно». И мы искали помѣщенія въ башкирскихъ избахъ. Дудочника, котораго мы ждали, не оказалось тогда въ деревнѣ, — онъ былъ въ кочевкѣ, въ 3 верстахъ отъ деревни; за нимъ нарочно ѣздили и привезли часовъ въ 8—9 вечера. Съ нимъ мы отправились въ одну башкирскую избу почище, находившуюся по той же улицѣ, наискосокъ русскаго дома. Входимъ, — изба не старая, довольно опрятная: лишняго хлама не разбросано, на нарахъ (такъ называются здѣсь широкія скамейки по стѣнамъ) разостланы недорогіе ковры. Мы вошли и разсѣлись на нарахъ; передъ нами поставили оказавшійся въ избѣ столъ, принесли желѣзный под-

Digitized by Google

свѣчникъ и зажгли нашу стеариновую свѣчу: въ башкирской избѣ распространилось непривычное освѣщеніе. У топившагося чувала (печка въ родѣ камина) стали приготовлять самоваръ, а въ ожиданіи его дудочникъ заигралъ башкирскія пѣсни. На его игру собрались посторонніе башкиры, и изба наполнилась любопытными; я началъ записывать мелодіи и воспроизводить ихъ голосомъ или насвистываніемъ: башкиры выражали удивленіе по поводу того, что я это записываю.

Вскорѣ хозяинъ сталъ угощать насъ чаемъ, а также и нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ. Разговоръ прекратился, и послышались звуки усерднаго, молчаливаго чаепитія, во время котораго любопытные взоры многихъ изъ присутствовавшихъ, о чемъ-то соображавшихъ, устремлялись на насъ. Мой братъ пользовался случаемъ набросать портреты нѣкоторыхъ изъ башкиръ и восхитилъ ихъ удачностью одного снимка: «ай хай»!—слышалось среди оживленнаго башкирскаго разговора:—«якши» (хорошо).

Послѣ чаепитія, я возобновилъ записываніе пѣсенъ: дудочникъ Каракаевъ продолжалъ играть, полулежа на подушкѣ, на нарахъ (у него болѣла нога, вывихнутая при паденіи съ телѣги). Часовъ около одиннадцати ночи, наше засѣданіе кончилось, и мы поднялась по домамъ; число любопытныхъ къ этому времени уменьшилось, и въ избѣ осталось только 2—3 посторонникъ башкира. Вышли мы изъ избы: глубокая темень царила кругомъ, и холодный, порывистый, точно осенній, вѣтеръ охватывалъ насъ: дрожа, перебрались мы черезъ улицу къ дому русскаго обывателя, неся съ собой принадлежности чаепитія и пр.

Цѣлую ночь шумѣлъ и стучалъ вѣтеръ въ окна дома, гдѣ мы остановились; устроиться на ночь пришлось на полу, правда, чистомъ, какъ и вообще все было чисто и опрятно въ этомъ жилищѣ русскаго крестьянина.

На другой день утромъ вѣтеръ стихъ, солнце ярко сіяло и даже согрѣвало, не смотря на продолжавшійся холодъ. Дудочникъ Караевъ ждалъ уже насъ въ кухнѣ, какъ мы условились съ вечера. Мы пригласили его пить съ нами чай: онъ устроился по башкирскому обычаю на полу, причемъ хозяйка дала ему особую посуду, спеціально содержимую для башкиръ: по ея убѣжденіямъ, нельзя башкирамъ давать пить или ѣсть изъ той же посуды, какъ и русскимъ:—«они вѣдь нехристи, креста на нихъ нѣтъ, грѣхъ изъ одной посуды съ ними ѣсть». Равно грѣхъ русскому взять посуду, которую она обрекла для башкиръ; когда кто то изъ насъ взялъ было чашку для башкиръ, то хозяйка заахала: «что ты, батюшка? какъ можно! изъ этихъ чашекъ вѣдь башкиры пьютъ: опоганишься, постой я тебѣ русскую чашку дамъ». Мы смѣялись, и находившійся при этомъ башкиръ также трунилъ надъ нею, подзадоривая ее. Зашла рѣчь о томъ, что̀ грѣхъ и что не грѣхъ, на что молитва есть и на что молитвы нѣтъ. Старуха-хозяйка, между прочимъ, увѣряла, что если мышь упадетъ въ колодезь и опоганитъ его, то на это есть молитва; священникъ можетъ освятить колодезь и сдѣлать его опять чистымъ, а на баню молитвы нѣтъ, баню освящать священникъ никогда не ходитъ.

Digitized by Google

Записавъ еще нѣсколько пѣсенъ и мелодій отъ Каракаева въ той же избѣ, какъ и наканунѣ, я вмѣстѣ со спутниками сталъ собираться въ дальнѣйшій путь. Но передъ этимъ мы заключили пріятное знакомство со шведами, которые жили въ этой деревнѣ особой колоніей и занимались земледѣліемъ и выдѣлкой душистаго мыла. Познакомившись, мы разговорились; шведы, отказавшись взять деньги за провизію, которую они прислали намъ, пригласили меня на чай, а вслѣдъ затѣмъ спросили позволенія послать экипажъ за моими спутниками, которые вскорѣ и пріѣхали.

Къ намъ вышли хозяйки—жены шведовъ, скромныя, застѣнчивыя, молчаливыя, настоящія матери нѣмецкихъ семействъ, поглощенныя всецѣло домашнимъ обиходомъ и мелочами. Мы пробовали заводить съ ними разговоръ, но какъ ни старались, разговоръ не клеился: шведки отвѣчали односложно и продолжали молчать, не развивая темы нашего разговора и не возбуждая своего собственнаго. Онѣ робко и точно виновато окидывали взоромъ наше общество. Разговоръ за чаемъ касался главнымъ образомъ хозяйственныхъ вопросовъ. Одинъ изъ хозяевъ, пасторъ Сарвэ, владѣлецъ мыловареннаго завода, съ добродушной, улыбающейся физіономіей, усердно поддерживалъ разговоръ о современныхъ условіяхъ земледѣлія въ этой мѣстности, жаловался на непрерывные неурожаи въ теченіе 6 лѣтъ, на тягостность веденія хозяйства при подобныхъ обстоятельствахъ. Онъ и его компаньонъ—выходцы изъ Швеціи — раньше служили на Бѣлорѣцкомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ, гдѣ обыкновенно служащіе и управляющіе бываютъ изъ шведовъ и нѣмцевъ; затѣмъ рѣшили основаться своей колоніей на богатой башкирской землѣ. Земли здѣсь сравнительно со Швеціей—необъятныя пространства, притомъ земли богатой,—только бы работать; однако, при низкой культурѣ мѣстности, нельзя заводить хозяйства, организованнаго по послѣднимъ требованіямъ науки; пріобрѣтать сельско-хозяйственныя машины очень дорого при существующихъ способахъ сообщенія, вдали отъ желѣзныхъ дорогъ и судоходныхъ рѣкъ, и приходится держаться мѣстныхъ способовъ обработки земли безъ удобренія, съ частой перемѣной полей на новины (непаханныя земли).

Сарвэ предполагалъ имѣть въ этой мѣстности дешевое сало для своего завода, но ошибся въ разсчетахъ, такъ какъ у башкиръ скотоводство упало, а до киргизъ довольно далеко. Живя долго въ Россіи—около 9 лѣтъ,—шведскіе колонисты не свыклись все таки съ Россіей и съ условіями жизни въ ней, хотя и говорятъ, что жить въ Россіи легче и привольнѣе. Они съ любовью вспоминаютъ о Швеціи; дѣти же ихъ, родившіяся въ Россіи, но воспитывающіяся въ Швеціи, находятъ пребываніе тамъ лучшимъ, чѣмъ въ Россіи.

Спутникъ нашъ, учитель Гусевъ, развивалъ свою идею, что неурожай для крупныхъ землевладѣльцевъ не только не убыточенъ, но даже выгоденъ: шведы возставали и доказывали неубѣдительность исходныхъ посылокъ и пр.

Домъ шведовъ довольно помѣстителенъ, съ хозяйственными службами, садомъ и проч.; онъ стоитъ на окраинѣ деревни и пер-

Digitized by Google

вый бросается въ глаза проѣзжающему; изъ оконъ его открывается красивый видъ на озеро Карабалыкъ (черная рыба-лень), на которомъ расположена деревня Тамбулатова, и на горы за озеромъ Кырѣты, тянущіяся двумя грядами, одна выше другой. Въ день нашего пріѣзда, вечеромъ, при порывистомъ вѣтрѣ, темносинія тучи причудливо громоздились надъ горами и образовывали за ними какъ бы третью гигантскую гряду горъ, возвышавшуюся надъ двумя предыдущими. Тучи тѣснились только надъ горами, вечеръ былъ ясный, солнечный, и тѣмъ фантастичнѣе окрашивалась картина тучъ, двигавшихся по горамъ.

Любезные шведы на прощанье захотѣли проводить насъ всей компаніей до дома, гдѣ мы остановились, и мы цѣлымъ обществомъ, сопровождаемые даже собаками, прошлись по деревенской улицѣ, которую шведы называли «нашъ Невскій Проспектъ». Шведы дождались, когда намъ заложили лошадей, и мы выѣхали при пожеланіяхъ добраго пути отъ всего общества. Хозяйка русскаго дома—болтливая старушка—обратилась ко мнѣ, когда я вошелъ въ домъ:—Не правду ли я говорила, что самые первые люди—эти шведы? недаромъ я васъ посылала къ нимъ.

На память о себѣ шведы вручили намъ нѣсколько кусковъ душистаго мыла съ ихъ завода и очень просили заѣхать къ нимъ на возвратномъ пути.

III.

Подъ впечатлѣніемъ любезнаго пріема мы поѣхали дальше по направленію къ деревнѣ Абзелиловой (Аскаровой) въ 30 верстахъ отъ Тамбулатовой, гдѣ находится волостное правленіе Тамьяно-Тангаурской волости. Дорога продолжала тянуться вдоль Кырктовъ, по ихъ склонамъ, въ мѣстности живописной и пустынной, и отличалась прекрасными качествами вопреки нашимъ предположеніямъ, что въ горахъ дороги должны быть неудобны. По дорогѣ часто попадались красивые камни, какъ въ видѣ щебня, такъ и большими глыбами по сторонамъ, и нашъ экипажъ временами точно ѣхалъ по мостовой или шоссе. Оказывалось, что мы попирали яшму, которая здѣсь встрѣчается въ изобиліи и совсѣмъ не эксплуатируется.

Мы проѣзжали среди необозримыхъ полей и свободныхъ мѣстъ, судя по количеству и изобилію травы, весьма пригодныхъ для земледѣлія, но лежащихъ совершенно втунѣ; нашъ спутникъ, учитель А. С. Гусевъ,—какъ завзятый сельскій хозяинъ,—не зналъ предѣловъ своему негодованію по поводу лѣности и непредпріимчивости башкиръ: — Сколько земли, какая благодать-то кругомъ! Сами не работаютъ, такъ хоть бы другимъ сдавали,—говорилъ онъ.

Вскорѣ мы переѣхали гряду холмовъ, раздѣлявшихъ насъ отъ Кырктовъ непосредственно, и слѣва отъ насъ видъ, бывшій до сихъ поръ открытымъ, ограничивался теперь этой грядой, но зато мы очутились въ относительной близости къ Кырктамъ, причудливую живописность и дикую красоту которыхъ мы удобно могли созер-

*

Digitized by Google

цать: игра свѣта и тѣней въ горахъ была, временами, чрезвычайно эффектна.

Переѣздъ нашъ до деревни Абзелиловой мы коротали въ разговорахъ; между прочимъ, г. Гусевъ разсказывалъ о своей жизни въ описываемыхъ мѣстностяхъ, когда онъ былъ учителемъ въ деревнѣ Иткуловой 1-ой Бурзянской волости, орскаго уѣзда. По его словамъ, онъ исходилъ Кырты вдоль и поперекъ, какъ страстный охотникъ на птицъ и звѣрей, въ томъ числѣ медвѣдей, которыхъ здѣсь водится или водилось не такъ давно въ достаточномъ числѣ. Однажды, блуждая съ товарищемъ, онъ наткнулся неожиданно на медвѣжью берлогу, изъ которой медвѣдь только что вылѣзалъ; въ первый моментъ А. С. остолбенѣлъ, а затѣмъ стремглавъ поскакалъ на лошади прочь по дорогѣ къ селенію; проскакавъ версты 4, онъ осмѣлился обернуться и посмотрѣть, не видно ли медвѣдя и въ безопасности ли онъ; обернулся и обомлѣлъ отъ ужаса: медвѣдь во весь духъ бѣжалъ рядомъ съ нимъ, параллельно съ дорогою, между кустовъ. Не помня себя, Гусевъ опять погналъ лошадь впередъ, а медвѣдь все не отставалъ, хотя намѣренія напасть не обнаруживалъ; бѣжалъ онъ беззвучно, тряся своей густой шерстью, точно катился огромный клубокъ шерсти. Такъ они скакали, точно желая обогнать другъ друга, пока не встрѣтился перекрестокъ. Гусевъ повернулъ налѣво, а медвѣдь неожиданно для него взялъ направо, и такъ они разстались, причемъ Гусевъ долго не вѣрилъ, что медвѣдь не вернется и не погонится за нимъ опять; почти безъ памяти прискакалъ онъ въ селеніе и сообщилъ тамъ, что медвѣдь вышелъ изъ берлоги и направился по такой-то дорогѣ; народъ собрался съ кольями искать медвѣдя, но, кажется, не нашли.

Приближаясь къ деревнѣ Абзелиловой, мы увидѣли впереди, среди горныхъ кряжей, 2 вершины, замѣтно выдѣляющіяся передъ другими; по словамъ нашего спутника, эти вершины имѣютъ историческое значеніе: возвышаясь надъ окрестностями, онѣ служили въ былыя времена маяками для башкиръ; во время ихъ возстаній и войнъ съ киргизами, башкиры постоянно содержали караулы на нихъ, чтобы наблюдать за движеніями противниковъ и зажигали въ случаѣ надобности сигнальные огни; около этихъ же вершинъ происходили битвы.

IV.

Въ Абзелилову мы пріѣхали вечеромъ, 26 іюня, и остановились въ школѣ, предполагая встрѣтиться здѣсь со знакомымъ учителемъ. Но его не оказалось дома: онъ уѣхалъ на Бѣлорѣцкій заводъ (въ 60 верстахъ), такъ что мы заняли его помѣщеніе и пользовались услугами школьнаго сторожа-башкира, обучавшагося грамотѣ въ этой же школѣ. Деревня расположена у подножія горныхъ кряжей, сходящихся подъ угломъ въ довольно широкой долинѣ, и состоитъ изъ 4 рядовъ построекъ; населена башкирами съ небольшимъ числомъ русскихъ дворовъ. Она была почти оставлена жителями, перекочевавшими на лѣто въ горы, такъ что когда мы пріѣхали,

Digitized by Google

то не видѣли на улицахъ почти никого, и даже собаки не лаяли. Разсчитывали мы купить въ деревнѣ хлѣба, овса и мяса, но ничего не нашли, хотя существовала лавочка; не нашлось даже ни одного башкира, чтобы накосить травы для лошадей. Тогда мы отрядили нашего кучера и школьнаго сторожа съѣздить за травой въ поле, что они и исполнили, спустя нѣкоторое время. Мы стали устраиваться въ помѣщеніи учителя и увидѣли, что оно было сильно запущено: вещи валялись въ безпорядкѣ, стекла въ окнахъ были загрязнены, и на всѣхъ предметахъ густымъ слоемъ лежала пыль; коридоръ, общій для школы и учительскаго помѣщенія, былъ какого-то чернаго цвѣта.

— Вотъ какъ плохо живетъ учитель!—говорилъ Гусевъ.—Ну, чтобы ему почище прибрать и держать свое помѣщеніе; а все отъ того, что жена померла.

Устроившись, мы въ ожиданіи самовара гуляли по улицѣ деревни и видѣли, что бо́льшая часть домовъ пустовала; изрѣдка свѣтили огни въ окнахъ; животныхъ почти не было видно; вечерняя тишина ничѣмъ не нарушалась; на чистомъ лѣтнемъ небѣ кротко свѣтилъ серпъ луны.

Послѣ ужина, мы погуляли еще немного въ окружающихъ поляхъ, которыя начинались прямо отъ школы и были тихи и безмолвны, не оглашаясь ни стукомъ колеса, ни голосами птицъ, ни животныхъ, такъ какъ весь скотъ былъ тогда въ горахъ.

Тишина ночи и деревни изрѣдка лишь нарушалась стукомъ сторожевой колотушки у волостнаго правленія, рядомъ со школой. Бродя около деревни и по улицѣ, я направился къ караульщику и услышалъ, что онъ тихо напѣвалъ башкирскую пѣсню; не сразу я увидѣлъ его въ темнотѣ; подошелъ, поздоровался, на что услышалъ въ отвѣтъ: «здравствуй, знако́мъ»; затѣмъ я разспрашивалъ, сколько онъ получаетъ жалованья и давно ли состоитъ караульщикомъ.

— Два руб. въ мѣсяцъ, знако́мъ, давно ужь, отвѣчалъ онъ.—«А не боишься»?—Зачѣмъ бояться? нѣтъ, люди не обидятъ, а волка́мъ самъ обидимъ. — «Спишь, поди, иногда ночью»? — Спа́емъ, какъ не спаемъ? — «Да вѣдь этого нельзя»! — А мы опять просыпаемъ.—«А сколько тебѣ лѣтъ»?- Двадцать.—«Баба есть»?—Нѣтъ.—«А почему же»?—Дѣвкамъ за насъ не гуляетъ.—«Отчего же»?—Не гуляетъ: лицомъ черные. Знамо, плохо.—И караульщикъ застучалъ въ колотушку; съ минуту мы помолчали:—«А кто это въ волостномъ правленіи давеча, какъ солнце садилось, игралъ на кураѣ»? — спросилъ я опять. — Сторожъ въ правленіи. — «Хорошо играетъ»?—Хай, какой, хорошо! такъ яманъ (плохо), развѣ это курайсъ (дудочникъ)? ты айда урманъ (лѣсъ въ горахъ), гуляй кочевкамъ, вотъ тамъ якши (хорошій) курайсъ найдешь.—«А сколько верстъ до кочевки»?—Верстамъ сорокъ будетъ; завтра айда гуляй, якши тамъ кумысъ, курайсовъ много, а здѣсь чего живешь? ничего нѣтъ и людямъ нѣтъ. — Перспектива побывать въ кочевкѣ, въ горахъ, гдѣ много пѣсенниковъ и дудочниковъ и гдѣ можно бы записать много пѣсенъ, давно уже манила меня, такъ какъ отъ самаго выѣзда изъ г. Верхнеуральска мы еще не видали башкир-

Digitized by Google

скаго населенія, потому что ѣхали по восточному склону Уральскихъ горъ черезъ зимовки—башкирскія деревни,—а башкиры почти всѣ откочевали въ горы, направо отъ насъ. Предложеніе башкира мнѣ нравилось, и я думалъ: отчего бы не съѣздить завтра въ кочевку деревни Абзелиловой, а караульщикъ въ это время говорилъ:—айда, гуляй знакомъ, лошадямъ будетъ, я тебѣ завтра сыщу, недорого возьмемъ. — «А сколько»? — Девять гривенъ. — «Можетъ быть»,—отвѣтилъ я.

Въ это время, съ крыльца школы меня окрикнули. Я простился съ караульщикомъ и пошелъ въ школу; за мной раздавались удары колотушки, а послѣ нихъ послышалось тихое мурлыканье караульщика...

На другой день (27 іюня) мы встали довольно рано; было прелестное іюньское утро: солнце ярко сіяло среди утренней прохлады, точно радость и бодрость были разлиты въ природѣ. Во время чая мы говорили о поѣздкѣ въ кочевку; А. С. Гусевъ отнесся отрицательно къ нашему проэкту, во-первыхъ, потому, что по его увѣреніямъ множество кочевокъ ожидало насъ впереди; во-вторыхъ, онъ торопился увидѣться со своими родственниками въ Башкиріи и затѣмъ вò-время возвратиться домой въ Учалы, ко времени сѣнокоса, чтò было важно для него, какъ сельскаго хозяина; въ третьихъ, не доставъ овса въ деревнѣ и нигдѣ по пути, онъ боялся за своихъ добрыхъ лошадей, привыкшихъ къ овсу, и торопился выкормить у родственниковъ овсомъ уже спадавшихъ въ тѣлѣ лошадей. Мы рѣшили ѣхать далѣе.

Вскорѣ были заложены лошади; простившись съ обывателями, мы въ концѣ деревни взяли направо въ горы черезъ лощину. Въ этомъ мѣстѣ кончился хребетъ Кырты (вырѣзка), отдѣленный отъ продолженія своего къ югу—Ирендыка—рѣчкою Кызылъ (Красная), второю подъ этимъ же названіемъ на нашемъ пути. Взявъ направо въ горы, мы вскорѣ повернули влѣво и поѣхали по тому же направленію, какъ и прежде, но только внутри горъ, вдоль хребта Ирендыка, который теперь сталъ уже налѣво отъ насъ. Панорама перемѣнилась; начались исключительно горные виды, одинъ другаго величественнѣе и красивѣе; налѣво и направо отъ насъ великанами тѣснились горы; открытыхъ видовъ уже не было и попадались только небольшія долины. Вскорѣ дорога пошла по спуску; проѣхавъ по немъ, мы увидѣли, что дорога съ лѣваго края обложена небольшою стѣнкою изъ камней; оказалось, что путь идетъ по обрыву и огражденъ для предупрежденія паденій; налѣво отъ него передъ нами раскрылась великолѣпная зеленѣющая долина, довольно глубокая и правильная, по серединѣ которой шумно текла и вызывала изобильную растительность рѣчка Кызылъ. Видъ былъ такъ хорошъ, что мы, идя по спуску дороги пѣшкомъ, остановились и долго любовались долиною, украшенною блестящей и быстрой рѣчкой. Въ началѣ спуска нельзя было и ожидать встрѣтить долину, притомъ же такую красивую, такъ какъ она подходила къ обрыву, по которому спускалась дорога, подъ острымъ угломъ, а окружающія горы, казалось, сливались вплотную другъ съ другомъ. Мы прошли пѣшкомъ до конца спуска и далѣе по продолженію описан-

Digitized by Google

ной долины до самой рѣчки, быстрота которой была весьма значительна, берега же ея были ровны.

Дальнѣйшій путь имѣлъ тотъ же характеръ: дорога вилась между горъ въ долинахъ и лощинахъ, даря многочисленными интересными видами; нѣсколько разъ проѣзжали мы черезъ башкирскія деревни, совершенно пустыя, точно весь народъ вымеръ: такое впечатлѣніе получалось оттого, что избы выглядывали всѣ годными къ жилью, а ворота были не заперты, точно вотъ недавно здѣсь жили, но прошла смерть и покосила всѣхъ врасплохъ. Въ одной деревнѣ попалась только забытая кудахтавшая курица и одна напоминала о жизни среди этой мертвой картины; а въ другой встрѣтилась лишь убогая старушонка, сидѣвшая на лавочкѣ у воротъ дома; во всѣхъ же прочихъ избахъ было пусто, хоть приходи и зажигай деревню—никто не помѣшаетъ. И, дѣйствительно, со злымъ умысломъ много бѣдъ можно бы надѣлать въ башкирскихъ деревняхъ лѣтомъ: башкиры не сразу узнали бы о бѣдѣ, такъ какъ они живутъ въ горахъ за 10—20 верстъ, а еслибы и узнали, то не нашли бы виновнаго. Однако, пожары, а тѣмъ болѣе поджоги, рѣдко случаются въ башкирскихъ деревняхъ, гораздо рѣже, чѣмъ въ русскихъ селеніяхъ, можетъ быть, оттого что у нихъ не водится ни сѣна, ни соломы!

Переѣздъ предстоялъ намъ довольно длинный: отъ Абзелиловой до деревни Темясовой, куда мы ѣхали (во 2-й Бурьянской волости), было 35 верстъ, притомъ мы не особенно торопились. Такъ какъ во встрѣчныхъ деревняхъ ничего и никого нельзя было найти, то мы остановились въ обѣденное время просто въ полѣ, на берегу ручья, и сами стали готовить себѣ обѣдъ изъ собственныхъ запасовъ. Мы неудачно подражали приготовленію восточнаго кушанья—*пилава*, въ которому ягоды прибавляются послѣ, а не варятся одновременно. Поиронизировавъ другъ надъ другомъ по этому поводу, мы упражнялись затѣмъ еще въ косьбѣ травы, пользуясь своей косой, пока лошади паслись и отдыхали; А. С. Гусевъ показывалъ тайны сѣнокошенія, которое у него выходило очень споро. День приближался къ вечеру, и мы стали собираться далѣе въ путь, тѣмъ болѣе, что небо покрылось облачной пеленой и предвѣщало дождь. Нарвавъ незабудокъ, которыя довольно изобильно росли на полянѣ, мы поѣхали далѣе къ деревнѣ Темясовой. Въ одномъ мѣстѣ неожиданно раскрылось передъ нами зрѣлище деревьевъ, поваленныхъ по обѣ стороны дороги на большомъ пространствѣ, точно ихъ кто срубилъ; но на самомъ дѣлѣ они лежали всѣ въ одномъ направленіи и были не срублены, а сломаны. «Буря прошла», объяснилъ намъ А. С. Гусевъ.—Неужели бываютъ такія сильныя бури?—невольно спросилъ я. «Бываютъ еще и не такія—отвѣтилъ нашъ спутникъ:—здѣсь по горамъ еще не столько ломаетъ лѣсу,—видимо не видимо».—Съ удивленіемъ смотрѣли мы на это зрѣлище: казалось, точно великаны сражались здѣсь и положили на полѣ битвы свои головы. Проѣхавъ это, въ своемъ родѣ, побоище, мы вступили въ предѣлы орскаго уѣзда, въ новую волость—2-ю Бурянскую, въ которой главная деревня—Темжова—имѣетъ волостное правленіе. Туда мы и ѣхали.

Digitized by Google

Небо омрачилось еще болѣе: вдали, впереди насъ, съ неба спустились полосами дождевыя пелены, и дождь шелъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ; видно было, что онъ дойдетъ и до насъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ, крупныя капли упали къ намъ въ экипажъ. Мы встрепенулись: стали застегивать платье; я выскочилъ изъ экипажа и вмѣстѣ съ А. С. и кучеромъ второпяхъ стали укрывать ковромъ чемоданы, привязанные сзади экипажа; поднявъ верхъ экипажа, мы поспѣшно опять забрались въ него и укрылись со всѣхъ сторонъ кожаными фартуками отъ дождя, который успѣлъ таки помочить насъ, пока мы возились около экипажа, и все болѣе усиливался. Но лишь только мы закрылись, намъ уже и дѣла до него не стало: наоборотъ, есть какое-то особое удовольствіе ѣхать въ закрытомъ экипажѣ подъ лѣтнимъ дождемъ, — онъ льетъ себѣ нещадно, а вамъ сухо и пріятно; въ воздухѣ распространяется живительная свѣжесть, которая бодритъ все существо, и вамъ не только пріятно, но даже радостно, точно вы торжествуете побѣду надъ дождемъ, который неистовствуетъ и стучитъ въ экипажъ, а вы этимъ нисколько не тревожитесь и предаетесь себѣ пріятнымъ разговорамъ или сладкимъ мечтамъ, или не менѣе сладкой дремотѣ. Лишь изрѣдка одна-двѣ мелкія капельки успѣютъ какъ-то пробраться между фартуками и брызнутъ вамъ въ лицо, но и это вамъ вовсе не непріятно, а доставляетъ удовольствіе своею неожиданностью и лишь отрезвляетъ васъ отъ дремоты или точно вливаетъ новую струю свѣжести, если вы бодрствуете. А въ перспективѣ вы ожидаете, что дождь этотъ скоро пройдетъ, и опять засіяетъ солнце на лазурномъ небѣ и еще ярче заблеститъ по влажной травѣ и деревьямъ.

Спрятавшись отъ дождя въ экипажѣ, мы вволю предавались разговорамъ, на которые нашъ спутникъ Андрей Степановичъ былъ неистощимъ, умѣя разсказывать и зная хорошо какъ мѣста, по которымъ мы проѣзжали, такъ и жизнь въ нихъ. Много онъ разсказывалъ, пока шелъ дождь, о подвигахъ врача орскаго уѣзда Решко, жившаго лѣтъ 20—30 тому назадъ въ Темясовой, куда мы ѣхали; онъ былъ родомъ полякъ и неизвѣстно за что былъ сосланъ сюда изъ Вильны, гдѣ занималъ значительную должность врачебнаго инспектора; на мѣстѣ ссылки въ оренбургской губерніи онъ началъ страшно пить, сдѣлался настоящимъ алкоголикомъ и выкидывалъ подвигъ за подвигомъ. Вѣроятно, тоска по прошлому и ссылка въ такую дикую глушь, какъ Башкирія, были причинами его страсти къ вину; только онъ чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе удивительныя продѣлки выкидывалъ. Въ г. Орскѣ,—куда онъ ѣздилъ изъ Темясовой каждое 20-е число за полученіемъ жалованья,—онъ не ограничивался пьянствомъ въ одиночку, а откупалъ гостинницу на одинъ день и приглашалъ въ нее пить безплатно, чуть не поголовно, весь базаръ, гдѣ онъ «кликалъ кличъ» и за нимъ валомъ валили всякіе пропойцы. Въ промежуткахъ между пьянствомъ толпа выходила изъ гостинницы во главѣ съ Решко; съ гамомъ и пѣснями шла по улицамъ и «величала» его, а онъ, точно командиръ, приводилъ ее обратно въ гостинницу для новаго пьянства. Такимъ образомъ, онъ почти все свое жалованье остав-

Digitized by Google

лялъ въ гостинницѣ въ Орскѣ, а домой въ Темясову возвращался ни съ чѣмъ, такъ что семья его тѣмъ временемъ бѣдствовала. Онъ всегда и всюду имѣлъ съ собою 2 бутылки водки,—одну въ боковомъ, другую въ заднемъ карманѣ. Съ больными, даже съ женщинами, онъ говорилъ и обращался, не стѣсняясь правилами приличія, но—надо сказать правду — лѣчилъ успѣшно. Передъ начальствомъ онъ являлся не иначе, какъ въ пьяномъ видѣ. Когда, напр. пріѣзжалъ губернаторъ, то лѣкаря сначала искали долго, а, найдя, отрезвляли холодной водой, затѣмъ облекали въ какой нибудь костюмъ и въ такомъ видѣ привозили. Обыкновенно онъ становился послѣднимъ въ числѣ чиновниковъ, являвшихся къ губернатору, и еле держался на ногахъ, имѣя иногда въ рукахъ разорванный картузъ; виномъ разило отъ него на нѣсколько шаговъ. Когда губернаторъ подходилъ къ нему, онъ нетвердымъ языкомъ рекомендовался: «уѣздный врачъ Решко». Однажды губернаторъ изъ волостнаго правленія, гдѣ ему представлялись чиновники, захотѣлъ пройти въ мечеть. Решко взялся быть проводникомъ и завелъ губернатора и свиту куда-то на задній дворъ, въ грязь, гдѣ всполошилъ всѣхъ птицъ, индюковъ и животныхъ, такъ что губернатору надобно было обратиться къ другому проводнику.

Решко за все брался и ни отъ чего не отказывался. Былъ поднятъ вопросъ о преподаваніи пѣнія въ школѣ; Решко вызвался быть учителемъ пѣнія, хотя ничего не смыслилъ въ немъ; собралъ онъ учениковъ на урокъ пѣнія, болталъ, паясничалъ съ ними, прикладывался къ водкѣ, угощалъ ею учениковъ, а о пѣніи и забылъ. Затѣмъ, когда нужно было уходить изъ школы, онъ спохватился насчетъ пѣнія и крикнулъ ученикамъ: «ребята, пойдемте ко мнѣ пѣть»; съ ними гурьбой пришелъ домой, сѣлъ немедленно за рояль (дочери его играли) и, начавъ играть всею пятерней и издавая неистовые аккорды, скомандовалъ ученикамъ: «ребята, пойте», даже не сказавъ, что пѣть. Видя, что ученики не поютъ, онъ крикнулъ «Коль славенъ», и самъ сталъ играть. Но можно вообразить, что это былъ за «Коль славенъ»! Натѣшившись вдоволь и напившись, онъ прогналъ учениковъ и самъ пошелъ спать. На этомъ и закончилъ Решко свое преподаваніе пѣнія въ школѣ. Съ семействомъ своимъ онъ чѣмъ дальше, тѣмъ хуже обращался: жену чуть не колотилъ, передъ дочерьми не стѣснялся говорить и дѣлать какія угодно неприличія; одну прямо даже развращалъ, говоря такія вещи, которыхъ ей совсѣмъ не подобало слышать. Пилъ, пилъ Решко все неистовѣе и неистовѣе, и, наконецъ, умеръ отъ пьянства; семья же его чуть не пошла по міру. Впрочемъ, одна дочь успѣла пристроиться учительницей, но въ другой, увы, сѣмена гибели, какія сѣялъ отецъ, возросли, и она тоже пила... Такъ-то губитъ глухая, безпросвѣтная провинція людей, знавшихъ когда-то лучшее, но потерявшихъ его, а въ глухой провинціи павшихъ духомъ и поддавшихся утѣшительной слабости. Между тѣмъ Решко, былъ человѣкъ недюжинныхъ дарованій, быстраго ума, находчивъ въ разговорахъ, и обладалъ солидными знаніями... Нашъ спутникъ разсказывалъ объ этомъ очень смѣшно, какъ о какомъ нибудь курьезѣ, и нельзя было удержаться отъ смѣха при повѣствованіи

Digitized by Google

объ этой трагикомедіи; мы даже забыли совсѣмъ о дождѣ, который все продолжалъ лить.

Говорили мы затѣмъ о природѣ, птицахъ, звѣряхъ; не смотря на дождь, въ поляхъ громко и точно радостно крякали коростели. А. С. говорилъ, что они очень любятъ дождливую погоду и тогда особенно сильно крякаютъ; коростеля трудно видѣть или поймать: онъ какъ-то необыкновенно быстро перемѣняетъ мѣста, а вблизи его кряканье похоже на то, какъ будто кто съ силою ломаетъ палку. Андрей Степановичъ разсказалъ намъ одну любопытную подробность относительно перелета птицъ осенью. Извѣстно, что каждая порода птицъ въ свое время собирается группами, и затѣмъ разомъ отлетаетъ. Маленькія перелетныя птицы:—малиновки, синицы и т. п.—наблюдаютъ, когда полетятъ большія птицы, напр., лебеди, журавли, гуси, и къ этому времени пріурочиваютъ свой полетъ. Поднявшись, онѣ въ небесныхъ высяхъ безъ стѣсненія садятся на спины болѣе крупныхъ товарищей, а послѣдніе не препятствуютъ имъ въ этомъ, и такимъ образомъ точно на почтовыхъ «въ теплый край, за сине море, улетаютъ до весны».

Ѣхали мы себѣ такимъ образомъ, коротая время въ разговорахъ, а погода не только не прояснялась, но становилась еще пасмурнѣе, да къ тому же начало и темнѣть. — Скоро ли Темясова?—спросилъ я уже нетерпѣливо Андрея Степановича. — А вотъ сейчасъ намъ встрѣтится деревня, отъ которой до Темясовой 2 версты,—успокоительно отвѣтилъ онъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ, въ полутемнотѣ обрисовался минаретъ деревенской мечети. Проѣхали мы эту деревню, не встрѣтивъ въ ней ни одной живой души, проѣхали еще немного полями и, наконецъ, показалась передъ нашими взорами, въ смутныхъ полуночныхъ силуэтахъ, давно ожидаемая деревня Темясова. Эта деревня не оказалась покинутой жителями, тѣмъ болѣе, что въ ней жили и торговали русскіе.

Подъѣхали мы къ самому большому и высокому дому деревни: это былъ домъ мужа сестры Андрея Степановича; мужъ ея занимался торговлею въ окрестныхъ деревняхъ, переѣзжая изъ деревни въ деревню и ведя, какъ и прочіе торговцы, совершенно своеобразную кочующую жизнь, свойственную торговцамъ только въ этихъ мѣстностяхъ. Новый большой домъ былъ неожиданностью для Андрея Степановича, который давно не видѣлся съ сестрой и ея мужемъ, а послѣдніе прежде имѣли лишь небольшой одноэтажный домъ. Убѣдившись изъ разспросовъ, что это, дѣйствительно, домъ его сестры, онъ заключилъ: «значитъ, разбогатѣли». Сестра его, Катерина Степановна, по мужу Петрова, встрѣтила насъ радушно и тотчасъ велѣла взять въ домъ всѣ вещи, а насъ пригласила въ лучшую комнату въ родѣ гостинной. Наскучивши проливнымъ дождемъ и уставши отъ долгаго сидѣнья въ экипажѣ, мы охотно вылѣзли изъ него и, расправляя полуонѣмѣвшія руки и ноги, вошли въ домъ. Послѣ тѣхъ непритязательныхъ и невзрачныхъ помѣщеній, какими намъ приходилось пользоваться въ предъидущіе дни путешествія, высокій, съ просторными комнатами, домъ Катерины Степановны показался намъ очень пріятнымъ жилищемъ,

Digitized by Google

тѣмъ болѣе, что отъ характера постройки и убранства дома пахло коренною Русью, что особенно бросалось въ глаза среди этой дикой Башкиріи. Домъ на высокомъ каменномъ фундаментѣ, обнесенный со стороны двора галереею, былъ построенъ по типу домовъ зажиточныхъ торговцевъ-мѣщанъ; чистыя комнаты, не очень удобно расположенныя, были устланы половиками; новыя сосновыя стѣны, ничѣмъ не оклеенныя, издавали пріятный смолистый запахъ; къ галереѣ примыкали два хода: парадный и черный съ неизбѣжнымъ висячимъ рукомойникомъ снаружи. У Катерины Степановны было большое хозяйство: коровы, птицы, лошади и пр.; благодаря достатку, а также для надобностей хозяйства, она имѣла прислугу, но, заодно съ ней, все дѣлала сама: большаго разстоянія между хозяйкой и прислугой не замѣчалось.

За чаемъ я, по обыкновенію, завелъ рѣчь о башкирскихъ дудочникахъ и пѣсенникахъ: Катерина Степановна усмѣхнулась; вообще всюду подобные разспросы наши вызывали усмѣшку или улыбку; видно было, что насъ принимали за веселыхъ малыхъ, которые, можетъ быть, пріѣхали покутить и провести время безъ скуки; впрочемъ, улыбка Катерины Степановны была не такая: въ ней не было той брезгливой предубѣжденности, какъ у старухи въ деревнѣ Тамбулатовой. Катерина Степановна тотчасъ же вошла въ наши интересы и стала припоминать, какіе есть въ деревнѣ пѣсенники и дудочники, желая оказать намъ пріятное. Въ деревнѣ были не только мужчины-артисты, но и пѣсенницы и дудочницы. Это было ново для меня: раньше я не встрѣчалъ среди башкиръ женщинъ-артистокъ. Я сообщилъ, что у меня есть бумага отъ импер. Географическаго общества въ Петербургѣ, въ которойо но просить всѣ учрежденія и лица, съ которыми я вошелъ бы въ сношенія, оказывать мнѣ содѣйствіе. Андрей Степановичъ сказалъ: «вотъ и отлично, ее завтра можно будетъ показать старшинѣ, и тогда онъ живо найдетъ намъ дудочниковъ».

V.

На другой день утромъ, когда еще было по прежнему пасмурно, во дворѣ были уже два всадника-башкира въ ихъ характерныхъ костюмахъ. Я вышелъ на крыльцо, и одинъ изъ нихъ, одѣтый получше, соскочилъ съ лошади, поднялся по лѣстницѣ ко мнѣ и, точно передъ начальствомъ, отрапортовалъ: «старшина 2-й Бурзянской волости Сулеймановъ», и спросилъ, не желаю ли я какого нибудь содѣйствія съ его стороны. Вѣроятно, Андрей Степановичъ успѣлъ дать знать старшинѣ, зачѣмъ мы пріѣхали, сказавъ, что мы изъ Петербурга и «имѣемъ бумагу», и этого было достаточно, чтобы старшина счелъ обязанностью явиться къ пріѣзжимъ, какъ по начальству. Вообще упоминаніе о томъ, что мы изъ Петербурга, во многихъ случаяхъ производило чуть ли не магическое дѣйствіе.

Старшина былъ довольно представительный башкиръ, съ неглупой, серьезной физіономіей и съ широкимъ носомъ. Въ своихъ

Digitized by Google

движеніяхъ онъ весьма годился для представительства, благодаря чему и былъ на счету хорошаго старшины. Я старался вести разспросы самымъ простымъ тономъ, но старшина долго не могъ отдѣлаться отъ мысли, что онъ долженъ держать себя, какъ подчиненный. Я пригласилъ его и спутника, а также другихъ башкиръ, бывшихъ при этомъ, пить чай, предложивъ ягодъ, лимона и др. угощеній: башкиры охотно пьютъ чай съ лимономъ и по утрамъ, видя въ этомъ своего рода роскошь.

Мы вели разговоры, а въ промежуткахъ съ полной степенностью пили чай. Чаепитіе происходило по башкирской формѣ: у самовара были разставлены маленькія чашки, въ какихъ обыкновенно пьютъ чай; одинъ изъ присутствующихъ разливалъ чай, причемъ сначала во всѣ чашки подъ рядъ наливалъ понемногу чаю, затѣмъ прибавлялъ во всѣ еще по 2, по 3 капли, а послѣ этого—неполную ложку молока, если кто пилъ безъ лимона, и доливалъ кипяткомъ. Присутствовавшіе разбирали чашки и солидно, молча пили, такъ что въ комнатѣ раздавались только звуки чаепитія. Кто выпивалъ чашку, тотъ немедленно ставилъ ее къ самовару для новаго наполненія, а самъ въ это время разрѣшалъ себѣ разговоръ о томъ, о семъ.

Имѣя въ перспективѣ поѣздку въ кочевку къ старшинѣ и, зная, что онъ устроитъ праздникъ на всю кочевку, Андрей Степановичъ съ особымъ стараніемъ угощалъ старшину, клалъ ему въ чай множество кусковъ сахару; старшина, конечно, былъ польщенъ такимъ вниманіемъ, но чай, наконецъ, сталъ такъ приторно сладокъ, что старшина, и довольный, и въ полусмущеніи, сказалъ: «много, поди, будетъ, не клади больше сахару», а у самаго играла улыбка полнаго довольства. Подкупленный угощеніемъ, онъ приглашалъ насъ къ нему на кочевку въ гости: «пріѣзжай въ кочевку, барана рѣжемъ, жрать будемъ», какъ грубо выражался онъ, можетъ быть, не зная настоящей силы этого слова. Разстались мы, довольные другъ другомъ, а на другой или на третій день предположили ѣхать на кочевку къ старшинѣ, какъ только установится вёдро. Всѣ говорили, что старшина хорошо угоститъ, съумѣетъ устроить праздникъ, что онъ «хороша люди», по выраженію башкиръ. Андрей Степановичъ былъ очень доволенъ перспективой погостить въ кочевкѣ, попить тамъ хорошаго кумыса, закусывая его бараниной, а мнѣ говорилъ:—лучшаго случая и желать нельзя; старшина соберетъ для васъ всѣхъ лучшихъ дудочниковъ и пѣсенниковъ, и тогда вы въ волю записывайте, старшина все устроитъ.— Къ вечеру того же дня мы убѣдились, что старшина готовится къ празднеству: намъ сообщили, что онъ велѣлъ на деревнѣ всѣмъ, у кого водится кумысъ, запасать его и приберегать для гулянки въ кочевкѣ, дня черезъ два, а также распорядился привести изъ сосѣднихъ деревень хорошихъ дудочниковъ. «Ну, думали мы себѣ: будетъ пиръ». И много говорили о предстоявшемъ празднествѣ. Вечеромъ того же дня, гуляя по деревнѣ, я встрѣтилъ старшину верхомъ: онъ очень предупредительно поздоровался со мною и въ знакъ расположенія слѣзъ съ лошади и предложилъ мнѣ поѣздить на ней. Я сѣлъ и нѣсколько разъ проѣхался вдоль деревни, а

Digitized by Google

затѣмъ возвратился въ домъ Катерины Степановны, куда пришелъ пѣшкомъ и старшина.

Въ теченіе дня я видѣлся съ однимъ дудочникомъ и записывалъ отъ него башкирскія пѣсни, а затѣмъ Катерина Степановна пригласила меня во внутреннія комнаты, гдѣ былъ башкиръ придурковатаго и страннаго вида, съ улыбающейся, застѣнчивой физіономіей.—Вотъ это Мансурка, про котораго я вамъ говорила,—сказала Катерина Степановна,—онъ мастеръ пѣть по птичьему.

— Ну, Мансурка, сыграй, какъ лебеди поютъ,—продолжала она. Мансурка всполошился, сконфузился, засмѣялся во все лицо и спряталъ его въ рукавъ, топчась на мѣстѣ. Тогда присутствовавшіе вторично стали его побуждать: «ну же, Мансурка, не бойся». Мансурка, вытянувъ свою физіономію, закрывъ ротъ и носъ, сталъ издавать въ высшей степени странные, своеобразные звуки. Эти звуки, дѣйствительно, были похожи на птичьи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно слышалась мелодія. Это лебединое курлыканье слушалось прямо съ удовольствіемъ: такъ оно было необычно, искусно и вмѣстѣ пріятно. Присутствовавшіе издавали одобрительные возгласы и заставили повторить. Мансурка опять широко улыбнулся; онъ, видимо, былъ польщенъ и повторилъ пѣніе лебедя. Въ то же время я записалъ мелодію. Затѣмъ онъ изображалъ, какъ воркуютъ голуби, какъ поетъ какая-то полевая птица,—кажется, стрепетъ,—и все это было очень своеобразно и правдоподобно. Мы хвалили Мансурку, и улыбкамъ его не было конца; онъ уже не былъ такъ застѣнчивъ, а когда я далъ ему различныхъ фруктовъ, радость его была безмѣрна: онъ оживился и началъ топтаться на мѣстѣ еще болѣе. Послѣ этого Мансурку отпустили.

Вечеромъ мы познакомились съ другими обывателями изъ русскихъ,—изъ такъ называемой мѣстной интеллигенціи. За вечернимъ чаемъ была одна дама, которая оказалась женой мѣстнаго врача. Это была довольно полная дама съ нѣсколько широкой физіономіей, большимъ лбомъ, съ розами на щекахъ, хоть и не первой свѣжести; говорила она какъ-то улыбаясь, съ поползновеніями на иронію и остроту, и нерѣдко смѣялась. Но тонкостью отъ ея іроніи и остротъ не вѣяло, и вообще отъ нея самой и отъ рѣчей отдавало нѣкоторой топорностью. Она разспрашивала о цѣли нашего пріѣзда, усмѣхнулась, давала совѣты и указанія, а, затѣмъ, полушутливо обсуждала нашъ проэктъ ѣхать въ кочевку на праздникъ къ старшинѣ и заранѣе назвалась участвовать въ поѣздкѣ. Бесѣда была вообще оживленная, такъ какъ за чаемъ собрались домочадцы Катерины Степановны, ея дочери и нѣкоторые знакомые. Впрочемъ, я не все время оставался въ этомъ обществѣ, потому что вскорѣ прислали ко мнѣ новаго дудочника, съ которымъ я и ушелъ въ сосѣднюю комнату. Дудочникъ когда-то работалъ поденщикомъ у мужа Катерины Степановны, и когда я повелъ его въ гостинную, которая была предоставлена въ наше распоряженіе, Катерина Степановна замѣтила дудочнику:—ишь, вѣдь, дождался какой чести; поди никогда и не сидѣлъ въ такихъ комнатахъ.—Вообще, благодаря моимъ сношеніямъ съ башкирами, послѣдніе водворились въ домѣ Катерины Степановны на началахъ равноправности, тогда какъ прежде

Digitized by Google

дальше кухни и столовой они не допускались. Хотя, можетъ быть, въ душѣ это было несовсѣмъ по вкусу хозяйкѣ, но она и виду не показывала, что это ей не нравится. Доставши четверть кумыса, я засѣлъ въ гостинной съ дудочникомъ и записывалъ съ его игры башкирскія мелодіи.

Въ комнатѣ были уже зажжены вечерніе огни, но они не мѣшали видѣть въ окна, что погода прояснилась и вечерняя заря розовымъ, мягкимъ полусвѣтомъ отражалась на подоконникахъ и на домахъ снаружи. Стало сразу веселѣе послѣ почти двухдневнаго ненастья. Въ это время, вдругъ подъ окнами, раздались какіе-то знакомые звуки; мы прислушались: это Мансурка пѣлъ по лебединому. Онъ стоялъ у нашихъ оконъ и съ какимъ-то усердіемъ показывалъ свое искусство; мы открыли окна и стали слушать, Мансурка, увидѣвъ насъ, привѣтствовалъ широкой и радостной улыбкой. Въ ней и въ томъ усердіи, съ какимъ онъ изображалъ пѣніе птицъ, видно было, что онъ сильно польщенъ вниманіемъ къ его искусству и хотѣлъ показать, что въ немъ живутъ чувства благодарности. Мой братъ и частью я пытались подражать искусству Мансурки не безъ нѣкотораго успѣха. Чистое небо, ясная догарающая заря, тихій вечеръ, новыя для насъ люди, добрые и хорошіе, необычная обстановка, горная природа, въ высшей степени странное и оригинальное искусство Мансурки,—всего это было достаточно, чтобы почувствовать себя въ совершенно своеобразномъ мірѣ, познать особое душевное удовлетвореніе, когда всецѣло погружаешься въ настоящее и забываешь о прошедшемъ и о будущемъ.

На другой день (29 іюня) мы поѣхали съ Андреемъ Степановичемъ немного далѣе, за 20 верстъ, въ деревню Иткулову 2-ю, гдѣ жила его мать-старушка въ собственномъ домѣ, чтобы повидаться съ нею. Пріѣхали мы въ Иткулову около базарнаго времени и остановились въ домѣ матери А. С., бодрой, расторопной старушки, которая съ усердіемъ стала хлопотать для насъ. Въ одноэтажномъ деревянномъ домѣ было необыкновенно чисто прибрано. А. С. спросилъ старушку о дудочникѣ Хамитѣ: здѣсь ли онъ? но, на нашу неудачу, его не было. Тогда мы пошли на базаръ, разсчитывая найти тамъ какого нибудь дудочника. Въ базарный день башкирская деревня довольно оживлена, въ другіе же дни на мѣстѣ базара совсѣмъ пусто и стоятъ однѣ открытыя деревянныя лавки. На базаръ приходило много народу,—все башкиры да башкиры,—и лишь немногіе русскіе торговцы, 5—6 человѣкъ. Въ числѣ ихъ мы впервые встрѣтили мужа Катерины Степановны, Ивана Степановича Петрова, и познакомились съ нимъ. Онъ родомъ изъ Уфы и живетъ въ Башкиріи уже довольно давно, наряду съ другими торговцами, ведя кочевую торговлю; дѣло въ томъ, что въ Башкиріи нѣтъ торговыхъ центровъ, лавку открывать въ одномъ мѣстѣ невыгодно, и приходится торговать по базарамъ, каждый день на новомъ мѣстѣ, такъ какъ башкирскіе базары дольше дня не продолжаются. Русскіе торговцы выбираютъ на каждый день недѣли деревни съ базарами и перекочевываютъ со своими товарами, возвращаясь къ семьѣ только на одинъ какой нибудь день

Digitized by Google

въ недѣлю; и это продолжается круглый годъ и лѣтомъ, и зимой. Обыкновенно торговцы разъѣзжаютъ вдвоемъ или втроемъ, ради безопасности. Лѣтомъ живется имъ еще сносно: останавливаются они часто въ полѣ, ночуютъ тамъ, кормятъ травой своихъ лошадей, сами себѣ варятъ пищу, изрѣдка занимаютъ квартиру въ деревнѣ; но вотъ зимой приходится тяжело.

На базарѣ въ Иткуловѣ мы стали разспрашивать, нѣтъ ли здѣсь дудочника. Вся толпа башкиръ заинтересовалась нашимъ появленіемъ; всѣ заволновались, затараторили по своему; раздались оклики и откуда-то явился дудочникъ. Я спросилъ: «ты курайсы»? (дудочникъ).—Да,—отвѣтилъ онъ. «Хорошо играешь»?—Какъ не хорошо! мало-мало умѣемъ. — Въ это время толпа окружила насъ уже со всѣхъ сторонъ и живо слѣдила за нашимъ разговоромъ; при послѣднемъ вопросѣ она вся крикнула, точно рѣчь касалась ея:—Хай, куда не хорошо, первы курайсы.—Тогда я сказалъ дудочнику: «ну, пойдемъ ко мнѣ въ избу». Изъ толпы раздавались новыя предложенія: «эй, знакомъ, еще курайсы есть, бульно хороша, айда бери его». Видимо толпа смекала, какъ бы поживиться насчетъ новыхъ пріѣзжихъ. Когда я съ дудочникомъ (звали его Тулунгужа Губейдуллингъ, изъ деревни Искаковой) уходилъ съ базара, отдѣльные голоса что-то выкрикивали вслѣдъ ему; Андрей Степановичъ, знавшій по башкирски, послѣ говорилъ мнѣ, что толпа совѣтовала дудочнику побольше взять съ насъ за игру.

Возвратились мы въ домъ матери Андрея Степановича и ниспровергли обычный порядокъ ея жизни: заняли двѣ комнаты, разостлали на чистомъ полу ковры, положили подушки и такимъ образомъ устроились для пребыванія, да къ тому же это было удобно и для записыванія пѣсенъ новаго дудочника. Какъ только мы пришли съ нимъ, онъ уже въ кухнѣ взялъ въ зубы свою свирѣль (курай) и началъ наигрывать мелодіи, все хорошія и красивыя. Сидѣли мы съ дудочникомъ долго на коврѣ, все кумысъ пили; онъ пѣсни игралъ, а я записывалъ. Дудочникъ оказался изъ хорошихъ; много мелодій успѣлъ я тогда записать; наконецъ, оба мы устали и дальше играть и писать было не въ моготу. Я предложилъ дудочнику остаться на весь вечеръ, чтобы послѣ обѣда опять записать что нибудь. Онъ согласился. Получивъ плату, онъ уѣхалъ часовъ въ 9 вечера.

На другой день Андрей Степановичъ предлагалъ намъ ѣхать назадъ въ Темясову, на праздникъ къ старшинѣ, тѣмъ болѣе, что день начался великолѣпнымъ утромъ. Но не такъ далеко отъ деревни, въ 45 верстахъ, былъ золотой пріискъ Горяевыхъ: мы не хотѣли упускать случая побывать тамъ; къ тому же намъ говорили, что на пріискѣ среди рабочихъ есть много дудочниковъ и пѣсенниковъ. Такимъ образомъ, мы съ А. С. разстались; онъ на своихъ лошадяхъ поѣхалъ обратно въ Темясову, а мы наняли лошадей на Горяевскій пріискъ; съ нами выразила желаніе поѣхать и мать Андрея Степановича, такъ какъ это былъ для нея удобный случай видѣться съ замужней дочерью близъ пріиска—«Милочкой», какъ она называла ее. Она рѣшительно отказалась взять что либо съ насъ за издержки по поводу нашего пріѣзда и только при этомъ

Digitized by Google

условіи согласилась ѣхать съ нами. А. С. простился съ матерью со словами:—ишь какая бойкая старушка, на старости лѣтъ съ кавалерами поѣхала,—и мы разъѣхались.

Намъ предстояло ѣхать по долинѣ между хребтами Ирендыкомъ и собственно Ураломъ. На одномъ болѣе высокомъ пунктѣ мы увидѣли всю долину: передъ нашими глазами раскрылась широкая, живописная, уходящая въ даль долина, красиво обрамленная двумя величественными хребтами горъ, причудливо обрисовывавшимися вдали. Видъ поражалъ своею широкою и величественною красотою.

Ѣхали мы по этой долинѣ довольно долго, среди густой, высокой травы; затѣмъ приблизились къ Ирендыку и поѣхали вдоль него. Дорога, не смотря на то, что по ней мало ѣздили, была прекрасная. Долина эта—благодатная. Башкиры любятъ кочевать по ней, благодаря прекрасному корму, какой находятъ здѣсь ихъ стада. На пути мы, дѣйствительно, встрѣтили кочевку, въ которую заѣзжали пить кумысъ. На обширной долинѣ любовались игрою свѣта и тѣней отъ проходящихъ подъ солнцемъ облаковъ; далеко гдѣ-то вдали лежали по равнинѣ темныя пятна и тамъ казалось былъ вечеръ, а въ другихъ мѣстахъ ярко сіяло солнце и было какъ будто утро.

Часа черезъ 4 пути, мы приблизились къ пріиску Горяевыхъ. Но спутницу нашу завезли по сосѣдству на фабрику химической добычи золота графа Роттермонда, гдѣ была замужемъ за служащимъ дочь нашей спутницы. Пріѣхали, отрекомендовались владѣльцамъ фабрики графу Роттермонду и московскому коммерсанту Коишиину, какъ прибывшіе для этнографическихъ изслѣдованій въ Башкирію; осмотрѣли фабрику съ ея сложнымъ устройствомъ, увидѣли, въ какой гибельной, наполненной удушливыми газами, атмосферѣ работаютъ русскіе люди и башкиры; узнали, что золото идетъ плохо; побесѣдовали съ хозяевами, которые пожелали имѣть впослѣдствіи результаты моихъ изслѣдованій, особенно записи башкирскихъ мелодій, чрезвычайно имъ понравившихся; узнали отъ нихъ, какія лица также весьма заинтересовались бы моими музыкальными записями, а затѣмъ поѣхали далѣе, уже безъ старушки, вдвоемъ на Горяевскій пріискъ въ 2 верстахъ. Онъ лежитъ у самой подошвы Ирендыка на рѣчкѣ Таналыкъ, впадающей въ Уралъ, въ довольно живописной мѣстности, лишенной, однако, всякой растительности, такъ какъ лѣсъ весь истребленъ пріисковою фабрикой.

Пріѣзжаемъ часа въ 4 вечера на пріискъ. Прежде всего, намъ бросились въ глаза огромная насыпь, образовавшаяся отъ долголѣтней промывки золота, и фабричная труба. Золото здѣсь добывается промывкою въ водѣ, почему рабочіе не платятся здѣсь здоровьемъ, какъ на фабрикѣ графа Роттермонда (или просто графа, какъ зовутъ его башкиры).

Мы остановились въ школѣ; учитель и его жена радушно встрѣтили насъ, отыскали мнѣ дудочника, и я записывалъ за нимъ пѣсни въ присутствіи любопытныхъ, когда намъ прислали приглашеніе отъ хозяйки пріиска Маріи Павловны Горяевой (она—вдова

Digitized by Google

и сама ведетъ свое дѣло). Мы отправились въ домъ хозяйки. Насъ встрѣтила высокая, довольно красивая и далеко еще не пожилая дама съ привѣтливыми манерами, пригласила за чайный столъ и познакомила со своими домашними.

Пріискъ Горяевыхъ является уютнымъ уголкомъ среди всей этой дикой Башкиріи, и проѣзжающій съ удовольствіемъ проводитъ здѣсь нѣсколько часовъ, встрѣчая опять культурность, съ которою разстался, очутившись въ предѣлахъ Башкиріи.

На другой день утромъ, послѣ занятій съ башкиромъ, въ 10 часовъ насъ вновь пригласили къ хозяевамъ, гдѣ насъ ожидали тѣ же радушіе и привѣтливость. Простившись съ Горяевыми, мы заѣхали за старушкой, оставшейся на фабрикѣ графа у дочери. Послѣдняя, при прощаніи съ матерью и нами, свѣтовала на брата Андрея Степановича, что онъ не пріѣхалъ къ ней вмѣстѣ съ нами:—ишь вѣдь какой упорный,—говорила она,—не хотѣлъ пріѣхать, богъ знаетъ, когда мы съ нимъ увидимся, у меня какое-то предчувствіе есть, должно быть, мы съ нимъ долго не увидимся! — И она, худенькая, тоненькая, съ кроткими глазами, такъ грустно смотрѣла на насъ. Бѣдняжка, предчувствіе у нея было не напрасно: больше ей не было суждено увидѣться съ братомъ: онъ вскорѣ умеръ. Старушка-мать прощалась съ нею и утѣшала. Мы поѣхали обратно въ Темясову; уже вечерѣло, накрапывалъ дождь; путь нашъ опять лежалъ вдоль Ирендыка, который былъ величественно сумраченъ. Темнѣло; сизыя тучи сбирались надъ хребтомъ, синія величественныя горы смотрѣли суровыми великанами и какъ будто думали думу, а большія и маленькія—черныя и сизыя—тучи точно обнимали и лобызали ихъ вершины, то опускаясь на нихъ, то приподнимаясь и точно разсказывая горныя сказки. Картина была сурова, но живописна, и мы долго любовались ею. Дождь все болѣе накрапывалъ; мы закрылись въ экипажѣ и примолкли; каждый погрузился самъ въ себя. Ѣхали долго; уже совсѣмъ вечеромъ добрались мы къ Темясовой, часу въ 10-мъ, когда погода стала разводриваться, черныя тучи все болѣе и болѣе отставали сзади насъ, а впереди ярко горѣла роскошными цвѣтами заря, какая только бываетъ въ горахъ. Воздухъ былъ чистъ и теплъ, дышалось и чувствовалось какъ-то особенно легко. Изъ-за разсѣявшихся тучъ засіяла луна; невольно напрашивалась пѣсня, а впереди небо было такъ свѣтло и такъ магически притягивало къ себѣ.

VI.

Когда мы приближались къ Темясовой, навстрѣчу намъ попадались большими партіями башкиры, то въ телѣгахъ, то верхомъ: это они возвращались со схода, собраннаго въ Темясовой, какъ центральной деревнѣ 2-ой Бурзянской волости,—гдѣ находится и волостное правленіе,—для продажи правъ на содержаніе почтовыхъ лошадей по деревнямъ этой волости. Со всей волости собралось очень много башкиръ. Зрѣлище было особенное: навстрѣчу намъ ѣхали все башкиры и башкиры, тогда какъ глазъ русскаго путника

Digitized by Google

привыкъ встрѣчать на проселочныхъ дорогахъ русскаго крестьянина; здѣсь сильно и наглядно чувствовалось, что мы пребываемъ въ центрѣ коренной Башкиріи и что не русскіе мужики обитаютъ въ окрестныхъ весяхъ.

Пріѣхали мы въ Темясову поздно вечеромъ; послѣ поѣздки среди вечерняго горнаго воздуха, мы чувствовали себя необыкновенно бодро. Много мы говорили о любезныхъ хозяевахъ пріиска. Катерина Степановна и жена врача въ одинъ голосъ заявили, что Марія Павловна Горяева—необыкновенная женщина по добротѣ сердца: она много благотворитъ, жалостлива къ бѣднымъ башкирамъ, пріѣзжающимъ на ея пріискъ. Она даритъ имъ ситцу, чаю и пр.; никто изъ посѣтителей ея пріиска не уѣзжаетъ, не удостоившись вниманія хозяйки.

Катерина Степановна и ея мужъ Иванъ Степановичъ Петровъ, возвратившійся съ базаровъ въ окрестныхъ деревняхъ, сообщили, что въ отсутствіе наше у нихъ состоялся цѣлый вечеръ съ пѣсенниками и дудочниками, которые въ большомъ количествѣ нахлынули въ Темясову по поводу схода и базара; что пѣсенники и дудочники были отличные, а послѣдніе играли, нѣсколько человѣкъ подъ рядъ. Я спрашивалъ Андрея Степановича, какъ играли дудочники: — всѣ одно и то же, или раздѣлялись на голоса?—А. С. отвѣтилъ, что всѣ играли одно и то же, т. е. унисонную общую мелодію.—Гдѣ имъ, дикарямъ, играть на разные голоса?—прибавилъ онъ. Я очень сожалѣлъ, что не присутствовалъ на этомъ вечерѣ, потому что ни раньше, ни позже мнѣ не удавалось слышать среди башкиръ одновременной игры на нѣсколькихъ инструментахъ и притомъ такъ, чтобы это выходило стройно, а на упомянутомъ вечерѣ башкиры играли согласно. Сообщили мнѣ также, что на вечерѣ пѣлъ отличный пѣвецъ, теноръ Абдрахманъ-Узенбаевъ изъ деревни Токтагуловой, 2-ой Бурзянской волости, близъ султановскаго пріиска Рамеева, и посовѣтовали во время моихъ разъѣздовъ по Башкиріи отыскать его и записать эти прекрасныя пѣсни. Я занесъ въ памятную книжку его фамилію.

Дудочники и пѣсенники эти были частью привлечены въ Темясову старшиною спеціально для меня; поэтому-то присутствовавшіе на вечерѣ сожалѣли, что я отсутствовалъ.

На другой день, 2 іюля, передъ утреннимъ чаемъ я отправился въ лавку за покупками и на крыльцѣ дома встрѣчаю башкира, который всталъ и поклонился мнѣ; я спросилъ, кто онъ и что ему надобно; отъ отвѣтилъ, что курайсы (дудочникъ) Биргалѣ изъ деревни Кусеевой и пришелъ играть къ «начальнику изъ Петербурга» (такъ называлъ онъ меня). Слухъ о томъ, что я записываю башкирскія пѣсни и даю за это деньги, распространился, при содѣйствіи старшины, довольно далеко среди башкиръ. Я сказалъ Биргалѣ, чтобы онъ немного подождалъ, что я скоро возвращусь и тогда буду заниматься съ нимъ. Возвратившись, я разсказываю хозяевамъ о встрѣчѣ съ Биргалѣ, а они мнѣ сообщаютъ, что этого дудочника нарочно задержалъ для меня наканунѣ старшина на сходѣ, и что дудочникъ—одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ въ своей мѣстности.

Digitized by Google

За утреннимъ чаемъ уже присутствовала «дама съ вѣсомъ»; она часто бывала у Катерины Степановны, такъ какъ жила отдѣльно отъ мужа-врача, и ей скучно было одной въ своей квартирѣ; мужъ ея жилъ въ той же деревнѣ на казенной квартирѣ при больницѣ; разошлась она съ мужемъ, по разсказамъ, изъ-за потерянныхъ ею денегъ; онъ порядочно таки попивалъ: кажется, это участь всѣхъ интеллигентныхъ тружениковъ, заброшенныхъ въ глухую провинцію, особенно въ такіе буквально «медвѣжьи углы», какъ эта Башкирія, гдѣ подобный труженикъ рѣшительно не встрѣтитъ никого, кто былъ бы хоть мало мальски ровня ему: священниковъ нѣтъ, русскихъ старшинъ тоже, учителя—изъ инородцевъ; по неволѣ запиваетъ человѣкъ среди такихъ первобытныхъ условій. Темясовскій врачъ П. мало того, что пилъ, онъ пріобрѣлъ себѣ рѣзкую, нетерпѣливую манеру обращенія съ больными инородцами, вѣроятно, также благодаря окружающимъ условіямъ жизни; за это башкиры не любили его и передразнивали, какъ онъ обращается съ тѣми, кто къ нему приходитъ за совѣтами: его отрывистый, раздражительный тонъ, его слова къ больнымъ—«ну, что у тебя такое»? «ахъ, ты собачій сынъ, да развѣ можно такъ грязно жить»? и пр. Его супруга послѣ размолвки пріискала себѣ въ одной башкирской избѣ комнату и поселилась въ ней вмѣстѣ съ дочерью-дѣвочкой; изба была изъ лучшихъ въ деревнѣ, но помѣщеніе было все таки невзрачное, съ низкими потолками, съ маленькими окнами и пр.

«Дама съ вѣсомъ» была уже въ домѣ Катерины Степановны со своей работой, когда я разсказывалъ о встрѣчѣ съ дудочникомъ Биргалѐ. Она, по обыкновенію, приняла большое участіе въ разговорѣ и высказала все, что́ знала объ упомянутомъ дудочникѣ.

Я ушелъ, чтобы начать работу съ Биргалѐ. — Гдѣ мы съ тобой будемъ играть? — спросилъ я.—«Гдѣ хотите», — отвѣтилъ онъ смиренно: несомнѣнно онъ продолжалъ видѣть во мнѣ «начальника изъ Петербурга». Въ домѣ Катерины Степановны оказалось неудобнымъ устроиться намъ съ Биргалѐ, и тогда послѣдній, по моему порученію, нашелъ въ деревнѣ свободную избу.

Пришли мы въ новую избу, сравнительно просторную, почти пустую, гдѣ стояли только широкія скамейки вдоль одной стѣны; сначала въ избѣ были я, Биргалѐ и хозяинъ, но скоро стали входить другіе башкиры; въ это же время хозяинъ принесъ кадочку съ кумысомъ и сталъ угощать имъ присутствовавшихъ; игра, соединенная съ угощеніемъ, привлекла въ непродолжительномъ времени многихъ любопытныхъ. Мы съ Биргалѐ условились было не впускать постороннихъ и заниматься безъ народа, но башкиры начали стучаться снаружи у дверей и возвышать голоса. Что́ они говорили, я не понималъ, конечно; только Биргалѐ пересталъ препятствовать желанію любопытныхъ проникнуть внутрь, и послѣдніе одинъ за другимъ наполнили избу. Послѣ Биргалѐ мнѣ говорилъ, что когда онъ пробовалъ не впускать башкиръ въ избу, то они кричали изъ-за двери, что изобьютъ его; поэтому онъ больше и не мѣшалъ имъ входить въ избу. Такимъ образомъ, пришлось записывать мелодіи Биргалѐ при толпѣ; башкиры, нисколько не

Digitized by Google

стѣсняясь, разлеглись на нарахъ, поджавъ подъ себя ноги, а кто не умѣстился, тѣ стояли посрединѣ комнаты. Одинъ башкиръ сѣлъ около кадочки и разливалъ изъ нея кумысъ въ чашки, которыя раздавались по рукамъ; въ центрѣ возсѣдали старики почтенной наружности съ длинными сѣдыми бородами, но они проявляли любопытство и жизнерадостность не хуже молодежи; особенно одинъ изъ нихъ, весьма говорливый и полный добродушія, съ длинными сѣдыми усами, съ широкою, довольно выразительною физіономіею и живыми веселыми глазами, громко разспрашивалъ меня въ подробностяхъ: кто я, правда ли, что изъ Петербурга, зачѣмъ записываю пѣсни? и т. п. Я удовлетворялъ его любопытство, и онъ шумно издавалъ возгласы одобренія, изумленія, удивленія или удовольствія. «Хай-хай»! протяжно выражалъ онъ удивленіе, или: «молодѐсъ, вотъ молодесъ, такъ молодесъ, хороша люди»! поощрялъ онъ меня по поводу записыванія мелодіи и одобрительно хлопалъ по плечу, а глаза его такъ и свѣтились добродушіемъ. Другіе башкиры съ любопытствомъ разсматривали нотную бумагу, на которой я записывалъ мелодіи; спрашивали меня, что̀ это такое, и ка̀къ это я самый голосъ записываю, и усердно старались постичь мои, конечно, самыя элементарныя объясненія. Но, видимо, это имъ не удавалось, потому что они, молча и полуробко, съ печатью того же первоначальнаго недоумѣнія на лицѣ, отходили отъ меня. Кто-то изъ нихъ сказалъ, что еще не видывалъ, чтобы записывали такъ по линейкамъ, что онъ видѣлъ, какъ «русакъ» записывалъ на бумагѣ ихъ пѣсни, но чтобы голосъ записывать, да еще по такимъ линейкамъ,—онъ и невидывалъ.

Въ такой компаніи я записывалъ мелодіи отъ дудочника и, вмѣстѣ съ тѣмъ, волей-неволей, принималъ участіе въ питьѣ кумыса, такъ какъ мнѣ подносили чашку первому и слѣдили, чтобы она не была пустой; однако, много пить я не могъ, потому что кумысъ былъ плохой и кислый. Когда я, записавъ мелодію, воспроизводилъ ее голосомъ или насвистываніемъ, то ропотъ одобренія, особенно въ началѣ, проносился по всей толпѣ; иные даже смѣялись отъ удовольствія, что слышатъ свою пѣсню отъ «русака».

Довольно долго записывалъ я пѣсни въ этой избѣ, такъ что значительная часть башкиръ, удовлетворивъ своему любопытству разошлась изъ избы; остались лишь немногіе, въ томъ числѣ описанный выше разговорчивый старикъ, имѣвшій терпѣніе досидѣть до конца. Наши занятія прервались по поводу сходки у волостнаго правленія, на которой надо было присутствовать всѣмъ, въ томъ числѣ и Биргалѐ; эта сходка была продолженіемъ бывшей наканунѣ и на ней происходила та же продажа съ торговъ права на содержаніе лошадей для проѣзжающихъ по волости, такъ какъ наканунѣ не успѣли покончить съ этой процедурой. Я заинтересовался сходкой и пошелъ туда. На пути, близъ волостнаго правленія, встрѣтился мнѣ Мансурка, три дня тому назадъ забавлявшій насъ своимъ искусствомъ пѣть по птичьему. Еще издали онъ увидѣлъ меня и застѣнчиво шелъ на встрѣчу, а на физіономіи уже давно играла улыбка; я предполагалъ, что онъ скажетъ мнѣ въ видѣ привѣтствія: «здравствуй», но, вмѣсто всякаго привѣтствія, онъ

Digitized by Google

неожиданно-негаданно прокурлыкалъ по лебединому и разразился улыбкой удовольствія. Я такъ и не слышалъ вообще ни одного слова отъ этого своеобразнаго артиста, у котораго способъ изъясненія былъ, повидимому, единственно птичій. Я остановился, прослушалъ его пѣніе, что-то сказалъ ему, а онъ застѣнчиво улыбался. Когда же я пошелъ далѣе, онъ еще разъ пропѣлъ по лебединому. Вообще, видно было, что онъ старался выразить какія-то симпатическія чувства. У волостнаго правленія была уже большая толпа. На крыльцѣ правленія стоялъ столъ, за которымъ сидѣли: волостной писарь изъ русскихъ и старшина башкиръ—Сулеймановъ. Когда я пришелъ, старшина пригласилъ меня сѣсть въ серединѣ за столъ, рядомъ съ нимъ, и я очутился въ центрѣ сходки. Старшина былъ украшенъ цѣпью съ бляхой. Торги происходили слѣдующимъ образомъ. Писарь называлъ деревню, въ которой должны содержаться лошади для проѣзжающихъ, и спрашивалъ, кто сколько хочетъ платить за это обществу. Кто нибудь изъ башкиръ называлъ сумму; толпа напряженно слѣдила за ходомъ торговъ. Уже первое заявленіе цѣны вызывало нѣкоторое волненіе и ропотъ голосовъ проносился по всей толпѣ; когда же кто нибудь другой назначалъ высшую цѣну, то раздавался взрывъ цѣлаго ряда голосовъ, которые по башкирски что-то кричали предложившему высшую цѣну или же оживленно тараторили между собой; вмѣстѣ съ тѣмъ толпа все тѣснѣе надвигалась къ столу, гдѣ сидѣли старшина и писарь, забиралась на перила, окружавшія крыльцо, перелѣзала черезъ нихъ и постепенно наполняла самое крыльцо, такъ что старшина уже морщилъ свою физіономію и покрикивалъ на толпу. Когда же начиналось состязаніе изъ-за цѣнъ, и кто нибудь все повышалъ ихъ, толпа приходила въ экстазъ, раздѣлялась на партіи, и каждая изъ этихъ партій наблюдала и поддерживала своего кліента. Послѣ каждой новой цѣны, толпа издавала взрывы возгласовъ, колыхалась, жестикулировала; отдѣльныя физіономіи, напряженныя, красныя, обращались то къ торгующимся, то къ старшинѣ, и во все горло что-то кричали, махая руками, забираясь на перила и на стулья. Старшина сидѣлъ невозмутимо, и умная физіономія его съ крупными, типичными чертами, что-то серьезно обдумывала, не обращая вниманія на крики толпы; лишь по временамъ его лицо покрывалось тѣнью неудовольствія, и старшина полугнѣвно качалъ головою или махалъ рукою въ отвѣтъ на крики, какіе были обращены къ нему изъ толпы, а иногда грозно окрикивалъ шумящихъ. Такимъ образомъ, онъ руководилъ сходкой. Волостной же писарь изъ русскихъ держалъ себя совершенно беззаботно, спокойно записывая цѣны торговъ и не обращая ровно никакого вниманія на толпу, какъ бы погруженный въ свои записи; по временамъ только онъ посмѣивался.

Возбужденіе и смятеніе толпы достигало высшей степени, когда кто нибудь изъ состязующихся не выдерживалъ и называлъ свою послѣднюю цѣну; тогда вдругъ раздавался такой оглушительный ревъ голосовъ, что впору было затыкать уши: толпа неистово колыхалась, всѣ лица наливались кровью, и всѣ кричали что́ есть духу; часть толпы видимо ликовала; другая часть, съ явною укоризною въ тонѣ голоса, обращалась къ сопернику, не выдержав-

Digitized by Google

шему торговъ, а тотъ понуро стоялъ или махалъ рукою. Много разъ повторялись такія сцены въ теченіе сходки и казалось иногда, что вотъ-вотъ эти разъярившіеся люди сейчасъ набросятся другъ на друга и начнется «заправская» свалка, но дѣло ограничивалось только неистовствомъ голосовъ и необыкновеннымъ жестикулированіемъ толпы. Вообще сходка носила чрезвычайно шумный и строптивый характеръ (я хотѣлъ было сказать—буриый, но это было бы слишкомъ сильно); подобныхъ сходокъ у русскихъ я не встрѣчалъ. Наконецъ, торги кончились, и толпа разошлась, но несовсѣмъ, и черезъ нѣсколько времени опять собралась у дома Ивана Степановича Петрова (гдѣ мы остановились) для полученія подарковъ отъ тѣхъ башкиръ, которымъ на торгахъ достался разгонъ лошадей по деревнямъ. Это ужь такъ водится на сходкахъ у башкиръ: если кто нибудь проситъ общество, напр., о продажѣ или сдачѣ въ аренду земель, лѣсовъ или участковъ для добыванія минераловъ и т. п., и будетъ сдѣлано постановленіе, благопріятное для просителя, то послѣдній долженъ вознаградить сходъ подарками. Если онъ хлопочетъ о большомъ дѣлѣ, то даритъ деньгами или вещами, если же онъ не богатъ, то просто чаемъ, до котораго башкиры чрезвычайно падки. Такъ и въ настоящемъ случаѣ всѣ, получившіе право разгона лошадей, должны были въ видѣ благодарности одарить сходъ чаемъ, причемъ на долю каждаго приходилось восьмушка и не болѣе четверти чаю. Такъ какъ упомянутый Иванъ Степановичъ торговалъ чаемъ, то названныя лица поручили ему отпустить чаю участникамъ схода, — и вотъ башкиры запрудили весь его дворъ и окружили съ улицы домъ, терпѣливо ожидая каждый своей очереди. Долго Иванъ Степановичъ раздавалъ башкирамъ чай изъ своей подвальной лавки, а башкиры въ это время самымъ безпечнѣйшимъ образомъ сидѣли на бревнахъ, на землѣ или стояли, весело тараторя и, видимо, очень довольные такимъ беззаботнымъ времяпровожденіемъ.

Эти награды за мірскіе приговоры отъ заинтересованныхъ лицъ почти также развращаютъ, какъ и мірское питье водки у русскихъ крестьянъ. Если кому нужно за безцѣнокъ снять въ аренду огромныя площади земли и лѣсу, то еще раньше приговора раздаютъ наиболѣе вліятельнымъ участникамъ сходки деньги, чай и другіе подарки, а затѣмъ обѣщаютъ послѣ приговора раздать подарки въ такихъ-то размѣрахъ, и подкупленные башкиры, ожидая впереди еще подачекъ, весело, «съ легкимъ духомъ», не разбирая хорошенько дѣла, постановляютъ въ пользу угодившаго имъ, готовя этимъ себѣ явные убытки и разореніе. Такими путями снялъ, напр., въ аренду огромныя площади лѣсу чуть ли не во всѣхъ трехъ бурзянскихъ волостяхъ извѣстный въ орскомъ уѣздѣ золотопромышленникъ татаринъ Рамеевъ, причемъ башкиры въ своихъ же лѣсахъ лишились права рубить лѣсъ на постройки, а должны покупать его у Рамеева! Такъ башкиры упускаютъ драгоцѣнныя свои сокровища, не зная имъ настоящей цѣны...

Въ концѣ сходки я видѣлся съ Биргалé и условился съ нимъ, что еще позаймемся послѣ обѣда вечеромъ. Вечеромъ оказалось возможнымъ заниматься въ домѣ, гдѣ мы остановились, и мы съ

Digitized by Google

нѣвцомъ расположились въ гостинной Катерины Степановны, заперши предварительно парадную дверь, чтобы къ намъ не вошли и не мѣшали башкиры, которымъ Иванъ Степановичъ еще продолжалъ выдавать чай за сходку. Я послалъ одного башкира съ бутылью за кумысомъ; онъ принесъ его и самъ остался, а мнѣ неловко было сказать, чтобы онъ ушелъ; за нимъ вошли двоетрое башкиръ, прилично одѣтыхъ, и такъ ласково, почтительно относились ко мнѣ, что я также не могъ возразить противъ ихъ присутствія. Все это видѣли и слышали башкиры, дежурившіе вокругъ дома и рѣшили непремѣнно послѣдовать примѣру вошедшихъ: они поднялись по парадной лѣстницѣ съ улицы и начали самымъ непринужденнымъ образомъ и довольно настойчиво стучаться въ запертую дверь. Мы сначала хотѣли оставить безъ вниманія это проявленіе башкирскихъ желаній, но въ дверь продолжали стучаться такъ настойчиво, что Биргалé пришлось отпереть ее и прикрикнуть на безпокойныхъ соплеменниковъ; однако, не обошлось безъ того, чтобы мы не впустили двоихъ-троихъ. Торканье въ дверь и стуки не прекращались и послѣ этого, но мы рѣшительно не обращали уже вниманія на нихъ. У башкиръ, вообще, много непосредственности въ проявленіи своихъ желаній, которыя въ данномъ случаѣ были тѣмъ сильнѣе, что башкиры—большіе охотники до зрѣлищъ и пріятнаго времяпровожденія, — тѣмъ болѣе съ музыкой,—и одарены огромнымъ запасомъ любопытства, которому я былъ обязанъ тѣмъ, что мнѣ всюду приходилось вести занятія на виду многочисленныхъ собраній, не лишавшихъ меня и своихъ сужденій...

Я занимался съ Биргалé, а 5—6 человѣкъ башкиръ, настойчиво пробравшихся въ наше общество, смиренно сидѣли и слушали; лишь черезъ нѣсколько времени одинъ изъ нихъ обнаружилъ, что онъ можетъ быть оживленнымъ и разговорчивымъ собесѣдникомъ. Участіе его въ нашихъ занятіяхъ началось съ разсказанной имъ легенды по поводу одной мелодіи, сыгранной Биргалé; говоря по русски гораздо чище, чѣмъ другіе присутствовавшіе башкиры, онъ оказался очень полезенъ для меня въ разъясненіи: когда извѣстныя пѣсни поются, съ какими сказаніями онѣ связаны? причемъ излагалъ мнѣ въ болѣе ясной формѣ и то, что пытались сообщить, но слишкомъ неясно, другіе присутствующіе башкиры.

Я думалъ угостить кумысомъ дудочника Биргалé, но какъ-то неловко было обходить другихъ присутствовавшихъ, которые такими ласковыми глазами смотрѣли на кумысъ; да у башкиръ, къ тому же, принято при угощеніи предлагать его всѣмъ, кто бы ни присутствовалъ. Поэтому я попотчивалъ кумысомъ всѣхъ посѣтителей, и они принимали это, какъ должное, нисколько не церемонясь и не отказываясь, какъ это принято у русскихъ крестьянъ; словомъ, чувствовали себя какъ слѣдуетъ гостямъ, хотя для меня они и явились непрошеными.

Мелодіи, какія игралъ мнѣ Биргалé, вообще были интересны, и самъ онъ принадлежалъ къ числу выдающихся дудочниковъ, владѣющихъ секретомъ выдѣлывать дудки съ хорошимъ, чистымъ

Digitized by Google

тономъ и играть на нихъ съ силой и выразительностью, хотя тонъ курая—вообще тихій. Биргалé сообщилъ мнѣ много мелодій, но этимъ не исчерпывался его запасъ; прекратили мы занятія только потому, что устали, и дудочнику надобно было отправляться въ путь въ свою деревню Кусееву. Мы разсчитывали еще встрѣтиться съ нимъ во время дальнѣйшихъ моихъ разъѣздовъ по Башкиріи.

Гуляя послѣ вечернихъ занятій съ Биргалé ради отдыха по деревнѣ, я проходилъ мимо избы, гдѣ жила «жена доктора». Она сидѣла у окна за вечернимъ чаемъ. Увидѣвъ меня, она пригласила зайти къ себѣ. Вхожу: настоящая изба, довольно старая, съ покосившимися косяками, съ половицами, которыя ходятъ подъ ногами, но чисто содержатся; потолки невысокіе, окна маленькія, распространявшія скудный свѣтъ. Убранство было приличное.—Вотъ посмотрите, какъ мы живемъ здѣсь, — обратилась она ко мнѣ полувиноватымъ тономъ: — просто палата! И сама усмѣхалась конфузливо, точно чувствуя за собою вину, что занимаетъ такое помѣщеніе, а затѣмъ распространилась о томъ, что въ первый разъ живетъ въ избѣ, въ которой черезъ потолокъ протекаетъ дождевая вода; что раньше жила она какъ слѣдуетъ, въ большихъ квартирахъ, что рвется она изъ этой глуши опять въ городъ, гдѣ можно встрѣчать людей, а здѣсь съ кѣмъ можно поговорить о чемъ нибудь?—Нѣтъ, ужь будетъ! Нажилась я здѣсь, насладилась благорастворенiемъ башкирскихъ воздуховъ; надо опять взглянуть, какъ люди-то живутъ. Да и дочка у меня подростаетъ — пора ее отдавать въ «гимназію»—договорила «дама съ вѣсомъ», продолжая немножко дѣланно улыбаться и держаться не такъ развязно, какъ въ гостяхъ у Катерины Степановны.

С. Рыбаковъ.

(*Окончаніе будетъ*).

Digitized by Google

На мотивъ изъ Верлэна.

Въ потускнѣвшей рѣкѣ отраженье дерёвъ
Испареньемъ,—какъ дымомъ,—подернулось мглистымъ,
А межъ вѣтокъ дѣйствительныхъ,—въ воздухѣ чистомъ,—
Слышенъ жалобно-плачущій горлицъ напѣвъ...

Въ этомъ блѣдномъ пейзажѣ—о, странникъ мой бѣдный!—
Ты и самъ отразишься, усталый и блѣдный,—
И оттуда, гдѣ въ небѣ трепещутъ листы,
Ты услышишь рыданье погибшей мечты...

П. Петровскій.

Digitized by Google

ПОДЪ СТАРОЙ ГРУШЕЙ.

Разсказъ.

I.

Эта груша стояла мрачная, темная среди долины, рѣзко отличаясь отъ другихъ деревьевъ. Тутъ были и дубы, и ясени, и старые престарые шелковицы, и одичалыя фруктовыя деревья, болѣе или менѣе раскидистыя, кудрявыя. Въ перемежку съ ними тянулись кусты кизиля, цѣпкій клематисъ густо обвивалъ камни и стволы деревьевъ, вбѣгая на ихъ вершины, нарядный своими бѣлоснѣжными цвѣтами, разливавшими упоительный ароматъ. Красивый плющъ изящными гирляндами стелился по сѣрымъ камнямъ, сцѣпляясь съ гибкими вѣтками дикаго винограда. Яркое небо разстилалось надъ долиной, опрокинувшись подъ такимъ же яркимъ моремъ. Въ просвѣтахъ деревьевъ, сбоку виднѣлась ялтинская бухта и часть самой Ялты, со своими игрушечными—издали—домиками, а сзади же высился хребетъ Яйлы, надъ которымъ царили каменистые зубцы Ай-Петри.

Все ликовало кругомъ, а груша стояла все такая же мрачная, темная, будто затаила въ себѣ много горькихъ думъ; будто много тяжелыхъ, мрачныхъ картинъ пронеслось надъ ея раскидистыми, тянущимися вверхъ, вѣтвями, будто умоляя небо о прощеніи. Особенно мрачна и таинственна становилась она въ то время, когда легкій сумракъ начиналъ набѣгать на ясное небо, задергивая его сѣроватымъ покровомъ. Всего раньше окутывались имъ горы, а тамъ поползъ онъ и по долинѣ, стушевывая всѣ краски его разнообразной зелени, еще болѣе сгущая сумракъ уютныхъ въ зной уголковъ, среди кущи кустовъ и натуральныхъ гротовъ, опутанныхъ, будто лianами, толстымъ плющемъ. Стихнетъ понемногу предсонное щебетанье птицъ долины, сѣрый дроздъ больше другихъ огласитъ ее своимъ ликующимъ пѣньемъ. Еще нѣсколько минутъ, то тутъ, то тамъ, раздаются уже совсѣмъ сонные, какъ шопотъ, звуки,

Digitized by Google

а затѣмъ все смолкнетъ. Небо потемнѣетъ. Яркій Юпитеръ вспыхнетъ надъ хребтомъ Яйлы, будто проткнетъ ясное, уже совсѣмъ потухшее на закатѣ, небо. Дремлетъ долина... А груша все стоитъ такая же хмурая, будто не зная сладкой дремы, и теперь уже совсѣмъ черная. И жутко станетъ, какъ взглянешь въ ея сторону, будто ждешь чего-то таинственнаго; будто теперь,—именно теперь,—она оживетъ и поразскажетъ вамъ о далекомъ прошломъ, передастъ вамъ свою скорбную повѣсть; и теперь—увѣрены вы,—болѣе чѣмъ въ другое время, есть что поразсказать старой грушѣ...

II.

— Ну-съ! значитъ, здѣсь вы и разскажете мнѣ легенду старой груши, дорогая Серафима Дмитріевна?—проговорилъ докторъ, грузно опускаясь на скамью подъ деревомъ и обращаясь къ своей спутницѣ, остановившейся въ раздумьѣ.

Спутница его была молодая женщина лѣтъ двадцати пяти-шести, средняго роста, полная блондинка. Въ лицѣ ея не было ничего поразительно-краснваго, останавливавшаго надолго вниманіе; но все въ немъ было гармонично и удивительно мягко,—до того мягко и нѣжно, что художникъ, взявшійся написать ея портретъ, недолго думая, прямо выбралъ бы пастель: именно одна пастель могла передать эту смѣсь бѣлыхъ и розовыхъ красокъ, стушевавъ ихъ мягкой лайковой растушовкой; чуть тронуть карминомъ пухлыя губки; намѣтить небольшой, чуть-чуть приподнятый, носикъ и ясные каріе глазки подъ длинными, мягкими рѣсницами. Что же касалось ея волосъ, — совсѣмъ тускаго, пепельнаго цвѣта, пышно взбитыхъ надо лбомъ, — то они только и были доступны пастели: такъ легки, воздушны были ихъ тонкія нити. Даже улыбка ея пухлыхъ губокъ была чрезвычайно мягка, не бросая рѣзкихъ тѣней въ углахъ рта; только всмотрѣвшись въ ея каріе глазки, вы встрѣтили бы,—неожиданно для васъ,—огонекъ, говорившій о непреклонной волѣ.

— Разсказать вамъ легенду старой груши? — медленно повторила Серафима Дмитріевна, опускаясь на скамейку подлѣ доктора.— Слѣдовало бы разсказать ее вамъ къ вечеру, когда таинственный сумракъ спустится въ долину, и она станетъ совсѣмъ черная, мрачная, какъ и ея легенда. А теперь смотрите, какъ все кругомъ ликуетъ!..

И, точно, кругомъ все ликовало: въ золотыхъ лучахъ солнца, спустившагося къ закату и мягко озарявшаго нѣжную зелень клематиса, густо опутавшаго и кусты, образовавшіе красивые

Digitized by Google

боскеты влѣво отъ старой груши, и стволы кудрявыхъ ясеней, картинно возвышавшихся на лужайкѣ. Только груша стояла все такая же мрачная на фонѣ окружавшей ее темной, непроглядной чащи; какъ будто и солнечные лучи скользили мимо, не задѣвая ихъ.

— Повѣрите ли, — продолжала Серафима Дмитріевна, — даже раньше, когда я не знала ея легенды, когда была здѣсь прежде... еще съ мужемъ, то не могла смотрѣть на нее безъ особеннаго чувства... не страха—нѣтъ!—а какого-то смутнаго, жуткаго чувства, особенно подъ вечеръ. Посмотришь кругомъ: всѣ деревья, какъ деревья, а взглянешь на нее... и вдругъ жутко станетъ, точно будто оно — какое то совсѣмъ особенное, живое, видѣвшее много тяжелаго, завѣтнаго, что-то такое, что̀ невольно передавалось и вамъ. И мнѣ становилось такъ жутко...

— Нервы! — рѣшилъ докторъ и, закуривъ папироску, продолжалъ: — Итакъ, въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ...

— Итакъ, — подтвердила Серафима Дмитріевна, — начинается разсказъ... Постойте, чтобы не начать съ конца! вѣдь у нея двѣ легенды; надо начать издалека...

— Чуть не съ царя Гороха!—подхватилъ докторъ.

— Почти съ царя Гороха,—проговорила Серафима Дмитріевна,— съ доисторическихъ временъ, тому лѣтъ 200... Видите, какая она старая? ей непремѣнно 200 лѣтъ — прервала себя Серафима Дмитріевна, повернувшись на скамейкѣ къ стволу груши.

И точно: стволъ ея поражалъ своей толщиной, а въ то же время крѣпостью; онъ былъ какъ бы отлитъ изъ несокрушимаго чугуна, стройный, могучій, а вширь и вверхъ отъ него расходились такіе же крѣпкіе, какъ чугунъ, сучья и вѣтви, покрытые свѣжими темнозелеными листьями.

— Было время,—снова начала Серафима Дмитріевна, — когда не росла еще тутъ груша, а на этой полянкѣ, въ долинѣ, было сборное мѣсто пришлыхъ людей; — легенда не говоритъ даже, къ какой національности принадлежали эти люди, поселившіеся тутъ и жившіе разбоемъ и набѣгами на сосѣдей, такихъ же кочевниковъ. Собирались они тутъ и разбирали всѣ спорныя дѣла или обсуждали новые набѣги. Собрались они тутъ разъ, по приглашенію старшины, на важное совѣщаніе,—на новый набѣгъ, сулившій большія выгоды. Все шло сначала мирно; но лишь только старшина назвалъ то кочевье, на которое поднималъ ихъ, какъ первый храбрецъ ихъ сборища, за которымъ во всѣхъ набѣгахъ, какъ бы трудны и опасны они ни были, всѣ валóмъ валили, за

Digitized by Google

которымъ пошли бы въ огонь и воду, теперь вскочилъ со своего мѣста и съ гнѣвомъ воскликнулъ: — Стыдно тебѣ было и дѣло начинать, и насъ созывать: мы храбрые воители, а не предатели. Забылъ ты вѣрно, что съ этимъ кочевьемъ мы дружили, съ нимъ чашу роспили, ему клялись помогать въ другихъ набѣгахъ, а не нападать на него. Значитъ, мы имъ только глаза отвели, а сами, какъ воры, на нихъ врасплохъ нападемъ. Тутъ я вамъ не товарищъ!—И онъ хотѣлъ идти прочь.—Нѣтъ, стой!—закричалъ старшина, весь закипятившись:—не твое дѣло стариковъ осуждать да умомъ раскидывать. Ты клялся намъ служить и служи!—Я клялся вмѣстѣ со всѣми вами въ дружбѣ тѣмъ, на кого вы теперь измѣнически напасть хотите. Я своей клятвѣ измѣнять не хочу и съ вами не пойду, а кто за вами пойдетъ, тотъ клятвопреступникъ!

Видитъ старшина, что кругомъ всѣ позамялись, призадумались, глазами въ землю уставились. Ропотъ пошелъ кругомъ.—Я тебя заставлю идти! — крикнулъ онъ, весь багровый, и замахнулся на упрямца палкой, что́ служила ему вмѣсто жезла. А тотъ слова не сказалъ; выхватилъ свой мечъ, сломалъ его пополамъ, какъ тросточку, и, бросивъ въ лицо старшинѣ, проговорилъ:—Скорѣе ты этимъ мечемъ подавишься, чѣмъ я его измѣннически обнажу!—Но не успѣлъ онъ докончить этихъ словъ, какъ старшина, задыхаясь отъ гнѣва, выхватилъ свой мечъ и по рукоятку вонзилъ его въ грудь противника. Тотъ упалъ, не вскрикнувъ, и алая кровь обагрила зеленую траву. Крикъ и стонъ поднялись кругомъ; все сборище возстало, какъ одинъ человѣкъ; вмигъ старшина былъ разрубленъ на куски и побросали тѣ куски въ Черное море; а храбраго воина съ честью похоронили тутъ же на полянѣ, обложили холмъ камнями, а посреди холма посадили молодую грушу. И сталъ съ той поры этотъ холмъ называться «холмомъ вѣрнаго воина» и къ молодой грушѣ, какъ къ жертвеннику, стали приходить клясться въ вѣрности...

— Вотъ оно что!—проговорилъ докторъ, почтительно оглядываясь на грушу.

— Погодите, докторъ,—замѣтила, улыбаясь, Серафима Дмитріевна,—это только присказка, а сказка будетъ впереди!

— Ну, барынька, давайте вашу сказку!—прибавилъ докторъ, закуривая новую папиросу.

III.

— Шли годы,—продолжала Серафима Дмитріевна,—шли десятки лѣтъ; мѣнялись люди, мѣнялись нравы; проходили по Тав-

Digitized by Google

ридѣ разныя орды, разные иноплеменники; много и черезъ нашу долину проходило людей. А груша все стояла на своемъ мѣстѣ, росла да хорошѣла. Строенъ ея станъ, зелена ея листва, сладки ея сочные плоды; и живетъ про нее все та же легенда, переходя изъ устъ въ уста, а кто слышалъ эту легенду, тотъ, смотря на дерево, скажетъ: «стройно оно, какъ былъ строенъ тотъ воинъ, что лежитъ подъ ней; кудряво оно, какъ его кудри русые; сладки его плоды, какъ сладки были слова друга вѣрнаго». И все стоитъ оно, какъ жертвенникъ, и даютъ подъ нимъ клятву крѣпкую. Позанесло его землей кругомъ; холмъ сталъ незамѣтенъ; а все также стройно стоитъ груша и живетъ о ней легенда,—живетъ, какъ сама груша, не старѣясь, а только разростаясь.

— Отошло кочевье; пришло время осѣдлости, и въ долинѣ, разростаясь мало-по-малу, раскинулось богатое греческое селенье съ каменными домами, окруженное фруктовыми садами. Теперь одичали эти деревья; одичала и эта груша; но тогда она, подъ обаяніемъ легенды о «вѣрномъ воинѣ», гордо стояла среди поляны, въ густотѣ своей зеленой листвы, со своими сочными, сладкими плодами, гордая почетомъ всего селенія, по прежнему служа жертвенникомъ клятвы. Эти клятвы особенно чтились у молодежи, и ни одна пара влюбленныхъ не миновала того, чтобы не поклясться въ вѣчной любви подъ «старой грушей». Она и тогда уже была стара, хотя все еще свѣжа и зелена...

— Ого, тутъ ужь романомъ попахиваетъ,—пробурчалъ докторъ, весело осклабившись.

— Драмой, докторъ, трагедіей!—прибавила со вздохомъ Серафима Дмитріевна и продолжала:—Дружно и мирно жили обитатели селенія, любились, клялись подъ старой грушей; женились и плодились. Не слышно было объ измѣнѣ, и весело и гордо поглядывала съ высоты старая груша на могилу вѣрнаго воина. Но, наконецъ, попуталъ сатана,—какъ выражались старики,—одного молодца...

— Безъ сатаны нѣтъ и драмы, а тѣмъ болѣе трагедіи,—вернулъ докторъ.

— Это былъ самый красивый и ловкій молодецъ во всемъ селеніи, зазноба многихъ дѣвушекъ,—продолжала разскащица:—выбирай себѣ любую. Но сердце его избрало одну изъ нихъ,—Анну, дочь стараго Ѳедора, церковнаго старосты, человѣка почтеннаго, всѣми уважаемаго, но бѣднаго. А на бѣду и красавецъ Георгій тоже былъ не богатъ; а, главное, былъ онъ одинъ сынъ у вдовы Маріамны, женщины скупой и прижимистой, которая о томъ только и мечтала, чтобы ея соколъ ясный, красавецъ-сынокъ, взялъ себѣ

Digitized by Google

богатую невѣсту; а ихъ въ селеніи было много и любая пошла бы за Георгія. Но Георгій—куда!—и руками, и ногами: видѣть никого не видитъ, кромѣ своей Анны. Мать кричитъ:—Не благословлю!—а онъ:—Руки на себя скорѣй наложу, чѣмъ женюсь на другой.—Да и то сказать: чудо что за дѣвушка была Анна. Это была роза, распустившаяся раннимъ утромъ, подъ привѣтомъ алмазной росы и алой зари...

— Фу, какая поэзія!—снова пробурчалъ докторъ.

— А ужь какъ добра была красавица-Анна, такъ и сказать нельзя! ее такъ всѣ и называли «свѣтлымъ ангеломъ». Гдѣ горе какое, болѣзнь—Анна ужь тутъ: и утѣшитъ ласковымъ словомъ, и ухаживаетъ за больными съ кротостью и любовью. Всѣ ее любили, отъ малыхъ дѣтей до старыхъ стариковъ; всѣмъ она была родная, хоть сама была сирота, безъ матери.—Мы съ тобой сироты,—говорилъ ей Георгій:—у тебя матери нѣтъ, у меня—отца; насъ самъ Богъ свелъ!

Только большая разница была между отцомъ Анны и матерью Георгія,—злой, нехорошей женщиной. Возненавидѣла она Анну за то, что такъ крѣпко любилъ ее Георгій и что Анна стала поперекъ дороги къ богатой невѣстѣ; особливо возненавидѣла съ той поры, какъ въ селеніи появилась богатая молодая вдова, Калиса, переѣхавшая туда, послѣ смерти мужа, къ брату его, старшинѣ селенія. Стали увиваться за богатой вдовой тѣ молодцы, что мечтали о богатыхъ невѣстахъ; а она сама глазъ не сводитъ съ Георгія и кипитъ въ ней сердце злобой противъ Анны, изъ-за которой Георгій вниманія не обращалъ на нее. Красива была вдова какой-то странной красотой. Странную смѣсь представляли ея жгучіе черные глаза съ ярко-рыжими волосами, такъ несвойственными смуглымъ и большею частію черноволосымъ гречанкамъ. Ходили слухи, будто была она изъ жидовокъ, что большія деньги грѣхомъ нажилъ ея отецъ, но себя она храбро выдавала за гречанку. Стала она ласкаться къ Маріамнѣ, матери Георгія; та спитъ и видитъ, какъ бы связать съ Калисой сына, еще больше взъѣлась она на Анну. Какъ? на эту «голь перекатную», отецъ которой бѣденъ, какъ церковная крыса, промѣнять вдовушку богатую, да еще родственницу старшины?! А Георгій, какъ уперся, такъ и стоитъ на своемъ.—Подожди, моя желанная, — говоритъ онъ Аннѣ,—вотъ лѣто отработаю, хорошій пай на свою долю получу; а осенью и поженимся да заживемъ своимъ домкомъ и безъ благословенія матери, когда на то ея воли не будетъ!—А тутъ и случись, что Ѳедора, отца Анны, послали по важному церковному дѣлу въ дальній городъ, къ епископу. Никому другому такого дѣла поручить не могли, кромѣ его, вѣрнаго и

Digitized by Google

честнаго человѣка; а тоже прибавляли, что устроилъ-то старшина, по просьбѣ Калисы, которая хотѣла удалить Анну: всѣ знали, что безъ Анны Ѳедоръ, какъ безъ рукъ, и безъ нея не поѣдетъ; она ему во всѣхъ дѣлахъ помощницей была и книги его вела, потому что была ученая. Грустно было разставаться влюбленнымъ.

— Забудешь ты меня, Георгій, разлюбишь! — грустно ворковала Анна.

— Скорѣе сердце я своими руками вырву и собакамъ его брошу, чѣмъ позабуду да разлюблю тебя, Анна!—страстно говорилъ Георгій.—Хочешь пойдемъ подъ старую грушу, я поклянусь тебѣ въ вѣрности; поклянусь, что скорѣе смертью лютой умру, чѣмъ тебѣ измѣню!..

— Не надо, Георгій, не надо! — прервала его Анна:—вѣрю я тебѣ; какъ Богу, вѣрю!

— Но настоялъ Георгій; пошли они подъ старую грушу и тамъ далъ Георгій Аннѣ страстную клятву. И вдругъ съ дерева спала одна сочная груша...

— Вотъ сама груша подтвердитъ мою клятву! — воскликнулъ Георгій, поднимая зрѣлый плодъ:—съѣдимъ ее пополамъ, Анна, какъ и потомъ все пополамъ будемъ дѣлить съ тобой!

— Съѣли пополамъ грушу, обнялись еще и разстались... Уѣхала Анна съ отцемъ; только глухой осенью вернулись. «Какъ разъ къ свадьбѣ съ Георгіемъ». Сильно билось сердце Анны, какъ подъѣзжали они въ арбѣ къ родному селу. Вотъ-вотъ скоро обниметъ она своего возлюбленнаго, чтобы потомъ ужь и не разставаться! Доѣхала до своей хатки, спѣшно сложила съ арбы вещи и, какъ была, не раздѣвшись, побѣжала къ хатѣ Георгія: больше ждать было ужь невтерпёжъ! Но на дорогѣ перехватила ее Елена, недобрая дѣвушка, что на Анну тоже зубы точила, тоже сохла по красавцѣ-Георгіѣ.—Что запоздала, Анна?—говоритъ со злой усмѣшкой: — богатую свадьбу пропустила? — Какую свадьбу? — спросила Анна, а у самой сердце такъ и захолонуло.—Свадьбу красавца-Георгія съ богатой вдовушкой Калисой; такой богатой свадьбы мы еще и не видывали!—отвѣчаетъ Елена все съ той же злой усмѣшкой.—Быть этого не можетъ!—прошептала Анна, блѣдными губами.—А если не вѣришь,—продолжала Елена,—поди полюбуйся на молодыхъ: — я видѣла, какъ они обнявшись, прошли къ старой грушѣ...

— Къ старой грушѣ!—воскликнула Анна не своимъ голосомъ и бросилась прочь.

— Да, она нашла ихъ подъ старой грушей... Спряталась за

Digitized by Google

кустъ кизиля и будто приросла къ мѣсту; смотритъ, глазъ не сводитъ. Сидитъ на камнѣ Георгій подлѣ Калисы, обнимаетъ ее горячо, говоритъ ей любовныя рѣчи... — Скажи, мнѣ, милый, всю правду, — воркуетъ вкрадчивымъ голосомъ Калиса, — любилъ ли ты Анну, клялся ли ей, — какъ говорятъ люди, — подъ старой грушей?—Ложь одна, наговоры!—воскликнулъ Георгій,—не любилъ я Анну; сама она, какъ и другія, на шею мнѣ вѣшалась; никогда я ей не клялся...—Вретъ: клялся! страшно клялся!—раздался надъ ними хриплый голосъ Анны. И явилась передъ ними не кроткая голубка Анна, а другая, страшная, какъ ангелъ суда. Задрожали оба, поблѣднѣли и стоятъ, какъ истуканы.—Что! испугались Анны, кроткой Анны, которую и обмануть не грѣхъ было?—продолжала она, обводя ихъ безумными глазами, — не бойтесь, не трону я васъ; васъ тронуть, такъ себя опоганить; но да падетъ на васъ кровь моя!—И, какъ сказала это, выхватила изъ-за пояса ножъ широкій, что въ дорогу, противъ лихихъ людей брала, и вонзила его прямо себѣ въ сердце. Брызнула оттуда кровь ключемъ, брызнула прямо въ лицо Калисы; а сама Анна, какъ подкошенный цвѣтокъ, упала къ подножію старой груши.

Опомнилась Елена,—что за Аниой слѣдомъ пошла и невдалекѣ стояла, ожидая, что будетъ,—бросилась звать людей на помощь, а Георгій съ Калисой прочь побѣжали. Пришли люди... бросились къ Аннѣ.—Сама...—прошептала она и тутъ же умерла. Нельзя было самоубійцу хоронить на святомъ мѣстѣ, рѣшили зарыть ее тутъ же, у старой груши, неподалече; а какъ подняли ее съ земли, то увидѣли, что вся-то ея кровь, до послѣдней капли, всосалась землей подъ старой грушей, а сама она была бѣлая-бѣлая, будто лилія... Большое было горе во всемъ селеніи по бѣдной Аннѣ. Плакали о ней и старые, и малые; а холмъ ея могильный,—безъ креста святаго,—постоянно украшался свѣжими цвѣтами. Стали всѣ коситься на Георгія; но чѣмъ дальше, тѣмъ больше позабывать начали, да и въ началѣ все больше на мать его сваливали; а ей недолго пришлось и радоваться-то сыновнему богатству. Вскорѣ послѣ смерти Анны, оступилась она въ темнотѣ, упала въ колодезь и захлебнулась.

Пришла весна. Покрылся зеленой травкой могильный холмъ надъ Анной. Одѣлись деревья новой листвой; одѣлась и старая груша. Взглянули на нее и удивились: стала ея листва совсѣмъ темной, будто трауриой! «Напиталась она крови, потемнѣла»! говорили въ селеніи; а вмѣстѣ съ тѣмъ перестало дерево и плоды приносить. Но случалось иногда странное дѣло: во время любовной клятвы подъ старой грушей,—а клятвы все продолжались!—падалъ

Digitized by Google

съ дерева плодъ, хотя передъ тѣмъ ни одного плода на немъ не видали. Тогда отталкивала дѣвушка своего возлюбленнаго: то былъ клятвопреступникъ; ему она не должна была вѣрить...

Серафима Дмитріевна замолчала и задумалась, опустивъ голову.

— Такъ вотъ она, легенда старой груши!—проговорилъ докторъ послѣ минутнаго молчанія,—и какъ вы картинно и литературно ее разсказываете!

Серафима Дмитріевна словно пробудилась ото сна.

— Мнѣ уже не разъ приходилось ее разсказывать, и я всегда увлекаюсь разсказомъ,—проговорила она.—Но вѣдь легенда еще не кончена. Слушайте дальше. Конецъ тоже кровавый, и къ нему подъ стать будетъ и легкій сумракъ, что̀ насъ здѣсь застаетъ. Смотрите, солнце уже сѣло, а луна еще не скоро дастъ свѣта.

— Значитъ, можно и еще закурить, въ предвкушеніи новаго удовольствія!—замѣтилъ докторъ, вынимая портсигаръ.

— Шли годы,—начала снова Серафима Дмитріевна, — но со смертью Анны словно всѣ бѣды обрушились на мирное и благополучное дотолѣ селеніе! То болѣзни придутъ, то градъ побьетъ въ цвѣту фруктовыя деревья, то грабежъ приключится, то пожаръ ночью обовьетъ огненными языками чью нибудь хатку. Особенно часто посѣщали эти бѣдствія семью Георгія. У нихъ и пожаръ былъ, и грабежъ; и дѣти, только что подростать начнутъ, какъ и помираютъ; и его самого совсѣмъ извела лихорадка.—Богъ наказуетъ!—говорили старики, качая головой. Но вотъ нагрянула общая бѣда на селеніе. Настало время завоеванія Крыма русскими. Кто сдавался безпрекословно, а кто прочь уходилъ. Такъ сталось и съ этимъ селеньемъ. Не захотѣли его жители отдаться подъ начало пришельцамъ; рѣшили покинуть свои дома и уйдти прочь. Забрали кое-какой скарбъ; а тѣ, кто былъ богатъ, побоялись нести съ собой свои сокровища, чтобы не быть ограбленными въ пути, и зарыли ихъ въ землю, замѣтивъ мѣсто, чтобы потомъ, какъ затихнетъ гроза, или вернуться на старое пепелище,—если увидятъ, что недурно другимъ живется подъ новымъ началомъ,—или, придя тайкомъ, вырыть свои сокровища и унести на новое жительство. Такъ сдѣлалъ и Георгій. Зарылъ онъ сокровища своей жены въ землю, въ долинѣ близь старой груши; зарылъ въ присутствіи жены и преданнаго друга, которому вѣрилъ, какъ себѣ самому, чтобы, въ случаѣ его смерти, знали они, гдѣ найти; и ушелъ съ другими прочь. Опустѣло когда-то шумное селеніе; ходитъ вѣтеръ по пустымъ хатамъ, да хлопаетъ настежъ отворенными дверями, шумитъ въ вѣтвяхъ старой груши, шумитъ надъ одинокимъ могильнымъ

Digitized by Google

холмомъ Анны... Улеглась гроза; пришло затишье. Но на прежнее насиженное гнѣздо вернуться не вернулись. Мало-по-малу, нѣкоторые изъ тѣхъ, кто зарылъ въ долинѣ свои сокровища, приходили за ними и отрывали; другіе померли раньше, оставивъ ихъ схороненными. Но Георгій не дремалъ и при первой возможности отправился добывать свой кладъ, захвативъ по дорогѣ на подмогу своего вѣрнаго друга, поселившагося въ городѣ. Не зналъ онъ того, что въ этомъ городѣ его другомъ, вѣрнымъ и честнымъ, завладѣла одна дурная женщина; совсѣмъ его околдовала и играла имъ, какъ кошка мышкой. Сохъ по ней несчастный; а она все твердитъ ему: «принеси мнѣ золота, больше золота, тогда я и буду твоей! а до того и не лѣзь ко мнѣ съ неумытымъ рыломъ»! Разгорѣлись его глаза, когда въ ненастную ночь откопали они съ Георгіемъ котелъ заповѣдный, когда изъ-подъ открытой крышки блеснуло имъ въ глаза золото, которое они должны были пересыпать въ мѣшокъ, чтобы унести съ собой. Заныло сердце несчастнаго, какъ подумалъ онъ о томъ, что за это золото отдастся ему красавица; вспомнилъ онъ очи ея огневыя, уста алыя, оглянулся кругомъ, — никого; только воетъ и стонетъ вѣтеръ въ вѣтвяхъ старой груши. И, недолго думая, пырнулъ ножемъ Георгія: тотъ и не вскрикнулъ! Затѣмъ ужь все было легче. Поразрылъ онъ эту яму, изъ которой только что вырыли они котелъ, столкнулъ туда трупъ Георгія и, наскоро засыпавъ его землей, пересыпалъ золото въ мѣшокъ и утащилъ прочь. А красавица Калиса ждетъ-пождетъ мужа: вотъ пріѣдетъ съ золотомъ; устроятся они на новомъ мѣстѣ богато и заживутъ по прежнему. Но вотъ прошло время, когда онъ долженъ былъ вернуться, а его все нѣтъ. Встревожилась она и рѣшила сама отправиться въ знакомую долину: узнать, не вернулся ли кто туда на житье, у кого, можетъ быть, и загостился ея Георгій, да еще—помилуй Богъ—заболѣлъ! Взяла она вѣрную няню, что всѣхъ ея дѣтей умершихъ няньчила, вмѣстѣ съ ней ихъ оплакивала, и отправилась въ путь. Пусто въ долинѣ; по прежнему ходитъ вѣтеръ въ пустыхъ хатахъ, что стали уже разваливаться. Пришла она подъ старую грушу. Видитъ тотъ холмикъ, подъ которымъ кладъ свой они зарыли; несокрушимъ онъ стоитъ, только камня того, что сами они тогда положили, больше нѣтъ на немъ. — Чудно!—думаетъ Калиса, — еслибы мужъ кладъ взялъ, такъ яма была бы разрыта; не было бы на ней прежняго холма; а если не взялъ, кто же съ холма камень своротилъ? Ужь не воры ли?—надо бы посмотрѣть!—Кликнула она свою вѣрную няню, отыскали въ одной хатѣ забытые заступъ да лопату и стали рыть землю. А земля-то рыхлая, будто недавно поднятая, а не

*

Digitized by Google

слежалая, какъ надо было ожидать.—Чудно!—Вотъ о что-то твердое стукнулась лопата; наклонилась Калиса, вглядѣлась и вдругъ безумно вскрикнула: передъ ней было блѣдное лицо ея мужа, ея дорогаго Георгія...

— Ухъ!—протянулъ докторъ, невольно поёжившись и взглянувъ на полуразрытый холмикъ вправо отъ нихъ, подъ кудрявой ясенью.

— Именно,—проговорила Серафима Дмитріевна, замѣтивъ его взглядъ,—легенда такъ и предполагаетъ, что этотъ холмъ былъ тотъ самый, подъ которымъ Георгій скрылъ свой кладъ, а коварный другъ спряталъ потомъ его трупъ. Вѣдь тутъ въ долинѣ много рыли, ища скрытыхъ сокровищъ. Говорятъ, что будто кое-что и нашли, въ томъ числѣ серебряные церковные сосуды. Этотъ холмъ еще недавно перерыли какія-то святотатственныя руки, но нашли въ немъ черепки и отбитую ручку, какъ бы отъ кувшина. А вотъ рядомъ холмикъ; подъ нимъ, говорятъ, была похоронена Анна...

— Ну, а что же, по легендѣ, сталось съ Калисой?—прервалъ ее заинтересованный докторъ.

— Калиса тутъ же сошла съ ума и не хотѣла болѣе покидать этихъ мѣстъ, такъ что ее и оставили въ покоѣ. Пріютили ее тутъ добрые люди, жившіе по близости; тиха она была, только все убѣгала и блуждала въ рубищѣ, съ распущенными по вѣтру длинными рыжими волосами. Все больше сидѣла она тутъ, въ долинѣ, подъ старой грушей, и то говорила нѣжныя рѣчи своему возлюбленному Георгію, то упрекала его, что онъ измѣнилъ ей для Анны; то, сидя возлѣ его холмика, звала его жалобно: когда же придетъ онъ за кладомъ? то горько причитала надъ холмомъ, изъ котораго тогда же перенесли трупъ ея мужа на ближайшее кладбище. А то вдругъ покажется ей, что все лицо ея залито кровью Анны, брызнувшей изъ ея сердца, и бѣжитъ она внизъ къ морю мыть свое лицо, и долго моетъ, и все плачетъ-рыдаетъ. Разъ, въ бурю, прибѣжала она къ морю, и унесла ее шаловливая волна въ глубь бурнаго моря... Сказывали прибрежные рыбаки, будто потомъ въ бурю видѣли, какъ на волнахъ, съ глубины морской, появляется Калиса, закутавшись своими рыжими волосами, и моетъ лицо морской водой, но отмыть не можетъ и жалобно поминаетъ то Анну, то Георгія... А другъ Георгія попался съ краденымъ золотомъ и во всемъ сознался. Клялся онъ и божился, что когда сталъ зарывать въ землю Георгія, какъ разъ подлѣ холма Анны, то раздался оттуда голосъ ея кроткій: «Теперь ты мой!»...

Разскащица смолкла, и оба нѣсколько минутъ сидѣли, призадумавшись.

— Пойдемте домой; пора!—тихо проговорила, вставая, Серафима

Digitized by Google

Дмитріевна. Легкій сумракъ окутывалъ долину, еще не освѣщенную луной, стоявшей низко надъ моремъ тусклымъ оранжевымъ шаромъ. Птицы нѣжно щебетали, усаживаясь по гнѣздамъ; одна копошилась и въ густыхъ вѣтвяхъ старой груши.

— Здѣсь еще до сихъ поръ сохраняются слѣды прежнихъ хатъ селенія,—говорила Серафима Дмитріевна, идя по узкой тропинкѣ долины.—Видны ясно фундаменты домовъ, печей; и подлѣ такихъ фундаментовъ вы непремѣнно встрѣтите одичалыя фруктовыя деревья, видимо насаженныя вблизи домовъ.

Они стали подниматься на дорогу. Съ верхней тропинки имъ еще виднѣе была старая груша. Теперь она казалась совсѣмъ черной, рѣзко отдѣлявшейся отъ другихъ деревьевъ, и ея могучія высоко поднятыя вѣтки, казалось, молили небо о грѣшникахъ земли...

IV.

— А за вами есть и еще одинъ должокъ!— проговорилъ докторъ, когда дѣвушка убрала чай, который они пили на балконѣ и, по приказанію Серафимы Дмитріевны, вынесла прочь лампу.

Луна, высоко поднявшаяся, обливала теперь яркимъ блескомъ балконъ, выходившій на море. Оно лежало, также облитое луннымъ свѣтомъ, тихое, сизо-лиловое, отдѣляясь рѣзкой полосой отъ блѣднаго горизонта. Горы точно подернулись прозрачнымъ флеромъ. Тишь въ воздухѣ стояла такая, что гибкая вѣтвь виноградной зелени, обвивавшей колонны балкона, такъ и замерла, вся прозрачная, воздушная, вся пронизанная луннымъ свѣтомъ, будто серебромъ.

— Какой должокъ? — спросила Серафима Дмитріевна, садясь противъ него на легкомъ соломенномъ диванчикѣ.

— А ваша, обѣщанная мнѣ, біографія... и то, какъ вы... сошлись съ Алешей... —проговорилъ докторъ, смотря въ сторону.

— Да, помню; я обѣщала вамъ... и если ужъ говорить, такъ именно сегодня... послѣ легенды о старой грушѣ; тѣмъ болѣе, что и она играетъ въ ней нѣкоторую роль!.. — сказала Серафима Дмитріевна, тоже слегка отвернувшись.—Тѣмъ болѣе, что вы должны все знать, чтобы не такъ... судить меня. Вы—вѣрный, преданный другъ Алеши... и мой другъ, что вы уже не разъ мнѣ доказали!— прибавила она, съ чувствомъ протягивая ему руку, которую онъ крѣпко пожалъ.

— Знаете ли вы,—начала она послѣ минутнаго молчанія,— что я *никогда* не знала ни отца, ни матери?.. Да; я даже не вѣдаю,

Digitized by Google

что̀ за люди были они. Не знаю, была ли я «дочь любви», какъ выражаются въ романахъ, или дочь бѣдняковъ, не кстати давшихъ жизнь ребенку и потомъ не знавшихъ, чѣмъ его прокормить; была ли я дочь грѣха, или непроходимой, но честной нищеты. Знаю только одно, что родители все же пожалѣли меня и не захотѣли бросить на улицу; больше того: забота ихъ простиралась до того, что, желая дать мнѣ обезпеченное состояніе, они подбросили меня богатой барынѣ... О, эта богатая барыня! — воскликнула Серафима Дмитріевна, злобно стиснувъ зубы и такъ сжавъ руки, что пальцы хрустнули; — зачѣмъ они не подбросили меня къ дверямъ бѣдныхъ, но честныхъ тружениковъ, среди которыхъ я выросла бы дитятею труда и пошла бы по этой дорогѣ, выдя за такого же труженика и народивъ ему дѣтей, которыхъ воспитала бы своимъ трудомъ; или ужь пошла бы по широкой дорогѣ, безъ сожалѣнія и размышленія... Эта барыня!.. да, она была богата; я жила въ огромныхъ хоромахъ, среди роскоши; ѣла сладко, одѣвалась нарядно; но никто не зналъ, *что̀* я терпѣла!.. Вы слышали, конечно, о вампирахъ, что̀ высасываютъ кровь животныхъ?—вотъ она и была вампиромъ, и по капелькѣ, съ наслажденіемъ, высосала мою кровь. Давая мнѣ все, она въ то же время все отравляла, будто обливая каждый кусокъ ядовитой слюной змѣи. Я просыпалась утромъ съ ужасомъ, думая о длинномъ днѣ пытокъ; а вечеромъ засыпала опять таки съ мыслью, что завтра снова настанетъ такой же день! Вы, можетъ быть, думаете, что она меня била, сѣкла? О, нѣтъ: я не испытала на себѣ ни разу ни розги, ни побоевъ. Но она систематически мучила меня, придираясь ко всякому слову, движенію, взгляду, за которыми слѣдила со вниманіемъ самаго бдительнаго инквизитора; и—что̀ было ужасно—такъ это то, что она не спускала меня съ глазъ; что я должна была цѣлый день торчать передъ нею; что я, ребенкомъ, даже спала въ ея комнатѣ. Дошло до того, что я возненавидѣла все, даже свои игрушки, которыхъ у меня было много, потому что я должна была играть на ея глазахъ: а она привязалась къ этимъ невиннымъ играмъ до того, что я боялась начать игру, или даже готова была переломать и побросать въ огонь всѣхъ этихъ нарядныхъ куколъ и эти изящные сервизы! Она все дѣлала наперекоръ мнѣ: если я начинала приготовлять кукламъ обѣдъ, она тотчасъ же заставляла меня убрать всю разставленную посуду и заняться вмѣсто того туалетомъ куколъ; но я знала заранѣе, что только что я примусь ихъ раздѣвать и расчесывать ихъ желтыя кудри, какъ она позоветъ меня играть съ нею въ домино, а во время игры будетъ безпрестанно меня спутывать, запугивая и разражаясь, подъ конецъ, длинными нотаціями

Digitized by Google

по поводу моей разсѣянности и невниманія. Не понимаю, какъ я не сдѣлалась совсѣмъ идіоткой? Такъ было и позже, когда она сама начала учить меня,—*сама!*.. Можете представить весь ужасъ этого ученія?! Иногда на меня находило такое отчаяніе, что я нарочно не приготовляла заданныхъ ею уроковъ; и за ея урокомъ сидѣла, какъ истуканъ, упорно смотря въ глаза моей мучительницы и слушая ея упреки въ неблагодарности къ ея заботамъ,—къ заботамъ благодѣтельницы, призрѣвшей брошеннаго щенка (щенкомъ была я!)— не преминувъ притомъ разнести и моихъ неизвѣстныхъ родителей.. И чѣмъ дальше, чѣмъ больше я росла и понимала, тѣмъ болѣе она стала налегать на эти упреки. Она не упускала случая разсказывать всѣмъ и каждому, кто посѣщалъ ее, какъ она призрѣла меня, подброшенное дитя; сколько заботъ и огорченій я причиняю ей и какъ я неблагодарна за всѣ ея благодѣянія. И въ то же время она дарила мнѣ дорогія бездѣлушки, нарядныя платья; вывозила на балы, гдѣ я танцовала подъ ея инквизиторскими взглядами, искавшими къ чему придраться, и потомъ недѣлями пилила меня тѣмъ, чего и не было. Бо́льшую часть года она жила въ своемъ богатомъ подгородномъ имѣніи, переѣзжая въ городъ только мѣсяца на три зимой, въ свой собственный большой домъ, никѣмъ, кромѣ нея, не занимаемый и въ ея отсутствіи запиравшійся наглухо. Я и забыла сказать вамъ, что она была вдова, совсѣмъ одинокая, бездѣтная, разссорившаяся со всѣми родными, на зло имъ и принявшую меня, причемъ она распространяла слухи, что хочетъ удочерить меня и тѣмъ лишить ихъ наслѣдства, оставивъ все мнѣ, что́, конечно, было ложью...

Серафима Дмитріевна смолкла на минуту, прошлась по балкону и, снова садясь противъ доктора, продолжала:

— Когда я подросла и стала понимать еще болѣе, — къ моимъ прежнимъ мученіямъ присоединилось новое... Меня неотвязчиво стала преслѣдовать мысль о моихъ настоящихъ родителяхъ,— тѣхъ, что́ меня подбросили чужимъ людямъ... Особенно много я думала о своей матери... О, какъ часто мнѣ до отчаянія хотѣлось броситься въ ея объятія; отогрѣть на ея теплой груди мое похолодѣвшее и наболѣвшее сердце; отдохнуть отъ этой нравственной пытки! Я старалась представить ее себѣ; меня мучила мысль, что, можетъ быть, въ тѣ минуты, когда я, въ богатой теплой комнатѣ сижу за сытнымъ обѣдомъ,—она голодаетъ и, уже старѣющая, не разгибая спины, шьетъ въ холодной, нетопленной каморкѣ чердака или подвала, при тускломъ свѣтѣ огарка... Я часто вглядывалась въ лица тѣхъ бѣдныхъ женщинъ, которыхъ встрѣчала на улицахъ города, когда мы переѣзжали туда на зиму, стараясь угадать въ

Digitized by Google

нихъ свою мать; иногда, на паперти церкви, раздавая послѣ службы тѣ гроши, что мнѣ съ дѣтства вкладывала въ нарядный кошелекъ моя благодѣтельница, пріучая къ дѣламъ благотворительности, — мнѣ вдругъ приходила мысль, что, можетъ быть, этотъ грошъ я подаю и моей матери... Мнѣ какъ-то не представлялось, что она могла уже давно умереть; мнѣ было это легче, чѣмъ думать, что она жива и я не могу быть подлѣ нея, не могу трудиться вмѣстѣ съ ней, поддержать и успокоить. О, еслибы матери, бросающія дѣтей, знали, какое мученье онѣ потомъ могутъ имъ принести,—онѣ скорѣе бросали бы насъ въ воду, какъ котятъ или щенковъ!

Серафима Дмитріевна, тяжело дыша, закрыла лицо руками и смолкла.

— Ну, вотъ такъ и жила я въ богатомъ домѣ,—снова начала она упавшимъ голосомъ, смахнувъ съ рѣсницъ непрошеныя слезы. — Одна пытка смѣнялась другой; теперь на очереди былъ вопросъ о моемъ замужствѣ. Я нравилась многимъ, но сама, какъ огня, боялась увлеченія. Я не понимаю, чего собственно хотѣла моя благодѣтельница. Она по цѣлымъ днямъ пилила меня за то, что я холодна, отталкиваю жениховъ; что я могу такъ и остаться у нея на шеѣ; что довольно ужь было ея заботъ обо мнѣ, а дальше, подъ старость, ей будетъ не подъ силу няньчиться со мной (точно я просила этого нянчанья!) и пр., и пр. А, между тѣмъ, если ей казалось, что я кѣмъ нибудь интересуюсь болѣе, чѣмъ другими, она обрушивалась на меня съ упреками въ кокетствѣ, въ томъ, что я рада повиснуть на шею первому «козлу»,—ея собственное выраженіе,—чтобы только бѣжать изъ дому, гдѣ видѣла столько благодѣяній и жертвъ и, на старости лѣтъ, бросить ее одну,—ее мою благодѣтельницу, не щадившую ради меня собственной жизни! Что вы скажете о такомъ положеніи? Я чувствовала, что совсѣмъ изнемогаю; что еще немного и я или убѣгу, куда глаза глядятъ, или наложу на себя руки!.. Тутъ-то и посватался за меня Покровскій... Я не любила его, какъ не любила никого и прежде; но знала, что онъ хорошій человѣкъ и любитъ меня искренно... Не знаю, чѣмъ онъ умѣлъ угодить моей благодѣтельницѣ, только она всячески старалась насъ свести...

— Я не обманывала его,—продолжала Серафима Дмитріевна послѣ минутнаго молчанія.—Когда онъ въ деревнѣ, въ саду, заговорилъ со мной о своей любви и просилъ моей руки, я прямо сказала, что не люблю его. «Но вѣдь вы не любите никого другаго»? спросилъ онъ просто и, услышавъ мой отрицательный отвѣтъ, заговорилъ о томъ, что онъ проситъ только, чтобы я позво-

Digitized by Google

лила ему любить себя, беречь и лелѣять, надѣясь, что я, быть можетъ, и полюблю его со временемъ. «А если я полюблю другаго»? вдругъ спросила я. Онъ смутился. «Помните, — продолжала я,—что, если я и приму ваше предложеніе, то я иду за васъ безъ любви, не обманывая васъ; но что я, никогда не любившая, могу полюбить не васъ, а другаго, кто разбудитъ мое чувство... Я знаю свою натуру; я сломить себя не съумѣю; я буду страдать, но не смирюсь, а замучу и себя, и васъ. Если вы дадите мнѣ слово, что не будете тогда противиться моей любви; что тогда,—если я этого потребую,—вы добровольно пустите меня къ этому человѣку, котораго я полюблю, который позоветъ меня,—то я согласна стать вашей женой».—Онъ на все согласился и насъ обвѣнчали.

Серафима Дмитріевна снова встала и прошлась по балкону.

— Нѣсколько лѣтъ все шло мирно, — заговорила она, остановившись у колонны и устремивъ глубокій взоръ въ лиловую даль.— Я не любила, но глубоко уважала моего мужа, вполнѣ достойнаго человѣка; а онъ по прежнему обожалъ меня. У насъ родилась дочь; я страстно привязалась къ ней, думая, что эта любовь замѣнитъ мнѣ все, но вышло иначе... Моей дочкѣ было уже три года, когда я познакомилась съ Алешей... Это было здѣсь же, въ Ялтѣ, гдѣ мы съ мужемъ проводили осень... Это была странная встрѣча! Я такъ-таки сразу и полюбила его! Помню, прежде я смѣялась надъ внезапной любовью Ромео и Джульеты; мнѣ это казалось иллюзіей... Здѣсь же я поняла, что такъ можетъ быть и въ жизни... Онъ сразу полнымъ властелиномъ вошелъ въ это, давно ждавшее его, сердце и я угадала, что это безповоротно...

— Не буду разсказывать вамъ всего подробно, — продолжала Серафима Дмитріевна, снова повернувшись къ доктору.—Когда онъ впервые заговорилъ со мной о любви, я остановила его словами: «Настолько ли вы любите меня, чтобы посвятить мнѣ всю свою жизнь? чтобы принять меня, какъ жену? Обманывать своего мужа, этого честнѣйшаго человѣка, я не буду. Да, я люблю васъ; для васъ я оставлю свой домъ; но вы слышите: я *оставлю* свой домъ, но не внесу въ него обмана и позора»!—Я такъ и сказала потомъ все мужу... Мнѣ было страшно-тяжело сказать ему объ этомъ; но я напомнила ему наше условіе и онъ понялъ меня и... согласился... Онъ прибавилъ даже, что если я разочаруюсь, если захочу опять къ нему вернуться, онъ приметъ меня безъ слова упрека; онъ не согласился только на одно: онъ не отдалъ мнѣ моей дочери, какъ я ни умоляла его о томъ; онъ былъ непреклоненъ... И я должна была разстаться съ ней, съ моей крошкой!—съ воплемъ добавила Серафима Дмитріевна и слезы снова побѣжали изъ ея глазъ.—Я

Digitized by Google

всѣмъ, всѣмъ для него пожертвовала, потому что любила его даже больше дочери!..

Она замолчала, тяжело дыша и не вытирая слезъ, которыя одна за другой бѣжали по щекамъ.

— Но вѣдь вы счастливы? Алеша обожаетъ васъ! — робко замѣтилъ докторъ.

— О, — воскликнула Серафима Дмитріевна и глаза ея, еще полные слезъ, блеснули страстью,—я счастлива, такъ счастлива, какъ никогда не смѣла и мечтать! Наша любовь — это какой-то чудный сонъ, безъ начала и конца, — да: и безъ конца, потому что такая любовь не кончается и смертью... Вотъ уже два года, какъ мы сошлись и не было минуты, чтобы я о томъ пожалѣла! Я только что сказала вамъ, что я всѣмъ пожертвовала; — я невѣрно выразилась: единственной жертвой была моя дочь... Мнѣніе свѣта?—что мнѣ до него? что мнѣ далъ этотъ свѣтъ, кромѣ моей благодѣтельницы, отъ которой я бѣжала, какъ отъ чумы! А она,— развѣ старалась она привить мнѣ какіе нибудь нравственные принципы? Знаете ли вы, что она сказала мнѣ, когда узнала, что я покидаю мужа? «Дура! точно ты не могла безъ скандала продѣлывать то же самое, живя при мужѣ?!» Но при этомъ она не приминула проклясть меня, что устраивало ее матеріально; такъ какъ служило вполнѣ понятнымъ предлогомъ лишить меня наслѣдства, котораго и безъ того она лишила бы меня, такъ какъ уже тогда задумала наградить имъ одну ловкую барыню, вкравшуюся въ ея довѣріе и совсѣмъ забравшую ее въ руки. Передъ кѣмъ я была отвѣтственна? Передъ родителями, которыхъ не знала и которые бросили меня на чужой порогъ? Передъ мужемъ, котораго мнѣ навязало мое безвыходное положеніе въ домѣ моей благодѣтельницы и котораго я, по внутреннему влеченію чести, все же не хотѣла обманывать, какъ мнѣ совѣтовала моя *вторая* мать?.. Дочь?.. да, но вѣдь и она не была дитятей любимаго человѣка,—что связываетъ несравненно болѣе,—и, оставаясь при отцѣ, она ничѣмъ не рисковала... Алеша страдалъ болѣе меня, считая себя причиной моего отчужденія отъ общества, моего ложнаго въ немъ положенія, сколько я ни увѣряла его, что въ немъ весь мой міръ!.. Мой мужъ никогда, съ самаго нашего разрыва, не сталъ бы препятствіемъ для развода; онъ тогда же сказалъ мнѣ, что готовъ принять вину на себя; но, какъ вы знаете, препятствіемъ была мать Алеши.. Она все надѣялась, что онъ *образумится* и броситъ меня... безнравственную женщину... А я ни за что не хотѣла, чтобы изъ-за меня онъ разошелся съ матерью, которую обожалъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ было все равно.., Но когда теперь, послѣ

Digitized by Google

смерти матери, Алеша въ первый разъ заговорилъ о разводѣ и о нашемъ бракѣ,—повѣрите ли?—я въ первую минуту испугалась: намъ было такъ хорошо, что меня пугала всякая перемѣна... Я подумала:—а вдругъ съ ней все перемѣнится? — и вспомнила... о старой грушѣ...—добавила, Серафима Дмитріевна чуть слышно.

— О старой грушѣ?—переспросилъ докторъ: она-то тутъ причемъ?

— Видите ли,—начала она робко, — мы тоже, въ началѣ нашей любви, ходили къ старой грушѣ; онъ непремѣнно, помимо моего желанія, настоялъ на этомъ, желая тамъ поклясться мнѣ въ вѣчной любви...

— Ну, что же?—спросилъ докторъ, видя, что Серафима Дмитріевна остановилась.

— Ну, и... въ это время къ моимъ ногамъ упала съ дерева маленькая сморщенная груша... Алеша смѣялся тогда, говорилъ, что онъ измѣнитъ мнѣ сморщеннымъ старикомъ... а у меня невольно выкатилась слезинка; но я не оттолкнула его... я бы стала любить его и измѣнникомъ...—добавила она тихо.

— Я бы и не настаивала на нашемъ бракѣ; напротивъ,—продолжала Серафима Дмитріевна, помолчавъ:—но, во-первыхъ, тутъ я больше думала объ Алешѣ, объ его фальшивомъ положеніи въ обществѣ; а потомъ о томъ... что это впослѣдствіи дастъ мнѣ возможность смѣлѣе смотрѣть въ глаза моей дочери. Я вѣдь навѣщаю ее иногда. Покровскій разрѣшилъ мнѣ это. Теперь онъ, на ея разспросы обо мнѣ, говоритъ, что я больна и потому должна жить въ Крыму, а что онъ долженъ служить въ другомъ мѣстѣ, гдѣ ему скучно одному, потому онъ и держитъ ее при себѣ. Крошкѣ нетрудно всему повѣрить. Но потомъ... потомъ, когда она станетъ большою, станетъ больше понимать,—мнѣ легче будетъ сказать ей: «мы не сошлись характерами съ твоимъ отцомъ и разошлись дружно, а я вышла замужъ за другаго»... легче, чѣмъ сказать, что я *живу* съ другимъ... Первое прощается, какъ бы глупо и даже безчестно оно ни было; второе—никогда!..

— Значитъ, Алеша съѣдется съ вашимъ мужемъ въ Одессѣ?—спросилъ докторъ.

— Да, тамъ они обо всемъ переговорятъ, а затѣмъ выпишутъ туда и меня. Тамъ покончимъ все и обвѣнчаемся...—отвѣтила она, вспыхнувъ.

— А я,—помните ваше обѣщанье?—я у васъ шафером.

Серафима Дмитріевна крѣпко сжала его руку.

— И вѣдь что досадно, — продолжалъ онъ, — немного не поспѣлъ; не захвати меня въ Бахчисараѣ это общество, я бы вѣдь вчера вечеромъ пріѣхалъ; повидалъ бы еще Алешу!..

Digitized by Google

— Вѣрите вы въ предчувствіе? — вдругъ спросила Серафима Дмитріевна, въ упоръ смотря ему въ глаза.

— Нѣтъ, не вѣрю!—рѣшительно отвѣтилъ докторъ. Не помню, гдѣ это,—кажется, въ одномъ изъ своихъ писемъ,—Тургеневъ говоритъ, что «предчувствія отличаются тѣмъ, что никогда не сбываются»...

— А я вѣрю... тихо проговорила Серафима Дмитріевна: мои не разъ сбывались... И вотъ, сегодня утромъ, когда я провожала на пароходѣ Алешу, у меня такъ болѣло сердце, будто меня ждало что-то роковое... Тутъ и старая груша вспомнилась, и все другое... и то, что... вдругъ онъ меня разлюбитъ, измѣнитъ...

— Ложитесь-ка вы спать, милая барынька!—прервалъ ее докторъ, вставая. Встали вы сегодня рано, провожая его, да еще своими легендами сердце взбудоражили,—вотъ нервы-то и разыгрались. Завтра, богъ дастъ, телеграмму отъ Алеши получите,—вѣдь, небось, непремѣнно обѣщалъ телеграмму прислать?—гдѣ ужь тутъ письма ждать!—посмѣивался онъ.—А теперь плыветъ онъ по тихому морю да мечтаетъ о васъ!

— Да, чудное море!—проговорила Серафима Дмитріевна, смотря на водную гладь, облитую мягкимъ свѣтомъ луны, уже готовой скрыться за горы...

IV.

Кто не помнитъ въ Ялтѣ ужаснаго событія — гибели парохода «Владиміръ»? Этого непонятнаго столкновенія въ тихую, ясную ночь; этой загадочной небрежности командира и столь же загадочнаго, систематически-акуратнаго спасенія всей команды, оставившей пассажирамъ возможность гибнуть столь же систематично? Многимъ пришлось оплакивать своихъ близкихъ. Такое же горе выпало и на долю Серафимы Дмитріевны. Предчувствіе не обмануло ея: тихое море поглотило того, кто для нея составлялъ весь міръ!..

Пять недѣль боролась со смертью крѣпкая натура молодой женщины и вышла побѣдительницей. Пять недѣль вѣрный другъ-докторъ не отходилъ отъ ея постели, ухаживая за ней, какъ за ребенкомъ, въ то время какъ она упрямо отклоняла лѣкарство, а въ минуты проблеска призывала смерть. Но смерть не является именно тогда, когда ее призываютъ!.. Осень стояла чудесная,—именно такая, какой она зачастую бываетъ на южномъ берегу Крыма. Горы одѣлись пестрымъ ковромъ; среди ярко-красныхъ и желтыхъ пятенъ лиственныхъ деревьевъ, еще рѣзче выдѣлялась вѣчно-зеленая хвоя. Долина снова огласилась пѣніемъ птичьихъ хоровъ, вернувшихся

Digitized by Google

съ горъ, и розы, стыдливо алѣя, снова покрыли кусты. Сборъ винограда былъ въ полномъ ходу́, и вся Ялта переполнялась усердными его потребителями.

Первая рѣзкая горечь, доводящая до отчаянія, притупилась въ сердцѣ Серафимы Дмитріевны; ее замѣнила апатія, еще поддерживаемая физической слабостью послѣ болѣзни. Она не противилась болѣе наставленіямъ доктора, и, покорно поддерживаемая имъ, переходила изъ своей спальни на балконъ; а потомъ, опираясь на его руку, спускалась въ садъ и шла молча, уставившись въ землю, медленно переступая слабыми ногами. Разъ, придя къ ней, докторъ не засталъ ея дома. Дѣвушка сказала ему, что барыня пошла въ долину. Докторъ догадался и прямо пошелъ къ старой грушѣ. Онъ не ошибся: онъ именно тамъ и нашелъ ее, на той скамейкѣ, гдѣ два мѣсяца тому назадъ она разсказывала ему легенду о старой грушѣ. Какъ все измѣнилось теперь и въ ней, и кругомъ!

День былъ сѣренькій, почти сѣверный, дулъ сильный вѣтеръ, срывая съ деревьевъ пожелтѣвшіе листья и крутя ихъ въ воздухѣ, полномъ туманной влажности. Море, все взволнованное, сизо-лиловое, глухо ревѣло, выбрасывая безпорядочныя, бѣлоголовыя волны. Съ горъ надвигался сѣрый туманъ и расползался по склонамъ, залегая въ ущельяхъ, откуда клубился прихотливыми облаками, будто дымомъ.

— Бога вы не боитесь, голубушка!—вскричалъ докторъ, остановившись передъ Серафимой Дмитріевной.—Въ эдакую сырость вамъ бы изъ комнаты и носа высовывать не слѣдовало; а вы вздумали вонъ куда махнуть...

Серафима Дмитріевна молча подняла на него глаза. Какъ измѣнилась она сама! Теперь пастель не годилась бы для тоновъ ея лица, утратившаго всѣ свои розовые оттѣнки.

— Мнѣ здѣсь хорошо; легче дышать...—промолвила она.—Садитесь, милый, тутъ, подлѣ...

Докторъ пожалъ плечами и послушно сѣлъ подлѣ нея.

— Надо вамъ отсюда уѣхать!—началъ онъ. Уѣхать отъ этихъ печальныхъ воспоминаній...

— Куда?—прошептала Серафима Дмитріевна, вскинувъ на него глазами. Докторъ помялся.

— Къ мужу!—рѣзко выкрикнулъ онъ.—Да, къ мужу!—съ какой-то отчаянной рѣшимостью, продолжалъ онъ, не позволяя Серафимѣ Дмитріевнѣ произнести слова.—Я много думалъ о васъ, все это время думалъ и ничего лучшаго выдумать не могъ; да лучшаго ничего и не придумать!

— Но подумали ли вы... начала было Серафима Дмитріевна.

Digitized by Google

— Все подумалъ, все! — прервалъ ее докторъ, — подумалъ и обдумалъ со всѣхъ сторонъ.—Будь вашъ мужъ другой человѣкъ, я бы предложилъ что нибудь другое; но тутъ дѣло крѣпко; а главное—дочь!.. Погодите, не прерывайте меня. А! вы осуждали вашихъ родителей, что они бросили васъ, какъ щенка; а сами вы развѣ не то же дѣлаете? Вы скажете, что тутъ отецъ, свой домъ и пр. А кто замѣнитъ ей мать? Развѣ вы поручитесь за то, что она не будетъ потомъ также призывать васъ, какъ вы призывали вашу, неизвѣстную вамъ, мать? Вы осуждали вашу мать, которая, можетъ быть, отъ крайней нужды и безвыходнаго позора бросила васъ, а сами вы бросили вашу дочь для любовника... да-съ, будемъ называть вещи ихъ настоящими именами. И даже теперь, когда этотъ любовникъ, для котораго вы ее бросили, умеръ, когда вы однѣ на свѣтѣ,—вы хотите лучше оставаться непричемъ, въ эгоистической тоскѣ, чѣмъ вернуться къ вашему брошенному ребенку, къ ребенку, нуждающемуся въ вашихъ заботахъ... Почему?.. потому что вы не можете этого человѣка, отца вашего ребенка, вашего мужа,—замѣтьте, притомъ, по вашимъ же словамъ, честнѣйшаго, превосходнаго человѣка,—любить, какъ любовника. Оттого, что...

— Довольно! ради бога, довольно!—тихо, едва переводя дыханіе,—проговорила Серафима Дмитріевна;—вы... правы, докторъ... правы... Я не подумала объ этомъ... Но сама судьба привела къ тому. Я вернусь туда... Моя дочь, моя крошка! — порывисто вскрикнула она.—Да! я ей посвящу всю мою жизнь, клянусь...

— Подъ старой грушей!—прервалъ докторъ, нѣжно беря ея руку.—Смотрите: и плодъ не упалъ... эта любовь не измѣнитъ...

С. Лаврентьева.

Digitized by Google

На югѣ.

Межъ луной и землей протянулся блистающій мостъ,
Межъ луной и землей загораются тысячи звѣздъ;
Но не видно съ земли ни звѣзды, при сверканьѣ луны,
И луна видитъ землю одну съ голубой вышины.

Мы съ тобой далеки, но межъ нами прозрачная даль,
Мы забыли о всемъ, но обоимъ вселенной не жаль,
И во вздорахъ моихъ для тебя загорѣлась душа,
И твержу я тебѣ: «только ты на землѣ хороша»!

К. Бальмонтъ.

Digitized by Google

НА КРАЮ ПРОПАСТИ.

Повѣсть Поля Буржэ.

I.

Басиньи зашелъ въ клубъ съ цѣлью написать два письма въ одной изъ маленькихъ гостинныхъ верхняго этажа; это представляло бо̀льше развлеченія, чѣмъ сидѣть въ одиночествѣ у себя, въ мрачномъ кабинетѣ отеля. Письма написаны и брошены въ ящикъ; Басиньи сѣлъ въ кресло у камина. Дѣло было въ концѣ октября, но холодъ стоялъ небывалый,—настоящая зима. Хоть Басиньи и числился давнишнимъ членомъ клуба, но за послѣдніе годы онъ бывалъ въ Парижѣ только наѣздомъ; въ былое же время любилъ скàчки и слылъ за одного изъ представителей золотой молодежи. Но время это миновало. Положимъ, въ 55 лѣтъ онъ еще казался бодрымъ и свѣжимъ мужчиной, но волосы его посѣдѣли, выраженіе печали легло мрачной тѣнью по лицу и указывало на глубокое горе, встрѣтившее его у порога старости. Въ эту эпоху жизни, человѣкъ, привыкшій мыслить, сознаётъ, что прошлаго не вернешь и не передѣлаешь, а новаго ждать нечего. Всякая утрата болѣзненно чувствительна,—даже ничтожная, въ родѣ измѣны пріятеля или необходимости бросить привычку. Но надо замѣтить, что горе Басиньи было серьезнѣе и глубже. За послѣдніе три года, онъ пережилъ три страшныя потери: умерли, одна за другой, нѣжно любимыя двѣ дочери и обожаемая жена; всѣ страдали чахоткой. Вотъ почему онъ медлилъ вернуться въ свое родовое помѣстье въ Туретѣ, гдѣ мечталъ провести остатокъ дней, окруженный семьею и внучатами. Замокъ Авейронъ въ Туретѣ, въ теченіе 250 лѣтъ, составлялъ собственность предковъ Басиньи, хотя они и не

Digitized by Google

принадлежали къ аристократамъ. Итакъ, судьба осиротила и убила надежды послѣдняго представителя рода Басиньи, и въ 55 лѣтъ привела его, одинокаго и неутѣшнаго, въ тотъ самый клубъ, гдѣ, лѣтъ тридцать тому назадъ, онъ считался однимъ изъ блестящихъ экземпляровъ среди жизнерадостной толпы молодежи. Хорошо, что какая-то безсознательная предусмотрительность истаго столичнаго жителя всегда заставляетъ его поддерживать отношенія съ прежними пріятелями и товарищами, и такимъ образомъ сохранять за собой, про всякій случай, теплое мѣстечко, хотя бы у огня клубнаго камина...

Такъ и Фернандъ Басиньи, живя съ семьей въ провинціи, иногда наѣзжалъ въ Парижъ, поддерживалъ прежнія знакомства и не терялъ интереса къ столичнымъ событіямъ. Положимъ, что многое изъ теперешнихъ нравовъ и обычаевъ среди молодежи было не по вкусу человѣку стараго поколѣнія, а все же каждый уголокъ клуба напоминалъ ему столько пріятныхъ минутъ беззаботнаго прошлаго, что легче было сидѣть здѣсь, у камина, чѣмъ у себя въ отелѣ, съ воспоминаніемъ о свѣжихъ утратахъ и объ осиротѣломъ очагѣ.

И вотъ онъ сидитъ въ уголку, за уютной ширмой, маскирующей его присутствіе, но не лишающей тепла отъ ярко горящаго камина. Онъ сидитъ неподвижно, погруженный въ свои думы и воспоминанія, устремивъ глаза на огонь; искры трещатъ, вспыхиваютъ и потухаютъ, какъ мечты и надежды человѣка, и собираются въ кучку пепла, какъ грустный памятникъ пережитаго блеска... Басиньи такъ поглощенъ былъ своими мыслями, что и не замѣтилъ, какъ вошли двое молодыхъ людей, веселые, румяные, слегка подвыпившіе за обѣдомъ. Одинъ изъ нихъ громко сказалъ:

— Чортъ знаетъ, что за жара! Топятъ, какъ зимой.

— Выпьемъ еще ликерцу, Поль?—предложилъ другой,—а потомъ выдемъ освѣжиться на улицу. Дай-ка сигару.

— Изволь, другъ Максимъ, съ удовольствіемъ.

— Спасибо, донъ-Паоло!

Максимъ пожалъ пальцами сигару, у самаго уха, чтобы удостовѣриться въ ея доброкачественности; затѣмъ звякнулъ брелоками, болтавшимися цѣлой кучкой на его жилетѣ, выбралъ между ними гильотинку, обрѣзалъ кончикъ сигары и

Digitized by Google

протянулъ машинку пріятелю. Поль взялъ въ руку внушительную связку брелоковъ, полюбовался золотой изящной бездѣлушкой и сказалъ:

— Сейчасъ видно, что ты женскій баловень, Максимъ. Вѣдь эту штучку подарила тебѣ на память madame де-М*?.. Скажи правду.

— Что же мнѣ скрывать отъ тебя? Она самая. Смотри, на оборотѣ число и буква. Сантиментальная бабенка, моя Луиза.

— Значитъ, дѣло идетъ на ладъ? Сдѣлаетъ она тебѣ визитъ въ квартиру на улицѣ Монтаборъ? Или ты все еще ухаживаешь безплодно? Давно ты мнѣ не разсказывалъ объ ней.

— Все флиртъ, другъ мой! — не безъ досады сознался Максимъ.

— Плохо, ангелъ мой! Застрялъ, и дальше врядъ ли пойдешь. Дѣло слишкомъ затянулось.

— Пустяки, скоро достигну цѣли!—самонадѣянно произнесъ Максимъ, съ наслажденіемъ затягиваясь сигарой: — не дальше, какъ на этой недѣлѣ. Забылъ ты наслѣдственность: мамаша-то ея чего нибудь да стоитъ. Яблоко отъ яблони недалеко падаетъ, другъ мой. Только первый шагъ труденъ, а тамъ... пойдетъ по стопамъ матушки.

— И ты увѣренъ, что поможешь ей переступить этотъ первый шагъ?

— Не сомнѣваюсь. Мужъ идетъ не въ счетъ.

— Къ мужу ревновать не будешь? Великодушіе какое!— шутливо подтрунивалъ Поль, — впрочемъ, Моньо пользовался всегда твоей симпатіей.

— Это мой принципъ!—засмѣялся Максимъ,—разъ мужъ мнѣ противенъ,—за женой его я и ухаживать не стану.

Наступило молчаніе. Пріятели, болтавшіе такимъ образомъ, были оба еще почти юношами; хорошенькія, почти дѣтскія лица ихъ навѣрно внушали женщинамъ мысль, что въ сердцахъ такихъ юнцовъ нѣтъ мѣста ни лжи, ни обману, ни развращенности... Оба отличались безукоризненными манерами и костюмомъ, и оба были уже нравственно гнилы отъ своей развращенности и безсердечія, какъ истые продукты парижской «культуры». Плутовать въ картахъ показалось бы и тому, и другому непозволительнымъ, безчестнымъ; но опозорить жен-

Digitized by Google

щину въ двухъ-трехъ презрительныхъ фразахъ—составляло, по ихъ мнѣнію, самую обыкновенную, даже похвальную вещь. Разговоръ, вслѣдъ за вышеприведеннымъ, перешелъ у нихъ на предстоящія скачки—и тутъ оба выказали массу строгости, знанія и твердости «принциповъ»... Сигары были выкурены, ликеръ выпитъ. Тутъ только они обратили вниманіе на то обстоятельство, что за ширмами сидѣлъ еще посѣтитель.

— Чортъ возьми!—пробормоталъ Поль, когда они вышли изъ гостинной, — у камина сидѣлъ старикъ, а мы-то болтали, точно у себя дома.

— А чтобъ ему провалиться!—отозвался раднодушно Максимъ,—вѣдь это не отецъ и не мужъ madame de-M**. И почему можетъ онъ догадаться, кто такая madame de-M**.

— Мы, кажется, полностью называли ее по фамиліи... Надо бы узнать, кто такой этотъ старецъ, притаившійся такъ некстати за ширмами... Я его не знаю.

— Онъ спалъ. Впрочемъ, спросимъ.

Они спросили лакея, кто такой сидитъ въ гостинной.

— Видишь, другой мой, я былъ правъ!—сказалъ Максимъ.

— Какой-то Басиньи. Съ того свѣта или изъ провинціи, должно быть. Какое намъ дѣло до него, а ему до насъ? Къ тому же я не изъ трусливыхъ. Хорошенькая дуэль съ милѣйшимъ Моньо даже развлечетъ меня...

Онъ сдѣлалъ красивый фехтовальный жестъ.

Въ то же время Басиньи, въ свою очередь, спрашивалъ у лакея:

— Кто эти два молодыхъ человѣка? Я забылъ что-то ихъ фамиліи...

— Г. Поль Ришардо и виконтъ де- Портиль.

— Дайте-ка мнѣ членскую книгу...

Въ поданной книгѣ Басиньи отыскалъ адресъ Максима де-Портиль; оказалось, что молодой человѣкъ жилъ у родителей въ отелѣ, на улицѣ Франциска I.

«Слѣдовательно, въ улицѣ Монтаборъ у него холостая квартира»! — соображалъ Басиньи. Онъ посидѣлъ еще нѣсколько минутъ, грустно вперивъ взоръ въ огонь камина, затѣмъ пробормоталъ:

«Этого горя только не доставало»! — Затѣмъ всталъ и вышелъ.

Digitized by Google

II.

Драма, которую два вѣтряника пробудили въ воспоминаніи Басиньи, случилось съ нимъ давно. Когда Басиньи былъ въ возрастѣ Максима де-Портиль, онъ, Басиньи, влюбленъ былъ въ нѣкую madame Жансонъ и пользовался ея взаимностью. Ея-то дочь и была Луиза Моньо, о которой такъ легкомысленно отзывались молодые кутилы за рюмкой ликера, причемъ Максимъ не сомнѣвался въ своемъ успѣхѣ. Когда Максимъ съ такой презрительной увѣренностью сказалъ про Басиньи, что онъ «не отецъ и не мужъ madame де-Моньо»,— то едва ли не ошибся въ первой половинѣ предположенія. Молодому человѣку и въ голову не пришло, что онъ, по невѣдѣнію и вѣтряности, предупредилъ о своихъ хищническихъ намѣреніяхъ именно того человѣка, который менѣе всего расположенъ былъ допустить ихъ до исполненія. Изъ представителей молодаго поколѣнія 1896 года, никого не интересовало, и никому не было извѣстно, что теперешняя «Жансонша»— какъ ее фамильярно обзывали за глаза,—когда-то имѣла серьезный романъ съ Фернандомъ Басиньи, увлекла его и сама была увлечена. Любовниковъ «Жансонши» насчитывали десятками, до послѣдняго времени включительно. Не стѣсняясь, называли Казаля, La Croix-Firmen, Машо, Тараваля; принца д'Андрэ и мало ли еще кого! Но кто же пойдетъ перерывать архивы за 20—25 лѣтъ тому назадъ? Въ настоящее время, извѣстно было, напримѣръ, что наштукатуренная, корчившая изъ себя дѣвчонку, madame Жансонъ «путалась» (опять таки по вульгарному выраженію клубныхъ кутилъ) съ юнымъ Роландомъ де-Бревъ. Это казалось всѣмъ забавнымъ и интереснымъ, — а до прошлаго никому и дѣла не было, тѣмъ болѣе, что Фернандъ Басиньи принадлежалъ къ категоріи деликатныхъ и искренно увлекающихся возлюбленныхъ, о которыхъ кумушки говорятъ: «ну, этотъ ничего не добьется! робокъ»! А потомъ, когда добродѣтельная и строгая особа окажется болѣе, чѣмъ легкомысленной, кумушки эти жалѣютъ, что «робкій» ничего не добился... Онѣ и не подозрѣваютъ, что онъ былъ первымъ счастливцемъ, но только молчалъ и свято хранилъ тайну въ своемъ сердцѣ. Да, Басиньи принадлежалъ къ старой школѣ и

Digitized by Google

относительно женщинъ былъ рыцаремъ. Ни ликеръ, ни сигары, распиваемые и раскуриваемые съ пріятелями, не развязывали его языка. Вотъ почему связь Басиньи съ «Жансоншей» была неизвѣстна парижанамъ. Разстался онъ съ Кларой—такъ звали madame Жансонъ,—вслѣдствіе ея явной измѣны, но горевалъ объ ней, не смѣя ничего заявлять и не имѣя юридическихъ правъ на свою дочь; затѣмъ женился...

Маленькая Луиза считалась дочерью ничего не подозрѣвавшаго добряка Жансона, который слѣпо вѣрилъ женѣ и безумно привязался къ дѣвочкѣ. Жизнь легкомысленной madame Жансонъ текла классически: добрый, довѣрчивый мужъ, масса похожденій, туалеты, балы, выѣзды, надвигающаяся старость, бѣлила, наивничанья, заигрыванье съ юношами... взрослая дочь, наконецъ благополучно выданная замужъ за Моньо. Доходившіе иногда до Басиньи слухи о всѣхъ этихъ новостяхъ смущали его и вызывали болѣзненныя воспоминанія о прошломъ, но личная жизнь брала свое и заглушала воспоминанія. И вотъ теперь онъ, одинокій, разбитый, состарѣвшійся подъ ударами судьбы, снова слышитъ вѣсти о «нихъ»..! Но какія вѣсти! «Наслѣдственность... По стопамъ мамаши пойдетъ»!..—Неужели это неотразимо? Нѣтъ, нѣтъ, это было бы чудовищно, несправедливо. Голосъ крови властно заговорилъ въ осиротѣломъ сердцѣ Басиньи... Онъ спасетъ, онъ обязанъ спасти свою дочь!.. Она на краю пропасти... «Труденъ только первый шагъ»!—иронически изрекъ виконтъ де-Портиль, и этотъ безсердечный, тупоумный юноша берется помочь ей переступить этотъ трудный шагъ. О, ужасъ, о, горе! Не бывать этому... «Не бывать! Не бывать»! энергично твердилъ Басиньи, сходя съ лѣстницы клуба и чувствуя такой приливъ энергіи, на какую онъ уже не считалъ себя способнымъ послѣ смерти жены и дѣтей. — Сердце его, значитъ, еще не умерло, если способно содрогаться и страдать о судьбѣ дѣвушки... хоть и дочери, но незнакомой, неизвѣстной ему. «Боже! — думалъ онъ,—что за личность эта Луиза, моя дочь, если способна увлечься такимъ ничтожнымъ пошлякомъ, какъ этотъ виконтъ?.. По крайней мѣрѣ, мать ея начала не съ такой дряни... Порядочную неиспорченную женщину должно бы тошнить отъ одной мысли о подобномъ, преждевременно увядшемъ и нравственно-загнившемъ, субъектѣ... Вѣдь ей всего 25 лѣтъ... Воз-

Digitized by Google

можно ли, что это ея первая грѣховная мечта? А я-то думалъ, что она счастлива замужемъ, хорошая мать... У нея былъ ребенокъ... ему теперь должно быть года три-четыре... А, можетъ быть, она уже развращена матерью... ея примѣромъ? Всѣ «пріятели» мамаши, говорили ей *ты*... фамильярничали съ ней. Гадость! Выучилась, можетъ быть, лгать, скрывать продѣлки матери отъ своего «отца» который такъ добръ и довѣрчивъ... Все это вѣроятно... И тогда моя роль лишняя... Разыграю донъ-Кихота... Какъ жаль, что вчера я не уѣхалъ въ Туретъ: ничего бы и не зналъ... Завтра же уѣду»!..

Думая такъ, Басиньи нервно шагалъ по площади Мадленъ. Безпечный Парижъ забавлялся и шумѣлъ, освѣщенный электричествомъ и газомъ; рестораны и кафэ такъ и сверкали огнями; магазины были открыты; ничто наружно не измѣнилось, съ тѣхъ поръ какъ Басиньи самъ принималъ участіе въ этой уличной комедіи, безцѣльно шатался по тротуарамъ, выпивалъ рюмку какой нибудь отравы, глазѣлъ на прохожихъ женщинъ,—словомъ, продѣлывалъ все то, что продѣлываетъ и теперешнее юное поколѣніе. Лѣтъ 27 тому назадъ, стремился онъ, бывало, изъ клуба къ своей возлюбленной Кларѣ Жансонъ, въ ложу итальянской оперы... По неуловимому и необъяснимому противорѣчію идей, вспомнилась ему вдругъ умершая дочь, любимица Елена... «А вѣдь Луиза и Елена—сестры... Какая несправедливость судьбы! Одна ничего не видѣла, кромѣ дурнаго примѣра и легкомыслія, другую берегли, какъ зеницу ока... Луиза и Елена—сестры! Можетъ быть, у Луизы такая же прекрасная натура, любящее сердце... Этотъ негодяй дѣйствуетъ на какую нибудь чувствительную струну ея души? Наконецъ, по разговору двухъ пошляковъ, видно, что виконтъ давно за ней ухаживаетъ... и пока безуспѣшно. Спасти ее еще не поздно. Бѣдняжка! Покуда она еще только кокетничала, что свойственно всякой женщинѣ. Самый выборъ не указываетъ ли скорѣе на ея наивность? Не вообразила ли она, что такой юный субъектъ непремѣнно идеально-чистъ душою и пылокъ сердцемъ? А у нея никого нѣтъ, кто бы разубѣдилъ ее, открылъ глаза. Названный отецъ ея? Жалкій, недалекій добрякъ. Мать? Что и говорить о матери?! Можетъ быть, дочь — это ея возмездіе, ея непоправимое горе... живой укоръ? А, можетъ быть, она занята собой и понятія не имѣетъ о душевномъ

Digitized by Google

состояніи дочери? Не прямой ли долгъ его, Басиньи, явиться и сказать матери: «Дочь ваша на краю пропасти! Спасите ее»! Да, да, это его обязанность, это ясно. Такъ онъ и поступитъ.

III.

На другое утро Басиньи проснулся почти спокойный и твердый духомъ. Сознаніе долга бодрило, поддерживало его. Въ первый разъ со времени своего послѣдняго траура, вдовецъ занятъ былъ другой мыслью, а не своими утратами. Намѣреніе его — вмѣшаться въ жизнь дочери — укрѣпилось. До сихъ поръ онъ и не подозрѣвалъ, какой уголокъ въ его сердцѣ отведенъ былъ для дочери Клары Жансонъ. Онъ какъ будто обрѣлъ утраченный смыслъ жизни.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Басиньи не переступалъ порога отеля Жансоновъ въ улицѣ Монталивэ. Сама хозяйка, — игравшая когда-то такую роль въ его жизни,— утратила для него всякій реальный образъ; всѣ сплетни, доходившія до него, относились въ его воображеніи къ какой-то тѣни безъ образа, а не къ знакомой и близкой ему женщинѣ. Судя по ея поступкамъ, она не узнаваема. «Но во всякомъ случаѣ (утѣшалъ онъ себя)—она мать и должна любить свою дочь, желать ея счастья».

Въ третьемъ часу Басиньи пѣшкомъ отправился въ улицу Монталивэ. Привратникъ объявилъ, что барыня принимаетъ. Два звонка возвѣстили визитъ гостя; сердце Басиньи дрогнуло отъ воскресшаго воспоминанія... Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, его визитъ также возвѣщался двумя звонками привратника. Передняя и первая комната мало измѣнились. На стѣнѣ, по прежнему, висѣлъ портретъ madame Жансонъ, работы Кабанеля; тогда портретъ отличался изяществомъ и сходствомъ, теперь туалетъ и прическа поражали старинным фасономъ давнишнихъ модъ...

Въ слѣдующей комнатѣ, гостинной, сидѣлъ оригиналъ этого портрета, извѣстная своими похожденіями, молодящаяся madame Жансонъ. Волосы ея были теперь гораздо чернѣе, чѣмъ въ ту эпоху, когда знаменитый художникъ писалъ съ нея портретъ въ 60-тыхъ годахъ; губы поражали ярко-краснымъ цвѣтомъ, вѣки и брови—чернотой туши; все лицо было искусно

Digitized by Google

сдѣлано. Ея талія, —гибкая, благодаря артистическому корсету, — плотно облегалась домашнимъ костюмомъ изъ свѣтло-зеленой шолковой матеріи; волосы поражали обиліемъ мудреныхъ завитушекъ и узелковъ; въ ушахъ, на шеѣ, на пальцахъ сверкали драгоцѣнные камни. Все указывало на упорную борьбу состарившейся красавицы съ безпощаднымъ временемъ, на старательный, мелочной ремонтъ ветхаго зданія... Клара читала послѣдній модный романъ—и, при входѣ гостя, отложила его въ сторону. Нѣтъ сомнѣнія, что ожидался другой посѣтитель и декорація была подготовлена. Голосъ остался по прежнему музыкальнымъ, ласкающимъ слухъ; она взглянула на Басиньи и, съ легкимъ волненіемъ произнесла:

— Какъ? Вы, Басиньи, у меня? Согласитесь, другъ мой, что я вправѣ удивиться!

Она говорила тономъ радушной хозяйки и, замѣтивъ сильное волненіе гостя, ободрительно протянула ему руку и указала на кресло. Одуряющій запахъ смѣшанныхъ дорогихъ духовъ несся отъ ея особы; на мизинцѣ протянутой руки Басиньи замѣтилъ странное кольцо: двѣ змѣйки сплелись и соединили рядышкомъ головки, украшенныя рубинами, — очевидно, то былъ ребяческій символъ какихъ нибудь нѣжныхъ отношеній. Удивительный контрастъ представлялъ съ этой иммортелькой самъ Басиньи: сѣдые волосы, глубокія морщины, скорбное выраженіе глазъ и всего лица — дѣлали его похожимъ на ея дядю или стараго опекуна, а вовсе не на человѣка одного съ ней поколѣнія... Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, они неудержимо разсматривали другъ друга, удивленно, жадно, печально... Онъ жалѣлъ объ ея карикатурномъ неумѣньѣ стариться съ достоинствомъ; она пожалѣла, что онъ «такъ рано» превратился въ старика и, повидимому, отжилъ. Чувствительная и простоватая по природѣ, она ласково заговорила:

— Бѣдный другъ! Я слышала о вашихъ утратахъ... Хотѣла написать вамъ... Но не знала, помните ли вы меня... примите ли утѣшеніе отъ прежней пріятельницы... Для меня сюрпризъ—видѣть васъ въ Парижѣ!..

— Благодарю васъ за доброе участіе, — отвѣтилъ Басиньи; — я всегда былъ дикаремъ, вы знаете, и побоялся бы нагнать тоску на знакомыхъ. Я чувствую себя лишнимъ и стушевываюсь...

Digitized by Google

— Въ моей жизни вы никогда не были бы лишнимъ,— возразила она,—вы пренебрегли моей дружбой. Я съ удовольствіемъ поддерживала бы отношенія, какъ съ вами...— она сегка запнулась, но прибавила:—такъ и съ семьей вашей...

— Оставимъ это!—нервно перебилъ онъ. Сложные и неизвѣстные психологамъ изгибы души мѣшаютъ разставшимся любовникамъ сойтись иначе, какъ банально, поверхностно. Въ особенности мужчина неподатливъ на возобновленіе короткости, интимности; при этомъ, не мѣшаетъ замѣтить, что въ числѣ недостатковъ, которые свѣтскій эгоизмъ прививаетъ даже къ самымъ лучшимъ мужчинамъ, не поддающееся ни разуму, ни сердцу легкое презрѣніе къ женщинѣ, отдавшейся ему внѣ брака... Такъ и Басиньи непріятно было, что madame Жансонъ упомянула о его семьѣ... Однако, онъ овладѣлъ собою и, безъ дальнихъ предисловій, приступилъ къ цѣли своего визита.

— Я пришелъ къ вамъ не затѣмъ, чтобы говорить о себѣ,—сказалъ онъ,—я хочу поговорить о Луизѣ.

— О madame де-Моньо?—иронически подчеркнула Клара, и внезапная горечь прозвучала въ ея тонѣ.—Вы рѣшились, наконецъ, вспомнить о ней? По правдѣ говоря, я имѣла бы полное право строго судить о вашемъ сердцѣ. Къ счастью, я любила и баловала ее за двоихъ... Выдала ее замужъ... Она счастлива. Сына своего обожаетъ—вотъ все, что я могу сообщить вамъ о ней.

— Вы меня не поняли!—грустно отозвался Басиньи.—Вашъ тонъ строгъ и жестокъ. Къ чему это? Я не для того пришелъ, чтобы разспросить о жизни Луизы... Я увѣренъ, что вы были нѣжной матерью для нея... убѣжденъ въ этомъ. Вотъ почему я хочу разсказать вамъ сцену, свидѣтелемъ которой я былъ случайно вчера вечеромъ... Выслушавъ меня, вы, быть можетъ, отнесетесь снисходительнѣе и къ моему посѣщенію... Я сидѣлъ въ одной изъ маленькихъ гостинныхъ клуба; ширмы у камина скрывали мое присутствіе. Вошли двое молодыхъ людей, немного навеселѣ послѣ обѣда, и, думая, что они одни, завели между собой интимный разговоръ. Одинъ изъ нихъ говорилъ, что *ухаживаетъ за Луизой* и увѣрялъ пріятеля, что не далѣе, какъ черезъ недѣлю, сдѣлается ея любовникомъ... Теперь позвольте сказать вамъ отъ себя: нѣтъ, Луиза не хо-

Digitized by Google

рошо выдана замужъ... она несчастлива... мужъ и сынъ не наполняютъ ея сердца... она допустила ухаживанья дряннаго пошляка и очутилась на краю пропасти...

— Луиза? Любовникъ?—крикнула, какъ раненая, madame Жансонъ.—Замолчите. Это неправда! Я ее знаю и клянусь, что это неправда!

— А я клянусь, что это правда! — рѣзко возразилъ Басиньи,—съ удовольствіемъ удостовѣрясь въ горячей защитѣ матери и не замѣчая противорѣчія между ея принципами для дочери и для своего собственнаго поведенія. Онъ понялъ только, что въ ея глазахъ вѣрность Луизы семейному долгу составляетъ необходимое и существенное условіе счастія, и съ удареніемъ повторилъ:—Если я рѣшился явиться къ вамъ и начать разговоръ о Луизѣ, то причина должна быть вѣская. Повѣрьте, я не лгу. Клянусь вамъ, что молодой человѣкъ хвастался своимъ близкимъ успѣхомъ, подтверждалъ его фактами, доказывающими ея симпатію...

— А я повторяю вамъ, что это вздоръ!—вышла изъ себя madame Жансонъ: — это лгалъ негодяй... Имя его... скажите мнѣ его имя?

— Виконтъ де-Портиль.

— Максимъ!—внѣ себя крикнула мать, и раскрашенное лицо ея изобразило столько изумленія и смятенія, что Басиньи подумалъ: «ужь не она ли сама оказалась соперницей дочери»? Но тутъ же вспомнилъ, какъ третировалъ виконтъ «мамашу», откровенничая съ пріятелемъ. А Клара повторяла:—Максимъ де-Портиль увѣрялъ, что ухаживаетъ за Луизой и скоро добьется ея взаимности?.. Мерзавецъ, лжецъ! онъ налгалъ, налгалъ.

— Нѣтъ, онъ сказалъ правду,—съ повелительной настойчивостью сказалъ Басиньи,—но отъ васъ зависитъ разстроить его гнусные планы...

— Какимъ образомъ?

— Очень просто. Объясните вашей дочери, какого негодяя она приблизила къ себѣ, разскажите ей, о чемъ онъ разговариваетъ, подвыпивъ, съ пріятелями. Она такъ молода! По всему вижу, что вы очень дружны съ дочерью...

— Настолько, что я не могу повѣрить ея скрытности!..

— Когда вы разскажете ей все, что́ я вамъ передалъ,— продолжалъ Басиньи, пропуская мимо ушей странное воскли-

Digitized by Google

ланіе матери,—она непремѣнно возмутится... Онъ, вѣроятно, играетъ съ ней комедію, притворяется влюбленнымъ... Вы разочаруете ее и она отшатнется отъ него... Чтобы она вполнѣ убѣдилась въ вѣрности вашихъ словъ, скажите ей, что онъ хвастался ея подаркомъ... Она дала ему на память брелокъ, гильотинку для сигаръ, съ числомъ на одной сторонѣ... Прибавьте также, что рѣчь шла объ его холостой квартирѣ, въ улицѣ Монтаборъ. Двухъ этихъ подробностей вполнѣ достаточно, чтобы убѣдить ее...

— Какая подлость!—воскликнула Клара въ негодованіи,—какая подлость!—Выраженіе ея лица омрачилось. Мало того, что она приняла близко къ сердцу опасность, угрожавшую дочери; ей самой вспомнилось, что Роланъ де-Бревъ,—ея теперешній возлюбленный,—близкій пріятель съ виконтомъ де-Портиль... Если она обличитъ Максима, можно опасаться, что онъ изъ мести разскажетъ Луизѣ объ отношеніяхъ ея матери къ Ролану... Какъ это ни странно, но можетъ показаться, что madame Жансонъ ухитрялась держать дочь въ полномъ невѣдѣніи о своихъ любовныхъ интрижкахъ; посвятить ее въ свои тайныя дѣла казалось ей чѣмъ-то чудовищнымъ, преступнымъ. Бываютъ такія аномаліи въ сердцѣ легкомысленныхъ женщинъ: онѣ остаются хорошими матерями, не поступаясь ни на волосъ своими личными прихотями. Madame Жансонъ очень дорожила уваженіемъ дочери,—такъ дорожила, что послѣ нѣсколькихъ мгновеній мучительной борьбы воскликнула:

— Нѣтъ, къ этому средству я не могу прибѣгнуть. Слишкомъ опасно. Подумайте: если этотъ молодой человѣкъ, видѣвшій васъ за ширмами, вспомнитъ то, что говорилъ при васъ и что вы одинъ могли передать мнѣ его слова?..

— Ну, такъ что же? Я съумѣю отвѣтить за мои поступки.

— Чѣмъ же объясните вы вмѣшательство въ дѣла моей дочери, послѣ того, какъ не посѣщали меня въ теченіе стольких лѣтъ? Какое вамъ дѣло до Луизы? Пойдутъ сплетни, догадки... Нѣтъ, нѣтъ... Портиль не долженъ даже знать, что мы съ вами видѣлись. Многіе помнятъ, что мы были близки съ вами... когда дочь моя родилась.

— Можетъ быть, вы и правы... Какъ же поступить въ такомъ случаѣ?

Digitized by Google

— Самый простой способъ—всегда и есть лучшій. Я попрошу ея отца...

Она остановилась, чувствуя, что слово это жестоко для Басиньи, и поправилась:

— Попрошу моего мужа поговорить съ Моньо... Это просто и естественно. Онъ скажетъ зятю, что ухаживанія Портиля за Луизой возбуждаютъ толки, что обязанность мужа: предостеречь молодую жену... наблюдать за ней. Моньо не безъ недостатковъ, но онъ хорошій и твердый человѣкъ. Сначала Луиза посердится, покричитъ, назоветъ мужа тираномъ, а потомъ смирится. Я знаю ихъ обоихъ. Портилю откажутъ отъ дома, а она поразмыслитъ... Тогда только я могу вмѣшаться и передать ей слышанный вами разговоръ. Это охладитъ ее окончательно... если требуется охлажденіе, такъ какъ, повторяю вамъ, я не вѣрю въ ея увлеченіе. Но...—она вдругъ встрепенулась, — кто то вошелъ въ переднюю... Прошу васъ, перемѣнимте разговоръ... Идутъ...

Путемъ долгаго упражненія, женщина эта привыкла различать малѣйшій шумъ въ своей квартирѣ, и ее никогда не заставали врасплохъ. Дѣйствительно, только что она завела рѣчь о послѣднемъ романѣ Жака Молана, какъ въ комнату вошла сама Луиза Моньо. Свѣжее молодое личико раскраснѣлось отъ холода, бобровая шапочка и такой же воротникъ пелерины чрезвычайно эффектно оттѣняли бѣлизну ея кожи и веселые, лукавые глазки; мать представила ей Басиньи, которому она вѣжливо, но равнодушно поклонилась и сейчасъ же принялась объяснять матери, гдѣ она была, и какимъ образомъ попала къ ней въ этотъ часъ.

Единственнымъ оправданіемъ безсмысленныхъ адюльтеровъ въ парижскомъ «свѣтѣ» служитъ безнадежно-пустая, безсодержательная жизнь парижской аристократки. Послушайте, чѣмъ наполненъ день «модной дамы»—и самый строгій судья пойметъ, что если она не допуститъ въ свою жизнь волненій запретнаго плода, то ей останется только... повѣситься со скуки. Визиты, покупки, портной, театръ... Изо дня въ день, изъ года въ годъ! Какая дѣятельность для ума и сердца, если природа надѣлила женщину, обреченную на «свѣтскую» жизнь, этими лишними для нея вещами?!

— Я забѣжала поцѣловать тебя,—тараторила молодая жен-

Digitized by Google

щина, цѣлуя мать и не обращая вниманія на гостя, фамилія котораго была ей совершенно незнакома,—потому что страшно буду занята и завтра, и послѣ завтра. Завтра я принимаю участіе въ охотѣ, въ Компьенѣ; въ первый разъ поѣду на новой лошади — «Ирландкѣ»—такъ ее назвали. Странно, не правда ли?—но прелестно, вотъ увидишь. А потомъ пойдутъ примѣрки туалетовъ: по горло занята! Не знаю, какъ и успѣю. Сегодня, напримѣръ, я завтракала у Алисы Гертель, вмѣстѣ были на цвѣточной выставкѣ,—великолѣпіе, мама! Сегодня же поѣзжай, взгляни. Алиса завезла меня къ тебѣ, а сейчасъ мнѣ необходимо взглянуть на новый фасонъ жакетки у портнаго и на необыкновенный диванчикъ у обойщика, въ улицѣ Луи Леграна, — диванчикъ въ стилѣ Помпадуръ. Альберъ долженъ купить его для тетки, по порученію... Разумѣется, порученія мужа исполняетъ жена, это всегда такъ. Затѣмъ двѣ модистки,—обѣ мнѣ шьютъ. Только двѣ,—кромѣ портнаго,—согласись, что я стала благоразумна! Потомъ чай у Жермень де-Курсье; мы съ ней условились отбыть вмѣстѣ нѣсколько визитовъ. Въ 7 часовъ обѣдъ въ Café Anglais, оттуда въ театръ, съ моимъ тираномъ и супругами Эторель. А папа гдѣ? Дома нѣтъ? Жаль, что мнѣ не удастся поцѣловать и его...

Пока она болтала, Басиньи наблюдалъ за ней, и самыя разнородныя чувства волновали его. Смѣсь нѣжности, жалости и горечи вызвало въ немъ первое свиданіе съ дочерью... Отдаленное, почти неуловимое сходство съ покойной Эленъ придавало этимъ ощущеніямъ что-то острое, страдальческое. Бѣдная женщина! Въ какой пустой сферѣ обречена она жить, какими глупостями наполнено ея время! Гдѣ тутъ мѣсто разсудку и чувствамъ? Думать некогда... Она еще дитя, но не успѣла испортиться. Наивность и невинность сквозятъ въ ея прищуренныхъ близорукихъ глазкахъ, въ ясной улыбкѣ ея розовыхъ губъ...

Потрясенный свиданіемъ, предыдущимъ разговоромъ и своими мыслями, Басиньи боялся выдать свое волненіе; онъ былъ такъ блѣденъ, что Луиза, случайно скользнувъ по немъ глазами, казалась удивленной. Онъ счелъ за лучшее встать и взглядомъ постарался напомнить madame Жансонъ о цѣли своего визита. Она, повидимому, поняла, потому что, прощаясь, загадочно сказала ему:

Digitized by Google

— Разсчитывайте на меня, мой другъ. Въ слѣдующій разъ я надѣюсь обрадовать васъ хорошими вѣстями...

— Буду надѣяться, сударыня!—отвѣчалъ Басиньи, раскланиваясь.—Было бы, по истинѣ, жаль...

А та, о судьбѣ которой шла рѣчь, и не подозрѣвала, что говорится о ней... Она съ безразличной любезностью поклонилась ему, какъ человѣку, котораго едва ли придется еще разъ встрѣтить.

Басиньи вышелъ въ слѣдующую комнату, гдѣ красовался портретъ хозяйки, — а въ ту же минуту дверь изъ передней отворилась и навстрѣчу ему вышли два молодыхъ человѣка. Одинъ изъ нихъ былъ Роланъ де-Бревъ, — незнакомый Басиньи,—другаго же онъ тотчасъ узналъ и поблѣднѣлъ еще больше. Максимъ де-Портиль, съ своей стороны, открылъ ротъ отъ изумленія: онъ узналъ «старца», сидѣвшаго вчера за ширмами въ клубѣ...

IV.

— Не показалось ли вамъ, что мама была крайне недовольна, когда мы вмѣстѣ съ вами вышли отъ нея?—спросилъ виконтъ де-Портиль Луизу, полчаса спустя.

Дѣло въ томъ, что Луиза назначила ему свиданіе у матери, и они вмѣстѣ вышли отъ нея. Она, при матери, громко попросила виконта проводить ее пѣшкомъ и, конечно, замѣтила неудовольствіе madame Жансонъ.

— Бѣдная мама! — соображала она, отвѣчая на вопросъ своего ухаживателя,—она меня такъ любитъ и рѣдко видитъ. Вѣрно ей хотѣлось, чтобы я подольше посидѣла у нея...

— Кто такой былъ у нея передо мной?.. Этотъ пожилой господинъ?..

— Какой-то Басиньи, сколько могу припомнить. А что?..

— Въ первый разъ вижу его у вашей мамы.

— И я также... Однако, интересными разговорами занимаете вы меня!—кокетливо прибавила она,—для этого просили вы свиданія? Жалѣю, что не посидѣла лишнихъ полчаса съ мамой. Прощайте...

Она притворилась, что возвращается назадъ, лукаво по-

Digitized by Google

глядывая исподлобья на виконта. Обыкновенно веселый и игривый Максимъ, на этотъ разъ, съ непривычной серьезностью отвѣтилъ Луизѣ:

— Не шутите, другъ мой. Происходятъ важныя событія... для меня, по крайней мѣрѣ, безумно васъ любящаго.

Луиза покраснѣла, какъ и всегда, когда онъ заговаривалъ о своей любви; а онъ, дальновидный въ своей развращенности, продолжалъ: —вчера я чувствовалъ себя такимъ несчастнымъ, помните? Вы опять отказались навѣстить меня въ квартирѣ, въ улицѣ Монтаборъ, гдѣ я устроился исключительно для васъ. Не сердитесь... Больше просить васъ не буду! Но не можете же вы запретить мнѣ чувствовать себя несчастнымъ и повѣдать вамъ объ этомъ... Итакъ, я былъ огорченъ и встрѣтилъ Ришардо. Мы вмѣстѣ пообѣдали въ клубѣ... Поль, видя меня печальнымъ, сталъ разспрашивать. Какимъ образомъ догадался онъ, что я безнадежно влюбленъ въ васъ,—не знаю. Только онъ прямо назвалъ васъ...

— Надѣюсь, что вы не подтвердили его догадокъ, а, напротивъ, постарались разувѣрить этого несноснаго болтуна. Но я не вижу, какое отношеніе...

— Сейчасъ увидите. Совершенно вѣрно: я не долженъ былъ раскисать отъ горя и допускать изліяній съ Ришардо... Долженъ былъ запретить ему даже произносить ваше имя... Но я влюбленъ,—слѣдовательно, неосторожень!.. Словомъ, кончилось тѣмъ, что я признался ему въ моихъ чувствахъ къ вамъ. И вдругъ мы замѣтили, что у камина, за ширмами, все время сидѣлъ невидимый для насъ слушатель... никто иной, какъ этотъ самый Басиньи, съ которымъ я сейчасъ столкнулся у вашей мамы!..

Изъ этого предупрежденія возможныхъ случайностей можно ужь видѣть, какъ хитеръ и дальновиденъ былъ болтливый виконтъ де-Портиль. Онъ заранѣе приготовилъ себѣ лазейки и дипломатически приготовился защищаться отъ возможнаго нападенія путемъ ловкой подтасовки фактовъ. Разсчетъ этотъ часто бываетъ вѣренъ и удается лживымъ людямъ; если на этотъ разъ случилось нѣсколько иначе, то это вслѣдствіе непредвидѣннаго оборота дѣла. Въ данную минуту онъ, однако, былъ въ полной увѣренности, что поступилъ безукоризненно-ловко. Молодая женщина возразила:

Digitized by Google

— И вы думаете, что этотъ Басиньи явился къ мамѣ, чтобы обличить васъ? Невѣроятно.

— Почему же невѣроятно?

— Онъ мало знакомъ съ нею; должно быть, недавно и былъ ей гдѣ нибудь представленъ. Иначе я знала бы его, видѣла у мамы. Да и она сама говорила бы со мной о немъ: вѣдь она все, все мнѣ говоритъ. Теперь подумайте, какая нелѣпость: является новый знакомый и объявляетъ хозяйкѣ: «я, сударыня, сидѣлъ вчера въ клубѣ, за ширмами, и слышалъ то-то и то-то про вашу дочь». Вы, Максъ, немножко того... свихнулись умомъ...

Луиза шутливо повертѣла пальцемъ около своего лба.

— А вдругъ онъ—давнишній знакомый madame Жансонъ?— не унимался виконтъ.

Луиза разсердилась.

— Какой это давности? Зналъ и до моего рожденія? Смѣшная идея! Вотъ что я вамъ скажу, милѣйшій Максъ: бросьте вы этого Басиньи и спѣшите насладиться моимъ обществомъ. На углу Тюильери я васъ покину. Меня ждетъ экипажъ.

— Какъ мы близко отъ улицы Монтаборъ! — вздохнулъ виконтъ. Онъ понялъ, что надо перемѣнить разговоръ.

— И близко, и далеко,—загадочно сказала Луиза и упрямо покачала головкой.—Не дуйтесь, къ вамъ нейдетъ.

— Ахъ, вы меня не любите! — патетически воскликнулъ виконтъ.

— Вы знаете, я люблю васъ, *какъ друга*, — съ нѣжной лаской въ голосѣ произнесла она.

— Докажите хоть это!—пылко подхватилъ онъ,—придите *туда* въ качествѣ друга.

— О, еслибъ я была увѣрена...—задорно возражала она и плутовски щурила глазки. Можетъ быть, минуту спустя, неосторожный флиртъ перешелъ бы на болѣе опасную почву, еслибы Луиза не услыхала, что кто-то назвалъ ее по имени. По тротуару догоняли ихъ madame Жансонъ и Роланъ де-Бревъ.

Мать Луизы страшно запыхалась; видно было, что она спѣшила и шла слишкомъ быстро; замѣтно было также, что она наскоро переодѣлась: туалетъ ея не отличался обычной безукоризненностью. Прерывающимся голосомъ обратилась она къ дочери:

Digitized by Google

— Ахъ, Луиза, хорошо, что я догнала тебя! Только что ты вышла отъ меня, я вспомнила, что мнѣ самой необходимо зайти къ тому обойщику, о которомъ ты говорила... Мы зайдемъ вмѣстѣ. Какъ я спѣшила!.. просто задыхаюсь!

— Въ такомъ случаѣ, — замѣтилъ Максимъ де-Портиль, взявъ подъ руку Ролана де-Бревъ, — мои услуги больше не нужны madame Моньо.—Онъ откланялся, бросивъ выразительный взглядъ на Луизу, какъ бы говорившій: «видите, я былъ правъ! Басиньи навралъ что нибудь вашей матери»!

Вѣроятно, легенда о запретномъ плодѣ всегда будетъ имѣть значеніе. Отцы, матери, мужья — всегда своимъ противодѣйствіемъ подливаютъ лишь масла въ огонь. Луиза сверкнула глазами и ласковѣе обыкновеннаго обратилась къ виконту со словами:

— Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой Максъ, я васъ не отпущу. Идите съ нами. Мнѣ необходимъ вашъ совѣтъ. Ты позволяешь, мама? Мы пойдемъ вчетверомъ. Monsieur де-Бревъ не откажется, надѣюсь, отъ нашей компаніи.

Роланъ поклонился въ знакъ согласія. Луиза бросила на мать вызывающій взглядъ, и madame Жансонъ въ первый разъ смутилась передъ дочерью. Ей показалось, что та догадывается и насмѣхается...

V.

«Мама была недовольна, это очевидно! — «думала Луиза, очутившись, наконецъ, одна въ своемъ экипажѣ, послѣ выполненія одуряющей программы закупокъ, примѣрокъ, визитовъ и т. п. Она, дѣйствительно, бросила на мать вызывающій взглядъ, когда хотѣла показать ей свою самостоятельность; но у нея не было оскорбительнаго намѣренія, заподозрѣннаго чуткой madame Жансонъ, дорожившей уваженіемъ дочери... Луиза и понятія не имѣла о роли Ролана де-Бревъ въ жизни своей матери.

И теперь, раздумывая на досугѣ, она была далека отъ истины, и тщетно задавала себѣ неразрѣшимые вопросы: «Неужели Максимъ правъ и Басиньи являлся доносчикомъ?.. Но нѣтъ. Чѣмъ объяснить такое вмѣшательство? Онъ почти не знакомъ съ нею. А она что-то имѣетъ противъ насъ, это

Digitized by Google

вѣрно. Тѣмъ хуже. Завтра спрошу, почему ей не нравится, что я гуляю съ Максимомъ? Если она скажетъ, что Максимъ болтаетъ съ пріятелями обо мнѣ, — ну, значитъ, Басиньи говорилъ съ нею о подслушанномъ разговорѣ... Басиньи... Басиньи»... Она нѣсколько разъ повторила эту фамилію, сначала не сказавшую ничего ея воспоминаніямъ. Но вотъ, гдѣ-то глубоко—глубоко сверкнулъ лучъ и освѣтилъ сцену ея ранняго дѣтства... Она, дѣвочкой лѣтъ 4—5, бѣжитъ по саду съ обручемъ, какъ вдругъ руки незнакомаго мужчины обхватываютъ ее, поднимаютъ,—незнакомецъ горячо цѣлуетъ ея щочки, волосы. Слезы блестятъ на его глазахъ. Дѣвочка запомнила эту подробность... и теперь въ памяти Луизы де Моньо туманно и смутно возстановляется образъ незнакомца и сливается съ обликомъ посѣдѣвшаго и состарившагося Басиньи... Но все это такъ неопредѣленно и фантастично, что Луиза пожала плечами и обвинила себя въ пустыхъ грезахъ.

«Съ какой стати впутался этотъ господинъ въ наши дѣла? Положимъ, онъ знаетъ маму... Она назвала его «своимъ другомъ» — я теперь припоминаю... Но, все таки, какое между ними отношеніе? Нѣтъ, все это я вообразила! Они говорили о чемъ нибудь другомъ. Но мама спѣшила догнать меня, была недовольна... А! вѣрно мужъ наговорилъ ей чего нибудь... Вотъ ужь нѣсколько дней, какъ онъ дуется на меня... ревнуетъ, надо думать, къ Максиму... Хорошо! Если это онъ жаловался на меня мамѣ, — берегись! Отомщу. Зять въ дружбѣ съ тещей,—вещь ненормальная и зловредная»!..

Какъ видно изъ этого мысленнаго монолога, Альберъ де-Моньо совсѣмъ не жилъ съ женой душа въ душу... Причина ихъ розни лежала не въ порокахъ или уклоненіяхъ той или другой стороны и не въ свойствахъ ихъ натуръ, а была скорѣе продуктомъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Ненормальныя условія, въ которыя поставлена французская аристократія за послѣднія 20—25 лѣтъ, порождаютъ массу семейныхъ осложненій. Сказать проще—мужчины высшихъ парижскихъ классовъ страдаютъ отъ бездѣлья. Куда приложить свои силы, энергію, трудъ людямъ съ аристократическими традиціями, являющимися въ данное время анахронизмомъ? Прогулка въ Булонскій лѣсъ верхомъ, обѣдъ въ Café Anglais, ложа въ первомъ представленіи—все это не наполняетъ ни ума, ни сердца мо-

Digitized by Google

лодаго, энергичнаго человѣка; отсюда является мелочность, придирчивость, раздражительность у себя дома; искусственное наполненіе времени пустяками не удовлетворяетъ, не замѣняетъ полезной дѣятельности на какомъ нибудь поприщѣ. Затѣмъ требуются выдающіяся нравственныя силы и исключительное развитіе, чтобы супруги, при такихъ условіяхъ, могли сохранить твердую и исключительную привязанность другъ къ другу. Столкновенія, неудовольствія, а отсюда критика и охлажденіе—неизбѣжны. Эти условія составляли главный козырь въ игрѣ виконта де-Портиль: онъ вносилъ разнообразіе въ жизнь Луизы, развлекая ее. Мужъ надоѣдалъ ей своей прямолинейностью, мелочностью, излишней заботой объ общественномъ мнѣніи, о пустячномъ соревнованіи въ кровныхъ рысакахъ или въ изяществѣ упряжи сравнительно съ графомъ Кандалемъ или барономъ Мозэ... Если, при подобныхъ условіяхъ, мужъ вздумаетъ ревновать свою жену или пуститъ въ ходъ свое «главенство въ семьѣ» — онъ рискуетъ многимъ... При одномъ предположеніи, что Альберъ могъ нажаловаться на нее матери, Луизу обуялъ уже духъ сопротивленія и мятежа. Она вернулась домой не въ духѣ. Итакъ, первый результатъ вмѣшательства Басиньи былъ не изъ удачныхъ...

— Что ты сегодня дѣлала?—спросилъ Альберъ жену, когда они ѣхали въ Café Anglais. Каждый день онъ дѣлалъ ей этотъ вопросъ безъ всякой задней мысли, и каждый день молодая женщина была недовольна этимъ «допросомъ», какъ она называла пустое любопытство мужа. На этотъ разъ ей представилось, что догадки ея вѣрны, что Альберъ ревнуетъ. Тонъ ея отвѣта былъ раздражителенъ.

— Согласитесь, что я ничто иное, какъ глупая овечка. Вы замѣчательно удачно выбрали себѣ жену.

Альберъ изумленно взглянулъ на нее, а она, съ напускнымъ смѣхомъ, продолжала:

— Не думаете ли вы, что вашъ ежедневный допросъ очень деликатенъ?

— Какъ ты дурно понимаешь самое простое доказательство моего расположенія къ тебѣ!—И вдругъ Альберу показалось, что онъ ужь слишкомъ покорный и слабый глава семейства, что ему надо выказывать побольше твердости.—А не думаешь ли ты, что всего естественнѣе вести жизнь на двухъ

Digitized by Google

половинахъ, какъ это дѣлаютъ многіе изъ знакомыхъ намъ супруговъ?

— Они самые счастливые!—рѣзко отвѣтила она; — впрочемъ, если хотите,—прибавила она съ удареніемъ, звучавшимъ насмѣшкой,—я доложу вамъ обо всемъ, что дѣлала, кого видѣла.

И она съ излишней подробностью начала перечень своихъ визитовъ, поѣздокъ въ магазины, къ модисткамъ, и съ дерзкой рѣшительностью закончила:

— У мамы я встрѣтила Максима; мы вмѣстѣ дошли пѣшкомъ до обойщика въ улицѣ Мира...

Она изумленно остановилась: мужъ не выразилъ ни малѣйшаго признака неудовольствія. «Онъ не ревнуетъ къ Максиму! Значитъ, не тотъ жаловался мамѣ»!—промелькнуло въ ея головѣ и снова припомнилось загадочное появленіе таинственнаго Басиньи въ гостинной madame Жансонъ. Задорный тонъ ея мигомъ пропалъ и она совершенно просто сказала мужу:

— У мамы я видѣла еще какого-то господина, по фамиліи Басиньи. Знаешь ты его?

Альберъ, удивляясь въ душѣ внезапной неровности характера Луизы, отвѣчалъ:

— Слышалъ эту фамилію въ клубѣ. А что?

— Такъ, ничего. Я хотѣла знать...—И она, погрузившись въ свои размышленія, такъ и не сказала больше ни одного слова. Весь вечеръ она казалась озабоченной—и за обѣдомъ съ супругами Эторель, и въ ложѣ Варьетэ, куда сюрпризомъ для нея явился Максимъ де-Портиль.

— Вы правы!—тихо сообщила она Максиму, въ то время какъ madame д'Эторель и мужчины удалились:—кажется, дѣйствительно этотъ Басиньи передалъ мамѣ вашъ разговоръ съ противнымъ Ришардо... Но зачѣмъ?.. къ чему?

— Сплетники никогда не задаются такими вопросами, а слетничаютъ просто изъ любви къ искусству!—самоувѣренно рѣшилъ молодой человѣкъ. Онъ, въ настоящую минуту, искренно любовался хорошенькой Луизой и, зная, что она (какъ и всѣ женщины) до страсти любитъ опасныя положенія, создаваемыя запретнымъ чувствомъ, страстно прошепталъ: «Какая вы красавица! Я умираю отъ любви къ вамъ»!

Digitized by Google

Она отвѣтила ему испуганнымъ взглядомъ, указывая глазами на мужа, и вмѣстѣ съ тѣмъ не могла удержаться отъ самодовольной улыбки. А Максимъ продолжалъ шопотомъ:

— Сегодня предупредили вашу мать, завтра натравятъ на меня мужа. Позвольте же мнѣ воспользоваться послѣдними счастливыми минутами. Не удивлюсь, если скоро вамъ запретятъ принимать меня...

— Ну, это мы еще посмотримъ!—возразила она.—А теперь будьте благоразумны. Я этого требую.

— А какъ насчетъ квартиры въ улицѣ Монтаборъ?—вкрадчиво спросилъ Максимъ.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!—Подъ упорнымъ, нахальнымъ взглядомъ виконта, Луиза опять почувствовала страхъ, граничащій съ наслажденіемъ. Она словно ходила по вулкану: пройдетъ ли она благополучно, или ее взорветъ на воздухъ?..

— Альберъ, дай мнѣ бинокль,—обратилась она къ мужу, чувствуя, что надо сдѣлать диверсію;—кажется, я узнаю вонъ въ той ложѣ madame де-Кандаль. Такъ и есть! Она, значитъ, вернулась?..

«Дѣла мои идутъ на ладъ»! мысленно радовался Максимъ, проходя легкимъ шагомъ по лѣстницамъ и коридорамъ театра.

Нѣкоторые мужчины, кажется, спеціально созданы для роли самцовъ-побѣдителей. Кромѣ этого спеціальнаго дара, у нихъ ничего нѣтъ и они зачастую во всемъ другомъ глупы, пошлы, вульгарны! На нынѣшній день, Максимъ де-Портиль сыгралъ свою роль: онъ показался въ нужную минуту въ *ея* ложѣ, неподражаемо сказалъ нѣсколько страстныхъ словъ, бросилъ пламенный взглядъ—и теперь, съ сознаніемъ исполненнаго долга, весело направлялся въ модный «bar»—къ Филиппу, гдѣ поджидалъ его Ришардо.

«Пусть мамаша Жансонъ изощряется въ способахъ спасти дочку изъ моихъ сѣтей!—самодовольно думалъ онъ:—чѣмъ больше будутъ воздѣйствовать на Луизу, тѣмъ вѣрнѣе и скорѣе бросятъ ее въ мои объятія»!

Разсчетъ его былъ вѣренъ. Луиза находилась въ томъ періодѣ увлеченія своей самостоятельностью, когда преграда является подстрекающимъ элементомъ и преодолѣть ее кажется уже необходимымъ. Кто же своимъ вмѣшательствомъ

Digitized by Google

создалъ эту преграду? Именно тотъ, кто съ радостью пожертвовалъ бы собой, лишь бы предохранить ее отъ роковаго перваго шага. Не прошло двухъ дней со времени визита Басиньи къ madame Жансонъ, а результатъ получился изумительный. Случилось вотъ что: madame Жансонъ прямо не рѣшилась говорить съ дочерью, а обратилась къ посредничеству мужа, безпрекословно исполнявшаго всѣ ея желанія. Супругъ Жансонъ на слѣдующее же утро отправился къ зятю и, съ разными оговорками и подходами, сталъ вразумлять его. «До нихъ доходятъ слухи, что дружба между Луизой и виконтомъ де-Портиль порождаетъ нежелательные толки. Они, родители, подумали, что всего приличнѣе самому мужу положить этому конецъ... Онъ съумѣетъ деликатно, но властно указать ей, какъ надо вести себя замужней женщинѣ, чтобы не давать пищи сплетнямъ. Разумѣется, серьезнаго въ ихъ отношеніяхъ ничего нѣтъ, сохрани Богъ! Просто молодость, неопытность и нѣкоторое легкомысліе въ излишней фамильярности,—вотъ и все. Онъ, Жансонъ, убѣжденъ, что Луиза пойметъ все сама и словамъ мужа придастъ настоящее значеніе. Разрывать знакомство съ Портилемъ не слѣдуетъ: сплетни отъ этого только прибавятся»...

Словомъ, въ этомъ увѣщаніи зятя все было предусмотрѣно, взвѣшено, разсчитано — все, кромѣ противодѣйствія своевольной женщины, чувство или капризъ которой затронуты.

Не смотря на все свое благоразуміе, Альберъ де-Моньо встревожился. «А что, если репутація madame Жансонъ имѣетъ дѣйствительное основаніе и дочь унаслѣдовала ея инстинкты»?—невольно пришло ему въ голову, пока онъ выслушивалъ сообщенія тестя.

— Смотрите же,—заключилъ еще разъ Жансонъ,—будьте осторожны; не упоминайте ни обо мнѣ, ни объ ея матери... Говорите ласково, — не такъ ли? Помните, что ничего,— ровнехонько таки ничего! — нѣтъ серьезнаго! Вѣтряность, вотъ и все...

— Буду остороженъ и ласковъ,—обѣщалъ мужъ Луизы и, въ полной увѣренности, что дѣйствуетъ сообразно съ этимъ обѣщаніемъ, послѣ завтрака вдвоемъ съ Луизой, приступилъ къ объясненію.

Digitized by Google

— Мнѣ надо серьезно поговорить съ тобой, мой другъ!— началъ онъ.—Обѣщай не сердиться на мои слова и не придавать имъ дурнаго значенія... Тебѣ извѣстно или, лучше сказать, неизвѣстно, какъ свѣтъ злоязыченъ...

— Напрасно изощряетесь въ предисловіяхъ!—съ живостью перебила его жена;—я догадываюсь, о чемъ вы поведете рѣчь.

Она знала о раннемъ визитѣ отца, о таинственномъ разговорѣ его съ Альберомъ, видѣла озабоченность послѣдняго— и безъ труда соединила въ одно цѣлое всѣ эти явленія и разговоръ Басиньи съ ея матерью.

— Да, — раздражаясь, продолжала она: — вамъ поручено прочесть мнѣ строжайшую нотацію. И знаю, кѣмъ и по какому поводу.

— Ты забываешь, что я твой мужъ!—нетерпѣливо возразилъ Альберъ:—если я рѣшаюсь прочесть тебѣ *нотацію*, т. е. по моему, дать нѣсколько дружескихъ совѣтовъ, то, значитъ, я призналъ нужнымъ это сдѣлать и не нуждаюсь ни въ какихъ постороннихъ понуканіяхъ. Не перебивай... Если ты заранѣе знаешь, по какому поводу я хочу говорить съ тобой,—стало быть, разговоръ этотъ, дѣйствительно, имѣетъ настоятельную необходимость... Больше, чѣмъ я думалъ...

Онъ помолчалъ секунду и холодно продолжалъ:

— Вчера ты сказала мнѣ, что встрѣтила у матери Максима де-Портиля?

— Да.

— И вы вмѣстѣ пошли пѣшкомъ до обойщика?

— Совершенно вѣрно.

— Ты сообщила ему, что будешь вечеромъ въ театрѣ?..

— Сообщила.

— И онъ не преминулъ явиться туда же... Иными словами: исполнилъ твое желаніе... Луиза, обращаюсь къ твоему здравому смыслу: представь, что кто нибудь видѣлъ тебя и виконта у madame Жансонъ; затѣмъ онъ же, этотъ «кто нибудь», встрѣчаетъ васъ вмѣстѣ на улицѣ, а вечеромъ видитъ опять васъ неразлучными въ театрѣ... въ твоей ложѣ... Положа руку на сердце, скажи мнѣ, что вправѣ предположить этотъ «нѣкто», даже безъ всякой предвзятой мысли?

— Все, что ему угодно. Я знакома и дружна съ кѣмъ хочу. Когда совѣсть моя чиста, я не имѣю обыкновенія инте-

Digitized by Google

ресоваться чужими мнѣніями. Виконтъ и до вашей женитьбы пользовался вашей дружбой. Теперь онъ и мой другъ. Его поведеніе относительно меня не даетъ мнѣ никакого права оскорблять его; а измѣнять мои отношенія къ нему было бы равносильно оскорбленію. За что? За то только, что кому-то понадобилось насплетничать на него мамѣ, папѣ и вамъ...

— Сожалѣю, мой другъ,—со сдержанной яростью заговорилъ обиженный Альберъ, — да, сожалѣю, что мнѣнія наши діаметрально противоположны относительно вещей, касающихся нашего общаго достоинства и чести семейнаго очага. Мое же мнѣніе раздѣляется всѣми, кто искренно расположенъ къ тебѣ. Но, еслибъ оно было исключительно только моимъ, то и въ такомъ случаѣ я сочту долгомъ заставить тебя уважать его и сообразоваться съ нимъ. Въ этомъ ты убѣдишься. Вѣроятно, ты забыла, что перестала называться mademoiselle Жансонъ, а носишь фамилію графини де-Моньо. О моей женѣ не должны худо говорить и—клянусь!—этого не будетъ.

Онъ злобно подчеркнулъ послѣднюю фразу, которая должна была или испугать жену, или довести ее до полнаго возмущенія. Еслибы Луиза фактически измѣнила своему долгу, то, вѣроятно, случилось бы первое; но она чистосердечно считала себя маленькимъ совершенствомъ, потому что не поддавалась ухаживаніямъ виконта. Женщины ея круга, получившія почти всегда нелѣпое воспитаніе, имѣютъ превратныя понятія о «морали» и, если можно такъ выразиться, наивно развращены. Въ кодексѣ свѣтской морали столько противорѣчій, сдѣлокъ съ совѣстью, лицемѣрія, нетерпимости и снисходительности, что здравому смыслу врядъ ли и разобраться въ этомъ хаосѣ. Какъ бы то ни было, но въ данномъ случаѣ молодая женщина считала себя чуть ли не святой, на томъ основаніи, чта ограничивалась флиртомъ съ Максимомъ и не переступила роковаго шага. Упреки мужа подѣйствовали на нее, какъ ударъ хлыста на лошадь съ норовомъ, и она отвѣчала мужу съ самой дерзкой усмѣшкой:

— Интересно было бы посмотрѣть, какіе пріемы вы пустите въ ходъ...

— Прошу тебя, во-первыхъ, не такъ часто принимать Портиля. А если ты не исполнишь этого, то я не велю его принимать совсѣмъ. Очень просто.

Digitized by Google

— А я не послушаюсь.

— Не вѣрю.

— Напрасно!..

— Въ такомъ случаѣ объявлю прислугѣ, чтобы виконта де-Портиля никогда не смѣли принимать!—внѣ себя выпалилъ Альберъ;—я здѣсь хозяинъ и вы живете у меня.

— Какъ?.. Вы не остановились бы передъ такой низостью?.. Соединились бы съ лакеями... противъ жены?

— Не доводите меня до этой крайности. Мы оба со временемъ будемъ жалѣть. Все зависитъ отъ васъ...

— А я говорю: отъ васъ! — злобно отпарировала Луиза, смѣясь вызывающимъ смѣхомъ. Моньо взглянулъ на нее и, боясь перейти границу приличій или просто не желая уронить свой авторитетъ излишнимъ многословіемъ, вышелъ изъ комнаты. Онъ оставилъ Луизу поразмыслить о своихъ поступкахъ, но еслибы онъ могъ прочесть ея мысли, то ужаснулся бы...

«А, такъ вотъ какъ!—думала она;—а я-то боялась измѣнить ему... Считала его великодушнымъ, деликатнымъ! Даже пустячный флиртъ съ Максимомъ казался мнѣ иногда предосудительнымъ... Какая-то подлая сплетня, а онъ уже третируетъ меня, какъ преступницу. Мерзавцы всѣ эти мужчины! Вѣдь они хозяева, хозяева... Скажите, какъ это деликатно. Посмотримъ!.. И папа хорошъ: вмѣсто того, чтобы поговорить со мной... А мама? Съ ней-то что произошло? Выслушала какого-то Басиньи, — чтобы ему поскорѣе провалиться! — и, не предупредивъ меня, навязываетъ мнѣ на шею такую исторію черезъ моего супруга! Мама, которая всегда держалась правила: самой жить и другимъ не мѣшать! Добрая, снисходительная, она меня обожала... Просто непостижимо. Что-то непонятное кроется тутъ... Узнаю... Да, они меня заставятъ натворить всякихъ бѣдъ, дѣйствуя такимъ образомъ»!

Чтобы быть правдивымъ, надо сказать, что въ мысляхъ Луизы не было и тѣни любви къ Максиму. Онъ игралъ какую-то незавидную пассивную роль оружія, подвернувшагося для мести взбѣшенной, настойчивой и избалованной женщины. Ее обуялъ духъ сопротивленія и злобы. Волненіе ея было такъ велико, что она почувствовала непреодолимую потребность двигаться, ходить, выйти на улицу.

Digitized by Google

«Пойду къ мамѣ и объяснюсь. Выведу всю эту чепуху на свѣжую воду»! — рѣшила она и, поспѣшно одѣвшись, вышла изъ дому. Переходя улицу, она замѣтила въ углубленіи воротъ сосѣдняго отеля подозрительную тѣнь и, всмотрѣвшись, узнала своего мужа. Это было каплей, переполнившей чашу. Онъ шпіонитъ, слѣдитъ за ней! Только этого не доставало. Хорошо, пусть же совершится судьба... Она твердыми шагами направилась сначала къ матери, не обращая ни малѣйшаго вниманія на мужа, который, дѣйствительно, не устоялъ противъ искушенія и, вообразивъ, что Луиза отправилась на свиданіе съ Максимомъ, рѣшился выслѣдить ее. Однако, убѣдившись, что она позвонила въ квартиру матери, Моньо устыдился своей недостойной роли и ушелъ домой.

Луиза, не заставъ дома madame Жансонъ, вся еще подъ вліяніемъ обиднаго объясненія съ Альберомъ и въ полной увѣренности, что онъ продолжаетъ слѣдить за ней, не оборачиваясь, пошла по улицамъ, злобно, нервно, почти бѣгомъ, пока не увидала отдѣленія телеграфа.

«Отлично»!—со злорадствомъ подумала она:—«пусть увидитъ»!..

Она вошла въ телеграфную контору, развязно потребовала голубой бланкъ и, не раздумывая, твердымъ почеркомъ, написала слѣдующія непоправимыя предательскія строки:

«Виконту Максиму де-Портиль.

123, улица Франциска I.

Завтра въ три часа буду въ улицѣ Монтаборъ. *Луиза*».

Опустивъ бланкъ въ ящикъ, она, высоко поднявъ голову,—словно совершила подвигъ,—вышла на улицу, и съ искреннимъ прискорбіемъ убѣдилась, что зарядъ пропалъ даромъ: Альберъ исчезъ. «Жаль, очень жаль! Пусть бы убѣдился, что нашла коса на камень. Не всегда помогутъ *хозяйскія* права тирана»! — съ неподдѣльнымъ сожалѣніемъ думала строптивая Луиза, но ни единымъ воспоминаніемъ не подарила виновника всей пертурбаціи, красиваго Максима де-Портиль...

VI.

Въ то время какъ событія шли съ такой фантастической быстротой, приближаясь къ развязкѣ, — что̀ дѣлалъ безсозна-

Digitized by Google

тельный подготовитель надвигавшейся катастрофы, которую именно онъ и замыслилъ предотвратить? «Надо спасти Луизу отъ паденія, чего бы это ни стоило»!—такъ твердилъ мысленно Басиньи, выходя отъ madame Жансонъ подъ впечатлѣніемъ неожиданной встрѣчи съ ненавистнымъ виконтомъ де-Портиль. «Чего бы это ни стоило»! Фраза легко говорится, но трудно исполняется. Это понялъ Басиньи, когда надо было дѣйствовать, а съ чего начать? Какъ повліять на молодую женщину? Признаннымъ родителямъ и то нелегко сладить со взрослой дочерью, а въ положеніи Басиньи? Объявлять ей о кровномъ родствѣ съ нимъ—онъ не хотѣлъ; ему тяжело было бы раскрыть глаза Луизы на прошлое матери, которой удалось сохранить тайну отъ дочери. Не лучше ли обратить вниманіе на поведеніе виконта де-Портиль? Такой элегантный пошлякъ непремѣнно имѣетъ массу интрижекъ; не мѣшаетъ послѣдить за нимъ и, съ вѣской уликой, довести до свѣдѣнія Луизы о поведеніи ея избранника. Возбудивъ ея презрѣніе къ вѣроломному обожателю, можетъ быть, удастся этимъ путемъ спасти ее. Такъ разсудилъ Басиньи и на этомъ остановился. Прежде всего онъ нѣсколько разъ прошелъ взадъ и впередъ по улицѣ Монтаборъ и ему удалось, наконецъ, по рѣзкимъ и запутаннымъ отвѣтамъ привратника, догадаться, въ какомъ домѣ нанимаетъ Максимъ свою холостую квартиру. И вотъ онъ сталъ неусыпно слѣдить за этимъ домомъ, полагая, что виконтъ непремѣнно навѣдается сюда. Разумѣется, Басиньи и въ голову не приходило, что его разговоръ съ madame Жансонъ возъимѣлъ разсказанныя нами послѣдствія, что злополучная депеша уже дошла по назначенію и что случаю угодно было поставить его на наблюдательный постъ за два часа до назначеннаго легкомысленной Луизой свиданія.

Чтобы не терять изъ виду подъѣздъ дома, гдѣ, по его убѣжденію, находилась квартира виконта, Басиньи нанялъ фіакръ и, щедро заплативъ кучеру, приказалъ ему стать противъ того дома, у подъѣзда какихъ-то меблированныхъ комнатъ, и стоять, будто въ ожиданіи своего сѣдока; самъ же Басиньи, откинулся въ глубину кареты и не сводилъ глазъ съ тротуара противоположныхъ домовъ. Ожиданія его увѣнчались полнымъ успѣхомъ: около двухъ часовъ, изъ-за угла улицы, безпечной походкой вышелъ Максимъ, съ пучкомъ

Digitized by Google

розъ въ рукѣ, съ побѣдоносной усмѣшкой на красивыхъ губахъ. Сердце Басиньи забило тревогу. «Неужели онъ идетъ на свиданіе съ Луизой? Онъ такъ самоувѣренно говорилъ въ клубѣ пріятелю, что дѣло его идетъ къ желаемой развязкѣ... О, ужасъ»!..

Виконтъ остановился въ подъѣздѣ дома напротивъ, и началъ говорить о чемъ-то съ привратникомъ... Послѣдній оживленно жестикулировалъ,—вѣроятно, сообщая молодому человѣку, что какой-то неизвѣстный господинъ пытался проникнуть въ тайну его холостой квартиры; виконтъ сдѣлалъ рукой безпечный жестъ и пошелъ по лѣстницѣ.

Прошелъ часъ томительнаго ожиданія. Чего ждалъ Басиньи? Предчувствіе ли приковало его въ наемномъ фіакрѣ, или просто онъ хотѣлъ дождаться выхода виконта? Вѣрнѣе всего, онъ по прежнему опыту зналъ, что въ холостую квартиру приходили для свиданій... Какъ бы то ни было, но ожиданія его не были напрасны: въ три часа по тротуару показалась молодая дама; Басиньи содрогнулся—это была Луиза де-Моньо. Она шла скоро, рѣшительно, озабоченно; видъ у нея былъ не такой, какъ у влюбленной женщины, готовой пожертвовать честью для обожаемаго человѣка; нѣтъ, она точно рѣшилась на самоубійство; брови ея были сдвинуты, глаза мрачно горѣли; ни малѣйшей попытки таинственности, — вуалетка прозрачная до половины лица, костюмъ свѣтлый.

Блѣдныя щоки ея вспыхнули, когда Басиньи загородилъ ей дорогу; не давая себѣ отчета въ своихъ поступкахъ, онъ просто рѣшилъ механически удержать ее, не дозволять ей войти въ этотъ ужасный подъѣздъ. Молодая женщина была такъ ошеломлена появленіемъ «необъяснимаго» Басиньи, что остановилась, какъ вкопанная, пока онъ глухимъ, взволнованнымъ голосомъ шепталъ ей:

— Нѣтъ... не ходите туда. Опомнитесь, бросьте эту мысль.

— Милостивый государь!—пролепетала, наконецъ, Луиза, нѣсколько придя въ себя, — я не понимаю, чего вы хотите... Позвольте мнѣ пройти.

Говоря такъ, она смотрѣла на него такимъ взглядомъ, какимъ смотрятъ на помѣшаннаго человѣка. Но испугъ ея смѣнился гнѣвомъ, когда Басиньи снова заговорилъ:

Digitized by Google

— Выслушайте меня, умоляю васъ! Я говорю вамъ голосомъ вашей совѣсти... Именемъ вашего ребенка, заклинаю васъ: не ходите туда! Этотъ Максимъ де-Портиль, къ которому вы идете, ужасный человѣкъ, негодяй, недостойный вашей любви,—этой жертвы, которую вы намѣрены принести ему, поправъ вашу честь, будущность, самоуваженіе, уваженіе свѣта и, можетъ быть, со временемъ сына вашего...

— Повторяю, — высокомѣрно перебила его Луиза: — я не знаю, что̀ вы хотите сказать. Знаю одно, что останавливать на улицѣ женщину, — одну, беззащитную, — и говорить ей такія вещи, оскорблять ее, — недостойно порядочнаго человѣка.

— Оскорблять?.. — горестно воскликнулъ Басиньи: — я, имѣлъ намѣреніе оскорбить васъ? Да я отдалъ бы по каплѣ всю мою кровь, чтобы видѣть васъ счастливой, почитаемой и всегда достойной уваженія!.. Оскорблять васъ? Развѣ вы не понимаете, что если я заговорилъ съ вами, поступилъ такъ необычайно, – значитъ, я безгранично преданъ вамъ, боюсь за васъ, страдаю, хочу спасти васъ отъ безразсуднаго шага. Боже! Я хотѣлъ избѣжать личнаго объясненія съ вами... Былъ у вашей матери... передалъ ей разговоръ, слышанный мною нечаянно въ клубѣ. Этотъ негодяй, Максимъ де-Портиль, хвастался своему другу, что вы его любите, что онъ скоро достигнетъ цѣли... Упомянута была улица Монтаборъ... онъ показывалъ брелокъ, подаренный вами — гильотинку для сигаръ съ числомъ на одной сторонѣ... Я, невольный слушатель этого бахвальства, пришелъ въ негодованіе... Вы такъ молоды, чисты, изящны, и вдругъ... погубить себя ради такого подлеца, прибавляющаго одну побѣду къ общему счету... Вотъ зачѣмъ я бросился предупредить вашу мать, вотъ зачѣмъ преградилъ вамъ дорогу...

Луиза, какъ въ полуснѣ, слушала этотъ голосъ, эти нѣжныя, искреннія слова. Полно, наяву ли все это происходитъ? Пылкія увѣщанія незнакомца проникли въ самые затаенные уголки ея совѣсти, пробудили ея усыпленное сознаніе. Но какого рода чувства внушаетъ она старику? Откуда такое самоотверженіе, участіе, жалость? Онъ говоритъ правду: сомнѣнія нѣтъ, что Максимъ—негодяй...

Машинально,—пока говорилъ Басиньи,—Луиза шла по тро-

Digitized by Google

туару, но теперь уже въ обратную сторону, направляясь въ улицу Риволи. Наконецъ, она взволнованно спросила:

— Да кто же вы такой? Почему интересуетесь моей судьбой?

Басиньи умиленными глазами посмотрѣлъ на нее и уклончиво сказалъ:

— Не все ли вамъ равно? Еслибы вы упали въ воду и какой нибудь человѣкъ бросился спасти васъ, не стали бы вы его спрашивать, по какому праву онъ интересуется вашей жизнью? Я хочу спасти васъ и я же васъ поблагодарю...

Въ эту минуту лучь догадки освѣтилъ воспоминаніе Луизы... Онъ и тотъ господинъ, поцѣловавшій ее въ саду, когда она бѣгала съ обручемъ — одно и то же лицо... Онъ тогда плакалъ, и руки его, лаская ея локоны, такъ дрожали...

Тихимъ голосомъ повторила она:

— Но почему же? Кто вы такой?..

— Ахъ, неужели голосъ крови молчитъ въ тебѣ, дитя мое? — съ неудержимымъ порывомъ нѣжности вырвалось у него. — Неужели ты не чувствуешь, кто я тебѣ, Луиза, дочь моя?..

VII.

Максимъ де-Портиль никогда не могъ объяснить себѣ, почему, послѣ компрометирующей депеши, Луиза Моньо заставила его тщетно прождать себя въ квартирѣ улицы Монтаборъ? Мало того: почему, когда онъ явился къ ней за объясненіемъ, она приняла его съ нескрываемымъ презрѣніемъ и указала на дверь?..

Онъ охотно отомстилъ бы «измѣнницѣ», разгласивъ между друзьями ея депешу; но Моньо извѣстенъ своей удивительно-меткой стрѣльбой изъ пистолета, и шутить съ нимъ шутки не приходится. Виконтъ довольствуется тѣмъ, что презрительно говоритъ, когда рѣчь заходитъ о графинѣ де-Моньо:

— Индюшка! Я ихъ съ мужемъ бросилъ: надоѣли!

Басиньи исчезъ съ парижскаго горизонта и, точно въ наказаніе за свою откровенность, безвыѣздно живетъ въ своемъ помѣстьѣ и лишаетъ себя возможности видѣть Луизу де-Моньо.

Digitized by Google

Удивленъ также и Альберъ де-Моньо: строптивая Луиза вдругъ, безъ всякой видимой причины, смягчилась. Къ вечеру того памятнаго дня, когда произошелъ крупный разговоръ между супругами, она была неузнаваема, точно ее подмѣнили. Попросила мужа простить ея необдуманную вспышку, забыть ея своенравіе, — и какимъ милымъ, задушевнымъ тономъ! А затѣмъ выразила непреодолимое желаніе поѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ, съ мужемъ и сыномъ, въ Египетъ...

Желаніе ея было тотчасъ же исполнено: Альберъ почувствовалъ себя безмѣрно счастливымъ.

Весной они вернулись. Подруги и пріятельницы поддразнивали Луизу въ слабохарактерности; не она ли утверждала, что уважающей себя женщинѣ позволительно имѣть только одного ребенка?.. Луиза измѣнилась, стала серьезна, сосредоточенна. Жансонъ говорилъ своей женѣ, что просто не узнаётъ веселую «дочку»!..

— Въ такомъ положеніи женщинѣ нечего веселиться!—съ увѣренностью объяснила madame Жансонъ:—разрѣшится—и все пройдетъ.

Однако, увѣренность матери немного напускная... Она знаетъ, что прежняя веселая, безпечная Луиза ужь не вернется. Весь внутренній міръ ея измѣнился съ того дня, какъ она узнала, что Жансонъ ей не отецъ... Чужая душа—потемки и никто не можетъ сказать, что̀ произошло въ сердцѣ дочери, когда ей пришлось внезапно прозрѣть, судить, а, можетъ быть, и осудить свою мать, и не переставая любить ее, пожалуй, потерять къ ней уваженіе!..

Конецъ.

Digitized by Google

БОЛѢЗНЕННОСТЬ И СМЕРТНОСТЬ РУССКАГО НАРОДА.

«*Общественное здоровье есть фундаментъ, на которомъ покоятся счастье и могущество государства:* какъ бы ни была могущественна страна, какъ бы ни были интеллигентны и трудолюбивы ея граждане, какъ бы ни процвѣтала въ ней промышленность, земледѣліе, наука и искусства, какъ бы ни была сильна ея армія и флотъ,—но если населеніе ея перестаетъ возрастать, если оно съ каждымъ годомъ становится слабосильнѣе и меньше ростомъ, то страна должна погибнуть».

Лордъ Биконсфильдъ.

Salus populi—suprema lex.

Уходящій въ Лету XIX вѣкъ былъ крайне богатъ всевозможными открытіями и изобрѣтеніями. Кажется, нѣтъ ни одной области, въ которой геній человѣческій не проявилъ бы себя какимъ либо великимъ и благодѣтельнымъ для человѣчества дѣломъ. Одно открытіе слѣдовало за другимъ, одно изобрѣтеніе неминуемо вызывало другое. Блестящія приложенія и примѣненія изобрѣтеній и открытій предшественника XIX столѣтія чередовались другъ за другомъ. Напряженіе ума человѣческаго достигло высшей интенсивности. И если XVIII вѣкъ можно назвать вѣкомъ *философіи*, то XIX вѣкъ долженъ назваться вѣкомъ пара, электричества, вѣкомъ блестящихъ открытій въ области медицины.

Изумительный прогрессъ виденъ во всемъ. XIX вѣкъ выдвинулъ цѣлую плеяду великихъ людей, геній которыхъ оставилъ въ наукѣ такой глубокій слѣдъ, что будущій историкъ несомнѣнно отмѣтитъ эту эпоху, какъ особое цѣлое. Все наше научное развитіе, все наше міросозерцаніе основано на открытіяхъ этихъ великихъ людей и является плодомъ ихъ мышленія. Имена Клодъ-Бернара, Пастёра, Вирхова, Гельмгольца, Петтенкофера, Пирогова, Шарко́ и др.—надолго останутся въ памяти всѣхъ; работы ихъ при изученіи законовъ природы и практическое примѣненіе этихъ законовъ у постели больнаго надолго останутся памятникомъ ихъ неутомимой энергіи. Эти люди, сборная функція которыхъ и есть прогрессъ естествознанія второй половины кончающагося столѣтія,

Digitized by Google

оставляютъ богатое наслѣдство XX столѣтію. Явятся новые люди. Они создадутъ свой періодъ, но крѣпкій фундаментъ для этого періода безусловно заложенъ ихъ предшественниками, работниками XIX вѣка. Одни изъ ученыхъ уходящаго въ вѣчность столѣтія проложили новые пути и двинули по нимъ извѣстную отрасль медицинской науки; другіе же являются творцами такихъ отраслей науки, которыхъ, строго говоря, до нихъ не существовало. Блестящее развитіе медицины, широкое ея примѣненіе въ народѣ, проведеніе въ жизнь тѣхъ началъ, которыя не только уменьшаютъ періодъ теченія болѣзни и количество смертныхъ случаевъ, но сокращаютъ значительно самую возможность заболѣванія,—вотъ въ чемъ сила и значеніе медицины. И чѣмъ она шире распространится отъ центра къ периферіи, чѣмъ глубже проникнетъ въ сознаніе не только больныхъ, но и здоровыхъ, чѣмъ она болѣе привлекаетъ вниманіе не только отдѣльныхъ лицъ, но и общинъ, и всего государства,—тѣмъ плодотворнѣе будутъ ея результаты, а роль ея—живительнѣе. Если исторія культуры человѣчества, по справедливости, представляется намъ непрерывной борьбой съ такими силами и явленіями, которыя угрожаютъ человѣку или дѣлаютъ существованіе его тяжелымъ, то, безспорно, въ мірѣ физическомъ заразныя болѣзни занимаютъ въ этомъ отношеніи одно изъ первенствующихъ мѣстъ. Дѣйствительно, ни самыя грозныя для человѣка явленія природы,—какъ землетрясенія, наводненія, изверженія вулкановъ,—ни такое страшное соціальное бѣдствіе, какъ война, ни какія либо случайныя катастрофы не ведутъ за собою тѣхъ громадныхъ жертвъ, какія человѣчество приносило и приноситъ различнымъ заразнымъ болѣзнямъ... Вспомнимъ, напр., что эпидемія холеры, господствовавшая въ Европѣ съ 1865—73 г., унесла съ собою 1.167,000 человѣческихъ жизней! До самаго послѣдняго времени считалось, что на одного убитаго приходилось отъ 6 до 10 и болѣе человѣкъ умершихъ отъ болѣзней, по преимуществу заразныхъ. Такъ напр., за время Севастопольской войны потеря нашей арміи равнялась приблизительно 30,000 павшихъ въ бою, да слишкомъ 600,000 умерло отъ тифа, дизентеріи и заразныхъ болѣзней. Громаднѣйшія жертвы влекутъ за собою, въ палатахъ и хижинахъ, чахотка, дифтеритъ, скарлатина, тифъ, воспаленіе легкихъ, и другія заразныя болѣзни.

Появленіе нѣкоторыхъ заразныхъ болѣзней и эпидемическое развитіе ихъ всегда сопровождается несчастіемъ для общества и большими экономическими потерями, вслѣдствіе неизбѣжнаго при этомъ разстройства въ нормальномъ теченіи жизни и дѣятельности массы людей.

Усовершенствованіе микроскопа дало возможность открыть причину большинства заразныхъ болѣзней. Старое воззрѣніе на эту причину, какъ на организованное живое начало, оправдалось. Мы теперь знаемъ, что виновниками большинства заразныхъ болѣзней являются микроскопическія живыя существа, принадлежащія къ числу низшихъ организмовъ—бактерій. Такіе микроорганизмы, поселяясь въ нашемъ организмѣ, производятъ болѣзнь; отсюда — заразная болѣзнь есть ничто иное, какъ паразитарное пораженіе нашего организма. Въ настоящее время мы можемъ не только ви-

Digitized by Google

дѣть помощью микроскоповъ, и даже фотографировать, такіе болѣзнетворные микроорганизмы въ тканяхъ тѣла или выдѣленіяхъ больныхъ заразными болѣзнями, но мы можемъ также выращивать, культивировать ихъ внѣ организма, испытывать на нихъ вліяніе различныхъ дѣятелей и прививать ихъ животнымъ съ цѣлью опыта.

Благодаря изученію природы микроорганизмовъ и средствъ борьбы съ ними, прежній паническій страхъ предъ заразными болѣзнями исчезаетъ, а на смѣну ему является сознательная борьба. Мы теперь уже не безпомощны въ этой борьбѣ съ заразными болѣзнями. Мы хорошо знаемъ этихъ враговъ человѣчества, ихъ свойства и качества, пути распространенія, способы проникновенія въ организмъ человѣка; поэтому мы можемъ успѣшно ставить имъ преграды, преслѣдовать и уничтожать ихъ. Введеніе правильной канализаціи городовъ, фильтрованіе воды для питья чрезъ песчаные фильтры, устройство общественныхъ дезинфекціонныхъ заведеній и систематическое проведеніе дезинфекціи при заразныхъ болѣзняхъ рѣзко понизили смертность отъ нихъ вездѣ, гдѣ только эти мѣры нашли примѣненіе.

Но нигдѣ еще, можетъ быть, благотворные результаты новѣйшихъ успѣховъ въ области борьбы съ заразными началами не выступали въ столь яркомъ свѣтѣ, какъ въ хирургіи и родовспомогательномъ искусствѣ. Хирургическіе инструменты, перевязочные матеріалы, руки оператора, платье и постель больнаго, пыль операціонныхъ комнатъ и помѣщеній больныхъ вносили очень часто въ ихъ раны различные болѣзнетворные микроорганизмы и гніенія:—госпитальная гангрена, рожа, гнойное и гнилостное зараженіе крови уносили жизнь оперированныхъ и раненыхъ; родильная горячка была тѣмъ грознымъ призракомъ, какой виталъ постоянно надъ родильными домами и нерѣдко опустошалъ ихъ. Но открытіе причинъ заразныхъ болѣзней и изысканіе вѣрныхъ способовъ дезинфекціи ранъ, рукъ оператора, инструментовъ и пр., привело къ тому, что заразныя болѣзни отъ ранъ у хирургическихъ больныхъ стали лишь рѣдкими и исключительно-несчастными случаями. Родильная горячка изгнана изъ родильныхъ и частныхъ домовъ. Такимъ образомъ, ежегодно спасаются сотни тысячъ человѣческихъ жизней.

Изученіе свойствъ заразныхъ началъ и раціональныхъ мѣръ защиты противъ нихъ, равно какъ и способовъ уничтоженія заразы, составляетъ одно изъ самыхъ крупныхъ, по своимъ благодѣтельнымъ для человѣка послѣдствіямъ, пріобрѣтеній прогресса медицинской науки и культуры вообще. Поэтому имена людей, гигантскому труду и генію которыхъ мы обязаны познаніемъ причинъ заразныхъ болѣзней и мѣръ противъ нихъ, несомнѣнно достойны занять мѣсто рядомъ съ именами людей, сдѣлавшихъ великія открытія и изобрѣтенія въ другихъ областяхъ и сферахъ человѣческой дѣятельности.

Какъ я уже сказалъ, медицина достигла гигантскаго развитія. Но интересно прослѣдить, насколько эта наука нашла себѣ примѣненіе въ Россіи вообще и,—въ частности—въ нашей деревнѣ; не

Digitized by Google

безъинтересно также знать: насколько широко проникла она въ глубь страны, насколько она сдѣлалась достояніемъ массы, и насколько она понизила смертность и болѣзненность русскаго народа?

Все это вопросы не празднаго любопытства, а настоятельной общественной нужды.

I.

Въ Россіи—безразлично: въ столицѣ или въ деревнѣ,—смертность и болѣзненность населенія поразительны; заразныя болѣзни (тифъ, скарлатина, корь, дифтеритъ) повсюду свили себѣ настолько прочное гнѣздо, что никогда почти и не переводятся. Кромѣ того, какъ дифтеритъ и оспа, такъ и всѣ другія эпидемическія болѣзни, отличаются у насъ совершенно *стихійнымъ* характеромъ своего распространенія и теченія. Разражаются они обыкновенно внезапно, выхватываютъ массу жертвъ и ослабляются не въ силу принятыхъ противъ нихъ мѣръ, а отъ вымиранія контингента населенія извѣстнаго возраста: вымрутъ дѣти—и болѣзнь уменьшается,—угасаетъ, такъ сказать, отъ недостатка пищи. Нарождается новое поколѣніе,—и эпидемія снова вспыхиваетъ.

Картина болѣзненности и смертности русскаго народа почти вездѣ одинакова, а если изрѣдка и разнообразится, то только тѣмъ, что въ одинъ годъ смертность свирѣпствуетъ отъ однѣхъ причинъ, а въ другой — отъ другихъ. Въ виду того, что статистика смертности и заболѣваемости, — особенно по отношенію къ заболѣваемости,—у насъ пока не существуетъ, а если и существуетъ, то только въ столицѣ и большихъ городахъ,—трудно даже приблизительно сказать, сколько умираетъ и заболѣваетъ на 1,000 жителей въ деревнѣ. Смертность не только въ деревнѣ, но даже среди Москвы и Петербурга, сравнительно съ европейскими городами, ужасная. За недѣлю, съ 25 по 31 іюля сего года, по количеству умершихъ на 1,000 жителей, первою стояла Москва—41,6; за нею: Варшава—33,2; Петербургъ 29,2; Одесса—25,7; Берлинъ—21,8; Лондонъ—21,5; Вѣна—21,2 и Парижъ—19,6.

Читатель можетъ подумать, что взята исключительно несчастная недѣля для Москвы и Петербурга. Нѣтъ. Подобныхъ несчастныхъ недѣль для Москвы и Петербурга—52 недѣли въ году съ маленькимъ только колебаніемъ въ 1—2% ниже и выше.

Общая смертность русскаго народа, сравнительно со смертностью другихъ европейскихъ государствъ, опять таки стоитъ на первомъ мѣстѣ.

По изслѣдованіямъ Янсона, общая смертность въ европейскихъ государствахъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Государства.	Время, за которое взято число умершихъ.	Умерло на 1,000 жителей.
Европ. Россія	1884—1888	32,0
Венгрія.	1885—1889	31,8
Австрія	1885—1889	28,3

*

Digitized by Google

Германія	1885—1889	26,2
Италія	1885—1889	26,0
Румынія	1885—1889	25,67
Испанія	1878—1882	25,4
Сербія	1885—1889	25,2
Португалія	1887—1889	23,1
Франція	1885—1889	22,0
Финляндія	1884—1888	21,7
Шотландія	1885—1890	20,9
Голландія	1887—1891	20,3
Швейцарія	1885—1890	20.3
Бельгія	1885—1890	19,6
Англія	1985—1889	18,5
Данія	1884—1888	18,2
Ирландія	1885—1889	18.0
Греція	1880—1884	17,0
Норвегія	1884—1888	16,9
Швеція	1884—1888	16,5
Болгарія	1884—1888	12,6

Итакъ, общая смертность для европейской Россіи опредѣляется ужасною цифрою въ 32,0, на тысячу. Если же мы исключимъ изъ общаго счета Прибалтійскій край, гдѣ коэффиціентъ смертности колеблется отъ 19% до 25%, Привислянскій край со смертностью въ 23% и шесть сѣверо-западныхъ губерній съ коэффиціентомъ 27%, то увидимъ, что эта цифра для коренной Россіи должна быть значительно увеличена. Такъ, въ весьма многихъ губерніяхъ смертность колеблется между 40 и 54 проц.: симбирская губ.—40,00, олонецкая—40,10, петербургская—40,10, тульская—40,20, екатеринославская—41,00, орловская—41,10, вятская—41,60, саратовская—43,70, владимірская, пензенская—44,50, пермская—45,90, самарская—46,70, оренбургская—52,00, московская—53,40. Но коэффиціентъ смертности для отдѣльныхъ мѣстностей доходитъ прямо до ужасающей высоты. Въ нѣкоторыхъ районахъ смоленской, олонецкой и вятской губерній коэффиціентъ смертности поднимается до 60—70 проц. По словамъ д-ра Осиповича, въ нѣкоторыхъ частяхъ московскаго уѣзда умираетъ до 73 проц.; въ красноярскомъ округѣ, по сообщенію врача Крутовскаго, смертность превышаетъ 50 проц., а съ умершими отъ дифтерита — 100 на тысячу.

Съ какими болѣзнями въ Россіи всего чаще обращаются за врачебной помощью, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

	1888 г.	1889 г.	1890 г.	1891 г.	1892 г.
Болѣзни органовъ пищеваренія	2.164,266	2.646,387	3.059,039	3.353,400	3.674,476
Болѣзни органовъ дыханія	1.966,588	2.421,212	2.632,725	2.952,082	3.113,318
Болѣзни кожи	1.544,764	1.778,327	2.055,222	2.123,846	2.084,823
Болотная лихорадка	1.252,603	1.431,129	1.631,453	1.923,577	2.227,817
Болѣзни нервной системы	1.243,308	1.470,240	1.664,521	1.830,567	1.940,422

Digitized by Google

Чесотка	1.208,099	1.384,740	1.465,140	1.364,937	1.142,269
Разстройство общаго питанія	874,809	1.014,335	1.127,258	1.162,398	1.328,632
Болѣзни органовъ движенія	812,933	936,103	1.022,654	1.109,901	1.130,420
Болѣзни глазъ	795,771	936,036	1.083,240	1.216,419	1.300,703
Сифилисъ	584,107	673,535	732,892	740,250	715,288
Гриппъ	—	699,227	—	639,786	—
Холера азіатская	—	—	—	—	613,105

Въ общемъ, всего больше отмѣчается эпидемическихъ и заразныхъ больныхъ, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

1888 г.	2.370,332	на все	число	больныхъ	14,1
1889 »	3.373,306	»	»	»	16,7
1890 »	3.300,036	»	»	»	14,5
1891 »	3.784,491	»	»	»	15,2
1892 »	4,444,319	»	»	»	16,7
Среднее	3.454,497	»	»	»	15,5

Смертность и болѣзни находятся между собою въ извѣстной зависимости, и всякій смертный случай предполагаетъ бо́льшее число больныхъ, а средняя интенсивность всѣхъ болѣзней, вмѣстѣ взятыхъ, опредѣляетъ число больныхъ. Извѣстный профессоръ Петтенкоферъ, въ публичной лекціи о цѣнности здоровья для государства, приводитъ медицинскую топографію гор. Мюнхена, по сочиненію д—ра Видмера. Послѣдній разбираетъ численное отношеніе между смертными случаями и заболѣваніями во всѣхъ больницахъ и пріютахъ города, чтобы получить мѣрило, сколько дней люди бываютъ больны до выздоровленія или смерти. Среднее число, выведенное изъ сравненія большаго числа годовъ, показываетъ, что изъ 34 человѣкъ умираетъ одинъ больной и лѣчится онъ 18,5 дней. Въ той же лекціи Петтенкоферъ говоритъ, что, по мнѣнію статистиковъ, въ теченіе 365 дней человѣкъ бываетъ боленъ 20 дней, т. е. около 5 проц. времени.

Болѣзненность русскаго народа выражается, какъ и смертность, въ ужасающихъ цифрахъ. Особенно развиты эпидемическія болѣзни, По офиціальнымъ даннымъ оказывается, что въ настоящее время нѣтъ почти ни одной губерніи, которая не была бы захвачена дифтеритомъ. Въ «Отчетахъ медицинскаго департамента» за 1889 и 1890 гг. есть таблички, которыя показываютъ ростъ и распространеніе дифтерита по губерніямъ.

Годы.	Число пораженныхъ губерній.	Число заболѣвшихъ.	Число умершихъ.
1886	8	25.756	8.563
1887	15	46.136	18.698
1888	29	63.613	23.412
1889	46	83.275	33.815
1890	65	124.197	44.428

Digitized by Google

Табличка эта краснорѣчиво говоритъ, что дифтеритъ изъ года въ годъ захватываетъ все бо́льшій и большій районъ, требуя все большее и большее количество жертвъ.

Цифра заболѣваній, за пятилѣтіе 1886 — 1890 гг., поднялась съ 26 до 124 тыс., т. е. увеличилась въ 5 разъ. Оспа также не пощадила ни одной губерніи. Въ 1887 г. число заболѣвшихъ оспою опредѣлялось цифрою въ 10,287 человѣкъ, въ 1890 г. эта цифра поднялась до 91,442 человѣкъ, т. е. увеличилась въ 10 разъ. Въ такомъ же почти размѣрѣ усилилось заболѣваніе тифомъ, возвратной горячкой, крупомъ и пр.

Извѣстный профессоръ Вирховъ говоритъ, что «*тифъ есть наказаніе, налагаемое населеніемъ на себя за невѣжество и неряшество*». Эта гигіеническая истина болѣе всего примѣнима къ жизни русскаго народа.

Рядомъ съ эпидемическими болѣзнями, грознымъ бичемъ русскаго народа является бугорчатка легкихъ. Этотъ грозный бичъ, «этотъ жестокій, неумолимый врагъ»,—по образному выраженію одного изъ военныхъ врачей,—не признающій ни перемирія, ни пощады, шагающій чрезъ рвы и стѣны, и душащій безоружныхъ солдатъ въ ихъ палаткахъ, свилъ себѣ крупное гнѣздо въ войскахъ. Бугорчатка—эта домашняя болѣзнь въ войскахъ — ежегодно собираетъ весьма обильную жатву, какъ на западѣ, такъ въ особенности у насъ. Сопоставляя цифры заболѣваемости бугорчаткою въ русской арміи съ таковыми же данными въ прочемъ населеніи, для одного съ нижними чинами возраста, найдемъ, по свѣдѣніямъ Пирскаго, что въ то время какъ крестьяне даютъ 1,03‰ чахоточныхъ, а казаки 2,25‰,—среди нижнихъ чиновъ распространеніе бугорчатки достигаетъ внушительной цифры 7,69‰.

Не безъинтересно сравнить потери отъ бугорчатки въ различныхъ арміяхъ европейскихъ государствъ. Данныя, заимствованныя нами изъ сочиненія Marvaud: «Les maladies du soldat», говорятъ, что Россіи опять таки и здѣсь принадлежитъ первенство.

			Отставки и увольненія на 1.000.			
		Умерло на	Tuberculos.		Bronchit chronica.	Вся потеря на 1,000.
Франція . .	1886 — 89	1,2	3,8	—	0,6	5,6
Германія . .	1882 — 84	0,7	3,5	—	2,6	6,8
Австрія . .	1878 — 87	1,7	0,8	—	4,7	7,2
Италія . . .	1887	0,8	1,0	—	3,8	5,6
Испанія . .	1886	2,7		5,0		7,7
Англія . . .	1879 — 84	2,1		3,8		5,9
Россія . . .	1880 — 84	0,8		6,5		7,3
Бельгія. . .	1887 — 88	0,9		3,0		3,9

Чахотка находитъ себѣ жертвы вездѣ, не щадя ни пола, ни возраста, ни хижины, ни дворца, во всѣхъ климатахъ. Она всюду и вездѣ быстро акклиматизируется.

Статистика показываетъ намъ, что смертность отъ чахотки находится въ прямой зависимости отъ густоты населенія, а, слѣдо-

Digitized by Google

вательно, и отъ загрязненій воздуха и почвы. Такъ, наибольшая смертность наблюдается въ большихъ городахъ и промышленныхъ центрахъ, постепенно падаетъ съ уменьшеніемъ числа жителей и достигаетъ minimum'а въ деревняхъ и мѣстечкахъ. Прежде былъ распространенъ ошибочный взглядъ, что наибольшая смертность отъ чахотки падаетъ на молодой возрастъ отъ 20 до 30 лѣтъ. Но послѣднія работы Вирцбурга, Лемана, Гуревича и Липскаго доказали, что наибольшая смертность наблюдается до 5 лѣтъ, затѣмъ она рѣзко уменьшается и лишь съ 15-лѣтняго возраста вновь постепенно возрастаетъ, достигая своего maximum'а въ старческомъ возрастѣ. Такъ напр., въ Пруссіи умираетъ отъ чахотки въ возрастѣ:

Отъ	0 до 5	лѣтъ.	10,27	на 10,000	живущихъ
»	10 — 20	»	11,88	» »	»
»	20 — 30	»	33,33	» »	»
»	30 — 40	»	41,12	» »	»
»	40 — 50	»	48,42	» »	»
»	50 — 60	»	61,72	» »	»
»	60 — 70	»	93,00	» »	»

Слѣдовательно, наибольшая смертность отъ чахотки падаетъ на тѣ возрасты, когда силы организма представляются наименьшими и присущая имъ способность бороться со всякими неблагопріятными условіями жизни и заразы уменьшается.

Какъ велика смертность отъ чахотки? Если мы возьмемъ цифру общей смертности, то оказывается, что одна седьмая часть, а мѣстами даже одна *пятая часть всѣхъ живущихъ умираетъ отъ чахотки*. Цифра эта громадная. Поэтому вполнѣ понятенъ тотъ ужасъ, который охватываетъ больнаго, разъ онъ узнаетъ, что у него чахотка! На одну Европу, безъ Россіи, на чахотку приходится 300 смертныхъ случаевъ на каждый день.

Въ Москвѣ умираетъ отъ чахотки 15,2% общей смертности; въ Парижѣ—17,9%, въ Берлинѣ—12,2% и въ Петербургѣ—17,5%. Особенный интересъ представляютъ также цифры, полученныя въ воинскихъ присутствіяхъ, при осмотрѣ новобранцевъ. Изъ этихъ наиболѣе здоровыхъ юношей, 21 года, въ европ. Россіи было осмотрѣно за послѣдніе 9 лѣтъ около 3.000,000 человѣкъ и среди нихъ оказалось 10,894, или 3,6%, чахоточныхъ, причемъ подлежали осмотру только тѣ, которые на видъ представлялись здоровыми и подходили подъ мѣрку. Отсюда ясно видно, что эта болѣзнь является болѣе грозной, чѣмъ всякая другая эпидемическая болѣзнь, и уноситъ среди каждаго поколѣнія больше жертвъ, чѣмъ холера, оспа, дифтеритъ и т. п. заразительныя болѣзни.

Гдѣ же лежитъ причина такой громадной смертности? Причина та, что чахотка принадлежитъ—по утвержденію многихъ врачей—къ числу самыхъ заразительныхъ болѣзней, что всякій больной, при благопріятныхъ условіяхъ, заражаетъ не только окружающихъ его лицъ, но даже квартиру, мебель, платье.

Первый научно доказалъ заразительность чахотки Виллеминъ (въ 1865 г.). Но его ученіе о заразительности чахотки долго оспа-

Digitized by Google

рывалось, пока въ мартѣ 1882 г. не появилась замѣчательная работа Роберта Коха, поставившаго внѣ всякаго сомнѣнія фактъ заразительности чахотки и открывшаго даже самое заразное начало въ видѣ особыхъ палочко-видныхъ микробовъ, или грибковъ, получившихъ названіе чахоточныхъ палочекъ, туберкулезныхъ бациллъ.

Такимъ образомъ, было найдено, что эти бациллы составляютъ причину чахотки, ея заразное начало. Чахоточный распространяетъ вокругъ себя заразу, сообщая ее окружающей средѣ путемъ своихъ выдѣленій: при бугорчаткѣ легкихъ—мокротой, при бугорчаткѣ кишечника и почекъ—выдѣленіями этихъ органовъ, при бугорчаткѣ зѣва и гортани—слюной.

При свойственной намъ неряшливости, выдѣленія чахоточныхъ попадаютъ всюду: на полы, ковры, мебель и, высыхая, носятся при чисткѣ послѣднихъ по всей комнатѣ, осаждаясь на стѣнахъ, картинахъ, портьерахъ и т. п. Путей для зараженія чахоткою имѣются тысячи, но мѣръ противъ нихъ мы почти никакихъ не принимаемъ. Мы болѣе чѣмъ халатно относимся къ этому вопросу. Мѣры же противъ чахотки должны бы быть принимаемы какъ каждымъ отдѣльнымъ лицомъ, такъ и обществомъ, и государствомъ.

II.

Общественныя мѣры должны имѣть въ виду заботы объ улучшеніи санитарныхъ условій нашихъ городовъ и жилищъ, и всякихъ промышленныхъ заведеній, служащихъ такъ часто очагами заразы. Оздоровленіе городовъ, устройство хорошаго водоснабженія, канализаціи, заботы о правильной очисткѣ улицъ, площадей и дворовъ, раціональное удаленіе нечистотъ и пр., — всѣ эти мѣры окажутъ вліяніе не только на здоровье населенія, но и на % смертности.

Лучшимъ доказательствомъ можетъ служить статистика нѣкоторыхъ англійскихъ городовъ. Съ проведеніемъ въ нихъ канализаціи и устройствомъ хорошихъ водопроводовъ, смертность отъ чахотки во многихъ изъ нихъ за послѣднее десятилѣтіе упала на 20%, а въ нѣкоторыхъ—даже на 50%. Необходимо улучшить санитарное состояніе нашихъ городовъ; потребность въ этомъ признается всѣми врачами, всѣми интеллигентными людьми нашихъ городовъ, гдѣ смертность такъ значительно превосходитъ смертность европейскихъ городовъ. Необходимо, чтобы сознаніе этой потребности проникало въ массы, чтобы давленіе общественнаго мнѣнія побудило наши городскія самоуправленія выдвинуть эти вопросы на первый планъ и привести скорѣе къ рѣшенію.

Но у насъ есть другой, еще болѣе страшный и опасный бичъ народнаго здоровья,—это сифилисъ. Онъ несравненно страшнѣе, чѣмъ тифъ, холера и дифтеритъ, вмѣстѣ взятые. Онъ разстраиваетъ питаніе, подрываетъ силы пораженнаго организма, губитъ нарождающіяся поколѣнія. Ослабленіе, вымираніе, вырожденіе населенія подъ вліяніемъ сифилиса не подлежитъ никакому сомнѣнію. Сифилисъ—несомнѣнно, одно изъ величайшихъ соціальныхъ бѣдствій и, какъ

Digitized by Google

у всякаго соціальнаго явленія, его значеніе, главнымъ образомъ, опредѣляется цыфрами: «Zahlen zeigen wie die Welt sich regiert». (Goëte).

Какъ велико распространеніе сифилиса въ Россіи? Чтобы дать категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ, необходимо было бы располагать точными статистическими данными, которыя показали бы % отношенія сифилитиковъ къ населенію; къ сожалѣнію, такихъ абсолютныхъ статистическихъ данныхъ не имѣется. Опредѣленіе точной цифры сифилитиковъ и венериковъ среди народонаселенія въ Россіи представляетъ собою неразрѣшимую въ настоящее время задачу. Врачи изучаютъ и регистрируютъ сифилисъ на амбулаторномъ матеріалѣ, а не на поголовномъ осмотрѣ населенія. Поэтому, ни одно врачебное учрежденіе, какъ бы оно ни было идеально организовано, не располагаетъ точными цифрами сифилитиковъ даннаго района. Только поголовный осмотръ, произведенный въ болѣе или менѣе короткое время, могъ бы представить болѣе точныя и положительныя данныя, но само собою понятно, что о поголовномъ осмотрѣ всего населенія можно высказывать только благія пожеланія. Приблизительное рѣшеніе задачи производится по тому minimum'у сифилитиковъ, который попадаетъ подъ наблюденіе медицинскаго персонала.

Изъ ежегодныхъ «Отчетовъ медицинскаго департамента» видно, что въ Россіи имѣется сифилитиковъ:

Годы:	Всего сифилитиковъ.	% ко всѣмъ больнымъ.	Всего венериковъ.
1856	24,109	8,7%	—
1876	49,741	11,28	129,738
1877	60,111	13, 7	145,398
1878	70,568	—	146,952
1879	71,768	14, 2	169.917
1880	83,957	14, 8	179,919

Слѣдовательно, возрастаніе числа сифилитиковъ съ 1876 г. идетъ въ слѣдующей прогрессіи: 100: 126: 148: 150: 176. Количество народонаселенія и число больныхъ вообще, за это время, возрастаетъ не пропорціонально увеличенію сифилитиковъ и венериковъ. По тѣмъ же «Отчетамъ», за время 1889—1894 г., зарегистровано сифилитиковъ 4.383,935, изъ которыхъ 541,087 пользовались въ больницахъ; и 1.215,438 венериковъ, изъ которыхъ 284,714 пользовались въ больницахъ.

Если мы возьмемъ за 6 лѣтъ среднюю цифру сифилитиковъ и венериковъ, то увидимъ, что, по офиціальнымъ даннымъ, въ настоящее время въ Россіи зарегистровано: сифилитиковъ—733,988 и венериковъ—202,573.

Но не надо забывать, что эти величины далеко ниже дѣйствительности, такъ какъ представляютъ изъ себя тотъ minimum сифилитиковъ и венериковъ, который зарегистрированъ амбулаторнымъ путемъ.

Внѣ-больничныя данныя о распространеніи сифилиса,—еслибы можно было только ихъ собрать,—представили бы грандіознѣйшую

Digitized by Google

цифру. Вѣдь нашъ крестьянинъ до сихъ поръ еще съ неохотою идетъ въ больницу, а если ужь и рѣшается поступить туда, то только тогда, когда болѣзнь сильно захватила его или уже онъ дома не работникъ. Экономическія и хозяйственныя соображенія въ дѣлѣ лѣченія нашего крестьянина играютъ громадную роль. Пока онъ чувствуетъ себя бодрымъ и крѣпкимъ, пока можетъ работать,—а сифилисъ и принадлежитъ къ числу такихъ медленныхъ, продолжительныхъ болѣзней,—онъ не пойдетъ въ больницу. Да, наконецъ, еслибы онъ и вздумалъ обратиться къ помощи врача, то къ послѣднему вѣдь трудно добраться: врачи въ нашихъ селахъ и деревняхъ — еще большой «раритетъ»! Вотъ почему, не смотря на то, что по закону сифилитики должны пользоваться безплатнымъ лѣченіемъ въ больницахъ, крестьяне-сифилитики обращаются за помощью только въ такомъ періодѣ болѣзни, когда больной настолько уже ослабъ, что не можетъ работать.

На II-омъ пироговскомъ съѣздѣ врачей въ Москвѣ проф. Поспѣловъ высказалъ мысль, что «практика земскихъ врачей показала, что *статистика сифилитиковъ можетъ быть достигнута лишь введеніемъ поименныхъ списковъ*; такая статистика, конечно, можетъ быть примѣнима въ сельскомъ осѣдломъ населеніи, при его подраздѣленіи на участки; но она, по понятной причинѣ, едва ли можетъ быть осуществима въ городахъ». Нельзя не согласиться съ докторомъ Фриновскимъ, который говоритъ, что «количество сифилитиковъ, приходящихъ къ врачу за помощью, далеко не есть показатель истинной заболѣваемости сифилисомъ, а служитъ только показателемъ сифилитиковъ, имѣющихъ потребность въ лѣченіи».

Женщина-врачъ Д. Сандбергъ, работая нѣсколько мѣсяцевъ въ козловскомъ уѣздѣ тамбовской губерніи, нашла, что «отъ сифилиса лѣчилось 523 человѣка, или 20,6% всѣхъ больныхъ»; притомъ, однако, она утверждаетъ о «*почти полной сифилизаціи населенія, особенно въ нѣкоторыхъ деревняхъ*». Она говоритъ, что выраженіе: «сифилитики составляютъ 20,6% всѣхъ приходящихъ больныхъ», надо понимать не такъ, что въ этой мѣстности изъ 100 человѣкъ 20 страдаетъ сифилисомъ, а остальные 80 свободны отъ этой болѣзни, но такъ, что изъ 100 человѣкъ крестьянъ, которые настолько больны, что прибѣгаютъ къ врачебной помощи, для 20 понудительнымъ поводомъ бываетъ разъѣдающій ихъ сифилисъ, а у 80 остальныхъ, тоже,—можетъ быть, сифилитиковъ,—въ данное время на первомъ планѣ стоитъ какая нибудь другая болѣзнь, заслоняя сифилитическое страданіе, къ которому больной, за давностью лѣтъ, уже почти успѣлъ привыкнуть».

Нѣтъ сомнѣнія, что опредѣлить вполнѣ точно % сифилитиковъ на основаніи матеріала зарегистрованныхъ больныхъ, невозможно, и что выше и ниже приведенныя цифры даютъ только понятіе о minimum'ѣ распространенія зла.

Процентъ сифилитиковъ въ деревнѣ громадный, и онъ съ каждымъ годомъ все увеличивается. По официальнымъ даннымъ, въ 1866 г. сифилитики составляли 8,7 проц. всѣхъ больныхъ, лѣчившихся въ больницахъ, въ 1876 г. ихъ оказывается уже 11,28 проц., въ 1887 г.—13,7 проц., въ 1889 г.—14,2 проц. и 1890 г.—

Digitized by Google

14,8 проц. Но сифилитики-крестьяне неохотно идутъ въ больницы, а лѣчатся домашними средствами, такъ что нужно думать, что число сифилитиковъ значительно выше, чѣмъ ихъ зарегистровано. Это подтверждаютъ земскіе врачи, близко стоящіе къ деревнѣ. Д-ръ Подолинскій—въ своей брошюрѣ: «Здоровье крестьянъ на Украйнѣ»—говоритъ: «Во всѣхъ частяхъ Украйны, гдѣ мнѣ случалось быть, т. е. въ губерніяхъ кіевской, херсонской, волынской, полтавской и харьковской, я,—частью на основаніи собственныхъ наблюденій, частью же по разспросамъ земскихъ врачей и другихъ лицъ, — пришелъ къ заключенію, что вездѣ число больныхъ сифилисомъ не менѣе 10—15 проц. всего населенія, а большею частью колеблется *между 20 и 30 проц.*»...

...«Въ нашемъ селѣ (Ярославка, Чигиринскаго уѣзда), изъ котораго, со времени введенія всеобщей воинской повинности, идутъ вынимать жребій ежегодно отъ 6 до 9 человѣкъ, всегда оказывается одинъ, а чаще двое негодныхъ, вслѣдствіе сифилиса. А наше село еще не изъ самыхъ зараженныхъ». По свѣдѣніямъ д-ра Романова, въ кузнецкомъ уѣздѣ (пензенской губ.) обратилось съ этой страшной болѣзнью за медицинскимъ пособіемъ 2,629 человѣкъ, что составляетъ почти 2 проц. всего населенія. Въ 1886 г. сифилитиковъ было изъ числа всѣхъ больныхъ: въ балашевскомъ уѣздѣ—8 проц., днѣпровскомъ—10 проц., усманскомъ—9 проц., борисоглѣбскомъ—25 проц., кирсановскомъ—8 проц., въ бугурусланскомъ (самарской губ.)—30 проц., въ ливенскомъ (орловской губ.) во многихъ селеніяхъ этого уѣзда сифилисъ распространенъ почти поголовно. Но цифры эти далеко ниже дѣйствительности: громадный процентъ сифилитиковъ, какъ сказано, еще не зарегистрованъ.

Сифилисъ недаромъ названъ врачами «бытовою русскою болѣзнью». Всего ужаснѣе, что онъ распространяется въ селахъ *почти исключительно путемъ зараженія, вслѣдствіе совмѣстнаго сожительства*, и рѣже всего—путемъ половыхъ сношеній. Способы зараженія крайне разнообразны: совмѣстная ѣда изъ одной чашки, питье воды изъ одного ковша, спанье въ повалку и пр.

Замѣчательно, что смертность и заболѣваемость проявляются съ поражающею правильностью,—при равенствѣ, конечно, производящихъ условій,—съ замѣчательнымъ однообразіемъ, такъ что для статистики,—которая въ подобныхъ случаяхъ является лучшимъ показателемъ того, насколько извѣстное общество приняло тѣ или другія мѣры для поддержанія своего здоровья, — положительно не составляетъ никакого труда опредѣлить, а то даже съ бо́льшею или меньшею вѣроятностью предсказать (зная санитарное состояніе даннаго общества) количество заболѣваній и смертныхъ случаевъ за извѣстный періодъ времени. Статистикъ, имѣя въ своемъ распоряженіи множество данныхъ о смертности и заболѣваемости за цѣлый рядъ лѣтъ, можетъ предсказать съ извѣстною вѣроятностью, какое число умершихъ и какое количество заболѣваній можетъ быть за ближайшій годъ, если, конечно, въ условіяхъ, производящихъ смертность и заболѣваніе, не произойдетъ какихъ либо рѣзкихъ колебаній въ ту или другую сторону.

Digitized by Google

Подобная возможность предсказанія есть лучшее доказательство того, что явленія смертности и заболѣваемости находятся въ извѣстной зависимости отъ опредѣленныхъ причинъ, дѣйствующихъ съ извѣстною точностью и правильностью.

III.

Болѣзненность и смертность нашего крестьянина находится въ прямой зависимости отъ всей совокупности условій существованія народа. Здѣсь все вліяетъ: мѣстность, на которой стоитъ деревня; характеръ и размѣръ жилищъ, въ которыхъ живутъ крестьяне; пища, которою они питаются; общее экономическое состояніе и проч. Сюда присоединяются и крайне неудовлетворительныя условія труда, вѣковыя привычки населенія, вредящія здоровью, низкое культурное состояніе, отсутствіе у населенія какихъ либо свѣдѣній гигіеническаго и медицинскаго характера. Въ силу всѣхъ этихъ причинъ, наши крестьяне мрутъ, какъ мухи, и вполнѣ здоровый человѣкъ въ деревнѣ составляетъ уже рѣдкость.

Всѣ эти причины, порождающія смертность и болѣзненность нашего крестьянина, не только не ослабѣваютъ, но, наоборотъ, годъ отъ году все болѣе и болѣе увеличиваются, потому что экономическія условія народной жизни постоянно ухудшаются. Чтобы ослабить дѣйствіе вышеприведенныхъ причинъ, нужно передѣлать всю жизнь народа, совершенно измѣнивъ его экономическое и бытовое положеніе.

Если же мы обратимся къ смертности дѣтей въ разныхъ странахъ, то опять увидимъ, что и здѣсь Россіи принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Я приведу нѣсколько цифровыхъ данныхъ о смертности дѣтей на 1-мъ году жизни въ разныхъ странахъ (по Майеру), выведенныхъ имъ за 18 лѣтъ. На 100 родившихся дѣтей на первомъ году жизни умираетъ:

въ Норвегіи	10,4	въ Швеціи	13,5
» Шотландіи	11,9	» Даніи	13,6
» Голштиніи	12,4	» Англіи	15,4
» Бельгіи	15.5	» Австріи	25,1
» Франціи	17,3	» Саксоніи	26,3
» Испаніи	18,6	» Россіи	32,6
» Нидерландіи	19,6	» Баваріи	30,7
» Пруссіи	20,4	» Вюртембергѣ	35,4
» Италіи	28,8		[1])

Разсматривая эту таблицу, мы замѣчаемъ, что самая меньшая смертность дѣтей представляется въ Норвегіи, гдѣ она равняется только 10,4 %, а самая большая—въ Вюртембергѣ, гдѣ она равна

[1]) Въ русскихъ воспитательныхъ домахъ съ ихъ округами умираетъ на 1-мъ году жизни *до 90* %. Недаромъ и въ народѣ составилось о воспитательныхъ домахъ печальное убѣжденіе: «Отдать туда ребенка—значитъ отправить его за полученіемъ паспорта на тотъ свѣтъ». Ясно, что никакая война, никакая эпидемія холеры и чумы не обусловливаютъ подобной смертности.

Digitized by Google

уже 35,4 %. Гдѣ же причина такой большой разницы въ смертности дѣтей разныхъ странъ? Часто относятъ къ причинамъ смертности вліяніе климата, почвы и географическаго положенія страны. Однако, только что приведенныя цифры не поттверждаютъ этого предположенія. Въ самомъ дѣлѣ, климатъ Италіи считается самымъ благодатнымъ въ сравненіи съ другими странами Европы; климатъ же Норвегіи, наоборотъ, считается болѣе суровымъ. Между тѣмъ, если мы сравнимъ цифры смертности въ обоихъ этихъ государствахъ (въ Норвегіи—10,4 % и въ Италіи—22,8 %), то оказывается, что смертность въ Италіи вдвое больше, чѣмъ въ Норвегіи. Слѣдовательно, помимо климатическихъ, существуютъ какія-то другія условія, вліяющія на смертность дѣтей. На высокія цифры смертности дѣтей, особенно на первомъ году жизни,—говоритъ проф. Эрисманъ,—нельзя смотрѣть, какъ на проявленіе какого либо закона природы. Факты показываютъ, что подъемомъ культуры народа, его благосостоянія, тѣми или другими санитарно-административными и санитарно-общественными мѣропріятіями можно рѣзко уменьшить размѣры зла». Д-ръ Гуго Бернгеймъ говоритъ, что бо́льшая или меньшая смертность дѣтей на первомъ году жизни вытекаетъ изъ цѣлаго рода соціальныхъ, экономическихъ и культурныхъ условій, подлежащихъ, безъ сомнѣнія, измѣненію и улучшенію. Дѣтскій возрастъ представляетъ собой нѣжнѣйшій возрастъ человѣческой жизни. Онъ оказываетъ самое слабое сопротивленіе внѣшнимъ вліяніямъ. Если въ странѣ происходятъ какія либо гигіеническія улучшенія, то понижается прежде всего смертность между дѣтьми. Какъ только условія страны становятся хуже, вслѣдствіе войнъ, неурожаевъ и другихъ бѣдствій, то это прежде всего сказывается на повышеніи смертности: Дѣтская смертность, съ этой точки зрѣнія, служитъ барометромъ,—если можно такъ выразиться,—благосостоянія страны.

Конечно, многія дѣти уже съ самыхъ первыхъ дней носятъ въ себѣ зародышъ смерти, унаслѣдованный ими отъ своихъ родителей, и въ первые же дни погибаютъ жертвой врожденной жизненной слабости. Такихъ причинъ мы, конечно, не въ состояніи уничтожить.

Мы привыкли обвинять деревню въ косности, неряшливости, въ нежеланіи имѣть чистоту въ одеждѣ и въ своемъ домѣ. Но если хорошенько присмотрѣться къ условіямъ деревенской жизни, то трудно обвинять русскаго крестьянина за ту грязь, среди которой онъ живетъ и за ту халатность, съ которой, будто бы, онъ относится къ своему здоровью и къ здоровью своихъ дѣтей. Антигигіеническія условія народнаго существованія сильнѣе всего отражаются на подростающемъ молодомъ поколѣніи. Деревенскія дѣти—это самыя несчастныя дѣти. Крестьянское дитя, съ самаго появленія своего на свѣтъ божій, претерпѣваетъ всевозможныя бѣдствія и лишенія. Уже съ самыхъ пеленокъ, оно живетъ одною общею жизнью съ матерью, съ отцомъ, со старшимъ братомъ, со взрослою сестрою. Съ ними вмѣстѣ—оно и въ полѣ, и въ лѣсу; съ ними оно и питается одною и тою же грубою, малопитательною пищею. Зимою оно ползаетъ въ душной, грязной избѣ, гдѣ товарищами его

Digitized by Google

бываютъ нерѣдко ягнята, телята и поросята; лѣтомъ оно, вмѣстѣ съ родителями, находится на стадѣ и терпѣливо переноситъ и жаръ, и укусы комаровъ, и плохое питаніе.

Нашъ народъ, повидимому, совершенно безучастенъ къ судьбѣ своихъ дѣтей. Но это—только повидимому; на самомъ же дѣлѣ онъ заботится (насколько умѣетъ и можетъ) объ участи и здоровьѣ молодаго поколѣнія. Онъ любитъ и цѣнитъ своихъ дѣтей, потому что хорошо понимаетъ, что сила его—въ дѣтяхъ. Чѣмъ больше у него дѣтей мужскаго пола, тѣмъ онъ сильнѣе, тѣмъ устойчивѣе въ своей тяжелой борьбѣ за существованіе. Однимъ словомъ, для крестьянина ребенокъ—не лишняя обуза, а скорѣе радость, утѣшеніе.

Забота о ребенкѣ проявляется съ самаго момента появленія дитяти на свѣтъ. Отецъ и мать стараются, при первомъ же крикѣ ребенка, рѣшить очень трудный вопросъ: будетъ жить ребенокъ или умретъ? Вмѣстѣ съ тѣмъ, уже при крещеніи, они стараются предугадать его судьбу: долго ли, счастливо или несчастливо онъ будетъ жить на свѣтѣ? Все это—такіе вопросы, которые сильно интересуютъ воображеніе родителей. Эти вопросы разрѣшаются очень просто: воспріемникъ бросаетъ воскъ съ закатанными въ него волосами младенца въ купель: потонетъ воскъ—ребенокъ умретъ, нѣтъ—будетъ жить. Плачетъ ребенокъ при крещеніи—значитъ, будетъ жить, покоенъ—умретъ. Нельзя сказать, чтобы отецъ и мать не принимали всѣхъ мѣръ къ тому, чтобы ребенокъ остался живъ. Насколько дѣйствительны эти мѣры и насколько онѣ удовлетворяютъ требованіямъ гигіены и медицины—это другой вопросъ. Но что эти мѣры существуютъ и что въ интересахъ здоровья ребенка предпринимаютъ кое-что—этого никто не можетъ оспаривать. У народа есть желаніе имѣть дѣтей здоровыхъ и крѣпкихъ, есть стремленіе воспитать ихъ. А если мѣры, принимаемыя имъ къ охраненію своихъ дѣтей, и не согласуются съ требованіями медицинской науки, то въ этомъ не его вина. Народъ выработалъ свою діэтетику, свою профилактику, и онъ вырабатывалъ ее въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, и слагалась она подъ вліяніемъ обычаевъ, привычекъ и предразсудковъ... Медицина у нашего народа крайне проста. У него, съ древнѣйшихъ временъ, были свои лѣкаря, знанія которыхъ передавались устно и преемственно, и дѣятельность ихъ была совершенно безконтрольна. Сущность ея—господствующія теоріи и главные методы—остались никому неизвѣстными. Современная медицина, стремящаяся дедуктивнымъ путемъ находить средства отъ различныхъ болѣзней, напрасно забываетъ, что ртуть, опій, ревень, іодъ, хина, многія кислоты и щелочи—почти всѣ могущественнѣйшія средства борьбы ея съ болѣзнію—получены ею въ наслѣдство отъ знахарей, отъ медицины эмпирической, индуктивной. Она презираетъ эту послѣднюю за отсутствіе раціональныхъ гипотезъ, забывая, что, можетъ быть, и ея собственныя гипотезы, лѣтъ черезъ 100, будутъ казаться смѣшными.

Народно-врачебныя средства принадлежатъ къ растительному царству, ибо русскій народъ любитъ лѣчиться отъ всякаго недуга травами и корешками. Простолюдинъ сильно вѣритъ, что отъ каждой болѣзни въ лѣсу растетъ своя трава. Г. Даниловскій (т. IV стр.

Digitized by Google

371) передаетъ въ стихахъ украинскую сказку про крымскаго плѣнника, казака Вакулу, который понималъ разговоры травъ:

... «Кануперъ говоритъ: я отъ запоя; Полынь кричитъ: а я отъ лихорадки. Любистокъ увѣряетъ, что ему извѣстны тайны дѣвичьихъ сердецъ; Переступень кричитъ: я отъ надрыва; Бодякъ отъ ранъ, Исопъ—отъ зуда въ горлѣ; Сорочье мыло—отъ морщинъ и веснушекъ»! Съ грустью нужно поставить на видъ, что въ простонародномъ лѣченіи и воспитаніи дѣтей преобладаютъ элементы невѣжества и суевѣрія. Ни въ какой области народныя суевѣрія не проявляются съ такою силою, какъ въ дѣлѣ воспитанія и лѣченія дѣтей. Уже съ колыбели, при первомъ проявленіи сознанія, ребенка застращиваютъ безобразными предметами и наполняютъ его душу страхомъ передъ выдуманными людьми и животными. По мнѣнію народа, дѣтскій міръ особенно подверженъ вредному вліянію «дурнаго глаза», «порчи», и пр. Взглядъ народа на воспитаніе дѣтей, на ихъ здоровье, не только не согласуется съ требованіями науки, но чаще всего прямо идетъ въ разрѣзъ съ ними. Уходъ за дѣтьми сопровождается многочисленными обрядами, суевѣріями и предразсудками. Вся жизнь ребенка, каждый шагъ его строго подчинены извѣстному режиму, извѣстнымъ обычаямъ, освященнымъ вѣками и одобреннымъ дѣдами. Уклоняться отъ освященной вѣками рутины считается чуть ли не преступленіемъ. Если мы только попристальнѣе присмотримся къ жизни ребенка, съ момента появленія его на свѣтъ божій,—то мы должны удивляться не тому, что бо́льшая половина дѣтей умираетъ въ первые годы жизни, а тому, что, хотя и незначительная доля, остается еще въ живыхъ.

Весьма интересно прослѣдить жизнь крестьянскаго ребенка и всѣ тѣ мытарства, которыя продѣлываются надъ нимъ не для издѣвательства, а изъ любви къ нему... въ интересахъ его здоровья. Родившагося ребенка и мать-родильницу повитуха и сосѣдка тащутъ въ баню и усердно парятъ ихъ обоихъ въ страшной жарѣ. Малютка «ошпаривается» въ банѣ огромнымъ вѣникомъ, а повитуха въ это время приговариваетъ:

«Не я тебя па́рю
Не я тебя правлю—
Правитъ бабка Саломія
И здравье подаетъ».

А иногда бываетъ и такъ: повитухѣ или какой либо сосѣдкѣ показалось, что новорожденное дитя слишкомъ слабо. Нужно горю помочь, ибо слабое дитя у крестьянина—бѣда, и она долго не задумывается надъ этимъ вопросомъ. Нужно «перепечь» ребенка—и его «перепекаютъ». Процессъ «перепеченья» производится очень просто: натопивъ печь и давъ сойти жару, повитуха кидаетъ ребенка на лопату и всовываетъ его на нѣсколько секундъ въ печь. По мнѣнію народа, этотъ процессъ необходимъ, ибо отъ него дѣти лучше растутъ, скорѣе крѣпнутъ и покойнѣе спятъ. Въ своей заботливости о ребенкѣ народъ не ограничивается заботою только объ его здоровьѣ, но идетъ далѣе, т. е. стремится дать новорожденному и красивыя формы... Онъ вѣритъ, что дѣти рождаются несовсѣмъ въ порядкѣ, поэтому ихъ надо «додѣлать», «расправить». Эта вар-

Digitized by Google

варская, внушающая ужасъ, операція производится слѣдующимъ образомъ: принесши ребенка въ жарко натопленную баню, повитуха, намазавъ предварительно его тѣло солью, начинаетъ парить ребенка и растирать его вѣникомъ, причемъ старается придать «правильную» форму носику, вытягиваетъ его ножки и ручки. По ея мнѣнію, даже внутренности дитяти находятся не въ надлежащемъ порядкѣ, — поэтому она беретъ малютку за обѣ ножки и трясетъ его головою внизъ.

Съ трудомъ вѣрится, что подобная варварская операція — «додѣлыванья», «расправленія», «перепеченія» и пр., можетъ безнаказанно продѣлываться наканунѣ XX столѣтія! Но это грустное явленіе—не единичное, не мѣстное, а всероссійское. Оно наблюдается подъ всѣми широтами и долготами безпредѣльнаго русскаго государства. Деревня къ этому привыкла, а городъ мало знаетъ объ этихъ деревенскихъ дѣлахъ, а если и знаетъ, то, по шаблону, винитъ мужика за его грубость и варварство, и на этомъ успокоивается.

Уходъ за ребенкомъ—самый простой и несложный. Жизнь новорожденнаго протекаетъ среди нечистоты, голода и холода,—среди той обстановки, въ которой живутъ и взрослые. Мать, не имѣя достаточно времени, поручаетъ ребенка дѣвочкѣ 10—12 лѣтъ. Къ кормленію грудью всегда присоединяется искусственное — рожкомъ, причемъ нянька набираетъ молоко въ ротъ для согрѣванія. Малюткамъ даютъ въ ротъ хлѣбъ, разжеванный или матерью, или нянькой. Если у матери нѣтъ молока, то ребенокъ кормится рожкомъ или соской. Въ этомъ случаѣ суррогатомъ материнскаго молока является коровье молоко съ медомъ и съ масломъ, жвачка изъ ржанаго хлѣба или булки съ сахаромъ. На чистоту рожка мало обращаютъ вниманія—поэтому онъ часто бываетъ нечистъ, съ кислотою и съ гнилью.

Другія условія дѣтской жизни не лучше. Состояніе кожи, одежды, пользованіе воздухомъ, окружающая ребенка обстановка — все это какъ бы нарочно создано во вредъ дѣтямъ. Зимою ребенокъ сидитъ въ четырехъ стѣнахъ, запертый въ хатѣ съ душной атмосферой. Онъ ходитъ босикомъ по дырявому полу, возится вмѣстѣ съ поросенкомъ, съ теленкомъ, которыхъ сердобольная мать принесла въ избу, чтобы они не замерзли на дворѣ. Лѣтомъ ребенокъ несетъ всѣ тяготы деревенской страды. Онъ не доѣдаетъ въ это время и не досыпаетъ, вѣчно томится то отъ жары, то отъ холода. Желудокъ и кишки его обременяются массой непереваренной пищи. Однимъ словомъ, деревенскій ребенокъ лишенъ разумнаго ухода, и на его долю выпадаютъ голодъ и холодъ. Болѣе половины дѣтей сходитъ преждевременно въ могилу по причинѣ плохаго ухода и дурной пищи, такъ что самое счастливое время для ребенка,—это когда онъ находится въ утробѣ матери... Лишь счастливыя, здоровыя натуры не погибаютъ. Но даже и тогда, когда ребенокъ находится въ утробѣ матери, его все таки нельзя назвать счастливымъ. Всѣ тѣ насилія, которыя претерпѣваетъ его мать [1]) во время

[1]) Эту крестьянскую мать Некрасовъ охарактеризовалъ трогательными стихами:

«Многострадальнаго русскаго племени
Всевыносящая мать».

Digitized by Google

и до родовъ,—всѣ тѣ подвѣшиванія, встряхиванія, перетягиванія, конечно, не остаются безъ вреднаго вліянія на ребенка. По словамъ д-ра Покровскаго, «повитухи не любятъ полагаться на силы природы, а всячески стараются ускорить даже самые правильные роды: онѣ мнутъ руками животъ роженицы, встряхиваютъ ее, подвѣшиваютъ подъ мышки къ потолку и даже ставятъ къ верху ногами... Если дитя рождается слабымъ, съ малою жизнеспособностью, то бабки ударяютъ его по ягодицамъ, растираютъ тѣло, дуютъ въ уши, темя, ротъ, носъ, но не заботятся очистить дыхательные пути отъ слизи». Крестьянскіе роды нерѣдко происходятъ во время «страды», на полѣ, гдѣ о какой либо помощи не можетъ быть и рѣчи. Во время же родовъ, при обычной обстановкѣ, всѣ насилія и безобразія, продѣлываемыя повитухами надъ матерью, въ большей или меньшей степени отражаются и на новорожденномъ. И если онъ, благодаря «счастливой натурѣ» все таки остался цѣлъ и невредимъ, то впереди его ждетъ еще длинный рядъ мытарствъ.

Неряшливость, въ которой содержатъ дѣтей, просто невыразима: купаютъ ихъ очень рѣдко, почему на деревенскихъ дѣтяхъ всегда найдешь множество всевозможныхъ сыпей экземическаго характера. Среди простонародья заразныя болѣзни—корь, скарлатина, дифтеритъ—почти не выводятся, да притомъ же простолюдинъ не понимаетъ заразы и не вѣритъ въ нее. По отзыву врачей и фельдшеровъ, простонародье приноситъ дѣтей въ больницу всегда въ грязномъ видѣ, а на вопросъ! «Что съ ребенкомъ»? отвѣчаетъ: «А Господь его знаетъ! «Дастъ Богъ поправится, а не дастъ—помретъ». Какою тяжелою грустью и невыразимою безысходностью звучитъ послѣдняя фраза!..

Сравнительно бо́льшая смертность дѣтей въ Россіи, нежели въ другихъ странахъ, объясняется различными причинами, — главнымъ же образомъ соціально-экономическими. Я приведу выдержку изъ описанія извѣстнаго санитара, д-ра Пескова,—описанія относящагося къ Дурыкинской волости московской губ., которая можетъ служить прекрасной характеристикой положенія грудныхъ дѣтей и понятія о гигіенѣ взрослыхъ, ухаживающихъ за дѣтьми. «Въ Дурыкинской волости, какъ кажется и всюду въ Россіи,—говоритъ авторъ,—существуетъ обычай кормленія дѣтей грудью въ продолженіе только трехъ постовъ, по истеченіи которыхъ дитя переходитъ сразу на ту же пищу, что́ и взрослые, и нерѣдко принуждается со всею нелѣпою строгостью къ соблюденію постовъ, вслѣдствіе чего довольно часто встрѣчается, что дитя, которому не минуло еще года, уже лишается во время постовъ молока и яицъ, и ѣстъ вмѣсто того какую нибудь рѣдьку съ прокислымъ квасомъ или испортившуюся селедку, или одинъ только картофель и пустыя щи. Естественно у ребенка является поносъ, а разъ это произошло, крестьянскому ребенку трудно избавиться отъ этого страданія. Положеніе дѣтей, которыя кормятся грудью, еще хуже. Родители, считая грудное молоко недостаточно питательнымъ веществомъ, уже по истеченіи перваго мѣсяца, а иногда и съ самаго начала, вмѣстѣ съ грудью кормятъ дѣтей манной или гречневой кашей, хлѣбомъ и т. п. Почти до 5 мѣсяцевъ, ротъ дитяти симымъ старательнымъ образомъ за-

Digitized by Google

тыкаютъ чѣмъ нибудь и,—что всего ужаснѣе, — чаще всего общеизвѣстной мертвечиной, состоящей изъ коровьяго рога, съ мертвымъ, придѣланнымъ къ нему соскомъ». Д-ръ Песковъ, въ дѣлѣ большой смертности дѣтей на первомъ году жизни, не только въ Дурыкинской волости, но и во всей Россіи, придаетъ особенное значеніе невѣжеству населенія.

Смертность дѣтей всегда служитъ яснымъ указаніемъ на ту экономическую и культурную обстановку, среди которой живетъ нашъ крестьянинъ. Въ «Отчетѣ медицинскаго департамента за 1892 годъ» есть данныя о рождаемости и смертности русскаго народа за пятилѣтіе—съ 1888 по 1892 г.

Годы:	Родилось.	Умерло.	Приростъ населенія.
Въ 1888	47'6	31,0	16,0
» 1889	46,7	32,7	14,0
» 1890	46,1	33,5	12,6
» 1891	47,2	33,0	14,2
» 1892	43,2	38,2	5,0

Россія съ ея громадною рождаемостью, по приросту населенія, занимаетъ, однако, самое послѣднее мѣсто, за исключеніемъ Ирландіи и Франціи. По Янсону, смертность русскихъ дѣтей, въ первые годы ихъ жизни, превышаетъ европейскую смертность на 50 процентовъ.

IV.

Есть у насъ еще злой бичъ, выхватывающій тысячи человѣческихъ жертвъ—это оспа. На борьбу съ этимъ страшнымъ зломъ мы слишкомъ мало обращаемъ вниманія. Изъ сравненія чиселъ родившихся дѣтей съ числами привитыхъ видно, что у насъ въ имперіи почти половина родившихся младенцевъ остается безъ оспопрививанія, слѣдовательно, не защищена отъ заболѣванія этимъ ужаснымъ недугомъ. Такъ напр.:

Годы:	Родилось.	Привита оспа.	Процентъ.
Въ 1888	5.116,996	2.982,886	58, 2%
» 1889	5.128,841	3.126.926	61 %

Изъ этихъ данныхъ видно, что болѣе 2.000,000 новорожденныхъ остается безъ привитія оспы. Поэтому не удивительно, что оспа среди русскаго народа имѣетъ значительное распространеніе.

Изъ «Отчета медицинскаго департамента» видно, что во всей имперіи больныхъ оспою было:

въ 1888 г.	121,000.	Изъ нихъ умерло:	23,698
» 1889 »	95,365.	» » »	17,993

Очевидно, эти цифры далеко еще не выражаютъ всего числа оспенныхъ больныхъ и всего числа смертей. Приведенныя цифры несравненно ниже дѣйствительности. Въ Россіи еще столько имѣется глухихъ мѣстъ, гдѣ заболѣваютъ сотнями и тысячами отъ оспы, но откуда свѣдѣнія не доходятъ до насъ! Крайне интересно было бы

Digitized by Google

знать, какой % совершенно ослѣпленныхъ, но оставшихся въ живыхъ, дала оспа.

Мало-по-малу оспопрививаніе дѣлаетъ у насъ быстрые шаги, и распространяется во всѣхъ классахъ населенія. По отчету медицинскаго департамента за 1891 г., въ Россіи, съ 1887 по 1890 г., предохранительная вакцина была прививаема ежегодно среднимъ числомъ 3.054,906 лицамъ, а въ 1891 г. привито 3.839,444 человѣка.

Но въ дѣлѣ приготовленія прививательнаго матеріала, котораго у насъ требуется громадная масса, господствуетъ у насъ полнѣйшій хаосъ, въ которомъ не легко разобраться. Безъ всякаго испытанія въ надлежащей подготовкѣ, каждый имѣетъ право прививать, снимать и заготовлять прививной матеріалъ по своему разумѣнію. Поэтому прививной матеріалъ безъ всякаго врачебнаго контроля заготовляется лицами не только не получившими надлежащаго медицинскаго образованія, но въ большинствѣ прямо неграмотными. Цирюльники, оспенники, знахари, деревенскія бабы, наконецъ, множество разнаго рода любителей дешевой филантропіи,—всѣ эти лица обучились техникѣ оспопрививанія въ нѣсколько пріемовъ; они видѣли, такъ сказать, только актъ оспопрививанія, но не имѣютъ никакого понятія о медицинѣ и, конечно, не могутъ распознать, отличить здороваго ребенка отъ ребенка, страдающаго сифилисомъ, наслѣдственнымъ или благопріобрѣтеннымъ. Число оспопрививателей громадно: въ 1888 г. ихъ было 4,645 человѣкъ. Вся эта громадная армія *спеціалистовъ*-оспопрививателей получаетъ должное вознагражденіе или же преміи за каждый удачный случай привитія оспы. Размѣры денежнаго вознагражденія колеблются отъ 20 до 150 р. въ годъ, а преміи—отъ 10 до 30 коп. Слѣдовательно, такая важная и самая главная профилактическая мѣра противъ распространенія оспы, какъ оспопрививаніе,—мѣра предохраняющая не только отъ заболѣванія настоящей оспой отдѣльныхъ личностей, но и предотвращающая развитіе цѣлыхъ оспенный эпидемій, пожиравшихъ многія сотни тысячъ людей, обезображивавшихъ физіономіи и ослѣплявшихъ ихъ,—почти всецѣло находится въ рукахъ вполнѣ невѣжественныхъ людей.

Можно себѣ представить результаты прививокъ, произведенныхъ подобными спеціалистами! Подобные субъекты раннею весною добываютъ немного вакцины на разводку. О громадныхъ размѣрахъ всего количества приготовляемой у насъ гуманизированной вакцины можно составить себѣ понятіе по дѣятельности, напр., телятника при Императорскомъ Вольно-экономическомъ Обществѣ въ Петербургѣ. Одинъ этотъ телятникъ ежегодно разсылаетъ болѣе 10,000 баночекъ телячьяго оспеннаго детрита, почти исключительно для разводки частными вольно-практикующими оспопрививателями собственнаго прививнаго матеріала. Въ мартѣ или въ началѣ апрѣля, они прививаютъ полученную изъ телятника животную вакцину дѣтямъ бѣдняковъ, готовыхъ за нѣсколько копѣекъ или за рюмку водки позволить «снять вакцину» со своего ребенка. Нечего доказывать, что эти бѣдныя истощенныя дѣти большею частью одержимы наслѣдственнымъ худосочіемъ: сифилисомъ, золотухой, бугорчаткой. При появ-

Digitized by Google

ленiи оспеннаго зуда на мѣстахъ прививокъ, эти грязныя малютки расчесываютъ назрѣвающiе прыщи, вслѣдствiе чего ненадежный и безъ того вакцинный процессъ обыкновенно у нихъ осложняется еще воспалительными, рожистыми, а подчасъ и дифтеритическими заболѣванiями. Съ такихъ-то прыщей оспопрививатели снимаютъ вакцину, которую они заготовляютъ для прививки дѣтямъ болѣе богатыхъ родителей. Очевидно, эти спецiалисты не понимаютъ, да и не могутъ понять, что тѣ лица, которымъ они привьютъ, какъ бы съ профилактическою цѣлью, лимфу, снятую съ пустулъ натуральной человѣческой оспы, причемъ принимаютъ, по своему невѣжеству высыпь пустулезнаго сифилида также за оспенный выступъ,—что эти лица не только могутъ поплатиться своею собственною жизнью, но—что еще хуже—сами уже могутъ послужить источникомъ распространенiя настоящей человѣческой оспы, со всѣми ея пагубными послѣдствiями. Если такой оспопрививатель первоначально получаетъ даже очень хорошiй прививной матерiалъ, то, послѣ двухъ трехъ собственныхъ разводокъ при указанныхъ условiяхъ, вакцина у него совершенно вырождается и теряетъ всѣ свои доброкачественныя свойства. Но указанныя неблагопрiятныя условiя разводки вакцины являются далеко не единственными источниками ея загрязненiя и вырожденiя. При снимкѣ вакцины, оспопрививатели не только не обеззараживаютъ, но даже не обмываютъ себѣ рукъ, пользуются заржавленными нечистыми инструментами; лимфу собираютъ на загрязненныя стеклышки, разбавляя ее своей слюной, непрокипяченной водой или нечистымъ глицериномъ. «Мнѣ не разъ приходилось видѣть,—говоритъ д-ръ Петровъ,—какъ оспопрививатель вытиралъ окровавленный ланцетъ о свой грязный зипунъ и продолжалъ дѣло далѣе».

Для снисканiя себѣ славы выдающагося оспопрививателя, изобрѣтательные оспенники къ прививному матерiалу примѣшиваютъ разныя ѣдкiя вещества, какъ-то: растворъ рвотнаго камня, соки различныхъ растенiй, гной изъ прыщей больныхъ натуральной оспой. Особенно, по ихъ мнѣнiю, важна по своимъ послѣдствiямъ подмѣсь къ вакцинѣ гноя изъ прыщей больныхъ натуральной оспой Привитые такимъ матерiаломъ заболѣваютъ и натуральной оспой, и вакциннымъ процессомъ одновременно. Эта двойная болѣзнь большею частiю убиваетъ больныхъ.

Во всей Россiи насчитываютъ болѣе 20,000 необразованныхъ оспопрививателей, работа которыхъ убиваетъ въ народѣ всякую вѣру въ пользу оспопрививанiя, даже вселяетъ въ него страхъ къ этой санитарной мѣрѣ. Дѣти умираютъ отъ подобной вакцинацiи. Озлобленные жители ругаютъ оспопрививателей, не умѣя объяснить причинъ смертности своихъ дѣтей.

Источникомъ разводки прививного матерiала являются оспопрививательные телятники. Въ оспенныхъ телятникахъ разводятъ вакцину исключительно на телятахъ. Приготовленный детритъ разливаютъ въ баночки, закупориваютъ ихъ пробочками и заливаютъ парафиномъ, воскомъ или лакомъ. Вся эта довольно сложная работа должна требовать тщательной и неусыпной осторожности въ соблюденiи условiй асептики, ибо при малѣйшихъ погрѣшностяхъ

Digitized by Google

въ соблюденіи правилъ асептики, она неминуемо ведетъ къ загрязненію и порчѣ прививнаго матеріала вредными примѣсями. Приготовленіе доброкачественнаго прививнаго матеріала требуетъ не только усидчивости, постоянныхъ заботъ и большой преданности этому дѣлу, но и основательнаго теоретическаго и практическаго знакомства съ бактеріологіей и асептикой. Еще Дженнеръ, отецъ оспопрививанія, сознавалъ это хорошо, указывая, что оспопрививаніе—дѣло не столь легкое и простое, какимъ оно кажется многимъ, и что для успѣшнаго его выполненія необходимо съ нимъ хорошо познакомиться. «*Поверхностное знакомство съ этимъ дѣломъ*,—говоритъ этотъ благодѣтель человѣчества,—*недостаточно еще для того, чтобы врачъ могъ прививать оспу. Онъ долженъ изучить его основательно; и я считаю самымъ важнымъ условіемъ успѣха въ оспопрививаніи, чтобы прививающій врачъ былъ хорошо ознакомленъ съ правильнымъ теченіемъ настоящей коровьей оспы*».

Это было говорено въ 1796 году.

Правда, что оспенными телятниками у насъ завѣдуютъ врачи. Но на ихъ долю выпадаютъ только руководящая роль, а остальное принадлежитъ ихъ помощникамъ, чаще всего совершенно неопытнымъ и необразованнымъ.

Съ 70-хъ годовъ вопросъ объ оспопрививаніи сталъ возбуждать живое участіе въ обществѣ. Но, къ несчастію, до сихъ поръ у насъ заботы по этому дѣлу, главнымъ образомъ, сводятся къ увеличенію количества приготовляемаго прививнаго матеріала, но на существенную часть въ оспопрививаніи, а именно: на полную доброкачественность разводимой вакцины, на ея типъ и предохранительныя свойства и теперь очень мало обращается вниманія.

Въ Америкѣ существуетъ законъ, по которому «учитель, принявшій въ школу ученика или ученицу, не имѣющихъ свидѣтельства врача о привитіи оспы, штрафуется каждый разъ на сумму 10 долларовъ; разрѣшить противное или освободить его отъ штрафа не могутъ по закону ни школьные попечители, ни инспектора». Въ Россіи нѣтъ прямаго обязательнаго закона о ревакцинаціи, но отъ поступающихъ въ школы обязательно требуется свидѣтельство о привитіи оспы, а также ревакцинація производится большинству новобранцевъ. Такъ, въ 1893 г., вакцинировано новобранцевъ 97,722, изъ нихъ успѣшно — 61,392, ревакцинировано—195,791, изъ нихъ успѣшно—114,440.

По смертности отъ оспы, Россія стоитъ на второмъ мѣстѣ. На 1 милл. жителей смертность отъ оспы была слѣдующая:

Годы:	Австро-Венгрія.	Россія.	Франція.	Германія.	Данія.	Швеція.
1887	583,1	535,9	167,0	1,8	0,0	0,0
1888	540,4	231,5	191,9	0,8	0,0	0,0

Исторія оспы повѣствуетъ намъ объ отчаяніи и ужасѣ, овладѣвавшемъ населеніемъ цѣлыхъ странъ, объясняетъ намъ развитіе грубыхъ суевѣрій и какъ люди, не имѣя другаго спасенія, обращаются съ жертвами къ идоламъ, тщетно прося у нихъ по-

Digitized by Google

мощи и заступничества. Страхъ предъ оспой у народовъ Сибири заставлялъ ихъ считать оспу за новожденіе злаго духа, демона; заслышавъ о ея приближеніи, они разбѣгались въ лѣса и лѣтомъ дѣлали засѣки изъ деревьевъ, а зимою окапывались снѣжными валами. Нечего удивляться подобному ужасу: оспа вѣдь беретъ своихъ жертвъ не только у бѣднаго класса, слабаго и живущаго въ тѣсномъ помѣщеніи, но и между тѣми, которые живутъ во всякой роскоши, въ богатствѣ; она проникаетъ въ богатые и роскошные дворцы.

У насъ иногда оспа охватывала сразу нѣсколько губерній. Такъ, въ 1851 г. оспа была въ 27 губерніяхъ, а въ 1855 году—въ 24 губерніяхъ.

V.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на страшныя бѣдствія, производимыя инфекціонными болѣзнями, въ томъ числѣ и оспою, намъ остается въ утѣшеніе тотъ фактъ, что упомянутыя бѣдствія имѣютъ и относительно хорошую сторону, и особенно большое значеніе въ культурномъ развитіи человѣчества. «Есть основаніе утверждать, — говоритъ одинъ авторъ, — что повальныя болѣзни имѣютъ гораздо большее значеніе въ культурномъ развитіи человѣчества, нежели всякія другія событія, волнующія людей и происходящія отъ развитія низкихъ страстей или экономическихъ нуждъ».

Но если мы будемъ дожидаться, пока повальныя болѣзни научатъ насъ культурнымъ привычкамъ и разумнымъ взглядамъ на жизнь,—много человѣческихъ жертвъ мы принесемъ напрасно! Нужно помнить, что поднятіе образовательнаго уровня народа, улучшеніе соціально-экономическимъ и гигіеническихъ условій представляютъ могущественнѣйшія средства въ борьбѣ съ заразными болѣзнями.

Какъ я уже сказалъ ранѣе, въ деревнѣ здоровый человѣкъ—большая рѣдкость. Что особенно грустно и тяжело, — такъ это то, что всѣ болѣзни нашего простонародья, начиная отъ дѣтей и кончая взрослыми, находятся въ прямой зависимости отъ условій быта. Съ болью въ душѣ приходится сознаться, что въ жизни нашего народа нѣтъ ни одной стороны, которая бы не вліяла неблагопріятнымъ образомъ на его здоровье и на крѣпость его организма. Всѣ детали деревенскаго быта, всѣ мелочи деревенской жизни и труда, всякій шагъ нашего крестьянина отражаются самымъ печальнымъ образомъ на здоровьѣ крестьянскаго населенія. Все это способствуетъ тому, что заразныя болѣзни, попавъ въ какое нибудь семейство, поражаютъ не отдѣльныхъ его членовъ, а всю семью. Зимою, напримѣръ, чесотка преобладаетъ надъ всѣми болѣзнями, потому что въ это время деревенское населеніе живетъ въ тѣснотѣ, въ грязи; лѣтомъ же она значительно ослабѣваетъ: крестьянинъ спитъ на чистомъ воздухѣ, часто купается и бо́льшую часть дня проводитъ внѣ дома... У насъ цѣлыя села поражены чесоткою, и лѣчить ее крайне трудно, потому что насе-

Digitized by Google

леніе сжилось съ нею—привыкло и сроднилось съ тѣми условіями, которыя способствуютъ ея распространенію. Перемежающіяся лихорадки для многихъ мѣстностей Россіи являются настоящимъ бичемъ. Онѣ не только причиняютъ вредъ здоровью населенія, но и матеріальный убытокъ, отнимаютъ массу времени у рабочаго человѣка. Лихорадка является всецѣло результатомъ условій быта. Причина ея существованія, это—постройка селеній вблизи пересыхающихъ рѣкъ и болотъ, заваливаніе и загрязненіе улицъ и дворовъ, грязь въ избахъ и проч. Желудочно-кишечныя страданія,—это всероссійская болѣзнь. Лѣтомъ земскія амбулаторіи переполняются больными. Хотя и существуетъ поговорка крѣпостническаго времени, будто «мужицкое брюхо топоръ переваритъ», но въ дѣйствительности неудовлетвотрительная пища отражается самымъ убійственнымъ образомъ на пищеварительномъ аппаратѣ крестьянина.

Такимъ образомъ, условія народной жизни — экономическія и бытовыя—всецѣло опредѣляютъ размѣръ и характеръ смертности и заболѣванія, опредѣляютъ также и сезонъ, когда господствуетъ та или другая болѣзнь.

Обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что цифра смертности во всѣхъ странахъ Европы въ теченіе текущаго столѣтія значительно понижается: напр., въ Швеціи съ 31,5‰, въ 1806—10 гг., она упала на 15,9‰; въ Даніи—съ 22 до 16,6‰, въ Пруссіи съ 29 на 24, въ Бельгіи съ 26 на 20, во Франціи съ 30 на 22, въ Англіи—съ 22 на 19 и т. д.

Единственной страной нашей части свѣта, въ которой смертность возрастала почти въ теченіе всего XIX вѣка, является Россія. Смертность до конца прошлаго столѣтія опредѣлялась въ 20‰; въ 1816—20 гг. стояла на 23‰, а въ послѣдніе годы—1886—87—32,0‰. (Янсонъ). Слѣдовательно, блестящее и широкое развитіе медицинской науки, всѣ великія открытія Дженнера, Пастёра, и проч.—все это осталось безъ всякаго вліянія на уменьшеніе смертности въ Россіи.

Въ западной Европѣ городская смертность бываетъ обыкновенно выше сельской. Въ изслѣдованіи Неймана находимъ слѣдующія данныя для Пруссіи за небольшой періодъ 1879—1888 гг.

	Смертность	
	въ городахъ	въ селахъ.
Восточная Пруссія	2,646%	2,271%
Западная „	2,660%	2,341%
Познань	2,512%	2,327%
Силезія	3,080%	2,725%
Померанія	2,425%	1,864%
Бранденбургъ	2,583%	2,259%

То же явленіе наблюдается и въ другихъ государствахъ: во Франціи, въ 1863—72 гг., городская смертность=30,5‰, сельская—23,4‰, въ Англіи, въ 1863—72 гг., въ большихъ городахъ—25,8‰, а въ селахъ и округахъ съ небольшими городами—18,6‰ и т. д. (Янсонъ).

Digitized by Google

Переходя къ Россіи, мы замѣчаемъ обратныя отношенія: это повидимому, единственная страна въ Европѣ, въ которой *сельская смертность выше городской*. Такъ, въ 1882 г., первая=39,6‰, а вторая—34,3‰; въ 1888 г.—37,2‰ противъ 32,5‰ и т. д. Причину, почему сельская смертность въ Россіи выше городской, нужно опять таки искать въ неудовлетворительномъ гигіеническомъ состояніи русской деревни сравнительно съ городомъ.

Приведенныя мною цифры ясно говорятъ, что болѣзненность и смертность русскаго народа, сравнительно съ подобными же цифрами въ другихъ европейскихъ государствахъ очень высоки, и что величина ихъ зависитъ исключительно отъ неблагопріятныхъ общественныхъ и экономическихъ условій. По мнѣнію доктора Фавра, «смертность болѣе 17‰ на 1000 есть такой коэффиціентъ, который не зависитъ отъ природы человѣка и долженъ быть приписанъ причинамъ случайнымъ, противъ которыхъ можно бороться и которыя могутъ быть побѣждены средствами правильной народной гигіены». (Янсонъ).

Какой же ущербъ приноситъ смертность и заболѣваемость государству? Въ 1889 г., на гигіеническомъ конгрессѣ, Дюжарденъ-Бомецъ сказалъ: «человѣческая жизнь—наибольшая драгоцѣнность. Человѣкъ въ 30 лѣтъ составляетъ капиталъ, которымъ государство не имѣетъ права жертвовать, чтобы съэкономить какую нибудь частицу своего бюджета». Нужно смотрѣть на человѣка, какъ на рабочую силу: со всякимъ умирающимъ убываетъ работникъ Потеря работника есть потеря капитала — не только для семьи, изъ которой выбылъ работникъ, но и для государства. Но какъ и во сколько оцѣнить жизнь человѣка? Нѣтъ сомнѣнія, что жизнь человѣческую мы можемъ оцѣнить только приблизительно—и притомъ съ экономической точки зрѣнія, а не съ точки зрѣнія тѣхъ нравственныхъ страданій и мученій, которыя испытываютъ родственники и близкіе умершаго. Послѣднія не поддаются ариѳметическому исчисленію. Возьмемъ для примѣра жизнь простаго рабочаго и постараемся, хотя до нѣкоторой степени, опредѣлить стоимость его жизни и смерти. При настоящихъ цѣнахъ на рабочія руки, стоимость работъ простаго человѣка можно опредѣлить приблизительно во 100 руб. въ годъ. Капиталъ приноситъ 4%,—слѣдовательно, каждый человѣкъ, какъ рабочая единица, является капиталомъ, равнымъ 2,500 руб. Если рабочій заболѣваетъ, а потомъ умираетъ, то такое явленіе наноситъ финансовый ущербъ въ 2,500 руб. не только семейству умершаго, но и обществу, и государству. Отсюда простой выводъ: чѣмъ больше умираетъ людей, тѣмъ болѣе страдаетъ государство. Еслибы въ Россіи смертность понизилась съ 32 человѣкъ на 20 изъ 1,000,—я не говорю уже о 15, какъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ, — то мы сберегли бы ежегодно сотни тысячъ человѣческихъ жертвъ, которыя представляли бы изъ себя громаднѣйшій капиталъ въ сотни милліоновъ рублей.

Мы привыкли видѣть источникъ богатства и счастья въ деньгахъ, а не въ самомъ населеніи,—въ крѣпости его организма, въ силѣ и устойчивости его умственныхъ и нравственныхъ свойствъ,—

Digitized by Google

а потому, къ стыду нашему, милліоны стоятъ у насъ на первомъ планѣ и цѣнятся выше здоровья. Но тамъ, гдѣ ставится вопросъ о здоровьѣ цѣлаго народа, тамъ не можетъ быть и рѣчи о какихъ либо денежныхъ сбереженіяхъ. Милліоны, затраченные на сохраненіе, подкрѣпленіе и поддержаніе народнаго организма окупятся сторицею сохраненіемъ тысячъ человѣческихъ жертвъ отъ преждевременной смерти. Финансовыя жертвы, принесенныя на алтарь народнаго здравія, весьма производительны и плодотворны.

Но что же мы сдѣлали въ интересахъ сохраненія и поддержанія народнаго организма?

Д. Райскій.

(*Окончаніе будетъ*).

Digitized by Google

Ночь.

Лучъ угасъ за горой.
Подъ молочной луной,
Спятъ холмы и долины, и лѣсъ,
И нависъ надъ землей
Балдахинъ голубой
Безпредѣльно-глубокихъ небесъ.
Тихо, мирно кругомъ;
Все въ туманѣ ночномъ—
Ни борьбы, ни страданій, ни слезъ:
Воцарился покой
Надъ уснувшей землей
Съ миріадой врачующихъ грезъ.

К.

Digitized by Google

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНТНОМЪ ПРОЛЕТАРІАТѢ.

I.

Можно ли помочь тѣмъ изъ нашихъ интеллигентныхъ людей, которые не могли пристроить себя къ какой нибудь службѣ или къ другимъ занятіямъ, обезпечивающимъ заработокъ, необходимый для существованія? Что такихъ интеллигентовъ у насъ не только не мало, но даже очень много,—доказывать не нужно. Всякій, кто лишь немного обращалъ вниманіе на это, знаетъ хорошо, что предложеніе труда далеко превышаетъ спросъ на нихъ и что этимъ обстоятельствомъ работодатели умѣютъ пользоваться какъ нельзя болѣе, предлагая самыя невыгодныя условія для людей, ищущихъ занятія. Хорошо еще, когда находится и такая работа, которая хотя и беретъ все время и не обезпечиваетъ будущаго, но тѣмъ не менѣе даетъ возможность существовать въ данный моментъ; многіе же члены общества оказываются совсѣмъ лишними и не находятъ себѣ мѣста на пиру жизни. Всякія правленія, управленія и конторы—частныя, общественныя и государственныя—осаждаются толпою ищущихъ службы, но громадному большинству этихъ искателей труда приходится получать или прямой отказъ, или любезное обѣщаніе «имѣть въ виду», что тоже совершенно равносильно категорическому отказу и развѣ только очень наивнымъ и слишкомъ довѣрчивымъ людямъ способно придать надежду, связанную, конечно, съ разочарованіемъ. «Перепроизводство» контингента ищущихъ интеллигентнаго труда настолько велико, что даже спеціалисты и тѣ иногда не имѣютъ возможности заняться своей спеціальностью и многимъ, вѣроятно, приходилось видѣть врачей или юристовъ, сидящихъ безъ дѣла или занимающихся такимъ дѣломъ, которое къ ихъ профессіи никакого отношенія не имѣетъ, въ родѣ выщелкиванія на счетахъ въ конторѣ какого нибудь комерческаго учрежденія. Увеличеніе пролетаріата прогрессируетъ, и для многихъ вопросъ о службѣ или занятіяхъ вообще является не только вопросомъ первой надобно-

Digitized by Google

сти, но и насущной необходимости. Не всѣ же рождаются, получивъ земельные участки, дома или капиталы; много—и гораздо больше—такихъ, которые ни капиталовъ, ни домовъ не имѣютъ и о своей собственности могутъ только сказать: «Omnia mea mecum porto». Для такихъ людей ихъ личный трудъ составляетъ все. Представьте же себѣ положеніе человѣка, который, среди кипящей вокругъ него жизни, роскоши, наслажденія, дѣятельности и многолюдства, чувствуетъ себя одинокимъ и безпомощнымъ, гораздо болѣе одинокимъ и безпомощнымъ, чѣмъ въ глуши ненаселенныхъ мѣстъ, гдѣ онъ можетъ, по крайней мѣрѣ, охотою или рыбачествомъ доставать себѣ пищу, тогда какъ здѣсь, среди такихъ же людей, какъ и онъ самъ, но поставленныхъ въ болѣе счастливыя условія, онъ вдыхаетъ въ себя тотъ же воздухъ, то же солнце привѣтливо свѣтитъ ему, но руки его не находятъ работы, а желудокъ—пищи. Что же дѣлаетъ общество? Оставитъ ли оно этого бѣднаго пролетарія на жертву голодной смерти, давъ только благой совѣтъ бѣднымъ людямъ—не родиться. Да, не только оставитъ и отвернется, чтобы не нарушать спокойнаго пищеваренія своего сытаго желудка, но оно уже оставило его, а иначе онъ не былъ бы такъ несчастенъ и бѣденъ, когда вокругъ него такъ много льется золота. Какъ же, однако, быть этому пролетаріату, не имѣющему возможности пристроить себя къ какому либо дѣлу? Нужно же какъ нибудь человѣку поддерживать свое существованіе, а для поддержанія его нужны же средства. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ исчезнуть добровольно съ лица земли.

Часто путешествуя и наблюдая жизнь въ ея различныхъ проявленіяхъ, я пришелъ къ тому заключенію, что еслибы люди оказывали другъ другу поддержку, то далеко не такъ трудно жилось бы на свѣтѣ, а для того, чтобы устроить себя не приходилось бы обивать пороги различныхъ учрежденій и ставить себя въ унизительное положеніе просителя, въ погонѣ за службой, которая въ концѣ концовъ все же не есть залогъ обезпеченности, такъ какъ служба часто зависитъ отъ всевозможныхъ случайностей, а главное—отъ распорядителей, которые, помимо исполненія служебныхъ обязанностей, требуютъ и еще многаго другаго, что̀ къ служебнымъ обязанностямъ совсѣмъ не относится.

Итакъ, еслибы люди не смотрѣли другъ на друга только съ точки зрѣнія выгодъ, извлекаемыхъ для себя, а вмѣсто этого оказывали бы другъ другу возможное содѣйствіе, то и тотъ, и другой были бы въ прямомъ выигрышѣ. Исходя изъ этого, нельзя не признать, что гдѣ одинъ человѣкъ не въ состояніи справиться съ дѣломъ, то трое или четверо легко могутъ устроить то, что̀ представ-

Digitized by Google

лялось сдѣлать. Предположимъ, что пять человѣкъ имѣютъ каждый нужду въ перенесеніи пятипудоваго камня; понятно, что, затративъ массу времени и силъ, они все же едва ли перенесутъ, каждый въ отдѣльности свой камень, но еслибы они соединились вмѣстѣ, то камни и скоро, и легко были бы перенесены. Приводя такой примѣръ, я хочу сказать, что если ужь *всѣ* люди не могутъ составить одной общины, то вмѣсто того, чтобы дѣйствовать по одиночкѣ, устраивались бы общины или артели, и члены этихъ общинъ или артелей, при взаимной помощи, могли бы совершенно обезпечить себя сами. Не будемъ говорить, напримѣръ, о монастыряхъ, которые возникали часто при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, но, благодаря единенію своихъ членовъ, не только не разрушились, а, просуществовавъ цѣлыя столѣтія, теперь уже представляютъ очень крупныя экономическія единицы. Не будемъ, повторяю, распространяться о монастыряхъ,—такъ какъ намъ могутъ возразить, что монастыри пользовались и пользуются благотвореніями,—и, чтобы не вдаваться въ разработку этого побочнаго вопроса, остановимъ наше вниманіе на широкомъ процвѣтаніи клубовъ разныхъ наименованій, гдѣ, при сравнительно небольшихъ членскихъ взносахъ, имѣются и квартиры, и швейцары, и обстановка, и прислуга, и это только при денежномъ взносѣ, безъ участія личнаго труда. Притомъ же клубъ не есть цѣль жизни его членовъ, но только одно изъ многихъ другихъ удовольствій.

Всѣмъ, конечно, извѣстно, что у насъ и въ томъ, и въ другомъ мѣстѣ возникаютъ среди разныхъ корпорацій такъ называемыя «потребительскія общества» и что эти общества выгодны для участниковъ, получающихъ ту прибыль, которая уходила къ торговцамъ. Тутъ уже прямая выгода отъ совмѣстнаго *потребленія*. Еще большая выгода была бы и отъ совмѣстнаго производства. Возьмемъ какихъ нибудь ремесленниковъ и предположимъ, что, вмѣсто того чтобы наняться къ какому нибудь хозяину, они составятъ артель и будутъ самостоятельно принимать заказы и исполнять ихъ. Очевидно, что тотъ барышъ, который имѣлъ бы хозяинъ отъ ихъ труда, весь остался бы у нихъ и, вмѣсто того чтобы получать отъ своего труда 30 или 25 %, они получали бы всѣ 100, тогда какъ, не образовывая артели, имъ, за неимѣніемъ средствъ каждому отдѣльно завести свое дѣло, пришлось бы наниматься къ хозяину и работать на содержаніе его съ семьей и на доставленіе ему тѣхъ жизненныхъ удобствъ, которыхъ самъ работающій не только не имѣетъ, но о которыхъ и мечтать не можетъ. Вотъ, почему, такъ выгодно имѣть фабрики и мастерскія, гдѣ эксплуатируется трудъ на благо работодателямъ. Поэтому же никто не про-

Digitized by Google

ходить курса наукъ у себя дома, гдѣ ему пришлось бы уплачивать массу денегъ учителямъ и профессорамъ и все таки не имѣть тѣхъ удобствъ, которыя даютъ *коллегіальныя* учрежденія.

II.

Это общій взглядъ о выгодности и преимуществахъ коллегіальнаго труда,—преимуществахъ, которыя навели меня на мысль объ устройствѣ *колоніи для интеллигентныхъ лицъ*, т. е. тѣхъ лицъ, о которыхъ я говорилъ въ началѣ этой статьи. Въ такихъ колоніяхъ каждый изъ участниковъ, вмѣсто безплоднаго, невольнаго ничего-не-дѣланія, могъ бы примѣнить свой трудъ, силы и знанія для всѣхъ и всѣ—для одного. Еслибы устроить эту колонію на основѣ равноправія и полнаго раздѣленія труда, то членамъ ея не было бы никакой надобности искать труда на сторонѣ: онъ дѣлалъ бы дѣло колоніи, а въ то же время и свое живое дѣло.

Моя мысль объ устройствѣ такой колоніи не есть, собственно, новая мысль: формы колоній существовали раньше и теперь существуютъ въ различнаго рода ассоціаціяхъ—товариществахъ, компаніяхъ, общинахъ и т. д.

Что касается чисто поземельныхъ общинъ, то ихъ существованіе въ Европѣ можно прослѣдить въ VIII и послѣдующихъ вѣкахъ. Однако, въ силу того, что эти полезныя ассоціаціи не только не встрѣчали поддержки, но, наоборотъ, всячески притѣснялись (во Франціи и въ Англіи), общины эти постепенно уменьшались, но все же не исчезли окончательно; такъ, напримѣръ, въ Англіи, при полномъ уничтоженіи мелкой частной поземельной собственности, она все же удержалась тамъ, гдѣ эта собственность принадлежала обществамъ: въ Кембриджѣ, Вестенфлендѣ, кое-гдѣ въ Валлисѣ и Дортмурѣ. Въ Италіи и въ Португаліи и теперь существуютъ поземельныя общины, а въ Испаніи есть такія мѣста, гдѣ земли, принадлежащей частнымъ владѣльцамъ, нѣтъ ни одного вершка, и вся она составляетъ собственность или общинъ, или монастырей.

Что же касается вопроса о первоначальномъ происхожденіи общины, то едва ли можно согласиться съ изслѣдователями, дѣлавшими попытки вывести происхожденіе ея изъ семейнаго начала. Извѣстно, что общины существовали еще въ то время, когда семья не только не создалась, но когда форма брака — коммунистическая, гинекократическая и поліандрическая—прямо противорѣчили установленію семейнаго начала, и, такимъ образомъ, нельзя не признать, что не община возникла изъ семьи, а семья возникла

Digitized by Google

послѣ общины. Этихъ первобытныхъ общинниковъ мы можемъ упрекать въ чемъ угодно, но не въ выбрасываніи на улицу своихъ единоплеменниковъ, что непрерывно творится у насъ въ наше время.

Въ настоящее время, у насъ болѣе или менѣе распространены и распространяются потребительскія общества. Замѣчательное явленіе представляютъ эти общества. Если ознакомиться не съ одними только отчетами этихъ обществъ, а вообще съ ихъ дѣятельностью, то, во-первыхъ, нельзя не замѣтить той выгоды, которую такія общества приносятъ своимъ членамъ, а, во-вторыхъ, особенное вниманіе обращаетъ на себя то обстоятельство, что среди участниковъ, не смотря на выгодность операціи, возникаютъ распри, часто служившія причиною распаденія того или другаго изъ этихъ обществъ. Любопытно, что недоразумѣнія и ссоры происходятъ въ такихъ случаяхъ всегда изъ-за того, что всякій участникъ желаетъ сдѣлаться директоромъ или членомъ правленія и въ эти должности обыкновенно попадаютъ вовсе не тѣ, которые подходятъ для этой цѣли, а лица, которымъ директорство представляется не въ видѣ извѣстныхъ обязательствъ, а какимъ то верховодствомъ. Для примѣра я укажу на Николаевское потребительское общество: «Сбереженія и пріобрѣтенія», гдѣ подобный порядокъ производилъ коренныя возмущенія. Впрочемъ, примѣровъ даже и не нужно, такъ какъ стоитъ только ознакомиться съ распаденіемъ любаго изъ такихъ обществъ, чтобы увидѣть, что причиною этого распаденія всегда служатъ интриги, стремленіе сдѣлаться «начальствомъ», и халатное отношеніе этого «начальства» къ принятымъ на себя обязанностямъ. Въ интересахъ же общества эти начальники не участвуютъ, а избираются ради «почета» людьми, желающими, по разнымъ причинамъ, *угодить* имъ. Переходя отъ такихъ, подбитыхъ бюрократизмомъ, обществъ, къ обществамъ безъ этого элемента, мы встрѣчаемся съ поразительными результатами. Вотъ три примѣра изъ нашей русской жизни, которыхъ будетъ пока достаточно:

1) Крестьяне хутора Грековки черниговской губерніи и уѣзда, взявши въ 1876 году въ аренду цѣлымъ обществомъ имѣніе и найдя, что дѣлежъ земли по домохозяевамъ, въ виду разнокачественности почвы и по другимъ условіямъ, неудобенъ, — ввели общественную запашку и совмѣстный обмолотъ, такъ что въ раздѣлъ идутъ уже зерно и солома. Практика нисколько не охладила ихъ и они находятъ свою систему удобной. Ни общій трудъ, ни дѣлежъ продуктовъ не подавали повода къ недоразумѣніямъ и нареканіямъ («*Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій*; *собран-*

Digitized by Google

ные статистическимъ отдѣл. черниговск. губерн. земск. управы», *т. I, стр. 173*).

2) Крестьяне Режищевскаго имѣнія, въ 70 верстахъ отъ Кіева, арендовали артелью у своего помѣщика самихъ себя. (Это было въ періодъ крѣпостнаго права). Всѣ земледѣльческія работы велись артельнымъ способомъ. Сначала дѣло пошло не особенно удачно, такъ что для уплаты оброка они должны были прибѣгать къ займамъ. Но потомъ дѣла ихъ улучшились; долги, сдѣланные ими, они уплатили и, сверхъ того, составили значительную общественную сумму. (*«Статистическое описаніе кіевской губ.». Томъ 2-й, стр. 292-я*).

3) Въ 1863 году, въ селѣ П—ты сорокскаго уѣзда бессарабской области, крестьяне, по иниціативѣ помѣщика С., произвели сообща посѣвъ, уборку, молотьбу и раздѣлили уже полученное зерно, за исключеніемъ сѣмянъ для слѣдующаго года, причемъ часть урожая они продали весною за 510 рублей и на эти деньги арендовали нѣсколько десятинъ земли, а часть—150 рублей—употребили на устройство молочной артельной лавки. На другой годъ прибыли отъ продажи зерна получено уже 1,000 рублей, изъ которыхъ 300 руб. они отдѣлили на школу, а на барышъ отъ лавки открыли общественный кабакъ. Въ настоящее время эта артель обзавелась общимъ для скота дворомъ, учреждена ссудная касса съ основнымъ капиталомъ въ 2,000 рублей. Выигранное время (отъ совмѣстнаго труда) дало возможность дѣлать еще заработки у сосѣднихъ помѣщиковъ, что позволило крестьянамъ обзавестись даже предметами роскоши. Кромѣ того, пріобрѣтены земледѣльческія орудія, которыя дали возможность еще болѣе увеличить производительность артели и поднять ея благосостояніе. («Другъ Народа» 1873 г., № 18).

III.

Вотъ три примѣра, изъ которыхъ особенно интересенъ послѣдній, на которомъ можно послѣдовательно прослѣдить прогрессирующую обезпеченность участниковъ, у которыхъ *благодаря коллективному труду*, явилось не только довольство, но и роскошь, и свободное время. Естественно поэтому заключить, что общественное благосостояніе прогрессируетъ *только при условіи группировки силъ*. Напоминаю читателямъ басню Крылова, гдѣ въ художественной формѣ изложенъ разсказъ о томъ, какъ дѣти, не смогшія сломать цѣлаго пука, легко изломали его по одному прутику,—и это какъ нельзя болѣе примѣнимо въ данномъ случаѣ. Тамъ, гдѣ легко можетъ ослабѣть, обезсилѣть и погибнуть одинъ человѣкъ, тамъ не

Digitized by Google

погибнетъ и устоитъ цѣлая группа людей. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что совокупный трудъ всегда выгоднѣе одиночнаго, и если только организовать его благоразумно, на простыхъ основаніяхъ, то отдѣльнымъ лицамъ невозможно съ нимъ конкурировать. Я не могу воздержаться, чтобы не привести еще одного образчика, гдѣ совокупность силъ и энергіи сдѣлали громадное дѣло.

Въ Америкѣ существуетъ «колонія холостяковъ», которая основана нѣмцемъ Георгомъ Раппомъ въ 1805 году. Въ началѣ колонія охотно допускала вступленіе женатыхъ членовъ, но позднѣе Раппъ обязалъ всѣхъ ея членовъ безусловнымъ безбрачіемъ. Въ 1825 г., вслѣдствіе нападенія индѣйцевъ, колонія изъ штата Индіаны переселилась въ Пенсильванію, гдѣ ею было пріобрѣтено 2,500 акровъ земли,—и съ этого времени колонія получила названіе «колоніи экономистовъ». Въ настоящее время экономисты стали чрезвычайно богаты. Земля, пріобрѣтенная за безцѣнокъ, сильно поднялась въ цѣнѣ. Помимо того, колонія владѣетъ значительнымъ количествомъ акцій въ большинствѣ желѣзнодорожныхъ компаній, и еслибы семнадцать колонистовъ, составляющихъ ея наличный составъ, вздумали раздѣлиться, то на долю каждаго изъ нихъ пришлось бы около пяти милліоновъ долларовъ («Вѣстникъ Иностр. Литер.» Май 1893 года стр. 216).

Помѣщичья экономія можетъ быть разсматриваема съ точки зрѣнія общины, которая состоитъ: а) изъ помѣщика, б) администраторовъ по управленію и в) рабочихъ. И вотъ, наблюдая такую общину, мы видимъ, что трудъ, затрачиваемый на воздѣлываніе земель, принадлежащихъ такой общинѣ, не только даетъ возможность существовать всѣмъ принимающимъ участіе въ работахъ, но и тѣмъ, которые ровно никакого участія въ этихъ работахъ не принимаютъ, т. е. самому помѣщику и его семейству. И не только даетъ имъ кушныя средства для комфортабельнаго существованія, но и возможность разбрасывать заработанное, не всегда корректно, по столицамъ и модньмъ курортамъ. Предположимъ же, что имѣніе принадлежитъ не одному члену этой общины (помѣщику), а всѣмъ вмѣстѣ,—и мы увидимъ что та крупная часть дохода, которая уходитъ на жизнь владѣльца, распредѣлялась бы по ровной части между всѣми работавшими и такимъ образомъ, работая исключительно для самого себя, каждый имѣлъ бы возможность полнаго обезпеченія своего существованія. Польза получалась бы двоякая: одинъ не изнывалъ бы въ тоскѣ бездѣльничанья, а другіе были бы увѣрены въ своемъ благосостояніи и обезпеченности.

Digitized by Google

IV.

Возвращаюсь къ проэкту колоніи интеллигентныхъ людей. Колонія эта удобна и выгодна для ея членовъ, потому что, во-первыхъ, въ ней какъ потребленіе, такъ и производство будутъ совмѣстными и, во-вторыхъ, потому, что личные расходы каждаго лица будутъ сокращены до минимума, благодаря возможности не расходовать каждому отдѣльно своихъ средствъ на нѣкоторые предметы. Возьмемъ для примѣра тотъ расходъ, который дѣлается на газеты и книги. Предположимъ, что такой расходъ въ годъ составитъ десять рублей. Для сорока человѣкъ это дастъ уже 400 рублей—сумму довольно солидную, на которую свободно можно имѣть не одно десятирублевое изданіе, а цѣлую библіотеку. Значитъ, затративъ лишь четвертую часть—100 рублей,—мы будемъ имѣть и въ десять разъ больше изданій, и сохранимъ 300 рублей. Теперь предположимъ, что одинъ человѣкъ занимаетъ комнату, которая ему стоитъ 15 рублей въ мѣсяцъ; въ годъ это составитъ 180 рублей, а для сорока человѣкъ 7,200 рублей, т. е. сумму довольно крупную, на которую можно построить въ колоніи цѣлый домъ для этихъ сорока человѣкъ, а присоединивъ къ ней еще столько же трудящихся людей, получится возможность существовать безбѣдно и независимо.

Мнѣ могутъ сказать,—да уже и говорили,—что такая колонія не можетъ обезпечить себя, потому-де, что лица, изъ которыхъ она должна образоваться, не подготовлены къ такой дѣятельности и не имѣютъ надлежащихъ знаній. Возраженіе это хотя и имѣетъ за собою нѣкоторое основаніе, но все же не убѣдительно уже потому, что всякій желающій трудиться можетъ что нибудь сдѣлать, а разъ онъ интересуется дѣломъ, то онъ и изучитъ его всесторонне. Для доказательства передамъ то, что я слышалъ. Съ мѣсяцъ назадъ я возвращался въ Петербургъ по севастопольской желѣзной дорогѣ. Моими сосѣдями оказались какой-то господинъ съ женою и сыномъ-гимназистомъ. Господинъ этотъ назвался сибирякомъ, и вотъ что разсказалъ мнѣ. Шесть лѣтъ тому назадъ, въ ихъ мѣста пріѣхалъ изъ внутренней Россіи молодой человѣкъ, окончившій курсъ въ какомъ-то ремесленномъ училищѣ по слесарному отдѣленію. Пріѣхавъ въ Сибирь, онъ увидѣлъ, что тамъ дешево молоко и это навело его на мысль дѣлать масло. Такъ онъ и поступилъ, пригласивъ въ компанію своего товарища. Въ первые два года дѣло шло плохо—и потому, что средствъ у нихъ не было, и, можетъ быть, потому, что спеціальными знаніями они не обладали, и съ условіями мѣстной жизни мало были знакомы. Но энергія

Digitized by Google

сдѣлала свое дѣло и теперь,—по словамъ разскащика, — эти господа имѣютъ тысячь тридцать капитала и свое масло отправляютъ даже въ Москву. Изъ этого разсказа наглядно видно, что были бы только желаніе трудиться да энергія, а результаты не замедлятъ явиться, и разумный трудъ не пропадетъ безслѣдно. Точно также и колонисты освоятся и привыкнутъ къ своей дѣятельности. Правда, что при такой ассоціаціи колонисты не застрахованы отъ того, чтобы болѣе сильный, болѣе способный членъ не понесъ на себѣ часть тягостей слабаго, менѣе способнаго; но въ томъ-то и сила общиннаго устройства, въ томъ-то и состоитъ великое соціальное значеніе его! Объединяя экономическіе интересы людей, связанные въ данномъ случаѣ единствомъ идеи, общность рождаетъ въ каждомъ убѣжденіе, что матеріальныя выгоды прямо пропорціональны суммѣ силъ, представляемыхъ каждымъ, и что, слѣдовательно, его прямой интересъ требуетъ, чтобы никто изъ членовъ не былъ утруждаемъ сверхъ силъ.

V.

Въ этой статьѣ, конечно, не мѣсто помѣщать уставъ, на которомъ предполагаемая колонія должна основать свое существованіе, но общія соображенія я считаю необходимымъ выяснить.

Колонія разсчитывается приблизительно человѣкъ на сорокъ мужчинъ. Она будетъ имѣть общую земельную собственность и одинъ общій же домъ съ отдѣльной комнатой для каждаго члена колоніи и общины: столовой, залой, библіотекой, читальней и кухней. Производство работъ общее. Касса, столъ, обстановка—общія, за исключеніемъ постельнаго бѣлья и платья, которыя дѣлаются каждымъ по собственному желанію изъ суммъ, выдаваемыхъ ежегодно каждому изъ общей кассы, въ зависимости отъ доходовъ колоніи. Рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, касающихся хозяйства колоній, зависитъ отъ общаго собранія колонистовъ. Общіе вопросы разрѣшаются заранѣе, также по мѣрѣ надобности. Средства колоніи составляютъ: земля съ постройками, молочная ферма, птицеводство, садоводство и огородничество. При поступленіи въ колонію, каждый изъ членовъ вноситъ небольшую опредѣленную сумму и собственный трудъ. Устройство колоніи проэктируется на югѣ Россіи, и тѣ способы и средства эксплуатаціи продуктовъ, которые дадутъ наибольшую выгоду колонистамъ, я пока не считаю удобнымъ разглашать, такъ какъ различные аферисты изъ жидовъ, уже успѣвшихъ ко всему присосаться, не замедлятъ и здѣсь воспользоваться подходящимъ случаемъ. Въ силу того же соображенія, я и не ука-

Digitized by Google

зываю точнаго мѣста проэктируемой колоніи, хотя окончательное избраніе его будетъ зависѣть отъ колонистовъ; въ общемъ же я просилъ уже содѣйствія г. министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ А. С. Ермолова.

Въ данное время желающіе могутъ принять участіе въ подписаніи устава, который и будетъ представленъ на утвержденіе министру, а съ февраля или марта будущаго года колонія можетъ уже открыть свою дѣятельность.

Такимъ образомъ, вмѣсто безнадежныхъ ожиданій «мѣстъ» и «должностей», въ мертвящей душу обстановкѣ конторъ и канцелярій,—колонія дастъ своимъ участникамъ, помимо обезпеченнаго и совершенно независимаго положенія, живое и интересное дѣло, да, къ тому же, при самыхъ небольшихъ матеріальныхъ затратахъ.

Всѣмъ желающимъ подробно ознакомиться съ проэктомъ колоніи или принять въ ней участіе я охотно дамъ детальныя объясненія.

Н. фонъ-Гукъ.

Digitized by Google

ПАУПЕРИЗМЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

(По изслѣдованіямъ д'Оссонвиля).

III.

У насъ, во Франціи, часто принимаютъ за новую идею просто какую нибудь возобновленную. Не говоря о прежде существовавшемъ «правѣ убѣжища» въ церквяхъ, которымъ въ особенности старались воспользоваться преступники,—въ Парижѣ находился еще монастырь странноприимнаго ордена Св. Магюрина, на порталѣ котораго вычеканены были слѣдующіе стихи:

Faites, pour Dieu, bonnes personnes,
A cet hôpital vos aumônes
D'argent, de lits, de couvertures,
Pour hébérger les créatures
Qui viennent hôpital quérir,
En aidant à les soutenir.
Ils prieront Dieu que soyez mis
Dans le ciel avec vos amis.

Въ этотъ монастырь принимали не только больныхъ, но даже просто несчастныхъ людей. То же самое назначеніе имѣла базилика Сенъ-Жюльенъ-ле-Повръ, превратившаяся впослѣдствіи въ домовую церковь Hôtel-Dieu. Къ сожалѣнію, преданіе о такихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ не сохранилось въ Парижѣ, а, напротивъ, исчезло потомъ совершенно, такъ что въ то время, когда во многихъ городахъ Франціи и за границей (между прочимъ, въ Марсели и Женевѣ, не говоря уже о Лондонѣ) уже давно заведены были пріюты для несчастныхъ, въ нашей обширной столицѣ ни одно богоугодное заведеніе не отворяло своихъ дверей людямъ, оставшимся безъ крова вслѣдствіе какого нибудь неожиданнаго случая, повергшаго ихъ въ нищету. Вся честь иниціативы благаго дѣла, которое не осталось безплоднымъ, принадлежитъ небольшой группѣ людей, соединившихъ свои силы на пользу ближ-

Digitized by Google

няго. Ихъ не остановили въ этомъ случаѣ ни возраженія о тельно трудности предпринимаемаго дѣла, ни препятствія, как старались ихъ запугать, такъ что они, не смотря ни на что, см открыли первый, основанный ими, пріютъ въ улицѣ Токвиль, въ домѣ подъ № 9, въ Батиньольскомъ округѣ, 2-го іюня 1878 года. Менѣе чѣмъ черезъ годъ спустя, они открыли другой, на бульварѣ Вожираръ, въ домѣ № 14. Опытъ доказалъ, насколько правы были эти смѣлые основатели: въ продолженіе трехлѣтняго существованія задуманнаго ими благаго дѣла, оно принесло, какъ они и ожидали, много пользы и добра, ни разу не встрѣчая на своемъ пути тѣхъ затрудненій и неудобствъ, которыми ихъ пугали. Конечно, въ числѣ 48,141 пансіонеровъ, принятыхъ этими заведеніями со дня ихъ основанія до 1-го января 1881 года, туда могло попасть и нѣсколько человѣкъ нравственно неисправимыхъ, нѣсколько воровъ, даже нѣсколько человѣкъ, бывшихъ подъ судомъ, въ числѣ которыхъ оказался даже одинъ убійца, арестованный потомъ въ скоромъ времени. Но что же въ томъ худаго? Вѣдь всѣ эти люди должны же были бы ночевать гдѣ нибудь. Все, что имѣетъ видъ надзора или даже временнаго принужденія, такъ противно инстинктамъ привыкшихъ къ бродяжничеству людей, что они скорѣе предпочтутъ, рискуя быть пойманными, провести ночь подъ открытымъ небомъ, послѣ вечера, проведеннаго въ кабакѣ, чѣмъ воспользоваться убѣжищемъ въ домѣ, гдѣ отъ нихъ требуютъ, чтобы они возвращались въ девять часовъ и не заводили бы никакъ разговоровъ въ общемъ дортуарѣ, а молча ложились спать. Но въ противоположность этому, стоитъ только просмотрѣть списокъ профессій, къ которымъ принадлежали 25,555 человѣкъ, получившихъ въ теченіе 1880 года убѣжище въ Батиньольскомъ и Вожирарскомъ пріютахъ, чтобы убѣдиться въ пользѣ услугъ, оказанныхъ этими двумя пріютами человѣчеству. Когда узнаешь, что въ числѣ временно-призрѣваемыхъ ими находилось 193 человѣка учителей или воспитателей, 2 инженера, 2 повѣренныхъ, 4 отставныхъ офицера, 2 журналиста, живописцы, піанисты,—то нельзя равнодушно подумать о всѣхъ тѣхъ нравственныхъ страданіяхъ, которыя несравненно тяжелѣе физическихъ и которыя пришлось испытать подобнаго рода несчастливцамъ, погибающимъ въ бурныхъ волнахъ житейскаго моря. Впрочемъ, большинство временныхъ посѣтителей ночлежныхъ пріютовъ, разумѣется, принадлежитъ къ классу мастеровыхъ, занимающихся ручной работой. Изъ числа послѣднихъ, 11,007 человѣкъ принадлежали къ разряду людей, занимающихся сельскими работами, какъ-то: пахари, виноградари, землекопы, которые пришли въ Парижъ, привлеченные по всей вѣроятности вы-

Digitized by Google

минутнымъ миражемъ высокой задѣльной платы, производя- на воображеніе нашихъ деревенскихъ жителей такое опасное мнѣніе. Сравнительно съ прежними годами, эта цифра увеличилась на 3,994 человѣка и въ этомъ фактѣ выразилось, можетъ быть, единственное неудобство или недостатокъ такого благотворительнаго учрежденія, потому что къ соблазнамъ подобнаго миража оно присоединяетъ еще привлекательность безплатнаго пріюта.

Не считаю нужнымъ распространяться въ описаніи отдѣльныхъ подробностей каждаго изъ обоихъ этихъ домовъ, во многомъ похожихъ между собою и находящихся въ улицѣ Токвиль и на бульварѣ Вожираръ. Стѣны ихъ представляютъ сами по себѣ гораздо менѣе интереса, чѣмъ сами люди, и читатели, какъ я полагаю, будутъ со мною въ этомъ отношеніи одинаковаго мнѣнія. Если я скажу имъ, что въ оба эти дома входятъ съ маленькаго двора, гдѣ также находятся хозяйственныя службы: кладовая, баня, большая комната для дезинфекціи и т. д., что въ каждомъ изъ этихъ домовъ находится по три дортуара почти одинаковой величины, и что въ домѣ, выстроенномъ на бульварѣ Вожираръ, — гдѣ помѣщеніе гораздо обширнѣе, — эти дортуары выходятъ на большой *hall*, вокругъ котораго поставлены скамейки; что постели состоятъ изъ узенькихъ желѣзныхъ кроватей, съ тюфякомъ, набитымъ травой, то я полагаю, что этими свѣдѣніями могу вполнѣ удовлетворить ихъ любопытству. Но для чего стоитъ, дѣйствительно, нарочно сходить туда, — это, чтобы взглянуть на зрѣлище, представляемое самими пансіонерами пріюта и на способъ обращенія съ ними. Въ продолженіе короткаго срока ихъ пребыванія тамъ, правила, которымъ они должны подчиняться, состоятъ въ пріемахъ военной дисциплины, умѣряемой чувствомъ христіанской любви. Завѣдываніе какъ тѣмъ, такъ и другимъ домомъ поручено надзирателю и сторожамъ, которые всѣ набраны изъ отставныхъ солдатъ, потому что отъ послѣднихъ требуется иногда извѣстная физическая сила для усмиренія нѣкоторыхъ слишкомъ буйныхъ пансіонеровъ и потому оказывается не лишнимъ, чтобы красная орденская ленточка или медаль украшали грудь этихъ сторожей, для внушенія бо́льшаго къ нимъ уваженія и для того, чтобы пансіонеры могли видѣть, что тѣ, въ случаѣ нужды, заставятъ ихъ повиноваться себѣ. Каждый вечеръ тутъ является одинъ изъ членовъ комитета для присутствованія при укладываніи этихъ несчастныхъ въ постель, къ которымъ онъ иногда обращается съ какимъ нибудь ласковымъ словомъ, какого многіе изъ нихъ никогда не слыхали. Прежде чѣмъ они лягутъ въ постель, они должны прослушать громко прочитанную имъ молитву, и только превратныя понятія о «нетерпимости»,

Digitized by Google

составляющее отличительную черту нашего времени, могли вить нѣкоторыхъ людей поставить въ вину основателямъ пу ное заявленіе своихъ вѣрованій, которыя поддерживаютъ ихъ этомъ благомъ дѣлѣ. При этомъ, однако жь, нужно замѣтить, что тамъ не требуется отъ пансіонеровъ, чтобъ они непремѣнно присоединялись къ общей установленной молитвѣ, но они обязаны только соблюдать хоть внѣшнее уваженіе, какое должно внушать всякое искреннее вѣрованіе. Такое произнесеніе молитвы вызвало, впрочемъ, нѣсколько рѣзкихъ выходокъ. «Ну, если здѣсь все такіе богомолы (*bondieudisards*), то не хочу я пользоваться ихъ пріютомъ»!—крикнулъ однажды какой то оборванецъ и съ этими словами выбѣжалъ вонъ. Но въ противоположность этому, тамъ былъ еще другой случай. Одинъ изъ пришедшихъ, съ разбѣгу вскочившій на маленькую эстраду, гдѣ стоялъ надзиратель, громогласно заявилъ: «Я воротился изъ Нумеи (ссылки) и отправился къ моимъ друзьямъ, которые меня отвергли; теперь я пришелъ къ клерикаламъ и они меня приняли. Да здравствуютъ клерикалы, чортъ возьми»! Но въ большинствѣ случаевъ произнесеніе молитвы совершается серьезно, безъ шума, и этотъ моментъ представляетъ собою даже въ нѣкоторомъ родѣ торжественное зрѣлище.

Присутствуя при этой благочестивой церемоніи, я, признаюсь, менѣе обращалъ вниманія на самую молитву, чѣмъ на то, какъ слушали ее и какъ держали себя при этомъ тѣ несчастные, для которыхъ она читалась. На нѣкоторыхъ лицахъ выражалось удивленіе, какъ будто эти люди въ первый разъ слышатъ такія слова; а большинство присоединялось къ чтенію этой молитвы и, хотя машинально, повторяли послѣднія слова молитвы Господней. Но, даже изъ числа таковыхъ, для скольких этотъ Богъ, имя котораго произносилось передъ ними, являлся какимъ-то далекимъ воспоминаніемъ, исчезнувшимъ въ туманѣ дѣтства и потерянным изъ виду посреди испытаній жизни, на подобіе того, какъ, по мѣрѣ удаленія корабля въ открытое море, исчезаетъ изъ глазъ пристань, изъ которой онъ вышелъ! По окончаніи молитвы, пансіонеры отправляются въ дортуаръ, гдѣ чуткое чувство деликатности распорядителей установило одно правило, которое всегда приводится въ исполненіе: тамъ тотчасъ же тушатъ газъ, чтобы избавить ночлежниковъ отъ униженія и стыда показывать передъ другими лохмотья своего бѣлья; они раздѣваются впотьмахъ и, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, всѣ моментально засыпаютъ. На слѣдующій день, послѣ трехъ ночей, безплатно проведенныхъ въ пріютѣ,—срокъ, по истеченіи котораго они не имѣютъ права тамъ оставаться, чтобы не отнимать у другихъ возможности воспользоваться такимъ

Digitized by Google

—они уходятъ изъ пріюта и снова возвращаются къ скитальческой жизни, воспользовавшись, по крайней мѣрѣ, однимъ отдыхомъ, какой доставляютъ нѣсколько спокойно проведенныхъ ночей, и получивъ нѣкоторую душевную отраду, которая всегда ощущается повержеинымъ въ горе человѣкомъ, когда онъ совсѣмъ неожиданно встрѣтитъ въ комъ нибудь сочувствіе къ своему положенію. Наконецъ, многіе изъ такихъ временныхъ постояльцевъ получаютъ работу при помощи распорядителей этого благотворительнаго учрежденія, и я закончу эти свѣдѣнія приведеніемъ цифры, которая можетъ служить самымъ лучшимъ доказательствомъ добра, дѣлаемаго этимъ заведеніемъ, и въ то же время является самымъ лучшимъ отвѣтомъ всѣмъ порицателямъ такого образа дѣйствій: въ 1880 году изъ 26,555 человѣкъ ночлежниковъ 3,929 нашли себѣ работу черезъ посредничество членовъ этого общества.

Но—благодареніе Богу!—не одно только зло бываетъ заразительнымъ: добро также находитъ себѣ подражателей и также быстро распространяетъ арену своей дѣятельности. Едва только «Общество ночлежныхъ пріютовъ» открыло такія убѣжища для мужчинъ, какъ даже самый успѣхъ его доказалъ пробѣлъ, оставшійся въ этомъ смыслѣ. Если нашли полезнымъ протянуть руку помощи оставшемуся безъ крова мужчинѣ, то во сколько же разъ подобнаго рода помощь нужнѣе для женщины? И, дѣйствительно, для нея гораздо тяжелѣе провести ночь гдѣ нибудь на тротуарѣ, гораздо опаснѣе пріютиться въ какомъ нибудь изъ любимѣйшихъ притоновъ бродяжничества, гораздо обиднѣе быть арестованной полицейскимъ агентомъ. А потомъ женщина всегда подвергается еще большей опасности—купить себѣ ночлегъ самымъ легкимъ способомъ... Я заранѣе прошу извиненія у моихъ читателей въ томъ, что намѣренъ привести здѣсь, не смотря на всю ея скотскую грубость, одну и пошлую, и типическую исторію, которая была мнѣ разсказана самимъ дѣйствующимъ лицомъ. Одной молодой дѣвушкѣ, заболѣвшей воспаленіемъ глазныхъ вѣкъ и поставленной въ невозможность продолжать свое ремесло швеи, было отказано отъ квартиры. Двое сутокъ шаталась она въ своемъ кварталѣ, заходя ночевать въ подвалъ заброшеннаго дома. На третій день, она встрѣтила старика, служившаго машинистомъ при одномъ изъ плохихъ театровъ, какіе находятся вблизи городскихъ заставъ, и предложившаго ей раздѣлить съ нимъ его комнатку въ такомъ домѣ, гдѣ обыкновенно помѣщаются артели рабочихъ; но онъ при этомъ поставилъ условіе самаго скотскаго свойства. Вслѣдствіе такой торговой сдѣлки, родился хилый ребенокъ, блѣдное, одутловатое лицо котораго изоб-

Digitized by Google

личало старость отца и плохое здоровье матери. Но тѣмъ эта несчастная дѣвушка все таки полагала, что она должна благодарною этому старому развратнику. Въ то время, какъ въ безобразномъ видѣ, спалъ на кровати послѣ сильнаго похмѣлья она говорила о немъ вполголоса, даже съ нѣкоторымъ почтеніемъ, и, упоминая о немъ, называла его не иначе, какъ «monsieur».

Какъ только замѣченъ былъ подобнаго рода пробѣлъ, то его въ самомъ скоромъ времени поспѣшили пополнить, и честь этого дѣла принадлежитъ «Филантропическому обществу», которое, въ настоящее время, также какъ «Общество призрѣнія родильницъ», есть одно изъ самыхъ старыхъ учрежденій Парижа (въ прошломъ году оно праздновало столѣтіе своего существованія) и въ комитетѣ котораго находятся директорами католики, протестанты и евреи. Заботами этого общества основанъ былъ ночной пріютъ для женщинъ и дѣтей, открытіе котораго послѣдовало 23-го мая 1879 года, въ улицѣ Сенъ-Жакъ, въ домѣ подъ № 253. Пріютъ этотъ устроенъ былъ въ очень старомъ зданіи, принадлежащемъ «Товариществу общественной помощи». Внѣшній видъ его — даже болѣе чѣмъ скромный: смотря на него, его можно принять за домъ для призрѣнія нищихъ и хотя въ такомъ мѣстѣ, гдѣ находитъ себѣ убѣжище всякаго рода нищета, роскошь была бы совершенно излишнею, но тѣмъ не менѣе можно было бы пожелать во внутреннемъ расположеніи комнатъ болѣе просторныхъ помѣщеній. Между прочимъ, комната въ нижнемъ этажѣ, имѣющая назначеніе какъ бы станціонной залы, гдѣ женщины ожидаютъ того времени, когда ихъ поведутъ въ дортуары, чрезвычайно мала, и если, въ одинъ и тотъ же вечеръ,—что случается нерѣдко,—туда наберется восемьдесятъ или сто человѣкъ, то имъ почти негдѣ повернуться. Если, не входя въ самую залу и остановясь на порогѣ, вы посмотрите сквозь стеклянную дверь въ то время, какъ васъ никто не можетъ видѣть изнутри, то вы едва ли будете въ состояніи удержать невольныя слезы, которыя навернутся вамъ на глаза. Всѣ эти, сидящія передъ вами на скамейкахъ, женщины,—съ безпокойнымъ взглядомъ какого нибудь животнаго, которое только что спаслось отъ преслѣдованія,—сгорбившіяся и понурыя, какъ бы совсѣмъ обезсилѣвшія подъ гнетомъ тяжелаго несчастія, не произносятъ ни одного слова, ни однимъ звукомъ не даютъ знать о своемъ существованіи и хранятъ гробовое молчаніе людей, слишкомъ погруженныхъ въ раздумье о своихъ собственныхъ бѣдствіяхъ, чтобъ принимать участіе въ чужихъ. У нихъ на колѣняхъ, у ихъ ногъ, кричатъ, играютъ или сидятъ въ какомъ то отупеніи дѣти, и я не знаю, что болѣе подавляющимъ образомъ дѣйствуетъ на душу: эти крики, эти игры

Digitized by Google

или этотъ столбнякъ? Глядя на все это, вамъ кажется, что въ этой маленькой залѣ, передъ вашими глазами, сгруппировались всевозможныя человѣческія несчастія и горести; такъ что найдется мало мужчинъ и почти ни одной женщины, которыя при посѣщеніи такихъ пріютовъ не почувствовали бы, какъ болѣзненно сжимаются у нихъ сердца и на глаза набѣгаютъ слезы.

Прежде чѣмъ женщины бываютъ допущены въ эту залу, онѣ должны явиться въ контору директора, гдѣ подвергаются извѣстнаго рода допросу, на который онѣ обязаны отвѣчать; а затѣмъ ихъ ведутъ въ залу, гдѣ устроены ванны, въ которыхъ ихъ заставляютъ вымыться для соблюденія необходимыхъ условій опрятности. Но, къ сожалѣнію, нужно сказать, что грязь и неопрятность, до которыхъ довела нищета иныхъ женщинъ, такова, что одной ванны оказывается недостаточно, чтобъ освободить бѣднягу отъ послѣдствій грязи и неопрятности. Но такъ какъ постели дортуаровъ содержатся въ безукоризненной чистотѣ, то и нельзя положить на нихъ женщинъ въ такомъ видѣ; поэтому на все время, которое необходимо для очищенія ихъ отъ прежней грязи, ихъ посылаютъ ночевать въ особенный дортуаръ, на кроватяхъ съ проволочными сѣтками, замѣняющими тюфяки, съ положенными поверхъ ихъ одѣялами и которые далеко не такъ жостки для спанья, какими могутъ казаться на первый взглядъ. Въ этотъ же самый дортуаръ помѣщаютъ обыкновенно и такихъ женщинъ, которыхъ по закону принято считать подозрительными, потому ли что при нихъ не находится никакого документа, или онѣ не могли дать директору удовлетворительныхъ свѣдѣній насчетъ своего происхожденія и своего послѣдняго мѣстожительства. Въ пріютѣ, дающемъ у себя убѣжище всякому приходящему безъ различія, нѣкоторыя предосторожности, разумѣется, необходимы, хотя опытъ доказалъ, что разныхъ неудобствъ въ подобныхъ случаяхъ встрѣчалось меньше, чѣмъ предполагали въ самомъ началѣ основатели пріюта и чего въ особенности опасались, хотя, конечно, бывали примѣры, что благотворительность попадала впросакъ. Еще не такъ давно пріютъ далъ у себя убѣжище на ночь одной молодой, шестнадцати—или семнадцати-лѣтней дѣвушкѣ, довольно прилично одѣтой, которая выдавала себя за учительницу музыки, пріѣхавшую изъ Брюсселя въ Парижъ съ цѣлью давать уроки. Но когда къ ней стали приставать съ разспросами, то она потомъ разсказала, что поссорилась со своей матерью, отъ которой тайкомъ убѣжала на станцію желѣзной дороги. Затѣмъ ей предложили тотчасъ же написать отъ имени пріюта, по данному адресу, къ ея родителямъ, чтобъ способствовать примиренію съ ними, предлагая ей пока остаться

Digitized by Google

въ пріютѣ для полученія благопріятнаго отвѣта. Молодая дѣвушка согласилась на такое предложеніе; потомъ, по прошествіи трехъ дней, обманувъ приставленный къ ней надзоръ, она скрылась, предварительно укравъ у директрисы нѣкоторыя вещи, которыя та запирала въ ящикѣ своего письменнаго стола. Въ скоромъ времени оказалось, что имя, адресъ и вся исторія, разсказанная дѣвушкой, были чистѣйшей выдумкой и что пріютъ далъ у себя убѣжище очень ловкой воровкѣ.

Впрочемъ, подобные случаи бываютъ весьма рѣдко. Всего чаще встрѣчаются тутъ романическія исторіи, побѣги изъ родительскаго дома, похищенія, жертвы соблазнителей—и поучительная развязка всего этого оказывается въ ночлежномъ пріютѣ. Въ кабинетѣ директрисы не одинъ разъ происходили сцены примиренія между раскаивающейся молодой дѣвушкой и заливающимся слезами ея семействомъ, что могло бы послужить благодарнымъ сюжетомъ не для латинскихъ стиховъ, а для фельетона чѣмъ наши романисты, конечно, не преминутъ воспользоваться. Но все это существуетъ только въ видѣ исключенія и женщины, принимаемыя ежедневно въ ночлежный пріютъ, обыкновенно являются жертвами нищеты самаго пошлаго и прозаическаго свойства: мастерицы, не находящія работы, горничныя, оставшіяся безъ мѣста, крестьянки, мужья которыхъ, не нашедши себѣ въ столицѣ никакого дѣла, въ свою очередь также ищутъ убѣжища въ мужскихъ ночлежныхъ пріютахъ; старыя служанки, которыхъ уже никто не держитъ, потому, что онѣ уже не могутъ ничего дѣлать; иногда и такія женщины, которыя знавали лучшіе дни и для которыхъ такое общее смѣшеніе личностей въ одномъ помѣщеніи настолько тягостно, что имъ изъ состраданія даютъ особенную комнату, какъ-то: воспитательницы, компаньонки, актрисы, жены, раззоренныя своими мужьями (у одной изъ нихъ мужъ проигралъ все принадлежавшее ей состояніе въ рулетку), даже одна настоящая графиня, которая, изъ лѣности, не стыдилась просить подаянія и, подъ предлогомъ, что она когда-то написала романъ, ходила ко всѣмъ литераторамъ выпрашивать у нихъ денегъ; иногда попадаютъ туда и такія чудачки, какъ всѣмъ извѣстная богомолка, говорившая только на одномъ, мало кому знакомомъ языкѣ, именно венгерскомъ, и отправлявшаяся пѣшкомъ изъ Іерусалима въ Лурдъ съ посохомъ въ рукахъ и въ шляпкѣ, украшенной раковинами. Весь этотъ людъ, принимаемый въ пріютъ на срокъ отъ трехъ до пяти ночей, пользуется одинакимъ гостепріимствомъ, спитъ въ одинаково удобныхъ постеляхъ и въ такой опрятности, которой большинство ихъ не видывало во всю свою жизнь, ѣстъ утромъ и вечеромъ

Digitized by Google

одинаковый супъ, встрѣчаетъ одинаковую симпатію и получаетъ одинаковое пособіе. Самая главная, оказываемая здѣсь, услуга заключается, въ сущности, не въ томъ только, что ночлежный пріютъ даетъ безплатно покойную постель подъ кровомъ честнаго, порядочнаго дома; а въ рукѣ помощи, протянутой въ минуту отчаянія, въ поданномъ несчастному добромъ совѣтѣ, въ доставленной иногда работѣ. Изъ 7,418 женщинъ, принятыхъ пріютомъ со дня его основанія до 1-го іюля нынѣшняго года, 1,085 возвратились въ среду нормальныхъ условій жизни. И въ этомъ-то именно,—какъ здѣсь, такъ и въ ночлежныхъ пріютахъ для мужчинъ,—заключается самое лучшее доказательство полезности учрежденія и самый лучшій отвѣтъ на вызванныя этимъ учрежденіемъ порицанія.

Изъ числа всѣхъ этихъ разнообразныхъ бѣдствій найдутся конечно такія, которыя не всегда обрушивались на человѣка незаслуженно. Обыкновенно каждый вечеръ является сюда извѣстное число молодыхъ дѣвушекъ, только что вышедшихъ изъ находящагося по близости родильнаго пріюта, съ незаконнорожденнымъ ребенкомъ на рукахъ. Они являются сюда въ ожиданіи полученія 30 франковъ пособія, выдаваемаго «обществомъ вспоможенія дѣвушкамъ-матерямъ». Въ продолженіе этого времени онѣ, между тѣмъ, хлопочатъ о помѣщеніи своего ребенка къ кормилицѣ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Предоставляя имъ такое временное убѣжище въ продолженіи нѣсколькихъ дней, пріютъ имѣетъ цѣлью дать имъ возможность поправить отчасти свое здоровье и позволяетъ имъ продлить срокъ своего пребыванія, чтобы пробудить въ нихъ искру раскаянія и дать имъ нѣкоторое понятіе о болѣе правильномъ образѣ жизни. Но когда бывали подобнаго рода попытки къ обращенію ихъ на путь истинный, то почти всегда приходилось натыкаться на полнѣйшее нравственное равнодушіе и какъ будто даже непониманіе тѣхъ словъ, съ какими къ нимъ обращались. Еще раньше чѣмъ съ ними, было такъ много дѣвушекъ, съ которыми случался *грѣхъ*, что онѣ даже никакъ не могутъ взять въ толкъ, какъ это есть на свѣтѣ люди, которые придаютъ этому обстоятельству такое важное значеніе. При вторичномъ или третичномъ рецидивѣ, къ нимъ относятся уже съ бо́льшею строгостью, причемъ ихъ отвѣты изобличаютъ иногда существованіе такого рода полу-нравственныхъ понятій, опровергнуть которыя бываетъ даже въ иныхъ случаяхъ труднѣе, чѣмъ справиться съ самою полнѣйшею безнравственностью. Такъ напримѣръ, молодая дѣвушка, уже бывшая матерью два раза и появляющаяся въ пріютъ со своимъ третьимъ ребенкомъ на рукахъ, почти всегда отвѣтитъ съ нѣкоторою гордостью: «Вѣдь они всѣ трое отъ одного отца»!

Digitized by Google

Но еще болѣе печальна и въ еще большей мѣрѣ заслуживаетъ участія судьба тѣхъ женщинъ, которыя, будучи матерями нѣсколькихъ человѣкъ дѣтей, жили честно заработкомъ мужа, который внезапно умеръ или который (что случается нерѣдко въ простонародьѣ) покинулъ ихъ совершенно. Какой совѣтъ можно подать этимъ несчастнымъ? Чѣмъ обнадежить ихъ въ будущемъ? Да и кто осмѣлится посовѣтовать имъ покориться своей участи, когда завтра ихъ дѣти станутъ просить у нихъ хлѣба? Однако жь, какъ ни трудно взять на себя обязанность облегчить ихъ положеніе въ подобномъ несчастіи, имъ все таки можно оказать хотя нѣкоторую услугу, давъ имъ время обратиться съ просьбою о помощи къ оставшимся у нихъ роднымъ, а до тѣхъ поръ, пока еще онѣ находятся въ пріютѣ, снабдивъ ихъ дѣтей новою теплою одеждою. Мнѣ самому случалось слышать, какъ у нихъ съ языка срывались такія страшныя и раздирающія душу слова, которыя выражаютъ уже собою послѣднюю степень крайности человѣческаго горя. Когда одна моя знакомая, посѣтившая однажды вечеромъ ночлежный пріютъ, обратилась къ сидѣвшей неподалеку такого рода женщинѣ, оставшейся вдовою съ троими дѣтьми,—къ которымъ она повидимому относилась съ большой заботливостью,—съ вопросомъ: есть ли у ней еще другія дѣти, кромѣ этихъ? то она кротко отвѣтила: «Былъ еще одинъ ребенокъ, да *слава богу* умеръ въ одно время съ моимъ мужемъ».

Ночлежные пріюты для мужчинъ и для женщинъ безспорно представляютъ собою доброе дѣло. Одно, что могло бы на будущее время повредить такимъ учрежденіямъ, это: если ихъ заведутъ слишкомъ много. Мужскихъ пріютовъ такого рода есть уже два и въ скоромъ времени откроется еще третій. Для женщинъ, не считая пріюта совсѣмъ другаго характера въ Отёлѣ, куда уже принимается гораздо меньшее число пансіонерокъ и гдѣ ихъ держатъ долго, заставляя работать, въ скоромъ времени откроется другой пріютъ въ Монмартрѣ; можетъ быть, даже еще и третій въ Бельвилѣ. И этого совершенно достаточно; открыть ихъ въ большемъ количествѣ было бы уже слишкомъ много. Самыхъ плачевныхъ послѣдствій нужно было ожидать отъ приведенія въ исполненіе проэкта, которому администрація «общества вспоможенія» благоразумно отказала въ своемъ содѣйствіи и который заключался въ томъ, чтобы городъ основалъ по одному ночлежному пріюту въ каждомъ округѣ Парижа, которыхъ въ немъ имѣется цѣлыхъ двадцать. Это значило бы потворствовать скитальческимъ привычкамъ бродячаго населенія негодяевъ, которые никогда не стали бы заботиться о пріисканіи себѣ убѣжища и жили бы исключительно въ этихъ пріютахъ.

Въ Лондонѣ съ давнихъ поръ существуетъ по одному дортуару

Digitized by Google

для временнаго ночлега (*casual ward*) при каждомъ изъ *workhouses* столицы, которыхъ тамъ около тридцати. Предлагаемое временнымъ постояльцамъ гостепріимство—совсѣмъ другаго рода, чѣмъ-то, какое предлагается имъ въ Парижѣ. Одно учрежденіе имѣетъ благотворительный, а другое—чисто административный характеръ. Въ Лондонѣ этихъ постояльцевъ принимаютъ, не спрашивая о томъ, что они дѣлали вчера и что намѣрены дѣлать завтра. Тамъ ограничиваются лишь тѣмъ, что велятъ имъ вымыться въ ваннѣ, дадутъ имъ по куску хлѣба и предложатъ постель съ тюфякомъ изъ самаго грубаго холста и съ теплымъ одѣяломъ, подъ которымъ они могли бы согрѣться. Для дѣтей нѣтъ особенныхъ колыбелей: они ложатся также на нарахъ, рядомъ со своими матерями, и когда я посѣщалъ эти ночлежные пріюты—не знаю почему—мнѣ было какъ-то особенно жалко видѣть исхудалое дѣтское тѣло подъ этими одѣялами изъ грубой ткани. На слѣдующее утро, съ этихъ людей требуютъ, въ видѣ уплаты за полученный ночлегъ, работы довольно трудной и тяжелой,—т. е. требуютъ собственно отъ мужчинъ,—какъ-то: разбивать камни, пилить дрова, приводя въ движеніе тяжелую механическую пилу, съ цѣлью посредствомъ этого отучить ихъ отъ пользованія *casual ward*'омъ. Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ дортуаровъ устроены даже особенной системы отдѣльныя кровати (*separate berth*), чтобы людей ничто не влекло къ попыткамъ вступить между собою въ общій разговоръ. Но даже и это не помогло: изъ числа 37,221, пользовавшихся ночлегомъ въ пріютахъ въ 1879 г., 14,135 были признаны (*identsfied*) тѣми чиновниками, которымъ порученъ такого рода надзоръ, за бродягъ, не имѣющихъ никакихъ опредѣленныхъ занятій.

Поэтому, увеличить въ Парижѣ чрезъ мѣру количество такихъ пріютовъ, значило бы впасть въ ту же самую ошибку и превратить въ поощреніе лѣности тѣ учрежденія, которыя должны исключительно служить дѣлу облегченія нищеты. Благотворительность и безъ того найдетъ себѣ достаточное поприще для своей дѣятельности, если займется только тѣми, которые черезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять будутъ въ состояніи начать заработывать себѣ насущный хлѣбъ своимъ трудомъ. Я, впрочемъ, нисколько не хочу этимъ сказать, чтобы оно упустило изъ виду собственно такого рода дѣятельность. Въ продолженіе жестокой зимы 1879 и 1880 года, ея заботливость выказалась, главнымъ образомъ, въ снабженіи теплымъ платьемъ дѣтей, присланныхъ въ пріютъ на улицѣ Сенъ-Жакъ и въ доставленіи туда массы мелкихъ пожертвованій, которыя въ общемъ составили довольно значительную сумму. Однажды, между прочимъ, въ пріютъ пришла одна женщина и, вынимая изъ почти

Digitized by Google

пустаго кошелька монету въ сорокъ су, нѣсколько сконфузившись, сказала: «Примите это, пожалуйста, отъ меня; я сама не богата и не могу дать больше». Въ другой разъ... но, впрочемъ, г. Коппе лучше, чѣмъ я могъ бы передать, описываетъ тотъ эпизодъ, который затронулъ чувствительныя струны его сердца и вдохновилъ его музу въ слѣдующихъ стихахъ:

Un jour sur ce vieux seuil, connu de la misère,
Une femme parut, de qui la pauvreté
Semblait s'adresser là pour l'hospitalité.
On allait faire entrer la visiteuse pâle,
Quand celle çi, tirant de dessous son vieux châle
Des vêtements d'enfant, arrangés avec soin,
Dit: «Mon petit est mort et n'en a plus besoin.
Ce souvenir m'est cher, mais il est inutile.
Partagez ces effets aux bébés de l'asile».

Такая молчаливая благотворительность бѣдняка другому бѣдняку заключаетъ въ себѣ много такого, что̀ отрадно вліяетъ на душу и какъ будто вознаграждаетъ за всю массу встрѣчаемаго въ народѣ разврата!

IV.

До сихъ поръ мы занялись изученіемъ только матеріальной жизни бѣднаго люда, но не коснулись пока его нравственной жизни, а такое изученіе представляетъ, конечно, несравненно болѣе трудностей, чѣмъ изученіе первой. Въ самомъ дѣлѣ, мудрено вообразить себѣ чувства существъ, живущихъ, такъ сказать, въ условіяхъ совершенно противоположныхъ нашей цивилизаціи, хотя они—граждане той же самой страны и обитатели того же самаго города. Съ ними у насъ нѣтъ ничего общаго, исключая присущихъ человѣческой натурѣ страданій и страстей; мы не ощущаемъ испытываемыхъ ими томленій; мы не знакомы съ ихъ горестями; мы не раздѣляемъ ихъ удовольствій. Слѣдовательно, чтобы проникнуть въ ихъ внутреннюю жизнь, мы можемъ руководствоваться только предположеніями и догадками, основываясь въ подобныхъ случаяхъ лишь на внѣшнихъ наблюденіяхъ. Скажу даже болѣе: одного наблюденія недостаточно для того, чтобы хорошо описать существованіе людей низшаго класса: тутъ нужно также воображеніе, сила котораго скорѣе можетъ вѣрно воспроизвести ихъ положеніе, чѣмъ пошлая и, неизбѣжнымъ образомъ, неполная передача дѣйствительности. Поэтому нельзя не пожалѣть, что въ нашей литературѣ не существуетъ, въ полномъ смыслѣ слова, истиннаго *народнаго романа*.

Digitized by Google

Я не рѣшился бы назвать такимъ именемъ *l'Assommoir*, который, хотя съ замѣчательной силой и правдой, но описываетъ все таки только одну сторону народной жизни:—кабакъ—и не думаю, чтобы, кромѣ Альфонса Додэ, который такъ мастерски передаетъ взаимное вліяніе другъ на друга людей и обстоятельствъ, еще кто нибудь другой былъ бы въ состояніи справиться съ подобнаго рода задачей. Но, за неимѣніемъ такихъ произведеній въ беллетристикѣ, мы можемъ указать на двѣ книги, которыя стóитъ прочитать, потому что народная жизнь описана тамъ людьми, узнавшими ее по собственному опыту. Первая книга, подъ заглавіемъ *le Secret du peuple de Paris*, была написана въ 1863 году прежнимъ депутатомъ и теперешнимъ сенаторомъ г. Корбономъ; а другая, появившаяся въ свѣтъ уже нѣсколько лѣтъ спустя и названная *le Sublime, où le Travailleur en 1870*, была написана Дени Пулó, который прежде былъ работникомъ, а теперь занимаетъ постъ мэра XI-го округа.

Г. Корбонъ преимущественно обратилъ вниманіе на изученіе политическихъ нравовъ парижскаго народа, который онъ подраздѣляетъ на три разряда: на разрядъ вредныхъ, на разрядъ посредственныхъ работниковъ и на болѣе высшій классъ таковыхъ, анализируя главнымъ образомъ идеи, стремленія и предубѣжденія послѣднихъ съ замѣчательнымъ знаніемъ дѣла. Но, даже по его собственнымъ словамъ, въ составъ этого высшаго класса входятъ только пять десятыхъ всей массы парижскаго простонародья; такъ что половина его (въ сущности даже болѣе чѣмъ половина) не входитъ въ кругъ его наблюденій. Напротивъ, въ книгѣ *le Sublime*, второе изданіе которой появилось въ свѣтъ десять лѣтъ спустя послѣ книги г. Корбона, Дени Пулó, занялся именно описаніемъ нравовъ парижскихъ работниковъ и въ особенности нравовъ того класса, къ которому онъ самъ принадлежалъ: собственно рабочихъ на желѣзныхъ заводахъ. Отъ такого этюда можно было бы, конечно, потребовать болѣе обширнаго объема, но то, чтó изображено тамъ, взято прямо изъ жизни. Дени Пуло подраздѣляетъ своихъ прежнихъ товарищей по работѣ на двѣ категоріи: на обыкновенныхъ работниковъ и на *sublimes*; первые больше работаютъ, чѣмъ пьянствуютъ, а послѣдніе больше пьянствуютъ, чѣмъ работаютъ, чтó, по его исчисленіямъ, составляетъ пропорцію 40 на 100 обыкновенныхъ работниковъ и 60 на 100 *sublimes*, выключая находящихся въ средѣ обыкновенныхъ работниковъ—дѣйствительныхъ работниковъ (10 на 100), которые никогда не напиваются пьяными, и посредственныхъ работниковъ, которые напиваются изрѣдка, чтò составитъ на желѣзныхъ заводахъ цифру 90 человѣкъ на 100, пред-

Digitized by Google

ставляющую собою контингентъ посѣтителей кабаковъ. Изъ этой самой книги Пуло, и почерпнулъ Золя не только идею своего *Assommoir*'а, но даже весь тотъ простонародный, однимъ рабочимъ понятный, жаргонъ, который онъ вложилъ въ уста описываемыхъ имъ лицъ, также какъ и всѣ, получившія популярность, прозвища, въ родѣ: *Mes-Bottes*, *Bec-Salé*, *Bibi-la-Grillade*. Книга *le Sublime* имѣетъ передъ романомъ *Assommoir* все преимущество оригинала передъ копіей, и тамъ есть воспроизведеніе одного кабацкаго разговора, написанное съ такой энергіей и правдой, какой могъ бы позавидовать самъ Золя. Однако жь картина жизни парижскаго простонародья, напечатанная г. Дени Пуло, въ такой же степени страдаетъ неполнотою, какъ и та, которую изобразилъ г. Корбонъ, потому что тотъ и другой описали только два отдѣльныхъ разряда этого класса людей, что собственно представляетъ собою лишь начало будущаго общаго законченнаго нравоописанія, въ лицѣ какого нибудь талантливаго человѣка.

Я не имѣю претензіи на нѣсколькихъ страницахъ представить картину народной жизни, но попрошу моихъ читателей, вмѣстѣ со мною, вообразить себѣ: каково должно быть вступленіе на житейское поприще мальчика или дѣвочки, воспитанныхъ при тѣхъ матеріальныхъ условіяхъ, которыя были описаны мною выше. Предположивъ, что этотъ ребенокъ родился не въ какомъ нибудь госпиталѣ, а явился на божій свѣтъ отъ законнаго сожительства двухъ существъ; предположивъ, что онъ не былъ свидѣтелемъ того, какъ ложе матери раздѣляли поперемѣнно трое постороннихъ мужчинъ, которыхъ онъ тоже поочередно называлъ именемъ отца,—тѣмъ не менѣе онъ все таки родится и выростаетъ въ крошечной каморкѣ, гдѣ на самомъ тѣсномъ пространствѣ помѣщаются вмѣстѣ и его отецъ, и мать, и братья, и сестры. Весьма рѣдко бываетъ, что съ шести—или семи-лѣтняго возраста его посылаютъ спать на чердакъ, на одномъ тюфякѣ съ его старшимъ братомъ, или чтобъ занавѣска, протянутая поперекъ каморки (честное по своему намѣренію усиліе соблюсти благопристойность, замѣченное мною въ помѣщеніи нѣкоторыхъ бѣдняковъ) скрывала отъ его взоровъ супружескую постель его родителей. Но чаще всего, — и притомъ еще въ возрастѣ, не понимающемъ многихъ вещей,—онъ уже все видѣлъ, все знаетъ и у него нѣтъ даже и тѣни того святаго невѣдѣнія, которое мы такъ тщательно стараемся сохранить въ нашихъ дѣтяхъ. Съ той самой минуты, какъ только онъ будетъ въ состояніи ходить одинъ, безъ посторонней помощи, для него начнется уже другаго рода жизнь. Побуждаемый столь естественнымъ въ его возрастѣ инстинктомъ передвиженія и желаніемъ выбраться наружу

Digitized by Google

изъ зловонной атмосферы, гдѣ мать даже и не станетъ удерживать его, онъ выходитъ на улицу. Сначала онъ посидитъ у самаго порога двери, потомъ поиграетъ гдѣ нибудь въ лужѣ, а затѣмъ каждый день, по мѣрѣ увеличенія своихъ силъ, онъ будетъ уходить все дальше отъ дома, привлекаемый шумомъ и свѣтомъ другихъ улицъ; или присоединится гдѣ нибудь на дворѣ, въ темномъ переулкѣ, или въ мѣстностяхъ, гдѣ находятся артели рабочихъ, къ играмъ взрослыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ,—играмъ шумнымъ, грубымъ, самое названіе которыхъ носитъ уже отпечатокъ непристойности.

Когда онъ достигнетъ шести — или семи-лѣтняго возраста, въ его жизни совершается кризисъ: періодъ поступленія въ школу. Но пошлютъ ли его туда родители? Въ извѣстной степени отъ этого зависитъ вся его будущность; я говорю: въ «извѣстной степени», потому что не принадлежу къ разряду тѣхъ людей, которые придаютъ морально-воспитательное значеніе обученію ребенка азбукѣ, ариѳметикѣ и географіи, и которые восторженно цитируютъ слова автора *Народныхъ поэмъ*, Эжэна Манюэля.

Et celui qui sait lire est un homme sauvé!

Я такого убѣжденія, что въ этомъ вопросѣ весьма важную роль должны играть книги, которыя онъ будетъ читать. Но, не говоря уже о томъ, что въ нашемъ обществѣ всякаго неумѣющаго читать ожидаетъ неизбѣжная нищета,—для парижскаго ребенка не существуетъ середины между воспитательнымъ вліяніемъ школы и улицы. Конечно, недостаточное, даже положительно-плохое образованіе, получаемое въ школѣ, все таки предпочтительнѣе уличнаго, которое просто губительно. И дѣйствительно тотъ, кому не случалось бродить вечеромъ по многолюднымъ кварталамъ, не можетъ даже представить себѣ, сколько разврата вливается въ душу дѣтей только посредствомъ того, что́ они видятъ. Нельзя смотрѣть безъ особеннаго сожалѣнія на мальчиковъ и дѣвочекъ, — въ томъ возрастѣ, когда чувство любопытства бываетъ наиболѣе возбуждено,—стоящихъ, разиня ротъ, у входа въ разные cafés-concerts и танцовальныя заведенія, пользующіяся особенно дурною репутаціею, и тѣснящіяся возлѣ такихъ домовъ, о существованіи которыхъ они даже не должны бы имѣть никакого понятія. А потомъ, если ихъ отгоняютъ прочь, то они переходятъ на другую сторону тротуара, чтобы смотрѣть на входящихъ туда и выходящихъ людей. Конечно, одной школы недостаточно для того, чтобы предохранить ихъ отъ такого ознакомленія съ порочными свойствами человѣка, но за ней, по крайней мѣрѣ, остается то преимущество, что она удерживаетъ дѣтей въ своихъ стѣнахъ на извѣстную часть дня и знакомитъ ихъ

Digitized by Google

умъ и сердце съ другими понятіями, чѣмъ преждевременныя и вредныя свѣдѣнія о безобразіяхъ жизни. Въ продолженіе всего срока пребыванія ребенка въ школѣ, то есть отъ семи до двѣнадцатилѣтняго возраста, въ его душѣ происходитъ извѣстнаго рода борьба между понятіями, внушаемыми ему въ школѣ, и уроками, какіе даетъ ему грустный опытъ, причемъ, какъ мнѣ кажется, можно заранѣе прочесть на физіономіяхъ этихъ дѣтей исходъ такой борьбы. Одни смотрятъ всегда дико, изподлобья; одежда ихъ всегда грязная, волосы всклокочены и пряди ихъ падаютъ въ безпорядкѣ на выпуклый лобъ; другія имѣютъ болѣе кроткій и опрятный видъ; лица у нихъ открытыя, глаза смотрятъ прямо, а если это дѣвочки, то волосы ихъ всегда бываютъ гладко расчесаны на двѣ стороны и заплетены въ косу, перевязанную какой нибудь ленточкой.

Итакъ, вліяніе воспитанія на дѣтей не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но я крайне опасаюсь, чтобы это вліяніе не утратилось, вслѣдствіе слишкомъ усерднаго желанія ввести въ школахъ свѣтскихъ преподавателей и чтобы, смотря съ точки зрѣнія, столь важной при нравственномъ воспитаніи дѣвочекъ, благодѣтельный фактъ увеличенія количества школъ не былъ парализованъ устраненіемъ отъ преподаванія духовныхъ лицъ женскаго пола. Однако жь, будемъ говорить яснѣе. Я отнюдь не предполагаю, чтобы свѣтскія учительницы не въ состояніи были дать нравственнаго воспитанія дѣтямъ; это было бы въ такой же степени нелѣпо, какъ и несправедливо. Сколько я самъ могъ видѣть и узнать, въ этомъ многочисленномъ персоналѣ, дальнѣйшее пополненіе котораго навѣрное сдѣлается впослѣдствіи весьма затруднительнымъ, есть два, совершенно различныхъ между собою элемента: одинъ,—состоящій, можетъ быть, изъ самыхъ старѣйшихъ учительницъ,—простой, серьезный, проникнутый единственно чувствомъ своего долга и добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей; другой — болѣе элегантный, болѣе разсѣянный, видящій въ этой карьерѣ,—къ которой такъ усиленно толкаютъ теперь молодыхъ дѣвушекъ,—только временный переходъ на другое поприще. Но даже самыя лучшія изъ послѣднихъ никогда не пріобрѣтали на дѣтей (это уже фактъ, доказанный опытомъ) того вліянія, какое имѣли на нихъ преподавательницы духовнаго сана, и которое отъ дѣтей переходило даже на самихъ родителей. Сестры тѣхъ домовъ, которымъ такъ вѣрно дали названіе *домовъ милосердія* (maisons de secours), занимавшіяся прежде школами, посѣщеніемъ бѣдныхъ и больныхъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ творившія въ бѣдныхъ кварталахъ дѣла милосердія, взяли на себя чисто миссіонерскій трудъ, въ родѣ того, какой приняли на себя англійскіе пасторы въ лондонскихъ предмѣстьяхъ.

Digitized by Google

Сестра Розалія чрезвычайно много способствовала распространенію цивилизаціи въ кварталѣ Муфетаръ, что̀ собственно и придало его обитателямъ тотъ приличный видъ, о которомъ я упоминалъ въ прошедшей статьѣ. Сестры изъ *Maisons de secours*, находящагося въ улицѣ Женнеръ и въ улицѣ Водрезанъ, повліяли такимъ же благодѣтельнымъ образомъ на тѣ районы, гдѣ находятся: Гласьеръ и Maison Blanche, и гдѣ, члены конференціи Сенъ-Винсенъ-де-Поль, въ первый разъ заглянувшіе туда въ 1848 году, нашли въ тесовыхъ баракахъ и шалашахъ полунагихъ обитателей, которые не рѣшались показываться на улицахъ иначе, какъ вечеромъ. Въ этихъ же самыхъ кварталахъ, одна изъ сестеръ милосердія, въ продолженіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ посвятившая себя такому подвигу христіанской любви, но даже имя которой осталось неизвѣстнымъ, съумѣла, не смотря на перемѣну обстоятельствъ, пріобрѣсти себѣ такую большую популярность, что къ ней въ школу добровольно и цѣлыми толпами приходили дѣти ею же воспитанныхъ матерей.

Но въ чемъ же заключается тайна такого вліянія? Въ томъ, что эти сестры влагаютъ въ свое преподаваніе то, чего никогда не внесетъ въ него никакая, даже самая лучшая учительница, именно: стремленіе къ облагороженію душъ. Когда свѣтская учительница прошла со своими питомцами весь курсъ школьной программы, то она считаетъ свое дѣло оконченнымъ, а новая гражданская мораль, которую ей позволятъ присоединить къ этой программѣ, сама по себѣ такого свойства, что не производитъ большаго дѣйствія на дѣтскую совѣсть. Напротивъ, обязанность учительницы принадлежащей къ какой нибудь конгрегаціи, считается исполненною только на половину, если она къ сухой программѣ первоначальнаго обученія не присоединитъ наставленія дѣтей въ христіанскихъ добродѣтеляхъ,—не только словомъ, но и дѣломъ. Эти сестры продолжали такого рода наставленія даже внѣ школы, удерживая подъ своимъ вліяніемъ молодыхъ дѣвушекъ, посредствомъ священныхъ узъ покровительства и братства, которыя у многихъ въ наше время вызываютъ презрительное пожатіе плечами, но которыя тѣмъ не менѣе предохранили многихъ молодыхъ дѣвицъ отъ соблазновъ, неразлучныхъ съ ихъ возрастомъ. Большинство, конечно, разорвало впослѣдствіи эти узы, но немало осталась и такихъ дѣвушекъ, которыя остались вѣрными правиламъ, внушеннымъ наставницами, которыя сдѣлались потомъ прекрасными матерями семействъ. Въ настоящее время даже какъ будто вошло въ моду уничтожать такое вліяніе и такого рода связующія узы. Но плоды такихъ воззрѣній, конечно, окажутся не ранѣе, какъ черезъ десять, а, можетъ быть,

Digitized by Google

даже и черезъ двадцать лѣтъ, когда преподаваніе въ школахъ повсемѣстно будетъ отдано въ руки свѣтскихъ учителей и учительницъ.

Окончивъ свое школьное образованіе, ребенокъ изъ простонародья вступаетъ въ новый фазисъ своей жизни: фазисъ обученія какому нибудь ремеслу. Этотъ рядъ предстоящихъ ему годовъ бываетъ для него самымъ рѣшительнымъ и самымъ опаснымъ періодомъ. Если дѣло идетъ о мальчикѣ, который долженъ поступить ученикомъ въ артель, гдѣ работаетъ его отецъ, то вотъ какъ это происходитъ, выражаясь словами автора *le Sublime*: «Когда мальчикъ достигнетъ десяти или двѣнадцатилѣтняго возраста, то *le Sublime* находитъ, что *le feignut*, (какъ обыкновенно называютъ такихъ дѣтей) можетъ уже самъ зарабатывать себѣ насущный хлѣбъ. Тогда его отдаютъ на фабрику, гдѣ хозяинъ даетъ ему одинъ франкъ или одинъ франкъ и двадцать пять сантимовъ за такой трудъ, гдѣ онъ работаетъ, какъ ломовая лошадь, до полнѣйшаго отупенія, въ продолженіе десяти или одиннадцати часовъ въ сутки, причемъ онъ обязанъ весь свой заработокъ принести домой,—иначе его ждутъ пинки и побои. Взгляните хоть мимоходомъ на это маленькое существо, которому даютъ въ руки громаднѣйшія ножницы для разрѣзыванія нужнаго на фабрикѣ матеріала, которыя и приводятся имъ въ постоянное движеніе въ продолженіе двѣнадцати часовъ, въ ужаснѣйшей, губящей здоровье, атмосферѣ. Лица этихъ малютокъ блѣдны, какъ у мертвецовъ. Такое зрѣлище невольно заставитъ васъ ужаснуться. Утромъ, отпуская его на работу, мать сунетъ ему въ руку ломоть хлѣба и нѣсколько су; а вокругъ помѣщенія фабричныхъ артелей, на тротуарахъ, онъ видитъ, какъ молодые парни проигрываютъ въ орлянку деньги, полученныя ими на завтракъ, а иногда и послѣдній кусокъ хлѣба. Это все сыновья разныхъ *sublimes*, которые *tirent une loupe* [1]) и работаютъ для будущей наживы. Такимъ образомъ ребенокъ растетъ въ этой средѣ. Въ пятнадцать лѣтъ онъ пускаетъ по міру своихъ родителей, если тѣмъ временемъ не успѣлъ попасть въ тюрьму Ла-Рокеттъ или Консьержери. Если онъ нанимается къ хозяину самъ по себѣ, то его участь въ отсутствіи родительскаго надзора зависитъ отъ того, окажется ли этотъ хозяинъ безсердечнымъ эгоистомъ и развратникомъ, или нѣтъ, такъ что всѣ эти обстоятельства, взятыя вмѣстѣ, и гдѣ его собственная воля оказывается не причемъ, могутъ сдѣлать изъ него со временемъ или хорошаго, исправнаго работника, или ни на что неспособнаго, вреднаго негодяя. Если же это молодень-

[1]) На языкѣ рабочихъ это означаетъ «зашибить копѣйку».

Digitized by Google

кая дѣвочка—то на фабрикѣ, въ общей артели, ей можетъ быть придется испытать на себѣ печальныя послѣдствія отказа отъ исполненія правила, вдвое болѣе тяжкаго, чѣмъ всякая барщина,—это посягательство старшаго надсмотрщика на ея честь. Если она поступитъ въ ученье къ какой нибудь мастерицѣ и будетъ работать добросовѣстно, то ея товарки, которыя старше ея годами, поднимутъ ее на смѣхъ за такое усердіе и потомъ научатъ ее легкому способу пополнять недостаточность получаемаго жалованья. Прибавьте къ этимъ великимъ опасностямъ еще внутреннее искушеніе, такъ что для того, чтобы выучиться какому нибудь мастерству, она должна за ничтожную плату посвятить неустанной работѣ тѣ лучшіе годы своей жизни, когда молодая кровь кипитъ, когда пробуждается жажда всякихъ наслажденій, когда развивается физическая красота. Примите въ соображеніе всѣ тѣ соблазны, которые, какъ алчные звѣри, рыщутъ вокругъ, чтобы погубить ихъ, и вы, конечно, перестанете удивляться тому, что періодъ отъ тринадцати до восемнадцатилѣтняго возраста, какъ для юношей, такъ и для молодыхъ дѣвушекъ, представляется періодомъ пагубныхъ увлеченій и ничѣмъ непоправимыхъ нравственныхъ паденій.

Допустивъ даже, что тотъ или та, чью жизнь мы старались представить себѣ, избѣжали всѣхъ вышеприведенныхъ опасностей: что ученикъ сдѣлался довольно искуснымъ работникомъ и ознакомился со своимъ мастерствомъ; что молодая дѣвушка нашла себѣ мужа, что эта чета супруговъ завелась своимъ хозяйствомъ, — но какъ и чѣмъ она будетъ жить потомъ? Существованіе ихъ обоихъ будетъ главнымъ образомъ зависѣть отъ ежедневнаго заработка мужа и жены. Парижъ — это рай для мастеровыхъ, и нищета, конечно, не была бы такъ велика, еслибъ кабакъ и прочія увеселенія не поглощали собою всѣхъ ресурсовъ большинства. Но я также буду имѣть случай указать на то, что найдется немалое количество и такихъ, которые, по недостатку здоровья, ловкости и смышленности, прозябаютъ кое-какъ въ самой низшей ремесленной средѣ, съ величайшимъ трудомъ зарабатывая ничтожное жалованье. Но такъ какъ насъ занимаетъ собственно вопросъ объ образѣ жизни подобнаго рода нищеты, то намъ нужно предположить, что семейство состоитъ изъ мужа, жены, двоихъ или троихъ дѣтей (среднимъ числомъ) и что всѣ они еще не дошли до самой крайней нужды, но живутъ день за день на жалованье отца, которое пополняется заработкомъ матери, если заботы о дѣтяхъ не поглощаютъ у нея всего времени; однимъ словомъ, мы беремъ для примѣра такое семейство, которое постоянно находится въ положеніи весьма близкомъ къ нищетѣ, въ которую оно неизбѣжно должно

Digitized by Google

впасть въ первую же минуту прекращенія работы или при первой внезапной болѣзни. Постоянно влача такую трудовую жизнь, полную опасеній за будущее, даже за самое существованіе, могутъ ли они имѣть одинаковыя съ нами чувства? При безропотности, съ которою они переносятъ такое тяжкое существованіе, что́ играетъ у нихъ главную роль: покорность судьбѣ или безчувственность? Что творится въ глубинѣ ихъ души при видѣ рѣзкой разницы между ихъ положеніемъ и нашимъ? Когда задаешь себѣ подобные вопросы, то ощущается какой-то страхъ передъ ними и отвѣчать на нихъ можно только одними предположеніями. Но такъ какъ этотъ людъ, наравнѣ съ нами, обладаетъ способностью радоваться и страдать, когда намъ теперь извѣстны его страданія,—то посмотримъ: вознаграждаются ли, по крайней мѣрѣ, послѣднія хоть какими нибудь удовольствіями. Мы займемся потомъ изслѣдованіемъ ихъ вѣрованій, и такимъ образомъ соберемъ хоть нѣкоторые элементы, входящіе въ составъ ихъ нравственной жизни.

Читателей, можетъ быть, удивитъ, что я заговорилъ объ удовольствіяхъ людей, поверженныхъ въ нищету, какъ будто послѣдніе могутъ, а главнымъ образомъ, какъ будто они должны имѣть ихъ. Конечно, легко сказать человѣку, съ трудомъ добывающему себѣ насущный хлѣбъ: «Съ самой ранней поры твоей юности и до самаго дня твоей смерти, ты никогда не долженъ позволять ни себѣ, ни своему семейству ни единой излишней траты, ни единаго дня веселья. Ты никогда не поведешь твою жену въ театръ, мимо котораго вы проходите каждый вечеръ, возвращаясь съ работы. Ты никогда не пойдешь съ твоими дѣтьми на цѣлый день за городъ, чтобы доставить имъ хоть какое нибудь удовольствіе и развлеченіе. Если ты, отправляясь съ ними въ воскресный день пѣшкомъ на какую нибудь скромную прогулку, на возвратномъ пути увидишь ихъ усталыми, едва передвигающими ноги, то ты не позволишь имъ присѣсть отдохнуть и выпить чего нибудь прохладительнаго въ какомъ нибудь маленькомъ ресторанѣ и доѣхать домой на имперіалѣ омнибуса. Когда твой малолѣтній мальчуганъ со слезами будетъ просить тебя купить ему въ лавочкѣ какую нибудь игрушку, которая стоитъ не болѣе пяти су, — ты откажешь ему въ этомъ. Ты никогда не купишь ни одной шолковой ленточки твоей женѣ, ни одного ситцеваго платья твоей малюткѣ-дочери. Ты откажешь имъ, также какъ и самому себѣ, во всякомъ, даже въ самомъ дешевомъ удовольствіи, и посреди этой утонченной цивилизаціи, этой со всѣхъ сторонъ окружающей роскоши, ты будешь вести самъ и заставишь ихъ вести жизнь мудреца, стоика, «анахорета». Совѣтовать все это бѣдняку очень легко, но при этомъ пусть каждый изъ насъ по со-

Digitized by Google

вѣсти спроситъ самого себя: - «*имѣлъ ли бы я, будучи на его мѣстѣ, достаточно силы воли, чтобы дѣйствительно послѣдовать такому совѣту.* Еслибы этотъ, испытывающій нищету, людъ воздерживался только (чтò, впрочемъ, случается не всегда) отъ удовольствій, которыя губятъ его здоровье и унижаютъ душу, то не слѣдуетъ ставить ему въ укоръ, если онъ принимаетъ возможно частое участіе въ увеселеніяхъ народа, жизнью котораго онъ живетъ въ свою очередь, съ тою только разницею, что для него самого лишеній оказывается больше, а удовольствія встрѣчаются рѣже. Посмотримъ же теперь, въ чемъ состоятъ народныя увеселенія въ Парижѣ.

Но, прежде всего, нужно рѣшить: привычка ли къ удовольствію вызываетъ потребность въ немъ, или самая эта привычка способствуетъ къ притупленію испытываемаго удовольствія? Есть цѣлыя крестьянскія семьи, которыя только и мечтаютъ о томъ, чтобы поѣхать въ Парижъ и которыя для этой цѣли копятъ деньги въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Для нихъ деревенская природа не имѣетъ никакой прелести, просторъ полей не представляетъ ни малѣйшей поэзіи. Ихъ воображеніе витаетъ только по бульварамъ и Елисейскимъ полямъ. Напротивъ, всѣ мечты парижанина (я подразумѣваю самаго бѣднаго и самаго скромнаго) постоянно стремятся къ деревнѣ. Изъ своей мрачной подвальной трущобы, выходящей въ узенькій переулокъ, изъ своей, прокопченной дымомъ и находящейся подъ самой крышей, мансарды онъ вздыхаетъ по ясной небесной лазури, по лѣсамъ и зеленой травѣ. Это инстинктивное стремленіе такъ крѣпко засѣло въ его душѣ, что тѣ люди, ремесло которыхъ заключается въ извлеченіи для себя выгодъ изъ потребностей народа, стараются, по мѣрѣ возможности, удовлетворить имъ. Всякому извѣстно, какую роль играло въ произведеніяхъ нашихъ отцовъ слово *bosquet*. Въ настоящее время, оно уже совершенно исчезло изъ нашей литературы, нашедши себѣ пріютъ только въ одномъ мѣстѣ, именно: на вывѣскахъ мелкихъ виноторговцевъ. Почти ни одинъ кабачикъ, у котораго на заднемъ дворѣ окажется клочокъ земли, гдѣ можно выстроить нѣкое подобіе бесѣдки и посадить хоть одинъ какой нибудь кустъ, не преминетъ тотчасъ же прибить у воротъ доску, съ надписью: «садъ и боскетъ». На высотахъ Бельвиля, почти возлѣ самыхъ укрѣпленій, существуетъ большой ресторанъ, который по воскресеньямъ бываетъ биткомъ набитъ посѣтителями и не проходитъ почти ни одной субботы безъ того, чтобы какая нибудь компанія изъ обитателей этого квартала не устраивала тамъ пирушки. Этотъ ресторанъ обязанъ своею популярностью роднику, настоящему роднику, обильныя и прохладныя струи котораго наполняютъ собою маленькій искусственный бассейнъ,

Digitized by Google

обсаженный довольно красивыми тополями. Эта поддѣльная природа положительно приводитъ въ восторгъ обычныхъ посѣтителей, которые все время послѣ обѣда катаются на лодкѣ, въ родѣ корыта, по этому бассейну, скорѣе похожему на ванну увеличенныхъ размѣровъ, причемъ они вполнѣ убѣждены, что совершаютъ прогулку по озеру.

Однако, все это полу-мѣщанскія удовольствія. Народъ лучше любитъ настоящую деревню. Какъ только теплый апрѣльскій вѣтеръ начнетъ подымать въ солнечный день по улицамъ предмѣстій клубы золотистой пыли и какъ только овощныя торговки появятся съ разными своими телѣжками, гдѣ посреди цѣлой массы всякой зелени находятся также огромные букеты распустившейся сирени, сильный запахъ которой пріятно раздражаетъ обоняніе, то каждое воскресенье начинается положительное выселеніе парижскаго простонародья за городъ, напоминающее собою исходъ израильтянъ изъ Египта; вся эта несмѣтная толпа стремится по направленію тѣхъ мѣстностей въ окрестностяхъ Парижа, которыя описаны Поль-де-Кокомъ и названіе которыхъ сохранилось даже въ одной народной пѣснѣ. Это мѣстности: Lilas, Près-Saint-Gervais, Romainville, Bagnolet, Montreuil, Le Raincy, Montfermeil. Одни отправляются туда по желѣзной дорогѣ и, не смотря на удушающую атмосферу вагоновъ третьяго класса, набиваются туда безъ счета,—это, такъ называемые, богатые; прочіе же отправляются пѣшкомъ,—это бѣдные. Добравшись до избранной ими заранѣе цѣли своей экскурсіи, они всей семьей садятся на траву и ѣдятъ принесенные ими изъ Парижа хлѣбъ, сыръ и колбасу, или садятся за столики въ какомъ нибудь трактирѣ, поторговавшись предварительно съ хозяиномъ за ту нездоровую пищу, которую онъ приподнесетъ имъ. Если гдѣ нибудь, по сосѣдству въ деревнѣ, случится праздникъ, то они уже ни за что не откажутъ себѣ въ удовольствіи побывать тамъ, походить по базару, купить пряниковъ и посмотрѣть на упражненія какого нибудь ярмарочнаго силача, котораго усердно поощряютъ своими рукоплесканіями, а подъ конецъ ложатся гдѣ нибудь въ тѣни на травѣ и погружаются въ чисто животное наслажденіе воздухомъ и покоемъ. Вечеромъ, они всѣ опять воротятся въ Парижъ, по которой нибудь изъ большихъ артерій предмѣстія, пѣшкомъ, тѣмъ же способомъ, какъ отправились изъ дому: — отецъ, неся на рукахъ своего меньшаго маленькаго ребенка, который заснулъ и голова котораго болтается во всѣ стороны; мать, таща за собою двоихъ старшихъ, которыя плачутъ отъ усталости, едва передвигаютъ ноги, красные, въ поту; но зато, по крайней мѣрѣ, всѣ эти люди, хотя на нѣсколько часовъ, забыли и о домохозяинѣ, который требуетъ денегъ за квартиру, и о булочникѣ, который завтра уже не отпу-

Digitized by Google

стить имъ хлѣба въ долгъ. А главнымъ образомъ они возвращаются къ себѣ съ полнымъ убѣжденіемъ, что хорошо провели этотъ день.

Эта страсть, которую самыя бѣднѣйшія, а иногда и низко павшія существа чувствуютъ къ деревнѣ, превосходно изображены авторомъ «La Chanson des Gueux», Ришпэномъ, въ строфахъ, за приведеніе которыхъ здѣсь я прошу извиненія у читателей, конечно, не отъ его имени, а отъ моего собственнаго. Вотъ эти стихи:

Les voyons les plus noirs sont fous de la campagne.
L'hiver, ils vivent dans Paris, ainsi qu'au bagne,
Captifs. La liberté pour eux—c'est le printemps,
Aussi, lorsque l'hiver les lâche, ils sont contents.
Pour recevoir avril, plus d'un se débarbonille,
Et le nouveau soleil illumine l'arsonille.
Il va droit devant lui, rêveur, sans savoir où,
Gambadant comme un chien et chantant comme un fou,
Bien qu'à vois les talus, les fossés et les buttes.
C'est là que, tout gamin, il faisait des culbutes.
C'est là, les soirs d'été, qu'il se gavait de flan.
C'est là qu'il enleva son premier cerf-volant.
C'est là qu'il vint un jour avec Jeanne, la sienne,
Du temps qu'elle portait un tablier d'indienne.
C'est là qu'en rougissant il s'assirent très las
Et que leur amour frais fleurit comme un lilas.
Or l'on a beau depuis avoir oublié Jeanne,
Vivre comme un cochon, s'abrutir comme un âne,
Après tout, on n'est pas un sans—coeur, n'est—ce pas?
Et le méchant vaurien retrouve à chaque pas
Un nid de souvenirs qui chante dans son âme.
. . . . . .
Ainsi le rossignol n'a qu'a chanter, sa voix
Fait taire autour de lui tous les oiseaux de bois.
Ainsi le doux passé, plein de mélancolie,
Fait taire le présent de l'arsonille. Il oublie...
Et sans honte de sa faiblesse, sans scrupule,
Sans penser qu'on pourrait le trouver ridicule,
Il pleure doucement, l'arsonille, et dans ses yeux
Ces pleurs inattendus sont plus délicieux
Que si dans une fleur du soleil embrasée
Un oiseau déposait des gouttes de rosée.

Увеселеніе, которое парижскій народъ ставитъ наравнѣ съ деревенскими удовольствіями,—это театръ, и я съ увѣренностью могу

Digitized by Google

сказать, что всякій работникъ доставляетъ себѣ это развлеченіе раза два и три въ годъ. Поэтому во всѣхъ парижскихъ предмѣстіяхъ:—Бельвиль, Ла-Вильетъ, Монмартръ, Ле-Батиньоль, Гренель, Монпарнасъ, Гобеленъ и во многихъ другихъ есть свои театральныя залы, которыя каждый вечеръ бываютъ переполнены восторженной, въ одно и то же время смышленой и простодушной, публикой. Изгнанная изъ театровъ стариннаго бульвара опереткою и разными феріями, драма нашла себѣ здѣсь пріютъ, потому что народъ питаетъ положительную страсть къ драмамъ. Нужно видѣть, какими искренними слезами плачутъ женщины въ простыхъ бѣлыхъ чепчикахъ надъ несчастіями героини и какими неистовыми рукоплесканіями мужчины въ блузахъ привѣтствуютъ наказаніе злодѣя и торжество невинности. Поэтому народъ считаетъ для себя большимъ праздникомъ, когда перворазрядные парижскіе театры открываютъ ему безплатный входъ въ нихъ и когда наши лучшіе актеры считаютъ за честь выказать передъ нимъ свой талантъ. Но, при этомъ, все таки придется повторить, что простонародье всему предпочитаетъ драму, и я былъ положительно пораженъ, присутствуя на такомъ безплатномъ дневномъ спектаклѣ въ Théatre Français, данномъ 14-го іюля, съ какимъ вниманіемъ публика слѣдила за перипетіями *Сида* (въ сущности пьеса эта полна самыхъ крайнихъ мелодраматическихъ положеній) и какъ, видимо, зрители интересовались поскорѣе узнать: женится ли, наконецъ, Родригъ на Химэнѣ? Нужно замѣтить, что съ политической точки зрѣнія такой способъ воздѣйствія на народное воображеніе приводитъ къ поразительнымъ результатамъ. Примѣромъ тому можетъ служить припѣвъ въ дававшейся на сценѣ въ 1848 году драмѣ *Жирондисты*, который сдѣлался съ тѣхъ поръ революціонной пѣснью. Прежнія военныя драмы, гдѣ маленькій капралъ игралъ очень видную роль, также много способствовали наполеоновской реакціи. Духъ партій воспользовался этимъ оружіемъ, и нынѣ почти во всѣхъ историческихъ драмахъ главную роль играютъ преступныя дѣянія императорскаго правительства или козни іезуитовъ, такъ что большинство рабочаго люда знаетъ исторію Людовика XV-го только по пьесѣ, называемой *Латюдъ, или тридцать лѣтъ заточенія*; нисколько не подозрѣвая, что Корсика и Лотарингія были присоединены къ Франціи именно въ его царствованіе.

Однако жъ, во многолюдныхъ кварталахъ, съ нѣкоторыхъ поръ драма встрѣтила опасную конкуренцію въ café-concerts. Вся привлекательность такого рода кафэ заключается въ томъ, что тамъ обыкновенно ничего не берутъ за входъ и что ихъ содержатели находятъ свою выгоду именно въ томъ, что дерутъ втридорога за

Digitized by Google

какое нибудь зелье съ потребителей спиртныхъ напитковъ. Далѣе успѣхъ этихъ кабачковъ съ музыкой зависитъ также отъ того, что элегантная знать подала собою примѣръ, посѣщая весьма усердно такого рода заведенія, находящіяся въ Елисейскихъ поляхъ. А такъ какъ примѣръ высшаго сословія дѣйствуетъ еще въ большей степени заразительно на низшій классъ людей, то вліяніе его и передается преимущественно черезъ женщинъ. Модистка отправляется туда, куда ѣздитъ ея богатая кліентка; мастерицы идутъ туда, куда отправляется сама модистка, а молодыя, только что вышедшія изъ школы, дѣвочки идутъ, куда поведутъ ихъ старшія сестры, мастерицы модныхъ магазиновъ. Ba-ta-clan и Folies-Belleville не посѣщались бы такъ часто, еслибъ никто не ѣздилъ въ Café des Ambassadeurs или въ Alcazar d'été. Репертуаръ, которому рукоплещутъ въ подобнаго рода заведеніяхъ, вездѣ одинъ и тотъ же, одинаково грубый и глупый; но въ вышеупомянутыхъ кабакахъ съ музыкой (которымъ даже нельзя дать лучшаго названія) голоса пѣвицъ еще болѣе неприличны, жесты еще болѣе рѣзки, пантомимы еще болѣе нахальны, что̀ собственно и приводитъ толпу въ такое возбужденное состояніе, которое выражается въ громкомъ подпѣваніи и въ оглушительномъ топаньѣ ногами. Это возбужденіе поддерживается еще, сверхъ того, появленіемъ и уходомъ женщинъ, которыя исполняютъ обязанность прислуги въ этихъ притонахъ и которыя снуютъ взадъ и впередъ посреди этой толпы посѣтителей съ низко вырѣзаннымъ воротомъ лифа, мелькая передъ ихъ глазами при свѣтѣ газа или исчезая потомъ въ темныхъ коридорахъ. Вы чувствуете, что тутъ въ душѣ каждаго бушуютъ сластолюбивыя вожделѣнія, готовыя каждую минуту превратиться въ общій взрывъ оргіи, еслибъ безстрастно стоящій у входа муниципальный блюститель порядка не сдерживалъ своимъ присутствіемъ этихъ поползновеній. А, между тѣмъ, тамъ нерѣдко случается видѣть честное работящее семейство какого нибудь мастероваго, пришедшаго туда съ женою и дѣтьми, чтобы доставить имъ нѣкоторое развлеченіе въ этомъ, вредномъ для ихъ нравственности, увеселительномъ заведеніи. Однажды вечеромъ (это было въ café-concert, находящемся по близости Бастиліи) я замѣтилъ, что туда взошла чета супруговъ съ маленькой дѣвочкой, которой на видъ было не болѣе десяти лѣтъ и которая съ трудомъ переступала больными ногами, опираясь на костыли. Грубыя и выпачкнаныя руки мужчины изобличали въ немъ человѣка, постоянно занимающагося работой; гладкое серебряное кольцо на пальцѣ женщины доказывало, что она законнымъ образомъ повѣнчана и была честною матерью семейства. И мужъ, и жена съ большой заботливостью относились къ

Digitized by Google

болѣзненной дѣвочкѣ, бережно усадили ее на стулъ и положили неподалеку ея костыли, чтобы она могла, когда вздумаетъ, сама взять ихъ. Въ эту самую минуту пѣвица запѣла своимъ хриплымъ голосомъ какую-то самую непристойную пѣсню, которая дѣвочкѣ такъ понравилась, что она захлопала своими маленькими ручонками въ ладоши, а отецъ и мать видимо любовались на ея радость.

Легко можно себѣ представить, въ какой степени частое посѣщеніе подобнаго рода зрѣлищъ притупляетъ всякое чувство приличія и какъ глубоко западаютъ въ дѣтскую память эти площадныя пѣсни. Чему же послѣ этого удивляться, что народная пѣсня такъ опошлилась съ того времени, какъ писали свои пѣсни Эмиль Дэбрò и Беранжэ? Если вы хотите ознакомиться съ названіемъ пѣсенъ, получившихъ въ настоящее время особенную популярность, то загляните въ книгу Денѝ Пулò и она укажетъ вамъ на: *la Noce à Montreil*, *le Piqueton*, *le Gandriole*, *le P'tit Bleu*... Я даже не буду дѣлать дальнѣйшаго перечня ихъ, полагая, что и этого довольно. По поводу этого можно привести нѣсколько измѣненную пословицу: «Скажи мнѣ, что ты поешь, а я тебѣ скажу, кто ты». Самая популярность такого рода площадныхъ пѣсенъ бросаетъ грустный свѣтъ на нравы людей, въ средѣ которыхъ прививаются подобныя пѣсни. Впрочемъ, эта, достойная сожалѣнія, школа пѣнія, существующая въ кабакахъ съ музыкой, еще несовсѣмъ вытравила изъ сердца парижанъ прирожденный имъ вкусъ къ сантиментальнымъ романсамъ. Отголоски такихъ романсовъ раздаются даже въ самыхъ грязныхъ притонахъ разврата, и Gonaleuse, личность, созданная Эженомъ Сю,—эта площадная пѣвица, вызывающая своими меланхолическими и томными романсами рукоплесканія публики, состоящей исключительно изъ однихъ воровъ,—представляетъ собою совершеннно вѣрный природѣ типъ, хотя онъ сначала можетъ показаться далеко не таковымъ. Однажды вечеромъ, когда мнѣ случилось зайти съ компаніей весьма серьезныхъ людей въ подобнаго рода кабакъ, пользующійся особенно дурной репутаціей, и гдѣ наше появленіе, повидимому, стѣснило обычныхъ посѣтителей, — одинъ изъ сидѣвшихъ возлѣ насъ за столомъ крикнулъ повелительнымъ голосомъ: «Тише, молчать! дайте послушать пѣвицу». И тогда, дѣйствительно, какая-то женщина встала со своего мѣста и хриплымъ голосомъ затянула чувствительный романсъ, въ которомъ говорилось о любви, братствѣ, причемъ я удержалъ въ памяти одинъ стихъ:

Jésus l'a dit: Tous les hommes sont frères.

Было какъ-то особенно странно, по своей противоположности, слышать произношеніе этого святаго имени въ такомъ мѣстѣ... Но

Digitized by Google

какъ только она окончила послѣдній куплетъ, мы поспѣшили удалиться, такъ какъ съ нашей стороны было бы весьма неблагоразумно подвергать испытанію братскія чувства этихъ людей.

Къ перечню народныхъ увеселеній, въ которыхъ главную роль играютъ поѣздки за городъ и театръ, я не рѣшаюсь причислить искусства. Въ этомъ отношеніи парижане не особенно щедро одарены природой и не имѣютъ ни того чутья, ни той впечатлительности, ни того врожденнаго дара, которые составляютъ характеристическую черту націй юга и сѣвера. Музыкальныя общества, орфеоны, или оркестры духовой музыки, напримѣръ, далеко не занимаютъ того мѣста въ жизни парижскаго народа, какъ въ Германіи, такъ что устройство ихъ не всегда приводитъ къ удачнымъ результатамъ. Впрочемъ, въ образованіи его музыкальнаго вкуса съ нѣкоторыхъ поръ замѣчается прогрессъ, и учрежденіе народныхъ концертовъ, между прочимъ, много способствовало къ ознакомленію этой простой публики съ геніальными произведеніями, доставляя ей тѣмъ самымъ возможность честнымъ и приличнымъ образомъ проводить свое послѣобѣденное время въ воскресные дни. Такого рода учрежденіе, — хотя бы репертуаръ исполняемыхъ въ немъ музыкальныхъ произведеній нѣсколько и понизился относительно серьезности пьесъ, — тѣмъ не менѣе заслуживаетъ поддержки и одобренія, хотя подобный взглядъ, пожалуй, и не понравится многимъ тонкимъ знатокамъ и цѣнителямъ музыки, которые полагаютъ, что эстетическое наслажденіе искусствомъ должно по прежнему оставаться привилегированнымъ достояніемъ аристократіи. Но, не смотря ни на какія старанія, музыкальнаго чутья, однако жь, парижскій народъ не оказываетъ, такъ какъ онъ не рожденъ музыкантомъ. Но, взамѣнъ того, у него замѣчается большая склонность къ живописи и, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно будетъ зайти на ежегодную выставку въ Елисейскихъ поляхъ въ тотъ день, когда входъ безплатный. Тогда почти нѣтъ никакой возможности протискаться сквозь тѣсную толпу, которая стоитъ передъ вашими глазами и громогласно выражаетъ свои впечатлѣнія. У воскресной публики есть свои любимыя картины, и въ такомъ предпочтеніи ихъ другимъ артистическое чувство не играетъ положительно никакой роли; публика остается совершенно холодна передъ превосходной аллегорической картиной Бодри, въ которой она ровно ничего не понимаетъ. Картины съ религіознымъ сюжетомъ равнымъ образомъ не смыслитъ ея вниманія, потому что, не затронутъ ея внутренняго чувства, оставаясь для нея одинаково непонятными. Но она положительно приходитъ въ восторгъ отъ картинъ, изображающихъ сцены военной жизни изъ послѣдней войны и заставля-

Digitized by Google

ющихъ трепетать въ немъ ту сторону, которая оказывается уже черезчуръ натянутою за послѣдніе годы; или онъ залюбуется до самозабвенія на какое нибудь поразительно-вѣрное воспроизведеніе сценъ, которыя взяты изъ ея быта. «Вотъ такъ хорошо! Точь въ точь, какъ всегда бываетъ», восклицаетъ она передъ какой нибудь, писанной масляными красками, картиной, изображающей эпизодъ изъ ея собственной обыденной жизни, семейную ссору или мѣщанскую свадьбу. Впрочемъ, она не любитъ уже чего либо слишкомъ безобразнаго, чѣмъ шокируется ея личное чувство изящнаго, и она предпочитаетъ всегда тѣ сюжеты, которые ласкаютъ ея зрѣніе, даже въ ущербъ правдѣ. Въ прошедшемъ году, отъ редакціи, не помню ужь какого журнала, по улицамъ безплатно раздавалась, какъ премія, гравюра, изображающая молоденькую дѣвушку, ласкающую двухъ сидящихъ въ гнѣздѣ голубей, съ надписью: «Первая любовь». А потомъ, во многихъ бѣдныхъ семействахъ, мнѣ пришлось видѣть эту самую гравюру приколотою къ стѣнѣ четырмя булавками; но я весьма рѣдко встрѣчалъ тамъ какую нибудь изъ тѣхъ глупыхъ и непристойныхъ картинъ, которыми, послѣ запрещенія ихъ въ продажѣ разнощиками, увѣшаны стѣны всѣхъ книжныхъ кіосковъ. Парижскій народъ, по своей природѣ, не поклонникъ *натуралистской* школы и вопреки обстоятельствамъ сохраняетъ въ своей душѣ нѣкое идеалистическое чувство, котораго не въ состояніи были истребить въ немъ никакія грубыя пошлости жизни.

V.

Такая склонность къ идеализму, казалось, должна была бы поддерживать въ парижскомъ населеніи религіозныя вѣрованія. Исторія этого населенія доказываетъ намъ, что, не смотря на дѣлаемые ему многими упреки въ скептицизмѣ и будто бы въ легкомысленномъ отношеніи его къ подобнаго рода предметамъ, его, напротивъ, всегда глубоко волновали религіозные вопросы. Въ этотъ періодъ, когда вѣра была всеобщей, населеніе доходило (примѣромъ чему могутъ служить событія временъ Лиги) до самыхъ крайнихъ проявленій фанатизма. Въ послѣдующіе затѣмъ вѣка, парижское населеніе принимало страстное участіе въ борьбѣ іезуитовъ съ янсенистами. Въ то время, когда безвѣріе сдѣлалось чистой модою въ средѣ аристократіи, распространившись даже и въ буржуазномъ сословіи, парижскій народъ еще вѣрилъ въ мнимыя чудеса, совершавшіяся будто бы на кладбищѣ Сенъ-Медаръ. Охватившее почти всю страну безбожіе и стремленіе къ ниспроверженію религіи, какимъ сопровождался въ 1789 году взрывъ революціи, было скорѣе вызвано

Digitized by Google

риторами, достигшими верховной власти, чѣмъ самимъ народомъ, въ самыхъ низшихъ классахъ котораго принявшіе присягу священники съумѣли сохранить многихъ искреннихъ приверженцевъ церкви. Впослѣдствіи парижское населеніе одобрительно отнеслось къ возстановленію общественнаго богослуженія, и торжественныя религіозныя процессіи, происходившія по поводу подписанія конкордата, пріѣзда папы въ Парижъ, коронованія Наполеона, и возбудившія недовольство въ буржуазномъ сословіи, были радостно привѣтствуемы народною массою. Однако жь, мало-по-малу, католическая церковь утратила свое вліяніе на эту массу; такъ, парижскій народъ, въ общемъ смыслѣ, перешелъ относительно духовенства—отъ приверженности къ равнодушію, а отъ равнодушія къ открытой враждѣ, свидѣтелями которой мы находимся въ настоящее время. Какія же были причины такой перемѣны? Ихъ, безъ сомнѣнія, слишкомъ много, такъ что перечисленіе ихъ заставило бы меня слишкомъ отклониться отъ моего предмета. Но я не могу умолчать о мнѣніи, существующемъ въ настоящее время у большинства парижскихъ рабочихъ, что церковь есть ихъ лютѣйшій врагъ. Но, они, конечно, позабыли тотъ фактъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ церковь была распространительницей просвѣщенія и благотворительности, и что она сама долго представляла собою единственную *демократическую* корпорацію, гдѣ весьма часто люди самаго низкаго происхожденія достигали не только высокихъ, но даже самыхъ высшихъ степеней на государственномъ поприщѣ. Въ ихъ душѣ сохранилось только воспоминаніе о слишкомъ тѣсномъ ея союзѣ съ правительствами, утратившими свою популярность, благодаря опасному покровительству, за которое церковь расплачивается теперь слишкомъ дорогою цѣною. Къ этому нужно прибавить, что причастными къ такимъ печальнымъ результатамъ были также люди, неловко бравшіе на себя защиту церкви. Но что бы ни было тому причиной,—большинство народа тѣмъ не менѣе видитъ въ духовенствѣ противника прогресса, и этого-то самаго не прощаетъ ему.

Конечно, не слѣдуетъ принимать за выраженіе дѣйствительно существующаго въ народѣ чувства тѣхъ декламаторскихъ рѣчей, которыя произносятся въ общественныхъ сборищахъ нѣкоторыми бѣснующимися ораторами; причемъ нужно замѣтить, что люди, распаленные такою страшною ненавистью противъ католической церкви, составляютъ въ средѣ народа меньшинство. Это, впрочемъ, не должно вводить читателя въ заблужденіе и заставлять его думать, что вышеупомянутое большинство состоитъ изъ людей, оставшихся вѣрными традиціямъ культа; таковыхъ вообще также немного, такъ какъ для этого нужна извѣстнаго рода смѣлость и энергія, но все таки и не такъ мало,

Digitized by Google

чтобы нельзя было замѣтить ихъ существованія въ каждомъ изъ парижскихъ кварталовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стóитъ только зайти на нѣсколько минутъ въ одну изъ простыхъ церквей въ предмѣстьѣ, убогій видъ которыхъ составляетъ такой рѣзкій контрастъ съ роскошью храмовъ въ другихъ частяхъ города. Весьма часто въ тѣ часы дня, когда въ церкви совсѣмъ пусто и тамъ царствуетъ полнѣйшее молчаніе, когда не совершается никакого богослуженія, которое могло бы привлечь богомольцевъ, туда заходитъ какая нибудь, живущая работой, молодая дѣвушка, проворная и кокетливо одѣтая, которая своей легкой походкой приближается къ алтарю, гдѣ находится изображеніе Пресвятой Дѣвы и, положивъ на полъ свой узелъ съ бѣльемъ или картонку со шляпкой, становится на колѣни, закрываетъ лицо руками и, пробывъ нѣсколько времени въ такомъ положеніи, встаетъ, поднимаетъ съ полу свой узелъ или картóнъ и удаляется такой же легкой походкой. Въ другой разъ вы встрѣтите какую нибудь старуху, перебирающую въ своихъ пальцахъ бусы четокъ въ ожиданіи той минуты, когда совсѣмъ догоритъ свѣча, поставленная ею передъ изображеніемъ Богоматери. Потомъ,—но уже гораздо рѣже,—вы можете увидать входящаго мужчину, тяжелая поступь котораго сразу заставитъ васъ угадать въ немъ крестьянина и который, благоговѣйно осмотрѣвъ всю церковь, не уйдетъ оттуда, прежде чѣмъ не опустится передъ алтаремъ на колѣни, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. Однажды (я помню это, какъ будто сейчасъ гляжу!) я увидалъ еще довольно молодую женщину съ блѣднымъ лицомъ, со ввалившимися глазами, съ шатающейся походкой; она, очевидно, находилась въ послѣднемъ періодѣ чахотки. Прислонившись къ рѣшоткѣ одного изъ боковыхъ предѣловъ церкви, она съ какимъ-то конвульсивнымъ движеніемъ молитвенно складывала свои исхудалыя руки и обращала къ алтарю свой молящій взглядъ. Чего просила она у Бога? покорности ли своей судьбѣ, или надежды на выздоровленіе? Но во всякомъ случаѣ молитва ея была горяча, потому что я даже издали видѣлъ, какъ она шевелила губами, и, смотря на нее, я невольно подумалъ: «неужели же люди, которые съ грубой насмѣшкой относятся къ чувствамъ такой теплой вѣры, найдутъ, въ замѣну послѣдней, сказать ей равносильныя слова утѣшенія [1])?!

Однако жъ парижскія церкви пользуются не только какими ни-

[1]) Въ настоящее время, самыми лютыми врагами христіанства являются уже не „свободные мыслители“,—между которыми весьма многіе признаютъ *высоту христіанской морали*, даже не раздѣляя церковныхъ догматовъ,—но всюду проникшіе талмудисты, которые, при всемъ своемъ напускномъ „свободомысліи“, сохранили для себя заскорузлыя и дикія понятія талмуда и шулханъ-аруха. *Ред.*

Digitized by Google

будь единичными милостями: нѣкоторыя торжественныя богослуженія, какъ напримѣръ, на страстную недѣлю, въ день Пасхи, при началѣ и при окончаніи Успенскаго поста, привлекаютъ въ людныхъ кварталахъ многочисленную толпу. Замѣчу при этомъ, что было бы весьма желательно видѣть исчезновеніе въ нашихъ парижскихъ церквяхъ нѣкоторыхъ обыкновеній, по моимъ понятіямъ, прямо противорѣчащихъ принципу христіанскаго равенства. Еще можно было бы допустить плату за предлагаемые стулья, что̀ само по себѣ составляетъ какъ бы нѣкотораго рода услугу, требующую вознагражденія и представляющую въ иныхъ, даже богатыхъ, приходахъ порядочную цифру дохода для постороннихъ лицъ, занимающихся такой аферой; но я не понимаю, почему нашли нужнымъ отдѣлить загородкою алтарь отъ церковной трапезы; эта загородка, по̀ моему мнѣнію, противорѣчитъ не только духу, но даже буквѣ самого евангелія, и какъ будто существуетъ для того, чтобы поставить видимую преграду между народомъ и Богомъ. Не лучше ли было бы, напротивъ, — какъ напримѣръ въ Италіи,—устроить вокругъ церковныхъ колоннъ деревянныя скамейки, которыя могли бы служить для всѣхъ? Не безъ сожалѣнія замѣтилъ я также наклеенныя при входѣ въ нѣкоторыя церкви объявленія, которыхъ, впрочемъ, никто и не думаетъ исполнять въ точности: «*Входить въ церковь съ узлами или корзинами воспрещается*». Когда же какой нибудь простой женщинѣ-хозяйкѣ удобнѣе зайти въ церковь, какъ не въ тотъ часъ, когда она отправляется на рынокъ для покупки провизіи къ своему обѣду? Уже и безъ того церковь, — этотъ домъ божій, открытый для всѣхъ,—превратился въ такое зданіе, куда входъ доступенъ только для одной аристократіи. А народъ съ своей стороны даже слишкомъ склоненъ къ тому, чтобы совсѣмъ не заглядывать туда. Если же въ храмахъ иногда и собираются массы народа, то не слѣдуетъ по поводу этого обстоятельства составлять себѣ ложныхъ иллюзій. Что̀ значутъ двѣ или три тысячи человѣкъ, наполняющихъ собою какую нибудь церковь, въ сравненіи съ населеніемъ цѣлаго квартала, изъ котораго четверть населенія никогда не показываютъ туда и носа? Между этими двумя, составляющими меньшинство, группами, изъ которыхъ одна враждебно относится къ церкви, а другая привержена къ ней, существуетъ громадная масса людей, которые относительно всякаго религіознаго вѣрованія живутъ въ полнѣйшемъ равнодушіи и невѣдѣніи, будучи совершенно поглощены заботами о своемъ насущномъ хлѣбѣ или погрязая въ своихъ скотскихъ удовольствіяхъ. Конечно, до извѣстной степени, это всегда было прежде и то же самое будетъ послѣ. Но въ настоящее время необходимо указать на одинъ совершенно новый фактъ та-

Digitized by Google

кого рода: прежде это же самое населеніе, съ равнодушіемъ, но не враждебно относившееся къ религіи, соблюдало предписываемые ею обряды, по крайней мѣрѣ, въ такихъ случаяхъ жизни, какъ напримѣръ: крещеніе, первое причащеніе, бракосочетаніе и смерть. Теперь же, во всѣхъ этихъ случаяхъ, оно все чаще и чаще старается освободиться отъ соблюденія подобнаго рода обрядовъ.

Въ Парижѣ не существуетъ никакой церковной статистики, по которой можно было бы съ точностью опредѣлить: увеличивается или уменьшается число церковныхъ браковъ и крещеній относительно гражданскихъ браковъ и рожденій? Однако жь, по поводу вопроса о первомъ причащеніи, я лично собралъ самъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Прежде почти не бывало случаевъ, чтобы окончаніе школьнаго ученія не совпадало съ первымъ причащеніемъ. Теперь же,—какъ натуральное слѣдствіе общаго движенія въ пользу свѣтскихъ преподавателей въ школахъ,—количество дѣтей, готовящихся къ первому причащенію, постепенно уменьшается. Пропорціональное отношеніе цифры дѣтей, записываемыхъ въ приходскія и народныя школы, къ общему количеству колеблется между третью и тремя четвертями, и такую пропорцію должно признать еще довольно значительной, если вспомнить всевозможныя мѣры властей, чтобы отвлечь родителей отъ намѣренія готовить своихъ дѣтей къ первому причащенію, начиная съ затрудненій, какія ставятся умышленно правилами учебнаго вѣдомства при поступленіи въ школу и кончая пособіемъ на одежду, прежде выдаваемымъ, а теперь отмѣненнымъ, для дѣтей нуждающихся родителей. Что же касается посредничества церкви въ случаѣ чьей либо смерти, то опубликованный за нѣсколько мѣсяцевъ бюллетень муниципальной статистики дастъ намъ на этотъ счетъ весьма поучительныя свѣдѣнія. Изъ всего числа 27,427 погребенныхъ въ Парижѣ въ теченіе полугода (не включая въ это число мертворожденныхъ) 5,020 погребеній совершались безъ всякой церковной церемоніи, что уже составляетъ значительный процентъ. Но распредѣленіе погребеній гражданскимъ способомъ по классамъ и по округамъ еще болѣе наглядным образомъ говоритъ за себя, въ смыслѣ нашей личной точки зрѣнія. Въ четырехъ классахъ перваго разряда, включающихъ въ себѣ аристократическія погребенія, почти никогда не бываетъ случаевъ гражданскихъ похоронъ. А въ девятомъ разрядѣ,—въ томъ самомъ, гдѣ люди подлежатъ безплатному погребенію,—преобладаетъ, напротивъ, болѣе чѣмъ на половину, гражданскій способъ погребенія [1]). То же самое можно сказать и относи-

[1]) Въ этотъ разрядъ слѣдуетъ, впрочемъ, включить всѣхъ мертворожденныхъ, для погребенія которыхъ не требуется соблюденія церковнаго обряда.

Digitized by Google

тельно распредѣленія количества погребеній по округамъ. Въ Пассѝ, въ Елисейскомъ округѣ, гдѣ преимущественно находятся богатые кварталы, пропорція гражданскихъ погребеній (включая въ это число таковыя во всѣхъ послѣднихъ пяти разрядахъ) не превышаетъ 7 или 8 на 100. Напротивъ, въ XX-мъ округѣ, въ составъ котораго входятъ Бельвиль, Менильмонтанъ, Шаронъ, пропорція эта возрастаетъ до 35 на 100. Кто осмѣлится сказать, что то же самое было тридцать лѣтъ тому назадъ? Многіе, можетъ быть, осудятъ меня за то, что я обращаю вниманіе читателя на подобнаго рода факты, но я полагаю, что нѣтъ ничего хуже, какъ умышленно скрывать истину. Къ тому же, никто, конечно, не будетъ оспаривать того факта, что безвѣріе въ возрастающей прогрессіи увеличивается въ средѣ парижскаго народа. Исторію такого прогрессивнаго увеличенія его нерѣдко можно прочесть въ самомъ помѣщеніи бѣдняковъ, гдѣ какъ будто сами стѣны повѣствуютъ объ этомъ. Въ подобныхъ углахъ вы почти всегда найдете распятіе, чашку со святой водой, картинку, изображающую торжественную минуту перваго причащенія: все это «воспоминанія былаго» и жена не позволила ихъ выбросить... Но тутъ же рядомъ, какъ выраженіе понятій мужа, повѣшена на гвоздикъ раскрашенная картина другаго рода, на которой изображенъ или священникъ, пожирающій роскошный обѣдъ, или мертвецки пьяный монахъ. Черезъ двадцать лѣтъ спустя, послѣдняя картинка все еще останется повѣшенною на стѣнѣ у сына или дочери этихъ людей, но распятіе уже навѣрное будетъ выброшено вонъ. И въ нашъ вѣкъ еще есть люди, которые этому радуются!..

Но къ чему собственно относится такое чувство ненависти или враждебнаго равнодушія: къ католической религіи или къ сущности самого христіанскаго ученія? Г. Корбонъ,—посвятившій въ своей книгѣ «Le secret du peuple de Paris» нѣсколько интересныхъ главъ исторіи народныхъ вѣрованій,—утверждалъ восемнадцать лѣтъ тому назадъ, что такія чувства существуютъ только относительно представителей католической религіи. Прямо заявляя, что католическая церковь совсѣмъ утратила свое вліяніе на души людей,— что, впрочемъ, несовсѣмъ справедливо, — онъ положительнымъ образомъ говоритъ, что парижскій народъ — спиритуалистъ по своей природѣ, что онъ вѣритъ въ Бога и что даже его уклоненіе отъ церкви, равно какъ и принявшее характеръ особенной исключительности стремленіе къ достиженію блага на землѣ, ни на одну іоту не поколебали въ его душѣ христіанскаго чувства. Не знаю, сказалъ ли бы г. Корбонъ то же самое въ настоящее время? Не думаю, потому что онъ не повторилъ этихъ словъ съ три-

Digitized by Google

буны сената въ своей рѣчи, произнесенной имъ въ пользу свѣтскаго преподаванія въ школахъ. Еслибъ онъ поступилъ такимъ образомъ, то его коллега, г. Толэнъ, не замедлилъ бы, конечно, въ рѣзкихъ, исполненныхъ злобной критики, словахъ опровергнуть его воззрѣнія, причемъ досталось бы не только христіанскому ученію и христіанской любви, но даже и самому Богу. И онъ былъ бы правъ, еслибы сталъ оспаривать воззрѣнія своего противника, потому что мнѣ самому пришлось быть свидѣтелемъ, въ періодъ избирательной сессіи, какимъ одобрительнымъ хохотомъ шеститысячной толпы встрѣчена была шутовская острота одного оратора, который сказалъ: «Наконецъ-то, Господь Богъ добился признанія Его личности большинствомъ шести тысячъ голосовъ»! Впрочемъ, небольшой (по крайней мѣрѣ, во Франціи), но тѣмъ не менѣе состоящій изъ восьми почтенныхъ членовъ христіанской церкви, контингентъ людей до сихъ поръ еще вѣритъ, какъ вѣрилъ прежде г. Корбонъ, въ духъ христіанства, который скрытъ въ глубинѣ души парижскаго населенія. Со временъ послѣдней войны, протестантская пропаганда весьма дѣятельно работаетъ въ Парижѣ и постепенно учащаетъ свои религіозныя бесѣды. Такого рода бесѣды начались одновременно съ нашими несчастіями, подъ руководствомъ одного англійскаго гражданина, которому мы тѣмъ болѣе должны быть благодарны, что его апостольское рвеніе могло бы найти для себя широкое поприще у себя дома, въ бѣдныхъ лондонскихъ кварталахъ. Его заботами устроилось въ Парижѣ нѣсколько центровъ для религіозныхъ бесѣдъ, на которыя старались привлечь рабочій людъ, что и не осталось безуспѣшнымъ. Мнѣ иногда случалось присутствовать на этихъ сборищахъ, причемъ меня поразили двѣ вещи: почтительное вниманіе публики, слушающей эти бесѣды, и ея полнѣйшее безучастіе къ нимъ. Впечатлѣнія онѣ не производили никакого, точно вода, льющаяся на мраморную доску. Между прочимъ, я помню, какъ меня удивила (правда, что это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ) та сосредоточенность, съ которою довольно многочисленная публика слушала въ залѣ одного Café-concert поученія какого-то англійскаго проповѣдника, слова котораго нужно было переводить отдѣльными фразами. Этотъ народъ-весельчакъ всегда склоненъ слушать тѣхъ, кто говоритъ съ нимъ серьезно. Его, впрочемъ, не такъ-то легко заставить чему нибудь вѣрить, въ особенности по части религіозныхъ вопросовъ, и я крайне сомнѣваюсь, чтобы сѣмена, которыя проповѣдникъ хотѣлъ посѣять своею бесѣдою въ душахъ слушателей, могли дать ростокъ и принести существенные плоды.

Разумѣется, краснорѣчіе такихъ проповѣдниковъ, какъ пасторъ

Digitized by Google

Берсье въ Монмартрскомъ округѣ, будетъ въ состояніи привлечь къ себѣ небольшое духовное стадо вѣрующихъ, которые будутъ собираться къ нему въ надеждѣ полученія религіозныхъ впечатлѣній и духовныхъ совѣтовъ христіанской любви. Но что касается привлеченія на свою сторону прежнихъ приверженцевъ, а впослѣдствіи отщепенцевъ католической церкви (что собственно и имѣется въ виду г. Макъ-Колемъ), то до этого еще слишкомъ далеко и я крайне сомнѣваюсь, чтобы эти вновь завербованные послѣдователи протестантской религіи могли представить собою значительную цифру при ближайшей переписи парижскаго населенія, когда потребуется показаніе вѣроисповѣданій. Но въ этомъ отношеніи гораздо большую услугу могутъ оказать дѣтскія протестантскія школы; потому что, будучи менѣе разборчивыми, чѣмъ конгрегаціонистскія школы, онѣ иногда будутъ принимать къ себѣ дѣтей, которыхъ родители не пожелаютъ ввѣрить монахинямъ, и будутъ продолжать знакомить ихъ съ тѣми чистыми и прочными понятіями христіанской морали, вліяніе которой оказывается столь сильнымъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Зашедши однажды, въ воскресный день, въ Клиши, въ грязный домъ, гдѣ помѣщается артель тряпичниковъ и гдѣ почти голые выпачканные ребятишки полоскались на дворѣ въ вонючей лужѣ, я былъ пораженъ, увидѣвъ сидящихъ на порогѣ входной двери двухъ маленькихъ дѣвочекъ, чистенькихъ и опрятно одѣтыхъ, изъ которыхъ старшая заставляла младшую говорить себѣ наизусть ея урокъ. Я полюбопытствовалъ взглянуть, что это была за книга въ ихъ рукахъ, и потомъ обратился къ дѣвочкамъ съ нѣкоторыми вопросами. Оказалось, что онѣ обѣ посѣщаютъ протестантскую школу, которая находится на Рутъ-де-ла-Револьтъ, и что книга эта—евангеліе.

Если не подлежитъ никакому сомнѣнію тотъ фактъ, что парижскій народъ все болѣе и болѣе удаляется отъ католической церкви, если онъ остается глухъ къ протестантской пропагандѣ, то къ какому же роду вѣроисповѣданія принадлежитъ онъ, или,—ставя на болѣе правильную точку этотъ вопросъ:—есть ли у парижскаго народа хоть какая нибудь религія? Если подъ именемъ религіи подразумѣвать какое нибудь опредѣленное символическое значеніе, формальное присоединеніе къ исповѣданію сверхестественныхъ догматовъ,—то нужно въ этомъ отношеніи отвѣчать отрицательно и признать, что у парижскаго народа, взятаго въ общемъ смыслѣ, совсѣмъ нѣтъ религіи. Но если мы будемъ понимать подъ этимъ словомъ единственно смѣсь группирующихся въ одно цѣлое разныхъ неопредѣленныхъ вѣрованій, безкорыстныхъ стремленій и смутныхъ надеждъ,—то религія парижскаго народа имѣетъ тотъ

Digitized by Google

самый смыслъ, который придаетъ ей г. Корбонъ, давшій ей названіе *вѣры въ общее спасеніе на землѣ*; то-есть, это та самая религія *прогресса*, которая понимается народомъ не въ томъ обыденномъ значеніи, какое придаемъ ей мы, но которой онъ приписываетъ мистическій смыслъ. Народъ вѣритъ въ земное улучшеніе условій человѣческой жизни вообще, въ облагороженіе своей жизни въ особенности и, самъ того не подозрѣвая, снова вызываетъ на свѣтъ божій вѣру въ *millenium*, которая была такъ сильна нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Народные ораторы начинаютъ даже въ своихъ собраніяхъ употреблять, для обозначенія такого рода доктрины, слово *эволюція*, которое они заимствовали изъ терминовъ науки, не понимая въ сущности его происхожденія и которое создано учеными въ противоположность слову революція, для обозначенія первымъ названіемъ—медленнаго прогресса, а вторымъ—навязыванія его насильственными способами. Но было бы, впрочемъ, ошибкою предполагать, что подъ именемъ такой доктрины въ умѣ народа слагается понятіе единственно лишь о матеріальномъ улучшеніи въ его собственномъ положеніи, и что въ этомъ выражаются его мечты о собственномъ благосостояніи и всякаго рода наслажденіяхъ. Нѣтъ, онъ объединяетъ въ немъ болѣе общее и болѣе благородное чувство надежды: прекращеніе всякихъ страданій, водвореніе правды, господство братства во всемъ человѣчествѣ. Но когда изъ сферы смутныхъ представленій его мысли вырвется рѣзкое заявленіе взглядовъ какой нибудь философской доктрины, то это уже не деизмъ и не спиритуализмъ,—эти давно вышедшія изъ моды доктрины, годныя только для какихъ нибудь *выжившихъ изъ ума стариковъ или святошъ*,—какъ выражается на этотъ счетъ молодое поколѣніе,—а всегда *матеріализмъ*, и я уже не помню хорошо, какая именно народная ассоціація такъ вѣрно передавала занимаемое ею положеніе, заявивъ въ газетахъ, что она переименовываетъ свою группу свободныхъ мыслителей въ группу матеріалистовъ XI-го округа.

Кто возьметъ на себя смѣлость увѣренно предсказать то вліяніе, которое произведетъ такого рода преобразованіе вѣрованій на нравственную сторону жизни парижскаго населенія? Нужно имѣть слишкомъ предубѣжденный умъ, для того чтобы не признать, что, по крайней мѣрѣ, до сего времени, религія всегда была для людей какъ необходимымъ обузданіемъ ихъ страстей, такъ и утѣшительной мечтой. Какая будущность ожидаетъ народъ, учители и проповѣдники котораго употребляютъ со своей стороны всѣ усилія къ тому, чтобы уничтожить въ одно и то же время и узду, и мечту? Конечно, трудно говорить о будущемъ съ полною увѣренностью;

Digitized by Google

но всякій, кто давалъ себѣ добросовѣстный отчетъ во всемъ, происходящемъ вокругъ, имѣетъ право, я полагаю, сказать свое слово о настоящемъ. Никто, конечно, не будетъ опровергать, что въ послѣдній періодъ уже стали проявляться послѣдствія, неразлучныя съ такого рода возрастающимъ невѣріемъ. Не говоря уже о томъ, сколько грустной иронiи заключается въ такомъ ученіи, которое толкуетъ о прогрессѣ бѣднякамъ, жалкія условія жизни которыхъ были описаны нами въ предшествовавшихъ главахъ, и которое ограничиваетъ ихъ надежды предѣломъ земныхъ эволюцій или переворотовъ,—но неужели можно предположить, что они когда нибудь не уразумѣютъ, что, по крайней мѣрѣ, для нихъ прогрессъ есть миражъ, эволюція — пустой, не имѣющій никакого значенія, звукъ. И неужели они не воспылаютъ безпредѣльной злобой противъ тѣхъ, кто ввелъ ихъ въ подобнаго рода обманъ? Но, даже оставя въ сторонѣ такія соображенія, которыя тоже имѣютъ свою долю вѣса, поговоримъ только о томъ, что прямо касается ихъ нравственности. Рискуя подвергнуться насмѣшкамъ, я положительно иду противъ мнѣнія тѣхъ ораторовъ цирка, которые утверждаютъ, что нравственность націй улучшается по мѣрѣ того, какъ онѣ удаляются отъ религіи. Исторія доказываетъ намъ совершенно противное, а именно, что у народовъ, переставшихъ вѣрить въ религіозные, хотя бы и ложные принципы, нравственная дезорганизація шла рука объ руку съ прогрессомъ невѣрія, чѣмъ подтверждается неоспоримая истина: насколько безсильна повліять на человѣчество отвлеченная мораль, не подкрѣпляемая дѣлами! И всѣ, кому за послѣдніе годы случалось ближе наблюдать состояніе нравственности парижскаго простонародья, одинаково замѣтили въ средѣ послѣдняго симптомы такой дезорганизаціи. Конечно, и теперь еще можно найти подъ самымъ скромнымъ кровомъ, — въ особенности между женщинами,—такіе удивительные образцы твердости характера, покорности судьбѣ, самоотверженія, которые стоятъ на такой нравственной высотѣ, до какой никогда не достигнуть нашимъ великосвѣтскимъ святошамъ! Безъ сомнѣнія, найдутся также и въ средѣ рабочаго населенія родители, которые, живя безъ нужды, ведутъ правильную жизнь, хорошо воспитываютъ своихъ дѣтей и которые въ благородствѣ своихъ понятій не уступятъ людямъ высшаго общества; но, рядомъ съ этими примѣрами, сколько же найдется мужчинъ, погрязшихъ въ развратѣ и пьянствѣ, сколько дѣвицъ, сдѣлавшихся матерями, сколько женщинъ, обрекшихъ себя на проституцію, и сколько негодяевъ, которые этимъ пользуются! Какая масса совершаемыхъ преступленій! А затѣмъ, даже со стороны тѣхъ, которые сами и не развратничаютъ, сколько

Digitized by Google

обнаруживается пособничества, сколько терпимости къ пороку, сколько нравственнаго равнодушія къ нему! Я не привожу здѣсь теперь ни одной цифры, потому что впослѣдствіи намѣренъ подробно поговорить объ этихъ жалкихъ существахъ; но не могу не сказать, что въ этомъ случаѣ замѣчается какъ бы особенный наплывъ все поднимающейся волны, которая затопляетъ собою извѣстнаго рода почву, причемъ нужно удивляться главнымъ образомъ тому, что эта волна не захватила собой еще болѣе глубокаго и еще болѣе обширнаго пространства.

Этотъ несчастный парижскій народъ беззащитно предоставленъ всякаго рода соблазнамъ, причемъ одновременно тѣ люди, которые обращаются къ нему, какъ бы стараются перещеголять другъ друга въ томъ: кто лучше собьетъ съ толку его умъ, кто въ большей степени распалитъ его страсти, кто съ бо́льшимъ успѣхомъ съумѣетъ эксплуатировать его пороки? Остановитесь, хотя на минуту, передъ выставкой одного изъ мелкихъ книжныхъ торговцевъ, которые, въ многолюдныхъ кварталахъ продаютъ газеты, книги и картинки. Что́ найдете вы у нихъ? Революціонные листки, которые въ преувеличенномъ видѣ указываютъ народу на его собственныя страданія и говорятъ ему, что всѣ его бѣдствія происходятъ отъ эксплуататоровъ; сборники площадныхъ пѣсенъ, сладострастнаго сюжета картинки, непристойныя карикатуры. Попробуйте купить на одинъ су что нибудь изъ того, что́ выкрикиваетъ разнощикъ газетъ, журналовъ и брошюръ. Если онъ прежде всего не сунетъ покупщику подъ носъ какой нибудь фельетонъ съ неприличнымъ названіемъ, то это навѣрное будетъ исторія, написанная Лунзой Мишель и названная «la Misère», гдѣ изображается мученикъ коммуны, жена и дочь котораго отведены были въ публичный домъ. Взойдите въ любой кафе, и тамъ пѣвица въ трико, съ голыми плечами, споетъ какую нибудь непристойную пѣсню; погуляйте по тому бульвару, который идетъ вдоль улицы квартала, гдѣ живетъ рабочій людъ; изъ-за потускнѣвшихъ оконныхъ стеколъ этихъ многочисленныхъ, ярко освѣщенныхъ домовъ до вашего слуха донесутся громкая музыка и пѣніе. Остановитесь только на одну минуту у фонарнаго столба, и разнощикъ уже подноситъ вамъ прямо къ глазамъ какую нибудь непотребную фотографію или сунетъ вамъ въ карманъ какое нибудь объявленіе непристойнаго содержанія. Прибавьте ко всему этому еще то обстоятельство, что полиція, обезкураженная постоянными на нее нападеніями, начинаетъ замѣтно охладѣвать къ охранѣ общественной тишины и спокойствія, — и вы невольно подивитесь тому, что въ народѣ еще есть несовсѣмъ развращенные юноши и честныя дѣвушки, которые имѣютъ достаточно силы

Digitized by Google

воли, чтобы противостоять столькимъ ежеминутнымъ подстрекательствамъ къ разврату. А я съ своей стороны смѣло, по совѣсти и безъ всякаго преувеличенія, скажу, что на мѣстѣ этихъ низменныхъ слоевъ парижскаго населенія, куда я старался проникнуть, никакое тѣсно сплоченное свѣтское общество, которое сдѣлалось бы предметомъ такихъ пагубныхъ вліяній и оставалось бы въ такой же степени безоружнымъ противъ нихъ, — не въ состояніи было бы противостоять имъ и выказать столько высокихъ и скромныхъ добродѣтелей.

Къ этимъ порокамъ народа, отъ которыхъ не всегда избавляетъ даже богатство, нужно прибавить,—если захочешь дать себѣ вѣрный отчетъ относительно нравственнаго состоянія неимущихъ классовъ,—еще такіе пороки, которые преимущественно бываютъ присущи нищетѣ. Тотъ, кто живетъ большею частію на счетъ благотворительности, почти всегда имѣетъ поползновеніе пользоваться ею постоянно и болѣе разсчитывать на получаемое пособіе, чѣмъ на свой собственный трудъ. Если онъ записанъ въ какомъ нибудь благотворительномъ бюро или получаетъ помощь отъ какого нибудь частнаго общества, то онъ уже считаетъ, что имѣетъ право на это пособіе, смотритъ на него, какъ на свой неотъемлемый доходъ, и привыкаетъ такимъ образомъ понемногу предпочитать такую милостыню — заработку. Въ большинствѣ случаевъ, — такъ какъ добросовѣстные люди въ этой средѣ встрѣчаются рѣдко,— онъ всегда бываетъ склоненъ преувеличивать свои нужды и скрывать получаемыя имъ пособія, съ цѣлью возбудить къ себѣ больше участія. А тѣ, которые сдѣлали себѣ ремесло изъ прошенія милостыни посредствомъ подаваемыхъ благотворителямъ писемъ дошли уже до такой изобрѣтательности и силы воображенія, что имъ могъ бы позавидовать любой писатель. Однимъ словомъ, лѣность и лганье представляютъ собою два обычныхъ порока нищенствующаго люда, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда причиною прошенія милостыни не была собственная развратная жизнь. Поэтому, нисколько не удивительно, что люди, поставленные въ постоянныя сношенія съ неимущими не по призванію, а по обязанности, часто говорятъ: «Бѣдные люди вовсе не такъ интересны»! Это совершенно вѣрно, но именно ради этого самаго обстоятельства они и должны внушать намъ къ себѣ интересъ. Главнымъ образомъ, грустно видѣть не столько тѣ страданія, какія бѣдность причиняетъ людямъ, сколько порождаемую ею нравственную порчу. Но вѣдь всѣ люди страдаютъ въ здѣшнемъ мірѣ, богатый какъ и бѣдный, причемъ бѣдный, конечно, страдаетъ чаще и, такъ сказать, въ болѣе грубой формѣ, чѣмъ богатый, который

Digitized by Google

въ свою очередь страдаетъ съ болѣе утонченною чувствительностью, неизвѣстною бѣдняку, и въ этомъ-то собственно, установляется равенство до извѣстной степени. Бѣдный, впрочемъ, бываетъ подверженъ искушеніямъ, съ которыми не знакомъ богатый, и вотъ гдѣ, главнымъ образомъ, существуетъ неравенство. Поэтому проблематическій процентъ неравенства условій жизни и положеній представляется ничтожнымъ въ сравненіи съ неравенствомъ искушеній. Отвѣтомъ на эту проблему можетъ служить только вѣра въ правосудіе, болѣе совершенное чѣмъ наше, человѣческое, и которое, безъ сомнѣнія, относится съ бо́льшею снисходительностью къ порокамъ, порождаемымъ нищетою, чѣмъ снисходимъ мы. Мои мнѣнія, можетъ быть, покажутся потворствомъ этимъ порокамъ, но я намѣренъ, заканчивая мою статью, въ оправданіе этого взгляда, привести слова женщины, имя которой читатели не одинъ разъ встрѣчали, когда я описывалъ бѣдственное положеніе простонародья,—имя сестры Розаліи. Когда она замѣчала въ своихъ помощницахъ охлажденіе или упадокъ духа, вслѣдствіе разочарованія и ошибокъ въ людяхъ, которые платили имъ за подвигъ любви черною неблагодарностью,—она всегда говорила: «Не обвиняйте бѣдныхъ слишкомъ строго, друзья мои. Въ свѣтѣ принято твердить, что они сами причиною своей бѣдности, что они подлы, глупы, порочны и лѣнивы. Повѣрьте мнѣ, что все это говорится только для того, чтобы избавить себя отъ возложенной на насъ христіанской обязанности—помогать имъ. Еслибы намъ пришлось испытать столько несчастій и горестей, какія выносятъ эти бѣдняки,—еслибы наше дѣтство и отрочество прошли также, какъ у нихъ, въ полнѣйшемъ невѣдѣніи основъ христіанской религіи, мы, можетъ быть, были бы еще гораздо хуже ихъ, потому что добродѣтели, которыя пріобрѣтаются нами такъ легко, стоютъ большихъ усилій ихъ грубому уму и требуютъ постоянныхъ жертвъ, такъ что, не желая поступить худо, они должны бороться не только съ соблазномъ удовольствія, но, сверхъ того, еще съ тираніею нужды. Было бы справедливо спросить съ васъ отвѣта за тѣ пороки, въ которыхъ вы упрекаете бѣдныхъ, за ихъ зависть, за ихъ дурныя отношенія къ обществу. Отъ васъ самихъ зависитъ—заставить ихъ благословлять ваши преимущества и высшее занимаемое вами положеніе; пусть они увидятъ въ васъ побольше любви къ нимъ, побольше готовности оказать имъ помощь и услугу, по мѣрѣ вашего умственнаго развитія и умноженія вашего богатства. Они не забудутъ шаговъ, сдѣланныхъ вами на встрѣчу имъ и найдутъ поводъ къ благодарности, а не ко враждѣ при томъ разстояніи, которое отдѣляетъ ихъ отъ васъ. Никогда не забывайте, что бѣдный цѣнитъ хорошее съ нимъ обращеніе еще болѣе оказы-

Digitized by Google

ваемой ему помощи и *что одно изъ самыхъ сильныхъ вліяній на него оказываетъ человѣчное къ нему отношеніе*». А въ заключеніе всего, она обыкновенно повторяла внушенную самимъ евангеліемъ фразу: «Друзья мои, гнушайтесь грѣха, но полюбите бѣдныхъ»!

Digitized by Google

РАЗБИТАЯ ЖИЗНЬ.

(MATER DOLOROZA).

Романъ Джероламо Роветты.

(Переводъ съ итальянскаго).

XXI.

За мѣсяцъ передъ свадьбой, семья д'Эледа переѣхала въ Санто-Фьоре, гдѣ и рѣшено было сыграть свадьбу, чтобы избѣжать скучнѣйшихъ разговоровъ и пересудовъ сплетницъ Боргиньяно.

Дела-Валле нанялъ на осень виллу Джакомо-ди-Варѐ; денежныя дѣла маркиза шли по прежнему очень плохо, но онъ не унывалъ и изъ Монте-Карло переселился въ Римъ, гдѣ, по слухамъ, онъ сильно ухаживалъ за знаменитымъ контральто театра Аполло. Пріѣхавъ въ Санто-Фьоре, бѣдная Лалла много и долго плакала; ее ждали тамъ двѣ свѣжія дорогія могилы: старика Амброджіо и незабвенной *Musette*.

— Я предвидѣла, что *Musette* не вынесетъ разлуки со мной и умретъ съ тоски,—со слезами твердила молодая дѣвушка.— Какъ жестоко было оставлять бѣдную собачку одну въ деревнѣ!.. Несчастная *Musette*! Мнѣ такъ жаль ее... Добрая, милая, умненькая собачка... — И похваламъ *Musett'ѣ* не было конца. Джорджіо вмѣстѣ съ другими долженъ былъ оплакивать ея кончину.

Молоденькая герцогиня также очень печалилась о смерти стараго Амброджіо и заказала донъ-Винченцо торжественную заупокойную обѣдню, чтобы помолиться объ упокоеніи души стараго слуги. Впрочемъ, въ Санто-Фьоре, вслѣдъ за д'Эледа,

Digitized by Google

вскорѣ пріѣхали Джулія и графъ Луиджи, а съ ихъ пріѣздомъ Лалла повеселѣла и позабыла всѣ свои фиктивныя горести. Марія также обрадовалась пріѣзду гостей; она надѣялась, что ей легче будетъ скрывать свое горе въ ихъ присутствіи. Бѣдная женщина была глубоко несчастлива: ей приходилось цѣлыми днями присматривать за женихомъ и невѣстой, и быть невольной свидѣтельницей ихъ счастья и любви! Влюбленные нисколько не стѣснялись въ присутствіи Маріи: они любовно перешептывались при ней, обмѣнивались ласками, строили планы на будущее и радовались скорой свадьбѣ.

Герцогиня ежедневно, ежеминутно слѣдила за своимъ возлюбленнымъ и видѣла, какъ онъ становится все прекраснѣе и благороднѣе подъ вліяніемъ своей любви къ другой женщинѣ. Какъ она невыносимо страдала отъ этого сознанія и какъ ей было тяжело смотрѣть на Лаллу въ такія минуты! Но Марія не хотѣла отстраниться отъ своего долга матери и поручить присмотръ за женихомъ и невѣстой miss Dill или кому нибудь другому; она знала, что это ея обязанность, и безропотно выносила все.

Донъ-Грегоріо старался утѣшить несчастную; онъ видѣлъ, что она съ каждымъ днемъ становится все грустнѣе и грустнѣе, и отъ души жалѣлъ ее; но ласковыя слова добраго старика не достигали своей цѣли; священникъ зналъ горе Маріи, но не зналъ: кто причинилъ его и въ своемъ невѣдѣніи часто, вмѣсто того чтобы успокоить, только растравлялъ наболѣвшія раны молодой женщины. Miss Dill также, видимо, жалѣла больную герцогиню: за послѣднее время, всегда сухая и черствая англичанка сдѣлалась удивительно сердобольной, внимательной и любезной; но эти ухаживанья, предупредительная вѣжливость и нѣжности раздражали Марію; она чувствовала всю ихъ неискренность и знала, что гувернантка неспособна на безкорыстное доброе чувство. Miss Dill была теперь вполнѣ довольна своей судьбой: снисходя на просьбы Лаллы и Джорджіо, герцогиня обѣщала оставить ее послѣ свадьбы въ Санто-Фьоре присматривать за замкомъ и садомъ, какъ это прежде дѣлалъ покойный Амброджіо; старая дѣва заранѣе предвкушала всю прелесть и сладость своей будущей спокойной жизни въ опустѣвшемъ замкѣ, и въ ея мечтахъ немалую роль игралъ досточтимый донъ-Винченцо.

Digitized by Google

Кромѣ присмотра за влюбленными, у Маріи было еще много другихъ хлопотъ, которыя терзали ея измученную душу. Ей надо было позаботиться о приданомъ Лаллы, собственноручно выбрать и заказать все до послѣдней мелочи, начиная отъ роскошнаго подвѣнечнаго платья изъ бѣлаго атласа, украшеннаго померанцевыми цвѣтами, до широкихъ капотовъ для будущей молодой мамаши... Приходилось выбирать нарядныя, кокетливыя ночныя рубашки, украшенныя кружевами и розовыми или голубыми лентами... И Марія ясно представляла себѣ бѣлоснѣжное атласное тѣло своей хорошенькой дочери въ волнахъ этихъ кружевъ, прошивокъ и лентъ, а рядомъ съ нею—красивую мужественную фигуру Джорджіо... Она видѣла ихъ поцѣлуи, интимныя ласки, объятія, и всѣмъ своимъ существомъ завидовала Лаллѣ; несчастная готова была отдать все на свѣтѣ за одинъ поцѣлуй любимаго человѣка и чувствовала, что не могла бы пережить такого счастія и умерла бы отъ наслажденія и любви!

Герцогиня должна была позаботиться также объ устройствѣ уютнаго гнѣздышка для «влюбленныхъ голубковъ», какъ называлъ Лаллу и Джорджіо графъ Луиджи. Ей пришлось обдумывать меблировку ихъ спальни, дать указанія на счетъ драпировокъ алькова, заказать нарядныя наволочки, украшенныя кружевами, старинное штофное покрывало, выбрать монограммы для простынь...

Герцогъ Анатолій не вмѣшивался въ эти дѣла и предоставилъ всѣ хлопоты женѣ. Въ видѣ оправданія онъ увѣрялъ всѣхъ и каждаго, что герцогиня сама не хочетъ, чтобы ей помогали, и каждый разъ сердится на него, когда онъ вздумаетъ предложить ей свои услуги. Но въ дѣйствительности эгоистъ-герцогъ терпѣть не могъ безпокоить свою особу для другихъ и привыкъ жить только для самого себя. Онъ скучалъ въ обществѣ влюбленныхъ и въ началѣ своего пребыванія въ Санто-Фьоре чуть не ежедневно ѣздилъ въ Боргиньяно. Онъ горячо оплакивалъ тамъ смерть Виктора Эммануила вмѣстѣ съ приверженцами короля, а среди духовенства горевалъ о кончинѣ Пія IX и, благодаря этому, добился, наконецъ, того, что его утвердили въ должности мэра, чему немало способствовалъ делла-Валле и вся его партія.

Но когда въ Санто-Фьоре пріѣхала молоденькая графиня

Digitized by Google

ди-Рокка-Віанарда, Анатолій позабылъ всѣ свои честолюбивые планы и политическіе интересы, и разомъ такъ полюбилъ деревню, что уже не стремился въ городъ.

Пышная бѣло-розовая красота графини Джуліи пришлась очень по вкусу влюбчивому герцогу и вскружила его старую голову; помирившись съ женой и добившись своего, онъ уже не желалъ, какъ прежде, ея тѣла и оставался вполнѣ равнодушнымъ къ ея красотѣ.—«Марія не женщина, это ледяная статуя,—продолжалъ твердить себѣ д'Эледа,—не то что *г-г-графиня*»!—Онъ проводилъ цѣлые дни съ пріѣхавшей гостьей и наслаждался близостью ея пышнаго тѣла. Герцогу нравилась живость веселой дѣвушки, ея неумолкаемая болтовня и взрывы звонкаго хохота. Красное лицо старичка дѣлалось синимъ отъ возбужденія, когда Джулія громко и вполнѣ откровенно смѣялась какой нибудь двусмысленной шуткѣ графа Луиджи. Этотъ заразительный смѣхъ здоровой дѣвушки дѣйствовалъ на нервы влюбчиваго герцога, и онъ, не отрываясь, смотрѣлъ на пухлыя и влажныя пурпуровыя губки и ровные бѣлые зубки графини.

Джулія звала обоихъ старичковъ: «*mes deux papà*» и нисколько не скучала въ ихъ обществѣ. Она цѣлыми днями ходила съ ними подъ руку, со смѣхомъ боролась иногда то съ тѣмъ, то съ другимъ, и была очень довольна, когда ее брали за талію или приподнимали на воздухъ. Избытокъ ея жизненности и здоровья требовалъ близости какого нибудь мужчины и, за неимѣніемъ лучшаго, она довольствовалась обществомъ этихъ двухъ стариковъ.

Эта троица вездѣ бывала неразлучна. Графъ Луиджи теперь уже не безпокоился о томъ, куда ему пристроить племянницу; онъ нерѣдко серьезно подумывалъ о совѣтѣ Джорджіо и былъ всегда въ духѣ, веселъ и доволенъ. Эта шумная компанія разъ навсегда отказалась присматривать за влюбленными женихомъ и невѣстой и держалась въ сторонѣ отъ нихъ.—Къ чему мы будемъ торчать тамъ и разыгрывать охрану изъ карабинеровъ,—это невыносимо скучно!—говорила Джулія.—Наша помощь не нужна; у нихъ есть стража въ лицѣ самой герцогини: она какъ разъ годится для такой роли!

Молоденькая графиня завидовала своей подругѣ и не хотѣла быть свидѣтельницей ея счастія. Она проводила цѣлые

Digitized by Google

дни въ залѣ на террасѣ, или въ саду со своими обожателями и бывала очень довольна, когда они, какъ дѣти, ревновали ее одинъ къ другому и ссорились между собой изъ-за нея. Молодая дѣвушка играла съ ними въ домино, бѣгала взапуски по саду и требовала, чтобы они оба перевертывали ей странички нотъ, когда она по вечерамъ садилась играть на роялѣ. Старички покорно исполняли волю избалованной Джуліи; они возились съ нею, какъ съ куклой, и подолгу, терпѣливо учили ее играть на бильярдѣ или качали ее на качеляхъ въ саду.

Джулія всегда становилась на дощечку качелей и крѣпко держалась своими полными руками за обѣ веревки, а Анатолій и Луиджи подталкивали ее то съ одной, то съ другой стороны, и этимъ раскачивали доску. Молодая дѣвушка высоко взлетала на воздухъ и старалась придержать свое развѣвающееся платье; но это ей плохо удавалось и сластолюбивые старички, стоя внизу, всласть любовались ея мускулистыми упругими ногами до колѣнъ... и все подталкивали да подталкивали доску. Они нерѣдко изнемогали отъ усталости, но никогда не признавались въ этомъ Джуліи и переставали ее качать только тогда, когда она сама говорила, что довольно. Молодящійся графъ да-Кастильоне съ трудомъ толкалъ доску въ своемъ узенькомъ свѣтло-сѣромъ костюмѣ; его склеенные помадой и спущенные на лобъ волосы ежеминутно поднимались отъ рѣзкихъ движеній и безпорядочно сваливались въ сторону, открывая совершенно лысую блестящую голову. Съ другой стороны, пыхтѣлъ отъ усталости и герцогъ Анатолій; онъ былъ красенъ, какъ ракъ, и обливался потомъ въ своемъ неизмѣнномъ длинномъ сюртукѣ. И между этими обѣими комическими фигурами, точно воспоминаніе изъ далекой молодости, равномѣрно то поднималась, то опускалась пышная двадцатилѣтняя красавица; она горделиво летала надъ ними, твердо стоя на доскѣ и придерживаясь руками за веревки; ея пушистые, длинные распущенные волосы красиво развѣвались отъ вѣтра и точно плащемъ окутывали ее до таліи. Джулія прищуривала глаза отъ удовольствія и жадно, полною грудью, вдыхала свѣжій деревенскій воздухъ, напоенный ароматомъ цвѣтовъ; ея тонкія розовыя ноздри трепетали; влажныя пурпуровыя губки сами раскрывались, и вся она съ

Digitized by Google

наслажденіемъ отдавалась волнѣ теплаго осенняго вѣтерка, когда онъ ласково щекоталъ ея лицо и маленькія ушки.

По природѣ кокетливая Лалла сердилась на стариковъ за то, что они въ ея присутствіи такъ усиленно ухаживаютъ за Джуліей. Она смѣялась съ женихомъ надъ этими ухаживаніями, но въ душѣ завидовала имъ и часто оставляла Джорджіо съ матерью, а сама убѣгала въ садъ, чтобы хоть временно помѣшать торжеству своей подруги. Молоденькая дѣвушка не забыла, какъ графъ Луиджи интересовался въ Пельи ея ногами и, чтобы подразнить его, говорила, что хочетъ качаться, и бралась за веревки. Старый селадонъ таялъ при видѣ ея красивыхъ бѣлыхъ рукъ и съ трепетомъ ждалъ того момента, когда она станетъ на доску и взлетитъ на воздухъ. Но хитрая Лалла опускалась на колѣни, вмѣсто того чтобы стоять во весь ростъ, и послѣ двухъ-трехъ размаховъ качелей слѣзала съ нихъ и убѣгала домой къ жениху. Вообще она очень рѣдко появлялась въ саду и обыкновенно ѣздила въ это время кататься въ экипажѣ съ матерью, Джорджіо и miss Dill.

На одномъ изъ такихъ катаній Марія чуть было не выдала своей тайны изъ-за каприза Лаллы. Кучеръ обыкновенно самъ составлялъ планъ прогулки и въ этотъ день на обратномъ пути повезъ своихъ господъ черезъ платановую рощу.

Глядя на эти знакомыя мѣста, герцогиня углубилась въ дорогія воспоминанія своего прошлаго и, позабывъ настоящее, улетѣла мечтами далеко, далеко въ волшебный міръ своихъ несбывшихся грезъ. Ей вспомнилось одно давно минувшее утро, когда она въ этой самой платановой рощѣ, верхомъ на лошади, ждала прохода поѣзда, чтобы хоть на мгновеніе въ послѣдній разъ взглянуть на своего возлюбленнаго Джорджіо... Какими ничтожными казались теперь несчастной женщинѣ страданія прошлаго въ сравненіи съ ея теперешними муками!—«Я была почти счастлива тогда»,—говорила она себѣ. «Счастіе—понятіе весьма относительное. Часто можно назвать счастьемъ то, что въ прошломъ считалось горемъ, если сравнить настоящія страданія съ прошедшими».

Такъ было и съ Маріей. Прошлое казалось ей навѣки потеряннымъ счастіемъ. — «Тогда Джорджіо былъ свободенъ,— думала она.—Онъ любилъ только свою родину, а на женщинъ

Digitized by Google

не обращалъ вниманія и Лалла не стояла между нами... Да и мнѣ легче жилось: я жила спокойно, одна въ деревнѣ, и была довольна сама собою, радовалась, что мнѣ удалось одержать побѣду надъ моей любовью... Я могла цѣлыми днями мечтать о моемъ далекомъ идеалѣ и утѣшалась этими мечтами, черпала въ нихъ силу для будущей борьбы». Какъ она плакала въ то далекое утро, когда вдали замолкъ гулъ промчавшагося поѣзда! Ей казалось, что она навѣки простилась со своимъ Джорджіо и никогда уже не увидитъ его больше... Да, она жестоко страдала въ своемъ одиночествѣ и долго плакала горючими слезами... Но развѣ можно было сравнивать тѣ чистыя, облегчающія душу, слезы съ глухими рыданіями, которыя давили ей горло теперь!.. Ей не было стыдно передъ самой собою за прошлыя слезы,—не то, что теперь.

— Вамъ ничего не напоминаетъ эта платановая роща, герцогиня?—неожиданно прервалъ размышленія несчастной женщины, спокойнымъ голосомъ, графъ делла-Валле. Онъ говорилъ разсѣянно, думая о другомъ, такъ себѣ, чтобы что нибудь сказать. Разговоръ съ Маріей не интересовалъ влюбленнаго жениха, но онъ изъ приличія считалъ своимъ долгомъ поддерживать его, а самъ велъ другой гораздо болѣе интересный разговоръ со своей возлюбленной Лаллой; онъ пользовался сумерками и нѣжно проводилъ своей ногой по маленькой узенькой ножкѣ дѣвушки.

— Я увидѣлъ васъ здѣсь верхомъ изъ окна поѣзда, когда уѣзжалъ отъ васъ въ Венецію... помните? Вы поѣхали тогда кататься рано утромъ и съ вами былъ...

— Нѣтъ, нѣтъ не помню! — быстро прервала его Марія. Она вся поблѣднѣла, какъ полотно, потомъ разомъ вспыхнула, сконфузилась и, не справившись съ своимъ волненіемъ, отвѣтила такъ рѣзко и сухо, что Лалла отъ удивленія сама толкнула ногою Джорджіо и вопросительно взглянула на него.

Но графъ, при всемъ желаніи, не могъ отвѣтить ногою же на нѣмой вопросъ своей невѣсты, да, кромѣ того, онъ и не хотѣлъ объяснять ей причины этого сухаго «нѣтъ» Маріи. Джорджіо даже раскаивался, что такъ неосторожно при Лаллѣ напомнилъ герцогинѣ про это утреннее катанье; вѣдь онъ увидѣлъ ее тогда изъ окна рано утромъ одну въ полѣ съ маркизомъ ди-Варѣ... И невѣроятное, невозможное подозрѣніе вто-

Digitized by Google

рично закралось ему въ душу,—подозрѣніе, что между Маріей и маркизомъ существовали другія болѣе интимныя отношенія, чѣмъ простая свѣтская дружба. Эта мысль смутила молодаго человѣка...

«Съ чего это я опять вообразилъ? Какой абсурдъ»! — подумалъ онъ.

«Нѣтъ, я не буду этому вѣрить; я не хочу этому вѣрить... Но чѣмъ же объяснить тогда ея блѣдность и это, бросающееся въ глаза, смущеніе»?

Лалла, конечно, по своему и совершенно иначе объяснила себѣ замѣшательство матери: ей уже давно казалось, что мама не особенно радуется ея браку съ графомъ делла-Валле,—не то, что папа. Дѣвушка чувствовала что-то неестественное въ отношеніяхъ Маріи къ Джорджіо и не могла понять, что̀ собственно произошло между ними. Она съ дѣтства всегда слышала о дружбѣ семьи делла-Валле съ семьей Санто-Фіоре и помнила, что прежде постоянно видала графа Джорджіо въ гостяхъ у своей матери, а потомъ онъ почему-то пересталъ у нихъ бывать, и съ тѣхъ поръ Марія даже никогда не вспоминала о немъ и не произносила его имени.

«Почему она такъ измѣнилась къ нему? — допрашивала себя любопытная Лалла.—«Это вѣрно неспроста. Тутъ кроется какая-то тайна... Да, мама что то скрываетъ въ своемъ сердцѣ». И дѣвушка рѣшила во чтобы то ни стало разузнать, въ чемъ дѣло, и заставить герцогиню проговориться и выдать то, что̀ она хотѣла скрыть.

Ландо быстро катилось по узенькой пустынной дорогѣ, между двумя высокими оградами садовъ. Еще не очень давно Марія шла съ донъ-Грегоріо на станцію по этой самой дорогѣ, въ день своего отъѣзда изъ Санто-Фіоре. Всѣ примолкли. Кругомъ все было тихо; слышался только равномѣрный топотъ лошадей и изрѣдка глухой звонъ подковы о камень, да шелестъ крыльевъ нѣсколькихъ, испуганно вспорхнувшихъ, зябликовъ. Лалла удобно откинулась на подушки въ углу ландо и оттуда любовно фиксировала Джорджіо своими громадными выразительными глазами. Онъ также ласкалъ ее взглядомъ и молча благодарилъ за то счастіе, которое она ему доставляла. Въ одинъ изъ моментовъ этого нѣжнаго, нѣмаго разговора, Лалла застѣнчиво потупилась и точно докончила свою мысль вслухъ: — Черезъ

Digitized by Google

нѣсколько дней я буду... мы будемъ... я буду твоей женой— сказала она жениху и пристально взглянула на Марію изъ-подъ своихъ густыхъ опущенныхъ рѣсницъ.

— Да, я буду твоей женой, а ты еще ни разу не поцѣловалъ нашу маму.

— Съ удовольствіемъ исполню твое желаніе сейчасъ-же!— быстро отозвался делла-Валле; ему хотѣлось загладить свою вину передъ герцогиней и попросить у нея прощенія за неудачно выбранную тему для разговора. Онъ приподнялся съ мѣста и наклонился къ Маріи, чтобы ее обнять и поцѣловать.

Несчастная женщина громко вскрикнула и вскочила, точно ужаленная близостью Джорджіо, чѣмъ очень удивила всѣхъ присутствующихъ. Черезъ мгновеніе она уже пришла въ себя, успокоилась и, наклонившись къ дочери, тихо пробормотала ей:—Что это за выдумки, Лалла? Ты знаешь, какъ я не люблю всѣ эти мелодраматическія сцены!—И, чтобы загладить неловкость своего поступка, она съ улыбкою протянула графу руку и крѣпко пожала его пальцы.

Всѣ снова умолкли и отъ души хотѣли поскорѣе вернуться домой.

«Да, теперь уже вполнѣ ясно, что мама не любитъ что-то моего Джорджіо,—думала Лалла про себя.—«Хотѣлось бы мнѣ знать: за что»?..

Обиженный делла-Валле также напрасно спрашивалъ себя: «*за что*? Можетъ быть, ди-Варѐ наговорилъ ей что нибудь дурное про меня и она съ тѣхъ поръ возненавидѣла меня»?— промелькнуло у него въ головѣ.

Постоянные припадки подагры лишали графа Эрипрандо возможности вставать и ходить, и онъ письменно извѣстилъ герцогиню Марію, что по болѣзни, не можетъ къ сожалѣнію, пріѣхать въ Санто-Фіоре и присутствовать на свадьбѣ Лаллы. Зато старая маркиза изъ Генуи, кузина Анатолія, отозвалась на приглашеніе герцога и прикатила въ Санто-Фіоре за нѣсколько дней до свадьбы. Эта, выжившая изъ ума, полуглухая и полуслѣпая старуха была представительницей родни невѣсты и очень гордилась этимъ. Хотя свадьбу рѣшили отпраздновать совершенно запросто «en famille», но честолюбивый герцогъ д'Эледа не могъ обойтись безъ извѣстнаго декорума и пригласилъ въ свидѣтели четырехъ самыхъ выдающихся политиче-

Digitized by Google

скихъ дѣятелей обѣихъ партій; этихъ высокопоставленныхъ лицъ ожидали въ самый день подписанія контракта въ мэріи и вѣнчальной церемоніи въ церкви. Невѣста говѣла передъ свадьбой; она цѣлыхъ девять дней ежедневно ходила въ церковь, усиленно молилась и такъ строго постилась, что почти ничего не ѣла. Донъ-Винченцо приказалъ ей читать утромъ и вечеромъ подходящія къ случаю молитвы и самъ молился съ нею въ церкви, приготовляя ее къ принятію св. тайнъ. Благочестивая miss подарила ему къ этому торжественному дню новую бѣлую батистовую рубашку, украшенную богатыми и очень дорогими кружевами.

Глядя на молящуюся Лаллу, можно было подумать, что она собирается произнести монашескій обѣтъ, а никакъ не выйти замужъ. Всѣ девять дней своего говѣнья дѣвушка носила гладкое черное платье и закрывала лицо густымъ креповымъ вуалемъ; она по нѣскольку часовъ сряду стояла на колѣняхъ въ церкви и прилежно читала молитвы, ѣла только овощи, а до сладкаго и фруктовъ даже не дотрогивалась. Джорджіо почти не смѣлъ съ ней разговаривать и она не протягивала ему руки, когда здоровалась и прощалась, а только издали кивала ему головой. Молодая дѣвушка потребовала, чтобы ея женихъ также исповѣдывался и причастился. По неволѣ онъ долженъ былъ согласиться, и въ одно прекрасное утро исповѣдывался частнымъ образомъ въ комнатѣ у донъ-Грегоріо, а потомъ за обѣдней причастился.

Джорджіо вздумалъ было противиться всѣмъ этимъ требованіямъ своей невѣсты, но Лалла была непреклонна и съумѣла настоять на своемъ. Она дѣйствовала и строгостью, и лаской; въ случаѣ надобности притворялась больной и мало-по-малу добилась того, что делла-Валле сталъ исполнять всѣ ея капризы и буквально плясалъ по ея дудкѣ.

Церемонія причащенія Лаллы произошла очень торжественно. Церковь была биткомъ набита народомъ; всѣ собрались точно въ театръ смотрѣть на интересное зрѣлище. Между мѣстными властями въ первомъ ряду виднѣлась тучная фигура синьора Доменика. Онъ не спускалъ глазъ съ герцога д'Эледа и ровнялся по нему, когда надо было вставать, садиться и становиться на колѣни. На церемоніи присутствовали также всѣ ученицы *Христіанской школы*, имѣя во главѣ синьору Веро-

Digitized by Google

нику, которая написала на этотъ торжественный случай хвалебную оду въ стихахъ и перечислила въ ней всѣ достоинства доброй, благочестивой и цѣломудренной невѣсты. Супруга мэра совсѣмъ не перемѣнилась за это время; она была по прежнему суха, желта и некрасива, и по прежнему носила толстыя черныя шолковыя платья, всегда довольно потертыя, съ неизмѣннымъ букетикомъ *vergissmeinnicht*. Между нею и Октавіей продолжалось постоянное соревнованіе, и на этотъ разъ предметомъ раздора былъ юный помощникъ мироваго судьи. Невѣста простояла всю обѣдню на колѣняхъ, на голомъ камнѣ, и такъ измучила себя молитвой, что еле могла проглотить св. причастіе, когда донъ-Винченцо поднесъ къ ея губамъ; всѣ кругомъ даже боялись, что она упадетъ въ обморокъ.

Въ замкѣ Лаллу ожидалъ донъ-Грегоріо. Молодая дѣвушка со слезами бросилась къ нему въ объятія, а потомъ захотѣла непремѣнно стать передъ нимъ на колѣни и просила благословить ее.

— Да, да, Господь съ тобой, дитя мое! — пробормоталъ добрый старикъ, поглаживая дрожащей рукой ея пышные золотистые волосы.—Пусть Всевышній благословитъ тебя на новую жизнь и пошлетъ тебѣ долгое, прочное счастіе. Не забывай только, что каждый изъ насъ долженъ твердо нести свой крестъ на этой землѣ и думать о «будущей жизни», гдѣ насъ ожидаетъ строгій судъ за всѣ наши грѣхи и тайныя помышленія. Будь послушной и вѣрной женой! Бери во всемъ примѣръ съ твоей матери, и, если Господь захочетъ испытать твою вѣрность, мужество и христіанскую покорность, обратись къ ней за совѣтомъ; она всегда съумѣетъ тебя утѣшить. Присматривайся къ ея честной, хорошей и добродѣтельной жизни, и ты сама сдѣлаешься такой же святой женщиной, какъ она...

При этомъ голосъ донъ-Грегоріо оборвался и онъ глухо зарыдалъ; всѣ кругомъ плакали навзрыдъ; Марія судорожно сжала Лаллу въ своихъ объятіяхъ и, покрывая ее слезами и поцѣлуями, мысленно приносила въ жертву Богу свое истерзанное сердце и просила Его за это послать долгое и прочное счастіе ея дочери. Слезы и волненіе Лаллы чуть было не перешли въ нервный припадокъ, который вѣрно кончился бы обморокомъ, еслибы въ это время не принесли со станціи при-

Digitized by Google

бывшее изъ Парижа подвѣнечное платье въ длинномъ деревянномъ ящикѣ. Джулія уже два дня съ нетерпѣніемъ поджидала его и, когда на дворѣ появился насильщикъ съ ящикомъ, она громко закричала отъ радости, захлопала въ ладоши и бросилась разыскивать Лаллу. Лалла въ душѣ также безпокоилась, какъ бы не вышло задержки съ платьемъ. Увидѣвъ сіяющее лицо влетѣвшей Джуліи, она тотчасъ же догадалась, въ чемъ дѣло, и стремглавъ выбѣжала изъ залы вслѣдъ за кузиной. Бурное горе и слезы мигомъ прошли; она даже забыла поклониться донъ-Грегоріо на прощанье. Лоренцо взялъ отъ носильщика драгоцѣнный ящикъ и торжественно понесъ его на верхъ, въ комнату молоденькой герцогини. Вслѣдъ за нимъ полетѣли: сама невѣста, Джулія, miss Dill, Луиджа, Нена и даже старая полоумная маркиза изъ Генуи. Старуха плохо понимала, въ чемъ дѣло, но чувствовала, что случилось что-то необыкновенное и, шамкая своимъ беззубымъ ртомъ, торопливо поднималась по лѣстницѣ, вслѣдъ за веселой и шумной ватагой. По дорогѣ всѣ оживленно разговаривали о покроѣ платья и его отдѣлкѣ, и высчитывали, когда оно могло быть выслано изъ Парижа.

— Его выслали, вѣроятно, въ тотъ самый день, когда Джулія пріѣхала въ Санто-Фіоре. — Нѣтъ, нѣтъ, не тогда...— Конечно, позже...—А, можетъ, не тогда...—Конечно, позже...— А, можетъ быть, именно тогда. — Въ заключеніе всѣ рѣшили, что *Madame Fanny*—идеалъ точности и акуратности, и ящикъ былъ внесенъ въ комнату Лаллы посреди всеобщихъ радостныхъ возгласовъ, смѣха и криковъ.

Молоденькая дѣвушка велѣла поставить его около окна на полу и своими нѣжными холеными ручками стала помогать Ларенцо вытаскивать гвозди изъ крышки. Лоренцо дѣлалъ все очень акуратно, но чрезвычайно медленно, и этимъ дѣйствовалъ на нервы всѣмъ присутствующимъ. Наконецъ, гвозди были вынуты и онъ приподнялъ крышку; тогда къ ящику бросились со всѣхъ сторонъ: Лалла, Нена, Джулія и Луиджа, оттолкнули Лоренцо и осторожно сняли положенные на платье листы бѣлой шолковой бумаги. Лалла вся покраснѣла, и у нея разгорѣлись глаза. Когда сняли всю бумагу, Луиджа осторожно приподняла нарядное дѣвственно-бѣлое платье за подкладку и нѣсколько разъ встряхнула его, чтобы освѣжить рюши и до-

Digitized by Google

рогую отдѣлку. Платье было сшито удивительно изящно и элегантно. Джулія заохала отъ восторга, а Нена застыла на мѣстѣ въ нѣмомъ восторгѣ. Miss Dill надѣла очки, близко наклонилась надъ лифомъ и важно выразила свое одобреніе съ видомъ знатока. Старой маркизѣ даже не удалось подойти къ платью, но она издали восторгалась имъ, всплескивала руками и бормотала себѣ подъ носъ:—Ахъ, какая прелесть! Какое великолѣпіе!

— Я выпишу вамъ такое же изъ Парижа, Нена, когда будетъ наша свадьба, — замѣтилъ шутникъ Лоренцо, весело подмигивая хорошенькой горничной. Но всѣмъ было не до шутокъ: Лоренцо вытолкали за дверь и Лалла стала примѣрять платье. Она наскоро раздѣлась и казалась еще меньше и худощавѣе въ одномъ корсетѣ и короткой юбкѣ. Всѣ заохали на нее, что она еще такой ребенокъ, и нашли въ ней большое сходство съ Іоанной д'Аркъ въ миньятюрѣ...

Наконецъ, платье было надѣто, застегнуто, обдернуто... Оно сидѣло очаровательно. Но на лифѣ спереди, въ груди, дѣлалась поперечная складка, за которую въ сущности нельзя было обвинить madame Fanny. Джулія тонко улыбнулась и не безъ гордости погладила свою высокую, пышную грудь, красиво выступавшую изъ темнаго вязанаго лифа.

— Слѣдовало бы взять немного въ плечахъ и подтянуть весь лифъ къ низу, — замѣтила Нена Луиджѣ, и взглядомъ показала, въ чемъ именно заключается недостатокъ; ей не хотѣлось яснѣе выразиться, чтобы какъ нибудь не обидѣть своей барышни.

— Легко сказать—взять немного въ плечахъ! Я, по крайней мѣрѣ, не рискну распарывать и перешивать этотъ лифъ,— отвѣтила Луиджа.

— Конечно, не слѣдуетъ его трогать изъ-за такихъ пустяковъ!—воскликнула Джулія.

Всѣ довольно долго спорили на счетъ этого и, послѣ серьезнаго обсужденія, рѣшили оставить лифъ такимъ, какимъ онъ присланъ. Лалла не принимала участія во всѣхъ этихъ разговорахъ; она прекрасно поняла, въ чемъ дѣло, и рѣшила про себя, что, когда будетъ одѣваться къ вѣнцу, то устроится такъ, чтобы этой складки не было.

Въ этотъ день семья д'Эледа сѣла обѣдать ранѣе обыкно-

Digitized by Google

веннаго. Всѣ торопились въ церковь, чтобы не опоздать къ *Ave Maria*. Даже графъ Луиджи бросилъ свой кофе и поспѣшилъ за всѣми остальными: — онъ любилъ хорошо поѣсть, но не хотѣлъ прослыть еретикомъ. Къ тому же, ему доставляло громадное удовольствіе присутствовать при обращеніи Джорджіо въ христіанскую вѣру. — Да, мой племянникъ бросилъ свою *правую* сторону и большими шагами приближается къ *центру*,—шутилъ да-Кастильоне,—глядя на голубые глазки Лаллы.—Онъ даже измѣнился въ цвѣтѣ и изъ *ярко-краснаго* переходитъ въ *фіолетовый*, тотъ самый цвѣтъ, что̀ носятъ наши святые отцы. И все отъ взгляда Лаллы, отъ одного только взгляда!

Изъ церкви всѣ вернулись домой грустными и молчаливыми. Каждому по неволѣ думалось о предстоящемъ на слѣдующій день бракосочетаніи Лаллы и о серьезности и торжественности этого важнаго и труднаго шага. Джорджіо также былъ скорѣе грустенъ, чѣмъ веселъ; послѣ избытка счастья, всегда наступаетъ приливъ меланхоліи. Лалла прекрасно понимала настроеніе своего жениха, но ей всегда хотѣлось дѣлать всѣмъ наперекоръ, и теперь она еле сдерживалась, чтобы не кричать, не бѣгать и не хохотать. Она нѣжно переглядывалась съ женихомъ въ гостинной и держалась тамъ чинно и серьезно, но по временамъ убѣгала отводить душу на галерею, гдѣ возилась съ Джуліей, или подъ какимъ нибудь предлогомъ уходила въ дѣвичью къ Ненѣ. При этомъ она каждый разъ обнимала мать и ласково цѣловала отца, точно прощалась съ ними и какъ бы говорила имъ своимъ взглядомъ: — Я всегда по прежнему горячо буду любить васъ, мои дорогіе.

Во время своей бѣготни въ дѣвичью, молоденькая дѣвушка встрѣтилась тамъ со старикомъ Фрасколини, который считалъ своимъ долгомъ прійти въ замокъ наканунѣ свадьбы, чтобы узнать распоряженія герцога. Старикъ страшно осунулся, похудѣлъ, и за одинъ годъ постарѣлъ чуть не на десять лѣтъ. Ссора съ Сандрино отразилась на здоровьѣ бѣдняги и онъ, повидимому, доживалъ послѣдніе дни, мучимый постояннымъ, сухимъ и зловѣщимъ, кашлемъ. Но упрямецъ скрывалъ свое горе и не хотѣлъ сознаться въ немъ, а отъ этого страдалъ еще больше. Ему было бы гораздо легче высказаться и излить все, что̀ накопилось на душѣ. Эта встрѣча не произвела на

Digitized by Google

Лаллу ровно никакого впечатлѣнія, хотя старикъ Фрасколини напомнилъ ей Сандрино; на мгновеніе молодая дѣвушка снова почувствовала глубокую ненависть и злобу къ своему бывшему возлюбленному, но съумѣла побороть свое чувство и стала ласково разспрашивать старика обо всемъ: объ его здоровьѣ, объ урожаѣ винограда, о дѣлахъ общины и о негодномъ блудномъ сынѣ, который приводилъ его въ отчаяніе. При этомъ она говорила очень развязно и вполнѣ спокойно. Зато у бѣдной Нены замерло сердце при послѣднемъ вопросѣ молоденькой герцогини, и она затаила дыханіе, ожидая отвѣта старика.

— Я ничего не знаю объ *этомъ господинѣ*... и знать не желаю! — рѣзко подчеркнулъ Фрасколини, но, противъ воли, двѣ крупныя слезы выкатились изъ его старческихъ глазъ по морщинистымъ щекамъ.

Видя эти слезы, Лалла ни на мгновеніе не подумала о томъ, что она—настоящая причина горя старика... Не ворвись она въ жизнь Сандрино,—онъ остался бы жить въ семьѣ съ отцомъ, и старикъ счастливо и спокойно докончилъ бы свои послѣдніе дни. Фрасколини также не зналъ, какое громадное зло сдѣлала ему и его сыну эта нарядная хорошенькая дѣвушка, и почтительно-вѣжливо и ласково разговаривалъ съ нею.—Успокойтесь, успокойтесь!—сказала ему Лалла на прощанье:—будемъ надѣяться, что все устроится къ лучшему и вы всѣ снова будете по прежнему счастливы. Господь послалъ вамъ временное испытаніе и навѣрное скоро утѣшитъ васъ. Уповайте на Его милосердіе! — Съ этими словами она вышла изъ дѣвичьей, а бѣдный старикъ со слезами благословлялъ ее за выраженную ласку и, прощаясь, даже поцѣловалъ у нея ручку.

Когда молодая дѣвушка вернулась въ гостинную, герцогъ Анатолій и делла-Валле условливались тамъ на счетъ церемоніала слѣдующаго дня. Рѣшили, что Джорджіо поѣдетъ на станцію, чтобы встрѣтить и привезти въ замокъ свидѣтелей; отъ нихъ только что была получена телеграмма, съ извѣстіемъ, что они прибудутъ съ первымъ поѣздомъ.

Въ этотъ вечеръ всѣ очень долго и ласково прощались другъ съ другомъ, прежде чѣмъ разойтись по своимъ комнатамъ и лечь спать. Безотчетная тоска смѣнилась всеобщимъ

Digitized by Google

волненіемъ, которое выразилось въ обмѣнѣ привѣтствій, обѣщаній, дружескихъ рукопожатій, поцѣлуевъ и горячихъ объятій. Простившись съ Лаллой, Джорджіо настойчиво предложилъ свою руку герцогинѣ Маріи и, во чтобы то ни стало, захотѣлъ проводить ее до порога спальни. Несчастная женщина смутилась, но не нашла благовиднаго предлога отказать графу и, взявъ его подъ руку, стала медленно подниматься по лѣстницѣ. Джорджіо остановился въ будуарѣ, передъ спальней, и нѣжно удержалъ руку Маріи, чтобы она не вырывалась отъ него и не ушла къ себѣ вслѣдъ за Луиджей.

— Позвольте мнѣ сказать вамъ на прощанье нѣсколько словъ, герцогиня,—началъ онъ.—Я хочу еще разъ извиниться передъ вами сегодня за то, что много лѣтъ тому назадъ невольно сдѣлалъ вамъ большую непріятность. Простите меня! Будьте доброй, Марія... Мнѣ такъ хотѣлось бы знать, что вы уже больше не сердитесь на меня и добровольно, по своему желанію, принимаете меня въ сыновья... Повѣрьте, мнѣ очень тяжело сознавать, что вы недовольны моимъ бракомъ съ Лаллой! Забудьте прошлое и искренно, отъ всего сердца, дайте мнѣ теперь ваше согласіе на этотъ бракъ...

— Да, да... отъ всего сердца... — Несчастная съ трудомъ выговаривала слова.—Отъ всего сердца... не сомнѣвайтесь въ моемъ расположеніи къ вамъ! Съ годами я перемѣнилась... и перемѣнилась къ худшему. Стала не такъ... не такъ экспансивна; но, вѣрьте, я отъ всей души буду вамъ признательна до конца моихъ дней, если вы составите счастье моей дочери!

— Но мнѣ мало одной признательности...

— Мало?—шопотомъ повторила герцогиня, чтобы скрыть дрожь въ голосѣ.

— Да, Марія, мало. Я хочу, чтобы вы меня хоть немножко полюбили ради Христа; умоляю васъ: не отказывайте мнѣ въ этомъ!.. Мнѣ почему-то кажется, что ваша любовь должна охранять мое счастіе съ Лаллой... Что же вы молчите? Если я не стою вашей любви, сдѣлайте это для спокойствія Лаллы, для вашей дочери... О, еслибъ вы знали, дорогая *мама*, какъ глубоко и сильно я люблю ее!

Марія схватилась за ручку двери, чтобы не упасть; она дрожала всѣмъ тѣломъ, но Джорджіо не замѣтилъ этого.

— Что же? — продолжалъ онъ, и нѣсколько разъ крѣпко

Digitized by Google

поцѣловалъ руку несчастной.—Согласны ли вы хоть немножко полюбить меня, мама?

— Да, да, сдѣлайте мою Лалли счастливой... прощайте, до завтра!..—И Марія исчезла за дверью спальни.

На этотъ разъ, какъ и всегда, делла-Валле остался очень недоволенъ результатомъ своего разговора съ Маріей и нашелъ, что она отнеслась къ нему, по прежнему, холодно и недружелюбно. Раздумывая объ этомъ, Джорджіо рѣшилъ, что у его будущей *belle-mère* есть какія-то необъяснимыя странности въ характерѣ и что она вообще невполнѣ нормальна. Но графъ былъ слишкомъ счастливъ, чтобы портить себѣ настроеніе разными непріятными размышленіями; онъ махнулъ рукой на герцогиню и весь углубился въ свои радужныя думы о Лаллѣ.

Войдя въ спальню, Марія тотчасъ же отпустила горничную; она задыхалась отъ волненія, наскоро раздѣлась и бросилась на кровать. Сухой, мучительный кашель разрывалъ больную грудь несчастной; она дрожала отъ холода, а сама горѣла какъ въ огнѣ. Но, не взирая на свои физическія и нравственныя страданія, Марія, какъ истинная христіанская мученица, заставила себя стать на колѣни и въ горячей молитвѣ, отъ души, благодарила Господа за то, что Онъ далъ ей силу пережить испытаніе. Она молилась также о томъ, чтобы Господь поддержалъ ее на слѣдующій день, во время вѣнчанія Лаллы и въ ужасный моментъ отъѣзда молодыхъ. Эта молитва успокоила измученную герцогиню и она стала жалѣть, что была такъ холодна съ Джорджіо. «Я, можетъ быть, смутила этимъ его счастье и счастье моей дочери?» — подумала несчастная, самоотверженная женщина и мысленно обѣщала себѣ быть какъ можно ласковѣе съ графомъ и съ Лаллой на слѣдующій день. Марія еще долго молилась и приносила свое горе въ жертву Богу; по ея блѣдному измученному лицу медленно одна за другой катились крупныя слезы, но она не замѣчала ихъ.

Изъ комнаты Джулiи вдругъ раздался рѣзкій, громкій крикъ; Марія испуганно вздрогнула... Она глубоко задумалась о своей несчастной любви и этотъ громкій крикъ внезапно вернулъ ее къ дѣйствительности. Молодая женщина соскочила съ кровати и, затаивъ дыханіе, внимательно прислушивалась... Она напрасно перепугалась! За первымъ крикомъ послѣдовалъ второй,

Digitized by Google

третій, и громкіе взрывы веселаго смѣха: это Лалла и Джулія о чемъ-то хохотали и возились между собой.

Лалла уже окончила свой ночной туалетъ и собиралась лечь въ постель, какъ вдругъ громко и испуганно вскрикнула: у нея подъ одѣяломъ лежало что-то громадное, черное и безобразное... Молоденькая дѣвушка замерла отъ страха, но почти тотчасъ же догадалась, въ чемъ дѣло, и громко разсмѣялась:—ей положили въ постель громадную куклу изъ папье-маше въ костюмѣ бедуина, въ которую герцогъ Анатолій когда-то стрѣлялъ въ цѣль! Лалла тотчасъ же поняла, чьи это шутки; она вытащила бедуина изъ-подъ одѣяла и, накинувъ на плечи платокъ, взяла его подъ мышки и стала тихонько на цыпочкахъ подкрадываться къ комнатѣ Джуліи, чтобы отомстить ей; но она столкнулась съ ней въ коридорѣ:—Джулія въ свою очередь шла къ Лаллѣ, чтобы насладиться успѣхомъ своей выдумки... Обѣ дѣвушки громко расхохотались; Джулія бросилась къ себѣ, вскочила на кровать и закрылась съ головою одѣяломъ, но Лалла, какъ стрѣла, влетѣла за нею и мигомъ сорвала съ нея одѣяло и простыни, а потомъ заставила ее нѣсколько разъ поцѣловать безобразнаго бедуина и положила его рядомъ съ ней на подушку.

Въ этотъ вечеръ обѣ дѣвушки особенно долго возились и шалили; ихъ точно вспрыснули живой водой:—онѣ безъ устали бѣгали другъ за другомъ, прыгали черезъ стулья, кидались подушками и то и дѣло обнимались и цѣловались; во время этой бѣготни Джулія вдругъ разомъ потушила свѣчи и обѣ дѣвушки до того испугались темноты, что стали звать Нену и Луиджу, а потомъ вскорѣ заснули, измученныя своей возней.

На слѣдующее утро Марія встала очень рано, какъ только начало свѣтать; она всю ночь не смыкала глазъ, дрожала отъ лихорадки и ужасно кашляла...—Боже, Боже, какъ мнѣ нездоровится сегодня!—пробормотала несчастная, начиная одѣваться.

Вѣнчаніе въ церкви было назначено въ двѣнадцать часовъ, а гражданскій бракъ въ мэріи—въ три часа, чтобы невѣста успѣла переодѣться. Обѣдъ велѣли приготовить къ пяти часамъ и на него были приглашены: донъ-Грегоріо, донъ-Винченцо и мэръ; а послѣ обѣда молодые должны были уѣхать въ свое свадебное путешествіе.

Лалла съ утра была очень серьезна и грустна, какъ и по-

Digitized by Google

добаетъ невѣстѣ; это не мѣшало ей, впрочемъ, акуратно собрать всѣ свои вещи для дороги и дать подробную инструкцію Ненѣ: гдѣ и что надо уложить. А Джорджіо былъ разсѣянъ за двоихъ въ это утро и перепутывалъ всѣ приказанія. Марія до того измучилась и изстрадалась, что уже не могла больше плакать, зато герцогъ Анатолій заливался горючими слезами, жирно намазывая масломъ тонкіе ломтики хлѣба и съ апетитомъ поглощая ихъ одинъ за другимъ вмѣстѣ съ безконечнымъ количествомъ кофе со сливками.

Церковный обрядъ прошелъ удивительно трогательно и торжественно. Въ церковь собралась тьма-тьмущая любопытныхъ зрителей, и всѣ они были разстроганы до глубины души простыми и сердечными словами донъ-Грегоріо, когда онъ благословилъ молодыхъ и отъ имени Господа Бога навѣки, неразлучно, соединилъ ихъ жизнь и душу. Невѣста и герцогъ Анатолій плакали навзрыдъ, и даже важные свидѣтели, пріѣхавшіе въ этотъ день изъ города, украдкой утирали слезы. Зато въ мэріи всѣ были очень веселы и отъ души смѣялись; смѣялись надъ бѣлыми фильдекосовыми перчатками и новою перевязью синьора Доминика, надъ его величественно-важнымъ видомъ и неумѣло составленной, безсмысленной и скучнѣйшей рѣчью. Отовсюду послышались взрывы сдержаннаго смѣха, когда онъ съ чувствомъ собственнаго достоинства подписалъ брачный контрактъ и сталъ въ позу оратора. Рѣчь составила его достойная супруга, поэтесса Вероника, а онъ, по ея настоянію, выучилъ это произведеніе наизустъ. Въ началѣ все шло очень гладко,—гнусавымъ голосомъ мэръ громко отчеканивалъ каждое слово, но, послѣ двухъ-трехъ первыхъ періодовъ, онъ вдругъ смутился, сталъ глотать слова, что-то забормоталъ и, увидѣвъ широко раскрытые отъ удивленія глаза герцога, окончательно запутался и оборвался на полусловѣ.

Вернувшись въ замокъ, молодая переодѣлась въ дорожное сѣрое суконное платье и разомъ стала необыкновенно оживлена и весела. Искусно задрапированный лифъ скрывалъ дѣтскую худощавость ея стана, и вообще весь костюмъ очень шелъ къ ней. Чудные волосы какъ бы съ радостью освободились отъ тяжести несноснаго вѣнка изъ померанцевыхъ цвѣтовъ, и красивая волнистая прическа приняла свой обычный небрежно-артистическій видъ. На щекахъ Лаллы вспыхнулъ

Digitized by Google

легкій румянецъ, и она до смѣшнаго походила на маленькую фарфоровую куколку; только громадные, глубокіе бархатные глаза были далеко не кукольные и поражали своей игрой и перемѣной выраженія.

Очарованный Джорджіо делла-Валле въ восторгѣ не сводилъ глазъ со своей возлюбленной и, какъ тѣнь, повсюду бродилъ за нею. Онъ все не вѣрилъ, что это хорошенькое, очаровательное и граціозное созданіе было его собственностью, его законной женой. Бѣдняга былъ такъ взволнованъ, что не могъ выговорить ни слова, и все только смотрѣлъ на Лаллу долгимъ, нѣжнымъ молящимъ взглядомъ. Зато молодая графиня держалась очень развязно и весело болтала со своимъ мужемъ и со всѣми гостями. Джорджіо, какъ ребенокъ, радовался этому веселью Лаллы; онъ весь былъ полонъ только ею и съ невыразимымъ счастьемъ смотрѣлъ, какъ она ходитъ, смѣется, говоритъ. «Это моя... моя жена»! мысленно твердилъ онъ себѣ. Одинъ изъ пріѣхавшихъ гостей взялъ подъ руку счастливаго супруга и объявилъ ему о будущемъ назначеніи д'Эледа въ сенаторы, а потомъ завелъ длиннѣйшій разговоръ о политикѣ. Джорджіо съ трудомъ отдѣлался отъ него и, весь полный своими радужными мыслями, подошелъ къ Маріи и ласково шепнулъ ей:—О мама, мама, какъ я счастливъ!

Герцогъ Анатолій былъ также на верху блаженства; радостное извѣстіе уже дошло до него и онъ горделиво поднималъ голову, раздумывая о своихъ засѣданіяхъ въ сенатѣ.

Обѣдъ прошелъ очень весело. Графъ Луиджи сидѣлъ рядомъ со своей новой племянницей и все время дразнилъ ее довольно прозрачными и рискованными намеками на счетъ свадебнаго путешествія. Лалла краснѣла и скромно опускала голову, но давала ясно понять лукавымъ взглядомъ своихъ громадныхъ глазъ, что всѣ эти намеки ей не новы и что она прекрасно знаетъ все, что ее ждетъ. Графъ Луиджи находилъ молодую графиню делла-Валле очень и очень соблазнительной и, не теряя дорогаго времени, «съ мѣста въ карьеръ» началъ ухаживать за нею; Лалла благосклонно принимала эти ухаживанія и была, повидимому, очень довольна ими; ей льстили комплименты старика; она знала, что онъ видалъ виды на своемъ вѣку и считался знатокомъ женской красоты. Веселый разговоръ ни на минуту не умолкалъ между ними и, стараясь

Digitized by Google

понравиться новому дядѣ, молодая графиня кокетничала «во всю», смѣялась, играла глазами, и то и дѣло поправляла волосы, чтобы щегольнуть красотой и бѣлизной своихъ рукъ. Во время этого флирта Лалла не забывала также и своего мужа: она постоянно кидала на него нѣжные и выразительные взгляды, и подъ этими взглядами Джорджіо невольно вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты отъѣзда, чтобы прижать къ сердцу свою дорогую жену... «Да! обнять ее, цѣловать, цѣловать безъ конца, спрятать руки въ эти чудные, душистые бѣлокурые волосы... Боже, какое счастіе»! думалъ делла-Валле.

Донъ-Грегоріо мало говорилъ за обѣдомъ; онъ внимательно наблюдалъ за Маріей и становился все серьезнѣе и грустнѣе. Герцогиня сидѣла между донъ-Грегоріо и синьоромъ Домиником—двумя лицами, которые обвѣнчали ея дорогую дочь. Но синьоръ Доминикъ съ удовольствіемъ уступилъ бы это почетное мѣсто кому нибудь другому, хотя бы одному изъ пріѣхавшихъ гостей. Скромный мэръ мѣстечка Санто-Фіоре чувствовалъ бы себя гораздо лучше и свободнѣе гдѣ нибудь въ углу, на концѣ стола, гдѣ бы могъ всласть полакомиться всѣми тѣми изысканными яствами, о которыхъ ему такъ подробно разсказывалъ поваръ Франческо, чуть не за недѣлю до свадьбы. А рядомъ съ герцогиней онъ такъ конфузился, что почти ничего не ѣлъ и позабылъ всѣ инструкціи своего пріятеля Франческо: на что именно надо обратить больше вниманія. Бѣдный мэръ ничего не понималъ въ общемъ разговорѣ и такъ старательно вслушивался въ него, что, по разсѣянности, часто клалъ на свою полную тарелку вилку или ножикъ, и лакеи тотчасъ же подхватывали ее, думая, что онъ уже кончилъ, а бѣдняга почти и не начиналъ. Какъ онъ злился въ душѣ на этихъ прытких лакеевъ и какъ завидовалъ самообладанію донъ-Винченцо, который, точно у себя дома, уплеталъ за обѣ щеки блюдо за блюдомъ и былъ такъ занятъ ѣдой, что даже не разговаривалъ со своей сосѣдкой miss Dill. Англичанка очень обидѣлась этимъ невниманіемъ и собиралась уже надуться на своего обожателя, когда онъ съ нѣжностью взглянулъ на нее во время десерта и изподтишка протянулъ ей открытую табакерку. Старая дѣва растаяла отъ этого взгляда и въ свою очередь краснорѣчиво улыбнулась жирному толстяку.

Digitized by Google

А герцогъ Анатолій? Онъ почти не дотрогивался до изысканныхъ кушаній, но зато положительно ѣлъ глазами хорошенькую Джулію; она сидѣла рядомъ съ нимъ и такъ близко пододвинула къ нему свой стулъ, что онъ чувствовалъ теплоту ея пышнаго тѣла и не спускалъ глазъ съ ея бѣлорозоваго лица, покрытаго чуть замѣтнымъ золотистымъ пушкомъ. «Это настоящій персикъ»! думалъ влюбчивый герцогъ, глядя на этотъ пушокъ. Всѣ еще болѣе оживились къ концу обѣда: лица раскраснѣлись; то и дѣло слышались веселыя шутки и громкіе взрывы смѣха. За десертомъ одинъ изъ пріѣхавшихъ гостей случайно взглянулъ на часы и предупредилъ новобрачныхъ, что имъ надо торопиться уѣзжать, такъ какъ осталось очень мало времени до отхода поѣзда. Всѣ захотѣли ѣхать провожать молодыхъ на станцію, а кофе пить уже потомъ, по возвращеніи съ вокзала. Только Марія и донъ-Грегоріо рѣшили остаться дома. Начались прощанья и общія слезы. Плакали всѣ безъ разбора: одни, потому что имъ было дѣйствительно тяжело, другіе — подъ вліяніемъ сытнаго обѣда и большаго количества выпитаго вина. Вѣдь люди всегда готовы расчувствоваться съ полнымъ желудкомъ и отуманенной головой. Только Марія да графъ делла-Валле не проронили ни одной слезинки: волненіе Джорджіо сказывалось въ его страшной блѣдности и легкомъ подергиваньѣ губъ, а Марія... бѣдная Марія! Къ счастію, никто не обращалъ на нее вниманія въ это мгновеніе,—никто, кромѣ донъ-Грегоріо, который все время слѣдилъ за измѣнившимся лицомъ несчастной и самъ становился все мрачнѣе и мрачнѣе. Лалла громко рыдала и, казалось, не имѣла силы вырваться изъ объятій отца и матери. Герцогъ начиналъ тяжело дышать и фыркать носомъ. Джулія также плакала, и даже высохшая, какъ мумія, miss Dill окаменѣла отъ горя. Волненіе господъ передалось также и слугамъ: Луиджа и Лоренцо плакали навзрыдъ, прощаясь со своей молодой госпожей.

Наконецъ, все было готово: экипажи поданы, вещи уставлены, оставалось только сѣсть по мѣстамъ и тронуться въ путь. Но въ послѣднюю минуту Лаллѣ снова вздумалось обнять мать, потомъ Джулію, потомъ донъ-Грегоріо; она залилась истерическими рыданіями, но, не смотря на свое волненіе, успѣла передать Ненѣ мѣшочекъ съ драгоцѣнностями и строго-на-

Digitized by Google

строго приказала ей ни на мгновеніе не выпускать его изъ рукъ. Наконецъ, она сѣла въ первый экипажъ и, когда лошади тронулись въ путь, еще разъ на прощанье послала матери воздушный поцѣлуй и громко крикнула ей:—Пиши, пиши мнѣ поскорѣй, дорогая!

Джорджіо долженъ былъ ѣхать во второмъ экипажѣ, съ графомъ Луиджи, старухой-маркизой и однимъ изъ пріѣхавшихъ гостей. Всѣ названныя лица уже размѣстились въ ландо, когда графъ подошелъ проститься съ Маріей и, по примѣру Лаллы, нѣжно обнялъ ее. Марія не оттолкнула его объятій, но и не отвѣтила на нихъ; она осталась неподвижною, какъ статуя, и всей своей позой и выраженіемъ лица олицетворяла воплощенное страданіе. Но, когда садовыя ворота закрылись за послѣднимъ экипажемъ и стукъ задвижки отозвался эхомъ по всей чугунной рѣшеткѣ, точно прощальный привѣтъ уѣхавшимъ, несчастная вся вздрогнула и безъ стона, безъ крика, какъ мертвая, повалилась на землю.

Марія пришла въ себя уже въ гостинной на диванѣ. Около нея стоялъ донъ-Грегоріо и, кромѣ него, никого не было въ комнатѣ. Добрый старикъ разгадалъ тайну несчастной и съумѣлъ удалить отъ нея всю прислугу, даже горничную Луиджу:—онъ боялся, какъ бы Марія не крикнула чего нибудь въ полузабытьи и не выдала этимъ своего секрета.—Крѣпись, крѣпись, дитя мое,—ласково промолвилъ священникъ, когда молодая женщина, наконецъ, открыла глаза и съ ужасомъ оглядѣлась кругомъ.—Мужайся! Господь помогъ тебѣ выйти побѣдительницей изъ борьбы даже въ самую послѣднюю ужасную минуту.

— Нѣтъ, донъ-Грегоріо! я не справилась съ собою и не побѣдила своего чувства,—прошептала несчастная и, окончательно придя въ себя, горько, горько заплакала. Изъ словъ донъ-Грегоріо Марія поняла, что онъ разгадалъ весь ужасъ ея положенія, и долго сдерживаемыя слезы прорвались и потекли бурнымъ потокомъ. Она вспомнила все, что ей пришлось пережить за этотъ день, вспомнила, что уже все кончено, что возврата нѣтъ, и была въ полномъ отчаяніи.

— Нѣтъ, я не могу... я не могу больше терпѣть и бороться...—шептали ея воспаленныя высохшія губы.—Такъ страдать дольше немыслимо. Я перестала вѣрить въ милосердіе Бога... За что Онъ отнялъ у меня силы въ послѣднюю минуту? Я такъ мо-

Digitized by Google

лила поддержать меня до конца... Но Онъ точно нарочно отстранился отъ меня теперь и я, какъ жалкое, грѣховное созданіе, оплакиваю принесенную мною жертву... Зачѣмъ Онъ заставилъ меня такъ долго терпѣть и страдать здѣсь на этомъ свѣтѣ и вдругъ бросилъ безъ поддержки, чтобы и послѣ смерти, въ будущей жизни, проклясть за грѣхи?

Глухія рыданія потрясали все тѣло Маріи, и по ея красивому, блѣдному лицу безпрерывно текли крупныя, жгучія слезы.—Нѣтъ, нѣтъ... гдѣ же Богъ? Бога нѣтъ!—съ отчаяніемъ бормотала несчастная среди рыданій.

Донъ-Грегоріо безмолвно плакалъ рядомъ съ нею и тихо молился про себя. Онъ просилъ Господа Бога облегчить страданія несчастной женщины и вернуть миръ и спокойствіе въ ея измученное сердце... умолялъ Всевышняго простить ей грѣховный ропотъ за всѣ пережитыя страданія и твердо уповалъ на Его милосердіе и безконечную доброту. Когда Марія немного успокоилась и ея рыданія постепенно затихли, добрый старикъ нѣжно взялъ ее за руку и сталъ отечески-ласково говорить съ ней:

— Нѣтъ, дитя мое, Богъ существуетъ; ты чувствуешь Его присутствіе въ своей собственной душѣ: это Богъ добрый, всепрощающій и милосердый... Онъ нарочно послалъ тебѣ испытаніе, зная, въ своей великой мудрости, что ты побѣдишь!.. Такія чистыя вѣрующія души, какъ твоя, должны страдать въ этой жизни, чтобы служить благимъ примѣромъ всѣмъ немощнымъ и слабымъ... Благодари, Марія, Господа Бога, благодари Его отъ всего сердца и никогда ни въ чемъ не упрекай! Онъ былъ безконечно добръ къ тебѣ, Онъ далъ тебѣ сына въ лицѣ того, кто могъ бы навѣки погубить тебя и въ этой жизни, и въ будущей... Теперь ты осталась чиста и честна, какъ женщина и мать, и можешь открыто заботиться о счастіи своего возлюбленнаго. Господь соединилъ этого человѣка съ другимъ близкимъ и дорогимъ тебѣ существомъ, — съ твоей дочерью — и ты должна полюбить его теперь самой лучшей, самой высокой и чистой любовью, — любовью матери. Лалла еще очень молода, неопытна, вѣтряна... У нея не такой характеръ, какъ у тебя... Она нуждается въ постоянной поддержкѣ и материнскомъ совѣтѣ... Не оставляй ее, Марія! Вливай въ ея душу ту могучую силу вѣры и милосердія, которой такъ

Digitized by Google

много въ тебѣ! Заботься о счастіи своихъ дѣтей, береги его. Въ этомъ святомъ, добромъ дѣлѣ незамѣтно пройдетъ для тебя вся жизнь... Теперь ты, конечно, поняла изъ моихъ словъ, какъ добръ и милостивъ былъ къ тебѣ Господь Богъ! Злой духъ искушалъ тебя, но Всевышній отогналъ его прочь и спасъ тебя отъ грѣха... Онъ вознесъ тебя на небо на крыльяхъ твоей вѣры и ты, какъ ангелъ-хранитель, будешь теперь беречь счастіе любимаго тобой человѣка и молиться о спокойствіи и радости обоихъ своихъ дѣтей!

Слова донъ-Грегоріо ласкали и успокоивали измученное сердце Маріи. Въ ея душу постепенно вливались миръ и любовь, и робкій лучъ надежды начиналъ проникать въ безпросвѣтную мглу ея существованія. Будущее уже не казалось молодой женщинѣ такимъ страшнымъ и нестерпимо-тяжелымъ, какъ прежде, и она съ жадностью прислушивалась къ словамъ добраго старика:

— Когда наступитъ старость и жаръ крови остынетъ, когда сердце станетъ биться слабѣе и рѣже, и на твоемъ открытомъ ясномъ челѣ покажутся морщины, а въ волосахъ появится сѣдина—тогда ты оцѣнишь свой теперешній подвигъ и будешь жить счастливой, всѣми уважаемой и благословляемой среди своихъ дѣтей! Страшный призракъ упрека не смутитъ твоихъ послѣднихъ часовъ и, вмѣсто ненависти и вражды, ты встрѣтишь всюду любовь и уваженіе. Повѣрь, Марія, тебѣ будетъ очень отрадно сознавать тогда, что ты сама себѣ создала эту тихую и покойную старость, и купила ее дорогой цѣной своей геройской жертвы... Хорошенькія бѣлокурыя дѣтскія головки столпятся у твоихъ ногъ и, глядя на ихъ ясныя ангельскія улыбки, ты уже не скажешь, какъ сегодня, что Бога нѣтъ... Ты будешь чувствовать Его могущество и силу вездѣ, въ себѣ самой и въ окружающихъ, и отъ всего сердца благодарить Его за все.

— О, благодарю васъ, благодарю донъ-Грегоріо, вы спасли меня!.. воскликнула Марія и съ благоговѣніемъ поцѣловала худую морщинистую руку старика.

Донъ-Грегоріо побѣдилъ отчаяніе несчастной; онъ съумѣлъ зародить въ ея сердцѣ надежду и вернуть душевный покой. Марія чувствовала, что ей не пережить своего горя, но теперь смерть не пугала ея,—она знала, что ея могила не бу-

Digitized by Google

детъ забыта и заброшена, и ясно представляла ее себѣ, всю покрытую цвѣтами и вѣнками отъ близкихъ и любимыхъ людей. Новое призваніе—ангела хранителя счастія Джорджіо—возбуждало ея чистое поэтическое воображеніе. Марія мысленно рѣшила провести всю свою жизнь рядомъ съ Лаллой, чтобы согрѣвать ее своимъ пламенемъ, слить свою любовь съ ея любовью, какъ ароматъ двухъ цвѣтковъ, и баюкать этой соединенной любовью каждое мгновеніе жизни Джорджіо. Сестра милосердія ни на минуту не покидаетъ постели заразнаго больнаго, даже тогда, когда чувствуетъ, что зараза передалась въ ея кровь:—такъ и Марія рѣшила не покидать своего возлюбленнаго и вливать въ его душу животворный и цѣлебный источникъ своей любви.

Донъ-Грегоріо уже ушелъ къ себѣ, когда герцогъ и гости вернулись со станціи, а Марія прислала сказать съ горничной, что очень устала и не можетъ сойти внизъ. Никто не пожалѣлъ объ ея отсутствіи: всѣмъ было не до слезъ и вздоховъ, а хотѣлось вволю посмѣяться, пошутить и поболтать! Общество сгруппировалось въ гостинной около камина, гдѣ весело трещалъ и пылалъ большой огонь. Лакеи подали кофе и ликеры: золотистый *chartreuse* красиво переливался въ тонкихъ хрустальныхъ рюмкахъ. Центромъ общества была молоденькая графиня ди-Рокка-Віанарди; она всѣхъ очаровывала своей веселостью, любезностью и красотой. Громкій смѣхъ развязной дѣвушки, ея свободная манера держаться, и кокетливо вызывающія позы возбуждали мужчинъ, и они наперерывъ ухаживали за ней, говорили ей комплименты и старались услужить чѣмъ нибудь. Особенно отличался герцогъ д'Эледа; онъ, повидимому, вполнѣ утѣшился отъ горести разлуки съ Лаллой и совершенно позабылъ о ней. Анатолій даже слишкомъ явно восторгался пышными формами гибкаго тѣла Джуліи и пересаливалъ въ своихъ, далеко не платоническихъ, ухаживаньяхъ за ней. Онъ все время шепталъ ей что-то на ухо, поминутно бралъ за руку и старался обнять ее и поцѣловать, говоря, что она осталась ему вмѣсто уѣхавшей дочери. Когда молодая дѣвушка вышла въ коридоръ, разгорѣвшійся герцогъ побѣжалъ за нею и, воспользовавшись темнотой, такъ стиснулъ ее въ своихъ объятіяхъ между двумя дверями, что Джулія даже разсердилась и рѣзко оттолкнула его.

Digitized by Google

— Потише, потише, милый герцогъ!—насмѣшливо сказала она: — вы называете себя моимъ отцомъ, но что-то черезчуръ крѣпко обнимаете. Отцы такъ не поступаютъ, а тѣмъ болѣе «святые отцы».

Анатолій вспыхнулъ, смѣшался и такъ сконфузился, что уже не рѣшился больше взглянуть въ лицо молодой дѣвушки и молча просидѣлъ остатокъ вечера, упорно глядя въ землю. Кокеткѣ Джуліи даже стало жалко его; она въ душѣ раскаивалась въ своей рѣзкости и, чтобы загладить ее, то и дѣло обращалась къ герцогу съ любезной шуткой или какимъ нибудь вопросомъ; но онъ по прежнему конфузился и еле отвѣчалъ ей. Miss Dill и донъ-Винченцо усѣлись въ темномъ уголку и о чемъ-то перешептывались между собой, а вскорѣ совсѣмъ исчезли изъ гостинной; вслѣдъ за ними удалилась и старая маркиза.

Когда пробило полночь, всѣ стали прощаться и разошлись по своимъ комнатамъ. Анатолій также ушелъ къ себѣ и, не раздѣваясь, растянулся въ креслѣ около кровати. Ему все вспоминалось замѣчаніе Джуліи и ея тонкая язвительная насмѣшка... «Какую глупую роль я сыгралъ передъ этой хорошенькой дѣвушкой», пробормоталъ герцогъ себѣ подъ носъ и по неволѣ снова сталъ думать о пышныхъ формахъ Джуліи. Онъ чувствовалъ теплоту и ароматъ этого тѣла, видѣлъ передъ собою ея влажный, вѣчно смѣющійся, полуоткрытый ротикъ, пурпуровыя губки и ровные, бѣлые, какъ жемчужины, зубки.

«Какъ она хороша!..—шепталъ сластолюбивый сенаторъ.—О, еслибы я былъ молодъ, еслибы я могъ еще нравиться»!

И онъ мысленно переносился въ спальню молодой дѣвушки, представляя себѣ, какъ она раздѣвается и ложится въ постель, и разжигалъ свое воображеніе этими соблазнительными образами. Чтобы отвлечься отъ такихъ волнующихъ мыслей, герцогъ сталъ думать о Лаллѣ; но и это не помогло,—онъ по неволѣ представлялъ себѣ объятія новобрачныхъ и еще хуже волновался, вмѣсто того чтобы успокоиться...

«Господи Боже мой, да что это со мной сегодня?—пробормоталъ Анатолій — это вѣрно отъ шампанскаго, я слишкомъ много его выпилъ!» Онъ просидѣлъ еще нѣсколько мгновеній въ креслѣ, потомъ разомъ вскочилъ и съ рѣшительнымъ видомъ вышелъ изъ комнаты.

Digitized by Google

Марія также еще не раздѣвалась; она долгое время неподвижно просидѣла въ креслѣ, раздумывая обо всемъ случившемся; потомъ опустилась на колѣни и начала молиться. Послѣ молитвы, ей снова стало ужасно тяжело, и она громко плакала и стонала, когда услышала, что кто-то настойчиво стучится къ ней въ дверь.

— Отвори мнѣ, дорогая; прости, мнѣ нужно сказать тебѣ два слова,—раздался дрожащій голосъ Анатолія.

Марія наскоро обтерла глаза платкомъ и открыла дверь. Герцогъ вошелъ въ спальню со слащавой улыбкой на устахъ, и чуть замѣтно нахмурился, когда увидѣлъ, что его жена еще не раздѣвалась. Но Марія не замѣтила этой перемѣны въ выраженіи лица своего супруга; онъ избѣгалъ ея взгляда и, точно изнемогая отъ усталости, грузно опустился на маленькій диванъ.

— Что тебѣ нужно?—спросила молодая женщина.

Анатолій ничего не отвѣтилъ, но притянулъ къ себѣ Марію рядомъ на диванъ и сталъ гладить ея волосы своей трясущейся, мокрой отъ пота, рукой.

— У—уѣхала,—пробормоталъ онъ, наконецъ, въ отвѣтъ на холодный вопросительный взглядъ герцогини.—Да, уѣхала отъ насъ навсегда!.. Мнѣ такъ т-т-тяжело безъ нея; я нигдѣ не нахожу себѣ покоя, такъ п-п-пусто...

— Самъ виноватъ! ты такъ настаивалъ на этой свадьбѣ,— сухо замѣтила Марія.

Настало тягостное и продолжительное молчаніе; наконецъ, герцогъ собрался съ духомъ и, нагнувшись къ женѣ, прошепталъ ей на ухо нѣсколько безсвязныхъ словъ, по прежнему избѣгая ея взгляда. Молодая женщина рѣзко вскочила, вся блѣдная и дрожащая отъ негодованія; Анатолій даже испугался ея угрожающаго вида, сталъ что-то бормотать, хотѣлъ извиниться и сконфуженно вышелъ изъ комнаты, покачиваясь, точно пьяный.

Марія долго еще стояла посреди комнаты, съ негодованіемъ глядя ему вслѣдъ. Ей казалось, что небо снова жестоко подшутило надъ нею и хотѣло осквернить ея глубокое горе этой безстыдной, грубо брошенной ей въ лицо, просьбой... Несчастная, не раздѣваясь, бросилась на кровать и пролежала такъ до самаго утра. Утромъ, во время вставанья, у нея

Digitized by Google

страшно заболѣла грудь и начался припадокъ кашля, послѣ котораго она почувствовала во рту что-то теплое, тягучее и сладковатое,—обтерла себѣ губы платкомъ и увидѣла на немъ яркія цятна крови...

Тогда Марія снова заплакала и снова стала молиться, повѣривъ въ милосердіе божіе. Господь послалъ ей лучшее, давно желанное, утѣшеніе...

Призракъ смерти улыбнулся несчастной и она съ радостью открыла ему свои объятія, надѣясь только въ могилѣ найти прощеніе и покой.

XXII.

Молодая графиня делла-Валле не теряла золотаго времени даже въ первые дни своего медоваго мѣсяца и сейчасъ же стала изучать характеръ и привычки своего мужа, чтобы знать, какъ и чѣмъ лучше вліять на него, въ случаѣ недоразумѣній и размолвокъ. Когда, опьяненный ласками, Джорджіо забывалъ все окружающее и жилъ только своей любовью,—Лалла широко открывала свои громадные глаза и внимательно слѣдила за каждымъ его взглядомъ, жестомъ или словомъ, чтобы разъ навсегда покорить его своей волѣ. Эта маленькая граціозная куколка могла гордиться своимъ умѣньемъ порабощать людей:—мужественный, сильный, и на видъ непреклонный делла-Валле очутился весь во власти ея крошечныхъ бѣлыхъ ручекъ. Она опутывала его всего невидимыми, но крѣпкими путами и пускалась на всякія хитрости для достиженія своихъ цѣлей: умѣла во-время улыбнуться и во-время заплакать, попросить, разсердиться, иногда уступить, иногда настоять...

Только однажды, въ началѣ ихъ совмѣстной жизни, Джорджіо попробовалъ воспротивиться этому рабству и наотрѣзъ отказался сопровождать жену въ церковь къ обѣднѣ; Лалла тщетно просила, умоляла, плакала:—графъ былъ непреклоненъ и ей пришлось идти въ церковь одной. Она вернулась домой сердитая, съ нахмуренными бровями, и тотчасъ же заперлась на ключъ у себя въ спальнѣ. Делла-Валле простоялъ нѣсколько часовъ у двери, уговаривая ее открыть,—она даже не отвѣчала ему и провела такъ весь день и всю ночь взаперти, хотя очень боялась спать одна. На слѣдующее утро, въ порывѣ

Digitized by Google

раскаянія, Джорджіо пошелъ въ церковь одинъ и, когда вернулся, завѣтная дверь открылась передъ нимъ, а съ нею вмѣстѣ и объятія Лаллы.

Съ этого дня онъ сталъ входить въ сдѣлку со своей совѣстью, чтобы уступать молодой женщинѣ, и уже не пробовалъ ей противиться.

«Къ чему я буду смущать вѣрованья моей женки?—говорилъ себѣ делла-Валле.—Никто не заставляетъ меня молиться въ церкви; я могу ходить туда, какъ и во всякое другое мѣсто,—какъ хожу въ лавку, на прогулку... Мнѣ нетрудно проводить Лаллу къ обѣднѣ, а она, бѣдняжка, безъ меня не пойдетъ: для нея это—лишеніе»...

«Отчего бы мнѣ не ѣсть постнаго по пятницамъ и субботамъ?—говорилъ онъ себѣ въ другой разъ:—я доставлю этимъ Лаллѣ удовольствіе, а мнѣ, собственно говоря, рѣшительно все равно, что̀ ни ѣсть... Къ тому же я очень люблю рыбу. Вѣдь моя молютка не изъ «передовыхъ», свободномыслящихъ женщинъ! Такая бы за меня не пошла, да и я бы на такой не женился! Лалла воспитывалась по старому, не мнѣ ее передѣлывать, да и къ чему? Пусть живетъ, какъ жила раньше». И, основываясь на этомъ, Джорджіо незамѣтно самъ началъ думать и жить такъ, какъ хотѣла Лалла.

Надо сказать, что религіозные взгляды молодой женщины были по меньшей мѣрѣ странными; она слѣпо вѣрила въ Бога, но *ея* Богъ никогда, ни за что не наказывалъ и буквально все прощалъ. Лалла старалась обратить въ христіанство и своего мужа, главнымъ образомъ для того, чтобы купить себѣ этимъ *индульгенцію* за всѣ свои прошлые грѣхи и... даже за будущіе. Джорджіо, конечно, и въ голову не приходили такіе разсчеты; повторись еще разъ Ментона, онъ снова сталъ бы въ ряды войска, чтобы оружіемъ разрѣшить *церковный вопросъ*, а теперь, какъ влюбленный мужъ, онъ преклонялся передъ элегантной набожностью молоденькой бѣлокурой графини.

Подъ вліяніемъ опьяняющихъ ласкъ Лаллы, делла-Валле забывалъ рѣшительно все, и въ угоду ей мало-по-малу жертвовалъ даже своими принципами и взглядами, въ защиту которыхъ еще недавно готовъ былъ бы отдать свою жизнь. Лалла пользовалась своимъ вліяніемъ на мужа рѣшительно во всемъ, а не только въ религіозныхъ вопросахъ:—она заставляла его

Digitized by Google

слѣпо вѣрить каждому своему слову. Такъ напримѣръ, чтобы предупредить возможность грубой и непріятной выходки со стороны Сандрино Фрасколини, графиня разсказала Джорджіо по этому поводу цѣлую ловко придуманную исторію и онъ, конечно, повѣрилъ ей. Она охарактеризовала Алессандро невполнѣ нормальнымъ человѣкомъ, который въ безуміи своемъ до того влюбился въ нее, что совершенно потерялъ голову,—ходилъ за нею по пятамъ, всюду преслѣдовалъ, и въ концѣ концовъ даже имѣлъ дерзость написать ей письмо... Она, конечно, не читала этого письма и нераспечатаннымъ вернула его Фрасколини, черезъ старика Амброджіо; разсерженный на это «негодяй» тотчасъ же поклялся старому слугѣ отомстить гордой герцогинѣ за нанесенную ему обиду... и бѣдный Амброджіо не могъ выйти изъ могилы, чтобы разсказать делла-Валле, что этого никогда не было!

Молодые провели зиму въ Римѣ и графиня делла-Валле пользовалась въ тамошнемъ обществѣ большимъ успѣхомъ. Мужчины восторгались ея острымъ умомъ, большими бархатными глазами, стройной и граціозной фигуркой, и то застѣнчиво-нѣжной, то вызывающе-кокетливой улыбкой. Она всегда бывала окружена толпой поклонниковъ, и всѣ они очень настойчиво ухаживали за ней. Сначала Джорджіо страшно ревновалъ свою жену ко всѣмъ этимъ ухаживателямъ; но Лаллѣ очень скоро удалось успокоить его ревность. Когда супруги возвращались съ какого нибудь вечера или бала, графиня спѣшила поскорѣе отпустить свою горничную, чтобы остаться съ мужемъ наединѣ; Джорджіо докуривалъ послѣднюю сигару, удобно развалившись въ креслѣ, а полураздѣтая Лалла садилась къ нему на колѣни и весело болтала обо всемъ... Въ эти часы она всегда бывала необыкновенно ласкова съ мужемъ, какъ кошечка заигрывала съ нимъ, цѣловала его, обнимала своими прелестными голыми руками и все время заставляла любоваться собой, причемъ сама назначала: куда и сколько разъ ее можно поцѣловать. Въ перерывахъ между поцѣлуями, она передавала Джорджіо свои впечатлѣнія, разсказывала, кто ей признавался въ любви и въ какихъ выраженіяхъ... Молодая графиня очень удачно копировала въ карикатурѣ всѣхъ своихъ элегантныхъ поклонниковъ и, со своимъ природнымъ юморомъ, колко высмѣивала пылкость одного,

Digitized by Google

томность другаго... Она всѣхъ разбирала по косточкамъ; всѣмъ доставалось и за походку, и за голосъ, и за жесты, и за выраженіе лица! Слушая эту болтовню, Джорджіо моментально успокоивался, былъ безконечно счастливъ и вполнѣ увѣренъ, что его «наивная и дорогая дѣвочка» будетъ всегда разсказывать ему всю правду.

— Къ чему мнѣ самому слѣдить за нею, когда она ничего не скрываетъ отъ меня? Я успѣю всегда во-время предостеречь ее отъ опасности! — говорилъ онъ себѣ. Лалла также была вполнѣ довольна и имъ, и собой; она радовалась, что ея хитрость такъ хорошо удавалась.

Благодаря такимъ уловкамъ, молодая женщина была свободна, какъ вѣтеръ, и могла дѣлать буквально все, что ей было угодно; могла бывать, гдѣ ей больше нравилось, и принимать у себя всѣхъ, кого ей хотѣлось.

Только однажды делла-Валле рѣшительно высказалъ свое мнѣніе по этому поводу, но это ни къ чему не повело:—Лалла, какъ и всегда, настояла на своемъ. Дѣло было такъ. На одномъ изъ вечеровъ, графинѣ представили маркиза ди-Варѐ и, вернувшись домой, Джорджіо рѣшительно высказалъ женѣ свое мнѣніе насчетъ этого новаго знакомства.

— Пожалуйста, Лалла, прошу тебя, не приглашай его бывать у насъ,—серьезно сказалъ онъ:—этотъ господинъ мнѣ антипатиченъ, я его не люблю... Къ тому же, у него очень дурная репутація и говорятъ, что онъ компрометируетъ женщинъ.

— Но какъ же быть?.. Маркизъ такъ друженъ съ мамой!..

Джорджіо покраснѣлъ и Лалла, конечно, замѣтила это... Разговоръ оборвался; но черезъ нѣсколько дней делла-Валле увидалъ ди-Варѐ въ гостинной своей жены. Лалла стала увѣрять, что она его не приглашала,—и, дѣйствительно, она не приглашала его en toutes lettres, но ясно дала ему понять, что бываетъ всегда дома по средамъ, отъ двухъ до пяти, а по субботамъ—отъ десяти вечера.

Ди-Варѐ съ давнихъ поръ интересовалъ Лаллу. Почему?.. Она сама не съумѣла бы на это отвѣтить. Такія два, по природѣ испорченныя и безнравственныя, существа должны были симпатизировать другъ другу. Молодая графиня была съ дѣт-

Digitized by Google

ства заинтригована любовными похожденіями избалованнаго побѣдами маркиза; она много слыхала про его успѣхи среди женщинъ, знала, что его называютъ Донъ-Жуаномъ и что мужчины всѣ поголовно терпѣть его не могутъ. Все это, конечно, притягивало такую утонченно-развращенную женщину, какъ Лалла, и, съ первыхъ же дней своего пріѣзда въ Римъ, она съ любопытствомъ прислушивалась къ различнымъ разсказамъ про маркиза и про его любовную связь съ дивной Soleil, которую дирекція пригласила на нѣсколько спектаклей во время карнавала. Джакомо ди-Варѐ въ то время было уже за сорокъ лѣтъ, но онъ поразительно сохранился и могъ еще очень и очень нравиться. Высокій, стройный, съ блѣднымъ матовымъ цвѣтомъ лица, бѣлокурыми баками и чуть замѣтно сѣдѣющими волосами, — онъ съ перваго взгляда поражалъ своимъ изяществомъ и породой. Гибкій умъ и всестороннее образованіе дѣлали его весьма интереснымъ собесѣдникомъ. Онъ умѣлъ увлечь своимъ разговоромъ людей всѣхъ возрастовъ и всѣхъ состояній; въ этомъ ему немало помогало знаніе свѣта (онъ очень много путешествовалъ) и поразительная память. Онъ моментально и надолго запоминалъ все, что̀ ему приходилось видѣть, читать или даже просматривать въ журналахъ, и сохранялъ всѣ эти свѣдѣнія, чтобы при случаѣ блеснуть ими въ какомъ нибудь спорѣ или разговорѣ. Ди-Варѐ, вообще, очень любилъ говорить—и говорилъ хорошо, умно, интересно и краснорѣчиво. Судьба сталкивала его со всѣми современными знаменитостями, начиная отъ Сарры Бернаръ до аббата Курчи; онъ, дѣйствительно, зналъ ихъ всѣхъ, не какъ другіе, которые только хвастаются; маркизъ же, наоборотъ, никогда не хвастался и ничего не преувеличивалъ, когда разсказывалъ о своей жизни. Онъ не любилъ говорить о своихъ дуэляхъ, никогда не намекалъ на свои любовныя побѣды, зато не скрывалъ долговъ и очень дорожилъ своимъ титуломъ, хотя многіе утверждали, что онъ самъ себѣ его присвоилъ и не имѣетъ законнаго права носить его. Скептикъ въ душѣ, но всегда обворожительно вѣжливый со всѣми, Джакомо ди-Варѐ былъ типомъ знатнаго, но обѣднѣвшаго вельможи и покорителя сердецъ... Глупцы восторгались его умомъ и манерами, а такъ какъ почти весь свѣтъ состоитъ изъ глупцовъ, то и не удивительно, что передъ нимъ всѣ заискивали

Digitized by Google

и его всюду принимали съ распростертыми объятіями. Весьма понятно, что молодая графиня обратила свое благосклонное вниманіе на маркиза:—онъ рѣзко выдѣлялся изъ толпы ея поклонниковъ. Лалла со всѣми шутила и со всѣми кокетничала, но въ сущности ни на кого не обращала серьезнаго вниманія и мысленно сравнивала своихъ обожателей съ мотыльками, которые летятъ на огонь и обжигаютъ себѣ крылья; ей ни на одно мгновеніе не было жаль этихъ мотыльковъ: сегодня она съ ними занималась, кокетничала, любезничала, а завтра забывала даже, что они существуютъ на свѣтѣ. Но съ маркизомъ графиня держала себя совсѣмъ иначе; она не болтала съ нимъ и не смѣялась попусту, а молча слушала его, широко раскрывъ свои громадные глаза. Ди-Варѐ скоро освоился въ обществѣ молоденькой женщины и чувствовалъ себя прекрасно:—ему нравился изворотливый умъ Лаллы, ея веселость и *дѣтская наивность*, и онъ съ удовольствіемъ посмѣивался надъ ея сантиментальностью, средневѣковой набожностью и суевѣріемъ. Онъ игралъ съ графиней, какъ съ ребенкомъ, и всегда удивлялся, какъ «такое дитя» можетъ серьезно разсуждать своимъ мягкимъ, серебристымъ и музыкальнымъ голоскомъ! Маркизъ даже не пробовалъ ухаживать за Лаллой; онъ былъ увѣренъ, что не можетъ понравиться ей, и считалъ себя слишкомъ старымъ и неинтереснымъ для такого нѣжнаго, еле распустившагося, бутона. Только однажды вечеромъ у него на мгновеніе промелькнула мысль о возможности любовной связи съ графиней, но онъ тотчасъ же отогналъ отъ себя прочь искушеніе, а на слѣдующій день уже и не думалъ больше объ этомъ безумномъ, до смѣшнаго несообразномъ, капризѣ.

... Въ этотъ вечеръ въ оперѣ былъ бенефисъ дивы Soleil и ей поднесли безконечное множество подарковъ и цвѣтовъ, между которыми особенно выдѣлялась громадная корзина изъ орхидей и русскихъ віолетокъ. Эта роскошная корзина произвела фуроръ въ зрительной залѣ. — Это, вѣроятно, отъ Варѐ!—Конечно, это подарокъ маркиза!—Только ди-Варѐ могъ поднести такую прелесть!—слышалось отовсюду въ партерѣ и въ ложахъ. Послѣ театра, все общество съѣхалось на раутъ къ княгинѣ Клейгенбургъ, и въ числѣ приглашенныхъ были также Лалла и маркизъ ди-Варѐ. Джакомо обошелъ всѣхъ

Digitized by Google

знакомыхъ дамъ, сказалъ съ полдюжины комплиментовъ, нѣсколько злыхъ эпиграммъ и, наконецъ, усѣлся около графини делла-Валле и вздохнулъ съ облегченіемъ, точно предвкушая сладость пріятнаго отдыха послѣ трудной работы.

Лалла никогда не напоминала ему про связь съ Soleil, не дразнила и даже не распрашивала о пѣвицѣ, но въ этотъ вечеръ она рѣшила завести объ этомъ разговоръ и, въ видѣ предисловія, насмѣшливо прищурила на маркиза свои красивые, выразительные глаза... взглянула на его безукоризненный фракъ съ віолетками въ петлицѣ и улыбнулась:

— Какія чудныя віолетки!

— Мнѣ очень жаль, графиня, но я, право, не могу, то есть—вѣрнѣе—не смѣю предложить ихъ вамъ.

— Боитесь, что вамъ достанется за это?

Джакомо съ удивленіемъ взглянулъ на Лалу.

— Что̀ мнѣ достанется? Какое странное предположеніе!— воскликнулъ онъ.

— Значитъ, вамъ очень дороги эти цвѣты, оттого вы и не хотите съ ними разстаться,—продолжала она настаивать.

— Нисколько; совсѣмъ не потому я не предлагаю ихъ вамъ. Видите ли, графиня... Подобнаго рода отношеніе къ вамъ, конечно, можетъ показаться страннымъ со стороны такого стараго *roué*, какъ я, но... вы, вѣроятно, меня поймете... Однимъ словомъ, съ моей стороны было бы неуваженіемъ къ вамъ, еслибъ я предложилъ вамъ эти цвѣты.—Тонко подчеркнутыя голосомъ слова и выразительныя остановки ясно указывали на разницу отношеній маркиза къ Лаллѣ и къ пѣвицѣ и, конечно, польстили самолюбію графини.

Они пристально взглянули другъ на друга и на мгновеніе замолкли; потомъ, видимо взволнованная, Лалла съ мольбой протянула маркизу свою ручку; изъ вырѣза открытаго платья виднѣлась ея бурно вздымающаяся грудь, а въ темныхъ глазахъ свѣтилась горячая мольба и робкое признаніе... Джакомо вынулъ віолетки изъ петлички фрака и больше по привычкѣ, нежели по предвзятой мысли, слегка пожалъ дрожащіе пальчики Лаллы. Молодая женщина съ радостью взяла цвѣты и осторожно положила ихъ въ свой кружевной вѣеръ.

«Что это серьезное признаніе или только шутка? — подумалъ маркизъ про себя. — Да, женскаго сердца не разга-

Digitized by Google

даешь!.. Зачѣмъ понадобилось, чтобы я за нею ухаживалъ? Любить меня она не можетъ... Да и какая же тутъ рѣчь о любви? Воображаю, какимъ чудовищемъ изобразилъ ей меня Джорджіо делла-Валле... А, впрочемъ, можетъ быть, это-то именно и заинтересовало ее?.. Она—неглупая бабенка и поняла, что я умнѣе и интереснѣе другихъ... Нѣтъ, нѣтъ, что за вздоръ!.. Видно, что я начинаю старѣться—принимаю самую невинную любезность за признаніе... Признаніе отъ такой скромной, сдержанной женщины,—развѣ это мыслимо? У нея такіе застѣнчивые глаза... правда, подчасъ въ нихъ вспыхиваетъ огонекъ... Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно»!..—Но хотя это и казалось невозможнымъ, однако, было дѣйствительно такъ. Маркизъ очень нравился Лаллѣ и она страшно хотѣла вскружить ему голову. Не слѣдуетъ думать, что молодая женщина заинтересовалась ди-Варѐ, въ память своего прежняго дѣтскаго увлеченія имъ:—личность маркиза заинтриговала ее теперь, благодаря совершенно непредвидѣнной случайности. Управляющій дѣлами разореннаго кутилы предложилъ Джорджіо делла-Валле купить виллу ди-Варѐ; передъ отъѣздомъ въ Римъ, молодые супруги заѣхали въ Санто-Фьоре повидаться съ родителями, и тогда же вмѣстѣ отправились осмотрѣть эту виллу. Джорджіо прожилъ въ ней цѣлый мѣсяцъ передъ свадьбой и не нашелъ ничего необыкновеннаго въ меблировкѣ и устройствѣ комнатъ, а Лалла сейчасъ же заинтересовалась хозяиномъ такого роскошнаго и уютно устроеннаго гнѣздышка. Тысячи мелочей и бездѣлушекъ ясно рисовали ей личность этого любимца женщинъ, симпатичнаго и избалованнаго кутилы, съ изысканнымъ вкусомъ и барскими привычками. Все кругомъ твердило ей о *той* или—вѣрнѣе—о *тѣхъ*, которыя его любили: и вышитый коверъ съ красивой монограммой на углу, и тонкая фарфоровая ваза съ засохшими цвѣтами, и кружевной абажуръ на лампѣ, и хорошенькая, вышитая шолкомъ, атласная подушечка на кушеткѣ... Съ какой любовью работали надъ этими мелочами десятки маленькихъ, бѣлыхъ женскихъ ручекъ!.. Лалла, какъ любопытный и испорченный ребенокъ, внимательно осматривала буквально каждую вещичку и хотѣла разгадать тайны романовъ маркиза. Она чувствовала себя, какъ дома, въ этой чужой квартирѣ, и безъ всякаго стѣсненія заглядывала въ каждый уголокъ, стараясь разыскать еще что нибудь новое и

Digitized by Google

интересное. Ея подвижная гибкая фигурка безшумно скользила по коврамъ и мелькала то въ спальнѣ, то въ мастерской, то въ уборной, то въ гостинной, то снова въ спальнѣ... Графиня какъ нельзя больше подходила къ этому царству любви и романическихъ воспоминаній; она воодушевляла все своимъ присутствіемъ, была точно создана для того, чтобы владычествовать въ этой холостой квартирѣ, стѣны которой видѣли немало любовныхъ свиданій.

Большое овальное граненое зеркало отразило очаровательный образъ молоденькой женщины и она сама себѣ улыбнулась, сама себѣ понравилась въ своей темной мѣховой пелеринѣ и котиковомъ беретѣ, изъ-подъ котораго выбивались локоны ея чудныхъ золотистыхъ волосъ! Веселое личико кокетливо выглядывало изъ темной рамы зеркала, точно хорошенькая жанровая картинка, удачно повѣшенная тутъ, какъ разъ на мѣстѣ, рукою опытнаго артиста-хозяина. Лалла шаловливо бѣгала взадъ и впередъ по спальнѣ, но вдругъ остановилась около кровати, пристально посмотрѣла на драпировки и о чемъ-то задумалась. Въ головахъ кровати, между складками занавѣсокъ, висѣла крошечная овальная рамочка со стекломъ, а подъ стекломъ была задернута зеленая шолковая занавѣсочка съ полувылинявшимъ рисункомъ на срединѣ.

— Ага! Тутъ что-то не спроста, это вѣрно какая нибудь тайна,—обрадовалась Лалла и тотчасъ же рѣшила разсмотрѣть, въ чемъ дѣло.

Джорджіо въ это время внимательно разспрашивалъ нотаріуса объ условіяхъ продажи виллы и о количествѣ прилегающей къ ней земли. Этотъ нотаріусъ завѣдывалъ всѣми дѣлами маркиза и ему была поручена продажа виллы. Разговаривающіе стояли у окна, спиной къ кровати; въ виду этого молодая женщина могла свободно приступить къ выполненію задуманнаго ею плана.

Она сняла рамочку и съ нервной поспѣшностью стала разглядывать ее со всѣхъ сторонъ, пока не нашла маленькаго шпенька, скрытаго въ рѣзьбѣ одного изъ угловъ; Лалла крѣпко нажала ногтемъ на этотъ шпенекъ и зеленая занавѣсочка точно по волшебству отдернулась за стекломъ,—изъ элегантной рамки выглянулъ поясной портретъ бѣлокурой красавицы въ роскошномъ бальномъ корсажѣ, съ обнаженными плечами и

Digitized by Google

полуоткрытой грудью. Графиня знала эту бѣлокурую красавицу,—она принадлежала къ высшей римской аристократіи и славилась своей красотой и рѣдкой добродѣтелью. А между тѣмъ... между тѣмъ, она была любовницей Джакомо ди-Варѐ!

Джорджіо окончательно условился съ нотаріусомъ на счетъ покупки всѣхъ владѣній маркиза и обсуждалъ съ нимъ, какъ лучше и выгоднѣе составить купчую крѣпость.

— Развѣ вилла продается со всей обстановкой?—спросила молодая женщина.

— Да, съ полной обстановкой, — отвѣтилъ нотаріусъ;— маркизъ рѣшилъ оставить себѣ только нѣсколько бездѣлушекъ и воспоминаній... фамильныхъ воспоминаній...

— Знаю я, какія это фамильныя воспоминанія!—съ улыбкой подумала Лалла;—миньятюрный портретикъ блондинки, конечно, попадетъ въ ихъ число.

Это само по себѣ незначительное обстоятельство широко распахнуло передъ маркизомъ пути къ сердцу Лаллы, хотя онъ былъ далекъ отъ такого предположенія въ началѣ своего знакомства съ ней; вскорѣ послѣ этого произошелъ эпизодъ съ віолетками, во время котораго Джакомо рискнулъ вполголоса сдѣлать полупризнаніе и самъ удивился, когда прочелъ въ глазахъ Лаллы страстную мольбу и увидѣлъ, какъ на ея щекахъ вспыхнулъ яркій румянецъ, а грудь бурно заволновалась... Молодая женщина не могла такъ горячо молить только объ однѣхъ віолеткахъ!..

Джорджіо сердили вѣчные разговоры его жены съ маркизомъ; онъ всегда подозрительно смотрѣлъ на нихъ изъ-за угла и старался прислушаться, о чемъ они такъ долго и оживленно бесѣдуютъ. Мучимый ревностью, онъ часто забывалъ даже всѣ свѣтскія приличія и изъ другой комнаты бѣжалъ прерывать такіе черезчуръ продолжительные *tête-à-têt*'ы. Лалла чуть замѣтно улыбалась губами и глазами на эти явныя опасенія своего мужа; въ душѣ же она прекрасно понимала, отчего всегда спокойный Джорджіо такъ волнуется теперь отъ ухаживаній маркиза. «Онъ чуетъ опасность,—говорила себѣ графиня и, по свойственной ей оригинальной логикѣ, заключала изъ ревнивой подозрительности мужа, что она недаромъ выдѣляла ди-Варѐ изъ толпы своихъ другихъ поклонниковъ и что онъ, очевидно, заслуживаетъ ея благосклонности, разъ

Digitized by Google

«самъ Джорджіо» его боится! Во время своихъ вечернихъ разговоровъ съ мужемъ, Лалла никогда не упоминала имени маркиза, а когда делла-Валле спросилъ ее однажды съ притворнымъ равнодушіемъ:—Не пробовалъ ли этотъ кутила когда нибудь немножко ухаживать за тобой? — она удивленно подняла на него свои ясные дѣтски-наивные глаза и очень спокойно отвѣтила:

— Нѣтъ, никогда не ухаживалъ. Онъ тебѣ не нравится, дорогой мой Нино, я это знаю, и у тебя, конечно, есть на то особыя причины... Но, увѣряю тебя, мнѣ положительно не въ чемъ пожаловаться на него:—со мной онъ всегда былъ очень вѣжливъ и почтителенъ, а о любви и объ ухаживаніяхъ между нами никогда не было и рѣчи. Маркизъ обращается со мной, какъ съ ребенкомъ, и всегда говоритъ, что могъ бы быть моимъ отцомъ... Да вѣдь и въ самомъ дѣлѣ онъ уже не молодъ и, кажется, гораздо, гораздо старше тебя... Будь спокоенъ, мой ревнивецъ: ди-Варѐ ни чуточки за мною не ухаживаетъ, ни вотъ на столько!..—Она подняла къ лицу мужа свою красивую, по локоть обнаженную, руку и плотно прижала розовый указательный пальчикъ къ большому, а другой рукой нѣжно обняла Джорджіо за шею.—Зато твои любимые друзья, разные товарищи обѣихъ партій, о!.. Они всѣ готовы соединиться противъ тебя!..—Лалла громко разсмѣялась своимъ серебристымъ смѣхомъ и, засунувъ свои маленькія нервныя ручки въ волнистые волосы Джорджіо, стала цѣловать его въ губы, въ глаза, въ щеки и лобъ. Онъ наслаждался этими ласками и весь таялъ отъ счастья и любви. Делла-Валле слишкомъ вѣрилъ свой женѣ, чтобы бояться соперничества маркиза, но ему не нравилось, что она постоянно съ нимъ разговариваетъ, вообще, повидимому, привыкла къ нему и находитъ удовольствіе видаться съ нимъ. Злые свѣтскіе языки могли начать сплетничать про графиню и вообразить себѣ любовь тамъ, гдѣ была только дружба. Вспоминая свои прошлыя предположенія насчетъ ухаживаній маркиза за Маріей, Джорджіо въ душѣ побаивался, какъ бы этотъ «развратникъ ди-Варѐ» не вздумалъ совратить дочь послѣ матери, но онъ старательно отгонялъ отъ себя эти мысли, находя неблагороднымъ даже подозрѣвать такую женщину, какъ герцогиня д'Эледа. Вслѣдствіе всего этого, делла-В[illegible] положительно не зналъ, какъ

Digitized by Google

ему поступить съ маркизомъ, и очень волновался; онъ чувствовалъ, что было бы неприлично и неосторожно просить его не бывать у нихъ и съ нетерпѣніемъ давно уже ждалъ впередъ назначеннаго дня отъѣзда изъ Рима. «Тогда все само собой устроится,—говорилъ себѣ графъ,—уѣдемъ и избавимся отъ посѣщеній этого господина; по крайней мѣрѣ, все обойдется совершенно тихо, безъ непріятнаго объясненія съ Лаллой, безъ скандала и сплетенъ»! Но пока онъ утѣшалъ себя такими радужными надеждами, «наивная дѣвочка» уже успѣла условиться съ маркизомъ, въ какой день и часъ онъ послѣдуетъ за нею въ Боргиньяно. Они подробно уговорились обо всемъ во время одной изъ своихъ интимныхъ бесѣдъ и рѣшили, что ди-Варѐ останется еще нѣкоторое время въ Римѣ послѣ отъѣзда графини Лаллы, чтобы соблюсти извѣстный декорумъ и не возбудить лишнихъ толковъ.

Хотя Лалла была по природѣ очень легкомысленна и кокетлива, но ея романъ съ маркизомъ носилъ чисто сантиментальный и платоническій характеръ, отчасти по ея собственному желанію, отчасти вслѣдствіе отношеній Джакомо къ ней. Ди-Варѐ привыкъ смотрѣть на графиню, какъ на удивительно-хрупкое, поэтическое, почти не земное созданіе и полюбилъ ее робко и нѣжно, но не страстно; она не волновала его кровь и онъ вообще никогда и ни къ кому еще не относился такъ, какъ относился теперь къ Лаллѣ. Въ ея присутствіи онъ становился до смѣшнаго скромнымъ, почтительнымъ и застѣнчивымъ. Когда кокетство Лаллы раздразнивало его нервы до того, что онъ забывался и позволялъ себѣ что нибудь лишнее,—ей стоило только съ упрекомъ взглянуть на него своими громадными ясными глазами, и онъ тотчасъ же успокоивался, съ улыбкой называлъ ее своей «дорогой малюткой» и довольствовался платонической симпатіей этого неземнаго созданія. Что же касается Лаллы, то у нея не было никакихъ нравственныхъ принциповъ, и она совершенно безсознательно не отдавалась маркизу. Привыкнувъ съ дѣтства обращать вниманіе на внѣшность и любить только все красивое и изящное, она хотѣла, чтобы ея отношенія къ Джакомо сохранили свой поэтическій, сантиментальный характеръ. «Въ настоящей связи слишкомъ много противныхъ грязныхъ подробностей, которыя отнимаютъ у любви всю ея прелесть и красоту», — говорила

Digitized by Google

себѣ Лалла и вполнѣ довольствовалась своей платонической интригой. Супружескія отношенія страстно любящаго ея мужа удовлетворяли ея—отъ природы чувственную—натуру и успокоивали нервы, а потому весьма понятно, что она стремилась только къ чему-то поэтическому и сантиментальному... Голосъ совѣсти не игралъ въ этомъ никакой роли. Графиня очень искусно управляла ею и заставляла ее возмущаться только тогда, когда сама находила это удобнымъ. Если Лаллѣ чего нибудь не хотѣлось или она считала, что ей выгоднѣе чего нибудь не дѣлать, то всегда говорила: «Это грѣхъ! совѣсть не позволяетъ мнѣ такъ поступить».

Женщины такого рода, какъ графиня делла-Валле, никогда не произносятъ сами послѣдняго рѣшительнаго слова въ любви; чтобы отдаться любовнику, имъ недостаточно также его опытности и предпріимчивости, а нужно особенное стеченіе обстоятельствъ, какая нибудь случайность, часто зависящая отъ времени года, мѣста и даже... температуры. Подобная женщина нерѣдко отдается совершенно неожиданно для себя самой, не имѣя силы справиться со внезапно налетѣвшимъ порывомъ чувственнаго влеченія, или изъ тщеславія, изъ каприза... Она можетъ отдаться черезъ недѣлю послѣ перваго знакомства, можетъ заставить тщетно страдать по себѣ цѣлые мѣсяцы и даже годы, а иногда и совсѣмъ не отдаться. Когда чувство пройдетъ, эта *минута забвенія* остается въ жизни женщины точно черная точка, и она или необыкновенно скоро забываетъ ее, или, наоборотъ, изъ маленькой искорки эта точка разростается въ громадное необъятное свѣтило, которое освѣщаетъ собою все ея существованіе, какъ миріады звѣздъ освѣщаютъ темное небо послѣ промчавшейся ночью грозы.

Лалла не любила ди-Варѐ, но изъ тщеславія хотѣла, чтобы онъ за ней ухаживалъ. Его любовь представлялась ей самымъ сладкимъ запретнымъ плодомъ, и прелесть этой запретной любви постепенно разросталась, по мѣрѣ того, какъ Джорджіо начиналъ ревновать жену къ маркизу. Но Лалла всегда владѣла собой въ присутствіи Джакомо, хотя и чувствовала въ крови его неотразимое обаяніе. Изъ всѣхъ мужчинъ только онъ одинъ могъ заставить ее разомъ вспыхнуть или поблѣднѣть и, отъ его близости, часто овладѣвало неиспытанное до того и странное волненіе. Но вѣтряная молодая женщина

Digitized by Google

не обращала особеннаго вниманія на эти проявленія невѣдомой страсти и была вполнѣ увѣрена въ себѣ. Графиня чувствовала себя прекрасно и гордилась тѣмъ, что ей удалось покорить такого Мефистофеля, какъ ди-Варѐ. Она была безспорно сильнѣе всѣхъ свѣтскихъ женщинъ, которыя до нея любили маркиза и ради него потеряли все, даже свою репутацію и честь! «Безумныя, на что онѣ шли?—говорила себѣ Лалла,—вѣдь ихъ любовь, конечно, скоро ему надоѣдала и онъ бросалъ ихъ, какъ ненужный хламъ, получивъ все, что́ хотѣлъ!—Нѣтъ, Лалла была умнѣе; она держала маркиза въ рукахъ и съумѣла крѣпко привязать его къ своей тріумфальной колесницѣ нѣжными улыбками, пожатіемъ рукъ, да туманными обѣщаніями чего-то далекаго.

Кокетка не любила сама, но хотѣла, чтобы ее любили; у нея не было ни желанія, ни потребности выпить самой *кубокъ любви* до дна, но ей нравилось имѣть при себѣ этотъ кубокъ и держать его всегда на виду, среди другихъ дорогихъ бездѣлушекъ своей гостинной. Прелесть баловъ, театровъ и собраній удвоивалась въ ея глазахъ отъ сознанія, что у нея, *также какъ и у другихъ*, есть тайный другъ сердца, что онъ влюбленъ въ нее по уши и, какъ вѣрный рыцарь, взволнованно и ревниво ждетъ ея пріѣзда у входа въ залу. Ей нравились всѣ свѣтскія выдумки и ухищренія такой любви, вся романическая обстановка *запрещеннаго*, которой всегда грозила какая нибудь непредвидѣнная опасность.. Эта интрига была безусловно интересной и пріятной, но Лалла любила рискъ только до извѣстной степени:—выше всего она цѣнила свою свободу и не хотѣла отдаться, чтобы не скомпрометировать своей репутаціи какимъ нибудь неосторожнымъ поступкомъ и не стать въ зависимость отъ маркиза ди-Варѐ.

Послѣ объясненія, Лалла первая начала говорить съ Джакомо на *ты* и нисколько не конфузилась этого. Она торжествовала въ душѣ, что этотъ сердцеѣдъ, любимецъ всѣхъ женщинъ, лежитъ теперь у ея ногъ и принадлежитъ ей одной, что онъ—*ея любовникъ*... Но, когда маркизъ сталъ молить о поцѣлуѣ, молодая женщина наотрѣзъ отказала ему: — Нѣтъ, нѣтъ, я не буду цѣловать тебя,—сказала она и, съежившись, какъ ребенокъ, забилась въ самый уголъ дивана, — нѣтъ, знаешь, съ поцѣлуями шутки плохи; начнется съ поцѣлуевъ...

Digitized by Google

а потомъ пойдетъ и дальше...—И вмѣсто поцѣлуя она протянула маркизу свою нѣжную, бѣлую ручку; онъ нахмурился и, весь блѣдный отъ волненія, нервно пожалъ хрупкіе, тонкіе пальчики, удивляясь въ душѣ, откуда у «такой малютки» можетъ быть столько опытности и осторожности. Но у Джакомо также не было недостатка въ опытности; онъ не сталъ спорить съ Лаллой и рѣшилъ терпѣливо и почтительно выжидать, не теряя надежды на успѣхъ.

Изъ всѣхъ поклонниковъ графини только одинъ Луиджи да-Кастильоне осмѣлился грубо и дерзко поступить съ ней. Лалла, конечно, была отчасти сама въ этомъ виновата: — она кокетничала напропалую со старикомъ графомъ и вскружила ему голову... Ей доставляло удовольствіе смѣяться съ Джуліей надъ его томными взглядами и нѣжными вздохами...

Однажды, подъ вечеръ, послѣ пріема, когда всѣ гости уже разошлись, дядя и племянница остались поджидать обѣда вдвоемъ въ гостинной. Въ комнатѣ было уже почти совсѣмъ темно; Лалла небрежно развалилась въ креслѣ и, томно откинувъ головку на подушки, разрѣзала странички новаго романа изящнымъ ножичкомъ изъ слоновой кости; ея маленькая ножка въ ажурномъ чулкѣ и лакированной туфелькѣ играла подоломъ платья и то высовывалась до щиколодки, то совсѣмъ исчезала въ кружевныхъ воланахъ, приводя этимъ графа Луиджи въ большое смущеніе. Онъ сидѣлъ на стулѣ рядомъ съ молодой женщиной и все время твердилъ ей, что она—*une femme irritante*. Лалла прекрасно понимала это выраженіе и была очень довольна такимъ прилагательнымъ, но строила дѣтски-наивное лицо и увѣряла, что не понимаетъ: причемъ тутъ *irritante*? Сластолюбивый старикъ пыхтѣлъ, пыхтѣлъ и, наконецъ, объявилъ ей, что она удивительно похорошѣла и что...

— Нѣтъ, нѣтъ,—прервала его Лалла,—не правда, я знаю что это не правда, я совсѣмъ некрасива... Вамъ это только показалось, потому что здѣсь темно и спущены шторы...

Графъ Луиджи всталъ, чтобы поднять штору.

— Не подымайте, не подымайте,—остановила его кокетка и въ свою очередь также вскочила,—мнѣ не хочется вамъ разнравиться.

Графъ ничего не отвѣтилъ, но разомъ обернулся и неожиданно поцѣловалъ Лаллу въ открытую шею; она вся вздрог-

Digitized by Google

нула отъ гнѣва и отвращенія, и рванулась отъ него, но онъ грубо удержалъ ее за руку и успѣлъ вторично жадно поцѣловать ее въ самыя губы. Графиня поблѣднѣла, какъ смерть, и съ такою силою оттолкнула отъ себя старика, что онъ чуть было не упалъ. «Вы мнѣ противны, вы мнѣ гадки»!..—съ презрѣніемъ пробормотала она и вышла изъ комнаты. Лалла рѣшила не разсказывать объ этой сценѣ мужу, чтобы не поднимать исторіи и не дѣлать лишнихъ непріятностей, но графъ Луиджи не на шутку обидѣлся и разсердился на нее и не простилъ ей до самой смерти.

... А что же дѣлалъ въ это время ангелъ-хранитель счастья новобрачныхъ? Марія безпрерывно писала дочери длиннѣйшія письма съ разными совѣтами, нѣжными просьбами и ласковыми увѣреніями въ преданности и любви. Лаллѣ надоѣдало читать эти «скучнѣйшія» письма; она небрежно пробѣгала ихъ глазами, а часто даже и совсѣмъ не читала, а только просматривала начало и конецъ, чтобы убѣдиться, что мама и папа здоровы и что все у нихъ благополучно. Марія должна была вмѣстѣ съ мужемъ навѣстить молодыхъ въ Римѣ, но передъ самымъ отъѣздомъ у нея не хватило рѣшимости на это новое, тяжелое испытаніе, и она осталась въ Боргиньяно, а Анатолій уѣхалъ въ Римъ одинъ въ мартѣ мѣсяцѣ, черезъ три дня послѣ своего офиціальнаго назначенія въ сенаторы. Несчастная герцогиня не надѣялась больше на свои силы и рѣшила, что ей лучше остаться одной, чтобы приготовиться къ предстоящему возвращенію Лаллы и Джорджіо въ Боргиньяно. Всему есть границы, даже терпѣнію и мужеству. Марія убѣдилась въ этомъ во время неожиданнаго пріѣзда молодыхъ въ Санто-Фьоре; въ первый день она кое-какъ справилась тогда съ собой и сумѣла сдѣлать даже счастливое и довольное лицо, но на слѣдующій день уже слегла въ постель въ полномъ изнеможеніи и съ сильнѣйшей лихорадкой.

Здоровье герцогини съ каждымъ днемъ становилось все хуже и хуже, но Анатолій не обращалъ на это вниманія. Онъ не жалѣлъ Марію и, наоборотъ, даже жаловался на нее, говоря, что она до невозможности капризна, эгоистична и безсердечна.—Я такъ несчастливъ и одинокъ,—увѣрялъ онъ всѣхъ и каждаго:—жена нисколько не старается облегчить мнѣ разлуку съ дочерью!—Но несчастье герцога существовало только

Digitized by Google

на словахъ, на самомъ же дѣлѣ онъ былъ вполнѣ счастливъ и доволенъ, а если сокрушался, то только о томъ, что не обладаетъ вездѣсущностью святаго Антонія и не можетъ одновременно засѣдать въ муниципальномъ дворцѣ Боргиньяно и въ сенатѣ въ Римѣ, гдѣ онъ, при первомъ же удобномъ случаѣ, сказалъ длинную и блестящую рѣчь.—Такая досада, что вся палата разъѣзжается на лѣто изъ-за жары!—говорилъ себѣ неутомимый дѣятель.

Въ квартирѣ делла-Валле былъ страшный хаосъ: начинали укладываться и собираться въ дорогу. Нена очень радовалась отъѣзду изъ Рима; не будучи ни сенаторомъ, ни депутатомъ, она очень скучала въ «вѣчномъ городѣ» и не могла понять, что̀ хорошаго находятъ *господа* въ разныхъ развалившихся домахъ, обломанныхъ статуяхъ и полуразрушенныхъ колоннахъ. Она ни за что не промѣняла бы *Корсо* Боргиньяно на весь чуждый и противный ей Римъ. Въ Боргиньяно, по крайней мѣрѣ, всѣ улицы были чистыя, ровныя и гладкія, а въ Римѣ приходилось то спускаться, то подниматься въ гору и вертѣться по разнымъ закоулкамъ... Нена каждый разъ возвращалась домой съ сильнѣйшей головной болью отъ этой вѣчной бѣготни по лѣстницамъ и горамъ. Къ тому же, ея самолюбіе страдало отъ того, что никто ея не зналъ и никто ей не кланялся въ этомъ громадномъ городѣ. То ли дѣло въ Боргиньяно! Тамъ ее знали буквально всѣ торговцы и любезно раскланивались съ нею по утрамъ, а въ магазинахъ приглашали сѣсть и учтиво разспрашивали о здоровьѣ...—А здѣсь норовятъ только поскорѣе отвязаться отъ покупателя,—говорила себѣ горничная,—сунутъ пакетъ и даже ни слова не скажутъ,—точно не люди, а звѣри!

Незадолго до отъѣзда, Нену очень обрадовалъ неожиданно полученный ею номеръ газеты *Corriere d'Euterpe*, въ которомъ одна изъ статей изъ *Палаццоло* была отчеркнута яркокраснымъ карандашемъ. Сердце молоденькой дѣвушки тотчасъ же подсказало ей, что это Сандрино Фрасколини прислалъ извѣстія о себѣ; она бѣгомъ бросилась въ свою комнату, заперлась на ключъ и съ волненіемъ прочитала слѣдующую статью:

«*Палаццоло.*

Вчера впервые выступилъ на нашей сценѣ новый молодой теноръ, синьоръ Алессандро Фрасколини. Онъ дебютировалъ

Digitized by Google

въ «Фавориткѣ»,—оперѣ нашего знаменитаго Доницетти. Мое слабое перо не въ силахъ описать того фурора, который нашъ новый теноръ произвелъ на публику. Его вызывали безчисленное число разъ послѣ каждаго акта и его успѣхъ достойно раздѣляла наша примадонна синьора Джузеппина Мокетти. По настойчивому желанію публики, молодой теноръ повторилъ свой прелестный романсъ послѣдняго акта «*Spirto gentil*» и вызвалъ цѣлую бурю горячихъ и вполнѣ заслуженныхъ аплодисментовъ. У синьора Алессандро Фрасколини чудный голосъ, весьма представительная внѣшность и прекрасныя манеры; онъ держится на сценѣ свободно и благородно, и хорошо играетъ; это уже опытный драматическій артистъ, всѣ трудныя сцены и пассажи были проведены имъ безукоризненно.

«Поздравляю васъ съ успѣхомъ, синьоръ Фрасколини, продолжайте также и вы добьетесь безспорно славы! Аплодисменты нашей музыкальной и высокообразованной публики должны дать вамъ силу работать надъ развитіемъ вашего таланта, и я увѣренъ, что музы Геликона увѣнчаютъ ваше чело лавровымъ вѣнкомъ!

Фикканазо».

Нена положила номеръ газеты къ себѣ подъ подушку и особенно сладко спала въ эту ночь. Сначала она подумала: не разсказать ли графинѣ о полученномъ извѣстіи, но потомъ рѣшила, что это будетъ совершенно излишне, такъ какъ Сандрино на этотъ разъ, безъ всякаго сомнѣнія, прислалъ газету именно ей, Ненѣ, а не кому нибудь другому... Молодая дѣвушка была очень счастлива въ этотъ вечеръ и усердно просила Богородицу дать ей возможность хоть одинъ только разъ увидѣться съ Фрасколини въ Боргиньяно...

XXIII.

Лалла и ди-Варѐ условились встрѣтиться въ Боргиньяно въ первое іюньское воскресенье. Въ этотъ вечеръ, по случаю мѣстнаго праздника, тамъ долженъ былъ состояться въ залѣ опернаго театра большой концертъ съ благотворительною цѣлью. Лалла приказала Джакомо непремѣнно быть на этомъ концертѣ и рѣшила, что имъ гораздо лучше увидѣться въ пер-

Digitized by Google

вый разъ въ концертѣ, нежели гдѣ нибудь въ частномъ домѣ, и что такимъ образомъ они избѣгнутъ лишнихъ разговоровъ и сплетенъ.

Маркизу пришлось въ первый разъ въ жизни ѣхать изъ Рима въ провинцію ради какого-то мѣстнаго праздника и благотворительнаго концерта. Онъ самъ смѣялся надъ собою, но въ душѣ очень радовался своей любви къ Лаллѣ; онъ переживалъ столько прекрасныхъ юношескихъ волненій и надеждъ, и ему подчасъ казалось, что онъ только теперь началъ жить по настоящему. Его связь со знаменитымъ контральто порвалась сама собой; какъ только дива почувствовала охлажденіе къ ней блестящаго маркиза, она тотчасъ же приняла ангажементъ за границу и уѣхала; Джакомо не особенно тосковалъ по ней; его романъ тянулся уже три года и успѣлъ ему порядочно надоѣсть. Вѣдь три года совмѣстной жизни съ пѣвицей значило около девяти оперныхъ сезоновъ, и за это время ограниченный репертуаръ контральтовыхъ партій опротивѣлъ маркизу хуже горькой рѣдьки. Поэтому немудрено, что онъ вздохнулъ съ облегченіемъ, когда дива далеко улетѣла отъ него на крыльяхъ своей славы. Новая возлюбленная Джакомо не давала ему ни минуты покоя, мучила своей ревностью, капризными требованіями и разными ограниченіями, которыхъ до нея не предъявляла ему ни одна женщина. Онъ не умѣлъ цѣнить слѣпой и искренней любви, жертвующей рѣшительно всѣмъ ради своего чувства... а теперь восторгался жалкимъ, трусливымъ флиртомъ безсердечной и испорченной Лаллы, принимая его за настоящую—чистую и хорошую—любовь. Джакомо ди-Варѐ плохо представлялъ себѣ понятіе о чести и даже добродѣтели, поэтому видѣлъ угрызенія совѣсти, стыдливость и принципы долга и чести тамъ, гдѣ была только дѣланная наивность и разсчитанное кокетливое сопротивленіе.

Маркизъ всѣмъ сердцемъ вѣрилъ добродѣтели Лаллы и радовался, что онъ, наконецъ, въ первый разъ въ жизни, полюбилъ дѣйствительно честную женщину и можетъ уважать ее. Этотъ развращенный и испорченный до мозга костей кутила и циникъ свято чтилъ до сихъ поръ только память своей покойной матери, а теперь, рядомъ съ ея старымъ, незабвеннымъ и дорогимъ ему образомъ, передъ нимъ выплывало дру-

Digitized by Google

гое улыбающееся молодое личико, — личико его дорогой *малютки*.

Появленіе маркиза ди-Варѐ на благотворительномъ концертѣ въ Боргиньяно удивило мѣстное общество и, конечно, возбудило немало толковъ. Каждый по своему объяснялъ себѣ этотъ неожиданный пріѣздъ. Одни увѣряли, что маркизъ окончательно разорился и пріѣхалъ въ Боргиньяно, чтобы ликвидировать всѣ свои дѣла и продать остатокъ имущества; другіе, наоборотъ, чуть не клялись, что онъ страшно разбогатѣлъ, выигравъ громадныя деньги въ Монте-Карло и вернулся на родину, чтобы расплатиться съ долгами. Говорилось также, что Джакомо тайно обвѣнчался съ примадонной *Soleil*; а большинство утверждало, что онъ помолвленъ съ какой-то милліонершей-американкой и пріѣхалъ отдѣлывать и устраивать себѣ палаццо въ Боргиньяно, чтобы давать въ немъ на масляницѣ великолѣпные балы и роскошные обѣды.

Не смотря на эти толки, всѣ безъ исключенія приняли маркиза съ распростертыми объятіями. «Простаки-провинціалы» наперерывъ пожимали ему руку, высказывая свою радость и симпатію, и съ тайной завистью и любопытствомъ оглядывали его съ ногъ до головы. Старшій изъ братьевъ Танголони ди-Ластафарда подхватилъ Джакомо подъ руку и повелъ его въ ложу мѣстной «золотой молодежи», чтобы показать всѣмъ и каждому, какъ онъ близокъ съ маркизомъ. Этотъ Ластафарда старался изобразить изъ себя типъ *viveur'a*, расточительнаго кутилы-гастронома, привыкшаго къ разнымъ деликатесамъ и тонкимъ блюдамъ; на самомъ дѣлѣ всѣ его кутежи и расточительность ограничивались скромной партіей на бильярдѣ, да еще болѣе скромнымъ обѣдомъ въ кафе Боргиньяно. Въ ложѣ обступили маркиза со всѣхъ сторонъ, отобрали у него шапо-клякъ и повели въ аванложу, гдѣ всѣ вмѣстѣ стали угощать его чаемъ, виномъ, сластями и сигарами. Ди-Варѐ еле избавился отъ этихъ любезностей и угощеній, когда въ дверяхъ ложи появился старенькій, весь надушенный и припомаженный, директоръ театра и упросилъ его пойти съ нимъ осмотрѣть разныя усовершенствованія на сценѣ за кулисами и новую газовую рампу, устроенную совершенно также, какъ рампа знаменитаго театра *Scala* въ Миланѣ.

Digitized by Google

У этого добродушнаго старичка всѣ мысли, желанія и мечты были сосредоточены на одномъ: какъ нибудь залучить къ себѣ въ театръ на оперный сезонъ примадонну *Soleil*! Онъ съ восторгомъ и тайною завистью смотрѣлъ на маркиза, какъ на любовника дивы, и разсыпался въ любезностяхъ, разсчитывая на его протекцію передъ знаменитымъ контральто. Вернувшись въ авансложу «аристократовъ», ди-Варѐ сталъ расхваливать новое устройство сцены, богатство освѣщенія, красоту и изысканный вкусъ мѣстныхъ дамъ, и стройное пѣніе хора.—Они у васъ поютъ гораздо лучше и вѣрнѣе хористовъ Аполло,—замѣтилъ онъ.—Вообще я нахожу, что у васъ въ Боргиньяно все устроено прекрасно, en grand... Можно подумать, что это не провинція, а столица!..—Эта рѣчь вызвала новый приливъ любезностей и угощеній виномъ, сигарами и чаемъ... Джакомо не преминулъ замѣтить, что чай очень ароматиченъ, а вино превосходно... Директоръ растаялъ отъ всѣхъ этихъ похвалъ и счелъ своимъ долгомъ присочинить, что онъ получаетъ это вино изъ-за границы цѣлыми бочками и что оно обходится ему по полтора франка за литръ, тогда какъ Танголини ди-Ластафарда платитъ по двѣ лиры за бутылку національнаго *Bordeaux*, которое не утоляетъ жажды, а еще хуже раздражаетъ и обжигаетъ горло. Всѣ со злорадствомъ захихикали на его слова, но маркизъ, замѣтивъ, что шутка не понравилась Танголони, почти не улыбнулся и тотчасъ же перевелъ разговоръ на другое. Онъ обладалъ необыкновеннымъ умѣньемъ говорить обо всемъ свободно и элегантно, и при случаѣ разсказалъ много новаго и интереснаго про театры, политику и Монте-Карло... Когда оркестръ заигралъ Ave Maria—Гуно, Джакомо объявилъ, что хочетъ прослушать этотъ номеръ и вышелъ въ ложу; онъ былъ радъ отдѣлаться отъ своихъ назойливыхъ собесѣдниковъ и принялся переглядываться съ Лаллой. Танголони и остальные молодые люди воспользовались общимъ молчаніемъ, чтобы подробно изучить костюмъ маркиза, покрой его фрака и фасонъ жилета и галстука. Ди-Варѐ стригся коротко *по англійски*, и на слѣдующій день придворный парикмахеръ мѣстныхъ «львовъ» выстригъ около дюжины головъ также коротко на англійскій манеръ!..

Джакомо былъ очень веселъ и въ духѣ въ этотъ вечеръ:

Digitized by Google

оказанный ему радушный пріемъ льстилъ его самолюбію... Но больше всего его радовала предстоящая встрѣча съ Лаллой; маркизу казалось, что изъ ложи графини делла-Валле исходитъ цѣлый снопъ яркихъ лучей и эти лучи придавали розовый оттѣнокъ всей окружающей его обстановкѣ. Онъ увидалъ Лаллу тотчасъ же, какъ вошелъ въ театръ, но по странной, не испытанной имъ до тѣхъ поръ, скромности, почему-то не рѣшился сразу навести на нее бинокль; ему казалось, что это будетъ оскорбительнымъ для такой женщины, какъ его дорогая *малютка*. Лалла сидѣла въ ложѣ, какъ разъ противъ него, повернувшись спиной къ оркестру, а лицомъ къ сосѣдней ложѣ, гдѣ находились ея мать и отецъ. Она была вся въ бѣломъ газѣ и кружевахъ, и красиво выдѣлялась на темномъ фонѣ ложи, какъ лучезарная прекрасная картина въ темной рамѣ. Ея пушистая оригинальная головка съ громадными сине-зелеными глазами побѣдоносно выступала изъ всѣхъ этихъ бѣлыхъ кружевъ, точно изъ морской пѣны. На ней не было ни лентъ, ни цвѣтовъ, ни брилліантовъ; костюмъ поражалъ своей воздушностью, простотой и изысканнымъ вкусомъ, и удивительно шелъ къ ней. Глаза молодой женщины кротко сіяли, точно двѣ чудныя звѣзды, и она медленно обводила ими вокругъ всей залы, не останавливаясь на ложѣ ди-Варѐ, но постоянно возвращалась къ ней взглядомъ. Лалла нисколько не смутилась, не поблѣднѣла и не покраснѣла, когда увидѣла противъ себя элегантную фигуру своего возлюбленнаго, — она прекрасно владѣла собой и ничѣмъ не выдала своей радости и своего волненія. Встрѣтившись взглядомъ съ маркизомъ, молодая женщина стала медленно помахивать закрытымъ вѣеромъ, что́ означало на понятномъ имъ однимъ языкѣ: — «не приходи ко мнѣ въ ложу сегодня вечеромъ»! Потомъ она три раза подъ рядъ раскрыла вѣеръ и снова закрыла его, говоря этимъ, что ждетъ его на слѣдующій день у себя дома въ три часа дня... Графиня подавала эти знаки совершенно спокойно и небрежно; она даже не измѣнила своей позы и какъ бы сама не замѣчала того, что̀ дѣлаетъ. Бѣлокурая головка все также дѣтски-застѣнчиво склонялась на грудь, глаза были скромно потуплены, и вся Лалла походила на воздушное неземное созданіе, которое витаетъ гдѣ-то въ облакахъ и не вдыхаетъ душнаго воздуха залы, переполненной зрителями, а

Digitized by Google

вся живетъ чудными звуками страстной и нѣжной мелодіи *Ave Maria.* Послѣ перваго знака вѣера, ди-Варѐ чуть замѣтно нахмурился, но, увидавъ второй знакъ, разомъ успокоился. Ему было, безспорно, гораздо пріятнѣе увидѣться съ Лаллой у нея въ домѣ и, какъ слѣдуетъ, переговорить обо всемъ, нежели зайти къ ней въ ложу на нѣсколько минутъ и при другихъ сказать ей двѣ, три банально-вѣжливыя незначащія фразы. А видѣться съ графиней два дня подъ рядъ было по меньшей мѣрѣ неосторожно и даже прямо невозможно: — это повлекло бы къ непріятностямъ съ Джорджіо делла-Валле и возбудило бы лишніе толки. Поэтому Джакомо обрадовался предусмотрительности Лаллы и мысленно поблагодарилъ ее за все.

Рядомъ съ ложей делла-Валле сидѣла чета д'Эледа. Герцогиня Марія была по прежнему удивительно хороша и, по общему мнѣнію, гораздо красивѣе дочери, хотя графиню находили симпатичнѣе и привѣтливѣе. Марія была въ черномъ бархатномъ платьѣ, которое очень шло къ ея блѣдной, строгой красотѣ; на нее любовались, какъ на мраморную статую, но она не возбуждала горячаго энтузіазма и своимъ строгимъ, холоднымъ взглядомъ останавливала всякое живое страстное слово и движеніе души.

— Какая красавица до сихъ поръ герцогиня д'Эледа!— воскликнулъ во всеуслышаніе маркизъ ди-Варé.

— Еще бы! она сохраняется во льду,—замѣтилъ одинъ изъ щеголей, стараясь быть остроумнымъ.

— А я предпочитаю графиню делла-Валле,—вставилъ свое слово третій: — она, конечно, не такъ хороша, какъ мать, но зато гораздо *пикантнѣе.*

— Вы, вѣроятно, бывали у нея въ Римѣ, мой милый Варѐ.

— Да, бывалъ по субботамъ вечеромъ.

— Говорятъ, она пользовалась тамъ большимъ успѣхомъ; за нею многіе ухаживали...

— Да ухаживли, всѣ вообще и никто въ особенности; она никого не выдѣляла.

— Взгляните на герцогиню, какъ она блѣдна!—обратился къ Джакомо младшій изъ братьевъ Ластафарда,—боюсь, какъ бы слова моего брата не оправдались...

— А что онъ разсказывалъ?

Digitized by Google

— Да, говорятъ, у нея начинается чахотка!

— Не можетъ быть!..—Она блѣдна, но, повидимому, здорова!..—Да неужели?—заговорили всѣ вдругъ и стали усиленно лорнировать Марію. Джакомо также навелъ на нее свой бинокль, но герцогиня уже не была такъ блѣдна, какъ раньше,—рядомъ съ ней сидѣлъ графъ Джорджіо делла-Валле и что-то разсказывалъ ей. Маркизъ не обратилъ вниманія на измѣнившееся лицо красавицы; онъ поспѣшно всталъ, поблагодарилъ своихъ «друзей» за любезный пріемъ и, простившись съ ними, направился къ ложѣ д'Эледа.

Джакомо былъ тонкимъ дипломатомъ; онъ не хотѣлъ упускать возможности встрѣтиться съ Джорджіо на нейтральной почвѣ и надѣялся на свое умѣніе очаровывать всѣхъ и каждаго изысканной любезностью, чтобы сгладить передъ дѐлла-Валле непріятное впечатлѣніе своего внезапнаго пріѣзда въ Боргиньяно. Герцогиня встрѣтила ди-Варѐ съ своей обычной холодной любезностью, но Джорджіо сильно нахмурился при видѣ его, и даже не старался скрыть своего неудовольствія. Маркизъ, конечно, сразу замѣтилъ это, но нисколько не потерялся и, со своимъ обычнымъ апломбомъ, сталъ говорить про Гуно, про Боргиньяно, про министерскій кризисъ и про многое другое... Онъ обращался то къ самому Анатолію, то къ герцогинѣ Маріи, и изъ предосторожности не заговаривалъ съ Джорджіо, чтобы какъ нибудь не нарваться на рѣзкій отвѣтъ съ его стороны.

Но когда делла-Валле всталъ, чтобы уходить, ди-Варе счелъ долгомъ попросить его передать свое нижайшее почтеніе графинѣ. Джорджіо сквозь зубы поблагодарилъ маркиза, холодно кивнулъ ему головой и вышелъ.

Герцогъ Анатолій не обратилъ вниманія на холодность своего зятя съ Джакомо ди-Варѐ; онъ углубился въ свои тщеславныя мысли при первыхъ же словахъ маркиза о министерскомъ кризисѣ и позабылъ все окружающее. А Марія?.. Бѣдная Марія! Она сильно волновалась отъ близости своего возлюбленнаго, плохо понимала, что̀ ей говорятъ, и часто даже отвѣчала совсѣмъ невпопадъ. У несчастной женщины ужасно билось сердце, ея щоки пылали, какъ въ огнѣ, а по всему тѣлу пробѣгалъ леденящій ознобъ. Вся зала мелькала у нея передъ глазами, точно что-то громадное, живое и пе-

Digitized by Google

строе, съ массой красныхъ, желтыхъ, голубыхъ и лиловыхъ точекъ. У герцогини сильно кружилась голова и она боялась потерять сознаніе.

Итакъ, чета д'Эледа не обратила вниманія на холодное и сухое обращеніе графа делла-Валле съ Джакомо ди-Варе, но самъ маркизъ не зналъ, что̀ и дѣлать; онъ, конечно, не разсчитывалъ на особенную любезность со стороны Джорджіо, но не ожидалъ такого явнаго протеста, и на мгновеніе задумался: идти ли ему на слѣдующій день къ Лаллѣ, или нѣтъ? Впрочемъ, онъ скоро успокоился и рѣшилъ пойти. «Она дала бы мнѣ знать въ случаѣ какой нибудь перемѣны»,—сказалъ онъ себѣ и, по окончаніи концерта, отправился домой пѣшкомъ, не дожидаясь отъѣзда своей возлюбленной «малютки». Маркизъ занималъ въ Боргиньяно небольшую меблированную квартиру и, во время своихъ частыхъ и продолжительныхъ отсутствій, оставлялъ ее на попеченіе стараго слуги своей покойной матери.

На слѣдующій день не было еще трехъ часовъ, когда Джакомо ди-Варе позвонилъ у воротъ роскошнаго дома делла-Валле и спросилъ привратника: дома ли графиня и можетъ ли принять?

— Дома-то онѣ дома, а принимаютъ или нѣтъ, право не знаю.

— Сходите, узнайте.

Привратникъ покорно пошелъ во дворъ и позвонилъ у парадная подъѣзда. На этотъ звонъ изъ стеклянной галереи перваго этажа высунулась голова какого-то лакея.

— Графиня принимаетъ?—крикнулъ ему привратникъ.

— Не знаю. Надо спросить у Андреа.

Привратникъ отправился разыскивать этого Андреа, а тотъ въ свою очередь пошелъ разспрашивать горничную; наконецъ, послѣ безконечной бѣготни, разспросовъ и трезвона, маркизу объявили, что графиня просятъ его войти, и лакей повелъ его наверхъ.

«Ну, и порядки же! — думалъ Джакомо, поднимаясь по лѣстницѣ.—Весь домъ подняли на ноги изъ-за такихъ пустяковъ. Если и впредь будетъ такъ продолжаться, пускай лучше Лалла ко мнѣ приходитъ, а не я къ ней... Это будетъ въ тысячу разъ удобнѣе и, пожалуй, даже безопаснѣе»!

Digitized by Google

Маркиза провели черезъ длинную анфиладу великолѣпныхъ и безмолвныхъ гостинныхъ и залъ. Въ нихъ было почти совсѣмъ темно; всюду были спущены шторы и плотно закрыты ставни, такъ что Джакомо не удалось разсмотрѣть роскошной меблировки этихъ комнатъ, заставленныхъ множествомъ рѣдкихъ и дорогихъ произведеній искусствъ и разными бездѣлушками всѣхъ странъ свѣта. Ди-Варѐ казалось, что онъ идетъ по безконечному темному коридору и онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ прохладный ароматный воздухъ комнатъ, послѣ невыносимой уличной жары и вони. Наконецъ, лакей остановился и, приподнявъ тяжелую портьеру, съ почтительнымъ поклономъ пригласилъ маркиза войти въ маленькую гостинную, гдѣ было еще темнѣе, чѣмъ въ предыдущихъ залахъ. Джакомо вошелъ и остановился сейчасъ же у двери, чтобы пріучить глаза къ темнотѣ; онъ ровно ничего не видѣлъ, но по сильному аромату чувствовалъ, что гдѣ-то вблизи отъ него стоятъ цвѣты. Ровные и гулкіе шаги лакея еще не успѣли замолкнуть въ отдаленіи, когда Джакомо услышалъ рядомъ съ собою шелестъ женскаго платья и къ нему въ объятія бросилась граціозная фигурка Лаллы. Она нѣжно обвила его шею своими чудными обнаженными руками и, любовно заглядывая ему въ глаза, потянула его за собой къ дивану. Молодая женщина распустила свои роскошные золотистые волосы; они до колѣнъ разсыпались по ея плечамъ и покрыли руки маркиза. Онъ осторожно шелъ за своей возлюбленной, не выпуская ее изъ своихъ объятій и стараясь какъ нибудь не наступить на подолъ ея платья.

— Наконецъ-то, ты здѣсь!—прошептала Лалла, падая на диванъ рядомъ съ Джакомо и склоняя свою головку къ нему на грудь. Онъ ничего ей не отвѣтилъ и съ трудомъ дышалъ въ волнахъ ея душистыхъ бѣлокурыхъ волосъ.

Они долго молчали, нѣжно прижавшись другъ къ другу; довольная и счастливая Лалла вся вздрагивала отъ сладкой истомы своимъ маленькимъ гибкимъ тѣльцемъ и только изрѣдка глубоко вздыхала полной грудью; взволнованный и блѣдный Джакомо не смѣлъ пошевельнуться, чтобы не нарушить этого очарованія. Дѣтски наивное забвеніе Лаллы и кроткая довѣрчивость и безпомощность ея позы парализовали его страсть, и онъ боялся даже коснуться губами ея волосъ, чтобы какъ

Digitized by Google

нибудь не оскорбить ея этимъ. Лалла первая прервала молчаніе и стала разспрашивать маркиза обо всемъ. Онъ отвѣчалъ ей шопотомъ, беззвучно и очень коротко. Ему не хотѣлось говорить, а хотѣлось только слушать и слушать безконечно дорогой лепетъ своей «малютки». Она говорила такъ страстно и нѣжно, такъ горячо и искренно изливала ему свою душу! Между тѣмъ, глаза постепенно привыкали къ темнотѣ и начинали различать окружающіе предметы. По обѣимъ сторонамъ двери, на золотыхъ подставкахъ, возвышались большіе кусты гарденій и ихъ нѣжныя бѣлыя головки робко склонялись къ землѣ, точно стараясь разслышать, о чемъ шепталисъ тамъ на диванѣ обнявшіеся влюбленные. Въ окнѣ стояла большая корзинка пестрыхъ тюльпановъ; они какъ бы переговаривались между собой и также тянулись къ дивану; группы яркихъ гвоздикъ сгорали отъ любопытства; въ одномъ изъ угловъ, въ бронзовой вазѣ, пестрѣли красивыя азаліи и силились пошире раскрыть свои нѣжные лепестки, чтобы лучше разслышать, что́ говорилось въ другомъ углу противъ нихъ; а изъ подвѣшенной къ потолку разрисованной фарфоровой вазы перегибалась крупная кампанула и жадно прислушивалась къ невѣдомому ей говору, наслаждаясь гармоніей этихъ двухъ воркующихъ голубковъ. Но всѣ эти свѣжіе и красивые цвѣты,—свидѣтели и невольные соучастники любовнаго экстаза Лаллы и Джакомо,—тщетно старались понять, о чемъ они тамъ шепчутся въ углу. Только чудная громадная лилія, перемѣнившая свою дѣвственную символическую бѣлизну на ярко пурпуровую одежду, прекрасно понимала, въ чемъ дѣло. Она широко раскрыла свою гигантскую огненную пасть со змѣинымъ жаломъ и съ дьявольской усмѣшкой объясняла группѣ скромныхъ петуній, что нѣжно обнявшіяся фигуры сладко шепчутся о любви.

— О, еслибы ты зналъ, какъ я тебя люблю, мой дорогой Нино!—говорила Лалла. — Я все время думала о тебѣ, съ тѣхъ поръ какъ мы разстались. Ты вѣрно уносишь съ собой мою душу вотъ въ этомъ маленькомъ карманѣ на сердцѣ, — Лалла шутливо засунула свои пальчики въ маленькій кармашекъ жилета Джакомо. — Когда тебя нѣтъ со мной, я цѣлыми часами сижу въ креслѣ одна въ моей спальнѣ и притворяюсь, что сплю, чтобы ко мнѣ никто не приставалъ...

Digitized by Google

Но, повѣрь, я не сплю ни одной минутки; не сплю и закрываю глаза только для того, чтобы лучше тебя видѣть... Да, я такъ ясно и отчетливо вижу всегда передъ собою твое красивое, серьезное и блѣдное лицо... Подчасъ, вначалѣ, ты мнѣ улыбаешься своей гадкой презрительно-дерзкой улыбкой, но потомъ, мало-по-малу, выраженіе этой улыбки измѣняется; она становится нѣжной; ласковой, чуть-чуть грустной,— именно такой, какъ я люблю. Вотъ какъ теперь!.. Дорогой мой, какъ я тебя люблю! Мнѣ кажется, что я имѣю на тебя хорошее вліяніе, что ты становишься лучше, добрѣе отъ моей близости... Да? Скажи мнѣ, что́ я такое для тебя, скажи скорѣе?

Джакомо по прежнему молчалъ и съ ласковой улыбкой смотрѣлъ ей въ глаза.

— Да говорите же скорѣе, противный маркизъ!—воскликнула хорошенькая женщина капризно-повелительнымъ тономъ и съ очаровательной гримаской нахмурила свои тонкія густыя брови.

— Ты—мой ангелъ!—прошепталъ маркизъ.

— Да? Скажи мой Нино, ты никогда не называлъ *другую* своимъ ангеломъ, никогда?..

— Нѣтъ, но...

— Что, *но*?

— Я нахожу, что ты могла бы быть еще лучше, еще милѣе, еслибы не была такимъ ангеломъ... Понимаешь?

— Молчать!.. Не говори такихъ гадкихъ вещей! Осторожность прежде всего, мой милый; не забывай, что даже у оконъ и дверей бываютъ уши!

— Нѣтъ, выслушай меня, малютка... Вѣдь сзади насъ длиннѣйшая анфилада комнатъ... Мы услышимъ шаги чуть не за цѣлый часъ впередъ...

— Да, если придетъ кто нибудь чужой, кто нибудь изъ гостей... А Джулія? А папа́? вѣдь онъ цѣлыми днями торчитъ у насъ въ домѣ. А мама съ ея вѣчной, строгой моралью? Боже, Боже, вотъ была бы исторія!.. Они всѣ могутъ войти сюда невзначай изъ маленькой потайной двери, рядомъ въ комнатѣ; я покажу тебѣ ее потомъ... Самъ Джорджіо можетъ застать насъ врасплохъ!..

— Да, между прочимъ, по поводу твоего мужа. Мы встрѣ-

Digitized by Google

тились съ нимъ вчера въ ложѣ герцогини и онъ былъ со мной очень холоденъ... Что съ нимъ такое?

— Ты ему не симпатиченъ, онъ тебя не любитъ и, собственно говоря, имѣетъ полное право на это, не правда ли?.. Онъ увѣряетъ, что выноситъ тебя только ради мамы... а я, по правдѣ сказать, думаю, что у него просто не хватаетъ мужества приказать мнѣ не принимать тебя... Сегодня онъ съ утра уѣхалъ въ деревню и вернется, вѣроятно, только вечеромъ, такъ что я надѣюсь скрыть отъ него твой визитъ, чтобы ты могъ поскорѣе снова быть у меня... Джорджіо уговаривалъ меня ѣхать съ нимъ въ деревню, но я сказала, что мнѣ не здоровится,—у меня въ самомъ дѣлѣ немножко болѣла голова. Ахъ, ты мой милый!.. Воображаю, какъ ты обрадовался вчера, когда я сказала тебѣ вечеромъ, что можно будетъ прійти ко мнѣ? Обрадовался, да? Скажи скорѣе. А я на тебя разсердилась вчера: — ты даже не поблагодарилъ меня за все, что̀ я для тебя дѣлаю. Хоть бы воздушный поцѣлуй послалъ! Вотъ была бы потѣха, еслибъ ты послалъ мнѣ воздушный поцѣлуй изъ ложи. Воображаю, какъ бы они всѣ переполошились!.. Лалла громко разсмѣялась своей выдумкѣ раскатистымъ дѣтскимъ смѣхомъ.

— Но если... если его нѣтъ... если онъ уѣхалъ?..

Джакомо разсѣянно слушалъ болтовню Лаллы и все время думалъ о другомъ.

— Такъ что же? Говорю тебѣ, что Джулія можетъ прійти... и, наконецъ, я съ минуты на минуту ожидаю маму и даже удивлена, отчего ее такъ долго нѣтъ. Да... между прочимъ, скажи мнѣ пожалуйста—только правду!—ты никогда не пробовалъ ухаживать за мамой?

— Нѣтъ, никогда.

— Поклянись!

— Клянусь честью.

— И хорошо сдѣлалъ. Она бы съ тобой не церемонилась, прямо указала бы на дверь... — Лалла съ комической важностью протянула свою маленькую ручку къ двери.

— Очень можетъ быть; но мнѣ и въ голову не приходило за ней ухаживать.

— Отчего?

— Такъ... Она безспорно очень красивая женщина, но...

Digitized by Google

— Еще бы, она несравненно красивѣе меня, не правда ли?

— Но ты мнѣ гораздо больше нравишься.

— Какъ это странно!

— Да, ея красота ничего не говоритъ моему сердцу и не дѣйствуетъ на меня, а отъ твоей близости у меня вся кровь кипитъ.

— Какъ это кровь кипитъ, Нино? я не понимаю.

— Ахъ, Лалла, Лалла, какое ты дитя!.. Не вѣришь мнѣ?..

— Вѣрю, вѣрю, голубчикъ.

— А Джулія по прежнему вѣчно съ вами, какъ въ Римѣ?

— Да, отъ нея не отдѣлаешься!

— Когда она пріѣхала?

— Третьяго дня.

— Какъ это несносно! Хоть бы какой нибудь идіотъ женился на ней...

— Теперь вся надежда на провинціальныхъ жениховъ; столичные ее не цѣнятъ!.. Мнѣ, вѣроятно, придется всюду выѣзжать съ ней.

— Ты, конечно, очень рада этому... Вѣрно сама не хочешь оставаться одна,—оттого и держишь ее всегда при себѣ.

— Какъ это мило!.. Точно я имѣю право распоряжаться въ этомъ домѣ... О, еслибы я могла хоть одинъ день пожить такъ, какъ мнѣ хочется, а не такъ, какъ хотятъ другіе!.. — И Лалла съ покорностью жертвы подняла глаза къ небу и глубоко вздохнула.

— Ну, сегодня ты могла бы устроиться такъ, чтобы остаться одной...

— Ты мною недоволенъ?

Джакомо рѣзко всталъ съ дивана и подошелъ къ окну.

— Вотъ ты какой гадкій!—прошептала Лалла со слезами въ голосѣ.—А я такъ радовалась нашему сегодняшнему свиданію, съ такимъ нетерпѣніемъ ждала его, считала часы и минуты, когда мы, наконецъ, снова будемъ вмѣстѣ послѣ долгой разлуки... Повѣрь, не легко было устроить это свиданіе, такъ чтобы намъ никто не помѣшалъ; пришлось вынести немало непріятностей, немало разговоровъ... Ради тебя я должна была хитрить, говорить неправду, обманывать, а ты самъ знаешь, какъ тяжело притворяться съ моимъ правдивымъ характеромъ... Я ждала этого часа, какъ манны небесной, и такъ

Digitized by Google

обрадовалась тебѣ, была такъ счастлива, а теперь... теперь ты все мнѣ испортилъ... Да, ты недобрый и нехорошій человѣкъ; но я съумѣю отомстить тебѣ, повѣрь! Хотѣла сказать тебѣ одну пріятную вещь, а теперь не скажу. Да, да не скажу за то, что ты такой нехорошій.

Джакомо не могъ дольше сердиться на эту прелестную «малютку»; онъ совсѣмъ растаялъ отъ ея ласковыхъ словъ и снова сѣлъ съ нею рядомъ на диванъ, мысленно увѣряя себя, что онъ «такъ и быть, уступитъ ей еще одинъ разъ, но это будетъ послѣдній».

— Говори, что́ ты хотѣла мнѣ сказать?

— Нѣтъ, не скажу.

— Пожалуйста, Лалла, я такъ тебя прошу!

— Нѣтъ, не скажу. — И Лалла, въ свою очередь, недовольно надула губки, дѣлая при этомъ соблазнительную рожицу.

— Да говори же, милая... Ну, я не буду больше *нехорошимъ*, Лалла; я опять хорошій, — смотри, такой же, какъ прежде!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... уйди отъ меня! Уѣзжай за своей дивой... Она къ тебѣ больше подходитъ, ни въ чемъ тебѣ не отказываетъ... съ нею ты не играешь глупой роли.

— Лалла, прости меня... прости ради бога... Ну, говори, что́ ты хотѣла мнѣ сказать.

Молодая женщина еще нѣсколько мгновеній хмурила свои бровки, но, взглянувъ на умоляющіе глаза Джакомо, ласково улыбнулась и снова подсѣла къ нему близко, близко.

— Я буду откровенна, какъ на исповѣди, хорошо?—чуть слышно прошептала она, застѣнчиво опуская головку и, просунувъ руку подъ руку маркиза, стала играть цѣпочкой его часовъ.

— Да... Да. .

— Ну, вотъ... Когда мы уѣхали изъ Рима, я много думала и мучилась... Совѣсть упрекала, понимаешь?

— О чемъ же ты думала?

— Думала о нашей любви и рѣшила испытать свое чувство... рѣшила такъ: «попробую жить безъ него; можетъ быть, и не буду такъ скучать, не буду его видѣть постоянно передъ собой. Если удастся прожить сносно эти дни безъ него,

Digitized by Google

тогда... тогда, когда онъ пріѣдетъ въ Боргиньяно, я перестану его принимать и прекращу наше знакомство».

— Однако, хорошо, нечего сказать!..

— Я исповѣдуюсь тебѣ,—значитъ должна сказать всю правду... Думала:—«попрошу Джорджіо увезти меня куда нибудь на лѣто и не дамъ Джакомо своего адреса... Онъ, конечно, также скоро забудетъ меня и, вернувшись, я снова заживу прежнею жизнью, съ чистой совѣстью, и буду слушать добродѣтельные совѣты мамы»... Но на дѣлѣ вышло совершенно иначе.

— Иначе?

— Да. Я поняла...

— Что?

— Я поняла, что люблю тебя гораздо сильнѣе, нежели воображала раньше, и не могу жить безъ тебя!

Джакомо страстно прижалъ Лаллу къ своему сердцу, и ихъ губы слились въ горячій поцѣлуй. Это были первые поцѣлуи влюбленныхъ; Лалла познала свою силу и уже не боялась маркиза, какъ раньше, потому и позволяла себя цѣловать. Она до сихъ поръ еще чувствовала на своемъ лицѣ отвратительное прикосновеніе старческихъ губъ графа Луиджи и ей хотѣлось смыть его поцѣлуи другими страстными и упоительными до самозабвенія поцѣлуями. Къ тому же она рѣшила за послѣднее время, что въ поцѣлуѣ не можетъ быть ничего грѣховнаго: — вѣдь не даромъ дядя позволяетъ себѣ цѣловать жену своего племянника! Маркизу пора было уходить; началось прощанье, во время котораго обоюдно рѣшили, что онъ снова придетъ черезъ три дня, если тотъ не узна́етъ о его теперешнемъ визитѣ. Чтобы избѣжать непріятныхъ разспросовъ, Лалла всегда сама разсказывала мужу, кто у нея былъ и кого она видѣла.—Джорджіо теперь самъ никогда не спрашиваетъ, а я могу позабыть сказать про Джакомо, въ числѣ другихъ гостей,—думала она,—и это избавитъ меня отъ непріятной лжи.

Когда ди-Варѐ уже совсѣмъ собрался уходить, молодая женщина снова бросилась ему въ объятія.

— О, Нино, мой дорогой, позволь мнѣ всегда любить тебя только такъ, какъ теперь; не требуй большаго!—воскликнула она;—я всей душой буду тебѣ благодарна за это и еще больше

Digitized by Google

буду цѣнить тебя... Такъ лучше, подумай самъ, мой милый, вѣдь мы счастливы, спокойны, довольны... чего же больше?.. Пріятно думать другъ о другѣ, не краснѣя отъ стыда; по моему это большое утѣшеніе... Мнѣ такъ отрадно, что наша любовь чиста, что я могу сознаваться въ ней передъ Богомъ! Я съ такой радостью молюсь о тебѣ теперь каждый день. А еслибы... еслибы было иначе... понимаешь? тогда уже нельзя было бы молиться и, конечно, случилось бы какое нибудь несчастіе... Вѣроятно, все открылось бы и намъ пришлось бы разстаться навѣки... А ты? Ты никогда не молишься, скажи?..

Джакомо улыбнулся, но въ душѣ былъ сильно взволнованъ наивностью всей этой рѣчи.

— Неужели ты не хочешь молиться даже обо мнѣ?—настаивала Лалла.—Ты не вѣруешь въ молитву, да?.. Это очень нехорошо... Какъ я была бы счастлива и горда, еслибъ могла пробудить въ тебѣ уснувшую вѣру и ты снова началъ бы молиться!

Маркизъ ди-Варѐ вышелъ изъ дома делла-Валле помолодѣвшимъ и обновленнымъ душою и тѣломъ. Совѣсть не мучила его, и онъ радовался, что ему удалось совладать со своей страстью и побороть свои желанія. «Она такъ невинна и чиста, что грѣшно было бы посягнуть на ея добродѣтель»,—думалъ онъ.—Пусть все остается по прежнему, пока... а потомъ увидимъ!.. Я, конечно, не намѣренъ оставаться въ дуракахъ. Но зачѣмъ торопиться?.. все придетъ само собою; грубое насиліе уничтожило бы все очарованіе, всю поэзію нашей любви... Страсть, конечно, разрушитъ мало-по-малу всѣ раздѣляющія насъ преграды, и она всецѣло отдастся мнѣ, не слушая больше своихъ предразсудковъ и голоса совѣсти... Мнѣ, право, не на что жаловаться теперь: мы уже и такъ зашли очень далеко, еще немножко... *et tout sera dit*... Она любитъ меня съ каждымъ днемъ все больше и больше!

Джакомо не ошибался; Лалла, дѣйствительно, любила его въ Боргиньяно и больше, и лучше, нежели въ Римѣ. Въ Римѣ маркизъ ди-Варѐ представлялъ для графини второстепенный интересъ, наряду съ другими эпизодами ея блестящей свѣтской жизни, а въ Боргиньяно онъ былъ центромъ всѣхъ ея мыслей, желаній и надеждъ. Спокойная, однообразная про-

Digitized by Google

винціальная жизнь надоѣдала Лаллѣ, и она отъ скуки все чаще и чаще думала о Джакомо. Онъ такъ выдѣлялся своими манерами и изяществомъ изъ среды мѣстной неуклюжей молодежи! Не удивительно послѣ этого, что она полюбила маркиза, или, по крайней мѣрѣ, думала, что любитъ его. Недаромъ говорится въ одной испанской пословицѣ, что когда женщина скучаетъ, то дьволъ искушенія входитъ ей въ ротъ и проникаетъ прямо въ сердце! У Лаллы былъ природный изысканный вкусъ и аристократическій темпераментъ, и нервы:—ей нравилась утонченная развращенность и испорченность маркиза ди-Варѐ... Онъ всегда и вездѣ оставался привлекательнымъ джентльменомъ, а не грубымъ кутилой, въ родѣ мѣстныхъ провинціальныхъ вивёровъ. Лалла съ презрѣніемъ относилась къ «золотой молодежи» Боргиньяно; всѣ они такъ глупо прожигали свою жизнь! Лучшимъ удовольствіемъ этихъ господъ было поѣхать ужинать куда нибудь въ ресторанъ, съ размалеванными мелкими пѣвичками или танцовщицами, и тамъ напиться до безпамятства дешевенькимъ виномъ или пивомъ, или проиграться въ карты до полнаго разоренія гдѣ нибудь въ гостинницѣ, а потомъ опуститься до того, чтобы идти служить въ конторѣ писцомъ или прикащикомъ, вмѣсто того чтобы храбро покончить съ собою выстрѣломъ изъ револьвера.

Представителями высшей аристократіи Боргиньяно среди молодежи были двое братьевъ Танголони ди-Ластафарда; у нихъ было солидное состояніе и, чтобы пускать пыль въ глаза своимъ друзьямъ, они одѣвались въ Миланѣ, хвастались своими миланскими знакомствами и постоянно то пріѣзжали, то уѣзжали въ Миланъ. Все это, конечно, возбуждало всеобщую зависть. Братья всюду бывали вмѣстѣ, всегда одинаково одѣвались въ англійскомъ вкусѣ и оба были одинаково глупы и тщеславны. Младшій во всемъ подражалъ старшему, склонялся передъ его авторитетомъ и старался рекламировать его гдѣ только могъ. Скажетъ, бывало, старшій изъ братьевъ какую нибудь плоскую остроту, — младшій тотчасъ же повторяетъ ее во всѣхъ гостинныхъ, въ театрѣ и клубѣ. Если старшій начиналъ за кѣмъ нибудь ухаживать, младшій считалъ своимъ долгомъ разглашать это «подъ секретомъ» по всему городу, и часто отъ себя прибавлялъ разныя подробности,

Digitized by Google

которыхъ не существовало. Вообще онъ хвастался вездѣ, гдѣ только могъ, а въ клубѣ и въ кафе только и разговоровъ было, что—«братъ сегодня долго разговаривалъ съ *префектомъ* и совѣтовалъ ему», или «*префектъ* говорилъ брату»... и т. д., и т. д., чтобы выставить близость своего брата съ такимъ высокопоставленнымъ лицомъ. Впрочемъ, братья Ластафарда были сами очень знатны и богаты, и считались заправилами золотой молодежи Боргиньяно. Каждый новичокъ, желающій попасть въ кружокъ мѣстнаго высшаго общества, долженъ былъ сначала поступить въ свиту братьевъ Ластафарда и терпѣливо ждать, когда одинъ изъ нихъ соблаговолитъ выпить съ нимъ на «ты» или пройти подъ руку на гуляньѣ, послѣ чего онъ разомъ попадалъ изъ плебеевъ въ аристократы и могъ надѣяться, что его будутъ всюду принимать. Такія метаморфозы происходили чуть не ежедневно.

Другой звѣздой первой величины былъ знатный, но совершенно обѣднѣвшій маркизъ ди-Тосколано; у него въ жизни была только одна страсть, страсть къ лошадямъ—и больше ни къ чему. Въ этомъ отношеніи аристократія Боргиньяно подражала аристократіи Генуи и вся была помѣшана на лошадяхъ. Возрастъ и происхожденіе выдающихся производителей,—матокъ и скакуновъ, — заучивались всѣми наизусть и каждое происшествіе лошадинаго міра передавалось изъ устъ въ уста съ большимъ интересомъ. Въ конюшняхъ маркиза ди-Тосколано стояла только одна старая и разбитая лошадь, браковка какого-то кавалерійскаго полка. Маркизъ назвалъ эту клячу *Адамасторъ*, хотя ей гораздо болѣе подходило бы не такое величественное имя, а что нибудь попроще, въ родѣ Пасквале; бѣдное животное уже съ трудомъ передвигало ноги, какъ старый, измученный своей службой, чиновникъ.

Тосколано цѣлыми днями рыскалъ по конюшнямъ своихъ друзей, а изъ конюшень, часто не переодѣваясь, прямо отправлялся съ визитомъ къ какой нибудь дамѣ; при этомъ онъ нисколько не стѣснялся своего костюма и даже не обтиралъ выпачканныхъ въ навозѣ сапогъ со шпорами, а спокойно разсаживался въ креслѣ, пощелкивая хлыстомъ, и всегда былъ очень доволенъ собой. Кромѣ того, у маркиза была довольно странная привычка называть всѣхъ своихъ знакомыхъ умень-

Digitized by Google

шительными именами: Женни, Норина, Сандро, Чекко, Тони и т. д. Вслѣдствіе этого, часто происходили довольно комичныя недоразумѣнія, тѣмъ болѣе, что маркизъ почти постоянно говорилъ о лошадяхъ и кучерахъ, и ихъ также называлъ уменьшительными именами, такъ что иногда нельзя было сразу догадаться, о комъ онъ говоритъ: о дамахъ ли свѣта, или о лошадяхъ и горничныхъ? о своихъ друзьяхъ или о кучерахъ и лакеяхъ?

Еще бо́льшимъ оригиналомъ среди представителей *high life'a* былъ пятидесятилѣтній Джанни Ребальди—молодящійся старикъ, разыгрывающій изъ себя совсѣмъ юнаго ухаживателя. Онъ красилъ свои густые сѣдые волосы въ бѣлокурый цвѣтъ, довольно искусно подмазывался и тридцать лѣтъ подъ рядъ говорилъ о своемъ намѣреніи жениться. Джанни Ребальди провелъ всю свою молодость въ Болоньѣ и прокутилъ тамъ отцовское состояніе до послѣдняго гроша. Въ Боргиньяно онъ жилъ почти всегда у знакомыхъ изъ милости и вѣчно скрывался отъ преслѣдованій своихъ кредиторовъ. Вообще ему жилось не очень-то сладко, но онъ, никогда не унывая, постоянно бывалъ гдѣ нибудь въ гостяхъ и всегда разсказывалъ про Болонью,—про сплетни Болоньи, про ея празднества, про красоту болонскихъ дамъ и т. д. У него нерѣдко происходили изъ-за этого горячіе споры съ братьями Тангалони, которые вѣчно носились со своимъ Миланомъ и не признавали больше никакихъ другихъ городовъ.

Кромѣ этихъ *типовъ*, въ спискахъ свѣтскихъ львовъ состояло еще нѣсколько сантиментальныхъ адвокатишекъ безъ кліентовъ, вице-секретарь префектуры, два-три офицерика изъ музыкантовъ-любителей и... и больше никого! Можно себѣ представить, какъ должна была скучать въ этомъ обществѣ Лалла!.. Не удивительно, что она всецѣло отдалась своей интригѣ съ ди-Варѐ и только имъ однимъ интересовалась. Блестящій маркизъ напоминалъ хорошенькой женщинѣ ея шумную свѣтскую жизнь въ Пельи и въ Римѣ, и она чувствовала себя совсѣмъ хорошо только въ его обществѣ. Пріѣхавъ въ Боргиньяно, Лалла тотчасъ же поняла, что ей надо быть очень осторожной съ Джакомо и, не надѣясь на свои силы, немедленно выписала къ себѣ Джулію, чтобы всегда имѣть около себя кого нибудь, кто бы могъ по-

Digitized by Google

мѣшать черезчуръ настойчивымъ требованіямъ маркиза. Она боялась себя самой, боялась своей слабости, чувствуя заранѣе приливъ страсти къ ди-Варѐ, — отчасти искренней страсти, отчасти дѣланной, скуки ради, за неимѣніемъ другихъ развлеченій... При такихъ обстоятельствахъ, присутствіе подруги, конечно, могло быть полезнымъ хитрой Лаллѣ, хотя она и увѣряла своего возлюбленнаго, что Джулія ей страшно надоѣла и что она очень недовольна ея пріѣздомъ... Молодая женщина страшно скучала дома и разсчитывала на шумную веселость графини ди-Рокка-Віанарда, чтобы хоть немного оживить ею свою монотонную жизнь. Нѣжная, почтительная, глубокая, но всегда ровная и однообразная любовь Джорджіо скоро успѣла ей надоѣсть; она искала всюду неожиданныхъ волненій и бурной страсти съ ея постоянными капризными приливами и отливами. Герцогъ Анатолій не представлялъ для Лаллы никакого интереса; онъ бывалъ веселъ и любезенъ только съ графиней Джуліей, а съ дочерью разыгрывалъ роль строгаго отца и страшно серьезнаго политическаго дѣятеля. Во время прогулокъ и катаній, онъ все время говорилъ ей о политикѣ, а иногда даже читалъ цѣлыя безконечно длинныя рѣчи, заученныя имъ наизустъ для перваго засѣданія въ сенатѣ. Вообще герцогъ старался всѣми силами доказать дочери, что онъ пользуется несравненно бо́льшимъ значеніемъ и авторитетомъ, нежели ея мужъ. Въ обществѣ матери Лалла также очень скучала; болѣзненная и всегда грустная Марія надоѣдала молодой графинѣ своими вѣчными наставленіями и замѣчаніями. Она подолгу говорила съ дочерью объ ея обязанностяхъ въ отношеніи мужа и о священномъ долгѣ каждой жены и матери. Герцогиня говорила всегда искренно, горячо, глубоко прочувствованнымъ голосомъ, и Лалла, повидимому, внимательно слушала ее, но на самомъ дѣлѣ всегда думала о другомъ и нерѣдко скрывала зѣвоту подъ видомъ улыбки. Немудрено послѣ всего этого, что молодая женщина дорожила своей идилліей съ маркизомъ и находила въ ней весь смыслъ и весь интересъ своей теперешней жизни. Съ помощью разныхъ уловокъ и хитростей, влюбленнымъ удавалось видѣться довольно часто и они подолгу разговаривали между собой. Джакомо бывалъ у графини не болѣе двухъ разъ въ недѣлю; впрочемъ, изрѣдка ему удавалось быть даже чаще, когда делла-Валле уѣзжалъ въ деревню или

Digitized by Google

засѣдалъ въ совѣтѣ. Теперь Джорджіо всегда самъ спрашивалъ жену: не былъ ли у нея ди-Варé и замѣтно хмурился, когда она отвѣчала утвердительно, но никогда ничего не говорилъ. Лаллу очень забавляла вся эта исторія, и она съ удовольствіемъ поддразнивала своего мужа.

Зато маркизъ бывалъ чуть не ежедневно въ домѣ д'Эледа и тамъ, конечно, постоянно встрѣчался со своей возлюбленной. Это вполнѣ устраивало ихъ обоихъ, не порождало никакихъ толковъ и сплетень, и давало имъ возможность вдоволь наговориться. Ди-Варѐ умѣлъ тонко польстить честолюбію герцога Анатолія и потому былъ принятъ имъ съ распростертыми объятіями. Кромѣ того, Лалла и Джакомо часто назначали другъ другу свиданія у какихъ нибудь другихъ знакомыхъ, но дѣлали это съ большой осторожностью и никогда не рѣшались встрѣтиться гдѣ нибудь на улицѣ или въ магазинѣ. Однажды маркизъ рискнулъ предложить молодой женщинѣ хоть на полчаса зайти въ его маленькую холостую квартирку.—Ты будешь тамъ въ полной безопасности, — упрашивалъ онъ; но Лалла наотрѣзъ отказалась исполнить его просьбу и сказала, что «никогда не сдѣлаетъ такой *ужасной* вещи». Кромѣ всѣхъ этихъ встрѣчъ и свиданій, большимъ ресурсомъ для влюбленныхъ были также: театръ, кафе въ музыкальные вечера, концерты и разныя другія общественныя собранія. «Наивная малютка» Лалла очень ловко устраивала всѣ эти сложныя комбинаціи и даже научила своего опытнаго донъ-жуана вести тайную переписку посредствомъ постояннаго обмѣна книгъ. Всякое знаніе достается путемъ опыта—и графиня во время вспомнила свою интригу съ Фрасколини и рѣшила не брезгать такимъ простымъ, но очень вѣрнымъ способомъ переписки.

Она по романамъ знала, какъ опасно писать письма, а, чтобы ди-Варѐ не просилъ ее объ этомъ, она, въ видѣ извиненія, всегда говорила ему:—Милый мой, я часто берусь за перо, чтобы писать тебѣ, но всегда такъ волнуюсь при этомъ, что не могу собраться съ мыслями и связать вмѣстѣ двухъ словъ. Мнѣ стыдно, что я такая... глупая въ сравненіи съ тобой! Нѣтъ, я лучше не буду писать тебѣ, а то ты меня еще за что нибудь осудишь и, пожалуй, разлюбишь!.. Вѣдь ты такой умный, такой талантливый,—гдѣ ужь мнѣ равняться съ тобой!

Digitized by Google

Для Лаллы не существовало никакихъ воспоминаній; она жила всегда только настоящей минутой и безпощадно вырывала и бросала на вѣтеръ прошлыя странички своей жизни. Перебирая разныя мелочи въ ящикахъ своего письменнаго стола, графиня нашла однажды бирюзовое колечко, которое ей когда-то подарилъ Фрасколини и, чтобы отдѣлаться отъ него, отдала его маркизу *на храненіе*. Она сочинила ему, что получила это кольцо, въ день своего перваго причащенія, отъ старой тетки изъ Генуи и всегда свято хранила его, какъ воспоминаніе объ этомъ «чудномъ, незабвенномъ днѣ». Сантиментальность графини усиливалась съ каждымъ днемъ; она заставляла ди-Варѐ всегда носить при себѣ въ бумажникѣ маленькій серебрянный образокъ и, когда они оставались одни, каждый разъ сама вынимала бумажникъ у него изъ кармана, подробно осматривала въ немъ всѣ секреты и нѣсколько разъ подъ рядъ съ благоговѣніемъ цѣловала образокъ, а потомъ заставляла и маркиза цѣловать его. Джакомо не особенно охотно подчинялся этимъ требованіямъ, но Лалла добивалась своего только цѣною ласкъ и поцѣлуевъ. Послѣ этой «религіозной церемоніи», молодая женщина прятала образокъ въ бумажникъ, а бумажникъ клала обратно въ лѣвый карманъ сюртука своего возлюбленнаго и, обыкновенно, довольно долго держала свою руку у него на груди, чтобы сосчитать біеніе сердца. Однажды она прочла гдѣ-то въ молитвенникѣ очень красивую молитву *Ave Maria* въ стихахъ, переведенную съ испанскаго и, во что бы то ни стало, захотѣла, чтобы ди-Варѐ заучилъ ее наизустъ. Для этого она приказала ему стать передъ собою на колѣни и позволила взять себя за талію, а сама съ нѣжной улыбкой положила свои ручки ему на голову и, осыпая страстными поцѣлуями его губы, глаза и лобъ, столько разъ заставила его повторить молитву за собою, что онъ въ концѣ концовъ невольно выучилъ ее наизустъ.

Она задалась цѣлью во что бы то ни стало вернуть къ вѣрѣ такого застарѣлаго грѣшника, какъ Джакомо, и ради этого добраго дѣла жертвовала... даже собой! «Въ каждой борьбѣ приходится дѣлать уступки! тогда только и можно добиться хорошихъ результатовъ», — оправдывалась графиня передъ самой собою и твердо вѣрила, что Господь Богъ закроетъ глаза на ея маленькіе грѣшки и все проститъ ей за

Digitized by Google

это доброе дѣло. Недаромъ французы говорятъ, что — *la fin justifie les moyens*, но молодая женщина, вѣроятно, упала бы на этомъ скользкомъ пути, еслибы ей не помогло само провидѣніе.

Ди-Варѐ съ трудомъ боролся со своей страстью; Лалла измучила его своими ласками и полуобѣщаніями, такъ что онъ съ каждымъ днемъ становился все раздражительнѣе и раздражительнѣе, и не скрывалъ своего неудовольствія. — Такъ не можетъ дальше продолжаться! — говорилъ онъ своей возлюбленной;—за что ты меня такъ мучишь? Вѣрно не любишь?..— Лалла протестовала, со вздохомъ пожимала плечами, краснорѣчиво закатывала свои чудные глаза къ небу и... по прежнему не сдавалась. Джакомо не зналъ, что и дѣлать; онъ злился на себя за всю эту «глупѣйшую исторію», нервничалъ, а по временамъ чуть не плакалъ.

«Пора, пора покончить все это такъ или иначе... — твердилъ онъ себѣ чуть не ежедневно,—не хочетъ она быть моей, такъ я уѣду отсюда,—пускай остается одна».

Но маркизъ напрасно разсчитывалъ на свои силы,—Лалла слишкомъ умѣло и крѣпко привязала его къ себѣ, чтобы онъ могъ вырваться изъ-подъ ея власти и уѣхать.

Такъ обстояли дѣла, когда префекторша Боргиньяно вздумала дать городу большой балъ, по случаю своего собственнаго тезоименитства. Аристократія Боргиньяно не бывала на пріемахъ у префекта, — отчасти потому, что самъ префектъ принадлежалъ къ *львой* партіи, а главнымъ образомъ оттого, что на его вечерахъ бывало всегда черезчуръ смѣшанное общество, и братья Ластафарда говорили, что въ Миланѣ знать также не ѣздитъ на подобнаго рода собранія. Все высшее общество Боргиньяно состояло изъ очень знатныхъ, титулованныхъ, но разорившихся фамилій, которыя глубоко ненавидѣли этихъ *новыхъ богачей*, разныхъ *parvenus*, — ненавидѣли за то, что они порабощали все своими деньгами и даже скупали родовые дома и виллы обѣднѣвшихъ графовъ и князей. Безсильная знать всюду, гдѣ могла, мстила этимъ «выскочкамъ», «баловнямъ судьбы» и нарочно нигдѣ не показывалась вмѣстѣ съ ними, чтобы хоть щелкнуть ихъ по самолюбію и дать почувствовать силу и превосходство крови и рода надъ деньгами. Вслѣдствіе этого, ни одна изъ аристократокъ не поѣхала на

Digitized by Google

балъ къ префекту, но всѣ онѣ послали туда своихъ мужей, чтобы разузнать, кто тамъ былъ и какъ все было устроено. Многіе мужья, по своему общественному положенію и служебнымъ обязанностямъ, не могли отказаться отъ приглашенія префекта и принуждены были появиться въ его залахъ, хоть на нѣсколько минутъ. Всѣ эти господа держались совершенно отдѣльно отъ остальнаго общества и цѣлымъ кружкомъ переходили изъ комнаты въ комнату, точно боясь растеряться среди незнакомаго имъ люда. Они напоминали собой заговорщиковъ изъ Ballo in Maschera и вообще были очень комичны. Лалла, какъ дочь сенатора и жена депутата города, также должна была появиться у префекта; къ тому же она была слишкомъ умна и развита, чтобы примкнуть къ глухой демонстраціи другихъ дамъ, но изъ предосторожности все таки повезла съ собою на балъ графиню Джулію, чтобы какъ нибудь не остаться тамъ *одной*.

Впрочемъ, это была совершенно излишняя предосторожность, потому что, кромѣ нея,—также отчасти по обязанности, а отчасти добровольно, — должна была быть жена генерала Каландра́,—яркая папистка и аристократка въ душѣ. Она происходила изъ древняго рода польскихъ графовъ и, очень худенькая, уже не молодая, но страшно подвижная, любила проповѣдывать о принципахъ нравственности и запугивала своей строгостью молодыхъ адьютантовъ мужа. Генеральша всегда сама выбирала ихъ непремѣнно изъ холостыхъ офицеровъ и возлагала на нихъ совершенно особенныя обязанности, о которыхъ не упоминалось ни въ одномъ уставѣ. Кромѣ этой особы, на балу у префекта также должна была быть жена президента палаты, рожденная Бертю-ди-Сенъ-Флоринъ, глупая, некрасивая и страшно золотушная женщина; она любила всюду совать свой носъ, вѣчно сплетничала и безъ умолку болтала. Герцогъ Анатолій очень хотѣлъ, чтобы его жена поѣхала на этотъ балъ; вообще онъ сильно популярничалъ въ виду будущихъ выборовъ и старался заручиться большинствомъ голосовъ; но Марія не могла исполнить его просьбы: она чувствовала себя такъ плохо, что еле передвигала ноги и каждый вечеръ страдала отъ сильнѣйшей лихорадки.

«Я буду сегодня вечеромъ на балу у префекта», гласилъ *Le journal d'une femme*,—*Feuillet*,—посланный Лаллой Джа-

Digitized by Google

комо.—Не знаю, удастся ли мнѣ быть тамъ»,—отвѣтила пересланная отъ маркиза Conquête de Plassans. Ди-Варе, конечно, твердо рѣшилъ непремѣнно быть на балѣ, но нарочно отвѣтилъ такъ неопредѣленно, чтобы дать понять своей возлюбленной, что онъ на нее сердитъ.

Парадныя комнаты префекта были довольно скудно освѣщены и мизерно разукрашены для бала; меблировка отличалась своимъ полнымъ безвкусіемъ. Залы и гостинныя напоминали собой салоны какой нибудь плохенькой гостинницы, куда, въ виду экстраординарнаго торжества, ставили сборную мебель изо всего дома. Все было разныхъ фасоновъ и самыхъ не гармонирующихъ другъ съ другомъ цвѣтовъ и стилей. На лакеяхъ пестрѣли вылинявшія и потертыя ливреи, сами они были не выбриты и страшно не представительны. Приглашенныя дамы также не отличались особеннымъ изяществомъ и, за очень немногими исключеніями, всѣ были одѣты отвратительно,—вульгарно и пестро, какъ попугаи. Почтенныя супруги провинціальныхъ чиновниковъ, повидимому, задолго готовились къ этому балу; онѣ вытащили изъ своихъ комодовъ разныя допотопныя платья и обвѣсили себя фамильными драгоцѣнностями, въ родѣ нитокъ, коралловыхъ бусъ и медальоновъ изъ лавы Везувія. На открытыхъ корсажахъ ихъ гренадиновыхъ туалетовъ были всюду прилѣплены совершенно некстати разные пестрые банты, конечно, не идущіе по цвѣту ни къ платью, ни къ отдѣлкамъ. Эти банты страшно рѣзали глаза и производили почти такое же непріятное впечатлѣніе, какъ фальшивые звуки разбитаго и разстроеннаго рояля префекта. Между дамами было нѣсколько худыхъ высохшихъ мумій съ черными безобразно-тонкими и костлявыми оголенными руками и не менѣе костлявой грудью и спиной; но большинство поражало своей тучностью и прямо колоссальными формами. На жирныхъ спинахъ и шеяхъ всюду пестрѣли малиновые прыщи, неумѣло затертые пудрой, и изъ открытыхъ корсажей нестерпимо пахло потомъ и нечистоплотно содержимымъ тѣломъ. Такимъ ароматомъ отличались всѣ добродѣтельныя жены этихъ провинціаловъ; недаромъ говорится, что замужняя женщина только тогда не распускается и слѣдитъ за своей красотой, когда у нея есть любовники...

Лалла, Джулія, мадамъ Бертю и «генеральша» сидѣли въ

Digitized by Google

сторонѣ отъ другихъ, своимъ отдѣльнымъ кружкомъ. Къ нимъ примкнулъ вездѣсущій Джанни Ребальди и еще нѣсколько кавалерійскихъ офицеровъ, да два-три секретаря префектуры.

Лалла была очень весела, много смѣялась и, закрывшись вѣеромъ, все время передразнивала въ карикатурѣ лица проходящихъ мимо нея дамъ. Мадамъ Бертю презрительно фыркала своимъ длиннымъ горбатымъ носомъ, на все ворчала и безъ остановки разспрашивала обо всѣхъ и обо вся, страшно надоѣдая этимъ своимъ собесѣдницамъ. Она трещала безъ умолку, какъ заведенная машина, въ одномъ тонѣ: те-те-те,—те-те-те,—те,-те,-те... Ей все надо было знать: богата ли та дама въ зеленомъ, есть ли дѣти у той въ желтомъ, хорошо ли живетъ съ мужемъ вотъ эта въ лиловомъ и т. д... Она разспрашивала фамиліи и адресы всѣхъ проходящихъ мимо нихъ гостей, интересовалась портнихами Лаллы и Джуліи, узнавала цѣны ихъ матерій, цвѣтовъ и отдѣлокъ, и разсуждала обо всемъ съ такимъ комическимъ жаромъ, что, конечно, вызывала бы смѣхъ, еслибъ не такъ надоѣдала своей болтовней. Главной жертвой ея разспросовъ была бѣдная Джулія; молоденькая дѣвушка положительно не знала, какъ ей отдѣлаться отъ этихъ приставаній; она кокетничала съ четырьмя кавалерами разомъ и такъ была занята этимъ, что часто отвѣчала любопытной дамѣ совершенно невпопадъ, на что, конечно, та очень сердилась. Графъ делла-Валле разговаривалъ съ префектомъ о политикѣ, а герцогъ Анатолій водилъ по залѣ подъ руку жену знаменитаго адвоката, принадлежащаго къ демократической партіи, и старался не смотрѣть на Лаллу и Джулію, когда проходилъ мимо нихъ. Въ этотъ вечеръ д'Эледа говорилъ очень краснорѣчиво и плавно, — супруга адвоката не возбуждала его страстей и, глядя на нее, онъ ни разу не запнулся. Это была громадная женщина съ неимовѣрно толстыми и красными плечами и руками. На ея прическѣ торчалъ цѣлый пукъ бѣлыхъ страусовыхъ перьевъ и искусственныхъ цвѣтовъ съ золотыми листьями; по бѣлому шолковому платью шли ярко-зеленые разводы, а мѣстами, въ видѣ украшеній, были нашиты блестящія стальныя пуговицы. На шеѣ этого колосса красовались два ряда фальшивыхъ жемчуговъ, въ ушахъ висѣли стеклянныя серьги въ видѣ громадныхъ изумрудовъ, а спереди, у безобразно открытой и деформиро-

Digitized by Google

ванной груди, лифъ былъ заколотъ серебряной филиграновой брошкой, изображающей піацетту Санъ-Марка и лагуну. Ротъ жены адвоката поражалъ своей громадностью, надъ верхней губой чернѣли усики; всѣ зубы были испорчены, а носъ походилъ на большущую картофелину. Она сильно пудрила свои красно-рыжіе волосы, чтобы казаться блондинкой, и эта пудра цѣлымъ слоемъ лежала у нея на ушахъ, по плечамъ, на шеѣ, на рукахъ, и попадала на пластронъ рубашки герцога Анатолія. Онъ старался не глядѣть на свою даму, чтобы не видѣть всего ея безобразія и нечистоплотности, но по временамъ все таки съ отвращеніемъ посматривалъ на высунувшійся изъ-за ея лифа грязный, пропитанный потомъ, шнурокъ отъ корсета; онъ торчалъ сзади между жирными лопатками и спереди въ рюшахъ «дѣвственнаго» фишю, изъ-за котораго выступали далеко не апетитныя тайны дамскаго туалета. На красныхъ рукахъ этой величественной особы плотно сидѣли короткія бѣлыя лайковыя перчатки въ одну пуговицу и до локтей были унизаны всевозможные браслеты,—золотые, серебряные, черепаховые, изъ лавы Везувія и изъ коралловъ. Самодовольная супруга адвоката ходила большими размашистыми шагами и все время обмахивалась вѣеромъ изъ страусовыхъ перьевъ, который висѣлъ у нея спереди на тонкой никелевой цѣпочкѣ. Она горделиво прохаживалась по бальной залѣ, чтобы похвастаться своимъ знатнымъ кавалеромъ, и такъ была занята кружкомъ «противныхъ аростократокъ», что очень разсѣянно слушала любезности герцога Анатолія и почти не отвѣчала ему. «Злитесь, злитесь, я вамъ его не отдамъ»!—казалось, говорилъ ея побѣдоносный взглядъ. Въ благодушномъ и даже лучезарномъ настроеніи тучной дамы была только одна черная точка,—сознаніе, что за ней ухаживаютъ не ради ея самой, а ради ея мужа, маленькаго, худаго вертляваго горбуна. Фракъ комично сидѣлъ на немъ какимъ-то мѣшкомъ, крахмальный воротникъ рубашки лѣзъ чуть не въ самый ротъ и онъ или постоянно поправлялъ его, или засовывалъ пальцы въ носъ, точно для того, чтобы его бойкія и смѣлыя мысли какъ нибудь не вырвались этимъ путемъ изъ головы на волю. Упрямый и настойчивый въ своей общественной жизни, дома онъ, наоборотъ, дѣлался всегда страшно послушнымъ и покладистымъ, и никогда ни въ чемъ не перечилъ женѣ, а она,

Digitized by Google

изъ тщеславія, всегда хвасталась своей властью надъ этимъ маленькимъ Робеспьеромъ и всюду обращалась съ нимъ очень повелительно и даже грубовато.

Маркизъ ди-Варé вошелъ въ залу послѣднимъ, когда балъ уже былъ въ полномъ разгарѣ. Онъ остановился въ дверяхъ и сталъ разыскивать взглядомъ хозяйку дома, презрительно прищуривая свои красивые, холодные глаза, что̀, конечно, было не особенно вѣжливо по отношенію всего общества. Увидѣвъ префекторшу въ самой глубинѣ залы, въ одномъ изъ угловъ, Джакомо прямо подошелъ къ ней, небрежно пожалъ ей руку и, казалось, сказалъ ей своимъ скучающимъ видомъ и тонкой улыбкой: «Да, здѣсь очень скучно и мнѣ отъ души жаль васъ»! Потомъ онъ прошелъ мимо префекта, разсѣянно кивнулъ ему головой и снова остановился, разыскивая кого-то глазами; наконецъ, отыскалъ отдѣльно сидящій избранный кружокъ и сталъ медленно пробираться къ нему между танцующими парами, стараясь не толкнуть кого нибудь локтемъ и не наступить на чей нибудь шлейфъ. Маркизъ молча поклонился Лаллѣ, генеральшѣ и Джуліи, и съ усталымъ видомъ усѣлся около этой послѣдней. Онъ не обратилъ никакого вниманія на свою возлюбленную, чѣмъ очень огорчилъ ее; отобравъ у молоденькой дѣвушки ея кружевной вѣеръ и, обмахиваясь имъ, сталъ любезно нашептывать ей что-то, чѣмъ привелъ въ полное смущеніе и недоумѣніе юныхъ ухаживателей хорошенькой графини. Они повскакали со своихъ мѣстъ, и мало-по-малу, незамѣтно удалились, а Джанни Ребальди пересѣлъ къ мадамъ Бертю, которая тотчасъ же начала его разспрашивать про года̀, положеніе и состояніе маркиза Джакомо. Джанни Ребальди страшно завидовалъ ди-Варе и можно даже сказать: прямо ненавидѣлъ его; онъ разсказалъ любопытной дамѣ все, что̀ зналъ дурнаго про маркиза и, конечно, главнымъ образомъ распространился о его долгахъ. Синьора Бертю отнеслась довольно равнодушно къ перечисленію этихъ долговъ: у нея самой было ихъ немало, зато она нахмурилась, когда старый сплетникъ сказалъ ей, что ди-Варе самъ присвоилъ себѣ титулъ маркиза, и была окончательно скандализирована, узнавъ о любовныхъ похожденіяхъ Джакомо; вѣдь родъ Бертюди-Сенъ-Флоринъ всегда славился своей нравственностью, по крайней мѣрѣ, на словахъ.

Digitized by Google

Графиня Джулія была удивительно хороша и интересна въ этотъ вечеръ; ди-Варе очень ухаживалъ за нею и все время смѣшилъ ее, чтобы любоваться ея влажными смѣющимися губками и ровными, ослѣпительно-бѣлыми зубками. Лалла въ душѣ ревновала Джакомо къ подругѣ и сердилась на него, но не смѣла этого показать и лишь изрѣдка обращалась къ нему съ какимъ нибудь незначительнымъ вопросомъ. Маркизъ всякій разъ отвѣчалъ ей очень разсѣянно, даже небрежно, и тотчасъ же снова начиналъ шептаться со своей хорошенькой сосѣдкой. Префекторша постоянно подходила къ избранному кружку, вмѣшивалась въ разговоръ и просила «милыхъ дамъ» составить свой *carré* въ *lanciers*; вообще, она всѣми силами старалась показать, что вполнѣ понимаетъ разницу общественнаго положенія между избраннымъ кружкомъ и всей остальной компаніей, и сама очень скучаетъ въ обществѣ *этихъ* дамъ, но, какъ хозяйка, принуждена быть съ ними любезной. Къ разговаривающимъ вскорѣ подошли также префектъ, генералъ Коландрà, графъ делла-Валле и герцогъ Анатолій; всѣ они избавились отъ своихъ скучныхъ общественныхъ обязанностей и съ облегченіемъ вздохнули, очутившись, наконецъ, въ своемъ кругу, такъ сказать, *en famille*; начался общій оживленный разговоръ, прерываемый взрывами смѣха и веселыми шутками.

Джулія первая покинула эту веселую компанію,—ей хотѣлось пить и ди-Варѐ подъ руку повелъ ее въ буфетъ. — Они оставались тамъ довольно долго, продолжая нѣжно перешептываться между собой; Джулія нарочно кокетничала съ маркизомъ, чтобы возбудить ревность своихъ застѣнчивыхъ ухаживателей и этимъ, можетъ быть, заставить ихъ признаться въ любви. Джакомо также не безъ задней мысли разыгрывалъ всю эту комедію; онъ, какъ опытный игрокъ, твердо зналъ всѣ ходы и нарочно сердилъ Лаллу, чтобы вывести ее изъ себя и потомъ, послѣ примиренія, воспользоваться ея слабостью. Графиня делла-Валле, дѣйствительно, долго не вытерпѣла и побѣжала за своимъ возлюбленнымъ въ буфетъ; герцогъ Анатолій также послѣдовалъ за нею; онъ ни на минуту не терялъ изъ глазъ хорошенькую Джулію и дрожалъ надъ нею, какъ скупой надъ своими сокровищами. Лалла нервничала и уже не вѣрила, какъ прежде, въ свои силы; она поссорилась съ мар-

Digitized by Google

кизомъ наканунѣ и теперь не знала, чего ей ждать отъ него. Джорджіо долженъ былъ уѣхать въ деревню на слѣдующій день послѣ бала, и Джакомо просилъ у Лаллы позволенія прійти къ ней на цѣлый день; молодая женщина побоялась остаться съ нимъ наединѣ и отказала, — это и было причиною ссоры влюбленныхъ.

Изъ бальной залы доносились въ буфетъ звуки веселаго вальса, оживленные голоса танцующихъ и шелестъ шолковыхъ платьевъ. Маркизъ съ нѣжной улыбкой наклонился къ Джуліи и пригласилъ ее танцовать. Молодая дѣвушка видимо обрадовалась этому и тотчасъ положила руку ему на плечо; онъ сжалъ въ своихъ объятіяхъ ея тонкую талію, а она томно склонилась къ нему и красивая пара плавно унеслась въ вихрѣ вальса и исчезла въ пестромъ водоворотѣ танцующихъ. Черезъ нѣсколько минутъ они снова вернулись въ буфетъ, но на этотъ разъ уже подъ руку; Джулія вся еще трепетала отъ испытаннаго удовольствія; ея грудь бурно вздымалась; на щекахъ пылалъ яркій румянецъ и глаза подернулись страстной влагой.

Герцогъ Анатолій окончательно вышелъ изъ себя, при видѣ этого опаснаго и продолжительнаго флирта, и рѣшилъ разомъ прекратить его; онъ подошелъ къ Джуліи, деспотично взялъ ее подъ руку и повелъ въ залу, гдѣ посадилъ на старое мѣсто, рядомъ съ синьорой Бертю. Такимъ образомъ, Лалла и ди-Варѐ случайно остались одни въ буфетѣ и первое мгновеніе оба замѣтно смутились. Вокругъ нихъ толпилось много народа, но все это были совершенно незнакомые имъ люди, такъ что они могли нисколько не стѣсняться ихъ присутствіемъ и смѣло говорить про свои дѣла.

— Нехорошій, злой...—чуть слышно прошептала Лалла.

Джакомо пристально взглянулъ ей въ глаза, но ничего не отвѣтилъ. Въ залѣ кончили танцовать вальсъ, и неутомимый таперъ подалъ анонсъ къ *lanciers;* пары становились на мѣста и весело переговаривались между собой.

— Вы уже танцуете это *lanciers*, графиня? — спросилъ, наконецъ, ди-Варѐ слегка дрожащимъ голосомъ.

Лалла молча подняла на него свои чудные глаза; они были полны слезъ и отъ этого казались еще прекраснѣе, еще лучистѣе.

Digitized by Google

— Вы уже танцуете?—повторилъ маркизъ свой вопросъ.

— Да... съ тобой!

Джакомо предложилъ ей руку и Лалла такъ сильно вонзилась своими перламутровыми ноготками въ его мускулы у локтя, что онъ даже поблѣднѣлъ отъ боли, но тотчасъ же ласково улыбнулся и нѣжно прижалъ къ себѣ обнаженную руку графини. Миръ былъ заключенъ. Генеральша Каландра, мадамъ Бертю и Джулія уже стояли на мѣстахъ со своими кавалерами и ожидали Лаллу, чтобы составить аристократическій *carré*. Надо сказать, что этотъ *carré* былъ далеко не образцовымъ въ смыслѣ порядка; Джанни Ребальди самъ не танцовалъ, но все время врывался въ *carré*, мѣшалъ танцующимъ парамъ и производилъ страшную путаницу и неурядицу. Лалла и Джулія хохотали до упаду, глядя на его толстую неуклюжую фигуру. Во время *traverses* или *retraverses*, *demi-ronde* и *tour de mains* онъ самъ дирижировалъ вполголоса, говорилъ все шиворотъ на выворотъ, смѣшилъ всѣхъ своими замѣчаніями и страшно радовался, когда ему удавалось сбить всѣхъ съ толку и окончательно перепутать фигуру.

Дамы веселились отъ души; онѣ гоняли Джанни Ребальди вѣерами, звали префекторшу, чтобы она приказала ему уйти и не мѣшать имъ, и вообще были очень довольны затѣянной возней. Только синьора Бертю не обращала вниманія на эти «неприличныя выходки» и продолжала серьезно и чинно выдѣлывать всѣ па и реверансы, какъ достойная представительница древняго и чопорнаго рода Бертю ди-Сенъ-Флоринъ. Другія карэ съ удивленіемъ смотрѣли на шумное веселье аристократовъ. Дамы дѣлали серьезныя лица и старались показать хозяйкѣ дома, что онѣ очень скандализированы непривычнымъ зрѣлищемъ, но въ душѣ, конечно, страшно завидовали этому веселью. Лалла позабыла всякую осторожность: она все время шепталась съ ди-Варѐ, уходила съ нимъ гулять подъ руку, во время перерывовъ между фигурами, и никого и ничего не слушала. Эта разсѣянная парочка влюбленныхъ постоянно не вѐ-время начинала, все путала, садилась, когда надо было вставать и наоборотъ; другіе танцующіе то и дѣло окликали ихъ. Когда, по командѣ дирижера, Лаллѣ приходилось давать свою руку другому кавалеру, она продолжала знаками переговариваться съ Джакомо, а иногда даже говорила съ нимъ

Digitized by Google

прямо, имъ однимъ понятными полунамеками. Джорджіо не спускалъ глазъ съ жены и все больше и больше хмурился. Жара въ бальной залѣ все усиливалась, а вмѣстѣ съ нею росло и оживленіе танцующихъ. Во время одного изъ *chassez-croisez*, Джанни Ребальди удалось отбить даму у какого-то неопытнаго кавалера и стать на его мѣсто. Въ *tour de mains* и *chaîne* Лалла крѣпко пожимала руку ди-Варѐ и даже вонзалась въ нее своими острыми ноготками, а другимъ кавалерамъ небрежно протягивала только два пальца. Веселье и общая путаница достигли своего апогея во время финальнаго *chaîne* послѣдней фигуры. Одни бросались въ одну сторону, другіе въ другую, сталкивались лицомъ къ лицу, смѣялись, кричали и бѣсновались, какъ безумные. Веселая музыка кружила головы и опьяняла, какъ старое вино. Обнаженныя руки и плечи, распущенные бѣлокурые и темные локоны, яркія развѣвающіяся платья, фраки, ленты, цвѣты, — все это кружилось въ страшномъ водоворотѣ, на мгновеніе останавливалось, церемонно раскланивалось другъ съ другомъ, а потомъ снова начинало свою бѣшеную пляску. У нѣкоторыхъ страшно горѣли щоки, другіе наоборотъ были блѣдны, какъ смерть; постоянныя рукопожатія и соприкосновеніе разгоряченныхъ тѣлъ возбуждали нервы, а въ ушахъ все звенѣлъ то-и-дѣло повторяющійся настойчивый основной мотивъ *lanciers*, и его серебристыя ноты подзадоривали танцующихъ.

Мадамъ Бертю вышла изъ карэ до окончанія танца. Когда послѣдніе веселые звуки замерли и пары стали расходиться, Джанни Ребальди, весь красный и мокрый отъ пота, кинулся въ буфетъ, захватилъ тамъ нѣсколько штукъ пирожнаго и бутылку марсалы, и въ изнеможеніи опустился въ кресло, чтобы отдохнуть и закусить. Его крахмальная сорочка вся размякла, галстукъ свернулся на сторону, и самъ онъ представлялъ довольно жалкую фигуру. Онъ старался молодиться, но силъ не было выдержать до конца, года сказывались и брали свое...

Лалла гуляла подъ руку съ Джакомо. Ея маленькая подвижная фигурка вся трепетала еще отъ испытаннаго наслажденія; это шумное лансье опьянило графиню не меньше сладострастнаго вальса; ея грудь бурно вздымалась; на щекахъ пылалъ яркій румянецъ, глаза лихорадочно блестѣли... Маркизъ

Digitized by Google

повелъ ее въ гостинную на прежнее мѣсто, гдѣ уже засѣдали Джулія, генеральша и мадамъ Бертю.

— Значитъ... до завтра, да... — чуть слышно прошепталъ ди-Варѐ.

Лалла изподлобья взглянула на него робкимъ, влюбленнымъ взглядомъ, еще нѣжнѣе прижалась къ его рукѣ и молча опустила голову.

— Я приду въ два часа... хорошо?—продолжалъ настаивать маркизъ.

Графиня глухо прошептала: «да», но опять таки даже не взглянула ему въ лицо. Это *да* пронеслось по всѣмъ жиламъ Джакомо, какъ горячая волна, и онъ весь вздрогнулъ отъ прилива страсти. Маркизъ довелъ свою даму до мѣста, почтительно поклонился ей, обошелъ другія комнаты, сказалъ два три слова то съ тѣмъ, то съ другимъ, и очень скоро уѣхалъ съ бала.

— О чемъ это ты такъ долго разговаривала съ синьоромъ ди-Варѐ? онъ, вѣроятно, сообщалъ тебѣ что нибудь очень важное?—спросилъ Джорджіо свою жену, когда они вернулись къ себѣ послѣ бала и Лалла начала раздѣваться въ спальнѣ.

— Мнѣ пришла въ голову блестящая мысль,—я хочу его женить на Джуліи,—развязно отвѣтила она.

— Пожалуйста, не выдумывай такихъ глупостей!.. Брось эти затѣи... Хорошъ женихъ, нечего сказать! Промотавшійся кутила и развратникъ!.. Запомни разъ навсегда, что чѣмъ меньше ты будешь разговаривать съ нимъ, тѣмъ мнѣ будетъ пріятнѣе.

Сердитый и холодный тонъ графа делла-Валле и его строгія слова разсердили Лаллу; она вся еще была пьяна сладкими воспоминаніями чудно проведеннаго вечера. Мужъ показался ей нехорошимъ, злымъ, жестокимъ человѣкомъ и, отъ сравненія съ нимъ, Джакомо сталъ еще дороже и милѣе ея сердцу.

— Я не хочу и не могу дѣлать невѣжества тебѣ въ угоду, мой милый другъ,—отвѣтила она со злобной усмѣшкой; — за что обижать человѣка, который былъ всегда другомъ моихъ родителей и замѣчательно хорошо и почтительно относится ко мнѣ? Распоряжайся самъ... Вѣдь ты глава дома! выгоняй его... Пользуйся своимъ правомъ сильнаго, но, пожалуйста, оставь меня въ покоѣ: не тебѣ меня перевоспитывать!

Digitized by Google

Молодая женщина вышла изъ себя; ей случалось уже не разъ такъ сердиться на мужа; обыкновенно Джорджіо тотчасъ же просилъ прощенія, ласкалъ ее, и они мирились, но на этотъ разъ онъ даже не обратилъ вниманія на недовольство Лаллы, молча раздѣлся, легъ въ постель и сталъ читать. Графиня долго стояла на колѣняхъ, молилась и клала земные поклоны, потомъ перецѣловала всѣ свои образа и разные амулеты у изголовья, нѣсколько разъ перекрестилась, граціозно вскочила на кровать и нырнула подъ одѣяло. Джорджіо даже не взглянулъ на нее и продолжалъ читать свою книгу. Такое упорство поразило Лаллу; она не привыкла къ нему и на мгновеніе смутилась.

На самомъ дѣлѣ Джорджіо и не думалъ читать свои «законы»,—онъ все время размышлялъ объ отвѣтѣ жены и объ ея отношеніяхъ къ маркизу. Лалла была права: ди-Варѐ считался другомъ семьи д'Эледа, другомъ Маріи!.. Прежнія подозрѣнія снова шевельнулись въ душѣ делла-Валле; онъ тщетно старался отогнать ихъ отъ себя, но по неволѣ вспоминалъ одно далекое утро въ Санто-Фьоре, платановую рощу и двѣ фигуры верхомъ. Джорджіо еще довольно долго фантазировалъ на эту тему и въ концѣ концовъ, какъ и всегда, рѣшилъ, что все это невозможно, нелѣпо, безумно... «Да, да я не имѣю права подозрѣвать такую женщину, какъ Марія»,—повторялъ онъ себѣ.

«У нея и крови нѣтъ въ жилахъ; это ледяная статуя... Она не можетъ увлечься, не можетъ полюбить. Сомнѣваться въ честности этой женщины?.. Да я самъ такъ въ нее вѣрю, что готовъ за нее прозакладывать мою жизнь, мою душу»!

«Они разговаривали о Джуліи, вотъ и все...—успокоилъ онъ себя черезъ мгновеніе.—Ди-Варѐ не ухаживаетъ за Лаллой; она сама, конечно, разсказала бы мнѣ все, еслибы это было такъ. Перестать его принимать?.. Да, это легко сказать, но не такъ-то легко сдѣлать... Поднимутся разныя сплетни, толки, предположенія... Всѣмъ вѣдь рты не зажмешь! Только по-пусту скомпрометируешь свою честь и честь жены. Маркиза не проймешь намеками; онъ прекрасно чувствуетъ и понимаетъ, что я его не терплю, и все таки въ усъ себѣ не дуетъ и продолжаетъ бывать у насъ, какъ ни въ чемъ не бывало... Конечно... Еслибы я что нибудь замѣтилъ... тогда расправа коротка!

Digitized by Google

Убью его, какъ собаку, изъ револьвера... Бѣдняжка Лалла! Такая добрая, чистая, прекрасная, а я ее подозрѣваю. Нѣтъ, ангелъ мой, нѣтъ, ты невинна, я знаю, я вѣрю въ тебя, какъ въ Бога, но вѣдь люди такъ злы, они во всемъ видятъ дурное... О, еслибы я могъ тебя унести далеко, далеко, жить съ тобой вдали отъ свѣта, вдвоемъ, только вдвоемъ!.. — Растроганный этими мыслями, Джорджіо обернулся къ женѣ, чтобы посмотрѣть, какъ она спитъ; Лалла лежала на спинѣ и спала спокойно, какъ ребенокъ, со сложенными на груди руками и улыбающимся полуоткрытымъ ротикомъ; распущенные бѣлокурые волосы окружали ея личико точно золотымъ ореоломъ. Графъ долго смотрѣлъ на нее съ нѣжной и горячей любовью во взглядѣ; всѣ его мрачныя мысли мало-по-малу разсѣивались при видѣ этого дорогаго лица... Ему не хотѣлось будить «свою дѣвочку», онъ затаилъ дыханіе и осторожно коснулся губами ея пурпуроваго ротика; потомъ снова долго, долго смотрѣлъ на нее... Она дышала все также ровно и спокойно, все также сладко спала, наивно улыбаясь во снѣ. Тогда Джорджіо глубоко вздохнулъ, потушилъ свѣчку и отвернулся, чтобы заснуть. Лалла только этого и ждала, она и не думала спать и въ темнотѣ раскрыла свои громадные глаза... «Бѣдняга, онъ все также влюбленъ въ меня»!—подумала молодая женщина съ лукавой улыбкой.

(Окончаніе будетъ).

Digitized by Google

Прощаніе съ молодостью.

О, молодость моя, куда умчалась ты?
Гдѣ птицей рѣзвою отъ взоровъ схоронилась?
Я вспомнилъ о тебѣ, и вспыхнули мечты
И сердце, пробудясь, такъ сладостно забилось.

Куда умчалась ты? Кто скажетъ мнѣ о томъ?
Кто свѣтлый образъ твой вернетъ мнѣ изъ былаго?
Ужь старость хмурая съ дряхлѣющимъ челомъ
На путь вступаетъ мой печально и сурово.

Явись, и отгони ее, старуху, прочь!
Я слышу, какъ вдали костыль ея грохочетъ;
Она несетъ съ собой безрадостную ночь—
Сомнѣній и тоски—и въ грудь проникнуть хочетъ.

Явись же на пути, какъ лучезарный богъ,
И свѣтомъ отгони мракъ старости унылой.
Я жить еще хочу средь сладостныхъ тревогъ,
А старость, какъ недугъ, страшитъ меня могилой!

Л. Афанасьевъ.

Digitized by Google

Государственный актъ первостепенной важности.

Въ №№ 170 и 171 «Правительственнаго Вѣстника» напечатанъ государственный актъ первостепенной важности, но на который большинство читателей не обратило, конечно, вниманія, по незнанію предшествующихъ обстоятельствъ. Этотъ актъ есть «Высочайше утвержденное положеніе о мѣрахъ и вѣсахъ». Оно уберегло для русскаго народа его древнее, отъ предковъ наслѣдованное достояніе: его пуды и фунты, его аршины, сажени, версты и десятины, его бочки, ведра и штофы, его четверти, четверики и гарнцы, которыми нашъ народъ цѣлые вѣка мѣрилъ и вѣсилъ свое имущество и которыхъ едва не отняли у него непризванные благодѣтели, желающіе играть роль реформаторовъ въ Россіи. Еще въ 1884 году, въ Императорскомъ Техническомъ Обществѣ, извѣстный керосино-заводчикъ Нобель (нынѣ уже умершій) возбудилъ вопросъ о необходимости ввести метрическія мѣры въ Россіи, на томъ основаніи, что во всей Европѣ только русскіе не пользуются благодѣяніемъ этой системы (Нобель упустилъ изъ виду, что и Англія остается при своей старой системѣ мѣръ). Сейчасъ же, по порученію Общества, составлена была и книжка, превозносившая достоинства этой системы, а въ «St.-Petersburger Zeitung» явился цѣлый рядъ статей, посвященныхъ той же цѣли. Изданъ былъ даже ариѳметическій задачникъ съ метрическою системою мѣръ, долженствовавшій подготовить учениковъ нашихъ учебныхъ заведеній ко введенію этихъ мѣръ въ Россіи. Учебникъ этотъ былъ даже одобренъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, которое, значитъ, склонялось въ пользу введенія въ Россіи метрической системы и считало этотъ вопросъ

Digitized by Google

какъ бы рѣшеннымъ въ принципѣ. Наконецъ, даже въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» появились статьи (въ №№ 267 и 268, 1887 г.), настаивавшія на неотложности введенія у насъ этой системы и прославлявшія его достоинства. Хотя статьи эти не имѣли ни малѣйшаго достоинства ни со стороны фактовъ, невѣрно сообщенныхъ, ни со стороны сужденій, крайне нелогичныхъ, тѣмъ не менѣе при той легкости, съ какою вводятся у насъ всякія реформы, какъ скоро онѣ приняты подъ покровительство тѣмъ или другимъ министерствомъ, казалось, что не сегодня-завтра нашему народу придется проститься съ его древними фунтами, пудами, саженями и десятинами, и перейти къ килограммамъ, метрамъ и гектарамъ. Поэтому мнѣ казалось настоятельно нужнымъ, прежде чѣмъ правительство приметъ такую рѣшительную и безповоротную мѣру,—разсмотрѣть ее съ существенной стороны, именно: есть ли какая нибудь необходимость и польза дѣлать такую ломку въ народной жизни, задѣвающую повседневныя и самыя насущныя потребности населенія, каковы мѣры и вѣсы всѣхъ житейскихъ предметовъ? Чтобы подойти къ вопросу съ этой существенной стороны, нельзя было, конечно, ограничиться выписками изъ французскихъ книгъ, трактовавшихъ объ этомъ предметѣ, какъ сдѣлано въ упомянутыхъ выше статьяхъ и брошюрѣ, но слѣдовало удостовѣриться на простыхъ обиходныхъ примѣрахъ, какъ придется вычислять длину, вѣсъ и пр. милліонамъ нашего грамотнаго и полуграмотнаго народа, когда будутъ введены метры, килограммы и другія метрическія мѣры. Чтобы разъяснить вопросъ со сказанной практической стороны и предупредить ломку нашихъ старинныхъ мѣръ, мною была написана статья: «О введеніи метрической системы мѣръ въ Россіи», помѣщенная въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» 1888 г. въ № 67. Послѣ появленія моей статьи, попытки ко введенію метрической системы мѣръ заглохли; но въ 1895 году Техническое общество рѣшилось дѣйствовать болѣе настойчиво, чѣмъ прежде: въ своемъ засѣданіи 18 октября оно единогласно постановило ходатайствовать передъ министромъ финансовъ о скорѣйшемъ введеніи въ Россіи метрической системы. Въ составъ комисіи, которая должна была формулировать сказанное ходатайство, приглашены были представители: академіи наукъ, русскаго физическаго общества, университета

Digitized by Google

и другихъ учрежденій и ученыхъ обществъ. Мы, однако, полагали, что пока правительствомъ не рѣшено въ принципѣ ввести въ Россіи метрическія мѣры, до тѣхъ поръ вопросъ этотъ вовсе не является техническимъ, требующимъ особыхъ вычисленій, справокъ и таблицъ, а есть вопросъ чисто государственный, въ которомъ на первомъ планѣ стоитъ удобопримѣнимость этой системы къ потребности населенія и опасеніе произвести черезъ ея введеніе сумятицу въ народной жизни и во всѣхъ актахъ владѣнія и пользованія поземельными имуществами. Поэтому, я почелъ нужнымъ еще разъ, въ 1896 году, припомнить мои прежнія соображенія по поводу этого вопроса, ибо въ теченіе восьми лѣтъ, прошедшихъ со времени появленія моей первой статьи, они могли быть забыты, а, быть можетъ, и вовсе не были извѣстны новымъ лицамъ, стоявшимъ тогда во главѣ тѣхъ частей, въ сферу которыхъ входитъ разсмотрѣніе и рѣшеніе этого вопроса. По этимъ соображеніямъ, я вновь напечаталъ мои возраженія противъ введенія въ Россіи метрической системы мѣръ и помѣстилъ ихъ въ журналѣ «Русское Обозрѣніе» №№ 3 и 4 1896 года. Въ этихъ двухъ статьяхъ я, во-первыхъ, доказываю, что для лицъ неграмотныхъ или, по крайней мѣрѣ, незнакомыхъ съ десятичными дробями, вычисленія съ нашими русскими мѣрами совершаются гораздо проще, чѣмъ съ французскими метрическими, къ которымъ, напр., итальянскій народъ доселѣ еще не можетъ привыкнуть, хотя онѣ введены тамъ назадъ тому 50 лѣтъ. Во-вторыхъ, черезъ введеніе новой системы мѣръ, всѣ установившіяся жизнью соотношенія между величиною или вѣсомъ предметовъ и ихъ цѣною будутъ спутаны. Народу никогда не понять, что если цѣна ржи была примѣрно 4 р. 25 к. за четверть, то какая должна быть цѣна за гектолитръ (какъ бы онъ ни былъ названъ при предлагаемой реформѣ); если аршинъ сукна стоитъ 1 р. 75 к., то сколько долженъ стоить метръ, и т. д. Воспользуются этою путаницею лавочники, подрядчики и кулаки во вредъ покупателямъ, производителямъ и рабочему люду. Наконецъ, я ставилъ на видъ, что со введеніемъ новой поземельной мѣры, замѣняющей нашу русскую десятину, всѣ документы по владѣнію землею и залогу ея въ кредитныхъ установленіяхъ,—то есть, купчія крѣпости, планы, залоговыя свидѣтельства и проч., всѣ установленныя прави-

Digitized by Google

тельствомъ и земскими учрежденіями поземельныя оцѣнки и цифры налоговъ; наконецъ, всѣ сельско-хозяйственные разсчеты по земледѣлію и лѣсоводству,—должны подвергнуться ломкѣ. Это произвело бы въ поземельномъ владѣніи весьма опасную путаницу. Подобнаго же рода соображенія были причиною, что самыя практическія страны въ мірѣ,—Англія и Сѣверо-Американскіе Штаты,—не ввели у себя метрической системы, а остались при своихъ старыхъ мѣрахъ, хотя международныя торговыя отношенія этихъ государствъ, по своей обширности, не имѣютъ подобныхъ себѣ на земномъ шарѣ. Эти два народа хорошо понимаютъ, что для международныхъ торговыхъ отношеній существуютъ купеческія конторы, для которыхъ ничего не стоитъ, по печатнымъ таблицамъ, перелагать квартары и бушели въ русскія четверти;. центнеры—въ пуды; фунты стерлинговъ—въ рубли и обратно, какъ это дѣлается и у насъ во всѣхъ торговыхъ городахъ. Но было бы неразумно, для удобства однѣхъ купеческихъ конторъ, *затруднять все населеніе страны* введеніемъ новой искусственной и трудной для народа системы мѣръ. Правда, и въ Англіи были доктринеры и люди, смотрѣвшіе на весь міръ съ точки зрѣнія выгодъ своихъ купеческихъ конторъ, которые настаивали на введеніи десятичной системы мѣръ; но первостепенные умы,—какъ знаменитые англійскіе астрономы: Джонъ Гершель и Эйри,—убѣдительнѣйшимъ образомъ доказали, что десятичная система, удобная для ученыхъ цѣлей, будетъ крайне затруднительна для общенароднаго употребленія. Къ мнѣнію Гершеля и Эйри присоединились и другіе извѣстнѣйшіе англійскіе ученые.

Едва ли нужно упоминать о томъ, что для удовлетворенія научныхъ цѣлей нѣтъ никакой надобности вводить метрическую систему въ общенародное употребленіе въ Россіи, ибо русскимъ ученымъ ничто не препятствуетъ,—какъ они уже и дѣлаютъ, — употреблять миллиметры для барометрическихъ и всякихъ другихъ мелкихъ измѣреній; стоградусный термометръ Цельсія — для измѣренія температуры, и граммы—для взвѣшиванія въ физикѣ и химіи. Въ учебныхъ руководствахъ, въ чертежахъ и справочныхъ книжкахъ, обращающихся среди людей образованныхъ, метрическія мѣры также могутъ быть безпрепятственно употребляемы въ Россіи; но этимъ нисколько не вызывается надобность вводить ихъ во всенародное упо-

Digitized by Google

требленіе. Въ урочномъ положеніи, во всѣхъ строительныхъ смѣтахъ количество матеріаловъ и число рабочихъ дней показывается у насъ издавна въ десятичныхъ доляхъ, для облегченія вычисленій: слѣдовательно, тамъ, гдѣ нужно, удобства десятичнаго счисленія легко примѣнимы и къ нашимъ русскимъ мѣрамъ.

Послѣ появленія второй моей статьи противъ введенія метрической системы въ Россіи, Императорское Русское Техническое Общество нѣсколько разъ заявляло въ газетахъ и журналахъ, что оно пріобрѣло своему проэкту полное сочувствіе не только ученыхъ учрежденій, но и самыхъ высшихъ лицъ правительства, и не сомнѣвается въ скоромъ осуществленіи своей мысли. Людямъ, не сочувствующимъ такой ломкѣ нашихъ мѣръ и вѣсовъ, оставалось только съ сокрушеннымъ сердцемъ примириться съ печальною дѣйствительностью. Вдругъ 6-го августа появилось въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» Высочайшее повелѣніе, отъ 4-го іюня 1899 года, возвѣстившее *неприкосновенность нашихъ древнихъ мѣръ и вѣсовъ*, и выраженное съ ясностью и опредѣлительностью, рѣдко встрѣчающимися въ нашемъ новомъ законодательствѣ.

Главнѣйшіе пункты Высочайше утвержденнаго, 4-го іюня 1899 г., Положенія о мѣрахъ и вѣсахъ суть слѣдующіе: *Ст. 1.* Основаніемъ россійскихъ мѣръ и вѣсовъ (массы) служитъ фунтъ, согласованный съ платиновымъ образцомъ 1835 года. *Ст. 2.* Россійскій фунтъ содержитъ 96 золотниковъ [1]), или 32 лота; золотникъ—96 долей. 40 фунтовъ составляютъ пудъ. *Ст. 3.* Основаніемъ россійскихъ линейныхъ мѣръ служитъ аршинъ, согласованный съ двадцатью восемью англійскими дюймами и выраженный въ образцовомъ нарѣзномъ аршинѣ 1894 г.

Затѣмъ въ Положеніи слѣдуетъ перечисленіе и точнѣйшее опредѣленіе остальныхъ единицъ измѣренія.

Все это Положеніе занимаетъ менѣе одной страницы «Правительственнаго Вѣстника», тогда какъ, при введеніи метриче-

---

[1]) Замѣтимъ, что ни одно число отъ единицы до 180 не имѣетъ столько дѣлителей сколько 96.

Digitized by Google

ской системы во Франціи, напечатаны были цѣлыя груды брошюръ для переложенія старыхъ мѣръ на новыя, и французскій народъ долго и упорно продолжалъ употреблять старыя мѣры. Съ 1-го января 1840 года французское правительство рѣшилось воспретить совершенно употребленіе старыхъ мѣръ; но онѣ, какъ извѣстно, и доселѣ еще продолжаютъ держаться въ народѣ, въ образѣ льё, туазовъ, аршинъ (aunes), фунтовъ (livres-poids), су и проч.

Ѳ. Еленевъ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Закрытіе гаагской конференціи.—Результаты ея.—Продолжающаяся комедія военнаго суда въ Реннѣ.—Безсиліе французской центральной власти.—Обличительныя показанія свидѣтелей и «запирательство» Дрейфуса. — Попытка Лабори прибѣгнуть къ помощи иностранцевъ для защиты Дрейфуса.—35 мил. франковъ, пожертвованныхъ англійскими и нѣмецкими жидами для обѣленія Дрейфуса. — Всемірный кагалъ, распоряжающійся судьбами Франціи.—Пробуждающаяся во французскомъ народѣ ненависть къ жидамъ.—Повтореніе исторіи паденія Польши. — «Пострадавшій» Лабори. — Торжество правды въ дѣлѣ Дрейфуса. — Арестъ Деруледа и его сообщниковъ.—«Крѣпость» въ улицѣ Шаброль. — Симпатіи французскаго народа къ Герену.—Почему г. Вальдекъ-Руссо медлитъ взятіемъ „крѣпости"?

Гаагская конференція, созванная по иниціативѣ Россіи, закончила свои засѣданія. Недавно опубликованное правительственное сообщеніе о гаагской конференціи напоминаетъ, что въ циркулярномъ сообщеніи отъ 30 декабря 1898 г. были предложены для предварительнаго международнаго обсужденія конференціи два главныхъ пункта: 1) безъ замедленія изыскать средства, способныя положить предѣлъ дальнѣйшему развитію вооруженій и 2) подготовить почву для обсужденія вопросовъ, касающихся возможнаго предупрежденія вооруженнаго столкновенія мирными способами. Русское правительство, взявъ на себя починъ и иниціативу созыва мирной конференціи, не обольщало себя преувеличенными надеждами касательно возможности немедленнаго выполненія намѣченной задачи. Оно еще въ самомъ началѣ чувствовало, что при современныхъ политическихъ условіяхъ, когда въ воздухѣ носится запахъ динамита и пороха, крайне трудно поставить вышеназванные два вопроса на совмѣстное обсужденіе всѣхъ иностранныхъ государствъ, озабоченныхъ за послѣднее время исключительно усовершенствованіемъ боевой готовности.

«Чуждое какихъ бы то ни было своекорыстныхъ цѣлей, либо затаенныхъ политическихъ плановъ, императорское правительство заранѣе

Digitized by Google

приготовлено было встрѣтиться на пути предстоявшихъ конференціи работъ съ большими и разнообразными затрудненіями. Но оно, въ то же время, ни на минуту не теряло увѣренности, что человѣколюбивыя намѣренія Государя Императора, положенныя въ основу циркулярныхъ сообщеній отъ 12 августа и 30 декабря 1898 года, будутъ по достоинству оцѣнены правительствами державъ, принявшихъ участіе въ конференціи; и что, не смотря на возможныя съ ихъ стороны, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, возраженія противъ нѣкоторыхъ изъ предложеній, вошедшихъ въ программу занятій конференціи,—они не откажутъ въ своемъ посильномъ содѣйствіи къ осуществленію великаго и святаго дѣла. Результаты нынѣ закончившихся трудовъ гаагскаго собранія вполнѣ оправдали наши ожиданія.

«Тщательное и всесторонее обсужденіе въ засѣданіяхъ конференціи отдѣльныхъ пунктовъ русской программы указываетъ на высокое значеніе поставленныхъ императорскимъ правительствомъ на очередь вопросовъ, затрогивающихъ столь близко интересы всего человѣчества. Конференція сочла необходимымъ отложить окончательное рѣшеніе сложнаго вопроса о пріостановкѣ вооруженій до полной всесторонней его разработки отдѣльными правительствами, но уже теперь торжественной резолюціей единодушно признала облегченіе военнаго бремени въ высшей степени желательнымъ для блага всѣхъ народовъ. Съ другой стороны конференція несомнѣнно будетъ имѣть вліяніе на упорядоченіе войны и устраненіе всѣхъ жестокостей, безцѣльно увеличивавшихъ страданія воюющихъ. Гаагское собраніе выработало правила женевской конвенціи по отношенію къ морскимъ войнамъ; приняло конвенцію о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны. Отдѣльными деклараціями конференціи воспрещено употребленіе расширяющихся пуль и удушливыхъ газовъ, а также бросаніе разрывныхъ снарядовъ съ воздушныхъ шаровъ. Важнѣйшимъ результатомъ является конвенція о миролюбивыхъ средствахъ разрѣшенія международныхъ несогласій. Конвенція эта не только сводитъ воедино уже существующія международныя договорныя постановленія, но указываетъ и новыя средства, могущія привести къ упроченію мира, — средства, согласныя съ тѣми, которыя были указаны Россіей въ представленныхъ на конференціи проэктахъ. Государства согласны употреблять всѣ усилія для сохраненія мира и предотвращенія войнъ. Для сего посредничество, добрыя услуги и третейское разбирательство получаютъ большее развитіе. Устанавливается, что посредничество, зависѣвшее прежде только отъ доброй воли заинтересованныхъ государствъ, можетъ быть предлагаемо по собственному почину третьей державы. Третейское разбирательство объявляется лучшимъ средствомъ для разрѣшенія международныхъ споровъ; вводятся постоянныя слѣдственныя комисіи для выясненія на

Digitized by Google

мѣстѣ фактовъ, давшихъ поводъ къ недоразумѣніямъ; учреждается международный третейскій судъ съ постояннымъ бюро въ Гаагѣ, которое будетъ находиться подъ наблюденіемъ административнаго совѣта изъ представителей договаривающихся державъ при нидерландскомъ дворѣ. Совокупность этихъ постановленій, ничѣмъ не нарушая верховныхъ правъ государствъ, создаетъ новую прочную основу для международнаго мира.

«Таковы, въ общихъ чертахъ, основныя постановленія, принятыя частью единогласно, частью значительнымъ большинствомъ представителей державъ на конференціи въ Гаагѣ. Возбужденной по великодушному почину Государя Императора многосложной задачѣ, впервые подвергнувшейся международному обсужденію, положены твердыя основы, и всѣми державами единогласно признана возможность и необходимость ея всесторонняго разрѣшенія. Время и дальнѣйшій ходъ историческихъ событій укажутъ тѣ средства, которыя, для блага всего человѣчества, будутъ содѣйствовать полному достиженію намѣченной цѣли».

Голландскій министръ иностранныхъ дѣлъ г. Бофоръ въ немногихъ словахъ прекрасно охарактеризовалъ историческое и международное значеніе недавно закрывшейся гаагской конференціи: «Если конференція не могла осуществить мечтаній утопистовъ,—сказалъ онъ,—то она тѣмъ не менѣе опровергла мрачныя предсказанія пессимистовъ. *Нравственное воздѣйствіе ея совѣщаній уже проявилось*: оно будетъ становиться все ощутительнѣе и ощутительнѣе, и укрѣпится въ общественномъ сознаніи. Достигнутое конференціей дастъ твердую опору правительствамъ въ ихъ стремленіи разрѣшить вопросъ объ ограниченіи вооруженій, что̀ останется серьезной и справедливой заботой государственныхъ дѣятелей всѣхъ странъ». Слова г. Бофора подтверждаются итогами засѣданій конференціи. Конвенція о третейскомъ судѣ подписана шестнадцатью государствами; конвенціи, касающіяся сухопутныхъ и морскихъ войнъ,—пятнадцатью и три декларація (объ употребленіи разрывныхъ снарядовъ)—пятнадцатью государствами. Конечно, на конференціи не удалось добиться ограниченія вооруженій на будущее время, но, не смотря на это, труды ея никоимъ образомъ не могутъ быть названы маловажными: она внесла много новаго въ международное право и въ исторіи ей будетъ отведено почетное мѣсто. Не нужно забывать, что гаагская конференція является лишь первою попыткою въ дѣлѣ осуществленія великодушныхъ намѣреній Государя Императора, направленныхъ ко благу не одной Россіи, но и всего человѣчества.

Нравственная отвѣтственность за то, что не всѣ изъ этихъ намѣреній и предначертаній встрѣтили поддержку конференціи, падаетъ, конечно, на тѣ государства, которыя не оцѣнили по достоинству стремленій Россіи—положить предѣлы милитаризму, принявшему за послѣд-

Digitized by Google

ніе годы колоссальные размѣры, и хотя сколько нибудь облегчить народамъ бремя военныхъ расходовъ и иныхъ жертвъ, которыя приходится имъ теперь нести въ видахъ самообороны. Придетъ время, когда предложенія русскаго императора, не прошедшія на сей разъ полностью на конференціи, будутъ приняты всѣми государствами и притомъ, нужно надѣяться, въ самомъ недалекомъ будущемъ. Исторія намъ свидѣтельствуетъ, что, какъ бы ни была безспорна и плодотворна та или другая мысль, но если она затрогиваетъ укоренившіеся предразсудки, то никогда не можетъ разсчитывать на быстрое торжество. Но важно уже и то, что конференція дала первый толчокъ тому великому дѣлу, во главѣ котораго сталъ русскій государь, и это дѣло,—нужно твердо надѣяться,—не заглохнетъ, потому что оно нашло въ сердцахъ европейскихъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей и даже въ народной массѣ сочувственный откликъ. Вопросъ объ ограниченіи вооруженій возбужденъ, даже поставленъ ребромъ, и его нельзя уже снять съ очереди и положить «подъ сукно». Время возьметъ свое...

Важнѣйшимъ результатомъ гаагской конференціи является, конечно, конвенція о третейскомъ судѣ, имѣющая въ виду предупредить столкновенія между державами, которыя могутъ быть устранены мирнымъ путемъ. Сущность ея сводится къ слѣдующему:

«Въ случаѣ возникновенія спора между отдѣльными государствами, всѣ державы, подписавшія конвенцію, обязуются прилагать всѣ старанія къ тому, чтобы избѣжать разрѣшенія этого спора силою. Поэтому, при разногласіи, возникшемъ между какими либо сюзеренными правительствами, прежде чѣмъ взяться за оружіе, эти правительства будутъ «насколько позволятъ обстоятельства», обращаться къ посредничеству другихъ державъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всякое государство имѣетъ право предлагать свое посредничество спорящимъ, какъ при возникновеніи спора, такъ и послѣ начала враждебныхъ дѣйствій; подобное вмѣшательство никѣмъ не можетъ быть сочтено недружественнымъ актомъ и имѣетъ исключительно совѣщательный характеръ, чуждый обязательной силы. Принятіе посредничества не должно прерывать мобилизаціи или даже военныхъ операцій, если онѣ уже начались.

«Если серьезное разногласіе будетъ угрожать мирнымъ отношеніямъ державъ, подписавшихъ конвенцію, то прочія державы обязуются предложить спорящимъ воспользоваться особымъ посредничествомъ въ слѣдующей формѣ: каждая изъ спорящихъ державъ выбираетъ по одному государству, которыя и вступаютъ между собою въ непосредственныя сношенія для улаженія спора. Въ теченіе срока порученія, который,—если нѣтъ другаго соглашенія,—не долженъ превышать 30 дней, спорный вопросъ считается окончательно переданнымъ этимъ державамъ. «Въ томъ случаѣ, когда между подписавшимися державами возникаетъ

Digitized by Google

споръ, который не затрогиваетъ ни чести, ни жизненныхъ интересовъ спорящихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ быть улаженъ обыкновенными дипломатическими средствами, то,—если только возможно,—державы приступаютъ къ учрежденію «международной слѣдственной комиссіи», которой поручается произвести разслѣдованіе спора. Отчетъ этой комиссіи не имѣетъ характера третейскаго приговора и предоставляетъ державамъ или вступить на основаніи его въ дружественное соглашеніе, или же прибѣгнуть къ третейскому суду.

«Въ правовыхъ вопросахъ и, главнымъ образомъ, въ вопросахъ толкованія или примѣненія международныхъ договоровъ, третейское посредничество признано подписавшимися державами наиболѣе дѣйствительнымъ и справедливымъ средствомъ къ улаженію споровъ. Пожелавъ обратиться къ третейскому суду, державы этимъ самымъ принимаютъ на себя обязательство добросовѣстно подчиниться приговору суда. «Чтобы облегчить непосредственное обращеніе къ третейскому суду, державы обязуются организовать «постоянный» третейскій судъ, канцеляріей котораго будетъ служить особое международное бюро, устроенное въ Гаагѣ. «Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ обмѣна ратификацій конвенціи, всякая подписавшая ее держава должна указать не болѣе четырехъ человѣкъ, которые вносятся въ списокъ членовъ третейскаго суда и назначаются каждый на 6 лѣтъ. Державы, желающія обратиться къ третейскому суду, выбираютъ изъ списка судей какихъ угодно лицъ и въ опредѣленномъ ими самими числѣ. Судъ обыкновенно собирается въ Гаагѣ, но съ согласія спорящихъ можетъ засѣдать и въ другомъ мѣстѣ.

«Тотчасъ послѣ ратификаціи настоящаго акта державы учреждаютъ въ Гаагѣ «постоянный совѣтъ», состоящій изъ находящихся тамъ дипломатическихъ представителей, подъ предсѣдательствомъ нидерландскаго министра иностранныхъ дѣлъ. На обязанности этого совѣта лежитъ учрежденіе, организація и контроль надъ вышеупомянутымъ международнымъ бюро. Спорящія государства могутъ, по желанію, или обратиться къ постоянному третейскому суду, или же сформировать особый третейскій судъ; въ послѣднемъ случаѣ каждая сторона выбираетъ двухъ третейскихъ судей, которые сообща избираютъ верховнаго третейскаго судью. Если третейскимъ судьею является сюзеренный государь или глава государства, то опредѣленіе третейско-судебнаго производства подлежитъ исключительно его усмотрѣнію; въ противномъ же случаѣ судопроизводство ведется по правиламъ, установленнымъ конвенціею».

Учрежденіе постояннаго третейскаго суда, не смотря на необязательность его, является уже отраднымъ фактомъ, который нельзя не привѣтствовать въ интересахъ поддержанія общаго мира.

Иностранная—въ особенности германская—печать, прославляя гаагскую конференцію, радуется, что она не осуществила са маго главнаго предло-

Digitized by Google

женія Россіи,—предложенія, направленнаго къ облегченію милитаризма, лежащаго тяжкимъ бременемъ на всѣхъ народахъ. Особенно довольна послѣднимъ «Allgemeine Zeitung», являющаяся, безъ сомнѣнія, выразителемъ политическихъ взглядовъ берлинскаго кабинета или,—вѣрнѣе сказать,—императора Вильгельма.

Но нужно надѣяться, что исторія отмѣтитъ въ свое время, что въ самомъ концѣ XIX столѣтія Россія выступила съ проповѣдью нелицемѣрнаго міра, а Германія—съ защитою «мира вооруженнаго», который постоянно угрожаетъ войною, такъ какъ поддержаніе его требуетъ бдительнаго надзора и неимовѣрныхъ усилій.

Французскій народъ вотъ уже болѣе пяти лѣтъ переживаетъ страшно тяжелое время! Основы политическаго строя все болѣе и болѣе расшатываются,—впрочемъ, можетъ быть, и на пользу французскаго народа, которому современная «третья французская республика» принесла столько зла. Борьба партій разгорается; одно министерство смѣняетъ другое; дошло дѣло даже до того, что вступить въ составъ нынѣшняго кабинета Вальдека-Руссо трудно было найти и охотниковъ. Номинальный представитель французскаго народа, г. Лубэ—завѣдомый панамистъ и дрейфусистъ,—не пользуется въ глазахъ народа ни авторитетомъ, ни уваженіемъ. Впрочемъ, г. Лубэ—это единственный въ своемъ родѣ представитель народа, не имѣющій ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ себѣ подобнаго. Исторія знаетъ нѣсколько примѣровъ, когда въ коронованныхъ особъ и представителей народа стрѣляли, бросались съ кинжаломъ, съ цѣлью убить ихъ, но не было еще случая, чтобы главу государства били палкой... Г. Лубэ удостоился этой особенной чести и, слѣдовательно, будетъ вписанъ въ историческіе анналы и займетъ тамъ не только первое, но и «единственное» мѣсто... Нужно только удивляться, какъ онъ рѣшился остаться на своемъ посту! Простые чиновники, когда получаютъ ударъ палкой въ публичномъ мѣстѣ, обыкновенно выходятъ въ отставку.

«Устои» третьей французской республики расшатываются. Власть безсильна и находится въ рукахъ всевозможныхъ проходимцевъ. Будь крѣпка центральная власть во Франціи,—не было бы и мѣста позорному процессу Дрейфуса. То, что переживаетъ въ настоящее время Франція, трудно поддается описанію. Въ Ренн—постыдный процессъ Дрейфуса, въ Парижѣ—неодолимый, покуда, фортъ Шаброля. И все это — дѣло рукъ тѣхъ бродягъ, которымъ французскій народъ такъ широко и гостепріимно открылъ двери въ свою страну и далъ полныя права французскаго гражданства,—дѣло тѣхъ гражданъ, для которыхъ ubi bene, ibi patria. Граждане эти—«вѣчные жиды», забравшіе въ свои руки центральную французскую власть посредствомъ подкупа, насилія, лжи и обмана, и дер-

Digitized by Google

жащія страну въ своихъ грязныхъ лапахъ. Жиды развратили уже гражданскую власть, а теперь взялась и за деморализацію арміи...

Безконечно тянущійся судъ надъ Дрейфусомъ выводитъ на свѣтъ божій цѣлую картину того внутренняго анархизма, который царитъ во французскомъ обществѣ. Корень анархизма—это жидовство, которое не только свило себѣ прочное гнѣздо въ современной Франціи, но и прямо покорило,—не силою, конечно, оружія,—французскую центральную власть и администрацію. Жидовство въ данный моментъ является господиномъ страны. Оружіе, которымъ жиды покорили Францію, — это золото, это та беззастѣнчивость въ средствахъ, на которую способна только эта, единственная въ своемъ родѣ, «нація». Жидъ все подкупилъ, все развратилъ и чрезъ это все покорилъ себѣ! Процессъ Дрейфуса,—этого жида-предателя и альфонса,—служитъ лучшей иллюстраціей къ вышесказанному. Этотъ процессъ обнаружилъ подавляющія улики не только противъ самого подсудимаго, но и противъ его ярыхъ защитниковъ. Этотъ же процессъ показалъ намъ, насколько силенъ жидъ во Франціи и насколько пагубна и развратительна его роль. Благодаря этому позорному процессу, въ пять лѣтъ оставили свой постъ пять военныхъ министровъ!! Жиды стремятся набросить тѣнь подозрѣнія на всю французскую армію, хотятъ ее обезчестить и загрязнить, какъ грязнятъ все, къ чему только прикоснутся.

Со дня появленія Дрейфуса предъ судомъ въ Реннѣ, настроеніе стало весьма тревожнымъ. Не смотря на то, что Дрейфусъ съ каждымъ днемъ яснѣе и несомнѣннѣе изобличается въ томъ, что именно онъ продавалъ военныя тайны Франціи ея врагамъ; не смотря на то, что его защитники изобличаются въ томъ, что ради чуждыхъ интересовъ готовы унизить французскую армію и подвергнуть Францію всѣмъ бѣдствіямъ непріятельскаго нашествія,—умы французскаго народа не могутъ успокоиться.

Читая безчисленныя дрейфусистскія газеты, невольно приходишь къ заключенію, что даже сами дрейфусисты не вѣрятъ въ невиновность Дрейфуса, изъ-за котораго они такъ горячатся, ради освобожденія и обѣленія котораго они потратили столько милліоновъ. Еслибы они хоть сколько нибудь вѣрили сами въ невиновность Дрейфуса, они совсѣмъ иначе относились бы къ ходу дѣла. Интересы Дрейфуса или—вѣрнѣе—жидовства защищаютъ два адвоката: Деманжъ и Лабори. Адвокаты эти славятся не столько ораторскими талантами, сколько своею наглостью и беззастѣнчивостью. Эти господа вполнѣ достойны того племени, интересы котораго они взялись защищать. Тутъ и защитникъ, и подсудимый и все вообще жидовство во всемъ солидарны. Какъ ведутъ себя защитники Дрейфуса на судѣ,—это можетъ служить лучшей иллюстраціей вышесказаннаго. Они нагло и безшабашно не только *разспрашиваютъ* сви-

Digitized by Google

дѣтелей, но прямо ихъ *допрашиваютъ*. Желая сбить свидѣтеля, они зададутъ ему самые нелѣпые вопросы, ставя его въ затрудненіе. Свидѣтели негодуютъ, но это не останавливаетъ Лабори. Онъ продолжаетъ задавать нелѣпые вопросы, пока предсѣдатель суда г. Жуо не положитъ предѣлъ наглости адвоката. Но Деманжъ и Лабори не конфузятся, и при первомъ же удобномъ случаѣ берутся опять за свою прежнюю тактику допроса. Поэтому и не удивительно, что одинъ изъ свидѣтелей, возмущенный безцеремонными вопросами Лабори, отвѣтилъ: «я—свидѣтель, а не подсудимый». Вся тактика дрейфусистскихъ адвокатовъ опирается не на истину, а на разные подвохи и кривотолкованія. Дрейфусисты возлагаютъ свои надежды только на искусство своихъ защитниковъ, — на умѣнье адвоката Лабори сбивать съ толку свидѣтелей своими вопросами, подрывать къ нимъ довѣріе разными намеками. Когда Лабори, якобы смертельно раненый, не ходилъ на судъ, дрейфусисты кричали: «Дрейфусъ погибъ. Онъ беззащитенъ»! Простаго здраваго смысла достаточно, чтобы понять, что такое искусство Лабори понадобилось, жидамъ не для обнаруженія истины, а для сокрытія концовъ въ мутной водѣ крючкотворства. Ни одинъ дѣльный, талантливый адвокатъ, внутренно убѣжденный въ невинности своего кліента и въ правотѣ своего дѣла, не станетъ прибѣгать къ напусканію тумана, ибо пойметъ, что этимъ онъ губитъ кліента, внушая судьямъ сомнѣніе въ его невинности. А отъ защитниковъ Дрейфуса всѣ дрейфусисты одного только и требуютъ: побольше придирокъ, крючкотворства и тумана.

Подкупъ въ правомъ дѣлѣ нуженъ развѣ въ тѣхъ странахъ, гдѣ,—по выраженію одной свахи въ комедіи Островскаго,—къ судьѣ полагается обращаться со словами: «суди меня, судья неправедный». А въ дѣлѣ Дрейфуса подкупъ практиковался въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Полковнику Сандгеру, который производилъ первое дознаніе объ измѣнѣ Дрейфуса, братъ подсудимаго предлагалъ *полтораста тысячъ* за доказательство его невинности. *Маіору Эстергази предлагали полмилліона* (жиды не скупятся!) *за то, чтобы онъ принялъ на себя вину*. И онъ ее принялъ дѣйствительно, благополучно скрываясь за границей...

Предъ нами проходитъ цѣлый рядъ свидѣтелей, почтенныхъ военныхъ министровъ и генераловъ каковы: Мерсье, Буадеффръ, Билье, Цурлинденъ, Кавеньякъ, Рожэ, Гонзъ и др. Передавать содержаніе показаній этихъ генераловъ—мы считаемъ излишнимъ: они достаточно извѣстны публикѣ изъ газетъ. Всѣ ихъ рѣчи сводятся къ одному пункту: по тщательномъ изученіи документовъ, относящихся къ этой позорной дрейфусіадѣ, каждый изъ нихъ пришелъ къ заключенію: *Дрейфусъ — измѣнникъ*! Мы позволимъ себѣ привести только показанія бывшаго военнаго министра, генерала Билье. *Показанія его отличались сдержанностью тона*, и если онъ даже и пришелъ къ одинаковымъ съ Мерсье заключеніямъ, то

Digitized by Google

болѣе мягкимъ путемъ. Свидѣтель объяснился сначала насчетъ сообщеній, сдѣланныхъ ему сенаторомъ Шереръ-Кестнеромъ. На него непріятно подѣйствовалъ появившійся въ газетахъ отчетъ о свиданіи съ этимъ сенаторомъ, съ которымъ пришлось ему бесѣдовать. Шереръ-Кестнеръ (по происхожденію жидъ) сказалъ ему, что онъ глубоко убѣдился въ томъ, что виновникомъ измѣны былъ Эстергази, и въ подтвержденіе своихъ словъ сослался на сходство почерковъ. Затѣмъ Бильо сказалъ, что не можетъ прибавить ничего новаго къ показаніямъ, уже даннымъ имъ въ кассаціонномъ судѣ. Полковникъ Пикаръ служилъ въ то время подъ его начальствомъ. «Буадёфръ, въ виду предпринятой Пикаромъ компаніи противъ Эстергази и послѣ инцидента съ телеграммою «petit bleu»,—а отчасти и подъ впечатлѣніемъ полемическаго шума газетъ,—предложилъ мнѣ отправить Пикара въ Тонкинъ, но я на это не согласился. Считая его дѣльнымъ и полезнымъ человѣкомъ, я предпочелъ дать ему весьма почетное порученіе и послалъ его въ Тунисъ». «Я сожалѣю,—прибавилъ генералъ Бильо, — что было рѣшено начать преслѣдованія. По моему убѣжденію, ради культа отечества и арміи, ради драгоцѣннѣйшихъ тайнъ національной обороны, можно было бы *безъ лишняго шума* и безъ громкой огласки устранить виновнаго». Дрейфусъ вскрикнулъ: «Я не виновенъ»! Генералъ Бильо продолжалъ: «Имѣются разныя средства: отставка, ссылка, дальнія порученія. Доблестный поступокъ можетъ загладить многое. Я хочу что либо сказать относительно моей увѣренности насчетъ виновности Дрейфуса. Я не правительственный комиссаръ, не адвокатъ, не экспертъ по части рукописей, не чиновникъ, не спеціалистъ, — я военный министръ и, въ качествѣ таковаго, скажу откровенно, что *не вижу въ доводахъ, выдвинутыхъ защитою, доказательствъ невиновности подсудимаго*. Я долженъ обратить въ данномъ случаѣ вниманіе суда на показанія одного негоціанта Вильона, случайно очутившагося въ одномъ берлинскомъ ресторанѣ въ сосѣдствѣ съ двумя нѣмецкими офицерами, которыхъ отдѣляла отъ него опущенная занавѣсь. Сквозь нее онъ могъ разслышать разговоръ, который они вели между собою на французскомъ языкѣ, чтобы ихъ не поймали. «*Грустно сознаться*»,—сказалъ одинъ изъ нихъ,—*что офицеръ главнаго штаба рѣшился измѣнить своему отечеству*». «Да что намъ за дѣло? — возразилъ ему другой. Черезъ нѣсколько дней *Дрейфусъ пришлетъ намъ планъ мобилизаціи*». Одно это обстоятельство достаточно подтверждаетъ основательность высказаннаго мною передъ кассаціоннымъ судомъ убѣжденія въ виновности Дрейфуса». За бывшими военными министрами, генералами и офицерами главнаго штаба слѣдуютъ офицеры къ этому штабу и не принадлежащіе, и нѣсколько совершенно посторонникъ—не военныхъ—свидѣтелей, въ пресловутомъ дѣлѣ совершенно не заинтересованныхъ. И всѣ эти свидѣтели въ одинъ голосъ подтверждаютъ виновность Дрейфуса!!

Digitized by Google

Со стороны защиты выступилъ только одинъ «военный», да и то изъ арміи исключенный, пресловутый полковникъ Пикаръ; но этого господина здѣсь же на судѣ уличили въ поддѣлкѣ, совершенно однокачественной съ извѣстной «поддѣлкой» покойнаго Анри. Этому свидѣтелю судъ предоставилъ полную свободу слова; показанія его длились *цѣлыхъ два дня*. Развалившись на креслѣ, спиною къ Каррьеру, въ профиль къ Дрейфусу, защитѣ и судьямъ этотъ лицедѣй какъ бы «самъ съ перчаткой разсуждалъ». Затаенная обида, ненависть къ бывшимъ товарищамъ и начальникамъ сказываются въ каждомъ словѣ этого проходимца. Нѣсколько разъ почтенный Жуо, не смотря на всю свою крайнюю терпимость, принужденъ былъ просить разболтавшагося жидовскаго наемника не касаться «faits personnels». Безконечно длинная часть его показаній не имѣетъ рѣшительно никакого отношенія къ процессу. Онъ говорилъ исключительно о самомъ себѣ... Впрочемъ, разсказалъ исторію возникновенія подозрѣній на Эстергази.

Причиной было полученіе «petit bleu». До сего времени Пикаръ понятія не имѣлъ объ этомъ офицерѣ. По поводу своихъ манипуляцій съ petit bleu онъ говоритъ такъ: «Одно меня смущало: документъ имѣлъ видъ отправленнаго и не полученнаго. Не было почтоваго штемпеля». «Надо было быть осторожнымъ. Можно было опасаться западни»... Однако, такія здравыя разсужденія не помѣшали Пикару хлопотать передъ капитаномъ Лотомъ о постановкѣ фальшиваго штемпеля. Свидѣтель не отрицаетъ факта этихъ переговоровъ, но придаетъ имъ условный, вопросительный смыслъ. Онъ «совѣтовался», спрашивалъ: не дѣлалось ли это во времена Сандгера?.. Свою предвзятую идею о виновности Эстергази (мы говорили уже, что самому Эстергази, за такое самообвиненіе, обѣщанъ былъ хорошій кушъ) Пикаръ усиленно старается внушить длиннымъ разсказомъ объ извѣстномъ свиданіи въ Базелѣ съ нѣмецкимъ шпіономъ Герсомъ. Весь смыслъ его намековъ заключается въ конечной фразѣ: «Я не хочу ставить смѣлыхъ гипотезъ, но спрашиваю: не помѣшали ли (Анри и Юнгъ) говорить Герсу объ Эстергази»?..

Онъ усердно клеветалъ на штабъ вообще, на Гонза, на Пелье, на Мерсье, Бильо, на Анри, на военный судъ и т. д. Президентъ нѣсколько разъ останавливалъ его. Подчистка же petit bleu, по мнѣнію Пикара,— дѣло рукъ штаба.

Наконецъ, этотъ «достовѣрный лжесвидѣтель» кончаетъ свои показанія. Тотчасъ же быстрыми нервными шагами входитъ въ залу генералъ Рожэ. Его гордая, сѣдая голова закинута назадъ.

«Я спрашивалъ г. Пикара, — раздается отчетливый голосъ Рожэ: — отрицаетъ ли онъ свои письма къ кап. Маршалю и прокурору республики? Если отрицаетъ, прошу вызвать свидѣтелей»... Пикаръ, прижатый къ стѣнѣ, долженъ сознаться, что письма дѣйствительно были посланы, но

Digitized by Google

онъ не знаетъ, гдѣ они теперь находятся. Слѣдомъ за Рожа, на площадку неторопливо всходитъ Мерсье. Своимъ флегматичнымъ, вѣскимъ тономъ онъ заявляетъ: «Г. Пикаръ сказалъ, что я ему приказывалъ передавать документы полковнику Морелю. Это невѣрно... Я никогда его не посылалъ передавать секретныя бумаги полковнику Морелю». Затѣмъ Мерсье послѣдовательно опровергаетъ показанія Пикара о «разстроенномъ» видѣ Гонза во время ихъ свиданія, о письмѣ Паницарди, о пропажѣ рапорта изъ министерства...

Генералъ Бильо также не остался въ долгу у ех-полковника Пикара. Онъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Я желаю сказать еще нѣсколько словъ и прошу г. Пикара присутствовать при этомъ. Я очень доволенъ, что г. Пикаръ затронулъ вопросъ о секретныхъ фондахъ; объ нихъ говорили и передъ кассаціонной палатой. Секретные фонды соотвѣтствуютъ точному ихъ названію, т. е. должны расходоваться исключительно на секретныя дѣла. Изъ нихъ платятъ агентамъ за тайныя услуги, оказанныя государству. Такое ихъ назначеніе и служитъ объясненіемъ, что я не могу говорить открыто относительно распредѣленія суммъ, предоставленныхъ военному министру. (Нахальство жидовскаго кагала, заправлявшаго этимъ процессомъ, было направлено именно къ тому, чтобы заставить французскихъ генераловъ разбалтывать профессіональныя тайны). Послѣдній отдаетъ въ нихъ отчетъ одному президенту республики, и тотъ, провѣряетъ ихъ и назначаетъ новыя ассигновки». Далѣе генералъ Бильо опровергаетъ показанія Пикара насчетъ расходованія секретныхъ фондовъ и заключаетъ свою рѣчь словами: «больше я не скажу ничего, но *я желалъ подчеркнуть ту гнусную инсинуацію*, пущенную въ ходъ передъ кассаціонной палатой, въ силу которой хотѣли заподозрить деликатность и честность военнаго министра». Послѣ этихъ словъ, раздались громы аплодисментовъ въ залѣ, и предсѣдатель, полковникъ Жуо, не могшій предпринять уже никакихъ мѣръ противъ такой манифестаціи, объявилъ засѣданіе закрытымъ,

Видя безвыходность своего положенія, дрейфусисты начинаютъ прибѣгать къ отчаяннымъ средствамъ, чтобы ихъ неправое дѣло восторжествовало.

Они ищутъ помощи за границей. Передаютъ угрозу Дрейфуса:—что въ случаѣ крайности его жена и дѣти *бросятся къ ногамъ германскаго императора и будутъ просить о заступничествѣ*. Дрейфусовскія газеты желаютъ появленія на судѣ иностранныхъ военныхъ агентовъ, въ качествѣ свидѣтелей въ пользу Дрейфуса. Англійскіе дрейфусисты требуютъ прямаго вмѣшательства въ защиту Дрейфуса. И все это, повторяемъ, задолго до конца суда, при такомъ французскомъ правительствѣ, которое, если склонно въ этомъ дѣлѣ къ пристрастію,—*то скорѣе въ пользу, чѣмъ во вредъ Дрейфуса*!

Digitized by Google

Для Дрейфуса вполнѣ прилично, что онъ ищетъ защиты у нѣмцевъ. Его отецъ родился въ Германіи, въ Баденскомъ великомъ герцогствѣ; его родные братья остались нѣмцами, когда Эльзасъ, куда они позже переселились, былъ отнятъ у Франціи; самъ онъ не однажды говорилъ, что *для еврея нѣтъ отечества, что эльзасцамъ лучше живется подъ нѣмецкою властью, чѣмъ во Франціи*; масса уликъ говоритъ, что онъ продавалъ Францію за нѣмецкія деньги. Но какъ французскіе дрейфусисты не поймутъ, что они вносятъ смуту въ жизнь своей родины, сами не вѣря въ правоту своего героя?

Иностранныя правительства открыто, конечно, не выступятъ въ качествѣ защитниковъ Дрейфуса, но нужно думать, особенно относительно Германіи и Австріи, что они тайно будутъ всецѣло на сторонѣ Дрейфуса. Вѣдь онъ былъ имъ такъ полезенъ! Нельзя же не защитить «роднаго человѣчка». Недаромъ генералъ Мерсье на судѣ заявилъ: «Со словъ генерала Жамона я знаю, что изъ Германіи прислали 35 мил. франковъ на защиту Дрейфуса». Въ нашемъ сѣверо-западномъ и юго-западномъ краѣ тоже идетъ, говорятъ, подписка на *увеличеніе средствъ дрейфусіады* (т. е., между прочимъ, и на подкупъ русскихъ газетъ, какъ нѣкогда шла подписка на подкупъ русскихъ чиновниковъ).

Одинъ изъ иностранныхъ военныхъ агентовъ, именно агентъ при австро-венгерскомъ посольствѣ въ Парижѣ, полковникъ Шнейдеръ, вздумалъ было явиться защитникомъ Дрейфуса. 10 августа онъ послалъ въ редакцію газеты «Figaro» письмо такого содержанія:

«М. г. г. редакторъ. 17-го сего августа нов. ст. я послалъ въ редакцію газеты «Figaro» слѣдующую телеграмму: «Письмо отъ 30-го ноября 1897 г. нов. ст., приписанное мнѣ и появившееся въ нумерѣ «Figaro» отъ 4-го (16-го) августа,—подложное». Такъ какъ вы пожелали предать эту телеграмму гласности, то прошу васъ присоединить теперь къ вышеизложенному слѣдующее: 30-го ноября 1897 г. мое личное мнѣніе было безусловно противоположно тому, что было высказано въ документѣ о, которомъ идетъ рѣчь.

«Обозначеніе письма датою отъ 30-го ноября, равно какъ и моя подпись подъ текстомъ, приписываемыя мнѣ, ничто иное, какъ подѣлка. Эта подѣлка не потеряетъ своей силы даже и въ томъ случаѣ, еслибы тотъ же самый текстъ исходилъ отъ меня, но подъ другой датой, о чемъ я не могу судить, не имѣя передъ своими глазами документа».

«Полковникъ Шнейдеръ».

По поводу этого письма полковника Шнейдера, припомнимъ изъ показаній майора Кюинье предъ военнымъ судомъ въ Реннѣ слѣдующее:

«Я понимаю,—говорилъ майоръ Кюинье,—что авторъ письма (Шнейдеръ находится въ непріятномъ положеніи по отношенію къ своимъ союзникамъ; ему, можетъ быть, не оставалось ничего другого, какъ опровергнуть его.

Digitized by Google

Но онъ долженъ знать, что это не единственный документъ, который находится въ нашихъ рукахъ: мы имѣемъ много какъ его писемъ, такъ и адресованныхъ ему».

Эти слова нѣсколько охладили полковника, и онъ вынужденъ былъ дать отбой.

«Нѣтъ худа безъ добра»—говоритъ русская пословица. Процессъ Дрейфуса принесъ много зла Франціи и французскому народу. Французское правительство, занятое процессомъ Дрейфуса, много потеряло въ международныхъ отношеніяхъ (напр. Фашода); французская армія загрязнена жидами въ теченіе пяти лѣтъ; народъ напрасно волновался и мучился, раздираемый всевозможными партіями! Но есть и хорошая сторона этого процесса. Духъ французскаго народа приподнялся. Народъ чуткимъ сердцемъ понялъ, что предатель-жидъ, не имѣющій отечества, завладѣлъ страной. Жиду дали «равноправность», а онъ эту равноправность употребилъ, какъ смертоносное орудіе противъ Франціи. Дрейфусисты связали свое дѣло съ гоненіемъ на армію, которую не любитъ третья буржуазная (жидовская) французская республика. *Національный духъ* во французскомъ народѣ понемногу воскресаетъ. Видны уже и слѣды его пробужденія. Г. Молчановъ пишетъ въ «Новомъ Времени».

«Третьяго дня въ Сенъ-Лу, близъ Орлеана, былъ такой случай: встрѣтились два капитана; одинъ изъ нихъ не отвѣчаетъ на поклонъ другого.

«— Отчего вы не кланяетесь?—спрашиваетъ обиженный.

«— *Потому что вы жидъ*! — отвѣчаетъ капитанъ-французъ.

«Произошло это при публикѣ и повлекло за собой дуэль: выстрѣлили четыре раза и, слава богу, остались оба цѣлы.

«На дняхъ, въ кофейнѣ de la Paix—у Оперы, въ самомъ центральномъ мѣстѣ Парижа—за однимъ изъ столиковъ, выставленныхъ по Итальянскому бульвару, собралась компанія такихъ расовыхъ евреевъ, что ихъ было легко отличить даже здѣсь. Понемногу, понемногу собралась кругомъ кучка французовъ; были въ ней и рабочіе, и рантье, и даже солдаты. Кучка ворчала вслухъ: «Traitres! Ступайте въ Кайенну»! (мѣсто бывшей ссылки Дрейфуса). И съ этими эпитетами кучка такъ плотно подошла къ мирно поглощавшимъ кофе евреямъ, что они были принуждены прекратить это занятіе. У Дисконтнаго Банка и около Ліонскаго Кредита,—тоже на бульварахъ, людныхъ съ утра до ночи,—стоитъ толпа любопытныхъ, съ хохотомъ и шуточками наблюдая, какъ вызывающе предлагаютъ евреямъ нумера «L'Antijuif», въ которомъ красуются рисунки, изображающіе «типы расы». Одинъ изъ сотрудниковъ мѣстной печати, тоже типичный еврей, жаловался мнѣ, что ему непріятно ходить по улицамъ: чуть всмотрятся въ его лицо и узнаютъ въ немъ еврея, сейчасъ норовятъ, какъ бы невзначай толкнуть его. Въ магазинахъ, въ

Digitized by Google

гостиницахъ, на извощикахъ заводятъ рѣчь о евреяхъ. Печать... въ ней идетъ травля евреевъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. И травля двойная: французская національная печать указываетъ на общееврейскій походъ противъ Франціи и *называетъ всѣхъ евреевъ участниками въ измѣнѣ Дрейфуса.*

«*Словомъ, я вижу здѣсь всѣ признаки нарыва, именуемаго «еврейскимъ вопросомъ»* и который въ сущности есть вопросъ расовыхъ инстинктовъ (однихъ ли расовыхъ)? Что же будетъ дальше—взрывъ или мирный конецъ всей этой наболѣвшей исторіи»?

Еврейскій кагалъ, свившій себѣ прочное гнѣздо во Франціи, забралъ ее въ свои руки. Печать почти вся въ рукахъ жидовъ и служитъ въ дрейфусовскомъ дѣлѣ хорошую службу.

«Я былъ въ Берлинѣ,—пишетъ г, Молчановъ,—читалъ тамъ о Дрейфусѣ страстныя строки нѣмецко-еврейской печати; я былъ во Франкфуртѣ, гдѣ на каждой улицѣ любовался по меньшей мѣрѣ тремя вывѣсками съ знаменитой фамиліей «Дрейфуса» и нарочно просмотрѣлъ всѣ пять французскихъ газетъ: въ каждой проливаются слезы о «несчастномъ узникѣ, посѣдѣвшемъ въ 39 лѣтъ». Заѣзжалъ и въ Баденъ-Баденъ, и тамъ, даже въ курзалѣ,—газеты о Дрейфусѣ, брошюры о Дрейфусѣ, разговоры о Дрейфусѣ! Цѣлыя книги съ заглавіемъ «Страданія Дрейфуса» написаны въ самомъ минорномъ тонѣ и раздаются почти даромъ. Изъ Лилля пишутъ, что тамъ одинъ портной, начитавшись дрейфусовской литературы, сталъ кусаться. Въ Нантѣ пришлось арестовать механика, собиравшагося ѣхать въ Реннъ, чтобы убить всѣхъ, обижающихъ «несчастнаго узника».

Мы теперь знаемъ, что такое дрейфусисты. Для нихъ въ цѣломъ христіанскомъ мірѣ ничего нѣтъ святаго. Это самые зловредные анархисты, но только анархисты по отношенію къ *христіанской собственности, христіанской нравственности и честности.* Дрейфусисты въ Парижѣ кинулись прежде всего къ церкви св. Іосифа, ругались надъ святыней, ломали скамьи, выносили ихъ наружу и возжигали костры «во славу израиля»!

Жидовскій кагалъ, вотъ уже сто лѣтъ, развращаетъ французскій народъ и ведетъ Францію прямо къ гибели. Общественное мнѣніе во Франціи не довѣряетъ своему правительству и увѣрено, что все оно подкуплено золотомъ, полученнымъ изъ Германіи и Англіи. Мало того: общественное мнѣніе смѣшиваетъ до нѣкоторой степени настоящее правительство съ самимъ Дрейфусомъ, предполагая, что, покровительствуя ему и его партіи, оно обогащается изъ одного источника съ измѣнникомъ. Многія газеты утверждаютъ, что всѣ векселя генерала,—нынѣшняго военнаго министра,—Галифэ скуплены жидовскимъ синдикатомъ, который держитъ его въ рукахъ, чѣмъ и объясняются опалы и произвольное удаленіе со

Digitized by Google

службы всѣхъ генераловъ, отказавшихся признать невинность Дрейфуса.

Невольно припоминается намъ исторія паденія Польши. Въ послѣдней странѣ жиды забрали постепенно въ свои руки и торговлю, и промышленность, и земледѣліе, — въ качествѣ арендаторовъ, — развратили дворянство и политическое представительство. Могущественная нѣкогда Польша, развращенная и ограбленная жидами,—которымъ поляки, гораздо раньше Франціи, дали почти полную равноправность,—не выдержавъ жидовскаго натиска, стала приходить въ упадокъ. Вскорѣ она и совсѣмъ погибла. Главною виною паденія Польши, безъ сомнѣнія, и были жиды. Современная Франція во многомъ напоминаетъ намъ Польшу. Жидъ въ ней силенъ, даже всемогущъ, а это обстоятельство можетъ принести только одинъ вредъ Франціи.

Дрейфусисты, желая оправдать измѣнника-капитана, не останавливаются ни предъ чѣмъ. Всякое событіе они пытаются пріурочить въ свою пользу. Раненъ Лабори,—дрейфусисты кричатъ: «это дѣло рукъ главнаго штаба и націоналистовъ»! Но едва ли было въ интересахъ главнаго штаба и націоналистовъ—производить покушеніе на Лабори. Націоналисты,—если даже допустить, что они задумывали убійство,—не могли не понимать, что, независимо отъ исхода покушенія, партія ихъ, при поимкѣ убійцы, сразу утратила бы въ народѣ все свое обаяніе и играла бы въ руку врагамъ. Гнусное преступленіе вызвало бы реакцію, и патріотическое знамя оказалось бы покрытымъ несмываемою грязью. Вопросъ: кто покушался на драгоцѣнную жизнь Лабори? остался до сихъ поръ не выясненнымъ. Убійца такъ и не розысканъ... Но «смертельно раненный» Лабори, у котораго «кровь хлынула горломъ вслѣдствіе поврежденія легкихъ», опять быстро выступилъ въ качествѣ защитника Дрейфуса. Пуля, которую собирались искать внутри при помощи лучей Рентгена, нанесла только легкую царапину въ мягкихъ частяхъ возлѣ лопатки. Толки о «смертельной опасности», очевидно, пускались въ оборотъ только для того, чтобы разжалобить публику и судей, настроить ихъ въ пользу Дрейфуса. Пробовали было наигрывать на новой струнѣ—на «важныхъ документахъ», будто бы украденныхъ изъ кармана Лабори. Но и тутъ не вывезло. Вскорѣ дрейфусистскія газеты стали увѣрять, что «похищенныя бумаги» не имѣютъ большой важности.

Но всѣ эти подлыя попытки, всѣ гнусные подвохи, къ которымъ прибѣгло жидовство для оправданія Дрейфуса, не имѣли успѣха. Правда восторжествовала! 28 августа Дрейфусъ вторично обвиненный въ государственной измѣнѣ, хотя и со смягчающими обстоятельствами, приговоренъ къ 10-лѣтнему тюремному заключенію. Жидовству нанесенъ сильный ударъ. Не спасли и десятки милліоновъ франковъ, которые они истратили на это дѣло! Значитъ, не все еще можно купить «по биржевой цѣнѣ».

Digitized by Google

Странное—если не сказать болѣе—впечатлѣніе производятъ извѣстія изъ Франціи о событіяхъ самыхъ жгучихъ, особенно о «заговорѣ», въ которомъ прямо обвиняютъ націоналистовъ, монархистовъ и антисемитовъ. Націонализмъ, или патріотизмъ, не извѣстенъ жидовской интернаціоналкѣ, пекущейся только о своей бродячей расѣ.

Деруледа и членовъ лиги патріотовъ снова обвиняютъ въ томъ, что совершено ими во время похоронъ Феликса Фора. Движеніе противъ нынѣшняго режима все болѣе и болѣе крѣпнетъ. Деруледъ и его сообщники арестованы. Но самого движенія этимъ не остановить.

Въ газетѣ «*Intransigeant*» появилась интересная бесѣда съ Полемъ Деруледомъ, который заявилъ своему собесѣднику, что арестъ вовсе не остановитъ того движенія, которое теперь охватило Францію. «Мой арестъ,—замѣтилъ патріотъ, — ровно ничего не значитъ и *настоящее правительство прекрасно сознаётъ свое безсиліе*. Мнѣ вовсе не надо быть на свободѣ: мнѣ нужно только быть въ живыхъ. Каждая мѣра правительства можетъ только служить къ ускоренію событій и къ раскрытію всей правды, какъ она есть. Я до послѣдней капли крови буду бороться и стремиться выяснить всѣ обстоятельства. Арестъ этому не мѣшаетъ». Поль Деруледъ получаетъ отовсюду письма и телеграммы. Между прочимъ, онъ получилъ отъ французскихъ женщинъ цвѣты съ лентой, на которой была надпись: «Полю Деруледу отъ французскихъ женщинъ, любящихъ свое отечество».

Другой противникъ современнаго французскаго правительства—это Жюль Геренъ. Крѣпость, устроенная имъ въ домѣ, гдѣ помѣщается лига антисемитовъ, въ улицѣ Шаброль, является событіемъ исключительнымъ даже для Франціи, — въ которой за послѣднее время вообще привыкли къ неожиданностямъ всякаго рода,—и напоминаетъ былыя времена средневѣковыхъ бароновъ, когда они запирались для вооруженнаго сопротивленія въ своихъ замкахъ, или польскія «конфедераціи».

Приводимъ описаніе дома Герена, сдѣланное сотрудникомъ «Figaro», который, въ числѣ другихъ журналистовъ, посѣтилъ Герена въ его добровольномъ заточеніи.

«Домъ, гдѣ заперся Геренъ со своими друзьями,—небольшой, въ два этажа, причемъ второй этажъ представляетъ мансарду, выходящую окнами прямо на крышу. Съ улицы ведутъ въ него массивныя ворота, запертыя наглухо и забаррикадированныя изнутри балками. На воротахъ красуются двѣ вывѣски: вверху—«Grand Occident de France» и внизу:—«Antijuif». Окна перваго этажа плотно прикрыты огромными желѣзными ставнями; каждое изъ нихъ имѣетъ по два отверстія, черезъ которыя, въ случаѣ нападенія, можно отстрѣливаться изъ ружей. Во второмъ этажѣ окна также закрыты, за исключеніемъ лишь одного, въ амбразурѣ котораго болтается привѣшенная на веревочкѣ маленькая обезьянка съ надписью:

Digitized by Google

«Le traître Reinach»! («Предатель Рейнакъ»!). Только съ правой стороны домъ соприкасается съ другимъ такимъ же жильемъ; съ лѣвой же его отдѣляетъ узенькій проулокъ отъ строящагося дома; проулокъ этотъ идетъ до Hauteville. При входѣ въ домъ, мы попадаемъ прежде всего въ довольно обширную прихожую, въ которой, въ моментъ нашего посѣщенія, находилось десять человѣкъ, составлявшихъ, очевидно, стражу и притомъ внушительную, судя по оружію, имѣвшемуся въ ихъ рукахъ. Направо небольшая лѣстница вела въ другую комнату. По второй лѣстницѣ мы поднялись въ обширную залу, гдѣ происходили обыкновенно собранія членовъ лиги, и которому въ настоящее время приличествуетъ болѣе названіе оружейной залы. Здѣсь размѣщена самая значительная часть гарнизона улицы Шаброль. При входѣ насъ встрѣтили 20 человѣкъ, вооруженныхъ ружьями и револьверами. Повсюду были разбросаны пики и топоры; тутъ же, какъ и въ сосѣднихъ двухъ комнатахъ, находились склады боевыхъ снарядовъ, которыхъ приходится по триста патроновъ на каждаго добровольца. Эти же комнаты служатъ и спальнями для вражеской арміи. Не забытъ и «медицинскій кабинетъ», снабженный всѣми необходимыми медикаментами для подачи помощи раненымъ. Свободными отъ постоя остаются только: помѣщеніе редакціи «L'Antijuif» и ея типографія. Караульная служба организована на слѣдующихъ основаніяхъ: днемъ у каждаго окна располагается по часовому, зорко слѣдящему, черезъ отверстія въ ставняхъ, за происходящимъ на улицѣ и около дома; ночью караулъ усиливается часовыми въ чердачномъ помѣщеніи, наблюдающими за безопасностью со стороны крыши. Весь гарнизонъ состоитъ изъ 40 человѣкъ и раздѣленъ на четыре отряда, по 10 человѣкъ въ каждомъ, дежурящихъ по шести часовъ. Самъ Жюль Геренъ несетъ службу съ тремя изъ этихъ отрядовъ, оставаясь свободнымъ, такимъ образомъ, только 6 часовъ въ сутки.

«— Меня это нисколько не утомляетъ,—говорилъ Геренъ, улыбаясь.— Подобно Моресу, я рожденъ для жизни, полной всякихъ приключеній. Что касается сопротивленія, то оно будетъ продолжительное и самое отчаянное. Стѣны нашего дома—толщиною въ 60 сантиметровъ и всѣ просвѣты заложены желѣзными щитами, въ надежной прочности которыхъ я не сомнѣваюсь. Мы имѣемъ запасовъ надолго и въ подвалѣ порядочную бочку съ порохомъ. Полиція, полагаю, не отважится даже и приблизиться. Если же подступятъ войска, то я обращусь съ рѣчью къ офицерамъ и надѣюсь, что они поймутъ, насколько безчестно идти съ оружіемъ въ рукахъ противъ тѣхъ, которые готовы умереть за армію... Говорятъ, насъ хотятъ принудить сдаться при помощи пожарныхъ брандспойтовъ. Но наше охранительное прикрытіе можетъ быть поливаемо сколько угодно безъ всякаго опасенія быть разрушеннымъ струей воды какого угодно давленія. Въ случаѣ, если дѣло дойдетъ до открытой

Digitized by Google

аттаки, мы будемъ защищаться до послѣдней возможности, и когда увидимъ, что домъ нашъ берутъ приступомъ,—дадимъ сигналъ товарищу, который находится въ подвалѣ у пороховой бочки, и всѣ мы взлетимъ на воздухъ. Надѣются заставить насъ сдаться голодомъ—но это почти невозможно: съѣстныхъ припасовъ у насъ хватитъ на нѣсколько мѣсяцевъ, и это не одни только консервы, а имѣется все по вкусу и желанію каждаго изъ насъ. Говорятъ, насъ хотятъ лишить воды и освѣщенія, закрывъ водопроводъ и прекративъ притокъ газа,—опять напрасная мечта: къ нашимъ услугамъ громадный бакъ съ чистой водой, въ нашихъ погребахъ до двухъ тысячъ бутылокъ воды St. Galmier и безъ счета—я это прекрасно знаю—бутылокъ вина, пива и ликеровъ. Наконецъ, что̀ касается освѣщенія, то у насъ имѣется нѣсколько бочекъ керосина, который, помимо своей прямой задачи освѣщать наше вооруженное убѣжище, поможетъ намъ и на случай взрыва дома. Такъ или иначе, но живыми мы не дадимся»!..

По словамъ «L'Intransigeant», провіанта въ «крѣпости улицы Шаброль» заготовлено такое огромное количество, что его смѣло хватитъ не только на два мѣсяца, но и даже на полгода. Газета передаетъ, что въ подвалахъ «крѣпости» имѣется въ запасѣ:

«1,200 литровъ керосина, 15 тысячъ литровъ воды, 2,000 бутылокъ минеральной воды, 600 бутылокъ вина, 12 тысячъ литровъ или слишкомъ 900 ведеръ пива и значительное количество шампанскаго. При этомъ надо замѣтить, что и запасы оборонительной силы также значительны, а дисциплина и храбрость защитниковъ «крѣпости» просто поразительны. Если къ этому прибавить запасы пороха, хранящагося въ погребѣ въ двухъ солидныхъ боченкахъ, то крѣпость по истинѣ можно считать неприступною».

Обороняющіеся въ «крѣпости», съ Гереномъ во главѣ, издали слѣдующее воззваніе ко всѣмъ патріотамъ и антисемитамъ Франціи подъ заглавіемъ: «Grand Occident de-France»:

«Нашимъ товарищамъ отъ G. O. F., нашимъ друзьямъ-антисемитамъ и всѣмъ нашимъ согражданамъ. Въ своемъ презрѣніи ко всякой законности правительство готово учинить гнусное покушеніе на свободу гражданъ. Обезумѣвшіе,—эти Лубэ, Вальдекъ-Руссо и Мильеранъ,—пытаются посредствомъ измышленныхъ заговоровъ, разыгранныхъ ихъ приспѣшниками, засадить въ тюрьму всѣхъ порядочныхъ, энергичныхъ, добронравныхъ людей, пользующихся общими симпатіями. Не довольствуясь арестомъ воинствующей оппозиціи, правительство засадило и гражданъ, не вмѣшивавшихся никогда ни въ какія событія, зародившіяся по почину жидовъ и дрейфусистовъ, вслѣдствіе ихъ возмутительнаго оскорбленія знамени и начальниковъ арміи. Нашъ главный уполномоченный Жюль Геренъ попалъ также въ списокъ гражданъ, которыхъ правительство рѣ-

Digitized by Google

шилось арестовать, повинуясь при этомъ приказаніямъ своихъ господъ, т. е. евреевъ,—нашихъ непримиримыхъ враговъ. Что покушеніе правительства состоялось какъ разъ наканунѣ появленія декларацiи въ «Antijuif» и призыва къ спокойствію всѣхъ нашихъ товарищей во Франціи,—это доказываетъ только предосудительность поступка, отвѣтственность за который падаетъ всецѣло на правительство. Вѣдь это настоящій государственный переворотъ, который собираются произвести! Законность была попрана ногами лицъ, призванныхъ охранять ее. *Ни для одного француза нѣтъ больше гарантій свободы, если онъ подозрѣвается въ непріязни къ евреямъ* (!!) Мы попали подъ судъ произвола и находимся въ необычайно скверныхъ условіяхъ. Но мы не намѣрены терпѣть и выносить послѣдствія такихъ дѣйствій, а потому мы объявили, съ согласія нашего друга Жюля Герена, что *будемъ сопротивляться правительству, продавшему себя евреямъ и иностранцамъ*. О нашемъ поведеніи мы предоставляемъ судить общественному мнѣнію, которое навѣрное одобритъ мѣры сопротивленія, внушенныя намъ дѣйствіями правительства. Мы исполняемъ нашъ долгъ передъ Франціей, мы протестуемъ во имя закона и личной свободы противъ произвольныхъ поступковъ, не гарантирующихъ неприкосновенность гражданъ.

«Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ свобода! Да здравствуетъ армія! Долой жидовъ!

Le Grand Occident de France».

Парижане очень сочувственно относятся къ горсти товарищей Герена, защищающихъ націю отъ деспотизма пришлыхъ бродягъ, и къ идеямъ, проводимымъ лигою антисемитовъ. Крики: «Да здравствуетъ армія! Долой жидовъ»! то и дѣло раздаются изъ толпы, постоянно снующей предъ окнами «крѣпости». Парижане доставляютъ Герену и провизію.

Французскія женщины, члены «Union Nationaliste», руководимыя чувствомъ сожалѣнія къ страданіямъ Герена и его товарищей, осаждаемыхъ въ улицѣ Шаброль, написали письмо къ женѣ президента, г-жѣ Лубэ. Письмо это покрылось тысячами подписей и было на дняхъ отвезено въ Рамбулье,—лѣтнее пребываніе президента,—четырьмя делегатками, выбранными женскимъ обществомъ. Они пріѣхали въ Рамбулье съ надеждой быть принятыми г-жей Лубэ и лично ходатайствовать за храбраго члена лиги, который находится почти при смерти. Жена президента уклонилась отъ вмѣшательства въ это дѣло и выслала къ делегаткамъ своего секретаря г-на Комбарье, который, получивъ петицію, направилъ ее въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Вотъ текстъ письма:

«Французскія женщины, вѣря въ чувства милосердія, традиціонно присущія президентамъ республики, умоляютъ васъ обратить вниманіе на ужасное положеніе гражданъ, запертыхъ въ улицѣ Шаброль. Не входя

Digitized by Google

въ разборъ политическихъ вопросовъ, а только движимыя гуманнымъ чувствомъ состраданія, французскія женщины, въ лицѣ матерей, женъ сестеръ и дочерей обращаются съ просьбой къ вамъ, какъ къ матери и женѣ. Вы, конечно, не откажетесь употребить свое вліяніе на главу государства, чтобы дать правый и открытый судъ осажденнымъ. Если ихъ вина доказана, пускай судятъ ихъ, какъ обвиняемыхъ, но все таки не лишаютъ всего необходимаго для существованія. Ваше доброе вмѣшательство дастъ еще больше популярности (??) тому, кто вамъ дорогъ. Если справедливость принадлежитъ мужчинамъ, то милосердіе всецѣло присуще женщинамъ. Пускай же скажутъ и о васъ, что, будучи одной изъ могущественныхъ женщинъ, вы были также и самой милостивой».

Какъ велико сочувствіе народныхъ массъ къ осажденнымъ въ улицѣ Шаброль, видно изъ слѣдующаго факта, отмѣченнаго газетой «Gaulois». Находящійся по близости къ осажденнымъ, домъ подъ № 53 ремонтируется въ настоящее время, и вотъ полиція вздумала размѣстить по этажамъ пятнадцать главныхъ агентовъ для наблюденія за бунтовщиками. *Тогда каменьщики заявили своему хозяину, что они немедленно оставятъ работу, если агенты не будутъ удалены.* Полиція вынуждена была убрать этихъ агентовъ...

«Крѣпость въ улицѣ Шаброль»—это своего рода «государство въ государствѣ» и если жиды составляютъ такое государство, то почему же не составить его кореннымъ французскимъ гражданамъ? Это напоминаетъ, правда, средневѣковыхъ бароновъ и польскихъ конфедератовъ, которые съ оружіемъ въ рукахъ защищали свои права. Конечно, съ формально-юридической точки зрѣнія, нельзя оправдывать безумный поступокъ Герена, создавшаго въ центрѣ Парижа свою «крѣпость». Но какъ бы ни были экстравагантны поступки Герена, онъ руководится благомъ своей родины, и виноватъ только въ неповиновеніи жидовскому правительству Франціи. Онъ—«бунтовщикъ»,—слѣдовательно, его надо судить. Что же медлятъ, однако, французскія власти? Чего же зѣваетъ г. Вальдекъ-Руссо? Причина медленности, намъ кажется, кроется въ неувѣренности французскаго правительства, что то войско, которое оно допустило позорить въ Реннѣ, надъ которымъ безстыдно глумятся жиды,—*это войско не пойдетъ убивать осажденныхъ въ улицѣ Шаброль*, не подниметъ братоубійственной руки противъ тѣхъ, которые защищаютъ и обороняютъ армію отъ всемірнаго кагала.

Поживемъ — увидимъ, чѣмъ кончится эта жидовская трагикомедія. Вторичный обвинительный приговоръ надъ жидомъ-шпіономъ показываетъ уже: каковы взгляды и чувства *настоящей*, не продажной Франціи,—Франціи *не* Ротшильдовъ, Рейнаковъ, Шереровъ-Кестнеровъ и Дрейфусовъ. А *тѣ*, конечно, останутся «при своемъ мнѣніи»—и полѣзутъ опять въ кассаціонный судъ за вторичною отмѣною приговора. Только

Digitized by Google

35 кагальныхъ милліоновъ, какъ видно уже, израсходованы понапрасну и придется собирать новые—между прочимъ, и съ нашихъ жидовъ...

По послѣднимъ телеграммамъ, Дрейфусъ «помилованъ» г. Лубэ, *не милостивымъ* только къ французскимъ патріотамъ, а Геренъ капитулировалъ и посаженъ въ тюрьму... на мѣсто жида-измѣнника.

НОВЫЯ КНИГИ.

Б. Б. Глинскій. Царскія дѣти и ихъ наставники. Историческіе очерки. Изданіе редакціи журнала «Дѣтское Чтеніе». Москва, 1899 г.

Предъ нами лежитъ весьма интересная книга, какъ по своему содержанію, такъ и по весьма талантливому изложенію.

Г. Глинскій, на основаніи историческихъ документовъ, знакомитъ насъ не только въ воспитаніемъ и обученіемъ царскихъ дѣтей, но и съ ихъ образомъ жизни,—съ достоинствами и недостатками. Авторъ раскрываетъ предъ нами картину внутренней дворцовой жизни царскихъ дѣтей, съ которой большинство читателей совершенно незнакомо. Онъ начинаетъ съ воспитанія и обученія царскихъ дѣтей во второй половинѣ XVII ст. Въ то время, между царемъ и бояриномъ во внѣшней жизни не было большой разницы, и царскія дѣти воспитывались и обучались, какъ и дѣти боярскія. «О просвѣщеніи ихъ заботились мало: послѣ церковной азбуки, выучивали только наизустъ Часословъ, Псалтырь и др. церковныя книги; даже письму учили мало и многія изъ нихъ умѣли только подписывать свое имя. Если царскій сынъ и доходилъ до знанія грамоты и возможности читать богослужебныя книги, то о другихъ наукахъ—математикѣ, географіи, исторіи—онъ имѣлъ самыя скудныя понятія, да и книгъ по этимъ предметамъ у насъ тогда почти не было Отечественная исторія изучалась по преданіямъ, а въ нихъ разсказывалось лишь о воинскихъ подвигахъ. О жизни другихъ народовъ, объ устройствѣ вселенной, о жизни и явленіяхъ природы царскія дѣти имѣли самыя смутныя представленія, разсказывая о нихъ нелѣпыя сказки, какія ходятъ и теперь въ темномъ народѣ».

Но мало-по-малу въ царскій теремъ начинаетъ проникать польская образованность. Сынъ и преемникъ Алексѣя Михаиловича, Ѳедоръ Алексѣевичъ, былъ ученикомъ знаменитаго западно-русскаго ученаго монаха Симеона Полоцкаго, умѣлъ читать по латыни и по польски, и даже складывалъ вирши. Да и сестра его Софья не была чужда польскаго образованія. Съ этого момента наступилъ близкій конецъ прежнему невѣжеству, и въ царскій теремъ уже проникаютъ лучи европейскаго просвѣщенія. Крутой поворотъ къ европейской образованности сдѣланъ былъ при Петрѣ I.

Ученіе самаго Петра I начато было еще при жизни Алексѣя Михайло-

Digitized by Google

вича. Въ 1675 г., къ царевичу Петру былъ приставленъ «подъячій тайныхъ дѣлъ» Григорій Гавриловъ, на обязанности котораго лежало преподать молодому царевичу «книжное ученіе и писаніе». Ученіе началось очень просто: дьякъ крупнымъ почеркомъ, отъ руки, написалъ маленькому своему ученику *азбуку* и *часословъ*. Но уже весною 1676 г. къ царевичу, въ качествѣ учителя, былъ приставленъ подъячій изъ челобитнаго приказа, Никита Моисеевъ Зотовъ, «мужъ кроткій и смиренный, и всякихъ добродѣтелей исполненъ». Царица Наталья Кириловна, вручая Петра Зотову, сказала ему: «Извѣстна я о тебѣ, что ты житія благаго, божественное писаніе знаешь,—вручаю тебѣ единороднаго моего сына. Прими его и приложи къ наученію божественной мудрости и страху божію, и благочинному житію, и писанію».—«Нѣсть достоинъ принять въ хранилище мое толикое сокровище»!—воскликнулъ въ отвѣтъ Зотовъ трясясь отъ страха, обливаясь слезами и падая къ ногамъ царицы. Началъ обученіе Петра подъячій Зотовъ, а продолжали его иностранцы: Тиммерманъ, Лефортъ, Брантъ. За границу молодой царь поѣхалъ доканчивать свое образованіе.

Такимъ образомъ, вліяніе иностранцевъ на воспитаніе и обученіе царскихъ дѣтей началось съ Петра и продолжалось до царствованія Александра II. Воспитаніемъ послѣдняго руководилъ поэтъ В. А. Жуковскій. Свой долгъ по отношенію къ царственному воспитаннику знаменитый поэтъ выполнилъ съ честью и славой.

Прежде чѣмъ взяться за обученіе молодаго царевича, Жуковскій выработалъ планъ воспитанія и ученія. Предполагая, что ученіе его высочества продолжится отъ 8 до 20 лѣтъ, онъ дѣлитъ его на три главныхъ періода: отрочества, отъ 8 до 13 лѣтъ, юности—отъ 13 до 18 лѣтъ, и первыхъ лѣтъ молодости, отъ 18 до 20 лѣтъ. На классную комнату поэтъ-воспитатель смотрѣлъ, какъ на святыню, куда не во всякое время могли входить посторонніе. «Дверь учебной комнаты,—по его мнѣнію,—во все время уроковъ, должна быть неприкосновенна; никто не долженъ позволять себѣ входить въ нее, пока царственный ученикъ занятъ съ учителями; изъ этого правила не должно дѣлать исключеній даже для родителей, т. е. для государя и государыни».

Обращаясь къ вопросу объ отношеніяхъ державнаго родителя къ сыну, Жуковскій говоритъ: «Смѣю думать, что государь императоръ не долженъ никогда хвалить великаго князя за прилежаніе, а просто оказывать свое удовольствіе ласковымъ обращеніемъ. Таковое выраженіе должно быть предоставлено для немногихъ случаевъ. Чѣмъ будетъ оно рѣже, тѣмъ болѣе будетъ имѣть цѣны, тѣмъ сильнѣе будетъ дѣйствіе. Великому князю надлежитъ привыкать видѣть въ исполненіи своихъ обязанностей простую необходимость, не заслуживающую никакого особеннаго одобренія: такая привычка образуетъ твердость характера».

Digitized by Google

Что же касается взглядовъ Жуковскаго на обязанности великаго князя въ настоящемъ и будущемъ, когда онъ наслѣдуетъ прародительскій престолъ, то они прекрасно выражены въ его «Планѣ» обученія наслѣдника престола. «Его высочеству нужно быть не ученымъ, а просвѣщеннымъ,—говоритъ онъ.—Просвѣщеніе должно познакомить его только со всѣмъ тѣмъ, что въ его время необходимо для общаго блага и, въ благѣ общемъ, для его собственнаго. *Просвѣщеніе въ истинномъ смыслѣ есть многообъемлющее знаніе, соединенное съ нравственностью*... Оно необходимо для народа, ибо народъ просвѣщенный болѣе привязанъ къ закону, въ которомъ заключается его благоденствіе и безопасность. Оно необходимо для народоправителя, ибо одно оно даетъ способы властвовать благотворно. Сокровищница просвѣщенія царскаго есть исторія, наставляющая опытами прошедшаго или объясняющая настоящее и предсказывающая будущее. Она знакомитъ государя съ нуждами его страны и его вѣка... Исторія, освѣщенная религіею, воспламенитъ въ немъ любовь къ великому, стремленіе къ благотворной славѣ, уваженіе къ человѣчеству, и дастъ ему высокое понятіе о его санѣ... Исторія познакомитъ наслѣдника престола съ судьбою народовъ и, объяснитъ причины ихъ бѣдствій и благоденствія во всѣхъ временахъ, должна сказать ему въ заключеніе:—вѣрь, что власть царя происходитъ отъ бога, но вѣрь сему, какъ вѣрилъ Маркъ Аврелій и Генрихъ Великій; сію вѣру имѣлъ и Іоаннъ Грозный, но въ душѣ его она была губительной насмѣшкой надъ божествомъ и человѣчествомъ. Уважай законъ и научи уважать его своимъ примѣромъ: законъ, пренебрегаемый царемъ, не будетъ хранимъ и народомъ. Люби и распространяй просвѣщеніе: оно—сильнѣйшая подпора благонамѣренной власти; народъ безъ просвѣщенія есть народъ безъ достоинства... *Уважай общее мнѣніе*: оно часто бываетъ просвѣтителемъ монарха; оно—вѣрнѣйшій помощникъ его, ибо оно—строжайшій и безпристрастный судія исполнителей его воли; *общее мнѣніе всегда на сторонѣ правосуднаго государя. Люби свободу*, т. е. правосудіе, ибо въ немъ—и милосердіе царей, и свобода народовъ. *Владычествуй не силою, а порядкомъ* [1])...

Мы извиняемся передъ читателемъ за эту длинную выписку. Но она настолько хороша и возвышенна по своему смыслу, что трудно удер-

[1]) Любопытно сопоставить съ этою программою Жуковскаго добрыя пожеланія, выраженныя другимъ талантливымъ поэтомъ того времени—Рылѣевымъ—по адресу того же наслѣдника престола:

Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣ быть царемъ.
Люби глась истины свободной,
Для пользы собственной люби—
И рабства духъ неблагородный,
Неправосудье истреби!

Digitized by Google

жаться, чтобы не подѣлиться съ читателемъ тѣми глубокими мыслями, которыя въ ней выражены. Царственный ученикъ на дѣлѣ оправдалъ тотъ «планъ», который Жуковскій выработалъ для его воспитанія и обученія освободивши крестьянъ—уже какъ императоръ—и давши намъ гласный судъ.

Мы увѣрены, что книга г. Глинскаго прочтется съ большимъ удовольствіемъ не только дѣтьми, но и ихъ родителями и воспитателями. Мы желаемъ ей самаго широкаго распространенія, тѣмъ болѣе, что она и издана прекрасно, на хорошей бумагѣ и со множествомъ портретовъ и иллюстрацій. Дешевая цѣна (1 р. 25 к.) дѣлаетъ ее доступною и для небогатыхъ читателей.

Вл. А. Тихоновъ. Пустоцвѣтъ (въ деревнѣ). Романъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1899 г.

Г. Тихоновъ, въ своемъ романѣ «Пустоцвѣтъ», затронулъ вѣчно животрепещущій вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ мужчины и женщины. Этотъ вопросъ, конечно, не новый, и до г. Тихонова тысячи писателей брались за его разрѣшеніе. «Да только возъ и нынѣ тамъ». И г. Тихонову не удалось разрѣшить этого заколдованнаго вопроса. Нашъ авторъ довольно удачно проводитъ параллель между мужчиною и женщиною, между ихъ взглядами на жизнь, на людей—и на любовь. Юлія Алексѣевна, одна изъ героинь романа, говоритъ: «Если я не люблю человѣка... пока я не успѣла его полюбить, онъ для меня ничто... А какъ полюбила, онъ для меня уже все... А вотъ вы, мужчины:—прошла мимо васъ красивая женщина, и вы уже смотрите на нее съ вожделѣніемъ»... На это ей отвѣчаетъ одинъ изъ героевъ: «Когда женщина видитъ красиваго мужчину,—мужчину, который дѣйствуетъ на ея чувственность,—она говоритъ: этотъ мужчина красивъ, но мое нравственное чувство не позволяетъ отдаваться безъ любви, а потому... а потому я и влюблюсь въ него... И влюбляется». Вотъ и вся разница. Авторъ прекрасно знаетъ жизнь, людей и семейныя дѣла. «Зачѣмъ люди женятся»? задаетъ вопросъ одинъ изъ героевъ романа. «Люди женятся только для того, чтобы потомъ всю жизнь враждовать другъ съ другомъ. Мужъ и жена вѣчно и неустанно воюютъ изъ-за первенства, и побѣда, т. е. первенство, переходитъ изъ рукъ въ руки. То жена побѣдитъ и мужъ сдается, но сдается не безъ затаенной надежды вырвать это первенство обратно изъ рукъ супруги». Эта борьба продолжается всю жизнь.

Иныхъ отношеній между мужчиной и женщиной «герои» г. Тихонова, кажется, и не понимаютъ.

Романъ г. Тихонова написанъ хорошимъ языкомъ и читается легко. Читатель охотно прочтетъ его и... скоро забудетъ. Но такова уже участь не одного г. Тихонова. Современные «полистные» беллетристы не обременяютъ головы читателей какими либо «проклятыми» вопросами, надъ которыми читатель, и по прочтеніи романа, ломалъ бы

Digitized by Google

свою голову. Они *фотографируютъ* дѣйствительность, слегка ее «подмазывая». Да мы и живемъ въ вѣкъ фотографіи, а эта послѣдняя съ успѣхомъ, — по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ, — вытѣсняетъ живопись. Художнику нужно потратить много времени на изученіе предмета,—изучить его въ разное время и съ разныхъ сторонъ, а фотографу ничего этого не нужно: поставилъ аппаратъ, открылъ затворъ... — и портретъ готовъ! Дешево и сердито. Такъ и современные беллетристы... Имъ *некогда* изучать предмета: имъ надо писать—и какъ можно больше... Они и ограничиваются одной только фотографіей. Сфотографировалъ и... сейчасъ же въ типографію. Впрочемъ, романъ г. Тихонова все таки одинъ изъ лучшихъ романовъ, выпущенныхъ въ свѣтъ современными фотографами-беллетристами.

К. С. Баранцевичъ. Золотые дни. Разсказы и сказки. Изданіе библіотеки «Дѣтскаго чтенія». Москва, 1898 г.

Нѣтъ ничего заманчивѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и труднѣе, какъ писать для дѣтей и народа. Нужно быть хорошо знакомымъ съ дѣтскимъ міромъ, или съ психологіею нашего народа, чтобы заинтересовать ихъ, привлечь ихъ вниманіе, заставить полюбить книгу, давши возможность соединить пріятное съ полезнымъ, извлечь изъ книги не только «нравоучительное»,— къ чему мы особенно стремимся, — но и полезное, чтобы они смотрѣли на чтеніе книги не какъ на пустое времяпровожденіе, а какъ на серьезное и дѣльное занятіе. Если у насъ создалась прекрасная литература *о народѣ*,—литература, какой не имѣетъ, пожалуй, ни одинъ народъ въ мірѣ,—то у насъ нѣтъ совершенно литературы *для народа*. Вѣдь нельзя же считать за литературу произведенія московскаго Никольскаго рынка! Литература эта, во-1-хъ, безграмотна,—но съ безграмотностью еще скорѣе можно было бы мириться,—а, во-2-хъ эта литература безнравственна и безпорядочна. Послѣ прочтенія подобной литературы, какъ разъ получается обратное впечатлѣніе: порядочнаго крестьянина отталкиваетъ эта литература, а человѣка слабохарактернаго она привлекаетъ, давая ему своеобразную мораль, научая его такимъ жизненнымъ тонкостямъ, до которыхъ онъ самъ не скоро бы и додумался. За литературу для народа взялись было интеллигенты. И мы возлагали на нихъ большія надежды и радовались за нашъ народъ, что вотъ, дескать, насталъ и на его улицѣ праздникъ просвѣщенія. Но мы горько ошиблись: интеллигентный издатель также спасовалъ предъ народомъ. Его изданія не пользуются большимъ успѣхомъ въ деревнѣ. Въ чемъ же причина? Причина тутъ одна и та же,—что̀ у «издавателя» никольскаго рынка, что̀ у интеллигентнаго просвѣщеннаго издателя. Оба они *не знаютъ деревни*, ея духовныхъ и нравственныхъ нуждъ; оба они смотрятъ на народъ, какъ на дѣтей.

Одинъ хотѣлъ взять безшабашностью, ухарствомъ, сальностью и...

Digitized by Google

невѣжествомъ, а другой—прописной моралью и голыми поученіями. Если первый «издаватель» находилъ себѣ читателей въ испорченныхъ и слабохарактерныхъ доревенскихъ элементахъ и не пользовался успѣхомъ въ нравственныхъ слояхъ деревни, то второй — ни у тѣхъ, ни у другихъ не имѣлъ никакого успѣха.

Для первыхъ онъ ничего не давалъ «занимательнаго», а для вторыхъ—были отвратительны прописная мораль и кислосладкое поученіе. Не нужно забывать, что деревня—въ лицѣ лучшихъ ея представителей—имѣетъ свою мораль, выработанную въ теченіе вѣковъ подъ вліяніемъ духовенства и слова божія, которое они слышатъ въ церкви.

Если у насъ бѣдна литература для народа, то несравненно бѣднѣе дѣтская литература. У насъ почти совсѣмъ нѣтъ книжекъ для дѣтей. Что почитать дѣтямъ? Это такой вопросъ, передъ которымъ обыкновенно ставятся втупикъ родители и воспитатели. Бѣдность русской дѣтской литературы наши издатели пробовали было восполнить переводной литературой. Но и здѣсь толку не вышло никакого. Наши издатели и переводчики забыли, что одного желанія недостаточно, а нужны еще знаніе, вкусъ и знакомство съ литературой предмета, а главное — знакомство съ дѣтскимъ міромъ, съ духовно-нравственнымъ кругозоромъ дѣтей.

«Золотые дни» Баранцевича написаны для дѣтей, но едва ли онъ найдетъ читателей и поклонниковъ среди нихъ. Его разсказы и повѣсти слишкомъ слащаво и ходульно написаны, да и затѣмъ положенные въ основу ихъ сюжеты такъ малозначительны и обыденны, что не могутъ удовлетворить маленькихъ читателей. Дѣти любятъ читать возвышенное, выходящее за предѣлы ихъ кругозора и пониманія, — любятъ переноситься мыслью въ незнакомые имъ міры, бесѣдовать съ незнакомыми лицами. Вотъ поэтому-то сказки народныя и пользуются успѣхомъ у дѣтей. Сказка переноситъ ихъ въ новый міръ. Ихъ не могутъ удовлетворить ни «тараканы», ни «червяки», ни «старыя лампы», ни «караморы»,—сюжеты разбираемой нами книги:—со всѣмъ этимъ дѣти знакомы и это не представляетъ для нихъ никакого интереса.

Нужда въ дѣтскихъ книгахъ ощутительная, но, къ сожалѣнію, «золотыми днями» г. Баранцевича едва ли суждено восполнить пробѣлъ, хотя бы крошечный, въ дѣтской литературѣ.

А. Стенкевичъ. Убыточенъ ли Туркестанъ для Россіи? С.-Петербургъ, 1899 г.

За послѣднее время, въ нѣкоторой части періодической печати довольно часто высказывается мнѣніе, что окраины Россіи живутъ и процвѣтаютъ за счетъ ея центра, понимая подъ послѣднимъ тѣ области имперіи, изъ которыхъ постепенно развилось русское государство. «Къ числу такихъ «паразитныхъ» окраинъ, — говоритъ г. А. Стенкевичъ,—

Digitized by Google

причисляется нѣкоторыми и Туркестанъ, потому что въ № 74 «Туркестанскихъ Вѣдомостей», за 1898 годъ,—газетѣ, которой наиболѣе дороги должны быть интересы этого края, намъ попалась довольно пространная замѣтка, въ которой высказывается, что Туркестанскій край, за время своего существованія въ составѣ имперіи, т. е. съ 1869 до 1896 г., давая государству ежегодный дефицитъ, потребовалъ за эти 28 лѣтъ ежегодныхъ приплатъ изъ государственнаго казначейства на сумму 132 мил. руб. (на 290 мил. расхода—только 158 мил. дохода)». Слѣдовательно, противъ Туркестана предъявляется серьезное обвиненіе въ томъ, что онъ поглощаетъ на свое экономическое развитіе средства, даваемыя казнѣ центральными областями имперіи, не возмѣщая производимыхъ на него расходовъ. Отсюда прямой выводъ, что край этотъ является для государства обузой, которая навязана Россіи историческимъ рокомъ, но не заслуживаетъ дальнѣйшихъ затратъ.

Но правиленъ ли такой взглядъ по существу? спрашиваетъ авторъ.

Онъ подробно останавливается на цифрахъ доходовъ и расходовъ по краю, изъ совокупности которыхъ слагается этотъ ежегодный дефицитъ.

«Въ 1869 году доходовъ по краю поступило 2.356,241 руб. Медленно, но неуклонно возрастая, цифра эта поднялась къ 1880 году до 4.119,491 руб., а въ слѣдующемъ году, съ присоединеніемъ доходовъ Ферганской области, сразу возросла до 6.537,222 руб. и затѣмъ, продолжая непрерывно возрастать, достигла въ 1896 году 9.174,287 руб., увеличившись такимъ образомъ противъ первоначальной цифры почти въ 4 раза.

«Расходы по краю возрастали, напротивъ, далеко не въ такой степени. Въ 1869 году они были еще ненормально малы (всего 4.207,417 р.) и потому въ слѣдующемъ 1870 году, придя въ норму, выразились цифрой въ 6.114,883 р., которая затѣмъ, постепенно возрастая, достигла максимальнаго размѣра въ 1881 году—15.748,029 р. и затѣмъ, также постепенно понижаясь, спустилась въ 90-хъ годахъ до 10 милліоновъ, около которыхъ въ настоящее время и колеблется, если не считать чрезвычайныхъ расходовъ, которые производятся за послѣдніе годы на сооруженіе желѣзной дороги. Такимъ образомъ, обыкновенные расходы по краю, по сравненію съ 1870 годомъ (т. е. за 27 лѣтъ), возросли всего на 4 милліона».

Разсматривая распредѣленіе расходовъ по ихъ назначенію, т. е. по смѣтамъ различныхъ вѣдомствъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что расходы военнаго министерства поглощаютъ до 60% (въ среднемъ) всего бюджета. Слѣдовательно, изъ 290 мил., до 174 мил. слѣдуетъ отнести собственно на содержаніе войскъ туркестанскаго военнаго округа.

«Но вызывается ли содержаніе войска мѣстными потребностями

Digitized by Google

края, — спрашиваетъ авторъ, — или нуждами общегосударственными»? Отвѣтъ, конечно, ясенъ: содержаніе войска вызывается общегосударственными нуждами, а, слѣдовательно, и содержаніе его должно падать не на счетъ Туркестана, а на все государство.

Итакъ, слѣдовательно, изъ расходовъ по Туркестану съ 1869 по 1896 годъ надо исключить всю сумму стоимости содержанія туркестанскихъ войскъ, исчисленную выше хотя и приблизительно, но достаточно точно, въ 174 мил. руб. Исключивъ эту сумму изъ общей цыфры расходовъ, окажется, что таковыхъ, собственно по Туркестану,—т. е. на нужды управленія имъ, благоустройство, экономическое развитіе, проведеніе желѣзной дороги, а, главное, на взиманіе доходовъ,—произведено за 28 лѣтъ 116 мил. руб.; доходовъ же получено непосредственно по краю 158 мил. руб. *Разница въ 42.000,000* выражаетъ собою сумму, которую *Туркестанъ далъ на содержаніе общеимперскихъ войскъ*, не увеличенныхъ ради него ни на одного человѣка,—т. е. *чистый доходъ казны отъ присоединенія края*». Но это далеко не все: къ этимъ 42 мил. авторъ присоединяетъ еще 28 мил. р. дохода, даннаго казнѣ съ 1869 по 1896 г. Уральской и Тургайской областями, въ которыхъ, благодаря занятію Туркестана, не содержится совсѣмъ войскъ. Такимъ образомъ, прямой, непосредственный доходъ казны за 28-лѣтній «дефицитный» періодъ, полученный съ Туркестана, исчисляется въ 60 мил. рублей.

Но выгоды отъ присоединенія Туркестана къ имперіи этимъ не исчерпываются. Есть еще и другія выгоды, которыя казна извлекла изъ присоединенія Туркестана. Къ числу непосредственныхъ доходовъ казны относится прежде всего таможенный доходъ отъ обложенія пошлиною привознаго хлопка съ 1879 года. Не будь Туркестана, способнаго производить хлопокъ, не было бы и смысла облагать пошлиною продуктъ первой потребности, нигдѣ въ Россіи не производимый. Пошлины за ввозимый въ Россію иностранный хлопокъ получено казною съ 1879 по 1896 годъ до 203 мил. руб.

«Выгоды, пріобрѣтенныя не въ узкомъ смыслѣ казною, а всей имперіей въ совокупности, заключаются въ сбереженіи отъ уплаты за границу свыше 256 мил. руб. за 26 мил. пудовъ волокна, доставленнаго Россіи Средней Азіей съ 1887 по 1896 годъ, что не могло не способствовать улучшенію курса нашего кредитнаго рубля и осуществленію перехода къ золотому обращенію. Выгоды потребителей хлопка выразились въ томъ, что за хлопокъ, доставленный въ Россію изъ Средней Азіи, заплачено въ среднемъ по 2 р. 38 к. на пудъ дешевле, чѣмъ обходился въ то же время американскій, что составляетъ, на 26 мил. пуд. туркестанскаго хлопка, сбереженія свыше 60 мил. руб. Барыши посредниковъ, скупщиковъ и прочихъ, оперирующихъ при хлопковомъ дѣлѣ въ

Digitized by Google

Туркестанѣ, «сыновъ центра» тотъ же М. П. Федоровъ,—интересная книга котораго дала намъ приводимыя здѣсь цифровыя данныя,—исчисляетъ не менѣе 1 р. съ пуда; слѣдовательно, на 26 мил. пуд.—столько же милліоновъ рублей. Подобный разсчетъ можно бы продолжить и далѣе, но, кажется, достаточно и вышеприведенныхъ данныхъ, чтобы утвердительно сказать, что *мнѣніе объ убыточности Туркестана*, о существованіи ежегодныхъ дефицитовъ по нему, *составляетъ печальное недоразумѣніе...*

Нельзя не согласиться съ авторомъ, что обладаніе Туркестаномъ не только не приноситъ убытковъ Россіи, но даетъ и значительныя выгоды. Эта окраина,—или «драгоцѣнная жемчужина въ коронѣ Русскаго Императора»,—какъ назвалъ Туркестанъ покойный И. А. Вышнеградскій,—въ недалекомъ будущемъ, нужно надѣяться, будетъ приносить и еще большія выгоды, потому что движеніе дефицита по годамъ значительно падаетъ. «Начавшись въ 1869 году съ 18.511,76 р. онъ уже въ слѣдующій годъ возросъ до 31.988,99 р. и затѣмъ, постепенно повышаясь, достигъ въ 1880 году 93.864,59 р.; затѣмъ, съ началомъ поступленія въ государственное казначейство доходовъ Ферганской области, дефицитъ идетъ на убыль и уже въ 1883 году не достигаетъ средней за 28 лѣтъ величины, составляя всего 4.499,200 р. Далѣе, хотя и съ нѣкоторыми колебаніями, дефицитъ неуклонно понижается и къ 1896 году опускается до 558,000 р.».

Слѣдовательно, не далеко то время, когда приходъ и расходъ будутъ уже балансироваться.

Digitized by Google

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Можетъ ли современная тюрьма замѣнить ссылку?—Гибельная роль тюрьмы для заключенныхъ въ ней.—Полицейскій надзоръ и необходимость его пересмотра.—Мнѣніе Д. А. Дриля объ отмѣнѣ ссылки въ Сибирь.—Финансовые «крахи» и ихъ причины.—Кому выгодны русскіе крахи?—Вліяніе еврейскаго элемента на наши промышленные крахи.—Мнѣніе иностранца о причинахъ этихъ краховъ.—Адресъ романскихъ жидовъ Эмилю Зола.—Евреи-сутевёры.—Еврейское нашествіе на православную церковь.—Ганотò о русской вѣротерпимости.—Приближающееся правильное рѣшеніе „финляндскаго вопроса".—Реформы, задуманныя въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.—Циркуляръ Н. П. Боголѣпова.—Необходимость *національнаго* воспитанія.—Взгляды новаго попечителя харьковскаго учебнаго округа.

Минувшаго 6 мая состоялась, по высочайшему повелѣнію, отмѣна ссылки преступниковъ въ Сибирь. Этотъ актъ,—одинъ изъ гуманнѣйшихъ актовъ нынѣшняго царствованія,—уже ознаменовавшаго себя многими достопримѣчательными дѣяніями, былъ восторженно встрѣченъ всѣмъ русскимъ обществомъ и русскою печатью. Вредъ отъ порочнаго ссыльнаго элемента для жителей Сибири и для культуры страны весьма значителенъ, и жизнь давно требовала отмѣны ссылки. Но теперь на сцену является вопросъ: что же дѣлать съ порочнымъ элементомъ? куда его дѣвать?

Въ «Сынѣ Отечества» г. Л. Оболенскій разбираетъ вопросъ о замѣнѣ ссылки тюремнымъ заключеніемъ. По его мнѣнію, «вопросъ о ссылкѣ гораздо сложнѣе, и нужно крайне осторожно относиться къ замѣнѣ ссылки—тюрьмой. Ссылка, какъ бы ни были тяжки ея условія, оставляетъ человѣка—человѣкомъ, не обращая его въ казенную вещь, въ звѣря, содержимаго въ клѣткѣ. Если послѣднее отношеніе мыслимо еще въ приложеніи къ ламброзовскимъ «вырождающимся», то оно является прямо ужаснымъ относительно огромнаго числа лицъ, которыя могли сохранить въ себѣ всѣ лучшія человѣческія чувства, инстинкты, способность трудиться и мыслить, любить свою родину и пр. Обращать ихъ въ пансіонеровъ милліоннаго уголовнаго звѣринца было бы не только не гуманно, но и вредно даже въ интересахъ государственной экономіи. Во-1-хъ,

Digitized by Google

это потребовало бы громадныхъ средствъ у государства на устройство, содержаніе и охраненіе подобнаго человѣческаго звѣринца; во-2-хъ, это отняло бы у государства силы, — иногда энергичныя и предпріимчивыя, — многихъ сотенъ тысячъ и милліоновъ людей».

Г. Оболенскій—не поклонникъ ссылки и не защищаетъ ея, особенно въ теперешнемъ видѣ. Онъ указываетъ только на несовершенное состояніе тюремъ, на полную неподготовку ихъ вмѣстить въ себя весь преступный элементъ и *перевоспитать* его, сдѣлать преступника менѣе порочнымъ и заразительнымъ. Тюрьма, по его мнѣнію, можетъ сослужить скорѣе вредную, чѣмъ полезную службу государству.

«Прежде всего—говоритъ онъ—человѣкъ, запертый, какъ дикій звѣрь, на много лѣтъ, не можетъ не озлобиться отъ такой кары,—каковъ бы онъ ни былъ отъ рожденія. Кромѣ того, будучи лишенъ моральнаго вліянія семьи, общественной среды, свободнаго труда и природы, онъ неизбѣжно утратитъ врожденныя этическія начала и инстинкты. Прочтите послѣднія вышедшія страницы «Воскресенія» гр. Л. Н. Толстаго, гдѣ геніально описывается внутренній бытъ современной тюрьмы, и васъ охватитъ ужасъ за будущее извращеніе людей, часто неповинныхъ. И нѣтъ ничего удивительнаго, что именно въ тюрьмахъ создаются закоренѣлые преступники, способные психически заражать и другихъ».

Далѣе, останавливаясь на тюрьмахъ, созданныхъ по современному идеалу, которыя будутъ стоить милліоны, онъ задаетъ справедливый вопросъ: «Что дадутъ онѣ, кромѣ страшныхъ мукъ одиночнаго заключенія и принудительнаго труда? Сотни тысячъ людей всякаго пола и возраста будутъ брошены въ каменныя кельи-ячейки, оторваны отъ жизни, отъ живой, свободной работы, отъ земли, полей и лѣса, отъ солнца и воздуха! И въ такомъ состояніи,—при нашихъ уголовныхъ срокахъ,—они будутъ заперты не дни, не мѣсяцы, а иногда годы и десятки лѣтъ... Что изъ нихъ сдѣлаетъ тюрьма? Какими духовными и физическими калѣками выдутъ они изъ нея? А между тѣмъ, повторяю, огромное число преступниковъ—не врожденные злодѣи, а совершаютъ преступленія по тѣмъ причинамъ, какія указаны выше».

Итакъ, для правильнаго осуществленія благой мысли о реформѣ нужно радикально измѣнить: во-первыхъ, наше уложеніе о наказаніяхъ; во-вторыхъ, нашъ взглядъ на преступниковъ; въ-третьихъ, нашъ взглядъ на тюрьмы и, въ-четвертыхъ, самыя тюрьмы. Эти послѣднія не должны быть местью, онѣ не должны и отрывать человѣка отъ живаго, свободнаго труда, отъ природы и полезно-

Digitized by Google

вліяющаго общенія съ хорошими людьми. Тюрьма должна воспитывать, но не силой или мукой отчужденія, приводящихъ къ отчаянію и озлобленію, а примѣрами труда, гуманности, любви и, конечно, просвѣщеніемъ ума и сердца.

Необходимо обратить вниманіе на одну изъ мѣръ, слѣдующихъ за отбытіемъ уголовнаго преступленія, а именно—на полицейскій надзоръ. Законъ не можетъ терпѣть, чтобы лицо, подвергающееся его карательной силѣ, осталось полуправнымъ, т. е. положеніе его было бы настолько шатко, что его нельзя было бы строго опредѣлить и ограничить. Это одна изъ главныхъ причинъ отмѣны ссылки, и поэтому теперь-то именно и желателенъ пересмотръ правилъ полицейскаго надзора. У полиціи и своего дѣла много, чтобы она могла еще слѣдить за отдѣльными личностями. Надзоръ ея большею частію носитъ бумажный, формальный характеръ. Формальность пусть бы и оставалась формальностью,—отъ этого бѣда еще не велика,—но на самомъ дѣлѣ, если мы присмотримся къ жизни, то увидимъ, что она влечетъ за собою рядъ весьма тяжелыхъ послѣдствій для поднадзорнаго. Положеніе послѣдняго крайне тяжело. Полицейскій надзоръ ограничиваетъ для человѣка способность труда и хотя теоретически мы сознаёмъ, что отсидѣвшій въ тюрьмѣ отбылъ срокъ наказанія, но на практикѣ мы этого человѣка избѣгаемъ, не возьмемъ его къ себѣ въ домъ, не желая имѣть дѣла съ полиціей, отвѣчать за него и пр. Предсѣдатель полтавскаго суда г. Христіановичъ, въ своей обширной и весьма обстоятельной запискѣ о поднадзорности, говоритъ слѣдующее:

«Практика достаточно выказала слабыя стороны, чтобы не сказать несостоятельность, означенной мѣры по существу, ибо, не говоря уже о крайне недосягаемой для полиціи трудности—постоянно слѣдить за той или другой личностью, поднадзорный естественно становится лишь осторожнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, т. е. онъ болѣе разборчивъ на средства для совершенія задуманнаго преступленія. Онъ находится въ положеніи человѣка, предупрежденнаго о грозящей ему опасности, а слѣдовательно и болѣе предусмотрительнаго. Слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія, усиленный и бдительный полицейскій надзоръ не приносилъ бы тоже никакой пользы, такъ какъ, съ одной стороны, заставлялъ бы поднадзорнаго дѣйствовать ловче, а съ другой стороны заставлялъ бы общество опасаться болѣе тонкаго, болѣе ловкаго, а слѣдовательно и менѣе уловимаго правонарушенія. Недовѣріе общества и недовѣріе правительства дѣлаютъ, въ концѣ концовъ, то, что поднадзорный, лишенный возможности честно трудиться, снова вступаетъ на скользкій путь преступленія. Затѣмъ, идея полицейскаго надзора не выдерживаетъ критики и съ

Digitized by Google

точки зрѣнія правосудія. Если оправданный субъектъ возвращается въ общество безъ всякаго позора, даже въ томъ случаѣ, если онъ совершилъ преступленіе и оно не было только вмѣнено ему въ вину,—то и понесшій наказаніе, а, слѣдовательно, исправившійся не долженъ на себѣ носить никакого клейма. Иначе можно возразить, что наказаніе было ничтожно и не достигло своей цѣли, а, слѣдовательно, зачѣмъ же было его и налагать? Полицейскій надзоръ—это осколокъ стараго времени, того недоброй памяти суда, когда передобравъ или, вѣрнѣе, не собравъ достаточно данныхъ для обвиненія, оставляли человѣка въ подозрѣніи. Полицейскій надзоръ—это ничто иное, какъ подозрѣніе надъ лицами, отбывшими наказаніе. Исчезъ старый судъ, слѣдовательно, должно исчезнуть и его дѣтище».

Остается еще и другая сторона этого устарѣлаго института, которую законодатель не можетъ не имѣть въ виду: «это то, что наряду съ ворами и мошенниками, которые только и живутъ своими преступленіями, подъ судъ люди попадаютъ и случайно, благодаря скверно или исключительно сложившимся обстоятельствамъ, или подъ вліяніемъ страсти. Такой человѣкъ въ душѣ—совершенно не преступникъ въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это слово общество: онъ — нарушитель нормы и за это долженъ быть наказанъ. Но, спрашивается, справедливо ли установленіе надъ такими лицами полицейскаго надзора, мѣры во всякомъ случаѣ позорной? Клейменіе преступниковъ было уничтожено законодателемъ, но необходимо щадить въ человѣкѣ его нравственный міръ, иначе мы сами снова толкаемъ его на преступленіе, вмѣсто того чтобы протянуть руку помощи. Получается заколдованный кругъ, изъ котораго только одинъ выходъ, одно спасеніе — отмѣна полицейскаго надзора».

Вопросъ объ отмѣнѣ ссылки въ Сибирь, по своей важности и по своимъ послѣдствіямъ, представляетъ общій интересъ. Мнѣніе Д. А. Дриля,—какъ лица близко стоящаго къ министерству юстиціи и какъ члена означенной комисіи,—должно, безъ сомнѣнія, имѣть вліяніе на направленіе и характеръ предпринятыхъ работъ. Г. Дриль является горячимъ сторонникомъ антропологической системы въ уголовной юриспруденціи, признавая, что преступность есть постольку же результатъ ненормальной нервной организаціи личности, сколько и внѣшнихъ, главнымъ образомъ, экономическихъ и соціальныхъ условій, его окружающихъ. Поэтому мнѣніе компетентнаго юриста крайне интересно по вопросу: что̀ лучше—тюрьма или ссылка и чѣмъ можетъ быть замѣнена эта послѣдняя, въ случаѣ ея окончательной отмѣны? Вотъ его соображенія и мысли по данному

Digitized by Google

вопросу, высказанныя имъ въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ одной провинціальной газеты:

«—Вы понимаете, что я могу говорить только отъ своего имени, свое личное мнѣніе. Я изъѣздилъ всю Сибирь, насмотрѣлся столькихъ ужасовъ, что пришелъ къ непоколебимому заключенію, что отмѣна ссылки будетъ истиннымъ спасеніемъ для тысячи людей. Они дышатъ здѣсь отравленнымъ воздухомъ преступленія, они оторваны отъ всего своего прошлаго, лишены возможности примѣнять свои знанія и трудъ, и потому ссылка дѣлаетъ ихъ еще болѣе способными на преступленіе. Наконецъ, съ точки зрѣнія интересовъ кореннаго населенія, въ высшей степени несправедливо заполнять цѣлый край преступными поселенцами. Эти послѣдніе и не сидятъ на мѣстахъ ссылки, а бѣгутъ куда нибудь подальше, гдѣ могутъ найти себѣ какія нибудь средства къ жизни. Потому-то огромный процентъ ссыльныхъ считается въ бѣгахъ...

— Чѣмъ же предполагается замѣнить ссылку?

— Чѣмъ ее замѣнятъ, я вамъ положительно не могу сказать. Комисія, занятая разрѣшеніемъ этого вопроса, возобновитъ свою дѣятельность только осенью.

— А ваше мнѣніе каково?

— Я нахожу, что нѣтъ другаго исхода, какъ замѣнить ее тюрьмой; это будетъ гораздо цѣлесообразнѣе, да и справедливѣе. Вѣдь каждый преступникъ есть до извѣстной степени продуктъ окружающей его среды; эта среда его создала, она и должна его исправить. Вы себѣ представить не можете, до какой степени озлоблено сибирское населеніе противъ ссыльныхъ. Понятно, что отмѣна ссылки связана съ вопросомъ о преобразованіи тюремъ. Въ этомъ, по моему, вся трудность задачи (*sic.*). Но каковы бы ни были затрудненія, со ссылкой давно необходимо покончить.

— Вѣдь наши тюрьмы переполнены. Стало быть, это прежде всего вопросъ практическій?..

— Масса народа сидитъ за безписьменность, попрошайничество и т. п. Придется иначе квалифицировать преступленія.

— Какъ на западѣ смотрятъ на ссылку?

— На послѣднемъ пенитенціарномъ конгрессѣ огромное большинство высказалось категорически противъ нея. У нѣмцевъ ссылки нѣтъ и они прямо говорятъ, что не желаютъ заражать своихъ колоній преступниками. Въ Англіи ссылка отмѣнена, во Франціи стремятся къ тому же, хотя прежнее министерство колоній стояло за колонизацію преступниковъ. Остается Португалія, гдѣ ссылка существуетъ, но это столь маленькая страна, что съ ея режимомъ не приходится считаться...

Digitized by Google

— Чѣмъ же западныя государства замѣнили ссылку?

— Тюрьмами, исправительными домами и т. п. учрежденіями.

— Но зато на Западѣ стремятся придать тюрьмамъ скорѣе *исправительный, чѣмъ карательный характеръ.*

— *То же самое придется сдѣлать и намъ.* Можно, наконецъ, предупредить ростъ преступности учрежденіемъ пріютовъ для малолѣтнихъ преступниковъ, быстро поддающихся исправленію».

Огласившіеся недавно факты затрудненія въ платежахъ извѣстныхъ русскихъ фирмъ П. П. фонъ-Дервиза и С. Мамонтова заставляютъ призадуматься не только лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ дѣлахъ этихъ фирмъ, но и всѣхъ, кто интересуется судьбами русскаго капитала. Фирма П. П. фонъ-Дервиза, не смотря на значительное превышеніе актива, заключающагося въ недвижимостяхъ и цѣнныхъ бумагахъ, пріостановила платежи. Положеніе ея дѣлъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Главными кредиторами фирмы П. П. фонъ-Дервизъ по векселямъ состоятъ: банкирскій домъ Вавельбергъ и Комп.—на сумму 575,000 руб., государственный банкъ на 1.775,000 руб., русскій для внѣшней торговли банкъ на 500,000 руб., русскій торгово-промышленный банкъ на 900,000 р., с.-петербургскій учетный и ссудный банкъ на 550,000 р. Значительно болѣе крупными суммами выражается долгъ нѣкоторымъ с.-петербургскимъ кредитнымъ и промышленнымъ учрежденіямъ по «онкольному счету» фирмы. Хотя этотъ долгъ и обозначенъ преимущественно цѣнностями, котирующимися на биржѣ, но, въ виду значительнаго количества ихъ, нормальная и безубыточная реализація потребуетъ болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Главная задолженность по такого рода счетамъ распредѣляется между банкирскимъ домомъ Вавельбергъ и Комп., русскимъ для внѣшней торговли банкомъ, русскимъ торгово-промышленнымъ банкомъ и с.-петербургскимъ учетнымъ и ссуднымъ банкомъ. Общая сумма долга по онкольнымъ счетамъ, какъ выше упомянутымъ учрежденіямъ, такъ и другимъ учрежденіямъ и лицамъ въ Петербургѣ и прочихъ городахъ, простирается до 11.000,000 руб.

Дѣйствительная стоимость всего имущества и цѣнныхъ бумагъ, при первоначальной оцѣнкѣ, опредѣлилась свыше 47 милл. р.; съ упомянутой суммы, при заключеніи счетовъ, было скинуто 33 проц. общей стоимости, такъ что, при опредѣленіи положенія дѣлъ фирмы, активъ принятъ въ суммѣ 32 милл. руб. и по такому разсчету *превысилъ пассивъ свыше 6½ милл. руб.* Такимъ образомъ, по даннымъ баланса, въ строгую оцѣнку котораго вошли заинтересо-

Digitized by Google

ванныя учрежденія, онъ представляется вполнѣ гарантирующимъ интересъ кредиторовъ.

Для приведенія дѣлъ въ порядокъ учреждена временная администрація, въ составъ которой вошли почти исключительно одни *жиды*. Русскій человѣкъ временно оказался въ затрудненіи—вѣдь нельзя же считать фонъ-Дервиза банкротомъ, когда его активъ превышаетъ пассивъ на $6^1/_2$ милл. руб.? — и надъ нимъ назначается немедленно жидовская опека. Временная администрація, состоящая изъ жидовъ—это страшнѣйшая опека. Мы ни на минуту не сомнѣваемся, что дѣла фонъ-Дервиза будутъ приведены въ порядокъ, и въ выигрышѣ... останутся, конечно, жиды.

Въ биржевыхъ сферахъ царитъ въ настоящее время паника. Но есть ли серьезныя причины для такой паники? На этотъ вопросъ крайне трудно отвѣтить положительно. Промышленные и биржевые кризисы всегда демонстрируются крахами, но отсюда не слѣдуетъ, что крахи всегда и всенепремѣнно свидѣтельствуютъ о наступившемъ кризисѣ. Конечно, количество краховъ предсказываетъ кризисъ. Для сущности дѣла, — т. е. для выясненія вопроса о томъ, имѣемъ ли мы дѣло съ крахами или кризисомъ, — важно выяснить тѣ причины, которыми вызываются крахи. Если они вызываются причинами, общими для всей данной отрасли промышленности, то въ такомъ случаѣ мы несомиѣнно имѣемъ дѣло съ кризисомъ.

Что же у насъ въ дѣйствительности происходитъ теперь? Кризисъ или крахи?

Пока на лицо у насъ «крахи». Отсюда и паника въ биржевыхъ сферахъ. Но паника не простая, а подогрѣваемая нашими банками и жидами. Вѣдь до сихъ поръ еще не выяснены причины «краховъ» и трудно сказать, есть ли вѣскія основанія для нихъ, а, слѣдовательно, и для биржевой паники. «Крахъ» свалилъ Дервиза и Мамонтова. За ними могутъ послѣдовать Ивановъ, Петровъ, Григорьевъ, но по этой дорогѣ не пойдутъ Каинбергъ, Гешефтмахеръ, Швейнбергъ и пр. Почему послѣдняя категорія лицъ не пойдетъ по дорогѣ краховъ?— это для всѣхъ понятно. Каинбергъ и Гешефтмахеръ работаютъ не одни, за ними стоятъ другіе Каинберги и Гешефтмахеры, разсѣянные по всему лицу земли. Въ случаѣ нужды они всегда найдутъ помощниковъ и защитниковъ, и для нихъ будетъ всюду открытъ кредитъ. Ни надъ однимъ Каинбергомъ, конечно, не была бы учреждена опека, въ видѣ временной администраціи, какъ это сдѣлано надъ фирмой Дервиза! Будь у Каинберга такой же активъ, какъ у Дервиза, или даже въ нѣсколько разъ меньше, онъ никогда не позволилъ бы, чтобы съ

Digitized by Google

нимъ продѣлали такую же штуку, какую продѣлали съ фонъ-Дервизомъ.

Кто же свалилъ Дервиза? Конечно, тотъ, кому это на руку, кому выгодно, кому стояла поперекъ дороги эта фирма. Причины «краха» Дервиза пока еще неизвѣстны. Мы говоримъ, конечно, о тѣхъ причинахъ, которыя вытекали бы изъ существа дѣла и изъ постановки дервизовскихъ предпріятій. Попробуйте разобраться въ этомъ дѣлѣ. Каждый промышленникъ и предприниматель находится въ банкирскихъ тискахъ. Онъ—рабъ нашихъ банковъ и работаетъ на нихъ, не покладая рукъ. Промышленникъ и предприниматель являются тѣми смиренными и кроткими «овцами», которыхъ такъ нагло стригутъ наши банкиры. Банки же наши работаютъ, въ большинствѣ случаевъ, за счетъ иностранныхъ банковъ и капиталовъ. Въ этомъ и весь фокусъ: тутъ, какъ говорятъ нѣмцы, и «зарыта собака». Процвѣтаніе чисто-русской фирмы невыгодно иностраннымъ капиталистамъ. Отсюда одинъ шагъ къ тому, чтобы уничтожить эти фирмы. Иностранный капиталистъ дѣлаетъ должное внушеніе или прямо отдаетъ приказъ жидовскому банку,—вѣдь, у насъ, въ Россіи, почти всѣ банки въ рукахъ жидовъ!—произвести давленіе на русскаго промышленника или предпринимателя. Сначала пускаются слухи, потомъ возникаетъ биржевая паника, а чрезъ нѣсколько времени и... крахи. Русская фирма летитъ въ трубу, а на развалинахъ ея возсѣдаетъ Каинбергъ или Гешефтмахеръ, — безразлично, русскій или иностранный: отъ этого суть дѣла не мѣняется. Нужно ожидать, что за крахами Дервиза, Мамонтова, послѣдуютъ крахи Семеновыхъ, Григорьевыхъ, Павловыхъ и пр. Надъ ними будетъ сначала учреждена жидовская администрація, а потомъ на развалинахъ ихъ, т. е. Ивановыхъ и Петровыхъ, возсядутъ Каинберги. Но выгодно ли это будетъ для русскихъ, для Россіи?!

По этому же вопросу «Русскія Вѣдомости» приводятъ крайне интересныя соображенія:

«Нынѣ переживаемыя затрудненія, какъ намъ кажется, лучше всего иллюстрируютъ ненормальное положеніе нашихъ банковъ и какъ нельзя лучше доказываютъ, что новѣйшее направленіе въ ихъ дѣятельности можетъ привести къ большимъ осложненіямъ для нихъ самихъ. Въ разсчетѣ на поддержку банковъ, многія предпріятія увеличивали свои капиталы, расширяли свои обороты, превращались изъ единоличныхъ или товарищескихъ въ акціонерныя, но эта помощь оказывается совершенно эфемерной. Они лишаются поддержки именно тогда, когда она всего болѣе необходима (*sic*), когда спросъ на акціи отсутствуетъ и среди публики нельзя найти сбыта. Къ этому основному фактору, заключающемуся въ несоотвѣтствіи между ресурсами банковъ и принятою ими на себя ролью, слѣдуетъ присоединить и другой, заключающійся въ политикѣ государственнаго банка. При под-

Digitized by Google

держкѣ послѣдняго, частныя кредитныя учрежденія легче могли бы пережить тяжелое время, но этой поддержкою они въ послѣднее время не пользуются именно для тѣхъ операцій, которыя всего больше нуждаются въ ней. Какъ извѣстно, банкъ свелъ до минимума онкольные счеты и не только самъ не принимаетъ въ залогъ бумагъ до востребованія, но сокращаетъ такіе кредиты другимъ банкамъ. При такой постановкѣ, банки лишены той поддержки, которую они прежде имѣли въ государственномъ банкѣ, предоставлены собственнымъ силамъ. Такая политика государственнаго банка, въ принципѣ совершенно правильная, свидѣтельствовала бы о взглядахъ министерства финансовъ на задачи комерческихъ банковъ, еслибы одновременно съ этимъ то же финансовое вѣдомство не поощряло возникновенія новыхъ предпріятій.

Вотъ именно эти два обстоятельства,—быстрый ростъ промышленныхъ предпріятій, превосходящій ресурсы нашихъ банковъ, съ одной стороны, а съ другой стороны политика высшаго кредитнаго учрежденія страны,—являются главными и основными причинами переживаемыхъ теперь затрудненій».

Но по поводу краховъ и ихъ причинъ раздаются и другіе голоса, которыхъ нельзя обойти молчаніемъ, а нужно принять ихъ къ свѣдѣнію не для того, чтобы руководиться ими, а для того, чтобы знать, что̀ за народъ, съ которымъ volens-nolens намъ приходится жить подъ одною крышею.

Въ газетѣ «Россія» напечатано открытое письмо нѣкоего И. Р-штейна по поводу вліянія иностранныхъ капиталовъ на русскіе «крахи». Г. Р-штейнъ—иностранецъ, и въ своемъ письмѣ выступаетъ въ качествѣ горячаго защитника иностранцевъ, въ науку къ которымъ и приглашаетъ молодую русскую промышленность. Мы извиняемся предъ читателемъ, что дѣлаемъ большую выписку изъ этого крайне характернаго, по своей безцеремонности, письма.

По мнѣнію г. Р—штейна, «въ русскихъ крахахъ виноваты не иностранцы, а сами русскіе: послѣдніе — причина, а вторые только неизбѣжное и неотвратимое (особенно напираю на этомъ эпитетѣ) слѣдствіе. «Нечего на зеркало пенять». Русскому народу не хватаетъ «дѣловаго» воспитанія; русскій народъ—баринъ, рыцарь, а это на языкѣ рынка (политической экономіи—если хотите) значитъ—крѣпостникъ, т. е. человѣкъ, къ которому слово «лѣнивецъ» не подходитъ, но подходитъ англійскій синонимъ этого слова—lasy. Чацкій и Евгеній Онѣгинъ не лѣнивы, не Обломовы, но и на дѣло неспособны: ихъ удѣлъ—«Обыкновенная исторія». Не можетъ заниматься торговлею и промышленностью нація, которая къ слову «гешефтъ» относится съ рыцарскимъ презрѣніемъ (!!). Хотите торговать, такъ долой донъ-кихотствовать. Хотите донъ-кихотствовать — долой съ базара. Вещи несовмѣстимыя. Торговлею и промышленностью могутъ заниматься и въ нихъ преуспѣвать только народы, которые, въ подражаніе англичанамъ, будутъ молиться Богу, но въ то же время поклоняться божествамъ business, time и money; народы, которые читаютъ по воскресеньямъ библію, а остальные шесть разъ въ недѣлю—гроссъ-бухъ.

Не правительственное вмѣшательство вамъ нужно, а нужны вамъ Гон-

Digitized by Google

чаровы, да Гоголи... Правительство уже вмѣшалось въ дѣло русской промышленности и торговли и прекрасно вмѣшалось, вполнѣ цѣлесообразно оно сняло свой свивальникъ съ комерческаго образованія и предоставило обществу широкій просторъ въ дѣлѣ комерческаго самообразованія. Теперь очередь за самимъ обществомъ: бѣгите скорѣй учиться, и изъ школы приходите къ намъ; мы, иностранцы, дадимъ вамъ случай для практическаго примѣненія вашихъ знаній, для укрѣпляющихъ знаніе — практическихъ упражненій. Безъ знанія и умѣнья милліоны вамъ не помогутъ, а навредятъ: — не «все возьметъ злато» и милліоны, и банки подобны ножу, который умѣлому отрѣжетъ хлѣба, а неумѣлому — пальцы. Если же вы станете насъ отстранять, «затыкать перстомъ» бутылку съ квасомъ, то, во-первыхъ,—не отстраните, ибо мы, какъ извѣстно, имѣемъ способность пролѣзать черезъ окно, когда насъ «выгоняютъ въ дверп». (Такъ вы презрительно выражаетесь, вмѣсто того чтобы смиренно сознаться, что мы умѣемъ дѣло дѣлать, а вы не умѣете). Нельзя устранить морозъ, солнцепекъ, а нужно Учиться строить дома, шить одежду. Правительство вамъ противъ насъ не поможетъ, потому что мы—«сила вещей», а правительственная мѣра—дѣло временное, вещь условная. Во-вторыхъ, еслибы вамъ,—въ противность закону вещей,—удалось чудо нашего устраненія, то вы лишились бы поля брани: единственнаго мѣста, гдѣ можно «закалиться въ бою» для мирныхъ завоеваній. Самые ваши крахи—да послужатъ вамъ наукой».

Редакція «Россіи», столь горячо заступавшаяся за Дрейфуса, устами г. Дорошевича, не выдержала характера и приклеила къ этому беззастѣнчивому жидовскому письму послѣсловіе патетическаго характера:

«Итакъ, не возмущаться мы должны, когда предпріятія, созидаемыя трудами русскихъ людей, переходятъ къ иностранцамъ, — это «неотвратимое» послѣдствіе, а должны привѣтствовать подобные факты, какъ начало великаго перевоспитанія русскаго народа, въ духѣ гешефтовъ... скажемъ по просту, въ духѣ болѣе грандіознаго мошенничества, когда сохраненіе хоть искры понятія о честности должно почитаться «донъ-кихотствомъ»!..

Мы должны даже съ благоговѣніемъ признать идеей высшаго порядка предстоящее исчезновеніе наше «на рынкѣ», если мы «съ презрѣніемъ» будемъ относиться «къ гешефту». И потому поторопимся же скорѣе усвоить себѣ пріемы нашихъ «доброжелателей». Научимся же снабжать нуждающихся въ помощи нашими деньгами, на условіяхъ иностранныхъ займовъ, и усвоимъ себѣ пріемъ—требовать уплаты въ самую критическую минуту. Научимся же скорѣе раздувать доходность предпріятій, чтобы сбыть свои акціи по двойной и тройной цѣнѣ; или научимся скрывать доходность дѣлъ, чтобы за безцѣнокъ скупать акціи напуганныхъ акціонеровъ! Не страшитесь, россіяне, разныхъ словъ, въ родѣ: обманъ, плутовство, мошенничество... Вы думали: обмошенничать кого-либо, содрать съ него нѣсколько шкуръ—дѣло безчестное? Нѣтъ, право-же, нѣтъ! Вы ошибались, горько ошибались! Это—идеи наивысшаго порядка, это — орудія всемірной торговли, всемірнаго господства. Итакъ помните, — ни предъ чѣмъ не останавливайтесь, иначе будете порабощены. Напрасно даже вы думаете, что вмѣшательство правительства увѣнчается въ чемъ либо успѣхомъ. Это — утопія; это—ваше недомысліе. Напрасно вы разсчитываете, что правительственная казенная монополія продажи вина уменьшитъ пьянство въ Россіи. Не этимъ

Digitized by Google

путемъ надо вести борьбу со зломъ. Надо злу предоставить полный просторъ и тогда это зло вызоветъ «самодѣятельность», «самосознаніе». Предоставьте кабачикамъ продавать водку повсюду: въ кабакахъ, на улицахъ, на площадяхъ, въ публичныхъ мѣстахъ, даже предъ самымъ храмомъ. Предоставьте имъ право продавать водку съ лотковъ, стаканами, рюмками! Предоставьте брать въ залогъ драгоцѣнныя вещи, платье, образа и даже крестъ съ груди! Станьте, наконецъ, свободномыслящими иностранными капиталистами! И вы поймете, что путемъ полнаго развращенія народа можно поднять его нравственность; путемъ полнаго обездоленія всей націи сдѣлать ее достойной «современнаго рынка». Иначе—«долой съ базара»!..

Читатель, конечно, не усомнится, что авторъ этого письма—жидъ. Только жидъ способенъ такъ цинично и нагло выражаться о самыхъ лучшихъ человѣческихъ чувствахъ и побужденіяхъ. До самаго послѣдняго времени жидовство исповѣдывало тѣ же самые взгляды, но держало себя болѣе скрытно. Несомнѣнною новостью является только то, что жиды теперь открыто выражаютъ свои чувства и побужденія, отличающіяся невѣроятнымъ цинизмомъ. Они стали даже особенно отличаться.... въ этомъ направленіи. Можно указать и еще нѣсколько фактовъ, когда жиды безцеремонно и нагло исповѣдывали свои циничныя идеи.

Такъ, жидовскія газеты увѣряли постоянно русское общество, что онѣ, во имя только идеи справедливости и не болѣе, отводятъ въ защиту пресловутаго Дрейфуса три четверти каждаго своего нумера. Не стѣсняясь ничѣмъ, жиды-газетчики ежедневно, какъ дятлы, долбили о Дрейфусѣ, о его невиновности, о попраніи человѣческихъ правъ и пр. Цѣль ихъ, на словахъ, была, конечно, та, чтобы въ сознаніи русскаго общества возбудить интересъ къ участи несчастнаго «узника». Они этого и достигли. Но оказывается, что справедливость справедливостью, и за нее, собственно, жидъ не дастъ ни одной копѣйки, но за попавшагося въ измѣнѣ единоплеменника онъ готовъ затратить десятки милліоновъ и поднять весь кагалъ.

«Биржевыя Вѣдомости» сообщаютъ слѣдующее, прямо таки драгоцѣнное, свѣдѣніе. Роменскіе жиды-раввины, врачи, учителя, провизоры, потомственные почетные граждане, купцы, мѣщане, ортодоксы, ремесленники, прикащики, рабочіе и т. п.,—въ числѣ 400 человѣкъ подписали адресъ защитнику Дрейфуса Э. Золя и послали его редактору газеты «Aurore». Вотъ этотъ замѣчательный адресъ:

„Весь родъ человѣческій занятъ теперь величайшей работой: онъ заноситъ въ свои лѣтописи на вѣки вѣчные славное имя апостола правды XIX вѣка и величайшаго борца за истину и справедливость. Имя этого человѣка—Э. Золя. Но между всѣми народами есть одна нація, занятая теперь двоякой работой, а именно: она заноситъ въ свои скрижали имя Э. Золя, какъ вдохновеннаго борца за истину и какъ защитника человѣческихъ правъ преслѣдуемаго (??!) народа. Эту двоякую историческую работу съ тре-

Digitized by Google

петомъ неизъяснимаго восторга выполняетъ теперь народъ израильскій. Наше святое писаніе говоритъ, что въ самую трудную минуту, когда еврейскому народу угрожаетъ опасность со стороны преслѣдователей, Провидѣніе посылаетъ ему неожиданнаго избавителя. *Въ лицѣ Альфреда Дрейфуса томился на Чортовомъ островѣ весь еврейскій народъ*: обвиняя въ измѣнѣ еврея-Дрейфуса, враги еврейства этимъ самымъ торжественно *объявили измѣнникомъ все еврейство* (sic!) ибо всему міру уже извѣстно, что Дрейфусъ былъ обвиненъ только лишь *потому, что онъ еврей* (??!). И вотъ, въ такое тяжелое для евреевъ время, Провидѣніе избрало васъ, г-нъ Золя, защитникомъ заточеннаго въ неволѣ еврейскаго племени. И какъ 3,000 лѣтъ назадъ Моисей вывелъ евреевъ изъ Египта, такъ вы теперь, г. Золя, духовно вывели еврейство съ острова дьявола, громко и пророчески доказавши всему міру, что еврей-Дрейфусъ не измѣнникъ, а напротивъ — честный солдатъ, горячо преданный своему отечеству (какому?) и благословлявшій его даже тогда, когда онъ невинно томился на „Чортовомъ Островѣ"!.. Сегодня, въ день, когда телеграфъ принесъ извѣщеніе о міровомъ торжествѣ правосудія во Франціи (рѣчь идетъ еще о кассаціи перваго приговора) и наша скромная еврейская община присоединяется ко всѣмъ евреямъ земнаго шара въ горячей молитвѣ къ богу за драгоцѣнную жизнь вашу, г. Золя, и за жизнь и благоденствіе всѣхъ вашихъ сподвижниковъ. Вмѣстѣ со всѣми евреями и эта община заноситъ въ свои вѣчныя лѣтописи вѣчное и озаренное чистымъ свѣтомъ имя Эмиля Золя».

«Не поздоровится отъ этихъ похвалъ»!—особенно послѣ втораго обвинительнаго приговора. Все же адресъ довольно краснорѣчивъ... для характеристики жидовства. Карты вскрыты. Жиды видятъ въ процессѣ Дрейфуса *исключительно свое жидовское* (*а вовсе не общечеловѣческое*) *дѣло* и преслѣдуютъ только жидовскіе интересы. «Идея справедливости»—это маска, которою обыкновенно прикрываются жиды. Будь Дрейфусъ — французомъ, русскимъ, нѣмцемъ, жиды не стали бы такъ распинаться за него. Впрочемъ, адресъ роменскихъ жидовъ честнѣе и откровеннѣе, чѣмъ ламентаціи жидовскихъ газетъ. Первые прямо говорятъ: «Дрейфусъ изъ *насихъ*— и мы за него горой». Вторые поютъ подъ сурдинку: «намъ безразлично: кто Дрейфусъ... для насъ важна идея справедливости»...

Идея справедливости, идея честности,—это такія понятія, которыя всего меньше знакомы нашимъ жидамъ-талмудистамъ. Чѣмъ позорнѣе дѣятельность, чѣмъ отвратительнѣе занятіе, тѣмъ оно излюбленнѣе, тѣмъ пріятнѣе жидамъ. Вотъ, напр., по словамъ «Русскаго Листка» въ Неаполѣ арестована на дняхъ цѣлая шайка жидовъ-торговцевъ «бѣлыми рабынями», т. е. молодыми, неопытными дѣвицами, которыя вербовались «на службу» по большей части изъ южной Россіи и Польши. Атаманъ этой шайки—нѣкій польскій жидъ Гольдгиршъ. Онъ имѣлъ своихъ агентовъ во всѣхъ главныхъ городахъ Россіи и Австріи. Польскія и еврейскія дѣвушки отправлялись изъ Одессы въ Константинополь, а оттуда въ Неаполь; изъ Неаполя несчастныя

Digitized by Google

жертвы скупщиковъ «живаго» товара перевозились въ южную Америку для помѣщенія въ различные притоны.

По словамъ «Варш. Дневника», обнаружена и другая шайка торговцевъ «живымъ» товаромъ въ г. Бендинѣ. Эта шайка, какъ и первая, занималась вербовкой обманнымъ путемъ молодыхъ дѣвушекъ для гнусныхъ профессій. Дѣвушекъ увозятъ въ Буэносъ-Айресъ, гдѣ ихъ сбываютъ за крупныя деньги содержателямъ публичныхъ домовъ.

Между прочимъ, въ составъ организованной шайки входитъ проживающій въ Варшавѣ нѣкій Ш., который всѣхъ, уговоренныхъ разными привлекательными посулами, дѣвушекъ перевозилъ въ Бендинъ и сдавалъ ихъ тамъ мѣстному обывателю Мошеку Г., а оттуда онѣ перевозились въ ближайшій германскій городокъ Катовицы, гдѣ въ этомъ дѣлѣ принималъ участіе содержатель кофейни К. Изъ Катовицъ дѣвушки небольшими партіями, сданными другимъ агентамъ, отправлялись черезъ Краковъ и Вѣну въ Геную, а оттуда на англійскихъ пароходахъ перевозились въ Буэносъ-Айресъ.

Дѣвушки вербовались молодыя, красивыя; цѣна за каждую, по словамъ «Варшавск. Дневника» доходила до 3,000 р. Съ ноября 1898 г. до іюня 1899 г. вывезено изъ Привислянскаго края до 60 дѣвушекъ. По этому дѣлу обнаружена существовавшая между участниками шайки переписка, изъ которой видно, что торговля шла довольно бойко. Въ настоящее время три лица изъ названной шайки, противъ которыхъ имѣются неоспоримыя данныя, задержаны. Шайка насчитываетъ до 12 человѣкъ, проживающихъ частію въ Бендинѣ, частію въ Сосновицахъ, и вся она,—какъ и слѣдовало ожидать,—состоитъ изъ жидовъ,—этого «невинно-гонимаго» племени.

Растлѣвающее значеніе жидовства замѣтно даже въ такихъ сферахъ, гдѣ оно менѣе всего желательно. Но ужь таковъ жидъ: куда онъ ни примажется,—всюду вноситъ свою талмудическую заразу и растлѣніе. «Церковный Вѣстникъ» опять затронулъ весьма важный вопросъ, касающійся перехода въ православіе евреевъ. «Случаи крещенія евреевъ, — говоритъ почтенный органъ, — и принятія ихъ въ число членовъ православной церкви въ послѣднее время стали довольно обычнымъ, во всякомъ случаѣ не исключительнымъ явленіемъ, такъ что довольно часто приходится встрѣчать среди лицъ разныхъ профессій, *особенно пользующихся правами государственной службы*, выкрестовъ изъ евреевъ... Но, къ глубокому прискорбію, среди нихъ же встрѣчаются и такіе, которые не только не понимаютъ истинъ православной вѣры, а готовы ихъ оспаривать и отвергать, и такимъ образомъ въ дѣлѣ строительства христіанской жизни являются не столько созидающими, *сколько разрушаю-*

Digitized by Google

щими. Пишущему эти строки пришлось однажды имѣть дѣло съ подобнымъ субъектомъ. Это было 8 марта 1897 года. Придя со службы къ себѣ домой, авторъ встрѣтилъ у себя дома одно высокопоставленное лицо, для собесѣдованія съ авторомъ, какъ спеціалистомъ еврейскаго языка. Какъ оказалось изъ этой бесѣды, нѣкто г. К. принадлежалъ къ числу образованныхъ евреевъ, слушалъ въ берлинскомъ университетѣ лекціи по медицинскому факультету и, будучи русскимъ подданнымъ, принялъ православіе. Его оглашеніе и крещеніе совершалъ одинъ военный священникъ въ одномъ изъ городовъ Привислянскаго края и совершилъ въ очень короткій срокъ. Въ то время, когда г. К. крестили и принимали въ число членовъ церкви, онъ будто бы внутренно соглашался съ христіанскимъ вѣроученіемъ, но послѣ крещенія, подъ вліяніемъ какой-то реакціи, онъ сталъ сильно сомнѣваться не только въ частныхъ, но даже въ главныхъ истинахъ христіанской вѣры. Эти сомнѣнія препятствовали ему исполнить христіанскій долгъ исповѣди и пріобщенія св. тайнъ, такъ какъ священники, которымъ онъ открывался въ своихъ сомнѣніяхъ, хотя не разрѣшали ихъ, но, тѣмъ не менѣе, выслушавъ, не рѣшались допустить его къ св. причастію».

Настоящій случай имѣетъ значеніе, конечно, не самъ по себѣ, а лишь служитъ показателемъ допускаемой иногда практики относительно оглашенія и св. крещенія относительно принимающихъ православіе евреевъ. По собраннымъ «Церковнымъ Вѣстникомъ» свѣдѣніямъ оказывается, что православные священники,—къ которымъ евреи, ищущіе св. крещенія, обращаются съ просьбою о принятіи ихъ въ церковь,—въ разныхъ мѣстахъ и приходахъ назначаютъ неодинаково-продолжительный срокъ, требуемаго по закону, искуса и оглашенія: одни—больше, другіе—меньше. Съ другой стороны, самый искусъ и оглашеніе не всѣми производятся одинаково тщательно и подробно. Жиды, принимающіе православіе *не по внутреннимъ, а по внѣшнимъ побужденіямъ*, естественно стремятся туда, гдѣ въ этомъ отношеніи имъ предъявляютъ легкія требованія, вслѣдствіе чего предъ св. крещеніемъ не научаются должнымъ образомъ истинамъ христіанской вѣры и, не смотря на крещеніе, по складу своихъ религіозныхъ убѣжденій, остаются и послѣ того религіозными скептиками или невѣждами.

«Послѣдствія такой поспѣшности—говоритъ «Церковный Вѣстникъ»—въ принятіи евреевъ въ церковь, для жизни русской церкви могутъ быть весьма печальны. Подобные выкресты, побуждаемые житейскими выгодами, *могутъ впослѣдствіи проникать въ клиръ и достигать вліянія въ церкви*. Чрезъ свое умноженіе въ составѣ церкви, они мало-по-малу могутъ образовать *особую об-*

Digitized by Google

щину съ чисто-іудейскимъ пошибомъ,—нѣчто въ родѣ секты жидовствующихъ,—которая будетъ оказывать вліяніе и на другихъ, соприкасающихся съ ней, членовъ церкви. Приращеніе же къ началамъ іудейства, съ его строгой формальной дисциплиной, съ его оправданіемъ человѣка предъ Богомъ посредствомъ дѣлъ обрядоваго закона, со стороны русскаго, особенно простаго народа, съ его приверженностью къ внѣшне-религіознымъ обрядамъ, съ готовностью найти въ нихъ главное спасающее начало, не смотря на противоположность двухъ національныхъ характеровъ, — какъ показываетъ возникновеніе секты субботниковъ, — представляется дѣломъ возможнымъ. И вотъ открывается перспектива новыхъ вредныхъ вѣяній въ церкви, — вѣяній, напоминающихъ время ереси жидовствующихъ. *Вотъ каковы могутъ быть послѣдствія излишней поспѣшности въ пріятіи евреевъ въ церковь*, безъ должнаго искуса и оглашенія. А посему caveant consules! *Да не увлекаются имѣющіе ключи церкви мотивами излишней гуманности*, но открываютъ врата церковныя лишь тѣмъ изъ обращающихся евреевъ, которые достойны этого по своему неложному раскаянію и искренней вѣрѣ во Христа».

Но этого мало, жиды, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, обращаются въ православіе ради матеріальныхъ выгодъ. Это видно уже изъ одного того факта, что въ воспріемники они берутъ себѣ лицъ высокопоставленныхъ и вліятельныхъ, съ очевидною цѣлью—добиться чрезъ нихъ матеріальныхъ выгодъ. Укажемъ на одинъ подобный фактъ. Въ одно изъ центральныхъ учрежденій поступаетъ на службу жидъ-выкрестъ. Всѣхъ удивило, почему онъ сразу получилъ такую должность, до которой православные, имѣвшіе бо́льшія права, дослуживались чрезъ 2—3 года.

Недоумѣніе быстро разъяснилось: начальникъ этого учрежденія оказался—воспріемникомъ счастливаго жида! Пишущему эти строки не разъ приходилось въ Варшавѣ слышать негодованіе коренныхъ русскихъ и православныхъ на то, что выкресты пользуются бо́льшими правами, нежели православные. «Я крайне сожалѣю, — съ горечью говорилъ мнѣ одинъ изъ чисто русскихъ и православныхъ чиновниковъ, — что я родился русскимъ и православнымъ». Я удивился... — «Не удивляйтесь. Родись я жидомъ, полякомъ, я принялъ бы сейчасъ православіе, и мои дѣла пошли бы прекрасно: дѣти мои получали бы пособія, были бы освобождены отъ платы за ученіе въ гимназіяхъ, и я самъ получалъ бы прекрасное содержаніе. Вонъ Р. (онъ указываетъ мнѣ на одного нашего общаго знакомаго) смотрите, какъ отлично устроился. Ребятишки его освобождены отъ платы за ученіе въ гимназіи, самъ онъ получаетъ хо́ро-

Digitized by Google

шій окладъ и пр. А вѣдь преимущество его предо мною состоитъ только въ томъ, что онъ родился жидомъ и... сдѣлался православнымъ; я же родился русскимъ и отъ рожденія... православный». Нельзя не призадуматься надъ словами этого русскаго чиновника и нельзя не признать всей ихъ справедливости. Значитъ, накипѣло на душѣ у этого русскаго человѣка, если онъ сожалѣетъ, что родился русскимъ и православнымъ!!

«Наблюдатель» уже не разъ говорилъ, что для рѣшенія еврейскаго вопроса важно не столько, чтобы евреи сдѣлались православными, а чтобы они *отказались отъ талмуда и шулханъ-аруха*. Вѣдь евреи-караимы пользуются у насъ всѣми правами! Еврейскій вопросъ держится у насъ не на религіозной почвѣ, а на соціальной и политической. Благодаря талмуду, жидовство у насъ, какъ и вездѣ, является «государствомъ въ государствѣ», и, благодаря тому же талмуду, жидъ смотритъ на представителей другихъ національностей, какъ на рабовъ, созданныхъ для него Господомъ Богомъ. Лишь отчаянный и слѣпой врагъ русскаго народа можетъ упрекнуть его въ недостаткѣ вѣротерпимости. Чего другаго, а вѣротерпимости у насъ хоть отбавляй.

«Свѣтъ», говоря о вѣротерпимости русскаго народа, ссылается на наблюденіе, сдѣланное г. Ганото во время посѣщенія имъ Петербурга:

«Вниманіе французскаго министра было привлечено обиліемъ иновѣрческихъ церквей на Невскомъ проспектѣ. Въ то время какъ во всѣхъ государствахъ Стараго и Новаго Свѣта храмы господствующей религіи занимаютъ наиболѣе видныя мѣста, а иновѣрческимъ церквямъ отводятся болѣе отдаленные отъ центра уголки, въ Петербургѣ наблюдается совершенно иное положеніе: въ наиболѣе оживленной части Невскаго проспекта, отъ Аничкина моста до Адмиралтейства находится всего *одинъ православный храмъ*— Казанскій соборъ,—но на этомъ же сравнительно небольшомъ пространствѣ *высятся четыре великолѣпныхъ иновѣрческихъ церкви* (армянская, римско-католическая, лютеранская и голландская), не говоря о реформатской церкви на Большой Морской, о французской реформатской церкви въ Большой Конюшенной, о финской и о шведской церквяхъ—тамъ же. Прежде находились на Невскомъ проспектѣ, — правда въ весьма скромныхъ помѣщеніяхъ на внутреннихъ дворахъ, — также караимская медреса и магометанская мечеть. Г. Ганото, передавая президенту французской республики о своемъ наблюденіи, назвалъ Невскій проспектъ «улицей религіозной и международной терпимости по преимуществу» (La rue de la tolerance religieuse et internationale par excellence). И, дѣй-

*

Digitized by Google

ствительно, въ отношеніи вѣротерпимости Россія можетъ служить примѣромъ для всего культурнаго міра, и громадныя милліонныя зданія, сооруженныя армянскою, лютеранскою, римско-католическою, голландскою, нѣмецко-реформатскою, французско-реформатскою, финскою и шведскою общинами Петербурга въ самыхъ выдающихся частяхъ столицы, служатъ подтвержденіемъ этого факта, обратившаго на себя особенное вниманіе нашего недавняго французскаго гостя. А если мало этихъ доказательствъ религіозной терпимости, то можно привести еще тотъ фактъ, что во время магометанскаго байрама и другихъ наиболѣе важныхъ мусульманскихъ празднествъ наша дума уступаетъ проживающимъ въ Петербургѣ послѣдователямъ вѣроученія Магомета великолѣпную Александровскую залу для совершенія богослуженія».

Такое отношеніе русскаго народа и правительства къ чужимъ вѣроисповѣданіямъ особенно рельефно выяснится, если сравнить его съ отношеніемъ другихъ государствъ къ православію. Въ Вѣнѣ, напримѣръ, русская церковь построена въ саду нашего посольства, потому что на улицѣ ее не разрѣшили строить. Даже въ либеральномъ Парижѣ намъ не разрѣшили строить церковь въ центрѣ города, на Монмартрскомъ бульварѣ, а отвели ей мѣсто на маленькой улицѣ Дарю...

Недавно состоялось назначеніе государственнаго секретаря, В. К. фонъ-Плёве, исправляющимъ должность министра статсъ-секретаря великаго княжества финляндскаго. Назначеніе это является весьма знаменательнымъ событіемъ въ исторіи нашихъ отношеній къ Финляндіи. Русскій статсъ-секретарь для великаго княжества финляндскаго—не новость. Вскорѣ послѣ присоединенія этой окраины къ русскимъ владѣніямъ, съ 1808 по 1811 г., во главѣ финляндскаго статсъ-секретаріата стоялъ русскій сановникъ М. М. Сперанскій, въ качествѣ докладчика монарху о всѣхъ дѣлахъ новой окраины.

Сперанскій, не смотря на то, что скоро сложилъ съ себя это званіе, всегда настаивалъ на томъ, что *докладываніемъ финляндскихъ дѣлъ долженъ руководить русскій сановникъ*. Если предложеніе Сперанскаго было отвергнуто, то въ этомъ, конечно, не его вина. Графу Армфельту удалось добиться того, что статсъ-секретарь остался, но съ финляндцемъ во главѣ. Статсъ-секретарь финляндецъ и содѣйствовалъ обособленію Финляндіи отъ Россіи. Теперь же, когда во главѣ этого учрежденія становится управляющій дѣлами нашего государственнаго совѣта, нужно надѣяться, найдется и то соединительное звено, которое необходимо для сло-

Digitized by Google

ченія центра съ финляндской окраиной. Съ назначеніемъ исправляющимъ должность министра-статсъ-секретаря русскаго сановника, да и притомъ еще съ большимъ государственнымъ опытомъ, широкими взглядами и твердымъ характеромъ,—финляндскій генералъ-губернаторъ, стоявшій особнякомъ, пріобрѣтаетъ опытнаго союзника или помощника для правильнаго рѣшенія общегосударственныхъ вопросовъ.

Наше образованное общество можетъ вздохнуть съ облегченіемъ, прочтя въ газетахъ циркуляръ г. министра народнаго просвѣщенія, Н. П. Боголѣпова, и рѣчь новаго попечителя харьковскаго учебнаго округа. То, что̀ говорила уже цѣлыхъ два десятка лѣтъ независимая часть русской прессы, тѣ безконечныя жалобы, которыя неслись съ разныхъ концовъ Россіи отъ всѣхъ родителей, не относящихся безучастно къ воспитанію своихъ дѣтей, — все это перестало уже быть «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ».

„Среди педагоговъ и родителей—говоритъ въ своемъ циркулярѣ г. министръ народнаго просвѣщенія—*давно слышатся жалобы* на разные недостатки нашихъ учебныхъ заведеній. Указываютъ, напр., на *отчужденность отъ семьи и бюрократическій характеръ средней школы, вносящій сухой формализмъ и мертвенность въ живое педагогическое дѣло* и ставящій въ ложныя взаимныя отношенія преподавателей и учениковъ; на *невниманіе къ личнымъ особенностямъ учащихся и пренебреженіе воспитаніемъ нравственнымъ и физическимъ, на нежелательную спеціализацію школы съ самыхъ младшихъ классовъ*, обрекающую дѣтей на извѣстный родъ занятій, прежде чѣмъ выяснились ихъ природныя способности и склонности; на *чрезмѣрность ежедневной умственной работы*, возлагаемой на учениковъ, особенно въ низшихъ классахъ гимназій; на *несогласованность программъ* между собою и съ учебнымъ временемъ и на значительное наполненіе ихъ требованіями второстепенными и даже излишними; на *недостаточное преподаваніе русскаго языка, русской исторіи и русской литературы и слабое ознакомленіе съ окружающей природой*, что̀, взятое вмѣстѣ, лишаетъ школу жизненнаго и *національнаго* характера; на *излишнее преобладаніе древнихъ языковъ* и неправильную постановку ихъ преподаванія, благодаря которой *не достигается цѣль классическаго образованія*, не смотря на отводимое этимъ языкамъ значительное количество часовъ, на *недостаточную умственную зрѣлость оканчивающихъ курсъ гимназій, что̀ препятствуетъ успѣшному ходу ихъ университетскихъ занятій*“ и пр., и пр.

Пересчитавъ всѣ эти упреки, безплодно раздававшіеся до сихъ поръ по адресу, преимущественно, нашихъ «катковскихъ» классическихъ гимназій, которые выучивали своихъ питомцевъ только грамматическимъ правиламъ древнихъ языковъ (да и то съ грѣхомъ пополамъ!), оставляя ихъ въ полномъ невѣжествѣ и относительно исторіи и литературы собственнаго отечества, и относительно окружающей природы вообще,—г. министръ, не раздѣляя этихъ упрековъ

Digitized by Google

цѣликомъ (чего, въ данномъ случаѣ, и не требуется) признаётъ, однако, за ними *«извѣстную долю справедливости»*. Вслѣдствіе этого признанія, котораго уже давно ждетъ русское общество, г. министръ учреждаетъ особую комисію изъ представителей отъ всѣхъ учебныхъ округовъ,—«наиболѣе опытныхъ, образованныхъ и даровитыхъ руководителей и преподавателей средней школы» (гимназіи и реальнаго училища). При этомъ г. министръ ставитъ для комисіи цѣлый рядъ вопросовъ, подлежащихъ ея всестороннему обсужденію. Особенному же вниманію ея онъ рекомендуетъ послѣдній (5-ый) вопросъ, который и формулируется имъ такимъ образомъ: «Еще большаго вниманія заслуживаетъ вопросъ о *нравственномъ воспитаніи въ широкомъ смыслѣ*. Хотя именно на этой сторонѣ своей жизни школа больше всего находится въ зависимости отъ нравственнаго уровня семьи и общества, — она, тѣмъ не менѣе, должна сдѣлать со своей стороны все возможное, чтобы развивать въ своихъ воспитанникахъ волю, воспитываемую религіозными и нравственными началами. Поэтому комисія должна обсудить, какія средства могли бы содѣйствовать развитію въ воспитанникахъ *искренняго религіознаго чувства, искренней привязанности и преданности государю и отечеству*, чувства долга, чести, правдивости, уваженія къ авторитетамъ и т. д., *имѣя въ виду не одну систему формальныхъ предписаній*, но и мѣры, проникающія въ повседневную жизнь школы».

«Катковская» школа, какъ извѣстно, давно обѣщала намъ этотъ нравственный эльдорадо,—путь къ которому властно указывался только изученіемъ греческихъ «аористовъ», латинскихъ «герундіевъ», да почти полнымъ изгнаніемъ русской литературы и исторіи;—но торжественное обѣщаніе это такъ и осталось обѣщаніемъ! Даже университетскіе безпорядки, — прекращеніе которыхъ тоже сулили намъ ультра-классики,—не уменьшились, а увеличились, принявъ обостренный характеръ какого-то *жидовскаго заговора*, что наглядно доказывается видным участіемъ въ нихъ «кіевскаго союзнаго совѣта». Оно и понятно: изъ обученія и воспитанія нашего юношества такъ тщательно вырывались всѣ національные корни, что оно весьма легко поддавалось космополитической жидовской проповѣди, окрашеиной всѣми цвѣтами радуги, хотя въ сущности эта проповѣдь имѣетъ въ виду далеко не благо «всечеловѣчества», но выгоды только одного, якобы «избраннаго», народа...

Въ циркулярѣ Н. П. Боголѣпова самою драгоцѣнною чертою является именно указаніе на то, что школа, кромѣ своего *общеобразовательнаго*, должна имѣть еще *національно-воспитательный характеръ*, и что русская школа не можетъ рабски копировать

Digitized by Google

никакой другой школы, выработавшейся исторически, на извѣстныхъ народныхъ устояхъ. Нашъ журналъ говорилъ объ этомъ въ теченіе всего своего существованія, и еще недавно повторилъ свои взгляды въ статьѣ г. Пашина («Нѣсколько словъ о національномъ воспитаніи русскаго юношества», № 7). Тѣмъ пріятнѣе было намъ убѣдиться, что программа національнаго воспитанія русскаго юношества не далека отъ осуществленія. Хотя мы и не вѣримъ во всемогущество канцелярій и комисій, но вопросъ, возбужденный министромъ народнаго просвѣщенія, поставленъ правильно, и наша національная печать можетъ, съ своей стороны, много содѣйствовать его надлежащему разрѣшенію. Говорятъ, что «правильно поставить вопросъ—значитъ уже на половину рѣшить его».

Ту же мысль о необходимости національнаго воспитанія высказалъ, вслѣдъ за министромъ народнаго просвѣщенія, и вновь назначенный попечитель харьковскаго учебнаго округа, В. К. Анрепъ. На пріемѣ начальниковъ харьковскихъ учебныхъ заведеній, онъ выразилъ убѣжденіе, что «*средняя* (одна ли средняя?) *школа должна непремѣнно имѣть яркую національную окраску.* Огромное культурное значеніе западно-европейскихъ школъ основано, главнымъ образомъ, на томъ, что онѣ воспитываютъ *будущихъ гражданъ для своей страны:* изъ англійской школы выходитъ англичанинъ, изъ нѣмецкой—нѣмецъ». «*Школа*—закончилъ г. Анрепъ—*никогда не должна забывать, что она воспитываетъ русское юношество для служенія своей родинѣ—русской землѣ*».

А вотъ теперь-то именно она и забываетъ объ этомъ. Недаромъ же у насъ практикуются всяческіе «національнизмы», кромѣ русскаго, и заговорить даже о необходимости общегосударственнаго языка—считается возмутительнымъ насиліемъ. Не хотимъ ли мы дождаться, что жиды навяжутъ намъ свой «волапюкъ»?!

Digitized by Google

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»).

ПО БѢЛУ СВѢТУ.

(Замѣтки и наблюденія).

Finita la comedia!—Вторичное осужденіе Дрейфуса.—Рѣчь военнаго прокурора.—Примирятся ли жиды съ этимъ приговоромъ?—Наглость и угрозы жидовскихъ газетъ.—«Бойкотированіе» французской всемірной выставки.—Бѣглый взглядъ на столѣтіе жидовской «равноправности».—Очевидные результаты ея. — «Какъ волка ни корми, все въ лѣсъ глядитъ». — Опасныя шутки съ огнемъ.—Участь, приготовляемая Россіи жидами.—Гнусное закабаленіе печати.—Хвалы жидовскому парламентаризму.—Фальшивое общественное мнѣніе; гримъ и маскировка.—*Національность* и *религія*, отрицаемыя для всѣхъ народовъ, кромѣ жидовъ.—«Уходите по добру, по здорову»!

I.

Занавѣсъ опущенъ. Послѣдній актъ отвратительной комедіи, прогремѣвшей на весь міръ подъ именемъ «Дрейфусіады», окончился... если несовсѣмъ благополучно для Франціи, то далеко не къ выгодѣ той международной шайки мошенниковъ, которая ломала копья и швыряла милліоны въ защиту новѣйшаго Іуды-предателя. Копья не пробили, однако, патріотической честности французскаго суда; не подкупили ея и гнусные жидовскіе сребренники. Да здравствуетъ наша союзница Франція и да процвѣтаетъ она безъ опеки израильскаго кагала, безъ талмудическаго лицемѣрія и фарисейства!

Пять недѣль бился военный судъ въ Реннѣ надъ вторичнымъ разсмотрѣніемъ этого сквернаго дѣла; пять недѣль безпристрастно слушалъ и наглое запирательство Дрейфуса, и честныя показанія французскихъ военныхъ министровъ, и наглое крючкотворство Лабори, «самого себя высѣкшаго»; пять недѣль подвергался давленію на свою независимость и совѣсть

Digitized by Google

со стороны провансальскаго жида Галифэ, запутаннаго по уши въ долги, и ловкаго панамиста на всѣ руки Вальдека-Руссо,—и все таки вынесъ *вторичный обвинительный приговоръ* негодяю, торговавшему военными секретами на пагубу Франціи. Фактъ подлой измѣны признанъ судомъ безповоротно, не смотря на всѣ шулерскія подтасовки жидовскихъ наемщиковъ, и если въ судебный приговоръ включена оговорка о «снисхожденіи», то это была, повидимому, невольная уступка, сдѣланная судьями для успокоенія страны, до-нельзя взволнованной преступною бандой, и въ надеждѣ на то, что этому снисходительному приговору *искренно подчинятся*,—какъ и желалъ президентъ Лубэ,—сторонники Дрейфуса вмѣстѣ съ антидрейфусистами.

Строго говоря, ни для какого снисхожденія тутъ не было мѣста. Разъ только признанъ *фактъ измѣны*, разъ только удостовѣрено, что не подставная кукла—Эстергази,—притомъ же кукла, благополучно спрятанная за лондонскими кулисами, выдавала иностранному правительству секретные военные планы,—ни о какомъ снисхожденіи тутъ не можетъ быть и рѣчи. Дрейфусъ не могъ отговориться незнаніемъ того вреда, который онъ причинялъ своею продажностью, не могъ ссылаться даже на крайне тяжелыя матеріальныя обстоятельства, вынудившія его на такой шагъ, такъ какъ матеріальное его положеніе было вовсе не дурно и, вдобавокъ къ своимъ собственнымъ средствамъ и къ офицерскому жалованью, онъ получалъ еще хорошій приварокъ отъ своего «содержанства» у богатыхъ блудницъ, какъ это и обнаружилось на процессѣ русскаго эмигранта Владимірова. Смягченіе приговора — повторяемъ—можетъ быть объяснено только политическими соображеніями, а самая вина Дрейфуса передъ закономъ и страною признана вполнѣ. Достаточно прочитать прекрасную рѣчь правительственнаго комисара Карьера, чтобы устранить всякія сомнѣнія насчетъ виновности «француза моисеева закона».

Прежде всего, Карьеръ справедливо засвидѣтельствовалъ, что «задача новаго суда надъ Дрейфусомъ сводилась, въ основныхъ чертахъ своихъ, къ задачѣ суда 1894 года, вслѣдствіе чего была возобновлена въ томъ же порядкѣ и вся судебная процедура, съ тою только разницею, что *пренія на этотъ разъ отличались несравненно бо́льшею полнотою, велись самымъ подробнымъ образомъ и при открытыхъ дверяхъ*, въ интересахъ какъ правосудія, такъ и общественнаго мнѣнія. *Мой долгъ—говорить спокойно и умѣренно*. Я не защищаю кліента, я не имѣю права на собственное мнѣніе, *я долженъ отыскать правду* и почерпнуть ее въ совокупности данныхъ, добытыхъ слѣдствіемъ, а затѣмъ уже представить ее суду, *безъ предвзятыхъ чувствъ, безъ всякой страстности и боязни*».

Digitized by Google

И въ своей рѣчи Карьеръ сдержалъ это обѣщаніе. Онъ говорилъ «спокойно и умѣренно», не билъ себя въ перси, не взывалъ къ «человѣчеству», не кривлялся и не ломался, какъ въ балаганѣ, а внимательнымъ разборомъ всѣхъ обнаруженныхъ данныхъ приводилъ судей къ убѣжденію въ несомнѣнной виновности Дрейфуса. Скромный майоръ, въ этомъ отношеніи, могъ дать прекрасный урокъ разнузданному «лихачу жидовской адвокатуры», мэтру Лаборй. Разъясняя, насколько Эстергази могъ сообщить данныя, заключавшіяся въ бордеро, Карьеръ подвергъ ихъ остроумной критикѣ и пришелъ къ заключенію, что сообщить ихъ могъ только офицеръ главнаго штаба (какимъ и былъ Дрейфусъ) а отнюдь не строевой майоръ (какъ Эстергази). Таковы были, напримѣръ, свѣдѣнія о составѣ артиллеріи и о Мадагаскарѣ. Также точно Эстергази не могъ написать фразы: «я ѣду на маневры», по поводу которой «были пролиты потоки чернилъ и словъ», по выраженію правительственнаго комисара. Эстергази уже потому не могъ написать этой фразы, что онъ долженъ былъ знать напередъ, что *не* поѣдетъ на маневры, а Дрейфусъ могъ еще въ этомъ сомнѣваться до рѣшенія главнаго штаба, объявленнаго всѣмъ прикомандированнымъ только 28 августа. Въ почеркахъ (а на сходствѣ почерковъ Дрейфуса и Эстергази и велась вся шулерская игра) Карьеръ призналъ себя некомпетентнымъ; тѣмъ не менѣе, относительно «бордеро» онъ призналъ нужнымъ замѣтить, что «*Дрейфусъ — человѣкъ смышленый и предупредительный, а потому легко могъ предумышленно исказить свой почеркъ, чтобы сдѣлать его схожимъ съ почеркомъ Эстергази*». Майоръ Карьеръ коснулся въ своей рѣчи также и документовъ секретнаго «dossier», въ которыхъ имѣются явныя улики противъ Дрейфуса и, вернувшись къ Эстергази, «*безусловно отрицалъ основательность возникшихъ на его счетъ подозрѣній*» (а эти подозрѣнія, за извѣстную мзду, возбудилъ противъ себя самъ Эстергази). Документовъ о мобилизаціи, хранившихся въ главномъ штабѣ, *Эстергази никоимъ образомъ не могъ получить*. Эстергази—человѣкъ сомнительный, не имѣвшій никакихъ техническихъ знаній. Онъ болтунъ, и нельзя допустить, чтобы онъ могъ доставить документы для человѣка столь серьезнаго и основательнаго, какимъ былъ агентъ иностраннаго правительства. Дрейфусъ же, наоборотъ, былъ для него источникомъ вполнѣ подходящимъ, изъ котораго онъ и черпалъ все, что было ему нужно».

Поставивъ прямо вопросъ о виновности Эстергази,—усердно напрашивающагося, за жидовскія деньги, на мѣсто Дрейфуса «изъ своего прекраснаго далека»,—Карьеръ отвѣчаетъ на него: «Я не скажу, чтобы Эстергази былъ совершенно чистъ отъ

Digitized by Google

подозрѣній. Перерыли всю его частную жизнь, далеко не говорящую въ пользу его нравственности; но несомнѣнно только то, что въ рукахъ своихъ **онъ не имѣлъ и не могъ имѣть цѣнныхъ документовъ**; самъ же по себѣ онъ ничего не зналъ».

Но самой любопытной и вѣской частью въ обвинительной рѣчи честнаго офицера, не «продавшаго своей шпаги» жидовскому кагалу (какъ продалъ ему свое перо Эмиль Золя), былъ именно ея финалъ, въ которомъ онъ чистосердечно изложилъ тотъ психологическій процессъ, который совершался въ немъ, когда его призвали къ участію въ осужденіи жида-предателя:

«Я приступилъ къ подробному изученію настоящаго дѣла *съ полнымъ безпристрастіемъ*. Газетъ я не читалъ (и хорошо дѣлалъ! стоитъ ли терять время на чтеніе продажной брехни?). Я *занялся дѣломъ Дрейфуса безъ предвзятаго мнѣнія*. Я сказалъ себѣ, что пересмотръ былъ созданъ Пикаромъ (alter ego Эстергази) и нашелъ, что его слѣдствіе, со всѣми относившимися къ нему выводами и заключеніями, было построено очень ясно. Меня даже осѣнила надежда, что намъ удастся доказать невиновность Дрейфуса и такимъ образомъ оправдать его. *Не было бы никакого неудобства исправить судебную ошибку 1894 г.*, такъ какъ никто не сомнѣвался въ добросовѣстности судей; намъ же предстояло исправленіемъ ихъ невольной ошибки успокоить умы. Но надо было представить доказательства, и я увидѣлъ тогда, что *зданіе Пикара грѣшитъ въ своей основѣ, дающей много трещинъ*. Убѣжденіе въ невиновности Дрейфуса, послѣ выслушанныхъ нами свидѣтельскихъ показаній, уступило во мнѣ мѣсто **увѣренности въ его виновности**, и въ настоящую минуту, по долгу моей совѣсти, я скажу, что **Дрейфусъ — виновенъ** и что слѣдуетъ примѣнить къ нему 76-ую статью военно-уголовнаго устава» [1]).

76-ая статья, примѣненія которой требовалъ добросовѣстный обвинитель, *наказуетъ смертью* всякаго предпринимающаго дѣйствія или вступающаго *въ сношенія съ иностранными державами*, или же съ ихъ агентами, съ цѣлью вызвать съ ихъ стороны непріязненныя дѣйствія или *побудить ихъ къ объявленію войны Франціи*. Но конституція 1848 г., въ силу 5-й статьи, отмѣнила смертную казнь въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ 76-ю статьею уголовнаго устава; законъ же 8-го іюня 1850 г. постановилъ, чтобы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ смертная казнь отмѣняется закономъ 1848 г., *она за-*

[1]) Мы заимствуемъ эту прекрасную, полную достоинства и сдержанности, рѣчь изъ № 190 «Правительственнаго Вѣстника», гдѣ она приведена, къ сожалѣнію, только in extenso, тогда какъ другія рѣчи печатались цѣликомъ.

Digitized by Google

мѣнялась пожизненною ссылкою въ мѣста, обнесенныя укрѣпленною оградою (enceinte fortifieé) и *находящіяся внѣ континентальной территоріи республики*. Въ случаѣ наличности «смягчающихъ обстоятельствъ», пожизненная ссылка въ обнесенныя оградою мѣста замѣняется простою ссылкой или тюремнымъ заключеніемъ.

Судъ, большинствомъ пяти голосовъ надъ двумя, призналъ, какъ извѣстно, фактъ измѣны, но со смягчающими обстоятельствами, а потому и голова Дрейфуса уцѣлѣла на его плечахъ. Но фактъ предательства, дважды подтвержденный военнымъ судомъ, остается непоколебленнымъ, и дрейфусисты,—уже вообразившіе себѣ, что Франція окончательно превратилась въ жидовскую Палестину,—должны бы послѣдовать совѣту президента Лубэ и безпрекословно подчиниться мягкому приговору Реннскаго суда. Теперь изъ газетъ стало извѣстно уже, что и двое судей, настаивавшихъ на допущеніи смягчающихъ обстоятельствъ, имѣли въ виду не строгое правосудіе, которое оказалось всецѣло противъ Дрейфуса, а уступку политическимъ соображеніямъ, въ надеждѣ умиротворить разбушевавшуюся страну... И то дѣлаетъ честь французскимъ военнымъ судьямъ, что даже подъ сильнымъ давленіемъ дрейфусистскаго (а не республиканскаго) правительства, — въ образѣ панамистовъ Лубэ и Вальдека-Руссо, и неоплатнаго должника Галифэ, угождающаго своимъ кредиторамъ,—они не замарали совѣсти и отказались обѣлить ротшильдовскаго протежэ. Это было уже, съ ихъ стороны, актомъ чистѣйшаго гражданскаго мужества. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что военный министръ Галифэ,—запретившій офицерамъ посѣщать засѣданія военнаго суда, какъ только занюхалъ возможность вторичнаго обвиненія,—съумѣлъ бы вознаградить и обвинителя Карьера, и предсѣдателя Жуо за оправдательный приговоръ гораздо щедрѣе, чѣмъ за обвинительный...

Но и двое добродушныхъ судей, примѣшавшихъ политику къ дѣламъ правосудія, уже имѣютъ хорошій поводъ раскаяться въ своемъ излишнемъ мягкосердечіи. Наглая жидова не внемлетъ даже и увѣщанію панамиста Лубэ, и хочетъ убѣдительнѣйшимъ образомъ доказать справедливость давно сложившагося убѣжденія, — выраженнаго, между прочимъ, и нашимъ Грановскимъ, — что «*въ искусствѣ возбуждать ненависть всѣхъ народовъ евреи не знаютъ себѣ соперниковъ*». Какъ только произнесенъ былъ судебный приговоръ надъ жидомъ-офицеромъ, запятнавшимъ честь французской арміи, — еще не попавшіе подъ судъ предатели волками завыли, что они не дадутъ погибнуть своему достойному соплеменнику. И вотъ одновременно ими пущены въ ходъ двѣ пружины. Въ самой Франціи они агитируютъ за *помилованіе* Дрейфуса (въ силу какихъ же добродѣтелей?!), а внѣ ея — «бойкотируютъ» не-

Digitized by Google

счастную страну, впервые давшую имъ гражданскую равноправность, и отговариваютъ всѣ другія европейскія правительства принимать участіе во всемірной парижской выставкѣ 1900 года!! Но помилованіемъ дважды осужденнаго преступника, — хотя бы онъ былъ и не племянникомъ, а роднымъ сынкомъ достойнѣйшаго Ротшильда,—г. Лубэ рискуетъ потерять и послѣдніе остатки уваженія къ президенту, ибо такое помилованіе, декретированное въ сущности жидовскимъ кагаломъ, было бы дерзкимъ оскорбленіемъ и французскаго патріотизма, и чести національной арміи, долготерпѣніе которой можетъ, наконецъ, и истощиться... А послѣдствія новаго переворота во Франціи могутъ быть совершенно неожиданны для Ротшильда съ его великими и малыми раввинами. Давно уже прорывающееся недовольство современнымъ политическимъ режимомъ во Франціи, съ его куклою-президентомъ, лишеннымъ всякой фактической власти, съ его страннымъ правительствомъ, ухитрившимся сочетать такіе несоединимые элементы, какъ представители жидовскаго капитализма и заклятые враги всякаго капитала (напр., соціалистъ Мильеранъ и разстрѣливавшій соціалистовъ генералъ Галифэ)—это недовольство найдетъ себѣ, наконецъ, тотъ или другой выходъ. И не сдобровать пришлымъ паразитамъ,—этимъ подрядчикамъ на всякое правительство, мирволящее талмудизму,—какою бы маской они ни прикрывались, до фригійскаго колпака включительно!..

Что же касается до «бойкотированья» парижской выставки, то продажные негодяи и тутъ уже съѣли грибъ. Нѣкоторые европейскія правительства (въ томъ числѣ и германское) начисто отреклись отъ брызжущихъ бѣшеною слюною жидовскихъ агитаторовъ. Пусть жиды не очень-то разсчитываютъ на «дружбу» германскаго императора, несомнѣнно умнаго и проницательнаго монарха. «Дружба—дружбой, а служба—службой»! *Удружитъ* Франціи, конечно, не мѣшаетъ для блага германской имперіи, — только что возсоединенной, съ прирѣзаніемъ къ ней французской территоріи, — но если жиды похлопочутъ о томъ, чтобы Вильгельмъ II принялъ къ себѣ «дрейфусовъ» въ прусскую военную *службу*, то онъ навѣрное отвѣтитъ категорическимъ отказомъ. Заводить у себя новую «дрейфусіаду» онъ отнюдь не пожелаетъ...

II.

Сто слишкомъ лѣтъ уже миновало со времени провозглашенія во Франціи жидовской равноправности—и великодушный народъ теперь уже вкушаетъ самые вкусные и сочные плоды отъ этого «древа познанія»... не добра и зла, а только одного чистѣйшаго зла. Когда французы провозглашали у себя

Digitized by Google

дома эту злосчастную равноправность, жидовъ во Франціи считалось нѣсколько десятковъ тысячъ, и ютились они въ вонючихъ кварталахъ, заражая воздухъ своимъ присутствіемъ. Не имѣя никакого понятія о священномъ для евреевъ гражданско-политическомъ,—гораздо больше, чѣмъ религіозномъ,—кодексѣ, именуемомъ талмудомъ и шулханъ-арухомъ; не смысля, какъ говорится, «ни уха, ни рыла» въ милыхъ законахъ и правилахъ, предписываемыхъ этимъ кодексомъ правовѣрному жиду; добродушно смѣшивая съ этимъ талмудомъ настоящій «моисеевъ законъ» (нынѣ исповѣдуемый только одними караимами) наивные люди первой французской революціи, въ дружескомъ союзѣ съ продажными краснобаями,—Эмилями Золя, Лабори и Деманжами того времени, — выкрикнули несовсѣмъ корректно (какъ на польскихъ сеймахъ и сеймикахъ) эту злополучную равноправность, приготовляя такимъ образомъ своей странѣ ту преступную буффонаду, которая на нашихъ глазахъ разыгрывалась и еще продолжаетъ разыгрываться въ ихъ несчастномъ отечествѣ. Такая же исторія повторилась—и съ тою же самою некорректностью—въ новѣйшее время, когда членъ правительства народной обороны еврей Кремьё, пользуясь отсутствіемъ своихъ коллегъ, декретировалъ—здорово-живешь — и для Алжира равноправность израиля, при полномъ безправіи мѣстнаго—тоже семитическаго—арабскаго племени. Трудолюбивые и честные семиты были принесены въ жертву семитамъ-талмудистамъ, тунеядцамъ и плутамъ par excellence. Въ концѣ концовъ, въ видѣ благодарности за жидовскую равноправность, первые семиты стали усиленно поколачивать вторыхъ, чѣмъ и отняли право у жидовъ называть своихъ враговъ «антисемитами», тогда какъ они—только «антиталмудисты». Басня о *тожествѣ* варварскаго талмуда съ «моисеевымъ закономъ» уже достаточно опровергнута, съ тѣхъ поръ какъ въ печати стали появляться подлинныя наставленія этого волчьяго кодекса; если же между ними и сохранились нѣкоторыя общія генетическія черты, то, во всякомъ случаѣ, талмудъ, а тѣмъ паче шулханъ-арухъ, могутъ назваться развѣ только «ублюдками», а не законнымъ потомствомъ своего праотца.

Совершенное невѣжество относительно основныхъ принциповъ талмудизма, а отчасти и подкупность нѣкоторыхъ агитаторовъ первой французской революціи, открыли широко дверь жидовскимъ притязаніямъ, и подъ флагомъ «братства, свободы и равенства» **свободно** прошли во французскіе граждане злоумышленные поборники рабства, неравенства и человѣконенавистничества по отношенію ко всему, не носящему талмудической печати. Еслибы на усмотрѣніе главарей первой французской революціи былъ представленъ проэктъ та-

Digitized by Google

кого чудовищнаго сообщества, или кагала, въ которомъ первый пунктъ гласилъ бы, что всѣ непринадлежащіе къ составу этого общества должны считаться «нижеословъ и собакъ», а послѣдующіе пункты утверждали бы, что ихъ браки признаются только животнымъ совокупленіемъ, что въ судебныхъ дѣлахъ на нихъ можно клеветать *даже подъ присягой*, что *все ихъ имущество* принадлежитъ этому разбойничьему сообществу, что съ нихъ можно драть безбожные проценты, надувать и обманывать на каждомъ шагу, что они приговорены къ *вѣчному рабству* у кагальниковъ и что Богъ далъ имъ человѣческій образъ только для того, чтобы кагальникамъ «не противно было» принимать отъ нихъ рабскія услуги,—то эти главари пришли бы, конечно, въ неистовый ражъ и послали бы живымъ манеромъ на гильотину всѣхъ кагальниковъ, ходатайствующихъ объ утвержденіи такого дикаго проэкта!! А люди продажные или запросили бы за свое участіе въ заговорѣ противъ блага народа такую уйму денегъ, какой еще и не было тогда въ рукахъ у жидовскаго кагала, или, сберегая свою собственную шкуру, отказались бы отъ всякихъ хлопотъ по «проведенію» опаснаго проэкта [1]).

Но подъ эгидою «религіозной терпимости» и «свободы совѣсти» кагальники получили полную возможность практиковать свои волчьи инстинкты и насмѣхаться надъ первѣйшими основами человѣческаго общежитія и соціальной нравственности.

Грубая ошибка первой революціи, — зачислившей въ «братья» французскому народу злобныхъ иноплеменниковъ, питающихъ неутолимую вражду ко всему человѣчеству, кромѣ своей драгоцѣнной породы,—эта ошибка сказалась въ скоромъ времени, и уже Наполеонъ I, внимая крестьянскимъ воплямъ изъ Эльзаса и Лотарингіи, вынужденъ было нѣсколько ограничить жидовскую эксплуатацію мѣстнаго населенія. Къ концу же столѣтія со дня провозглашенія этой злосчастной равноправности, извѣстный французскій публицистъ Франциск Сарсэ, напечатавшій гимнъ еврейству въ парижской газетѣ «XIX Siècle», неожиданно для себя, наслушался такихъ комплиментовъ отъ «лучшихъ представителей французской инте-

---

[1]) Подлинныя цитаты изъ талмуда и шулханъ-аруха, въ переводѣ одного изъ петербургскихъ цензоровъ по еврейской литературѣ, были напечатаны въ „Наблюдателѣ“ 1891 г., №№ 4, 5 и 6. Кромѣ того, смотри статью Н. А. Туганъ-Барановскаго (подъ псевдонимомъ Тембе): „Курьезы талмудической мудрости“ („Наблюдатель“ 1892 г., № 11). Вѣрность этихъ цитатъ не была и не могла быть опровергнута ни однимъ жидомъ, какъ бы ни было велико его озлобленіе противъ нашего журнала.

Digitized by Google

ллигенціи», что только развелъ руками и съ грустью признался, что онъ-де «и не подозрѣвалъ подобной силы этого анти-еврейскаго движенія». Въ то же время бывшій префектъ полиціи Андріё прочелъ цѣлую лекцію объ этомъ характерномъ движеніи, причемъ заявилъ, что въ немъ *виноваты сами евреи*, которые стремятся подавить національное чувство въ странѣ и играть въ государствѣ неподобающую роль». А ихъ роль въ государствѣ, благодаря нелѣпой буржуазно-жидовской республикѣ, все росла да росла, такъ что они захватили *цѣлую треть* народныхъ богатствъ, заполонили министерства своими ставленниками, а палату депутатовъ—своими прикащиками, и отмежевали себѣ значительное количество префектскихъ (губернаторскихъ) мѣстъ. Численность іудейскаго племени, за счастливое время третьей республики, возросла чуть ли не вчетверо,—и теперь жидовъ во Франціи считается около милліона на самыхъ выдающихся мѣстахъ общественной жизни, — въ финансовомъ мірѣ, въ администраціи, въ народномъ представительствѣ и въ печати. Французскій государственный банкъ управляется Ротшильдомъ, какъ своею собственною конторою, и онъ, — главный пайщикъ,—получаетъ за свои 182 милліона 20—25 жидовскихъ процентовъ, тогда какъ акціонеры нѣмецкаго имперскаго банка довольствуются, со своими еще неразнузданными апетитами, только 6 годовыми процентами. Не ограничиваясь дурнымъ вліяніемъ на внутреннюю экономическую жизнь страны, французскій государственный (точнѣе: жидовскій) банкъ не разъ уже совалъ свой носъ и въ политику. Наполеона III-го,—въ надеждѣ имѣть въ немъ вѣрнаго раба,—Ротшильдъ ссудилъ 25 милліонами, чтобы опрокинуть республику, и если теперешній безшабашный режимъ пользуется его покровительствомъ, то отнюдь не потому, что онъ якобы «республиканскій», а потому только, что онъ удовлетворилъ жидовскимъ апетитамъ больше, чѣмъ Наполеонъ III и Луи-Филиппъ. До какого возмутительнаго нахальства могутъ доходить зазнавшіеся жиды,—это и показала съ убѣдительнѣйшею наглядностью вся дрейфусовская эпопея. По послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, панамистъ Лубэ,—только что рекомендовавшій Франціи подчиниться приговору суда, — уже готовъ, по указкѣ жидовскаго кагала, «помиловать» Дрейфуса въ то время, какъ онъ совсѣмъ и не думаетъ миловать французскихъ *націоналистовъ*, сажаемыхъ вторично на скамью подсудимыхъ или лишенныхъ огня и воды въ улицѣ Шаброль...

Повторимъ еще разъ, что опасно шутить съ огнемъ, опасно раздражать національное чувство и оскорблять народное войско только за то, что оно не хочетъ терпѣть въ своей средѣ измѣнниковъ и предателей. Взрывъ можетъ быть неожиданный и сильный, такъ что жиды и не соберутъ своихъ костей!!

Digitized by Google

III.

Какъ ни прискорбенъ самъ по себѣ «дрейфусовскій инцидентъ», какъ ни возмутительна эта лакейская брань на французскихъ генераловъ,—повинныхъ только въ томъ, что они еще чувствуютъ себя французами въ этой жидовской вакханаліи, — онъ принесъ, однако, долю пользы не для одной лишь Франціи, но и для всей Европы, для всего міра... Польза состоитъ въ томъ роковомъ предостереженіи, которое звучитъ въ каждомъ эпизодѣ разыгравшагося «позорища», выглядываетъ изъ-за различныхъ масокъ, надѣтыхъ на себя балаганными шутами и скоморохами.

«Memento mori», вытекающее изъ всѣхъ перипетій дрейфусіады, заключается прежде всего въ томъ, что великій грѣхъ передъ своими народами совершаютъ тѣ мнимо-представительныя правительства, которыя, упустивъ изъ вниманія антиобщественное и антигосударственное значеніе талмуда, дали ему право на «законное» существованіе, въ подрывъ дѣйствительнымъ устоямъ всякаго цивилизованнаго человѣческаго общества, въ насмѣшку надъ коренными основами человѣческой нравственности! Одинъ изъ видныхъ антиталмудистовъ, вѣнскій бургомистръ Люгеръ, справедливо говорилъ, что борьба съ жидами становится трудной не потому, чтобы они были «талантливы, трудолюбивы и предпріимчивы»,—какъ хотятъ объяснить сами жиды свои успѣхи,—но потому лишь, что они *въ корнѣ отрицаютъ христіанскую этику* и не отступаютъ ни передъ какими средствами въ борьбѣ. И это замѣчаніе совершенно вѣрно! Въ Лондонѣ, напр., жиды стали было вредить англійской промышленности, сбивая цѣну на трудъ и содержа на «собачьемъ положеніи» своихъ мастеровъ, такъ что даже парламентъ,—вообще снисходительный къ еврейству,—долженъ былъ обуздать эту эксплуатацію, соединенную съ ущербомъ для народнаго здоровья и кармана. То же происходитъ и во всѣхъ другихъ отрасляхъ труда, умственнаго и физическаго: жидъ сбиваетъ цѣну, ухудшая продукты производства; но, уничтоживъ конкурента при помощи подпольнаго кагала, онъ потомъ снова возвыситъ и цѣну, оставляя въ томъ же видѣ качество продуктовъ. Очистить поле для своего экономическаго, а затѣмъ и политическаго, владычества — вотъ первая цѣль всесвѣтной банды... Нынѣшній парламентаризмъ пришелся жидамъ какъ нельзя болѣе на руку,—выражается ли онъ въ формѣ конституціонной монархіи, или парламентарной республики. Въ этихъ «конституціяхъ» жидъ катается, какъ сыръ въ маслѣ. Подкупы на выборахъ якобы-народныхъ представите-

Digitized by Google

лей, подкупы министровъ и видныхъ дѣятелей журналистики—разъ это сдѣлано, и жидъ можетъ играть на правительственной машинѣ, какъ на своихъ домашнихъ цимбалахъ. Онъ и доказалъ это на глазахъ всего свѣта во Франціи, которая уже начинаетъ раздѣлять участь польской республики, гдѣ «круль» игралъ такую же точно жалкую роль, какъ президентъ республики на берегахъ Сены. Евреи только тамъ и не чувствуютъ себя «господами положенія», гдѣ государь (какъ въ Пруссіи) или президентъ (какъ въ Сѣверной Америкѣ) не трепещетъ предъ «парламентскимъ большинствомъ», подтасовываемымъ, какъ карты въ шулерской колодѣ, и не обязанъ выбирать своихъ министровъ по указанію этого, чуть не ежедневно мѣняющагося, большинства.

Понятно, что жиды чувствуютъ къ этому фальшивому представительству «любовь какую-то и страсть»; понятно, что они съ превеликимъ удовольствіемъ готовы были бы обезсилить власть и германскаго императора, и американскаго президента. Но... но прозорливые американцы принимаютъ уже мѣры противъ наплыва къ нимъ бездомовныхъ жидовъ; а германскій императоръ, не смотря на нѣжность нѣкоторыхъ нѣмцевъ (впрочемъ, по большей части, австріаковъ) къ «гонимому племени» вообще и къ эксъ-капитану Дрейфусу въ частности, совсѣмъ не желаетъ пускать такихъ «дрейфусовъ» въ прусскую армію. Зато въ Австріи совсѣмъ ожидовѣла венгерская ея половина, и уже трудно разобрать, гдѣ кончается венгерецъ и начинается жидовинъ. Въ смѣшанныхъ бракахъ, напр., предоставляется родителямъ на выборъ: крестить или обрѣзать, и скоро венгерцевъ никакъ нельзя уже будетъ назвать «дураками... *необрѣзанными*». Всѣ они будутъ обрѣзаны при самомъ рожденіи.

Но изъ всѣхъ европейскихъ странъ только въ одной Россіи,—къ истинному и величайшему ея счастію!—сохранилось не только предубѣжденіе противъ *талмудизма* и его адептовъ, но и закономъ усвоенная правильная точка зрѣнія на него, какъ на *религіозно-политическую секту* (по выраженію компетентнаго члена одной изъ такъ называемыхъ у насъ «еврейскихъ комисій»), *прямо враждебную* интересамъ народа и того государства, гдѣ живутъ евреи. Только у насъ еще, слава богу, живы преданія Петра Великаго, его дочери Елизаветы и Николая Павловича. Эту традицію, по отношенію къ еврейскому вопросу, оживилъ незабвенный императоръ Александръ III, *очистившій* Москву отъ многихъ сотенъ проживавшихъ тамъ евреевъ-тунеядцевъ, не взирая на предстательство разныхъ людей «съ вѣсомъ», выставлявшихъ на видъ якобы финансовыя и экономическія выгоды, приносимыя жидами. Какія это финансовыя и экономическія выгоды (не ростовщичество же, не биржевая игра и не контробанда?!)—про то извѣстно только

Digitized by Google

самимъ предстателямъ, но, во всякомъ случаѣ, Александръ III не внялъ этимъ сладкогласнымъ пѣснямъ сиренъ — и жиды должны были разстаться съ Москвою, хотя, вслѣдствіе поблажки второстепенныхъ властей, успѣли угнѣздиться въ Тулѣ и другихъ, близъ лежащихъ, городахъ. Исполнился все таки завѣтъ Елизаветы Петровны, отвѣтившей на подобное же указаніе якобы-финансовыхъ выгодъ: «отъ враговъ Христова имени *не желаю интересной прибыли*». Съ возсоединеніемъ провинцій, отнятыхъ у насъ Польшею,—намъ по необходимости пришлось *терпѣть* у себя жидовъ, но императрица Екатерина II строго различала «черту еврейской осѣдлости» отъ коренныхъ русскихъ губерній, и ни подъ какимъ видомъ не пускала туда талмудистовъ. Императоръ Николай I продолжалъ смотрѣть на талмудизмъ, какъ на *вредную анти-государственную секту*, и не дѣлалъ ему никакихъ поблажекъ. Въ царствованіе императора Александра II талмудизмъ сыгралъ у насъ ту же игру, какъ во время первой французской революціи, т. е., прикрывшись мантіей «вѣротерпимости», продѣлалъ нѣсколько опасныхъ брешей въ чертѣ еврейской осѣдлости. Но эти бреши (какъ напримѣръ: право евреевъ получать вездѣ «мѣстожительство» по первой купеческой гильдіи, по диплому высшаго учебнаго заведенія и по ремесленническому патенту) отчасти уже задѣлываются въ настоящее время лишеніемъ первогильдейныхъ купцовъ-евреевъ права принимать участіе въ общественныхъ выборахъ, ограниченіемъ числа жидовъ, допускаемыхъ въ университеты, и строгою провѣркою ремесленническихъ свидѣтельствъ. Наше правительство, очевидно, уяснило себѣ исконное стремленіе талмудистовъ сѣсть на шею питающему ихъ народу и, оставивъ «плебсу» тягчайшіе виды физическаго труда (землепашество, вредныя для здоровья фабричныя производства, опасности военной службы и пр.) изобразить изъ себя какую-то *иноплеменную и иновѣрную аристократію*. Физическаго—и особенно тяжелаго—труда жидъ боится, какъ чортъ ладона, и хочетъ *администрировать* народомъ, *судить* его... за проступки противъ всемірнаго израильскаго кагала, и заграбастать въ жидовскіе сундуки всѣ его *финансы*. Поэтому въ конституціонныхъ государствахъ жиды всегда держатъ на откупу три министерства: *внутреннихъ дѣлъ* (администрація и полиція), *юстиціи* (суды и кассаціонныя палаты) и *финансовъ* (банки и биржи). У насъ, гдѣ еще нѣтъ парламентскаго правительственнаго большинства и гдѣ кагалу не предоставлено права,—о которомъ они только «мечтаютъ»,—сажать *своихъ* министровъ, ихъ подвохи ограничиваются болѣе скромными размѣрами. Тѣмъ не менѣе, въ ожиданіи еще бо́льшихъ благъ,—на которыя жиды усердно разсчитываютъ,—кагалъ уже успѣлъ мѣстами, въ чертѣ осѣдлости

Digitized by Google

(какъ напр., въ Радомѣ, губернскомъ центрѣ), добиться водворенія *своей жидовской полиціи*, которую и пришлось гуртомъ отдавать подъ судъ. Въ Минскѣ кагальные жиды подвергли истязанію русскій военный патруль, очевидно, вспомнивъ примѣръ избіенія римской когорты въ Римѣ, во времена императора Тита...

Но что̀ уже предоставлено у насъ и теперь почти полному господству жидовскаго кагала—это сфера печати, для которой давно уже разрушена черта еврейской осѣдлости. При В. В. Григорьевѣ,—еще оказывавшемъ нѣкоторую поддержку національному направленію и смотрѣвшему трезвыми глазами на «еврейскій вопросъ» [1]),—жиды еще не хозяйничали въ русской печати, хотя уже и пробовали пролагать въ нее ходы. Но, со вступленіемъ г. Феоктистова на постъ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, положеніе дѣлъ круто измѣнилось. Начальникъ печати, въ бесѣдѣ съ редакторами антиталмудическихъ органовъ, начисто отрицалъ существованіе у насъ «еврейскаго вопроса» (вопреки даже признанію еврейскаго «Сѣвернаго Вѣстника») и видѣлъ въ жидахъ чуть ли не желательный элементъ для восполненія рядовъ русской прессы... Такимъ образомъ, прикрываясь всяческимъ гримомъ и прячась подъ всевозможныя маски, — начиная отъ обскурантно-патріотической и кончая либерально-космополитической,—жидовскіе «лидахтуры» и «издаватели» прибрали къ своимъ рукамъ почти все, такъ называемое, «общественное мнѣніе» на Руси и, долбя капля за каплей, силятся увѣрить, что Россія ничего такъ не желаетъ, какъ повсемѣстнаго жидовскаго нашествія, и ничего такъ не ждетъ, какъ удовольствія носить на головѣ «цыцѣлы-прицѣлы», кушать «мацу-цацу» и купаться въ вонючей «миквѣ-тыквѣ»,—какъ называютъ смѣхотворно въ народѣ жидовскій ритуалъ.

Знаменитый въ своемъ еврейскомъ муравейникѣ, Мозе Монтефіоре, полвѣка тому назадъ, давалъ мудрый совѣтъ своему племени: «Напрасно вы монополизируете капиталы, торговлю и пр. Пока мы (т. е. жиды) *не завладѣемъ періодическою печатью* и не будемъ имѣть въ своихъ рукахъ газетъ всего міра—до тѣхъ поръ *наши мечты о владычествѣ* (откровенное признаніе!!) останутся пустою химерою».

И вотъ, чтобы эти прекрасныя «мечты» — обратить все человѣчество въ жидовское *быдло*—не остались «пустою химерою», достойные ученики Мозе подкупили или терроризировали въ свою пользу всю періодическую печать. На Руси,

[1]) Его прекрасное мнѣніе по этому вопросу можно найти въ „Матеріалахъ комисіи по устройству быта евреевъ". Спб., 1879 г. Изд. министерства вн. дѣлъ.

Digitized by Google

въ настоящее время, гораздо легче сосчитать по пальцамъ тѣ органы, которые не продались жидовскому кагалу или не запуганы имъ, чѣмъ тѣ (ихъ что̀ песку морскаго!) которые не пренебрегли жидовскими сребренниками или не «отпраздновали трусу»...

Хорошею мѣркою для опредѣленія *настоящей національности* якобы-русскаго органа (даже обставленнаго «для прилику» русскими именами) служитъ опять таки тотъ же процессъ Дрейфуса, изъ котораго жиды сдѣлали, такъ сказать, своего боеваго коня.

«Новости», напр., видятъ во вторичномъ обвиненіи жида-предателя—«*посрамленіе Франціи*» (!!!) и, слѣдуя приказу своего кагала, рекомендуютъ бойкотировать ее на парижской всемірной выставкѣ (№ 240); «Биржевыя Вѣдомости», — хотя и редактируемыя нашимъ бывшимъ сотрудникомъ І. І. Ясинскимъ, но *издаваемыя* г. Проппероиъ,—именуютъ обвинительный приговоръ надъ Дрейфусомъ—«юридическимъ убійствомъ» (№ 239), «Сынъ Отечества» (якобы *русскаго*) проливаетъ крокодиловы слезы, а петербургскіе «Осколки» и московское «Развлеченіе» (кого только оно *развлекаетъ*?!) печатаютъ убійственныя «подкаретныя» сатиры на французскихъ генераловъ, не желающихъ облачаться въ жидовскіе лапсердаки и носить пейсы, какъ уже носятъ ихъ въ ожидовленной Австріи. Одна новорожденная петербургская газета (съ которой чистокровно-жидовскій «Одесскій Листокъ», подѣлился даже такимъ драгоцѣннымъ сотрудникомъ, какъ г. Дорошевичъ, тоже проливающій о Дрейфусѣ «токи слезные»)—даже и эта газета, еще стыдящаяся записываться окончательно въ жидовскій лагерь и все играющая на «канканерціо» съ одной наиболѣе распространенной газетой *не*-еврейскаго типа,—побѣжала пѣтушкомъ-пѣтушкомъ за «Новостями», погладила по головкѣ французскаго министра внутреннихъ дѣлъ Вальдека-Руссо за расторопность и натискъ въ пользу жидовъ, и порекомендовала—отпустить великомученика-шпіона на всѣ четыре стороны... Теперь эта газета можетъ быть довольна: еврейскій президентъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, «помиловалъ» Дрейфуса (!!)—и въ то время, какъ *націоналистъ* Геренъ сдался на капитуляцію и сидитъ въ тюрьмѣ, носящей какъ бы въ насмѣшку названіе: «Santé» (здоровье),—помилованный шпіонъ катитъ на всѣхъ парахъ, свободный, хотя и разжалованный, вонъ изъ своего «показнаго отечества» — Франціи!! За границею ему, вѣроятно, будетъ лучше жить, чѣмъ Герену и Деруледу во Франціи... Жиды настойчиво преслѣдуютъ всякій націонализмъ, кромѣ жидовскаго, и всѣ религіи, кромѣ своего великолѣпнаго талмудизма.

Одновременно съ процессомъ Дрейфуса во Франціи, Максъ Нордау, наивно радѣя о возможности для жидовъ создать свое

Digitized by Google

отечество и свою территорію въ Палестинѣ, призываетъ сіонистовъ—уйти изъ Европы, *наказавъ* ее за недостаточное гостепріимство. Ахъ, еслибы сіонисты исполнили это пламенное желаніе и избавили насъ отъ своего заражающаго присутствія!! Но жиды не глупы по своему и отнюдь не пожелаютъ промѣнять цвѣтущіе берега Сены, Рейна, Дуная и Волги—на пустынныя степи Іордана. Развѣ что ихъ «попросятъ честью» уйти, куда хотятъ, и основать диковинное самостоятельное «государство»—изъ однихъ биржевиковъ, банкировъ, министровъ, префектовъ, депутатовъ и журналистовъ, съ рабами-землепашцами и изможденными фабричными «гоимскаго» племени...

Князь Тенерифскій.

Digitized by Google

Вторичное осуждѳніѳ.

«Получивъ гонораръ неумѣренный,
Возглашалъ мой присяжный повѣренный:
«Передъ вами стоитъ гражданинъ
Чище снѣга альпійскихъ вершинъ».

Некрасовъ.

Получивъ гонораръ отъ кагала,
Лаборй, приподнявши забрало,
Повторялъ, безъ стыда и безъ совѣсти,
Всѣ жидовскія подлыя повѣсти:
Что «кліентъ чистоты изумительной
Оклеветанъ былъ сплетней губительной;
Не прохвостъ онъ, не жуликъ, не воръ—
И—увы!—угодилъ подъ запоръ».

Но напрасны всѣ пѣсни сирены:
Скрыть нельзя злополучной измѣны.
У Дрейфуса смягчился задоръ—
И опять онъ идетъ подъ запоръ!

Не-талмудистъ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ № 9-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА:

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

		Стран.
I.	Въ семьѣ Востоковыхъ. Романъ А. Мартынова . . .	7
II.	Артисткѣ. Стихотвореніе А. Мейснера.	61
III.	По уралу, среди башкиръ. С. Рыбакова	62
IV.	На мотивъ изъ Верлэна. Стихотвореніе П. Петровскаго.	89
V.	Подъ старой грушей. Разсказъ С. Лаврентьевой . .	90
VI.	На югѣ. Стихотвореніе К. Бальмонта.	111
VII.	На краю пропасти. Повѣсть Поля Буржэ.	112
VIII.	Болѣзненность и смертность русскаго народа. Д. П. Райскаго.	144
IX.	Ночь. Стихотвореніе К.	170
X.	Къ вопросу объ интеллигентномъ пролетаріатѣ. Н. фонъ-Гука.	171
XI.	Наша журналистика. Homo Novus.	181
XII.	Два стихотворенія. К. Ч.	198
XIII.	Пауперизмъ въ Парижѣ. (По изслѣдованіямъ д'Оссонвиля). (*Окончаніе*)	199
XIV.	Разбитая жизнь. (Mater Dolorosa). Романъ Джероламо Роветты	240
XV.	Прощаніе съ молодостью. Стихотвореніе Л. Афанасьева .	320
XVI.	Государственный актъ первостепенной важности. Ѳ. П. Еленева.	321

Современное обозрѣніе.

XVII.	Политическая хроника	1
XVIII.	Новыя книги.	21
XIX.	Наши внутреннія дѣла	30
XX.	Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). 1) «По бѣлу свѣту». (Замѣтки и наблюденія). Князя Тенерифскаго. . .	50
	2) Стихотвореніе Не-талмудиста	65

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы вѣрно направлять книги журнала. Въ противномъ случаѣ, Редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, Редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ Газетная Экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. При жалобѣ должно быть приложено удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книга, дѣйствительно, не доставлена по адресу. Жалобы должны присылаться *непосредственно* въ Главную Контору. Утраченный не по винѣ Редакціи экземпляръ высылается вторично подписчику, заказной бандеролью, за 1 руб. 25 коп. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ и, при каждомъ заявленіи, прилагать *пять семикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ* за напечатаніе новаго адреса. Перемѣна адреса должна быть получена въ Главной Конторѣ *не позже 20-го числа* каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный, уплачивается 2 руб.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—1 р. Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору Редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ Редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока,— если не будутъ потребованы обратно, — уничтожаются. *Статьи менѣе 200 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются.* По поводу доставляемыхъ стихотвореній, Редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей (свыше 200 листовъ) иногороднымъ, должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказной бандеролью. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія *точныхъ* условій гонорара, считаются безплатными или оплачиваются по усмотрѣнію Редакціи (съ платою за всю рукопись). Рукописи должны быть присылаемы въ Редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами* и *бандеролями*. Рукописи, принятыя *безъ указанія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по назначенію Редакціи. По усмотрѣнію Редакціи, рукописи подвергаются сокращенію и измѣненію. Статьи неизвѣстныхъ Редакціи авторовъ, за которыя гонораръ не былъ потребованъ *въ теченіе полугода со времени напечатанія*, признаются безплатными. Гонораръ за статьи, раздѣленныя на нѣсколько книгъ, разсчитывается по окончаніи печатанія. 7) Контора открыта: съ 1-го октября по 1-е мая— отъ 12 до 4 часовъ пополудни, въ остальное же время года—до 3 час., *кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ Редакціи—по четвергамъ, отъ часу до двухъ.* 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу—25 руб., за 1/2 стр.—13 руб., и за 1/4 стр.—7 р. 9) Конторы газетъ и журналовъ, печатающихъ наши публикаціи, приглашаются доставлять свои счеты въ Редакцію *не позже полугода со дня напечатанія:* иначе теряется возможность контроля надъ правильностью уплаты. 10) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ*: 25-го числа, отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ пополудни. Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то выдачи отлагаются до слѣдующаго будничнаго дня. *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА, НА 1900 Г., НА ЛИТЕР.-ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ XIX. **„НАБЛЮДАТЕЛЬ“** ГОДЪ XIX.

Вступая въ девятнадцатый годъ своего существованія, журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей, въ томъ же *прогрессивно-національномъ* направленіи.

«НАБЛЮДАТЕЛЬ» выходитъ ежемѣсячно, **безъ предварительной цензуры**, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

Въ 1896 г., для подписчиковъ нѣкоторыхъ категорій, была сдѣлана скидка въ размѣрѣ 2 руб. съ годовой платы. Въ слѣдующемъ же году редакція нашла возможнымъ сбавить подписную цѣну для всѣхъ подписчиковъ безъ различія и приложить иллюстраціи.

Годовая цѣна: 12 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и пересылкою иногороднымъ; за границу—14 р. **За полгода:** 6 руб. съ доставкою и пересылкою въ Россіи; за границу—7 р. **За три мѣсяца:** 3 руб. съ доставкою и пересылкою въ Россіи; за границу — 4 руб. **За одинъ мѣсяцъ:** 1 р. съ перес. въ Россіи; за границу—1 р. **50** к. Гг. служащимъ разсрочка (мѣсячная и по третямъ) за поручительствомъ казначеевъ. Книгопродавцамъ уступка—50 коп. съ годов. экз. При подпискѣ полугодовой, уступки не полагается.

Въ вышедшихъ книгахъ журнала за текущій годъ (№№ 1—9) помѣщены портреты: статсъ-секретаря *Ѳ. П. Корнилова*, члена Государственнаго Совѣта *М. Н. Галкина-Врасскаго*, *М. Е. Салтыкова*, *Н. Н. Брусницына* (основателя «Дома призрѣнія» въ Петербургѣ) и *А. П. Пятковскаго* (къ сорокалѣтію литературной дѣятельности).

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи: Колокольная ул. (на углу Николаевской) д. № 18/19, въ конторѣ «Новаго Времени» и во всѣхъ извѣстныхъ книжн. магазинахъ (Вольфа, Цинзерлинга, Риккера, Стасюлевича и др.); въ *Москвѣ*—въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи), и въ отдѣленіи конторы «Новаго Времени»; въ *Одессѣ*—въ книжныхъ магазинахъ Распопова и «Нов. Времени»; въ *Кіевѣ*—въ кн. магазинахъ Оглоблина, Идзиковскаго и Литова; въ *Харьковѣ* и *Саратовѣ*—въ кн. магазинахъ «Нов. Времени».

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала на почту только передъ лицами, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

Подписка на текущій годъ продолжается.

Подписавшіеся получаютъ всѣ вышедшія книги.

Возобновленіе газеты **«ГЛАСНОСТЬ»** отлагается. Право на возобновленіе газеты продолжено до 1-го мая 1900 г. Подписчики, не приславшіе до 1-го апрѣля своихъ отвѣтовъ на запросъ редакціи, получаютъ журналъ **«НАБЛЮДАТЕЛЬ»**, со скидкою 2 р. съ годовой платы.

Редакторъ-Издатель **А. П. ПЯТКОВСКІЙ.**

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.

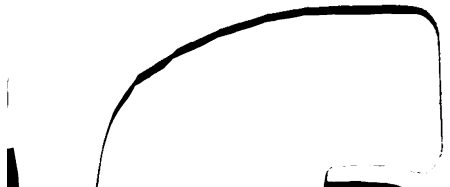
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google



Digitized by Google